

ISSN 2078-8975

Выпуск / Issue
№3 (51) / 2012

ВЕСТНИК BULLETIN

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

Биология
История
Математика
Педагогика
Политические науки
и социология

Психология
Филология
Философия
Экономика
Юриспруденция

ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Журнал теоретических и прикладных исследований
Издается с 1999 г.

№ 3 (51) 2012

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий», в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук Высшей аттестационной комиссии

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Свиридова И. А. – д-р. медицинских наук, ректор КемГУ, председатель совета (г. Кемерово, Россия);
Аникин А. Е. – д-р филол. наук, чл.-корр. РАН, Институт филологии РАН (г. Новосибирск, Россия);
Афанасьев К. Е. – д-р физ.-мат. наук, проф., проректор по научной работе и информатизации КемГУ (г. Кемерово, Россия);
Бабич М. – д-р юрид. наук, проф. Баня-Лукского университета (г. Баня Лука, Сербия);
Захаров Ю. А. – д-р хим. наук, проф., чл.-корр. РАН, зав. кафедрой твердого тела КемГУ (г. Кемерово, Россия);
Конторович А. Э. – д-р геол.-минерал. наук, академик РАН, председатель Президиума Кемеровского научного центра СО РАН (г. Новосибирск, Россия);
Кремер Р. – д-р, проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала «Weltrends» (г. Потсдам, Германия);
Лаврик О. И. – д-р хим. наук, чл.-корр. РАН, Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН (г. Новосибирск, Россия);
Милошевич Х. – проф. природно-математического факультета Сербского университета (г. Косовска Митровица, Сербия);
Молодин В. И. – д-р истор. наук, академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск, Россия);
Пихица П. В. – Ph. D., с.н.с. Сеульский национальный университет (г. Сеул, Южная Корея);
Суслов В. И. – д-р экон. наук, чл.-корр. РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (г. Новосибирск, Россия);
Чистякова С. Н. – д-р пед. наук, чл.-корр. РАО, академик-секретарь РАО (г. Москва, Россия);
Шокин Ю. И. – д-р физ.-мат. наук, академик РАН, Институт вычислительных технологий СО РАН (г. Новосибирск, Россия);
Юревич А. В. – д-р психол. наук, чл.-корр. РАН, Институт психологии РАН (г. Москва, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Афанасьев К. Е. – д-р физ.-мат. наук, проф., главный редактор, Председатель;
Араева Л. А. – д-р филол. наук, проф.;
Бибило В. Н. – д-р юр. наук, проф. (Беларусь);
Бобров В. В. – д-р ист. наук, проф.;
Данилов Н. Н. – д-р физ.-мат. наук, проф.;
Желтов В. В. – д-р филос. наук, проф.;
Зеленин А. А. – д-р полит. наук, проф.;
Казин Э. М. – д-р биол. наук, проф.;
Касаткина Н. Э. – д-р пед. наук, проф.;
Лушникова Г. И. – д-р филол. наук, доцент;
Мороз А. А. – д-р хим. наук, проф.;
Невзоров Б. П. – д-р пед. наук, проф., отв. редактор;
Поплавной А. С. – д-р физ.-мат. наук, проф.;
Соколова Я. – канд. филол. наук, проф. (Словакия);
Черненко Т. Г. – д-р юр. наук, проф.;
Шабашев В. А. – д-р экон. наук, проф.;
Шадрин А. В. – д-р техн. наук, проф.;
Щенников В. П. – д-р филос. наук, проф.;
Яницкий М. С. – д-р психол. наук, проф.

Редактор выпуска – Л. М. Борискина
Компьютерная верстка – В. А. Шерина

BULLETIN OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

Journal of theoretical and applied research
Founded in 1999

№ 3 (51) 2012

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission

FOUNDER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

EDITORIAL ADVISORY BOARD:

Irina A. Sviridova, Dr. of Medicine, Rector of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Chair;
Alexander E. Anikin, Dr. of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia);
Konstantin E. Afanasyev, Dr. of Physics and Mathematics, Vice-Rector for Science and Informatization of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia);
Milos Babic, Dr. of Law, Professor at Banja Luka University (Banja Luka, Serbia);
Yury A. Zakharov, Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Chemistry of Solids of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia);
Alexey E. Kontorovich, Dr. of Geography and Mineralogy, Academician of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the Presidium of Kemerovo Scientific Centre of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Kemerovo, Russia);
Raimund Kraemer, Dr., Professor at Potsdam University, Editor-In-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany);
Olga I. Lavrik, Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Chemical Biology and Fundamental Medicine of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia);
Hranislav Milosevic, Professor at the Faculty of Science and Mathematics of the University in Pristina, President of Impex Company (Kosovska Mitrovica, Serbia);
Vyacheslav I. Molodin, Dr. of History, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia);
Peter V. Pikhitsa, Ph.D., senior researcher at Seoul National University (Seoul, South Korea);
Viktor I. Suslov, Dr. of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia);
Svetlana N. Chistyakova, Dr. of Pedagogic, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Academic Secretary of the RAE (Moscow, Russia);
Yury I. Shokin, Dr. of Physics and Mathematics, Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of Computational Technologies of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia);
Andrey V. Yurevich, Dr. of Psychology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

EDITORIAL BOARD:

Konstantin E. Afanasyev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Editor-in-Chief – Chair;
Lyudmila A. Araeva – Doctor of Philology, Professor;
Valentina N. Bibilo – Doctor of Law, Professor (Belarus);
Vladimir V. Bobrov – Doctor of History, Professor;
Nikolay N. Danilov – Doctor of Physics and Mathematics, Professor;
Viktor V. Zheltov – Doctor of Philosophy, Professor;
Alexey A. Zelenin – Doctor of Political Science, Professor;
Eduard M. Kazin – Doctor of Biology, Professor;
Nataliya E. Kasatkina – Doctor of Pedagogic, Professor;
Galina I. Lushnikova – Doctor of Philology, Associate Professor;
Alexander A. Moroz – Doctor of Chemistry, Professor;
Boris P. Nevzorov – Doctor of Pedagogic, Professor, Executive Editor;
Anatoliy S. Poplavnoy – Doctor of Physics and Mathematics, Professor;
Yana Sokolova – Candidate of Philology, Professor (Nitra, Slovakia);
Tamara G. Chernenko – Doctor of Law, Professor;
Vladimir A. Shabashev – Doctor of Economics, Professor;
Alexander V. Shadrin – Doctor of Technical Science, Professor;
Vladimir P. Shchennikov – Doctor of Philosophy, Professor;
Mikhail S. Yanitskiy – Doctor of Psychology, Professor.

Issue editor – L. M. Boriskina
Computer layout – V. A. Sherina

Журнал издается по решению научно-методического и редакционно-издательского советов федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».

Выходит 1 раз в квартал

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации:
ПИ ФС77-40023 от 04.06.2010 г.

Адрес редакции:

650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, к. 1225
Тел.: (3842)58-28-39, 58-80-24
Факс: (3842)58-38-85
E-mail: keafa@kemsu.ru, vestnik@kemsu.ru
Адрес сайта:
http://www.kemsu.ru/kemsu_info/science/bulletin.htm

Адрес издателя:

650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6
Тел.: 8(3842) 58-28-39
Факс: 8(3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Подписные индексы:

Объединенный каталог «Пресса России» – 42150
Каталог российской прессы «Почта России» – 51944

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в реферативную базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

<http://elibrary.ru>

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Printed by the decision of Scientific Methodical Council and Editorial Publishing Council of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

It is issued once a quarter

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

Certificate of registration is:
ПИ ФС77-40023 of 04.06.2010

Address of the Editorial Office:

650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St., room 1225,
Tel.: 8 (3842) 58-28-39, 58-80-24
Fax: 8 (3842) 58-38-85
E-mail: keafa@kemsu.ru, vestnik@kemsu.ru
Web-site:
<http://www.kemsu.ru/science/bulletin.htm.en>

Address of the publisher:

650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St.
Tel.: (3842) 58-28-39,
Fax: (3842)58-12-26,
E-mail: rector@kemsu.ru

Subscription indices:

Union catalogue “The Press of Russia” – 42150
Catalogue of Russian press “The Post of Russia” – 51944

The Bulletin is provided for free access on the site of the Russian Universal Scientific Electronic Library and included into the abstract database "Russian Index of Scientific Citation" (RISC).

<http://elibrary.ru>

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

СОДЕРЖАНИЕ/CONTENTS

БИОЛОГИЯ 8 <i>Заушинцева А. В., Зеренкова Н. Б.</i> Механический состав грозди и урожай винограда в условиях Кемеровской области 11 <i>Ковалевский А. В., Ильяшенко В. Б.</i> Очередность пролёта молодых и взрослых птиц во время осенней миграции различных групп воробьинообразных 17 <i>Скалон Т. Н., Скалон Н. В.</i> Материалы по фауне стрекоз (insecta, odonata) Кузнецко-Салаирской горной области и прилежащих районов Западно-Сибирской равнины ИСТОРИЯ 22 <i>Аракелова А. О.</i> К вопросу о становлении общего музыкального образования и воспитания в рамках системы музыкального образования в период 1917 – 1930 гг. 25 <i>Астапенко С. С.</i> Разработка проекта нового университетского устава в годы Столыпинских реформ 30 <i>Баев О. В.</i> Внешний государственный долг Российской империи в годы премьерства П. А. Столыпина (1906 – 1911) 36 <i>Белянин Д. Н.</i> Ссудная помощь сибирским переселенцам в конце XIX – начале XX вв. 41 <i>Блинов А. В.</i> Разработка проекта по введению всеобщего начального обучения в годы Столыпинских реформ и его реализация на территории Западно-Сибирского учебного округа 44 <i>Волчек В. А.</i> Правительственная политика по вопросу заселения Сибири в середине XIX века 47 <i>Генина Е. С.</i> Еврейские общины Хабаровского края в середине 1940-х – начале 1950-х гг. (анализ в контексте политической ситуации) 51 <i>Гизей Ю. Ю.</i> Школьное строительство в переселенческих поселках в 1906 – 1913 гг. (на примере Томского переселенческого района) 54 <i>Дорофеев М. В., Семиколонов М. В.</i> Влияние природно-географического фактора на переселение в Сибирь в годы Столыпинской аграрной реформы 58 <i>Ермолаев А. Н.</i> Визит П. А. Столыпина в Мариинск в сентябре 1910 года 61 <i>Звягин С. П., Макаrchук С. В.</i> Российская политическая полиция: совершенствование розыскной деятельности в центре и на местах в XVI – нач. XX веков 67 <i>Звягин С. П., Курачев О. В., Макаrchук С. В.</i> Борьба антибольшевистских правительств на востоке России со спекуляцией (1918 – 1919 гг.) 71 <i>Зинякова В. М.</i> Правила о переселении на казенные земли (1906 г.): организация процесса и льготы государства в преддверии Столыпинской реформы 74 <i>Исакова Е. Г.</i> Деятельность Столыпинского правительства по профессиональной подготовке учителей и учительниц средних учебных заведений (на примере Западно-Сибирского учебного округа)	BIOLOGY 8 <i>Zaushintsena A. V., Zerenkova N. B.</i> Mechanical structure of the bunch and crops of grape in Kemerovo region 11 <i>Kovalevsky A. V., Ilyashenko V. B.</i> Sequence of flight of young and adult birds during autumn migration of various perching birds groups 17 <i>Skalon T. N., Skalon N. V.</i> Same data on the fauna of odonata in the Kuznetsk-Salair mountainous region and neighbouring region of the West Siberian Plain HISTORY 22 <i>Arakelova A. O.</i> To the issue of establishing general musical education and upbringing in the framework of the system of musical education during 1917 – 1930 25 <i>Astapenko S. S.</i> Working out the project of the new university charter in the years of Stolypin's reforms 30 <i>Baev O. V.</i> The Russian external government debt in P. A. Stolypin's premiership period (1906 – 1911) 36 <i>Belyanin D. N.</i> Loan assistance to Siberian settlers in the late XIXth – early XXth centuries 41 <i>Blinov A. V.</i> Developing the project for introducing universal basic education during Stolypin's reforms period and the realization of this project in the West Siberian Educational District 44 <i>Volchek V. A.</i> Government policy on the issue of settlement of siberia in the middle of the XIXth century 47 <i>Genina E. S.</i> The jewish communities in Khabarovsk region in the middle of the 1940s – early 1950s (analysis within the framework of the political situation) 51 <i>Gizey Yu. Yu.</i> School building in resettlement townships in 1906 – 1913 (the example of Tomsk resettlement district) 54 <i>Dorofeev M. V., Semikolenov M. V.</i> The influence of natural-geographic factor on resettlement in Siberia during Stolypin's agrarian reform 58 <i>Ermolaev A. N.</i> P. A. Stolypin's visit to Mariinsk in September 1910 61 <i>Zvyagin S. P., Makarchuk S. V.</i> The russian political police: improvement of investigative activities in the center and in the XVIth – early XXth centuries 67 <i>Zvyagin S. P., Kurachev O. V., Makarchuk S. V.</i> The anti-bolshevik governments' struggle against speculation in the east of Russia (1918 – 1919) 71 <i>Zinyakova V. M.</i> The 1906 «Regulations for resettlement on state land»: the process organization and state benefits preliminary to Stolypin's reform 74 <i>Isakova E. G.</i> The activities of Stolypin's government regarding the professional training of male and female secondary school teachers (the example of the West-Siberian educational district)

- 79 **Карпинец А. Ю.** К вопросу реализации и финансового обеспечения процесса перемещения переселенцев в Сибирь в начале XX века (на примере Томской губернии)
- 85 **Карпинец А. Ю., Морозов Н. М.** Этатизм и колониционная политика в Томской губернии (1906 – 1911)
- 92 **Насонов А. А., Мартынов А. И.** Внешнеполитические факторы распространения ламаизма на территории Алтае-Саянского региона в конце XIX – начале XX вв.
- 97 **Ратушная Я. Ю., Михайлов Ю. И.** Органы управления физической культурой и спортом в 1991 – 2007 гг. (региональный аспект)
- 101 **Терехов О. Э. Э. Ю.** Юнг как идеолог «консервативной революции» в освещении германской историографии
- 105 **Ултургашева Н. Т., Егле Л. Ю.** Методологические проблемы исследования традиций и новаций в музыкальном фольклоре Сибири

МАТЕМАТИКА

- 110 **Данилов Н. Н.** Математическая модель менеджмента в условиях неопределенности в форме динамической игры с природой

ПЕДАГОГИКА

- 115 **Борисенко Е. Н.** Педагогическое сопровождение формирования социальной компетентности студентов: содержание и этапы
- 121 **Борисенко Е. Н.** Критериально-уровневое оценивание социальной компетентности студентов
- 127 **Жигалова И. А.** Проектирование системы менеджмента качества подготовки государственных и муниципальных служащих в вузе
- 131 **Невзоров Б. П., Ерёмин В. В.** Личностная структура субъектов межкультурной коммуникации и их взаимодействие
- 135 **Осипова С. И., Янченко И. В.** Карьерная компетентность как предмет педагогического исследования
- 141 **Пьянкова Л. А., Бобриков В. Н.** Проблема одиночества в молодежной студенческой среде
- 146 **Усачев В. А., Жуков Р. С.** Педагогические условия формирования готовности студентов учреждений среднего профессионального образования к сохранению и укреплению здоровья
- 150 **Халыпина Л. П., Анохина Н. В.** Характеристика образовательных ресурсов Интернет-среды и возможности их применения в профессиональной подготовке учителя

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ И СОЦИОЛОГИЯ

- 154 **Андреев А. В.** «Публичная политика Online» и проблема управления политическими резонансами
- 158 **Зеленин А. А., Леухова М. Г.** Роль неполитических молодежных объединений в формировании гражданского общества
- 162 **Малахов И. С.** Международное гуманитарное право: дефиниция и содержание (политологический аспект)

ПСИХОЛОГИЯ

- 169 **Ахпашева И. Б.** Использование информационных и коммуникационных технологий в жизненном самоопределении молодых людей с инвалидностью по зрению
- 173 **Брель Е. Ю.** Проблема изучения алекситимии в психологических исследованиях

- 79 **Karpinets A. Yu.** To the question of realization and financial maintenance of the process of moving settlers to Siberia in the early XXth century (the example of Tomsk province)
- 85 **Karpinets A. Yu., Morozov N. M.** Statism and colonization in Tomsk province (1906 – 1911)
- 92 **Nasonov A. A., Martynov A. I.** Foreign factors of Lamaism expansion in the Altai-Sayan region in the late XIXth – early of XXth centuries
- 97 **Ratushnaya Ya. Yu., Michaylov Yu. I.** Authorities of physical training and sport in 1991 – 2007 (regional aspect)
- 101 **Terekhov O. E. E. J.** Jung as an ideologist of the «Conservative Revolution» in the appraising of german historiography
- 105 **Ulturgasheva N. T., Egle L. Y.** Methodological problems of researching traditions and innovations in Siberian folk music

MATHEMATICS

- 110 **Danilov N. N.** Mathematical model of management under conditions of uncertainty in the form of dynamical game with nature

PEDAGOGICS

- 115 **Borisenko E. N.** Educational support of students' social competence formation: content and stages
- 121 **Borisenko E. N.** Criterion and level assessment of students' social competence
- 127 **Zhigalova I. A.** Quality management system projecting in the course of state and municipal employees' university education
- 131 **Nevzorov B. P., Eremin V. V.** Personal structure of the subjects in the intercultural communication and their interaction
- 135 **Osipova S. I., Yanchenko I. V.** Career competence as the object of educational research
- 141 **Pjankova L. A., Bobrikov V. N.** The problem of loneliness in the youth students' environment
- 146 **Usachev V. A., Zhukov R. S.** The pedagogical conditions of forming professional colleges students' readiness to health maintenance and strengthening
- 150 **Khalyapina L. P., Anokhina N. V.** Educational resources of the Internet and their usage in the process of teacher training

POLITICAL SCIENCE AND SOCIOLOGY

- 154 **Andreev A. V.** Public Policy Online and Problems of Political Resonances Management
- 158 **Zelenin A. A., Leukhova M. G.** The role of non-political youth associations in the formation of a civil society
- 162 **Malakhov I. S.** International Human Law: definition and content (politological aspect)

PSYCHOLOGY

- 169 **Akhpasheva I. B.** The usage of information and communication technologies for life determination of eyesight disabled young people
- 173 **Brel E. Yu.** The problem of studying alexithymia in psychological research

ФИЛОЛОГИЯ

- 177 **Антипов А. Г.** Суперморфемные форманты и их роль в диалектном словообразовании
- 180 **Джаманова Н. В.** Нарушение внутренней валентности слова как механизм образования языковых аномалий (на материале произведений англоязычных писателей-постмодернистов)
- 184 **Карагодин А. А.** Оппозиция знания и мнения в лингвистике и лингвистической экспертологии
- 190 **Киуру К. В.** Пресс-релиз для социальных медиа как источник информации в спортивной журналистике
- 193 **Месеняшина Л. А.** Существуют ли жанры похвалы, лести и т. п.?
- 197 **Павлов А. М.** Событие рассказывания в современной отечественной монодраме (на материале пьесы Е. Исаевой «Про мою маму и про меня»)
- 202 **Петрунина С. П.** Цетера в среднеобских словарях
- 206 **Строилова А. Г., Тукмакова О. П.** Стратегии перевода на русский язык элегии Т. Грея “Elegy written in a country church-yard”
- 210 **Трофимова Е. Б.** Когнитивный потенциал языка, порождаемый рассогласованностью в проявлении «творческой активности» знаковых составляющих
- 214 **Фомин А. Г.** Гендерные различия в агрессивном речеситуативном поведении носителей русского и английского языков (по материалам экспериментального исследования)
- 219 **Фоминская С. П.** Синонимические связи номинантов концепта *Handy* в немецкой языковой картине мира
- 225 **Хренова А. В.** Мотивирующие и понятийные признаки концепта *president*
- 229 **Шарафутдинова О. И.** Роль грамматики в описании образа мира (в аспекте преподавания русского языка как иностранного)
- 233 **Шкуропатская М. Г., Цепелева Н. В.** Семантическое поле и проблемы синонимии

ФИЛОСОФИЯ

- 241 **Гаврилов Е. О.** Формирование религиозного ландшафта современной России: проблема дефиниций
- 248 **Золотухин В. М., Овчаров А. А.** О философии свободы
- 254 **Казakov Е. Ф., Шченников В. П.** Душа как реальность
- 257 **Филиппов В. Л.** Творческое мышление в системе координат смыслообразования картины мира

ЭКОНОМИКА

- 261 **Алабина Т. А., Федулова Е. А.** Использование эконометрических методов для оценки программно-целевого подхода в региональной экономической политике (на примере Кемеровской области)
- 266 **Козырев О. Ю., Рубаник Ю. Т., Михальченко В. В.** Риск-менеджмент как необходимый компонент системы управления эффективностью бизнеса, функционирующего в неопределенных и изменчивых условиях рыночной среды
- 272 **Козырев О. Ю., Рубаник Ю. Т., Михальченко В. В.** Стратегия вывода предприятий на траекторию устойчивого развития в условиях высокой турбулентности внешней экономической среды

PHILOLOGY

- 177 **Antipov A. G.** Supermorphemic formants and their relevance in dialectal word-formation
- 180 **Dzhamanova N. V.** The violation of interior valency of words as a mechanism of language anomalies formation (an analysis of the material of postmodernist novels in English)
- 184 **Karagodin A. A.** The opposition of knowledge and opinion in linguistics and linguistic expertology
- 190 **Kiuru K. V.** Press release for social media as a source of information in sports journalism
- 193 **Mesenyashina L. A.** Do the genres of praise, flattery etc. exist?
- 197 **Pavlov A. M.** The telling event in the modern russian monodrama (an analysis of the play «About my mum and about me» by E. Isayeva)
- 202 **Petrulina S. P.** ‘Et cetera’ words and word combinations in the Middle Ob area dictionaries
- 206 **Stroilova A. G., Tukmakova O. P.** Translation strategies in the russian translation of *Elegy Written in a Country Church-Yard* by Thomas Gray
- 210 **Trofimova E. B.** Cognitive potency of language due to mismatch in representation of “creative activity” of the sign components
- 214 **Fomin A. G.** Gender differences in aggressive speech behaviour of russian and american native speakers (as revealed in an experimental study)
- 219 **Fominskaya S. P.** Synonymous relations of the concept *Handy* nominees in the German language linguistic world image
- 225 **Khrenova A. V.** Motivating and semantic features of the concept *president*
- 229 **Sharafutdinova O. I.** The role of grammar in describing the linguistic world image (in aspect of teaching Russian as a foreign language)
- 233 **Shkuropatskaya M. G., Tsepeleva N. V.** The semantic field and the problem of synonymy

PHILOSOPHY

- 241 **Gavrilov E. O.** Formation of the religious landscape of modern Russia: the problem of definitions
- 248 **Zolotukhin V. M., Ovcharov A. A.** On the philosophy of freedom
- 254 **Kazakov E. F., Shchennikov V. P.** The soul as the reality
- 257 **Filippov V. L.** Creative thinking in the coordination system of world image sense realization

ECONOMICS

- 261 **Alabina T. A., Fedulova E. A.** Using econometric methods for assessing the target-oriented method in regional economic policy (the example of Kemerovo region)
- 266 **Kozyrev O. Yu., Rubanik Yu. T., Mikhhalchenko V. V.** Risk Management as a Corporate Performance Management System Component for Uncertain and Turbulent Market Environment
- 272 **Kozyrev O. Yu., Rubanik Yu. T., Mikhhalchenko V. V.** Sustainable development path strategy for highly turbulent economical environment

- 277 **Косинский П. Д., Бондарев Н. С.** Налоговое моделирование как основа повышения экономической устойчивости сельскохозяйственного предприятия
- 280 **Косинский П. Д., Бондарева Г. С.** Кластерный подход к формированию продовольственной обеспеченности населения региона
- 284 **Лавров А. М., Поликарпова Л. А.** Использование менеджмента и маркетинга в формировании рыночно-ориентированной модели управления развитием региона
- 288 **Леванов А. Д.** Роль историко-культурных знаний в формировании экономического мышления
- 292 **Литвак А. И., Толстых Е. В.** Роль инвестиционного потенциала в социально-экономическом развитии Кемеровской области
- 297 **Попова Е. Ю.** Репродуктивная модернизация экономики России
- 302 **Сурнин В. С.** Необходимость органической взаимосвязи процессов инновационного развития экономики и ее структурной перестройки
- 305 **Трушина Г. С., Щипачев М. С.** Совершенствование методологических и методических подходов к разработке стратегических планов на угледобывающих предприятиях Кузбасса
- ЮРИСПРУДЕНЦИЯ**
- 308 **Волков Н. А.** Взаимосвязь института российских уполномоченных по правам человека с органами государственной власти
- 313 **Кондратьев М. В.** Теоретические аспекты оперативно-розыскного обеспечения выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений
- 317 **Лелюх В. Ф.** Современные виды (формы) контроля за деятельностью исправительных учреждений в период реформирования уголовно-исполнительной системы России
- 325 **Сазанакова Т. Т.** О правовом регулировании государственной поддержки коренных малочисленных народов Сибири
- 330 **Авторы выпуска**
- 337 **Правила оформления статей в журнал «Вестник КемГУ»**
- 339 **Подписка на журнал «Вестник КемГУ»**
- 277 **Kosinskiy P. D., Bondarev N. S.** Tax modelling as the basis of increase of economic stability of an agricultural enterprise
- 280 **Kosinskiy P. D., Bondareva G. S.** Clusters approach to formation of food security of the population of region
- 284 **Lavrov A. M., Polikarpova L. A.** Management and marketing use in the formation of the market-focused model of region development management
- 288 **Levanov A. D.** The role of historical-cultural knowledge in the formation of economic thinking
- 292 **Litvak A. I., Tolstykh E. V.** Role of the investment potential in the social and economic development of Kemerovo region
- 297 **Popova E. Yu.** Russian economy reproductive modernization
- 302 **Surinin V. S.** The necessity of organic interrelation of economy's innovative development processes and its structural reorganization
- 305 **Trushina G. S., Shchipachev M. S.** Improvement of methodological and methodical approaches to developing strategic plans for the coal-mining enterprises of Kuzbass
- LAW**
- 308 **Volkov N. A.** The relationship of Russian institute of commissioners for human rights with public authorities
- 313 **Kondratjev M. V.** Theoretical aspects of operational-search support of detection, prevention, suppression and solution of crimes
- 317 **Lelyukh V. F.** Modern types (forms) of control over the activities of correctional institutions at the time of the penal system reform in Russia
- 325 **Sazanakova T. T.** To the question of law regulation of state protection of the rights of native minorities of Siberia
- 330 **Authors of the Issue**
- 337 **Publication format and design in the Bulletin of KemSU**
- 339 **Subscribe to Bulletin of KemSU**

БИОЛОГИЯ

УДК: 634.8: 631.522

МЕХАНИЧЕСКИЙ СОСТАВ ГРОЗДИ И УРОЖАЙ ВИНОГРАДА В УСЛОВИЯХ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

А. В. Заушинцева, Н. Б. Зеренкова

MECHANICAL STRUCTURE OF THE BUTCH AND CROPS OF GRAPE IN REGION OF KEMEROVO

A. V. Zaushintsena, N. B. Zerenkova

В статье приведены сведения по структуре грозди винограда и урожаю плодов с одного растения.

Ключевые слова: виноград, грозди, ягоды, куст, урожай.

In the article provides information on elements of the bunch of grapes and the crops raised from one plant.

Keywords: grape, bunches, berries, bush, crops.

Основным критерием оценки любого сорта является его урожайность. Урожай всех видов растений, в том числе винограда, формируется в результате сложного взаимодействия разнонаправленных факторов: биологических свойств растений, условий окружающей среды и генотипа сортов [1, с. 5 – 7.]. В неблагоприятных условиях среды экологическая устойчивость и степень адаптации сортов является важнейшим условием реализации их потенциальной продуктивности [2]. Поэтому очень важно оценить потенциал продуктивности у сортов винограда в условиях Кемеровской области, где лимитированы сумма активных температур, солнечная активность, короткая продолжительность безморозного периода и неустойчивая погода.

Исследования проведены в 2006 – 2008 гг. на опытном полигоне Кемеровского государственного университета в соответствии с методикой государст-

венного сортоиспытания сельскохозяйственных культур [3].

Для стабилизации продуктивности винограда необходимо знать элементы структуры, в том числе механический состав грозди. Он оценивается несколькими критериями, которые отражают товарный вид продукции. Прежде всего, столовые сорта должны иметь крупные, нарядные, выровненные грозди массой от 300 до 700 г. В нашей коллекции этим критерием в среднем за три года (2006 – 2008) отвечают: Алешенькин, Лора. В отдельные годы с благоприятным сочетанием тепла и влаги в период цветения и созревания винограда крупную гроздь могут сформировать также сорта: Космонавт, Тамбовский белый, Агат донской Виктория, Памяти Домбковской. Но в условиях 2008 года обильные дожди в период цветения отрицательно отразились на завязываемости плодов.

Таблица 1

Изменчивость по массе грозди у сортов винограда

Сорт	2006 г.	2007 г.	2008 г.		Среднее за 3 года	Коэффициент вариации (CV, %)
			факт	% к 2007		
Двиетский синий (контроль)	168,0	270,4	134,0	49,5	190,8	32,3
Августовский	304,1	316,5	211,6	66,8	277,4	19,9
Алешенькин	361,2	596,0	266,8	44,7	408,0	25,0
Гуна	159,5	244,2	156,7	64,2	186,8	23,8
Коринка русская	197,3	248,4	174,7	70,3	206,8	21,4
Космонавт	142,5	266,8	116,9	43,8	176,3	23,7
Лора	370,5	422,3	305,2	72,3	366,0	17,0
Северный	110,4	138,7	86,3	62,2	111,8	31,4
Тамбовский белый	213,4	327,2	173,4	52,9	238,0	29,4
Агат донской	200,6	368,5	171,5	46,5	246,2	22,7
Виктория	144,2	311,2	109,0	35,0	188,0	32,4
Памяти Домбковской	202,8	382,3	182,9	47,8	256,0	24,3
Среднее	214,5	324,4	174,1	53,7	237,7	-
НСР ₀₅	31,3	25,8	21,9	-	-	-

В среднем по опыту в годы исследований масса грозди варьировала от 174,1 до 324,4 г. Максимальное

значение соответствует 2007 году, а минимальное – 2008 г., когда снижение массы грозди составило

53,7 % из-за слабого опыления цветков в дождливую погоду (табл. 1). Важно выявить сорта с меньшей изменчивостью признака. Для 66,7 % сортов характерен средний уровень вариации – 17,0 – 25,0 %. У четырех сортов, включая контрольный, коэффициент вариации был 31,4 – 34,4 %, что свидетельствует о высокой чувствительности к изменению внешних факторов.

В соцветии винограда потенциально может быть заложено до 800 цветков, но только четверть завязей может развиваться в ягоды. Поэтому важно знать структуру грозди, которая формируется за счет всех разветвлений соцветия, называемых гребнем, несущим ягоды. От их массы и доли в структуре зависит урожай винограда. Предпочтение отдается сортам с низкой и средней долей гребней и высокой долей ягод.

Контрольный сорт Двиетский синий имеет низкое содержание гребней в структуре гроздей – 2,8 %. В эту группу вошли: Алешенькин, Гуна, Северный, Агат донской, Памяти Домбковской. В группу со средним содержанием гребня включены: Августовский – 3,5 %, Коринка русская – 3,6 %, Космонавт – 3,4 %, Лора – 3,5 %. Объем ягод в целом по группам с низким и средним содержанием гребней варьировал в пределах – 96,4 – 97,9 %. Исключение составили 2 сорта: Тамбовский белый и Виктория, у которых объем гребня превысил 4,0 %.

Выявлены значительные межвидовые различия по размерам и массе ягод. Контрольный сорт Двиетский синий в среднем за годы исследований сформировал массу ягоды 2,3 г размерами 14,1×10,2 мм. Существенно мельче этот показатель (1,4 – 1,8 г) у сортов: Коринка русская, Северный и памяти Домбковской. Последний из них не имеет семян в плодах и в связи с этим товарных свойств не теряет. Большая часть образцов (58,3 %) имеют существенное достоверное превышение по отношению к контролю, а самая вы-

сокая масса ягоды (4,5 г) у сорта Лора. В целом к крупным по размеру и массе плодов отнесены: Гуна, Лора, Тамбовский белый, Агат донской, Виктория.

Изучение сортов показало, что при условии грамотного формирования плодородных побегов виноград может давать урожай ягод от 8,9 кг/куст до 13,7 кг/куст. Средняя продуктивность контрольного сорта Двиетский синий составила 12,9 кг/куст с вариацией по годам от 10,3 до 15,0 кг. На этом же уровне урожай в 2006 году был у 5 сортов (41,7 %), в 2007 г. – у 5 (41,7 %), в 2008 г. – у 6 сортов (50 %). Стабильная урожайность, по отношению к контролю во все годы соответствовала сортам: Августовский (9,2 – 13,4 кг/куст), Лора (12,7 – 15,3 кг/куст), Тамбовский белый (8,9-15,5 кг/куст). Достоверно выше контроля во все годы исследований (на 13,9 – 35,6 %) формировали урожай ягод 2 сорта: Алешенькин и Памяти Домбковской. Максимальные значения (19,6 – 21,1 кг/куст) характерны для них в 2007 году. Следовательно, они имеют первостепенное значение для внедрения в производство.

Факторный анализ по групповым средним в опыте подтвердил, что на урожай винограда основное влияние оказывает фактор года – 44,3 % (табл. 2). Доля генотипа растений во вклад урожая составила 25,8 %, а доля других факторов – почти 30 %. Анализ материала в разрезе сортов позволил выявить неоднозначность показателей. Генотип контрольного сорта отражает 33,8 % от общего вклада в формирование продуктивности, а у сортов Алешенькин и Памяти Домбковской практически на одном уровне, но имеет большее значение (на 3,0 – 3,4 %), чем сорт Двиетский синий. Это подтверждает их перспективность в условиях Кемеровской области. Наряду с этими сортами приемлемы также Августовский, Лора, Тамбовский белый.

Таблица 2

Доля влияния факторов на урожай винограда, %

<i>Показатели</i>	<i>Условия года* (А)</i>	<i>Генотип* (В)</i>	<i>Взаимодействие (А × В)</i>
В среднем по опыту	44,3	25,8	29,9
Двиетский синий (контроль)	39,8	33,8	26,4
Алешенькин	42,1	37,2	20,7
Памяти Домбковской	41,0	36,8	22,8

*достоверно при $P < 0,05$

В ягодах винограда может содержаться до 600 компонентов, включая сахара, органические кислоты, минеральные вещества, витамины, аминокислоты, ферменты белковой структуры, микроэлементы, пигменты, эфирные масла и другие, поэтому они имеют высокую калорийность, лечебные свойства, обладают антиоксидантным и антилучевым свойствами, способствуют освобождению организма от продуктов радиоактивного распада и тяжелых металлов. Важно знать биохимические показатели ягод и подбирать для выращивания сорта с хорошими диетическими достоинствами.

В условиях Кемеровской области нам удалось оценить сортовые различия по массовой доле сухих веществ, массовой концентрации сахаров, витамина С в ягодах винограда. Изучение динамики содержания

массовой доли сухих веществ показало постепенное их нарастание к моменту созревания (табл. 3). Это объясняется тем, что в первые сроки анализов, когда ягода ещё зеленая, значительная часть питательных веществ тратится на образование тканей плода, а к моменту полного созревания, наоборот, идет активное накопление сухих веществ, сахаров и других соединений.

В среднем за годы исследований в первый срок определения (14 августа) накапливалось 4,7 % сухих веществ, а варьирование составило от 3,9 % в 2005 г. до 5,8 % – в 2006 г. Это обусловлено гидротермическими условиями, особенно количеством накопившегося тепла и освещенности плодов. Судя по характеристике тепловых ресурсов, именно в 2006 г. Сложилась тёплая погода в первой декаде августа.

Таблица 3

Содержание массовой доли сухих веществ, %

Годы	Дата исследований					
	14.08	20.08	27.08	2.09	7.09	14.09
2006	5,8	7,7	9,2	10,7	12,0	13,8
2007	4,4	7,5	8,3	10,1	12,0	13,0
2008	4,7	5,8	8,3	10,1	12,2	13,8
Среднее	4,7	6,8	8,6	10,5	11,8	13,5

К полному созреванию ягод доля сухих веществ составила 13,0 – 14,2 %. Контрольный сорт Двиетский синий был близок к этим показателям, но выделился ряд сортов (Августовский, Коринка русская и другие), у которых последний замер массовой доли сухих веществ показал более высокие средние значения признака (16,5 – 17,0 %). В отдельные годы (2007) максимум у них достигал 18,0 – 20,0 %. Наименьшей вариабельностью отличается контрольный вариант (14,0 – 14,5 %), что отражает его стабильность. Коэффициент вариации не превысил 2 %, а у остальных сортов варьировал от 4,7 % (Августовский) до 14,0 % (Лора).

Аналогично накоплению сухих веществ происходит формирование запасов сахаров. В первые даты определения (4 августа) в среднем за 4 года 3,2 % сахара с вариацией по годам от 2,7 % (2008) до 4,1 % (2007). К концу вегетации средняя концентрация дос-

тигает 12,1 %. Максимальное количество сахаров накапливалось в условиях 2006 г. (13,5 %).

Судя по результатам комплексной оценки, сахаристость ягод в условиях Кемеровской области варьирует от слабой ($cv = 1,9$ %) до средней степени ($cv = 14,5$ %) на межсортном уровне. На величину показателя сильно влияют условия внешней среды (метеофакторы). Вариация признака может быть существенной у одного сорта в разные годы, а также при его возделывании в один год разных эколого-географических условиях.

Контрольный сорт Двиетский синий показал практически устойчивое значение сахаристости ягод (12,8 – 13,0 %), которое не сильно зависит от условий года. Факторный же анализ по групповым средним в опыте подтвердил высокую зависимость признака от метеофакторов – 79,6 % (табл. 4).

Таблица 4

Доля влияния факторов на содержание сахара в плодах винограда (2006 – 2008 гг.)

Показатели	Условия года* (А)	Генотип* (В)	Взаимодействие* (А×В)
В среднем по опыту	79,6	9,3	11,0
Двиетский синий (контроль)	31,2	42,4	26,3
Августовский	37,2	33,7	28,9
Коринка русская	34,6	37,0	28,4

* - достоверно при $P < 0,05$

Анализ в разрезе сортов показал аналогичную зависимость у большинства из них (62,3 – 88,3 %). Наряду с этим достаточно высокая доля генотипа (42,4 %) в изменчивости сахаристости выявлена у контрольного сорта Двиетский синий (31,2) и у Коринки русской (37,0 %). Вероятно, поэтому контроль сохраняет самые стабильные показатели качества ягод по годам ($cv = 1,9$ %). Несколько ниже (33,7 %) генотипический вклад в изменчивость признака у сорта Августовский. Кроме того, в характеристике признака у этого сорта практически одинаковую долю влияния (28,4 – 28,9 %) оказывает взаимодействие факторов: генотип-среда.

Этот анализ позволяет нам рекомендовать для практического пользования лучшие по накоплению сахаров сорта: Августовский (16,2 – 19,1 %), Коринка русская (15,3 – 16,9 %), Памяти Домбковской (13,8 – 14,0 %).

Плоды винограда содержат много витаминов групп А, С, Р, В (B_2 , B_6 , B_{12}), витамина РР. Количество витаминов группы В, аминокислот, полезных для человека микроэлементов в свежих ягодах винограда

во многом зависит от сроков созревания сорта, наличия или отсутствия семян в ягоде, степени их развития. Наиболее высокое содержание витаминов В накапливают позднеспелые сорта, а в пределах группы сортов одного срока созревания – бессемянные по сравнению с семенными. Витамин С максимально содержится в незрелых ягодах, а к сроку созревания его содержание заметно падает. В наших исследованиях изучена группа сортов ультрараннего (Августовский), очень раннего (Гуна, Космонавт, Алешенькин), раннего (Двиетский синий, Агат донской, Северный, Памяти Домбковской, Виктория, Тамбовский белый, Лора) срока созревания. Несмотря на то, что в условиях Кемеровской области тепловые ресурсы ограничены, размах варьирования по ритмам развития был существенным и количество дней до технической зрелости было разным – от 118 до 128 дней, что, вероятно, связано с реакцией на длину дня. Поэтому четкой закономерности и тесной связи между продолжительностью вегетационного периода у сортов и накоплением витамина С не выявлено. Из-за недостатка тепла и света его содержание в ягодах доста-

точно высокое во все годы, что и характерно для северных территорий страны по сравнению с южными. В среднем за 3 года (2006 – 2008) в ягодах винограда накапливалось 16,3 мг /100 г, но достаточной амплитудой изменчивости по годам – 14,9 – 16,7 мг / 100 г.

Средняя вариация по содержанию аскорбиновой кислоты изменялась от 13,6 мг / 100 г (Коринка русская) до 19,4 мг / 100 г (Космонавт). Средние достоверные отклонения от контроля у сортов с более высоким содержанием витамина С достигали 3,8 – 22,6 %. Особенно значительные отклонения по отношению к контролю выявлены у сортов: Алёшенькин (9,5 %), Лора (6,3 %), Северный (10,1 %), Агат донской (15,2 %), Памяти Домбковской (8,2 %). Существенно меньше (на 13,9 %) витамин С накапливался ягодах сорта Коринка русская (13,9 %). Остальные 3 сорта (Августовский, Гуна, Викиория) имели показатели на уровне контрольного сорта Двиетский синий.

В целом биохимический анализ ягод винограда показал достаточно высокие межсортные различия и позволил выявить сорта с повышенным накоплением сахаров (Августовский – 16,2 – 19,1 %; Коринка русская – 15,3 – 16,9 %; Памяти Домбковской – 13,8 – 14,0 %), витамина С (Алешенькин – 17,3 мг / 100 г; Космонавт – 19,4; Северный – 17,4; Агат донской – 18,2 мг / 100 г).

Виноград, благодаря своеобразному строению, химическому составу и физико-химическим свойствам, относится к наиболее ценным видам продуктов растительного происхождения. В плодах много глюкозы, фруктозы, 18 аминокислот, в том числе 12 незаменимых. Употребление в пищу помогает восстановить здоровье при нервном истощении, нарушении обмена веществ, благоприятно влияет на работу почек, печени, сосудов. Сезон потребления в пищу свежего винограда ограничен, поэтому развивается техническая переработка на соки, джемы, мармелад,

консервы, изюм и др. На вкусовые качества влияет комплекс факторов: почвенно-климатические условия выращивания лозы, агротехника, биологические особенности сортов. О качестве винограда, выращенного в Кемеровской области, можно судить по результатам дегустационной оценки сортов в свежем виде. Комиссия из числа независимых экспертов оценивала внешний вид грозди и ягоды, их красоту, вкус и аромат, особенности кожицы и мякоти.

В целом по трем показателям контрольный сорт Двиетский синий имеет средний показатель – 6,9 баллов. Выше 7 баллов оценено 58,3 % изучаемых сортов, а выше 8 баллов получили 3 сорта: Алёшенькин, Гуна, Агат донской. Заслуживают внимания в этом плане Коринка русская (7,4 баллов) и Лора (7,8 баллов). По вкусовым предпочтениям с оценкой выше 8 баллов выделено три сорта: Алёшенькин, Гуна, Агат донской. По всем трем позициям дегустационных критериев лидировал сорт Алешенькин.

Таким образом, перспективными для выращивания в Кемеровской области являются сорта с урожаем 10,0 – 19,6 кг / куст. В сочетании с высокими вкусовыми качествами (8,3 – 8,5 баллов), с хорошим накоплением сахаров (13,8 – 18,8 %) и витамина С (17,3 – 19,0 %): Алёшенькин, Лора, Агат донской, Памяти Домбковской.

Литература

1. Алиев, А. М. Сорта винограда в зоне неукрывной культуры / А. М. Алиев // Виноград и вино России. – 1997. – № 3.
2. Жученко, А. А. Адаптивное растениеводство (эколого-генетические основы) /А. А. Жученко. – Кишинев: Штиинца, 1990.
3. Методика государственного сортоиспытания сельскохозяйственных культур. – М.: Колос, 1970.

УДК 598.28/29 (4/6)

ОЧЕРЕДНОСТЬ ПРОЛЁТА МОЛОДЫХ И ВЗРОСЛЫХ ПТИЦ ВО ВРЕМЯ ОСЕННЕЙ МИГРАЦИИ РАЗЛИЧНЫХ ГРУПП ВОРОБЬИНООБРАЗНЫХ

А. В. Ковалевский, В. Б. Ильяшенко

SEQUENCE OF FLIGHT OF YOUNG AND ADULT BIRDS DURING AUTUMN MIGRATION OF VARIOUS PERCHING BIRDS GROUPS

A. V. Kovalevsky, V. B. Ilyashenko

Проведён анализ очередности пролёта во время миграции взрослых и молодых птиц у разных групп воробьинообразных. Было выявлены три основных типа миграции: при первом – взрослые птицы улетают раньше молодых; втором – обе возрастные группы начинают миграцию одновременно, но взрослые в целом мигрируют быстрее; третьем – перед отлётом птицы сбиваются в крупные стаи и на протяжении всего маршрута летят вместе.

Ключевые слова: миграция, *Acrocephalus*, *Locustella*, *Luscinia*, *Fringilla*, *Carpodacus*, *Emberiza*.

The analysis of sequence of flight during migration of adult and young birds of different perching birds groups has been performed. Three basic types of migration were revealed: 1. adult birds depart before the young; 2. both age groups begin migration simultaneously, but adults as a whole migrate faster; 3. Birds join in large flocks before the flight and stick together along the whole route.

Keywords: migration, *Acrocephalus*, *Locustella*, *Luscinia*, *Fringilla*, *Carpodacus*, *Emberiza*.

Введение

В настоящее время большинство авторов указывают на то, что в миграции взрослые птицы преодолевают расстояние до мест зимовки значительно быстрее, чем молодые. Это характерно для разных видов, как зерноядных, например: зяблик *Fringilla coelebs* [1], обыкновенная чечевица *Carpodacus erythrinus* [2], так и насекомоядных: соловьиный сверчок *Locustella luscinioides*, речной сверчок *Locustella fluviatilis*, болотная камышевка *Acrocephalus palustris*, тростниковая камышевка *Acrocephalus scirpaceus*, камышевка-барсучок *Acrocephalus schoenobaenus*, дроздовидная камышевка *Acrocephalus arundinaceus*, варакушка *Luscinia svecica* [3; 4; 5; 6; 7].

Целью работы являлось сравнение очерёдности пролёта молодых и взрослых особей различных групп воробьинообразных на биостанции КемГУ «Ажендарово» и сопоставление наших данных с литературными сведениями, что и определило выбор объектов исследования.

Материал и методы

В основу работы положены результаты отловов мелких воробьинообразных птиц в Крапивинском районе Кемеровской области на биостанции КемГУ «Ажендарово» (54°45' с. ш.; 87°02' в. д.) в 2011 г. Всего за это время было отловлено 13091 особь, из них 108 – певчих сверчков *Locustella certhiola*; 2668 – садовых камышевок *Acrocephalus dumetorum*; 289 – обыкновенных соловьёв *Luscinia luscinia*; 414 – соловьёв-красногрудок *Luscinia calliope*; 242 – варакушки *Luscinia svecica*; 381 – зяблик *Fringilla coelebs*; 266 – вьюрков *Fringilla montifringilla*; 402 – обыкновенные чечевицы *Carpodacus erythrinus*; 23 – овсянки-крошки *Emberiza pusilla*; 53 – тростниковых овсянок *Emberiza schoeniclus*.

Отлов птиц проводился паутинными сетями, установленными в зарослях ивняка, используемого птицами в качестве миграционных коридоров, на берегу р. Томь и её левого притока р. Ажендарка, а также на прилегающей крапивной пустоши, используемой птицами в качестве кормовой станции. Проверка сетей проходила с интервалом не реже чем раз в 2 часа с рассвета до заката.

Немаловажной особенностью биостанции «Ажендарово» является её расположение. Большинство мигрирующих птиц летят вдоль крупных рек, в нашем регионе эту роль выполняет р. Обь, поэтому в среднем течении р. Томь мы фиксируем только пролёт местных гнездящихся птиц, почти без фона северных популяций, что позволяет чётче проследить начальные стадии миграций.

Основная часть

Исследования на биостанции КемГУ «Ажендарово» показали, что у ряда видов взрослые и молодые особи уже на начальных стадиях миграции начинают вести себя по-разному. На основании проведённых исследований и анализа литературы было выделено три основных типа миграций, различающихся в очерёдности пролёта и взрослых, и молодых особей.

Наиболее яркими представителями первого типа миграции из насекомоядных является садовая камышевка, из зерноядных – обыкновенная чечевица.

Садовая камышевка выводит один выводок за сезон, и сразу после вылета молодняка взрослые птицы покидают территорию гнездования (рис. 1) не задерживаясь. При этом линяют в промежуточной части ареала или в местах зимовки [8].

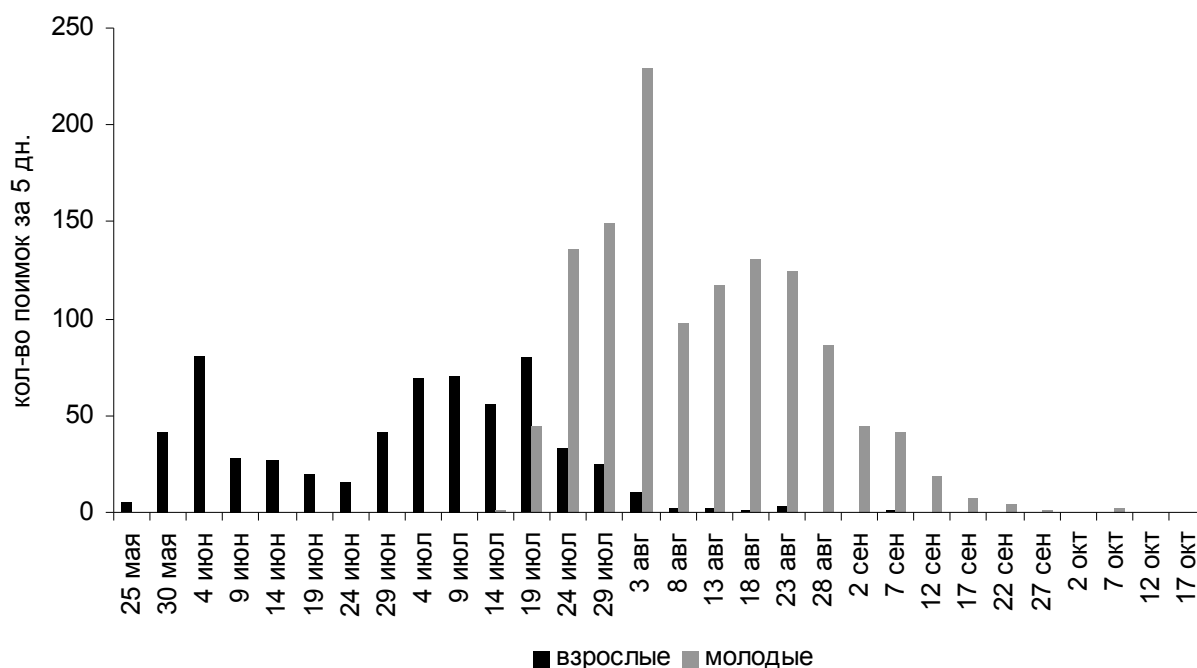

Рис. 1. Сравнительная динамика пролёта взрослых и молодых садовых камышевок по данным сетевых отловов в 2011 г.

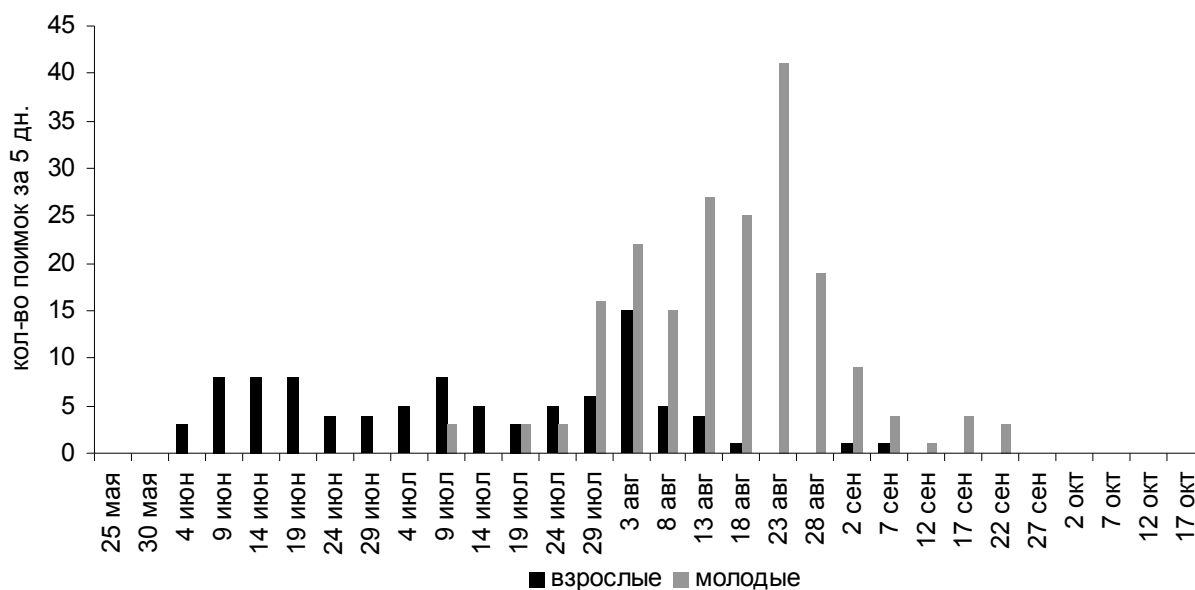

Рис. 2. Сравнительная динамика пролёта взрослых и молодых обыкновенных чечевиц по данным сетевых отловов в 2011 г

По данным повторных отловов окольцованных птиц на биостанции, во время миграции можно условно выделить несколько этапов. После окончания гнездового периода начинаются послегнездовые кочёвки, которые переходят в массовую миграцию. Подобное поведение у садовой камышевки описывает А. С. Мальчевский в Ленинградской области [9], причём, по нашим данным первую волну формируют взрослые особи, и только потом летят молодые. Большинство садовых камышек, отловленных в гнездовой период, к началу массового пролёта перестают регистрироваться, лишь немногие особи повторно отлавливаются после пика пролёта, после чего регистрируются преимущественно «транзитные» или возможно поздно появившийся молодняк. В конце пролёта регистрируется длинный шлейф из поздно летящих молодых особей. Подобное поведение отмечает Н. С. Черенцов у камышевки-барсучка, тростниковой и болотной камышек на Куршской косе (Калининградская область) [3; 4; 10] и В. М. Чернышов – у камышевки-барсучка и индийской камышевки *Acrocephalus agricola* на оз. Малый Чан (Новосибирская область), он также отмечает, что камышевка-барсучок, как и садовая камышевка, не линяет перед миграцией [11].

Помимо камышек, подобный характер перемещений во время осенних миграций свойственен и для некоторых зерноядных – обыкновенной чечевицы. Этот вид, так же как и садовая камышевка, птенцов за сезон выводит всего один раз [12] и не линяет в местах размножения [13]. Во время отлёта птиц можно выделить два пика, первый формируется преимуще-

ственно из взрослых особей, реже смешанный; во втором абсолютное большинство отлетающих птиц – сеголетки, также образуется шлейф из поздно летящих молодых особей (рис. 2). Как показывают исследования на Чокпацком перевале (Казахстан), первыми появляются взрослые особи, со временем их доля снижается, а доля молодых птиц увеличивается [2].

Ко второму типу миграции можно отнести соловьёв. Из них наиболее массовыми на биостанции являются: обыкновенный соловей, соловей-красношейка, варакушка [14]. В нашем регионе эти виды, при благоприятных условиях, способны к двум кладкам за сезон [12]. В окрестностях стационара они являются обычными гнездящимися видами, обыкновенный и соловей-красношейка регистрируются в течение всего лета [15].

Отлёт взрослых и молодых птиц обычно совпадает (рис. 3), однако в процессе миграции увеличивается разобщённость между взрослыми и молодыми особями. Взрослые особи обыкновенного соловья пропадают из сетевых отловов после окончания гнездового периода и снова появляются уже во время массового пролёта (что подтверждается повторными поймками более чем через месяц). Подобная картина наблюдается и у соловья-красношейки, с той лишь разницей, что у него не отмечено повторных поймок взрослых особей во время миграции окольцованных во время гнездования. Варакушка хоть и гнездится в окрестностях биостанции, в гнездовое время в сетевых отловах редка и регистрируется главным образом на пролёте, отлёт взрослых птиц завершается до массового пролёта молодняка (рис. 4).

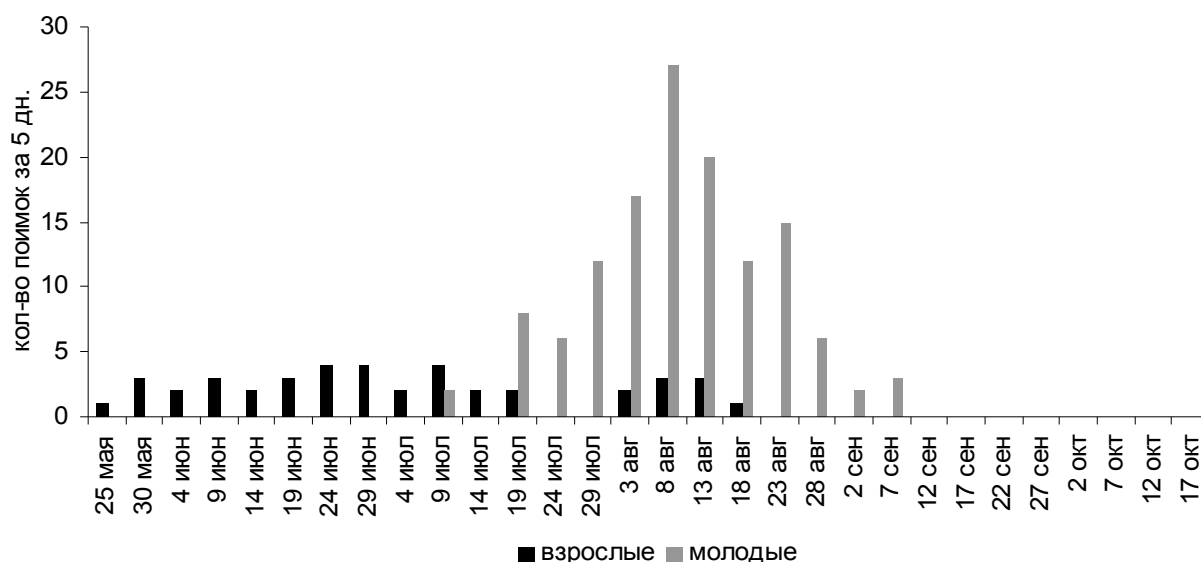

Рис. 3. Сравнительная динамика пролёта взрослых и молодых обыкновенных соловьёв по данным сетевых отловов в 2011 г

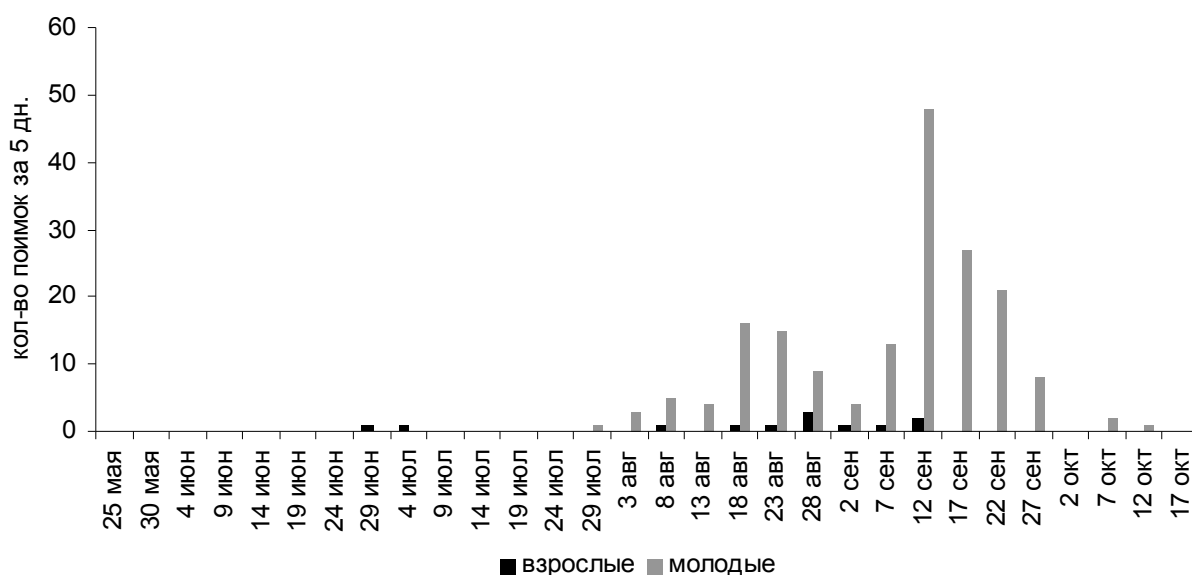

Рис. 4. Сравнительная динамика пролёта взрослых и молодых варакушек по данным сетевых отловов в 2011 г.

Молодые особи используют более широкий набор местообитаний, чем взрослые, что интерпретируется как свидетельство того, что их способность правильно выбирать биотоп менее совершенна, чем у взрослых [4; 10; 16; 17], поэтому они постоянно регистрируются на разных биотопах. И. Н. Панов [6; 7] на примере варакушки отмечает, что молодые птицы накапливают жир очень медленно, после каждого ночного броска они останавливаются на 4 – 5 дней, в то время как взрослые особи хоть и останавливаются на примерно такой же срок, но в результате более эффективного жиронакопления могут делать несколько ночных бросков подряд, с остановками между ними только на

один день. В результате этого скорость перемещений взрослых птиц значительно выше, нежели у молодых. Это подтверждается данными, основанными на анализе находок окольцованных птиц в местах зимовок, где осенью взрослые варакушки встречаются значительно раньше молодых [18; 19].

Третий тип миграции характерен для поздно отлетающих зерноядных видов. Из них на биостанции наиболее массовыми являются два близко родственных вида: зяблик и вьюрок [14]. Оба этих вида перед отлётом совершают послегнездовые кочёвки, во время которых сбиваются в крупные стаи, где присутствуют как взрослые, так и молодые особи (рис. 5).

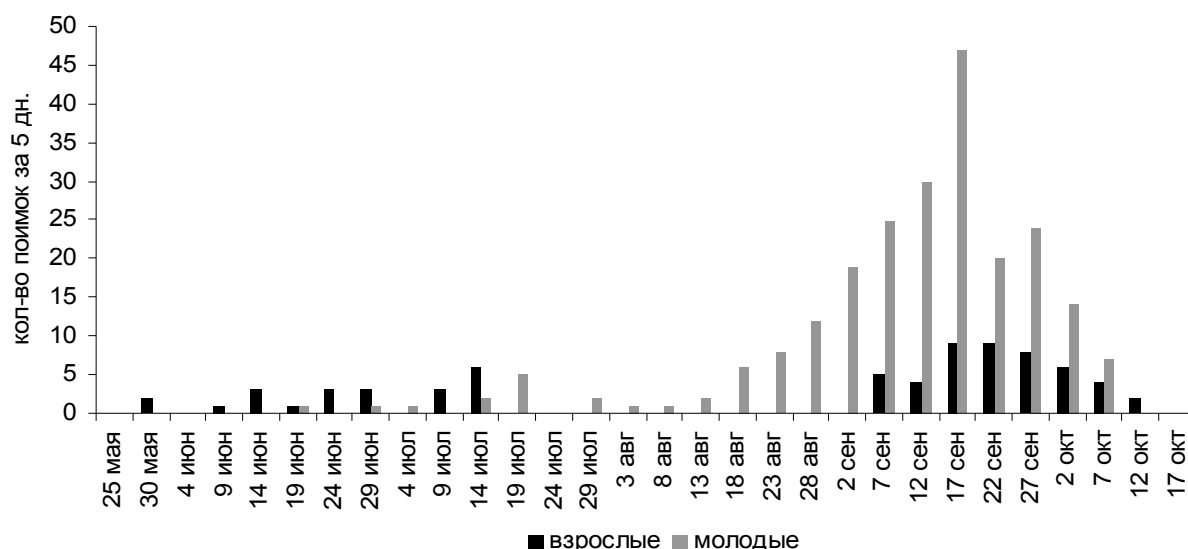

Рис. 5. Сравнительная динамика пролёта взрослых и молодых яблчиков по данным сетевых отловов в 2011 г.

Массовый отлёт, как правило, проходит за довольно короткий период, после которого почти никогда не регистрируется шлейф из поздно летящих особей или он довольно мал. На Чокпакском перевале (Казахстан) взрослые и молодые яблчики появляются одновременно, а относительное количество взрослых птиц увеличивается к концу миграции [2]; однако В. А. Павевский пишет, что в Европе у яблчиков взрослые птицы мигрируют быстрее молодых [1].

Вьюрки на территории биостанции регистрируются только во время пролёта, различий в сроках миграции между взрослыми и молодыми не выявлено (рис. 6).

Существует и сценарий, когда у дальних мигрантов взрослые и молодые весь маршрут летят вместе. Овсянки, которые преимущественно гнездятся к северу от Кемеровской области и регистрируются только на пролёте, например: овсянка-крошка, тростниковая овсянка [12], молодые и взрослые особи отлавливаются всегда вместе (рис. 7), причём взрослые, как правило, регистрируются в пик пролёта, а не перед/после появления молодых. Исследования пролёта тростниковой овсянки на Чокпакском перевале (Казахстан) показывают, что взрослые и молодые мигрируют одновременно, однако срединный период пролёта сеголеток приходится на III пятидневку октября, а взрослых – на IV [2].

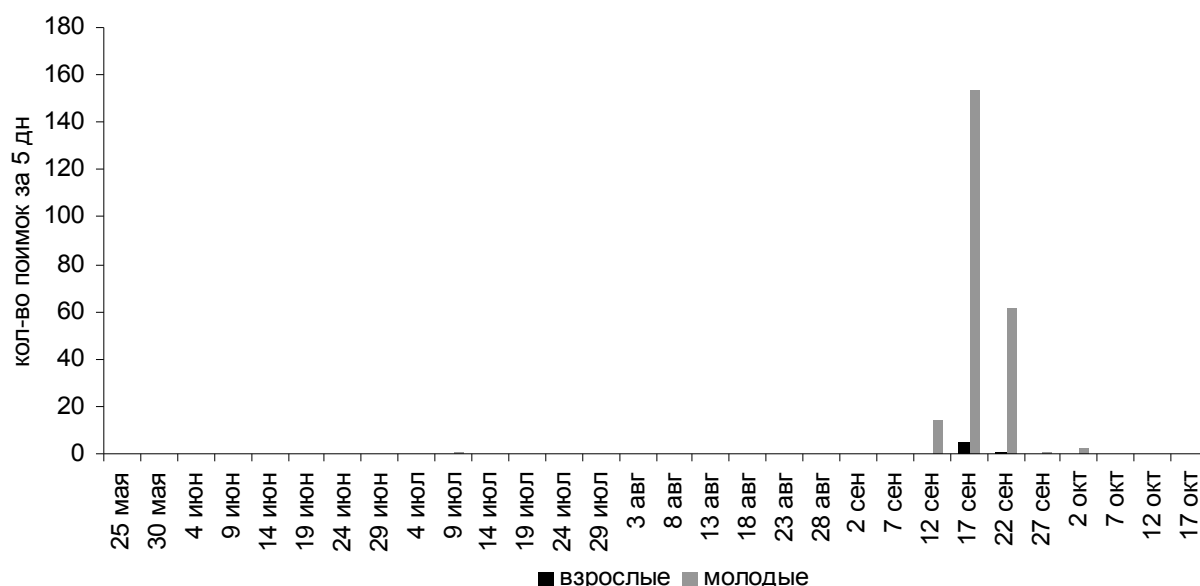

Рис. 6. Сравнительная динамика пролёта взрослых и молодых вьюрков по данным сетевых отловов в 2011 г.

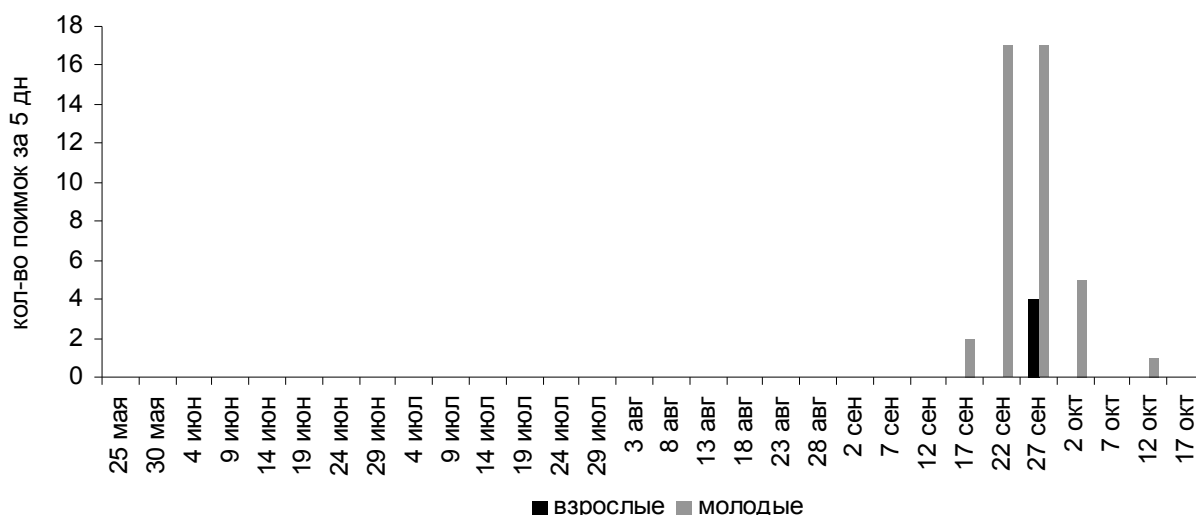

Рис. 7. Сравнительная динамика пролёта взрослых и молодых тростниковых овсянок по данным сетевых отловов в 2011 г.

Заключение

Как показали наши наблюдения и анализ литературных источников, можно выделить 3 основных типа соотношения пролёта птиц разного возраста во время осенней миграции. Первому типу соответствуют виды, у которых взрослые особи сразу после гнездового периода улетают на зимовку, и только потом стартуют молодые. Такие виды, как правило, за сезон гнездятся всего один раз, многие из них линяют в местах зимовок или в промежуточной части ареала, они не формируют крупных стай. Помимо описанных камышевок и обыкновенной чечевицы, к этому типу также относится певчий сверчок. Вероятно, и другие сверчки ведут себя подобным образом. По второму типу летят птицы, которые пытаются произвести несколько выводков за сезон, однако и они не образуют крупных стай, хотя зачастую стартуют одновременно или с небольшими различиями в сроках между молодыми и взрослыми, в процессе осенней миграции взрослые особи за счёт большего опыта в целом мигрируют быстрее. К третьему типу относятся виды, которые, как правило, гнездятся не меньше двух раз за сезон, а перед отлётом сбиваются в крупные стаи, которые стартуют одновременно, и после них не образуется шлейф поздно летящих птиц или он довольно мал, обычно это наиболее поздно летящие зерноядные виды.

Изменение типа пролёта птиц разного возраста отражает развитие приспособленности дальних мигрантов к поддержанию стабильности популяции, которая выражается сначала в увеличении плодовитости в гнездовой период, а затем в совместных перелётах взрослых и молодых особей, которые снижают смертность молодых неопытных особей во время осенней миграции.

Литература

1. Payevsky, V. A. Autumn migration speed of the chaffinch (*Fringilla Coelebs* L.) migrating across Europe as shown by ringing results in Eastern baltic / V. A. Payevsky // Proceedings of the Zoological Institute RAS. – 2010. – Vol. 314, No. 1.

2. Гаврилов, Э. И. Сезонные перелёты в предгорьях Западного Тянь-Шаня / Э. И. Гаврилов, А. П. Гисцов – Алма-Ата: Наука, 1985. – 224 с.

3. Черенцов, Н. С. Миграционные стратегии камышевок *Acrocephalus* spp. в пределах Европы / Н. С. Черенцов: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – СПб., 1999. – 22 с.

4. Черенцов, Н. С. Миграция воробьиных птиц: остановка и полёт / Н. С. Черенцов. – М.: КМК, 2011. – 173 с.

5. Miholcsa, T. Change of timing of autumn migration in *Acrocephalus* and *Locustella* genus / T. Miholcsa, A. Tóth, T. Csörgő // Acta Zoologica Academiae Scientiarum Hungaricae. – Hungarian, 2009. – 55 (2).

6. Панов, И. Н. Миграционная стратегия варакушки (*Luscinia svecica*) в Восточной Финноскандии. Сообщение 1: основные параметры миграционных остановок / И. Н. Панов, Н. С. Черенцов // Труды Зоологического института РАН. – СПб., 2010. – Т. 314. – № 1.

7. Панов, И. Н. Миграционная стратегия варакушки (*Luscinia svecica*) в Восточной Финноскандии. Сообщение 2: реакция на акустические маркёры и выбор биотопа на миграционной остановке / И. Н. Панов, Н. С. Черенцов // Труды Зоологического института РАН. – СПб., 2010. – Т. 314. – № 2.

8. Фёдоров, В. А. Садовая камышевка *Acrocephalus dumetorum* (Blyth.) / В. А. Фёдоров // Линька воробьиных птиц северо-запада СССР. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1990.

9. Мальчевский, А. С. Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий: история, биология, охрана Т. 2. / А. С. Мальчевский, Ю. Б. Пукинский – Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. – 504 с.

10. Черенцов, Н. С. Миграция воробьиных птиц: остановка и полёт / Н. С. Черенцов: автореф. дис. ... д-ра биол. наук. – СПб., 2008. – 48 с.

11. Чернышов, В. М. Сезонные миграции индийской камышевки и камышевки-барсучка в Южной Барате / В. М. Чернышов // Миграции птиц в Азии. – Новосибирск: Наука, 1977.

12. Рябицев, В. К. Птицы Урала, Приуралья и Западной Сибири / В. К. Рябицев. – Екатеринбург: Изд-во УГУ, 2008. – 634 с.
13. Ковалевский, А. В. Материалы по осеннему пролёту мелких воробьинообразных птиц в долине среднего течения реки Томь / А. В. Ковалевский, В. Б. Ильяшенко // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. – Екатеринбург: Изд-во УГУ, 2010 – Вып. 15.
14. Ковалевский, А. В. Миграции соловьиных птиц в среднем течении р. Томь / А. В. Ковалевский, В. Б. Ильяшенко, А. А. Гурина и др. // Перспективы науки. – Тамбов, 2011 – № 4 (19).
15. Носков, Г. А. Чечевица *Carpodacus erythrinus* / Г. А. Носков // Линька воробьиных птиц северо-запада СССР. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1990.
16. Bairlein, F. Ökosystemanalyse der Rastplätze von Zugvögeln / F. Bairlein // Ökol. Vögel (Ecol. Birds). – 1981. – Bd. 3.
17. Bairlein, F. Habitat selection and associations of species in European passerine birds during southward, post-breeding migrations / F. Bairlein // Ornith. Scand. – 1983. – Vol. 14.
18. Ellegren, H. Autumn migration speed in Scandinavian Bluethroats *Luscinia s. svecica* / H. Ellegren // Ringing & Migration, 11. – 1990.
19. Markovets, M. Differential sex- and age-related migration of Bluethroats *Luscinia svecica* at Eilat, Israel / M. Markovets, P. Zduniak, R. Yosef // Naturwissenschaften, 95. – 2008.

УДК 595.733 (1-925.14/.16 + 1-925.11)

МАТЕРИАЛЫ ПО ФАУНЕ СТРЕКОЗ (INSECTA, ODONATA) КУЗНЕЦКО-САЛАИРСКОЙ ГОРНОЙ ОБЛАСТИ И ПРИЛЕЖАЮЩИХ РАЙОНОВ ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ РАВНИНЫ

Т. Н. Скалон, Н. В. Скалон

SAME DATA ON THE FAUNA OF ODONATA IN THE KUZNETSK-SALAIR MOUNTAINOUS REGION AND NEIGHBOURING AREAS OF THE WEST SIBERIAN PLAIN

T. N. Skalon, N. V. Skalon

Статья посвящена изучению фауны стрекоз Кузнецко-Салаирской горной области и прилежащих районов Западно-Сибирской равнины. К настоящему времени в одонатофауне этого региона насчитывается 63 вида стрекоз. Впервые анализируется распределение стрекоз по отдельным речным бассейнам исследуемой территории.

Ключевые слова: *стрекозы, Odonata, фауна стрекоз, Кузнецко-Салаирская горная область, Западно-Сибирская равнина.*

This article reports on the fauna of dragonflies of the Kuznetsk-Salair mountainous region and neighbouring region the West Siberian Plain. 63 species of Odonata have been detected by now. New data on the distribution of these species within the investigated territory is provided.

Keywords: *dragonflies, Odonata, fauna of dragonflies, Kuznetsk-Salair mountainous region, West Siberian Plain.*

Стрекозы – одна из древнейших групп наземных членистоногих. Среди насекомых стрекозы выделяются многими уникальными чертами в морфологии, биологии, распространении и своеобразным участием как в сообществах живых организмов, так и в экосистемах в целом [1, с. 95 – 97].

Стрекозы отличаются высокой морфологической специализацией. Имаго стрекоз высокоспециализированные воздушные, а их личинки – водные хищники. Благодаря чередованию на разных фазах развития водных и наземных мест обитания и большой биомассе, эти насекомые вносят существенный вклад в круговорот веществ в биогеоценозах. Даже на небольших водоёмах в течение года стрекозы способны трансформировать многие тонны биогенного вещества [22, с. 143 – 156; 23]. Эти особенности ставят стрекоз в ряд интереснейших модельных объектов для исследований.

Практическое значение стрекоз для человека не особенно велико, но вполне сравнимо со многими другими группами хищных беспозвоночных. Весьма

значительна их роль в регуляции численности гнуса, а иногда и вредителей сельского и лесного хозяйств. В отдельных достаточно редких случаях стрекозы могут приносить некоторый вред, например уничтожая мальков рыб в рыболовных прудах или составляя им пищевую конкуренцию, уничтожая пчёл на пасеках или распространяя гельминтозы диких и домашних птиц. Совершенно не изученной остаётся роль этих насекомых в переносе различных микроорганизмов, хозяевами которых они являются, например бактерий, микроспоридий и др. Учитывая, что некоторые виды стрекоз совершают закономерные миграции на значительное расстояние, можно оценить актуальность исследования в этом направлении. Особенности состава и структуры одонатокомплексов в конкретных местообитаниях служат критерием биоиндикации качества природных вод и в целом степени антропогенного воздействия на водные и околотоводные системы [7].

В настоящее время в мировой фауне насчитывают около 5800 видов стрекоз, объединяемых в 886 родов [25, 27]. На территории СССР известно обитание

172 видов, при этом наиболее богатой является одонатофауна юга Дальнего Востока – 94 вида. На территории Сибири отмечено обитание 75 видов, при этом заметно богаче одонатофауна гор юга Сибири, в особенности Алтае-Саянской горной страны [22]. При этом ведущие одонатологи Сибири считают, что число это довольно условно, поскольку таксономическое положение отдельных видов нуждается в уточнении, а многие крупные территории Сибири остаются слабоизученными или даже совсем не затронутыми исследованиями.

Несмотря на то, что одонатофауна юга Сибири в целом изучена достаточно полно [2, 3, 4, 5, 6, 23, 26 и др.], фауна стрекоз, как и многих других систематических групп насекомых на территории Кузнецко-Салаирской горной области, до 1990-х гг. почти не была затронута исследованиями. Особенно это касается территории в административных границах Кемеровской области. Систематические исследования одонатофауны были начаты здесь только в 1990-гг. Т. Н. Гагиной и М. В. Дронзиковой.

В настоящее время для территории Кузнецко-Салаирской горной области известно обитание 63 видов стрекоз [9, 11, 14, 15, 24], что говорит о достаточно высоком видовом разнообразии этой группы и объясняется разнообразием географических условий. В этот же период была предпринята первая попытка выявления редких для Кемеровской области видов стрекоз, при этом 6 видов (10 % одонатофауны) было включено в Красную книгу Кемеровской области и 2 вида включено в Приложение к Красной книге [17]. Вместе с тем территория Кузнецко-Салаирской горной области до настоящего времени исследована очень неравномерно. Почти не изучены её восточные районы и поэтому здесь возможно нахождение новых для региона видов.

Лучше других районов Кузнецко-Салаирской горной области был исследован бассейн р. Томь в её верхнем течении, включая окрестности г. Новокузнецка и Горную Шорию. В 1993 – 1999 гг. там проводила исследования М. В. Дронзикова [13, с. 65 – 66; 14]. В 1990-х гг. Т. Н. Гагина [9, с. 12 – 15; 10, с. 13 – 15; 11, с. 22 – 25] изучала одонатофауну в среднем течении Томи, на западном склоне Кузнецкого Алатау, в северном Присалаирье. Проведение повторных исследований на этих территориях позволяет получить сравнительный материал по изменениям фауны стрекоз в южных районах Кемеровской области. Теперь очень слабо исследована восточная половина Кузнецко – Салаирской горной области: восточный склон Кузнецкого Алатау, бассейны рек Кия, Урюп, Чулым и их притоки. Исследования на этих территориях на-

чались только в последние годы [11; 16, с. 107 – 123]. Большой интерес представляет исследование одонатофауны степных рек и озёр Хакасии, прилегающих к восточному склону Кузнецкого Алатау [21, с. 41 – 43].

Во всём мире нарастает проблема сохранения биологического разнообразия. Значительное число видов стрекоз, как в мировой фауне, так и в отдельных регионах, отнесены к разным категориям редких, подлежащих охране. В списки редких видов для второго издания Красной книги Кемеровской области включено уже 7 видов стрекоз. Вместе с тем значительное число видов стрекоз не особенно требовательны к условиям водной среды. Такие виды не только мирятся с антропогенным воздействием, но и извлекают из деятельности человека определённую пользу [18, с. 55 – 58]. Многие лимно-фильные виды охотно селятся в устраиваемых человеком искусственных водоёмах (прудах, канавах с водой, в водоёмах, возникающих на месте горных выработок, в заброшенных котлованах и т. п.). Однако чрезмерное загрязнение воды негативно сказывается на развитии их личинок. От антропогенного загрязнения воды, запруживания, заиливания и общего замедления течения рек страдают реофильные виды стрекоз, более требовательных к содержанию кислорода в воде и т. д.

Изучение фауны стрекоз Кузнецко-Салаирской горной области очень интересно с позиций зоогеографических, так как через эту территорию проходит важнейший меридиональный биогеографический рубеж Палеарктики – Енисейско-Кузнецкий, разделяющий Европейско-Сибирскую и Восточно-Сибирскую (Ангарскую) фауну и флору. Он начинается от Ледовитого океана, идёт на юг по долине Енисея, переходит на Кузнецкий Алатау и заканчивается на Алтае [12, 19 и др.]. При этом, если северную половину рубежа специалисты не только разных направлений зоологии, но и ботаники проводят единодушно, то в южной горной части эта граница становится менее чёткой. Специалисты по разным группам живых организмов проводят её не одинаково, так как у многих видов животных и растений границы ареалов проходят здесь по разному, флуктуируя на пространстве между уклоняющейся к северо-западу северной оконечностью Кузнецкого Алатау и поворачивающим к востоку верхним течением р. Енисей [8].

Нами предпринят первый опыт внутреннего деления Кузнецко-Салаирской горной области с позиций размещения одонатофауны. Распределение стрекоз по физико-географическим подразделениям внутри территории Кузнецко-Салаирской горной области и прилегающих участков Западно-Сибирской равнины представлено в таблице.

Таблица

**Распределение стрекоз по территории Кузнецко-Салаирской горной области
и в прилегающих районах Западно-Сибирской равнины**

Вид	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Подотряд Caloptera. Семейство Caloptera												
1. <i>Calopteryx japonica</i> Selys, 1869			+		+	+					+	
2. <i>C. virgo</i> (L., 1758)			+									
3. <i>C. splendens</i> (Harris, 1782)		+	+	+	+	+		+	+		+	
Подотряд Zygoptera. Семейство Lestidae												
4. <i>Lestes dryas</i> Kirby, 1890		+			+	+	+		+	+		+

Продолжение таблицы

5. <i>L. barbarus</i> (Fabr., 1798)	+	+							+	+		
6. <i>L. sponsa</i> (Hans., 1823)	+	+		+	+	+	+					+
7. <i>L. virens</i> (Charp., 1825)				+		+						
8. <i>L. macrostigma</i> (Ever., 1836)	+	+										
9. <i>Sympecma paedisca</i> (Brauer, 1877)	+	+		+	+	+						+
Семейство Coenagrionidae												
10. <i>Coenagrion armatum</i> (Charp., 1840)		+		+	+	+					+	+
11. <i>C. ecornutum</i> (Selys, 1872)					+							+
12. <i>C. glaciale</i> (Selys, 1872)									+		+	
13. <i>C. hastulatum</i> (Charp., 1825)		+		+	+	+			+	+		+
14. <i>C. hylas</i> (Trybom, 1889)							+					
Вид	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
15. <i>C. johanssони</i> Wallengren, 1859	+						+					
16. <i>C. lanceolatum</i> (Selys, 1872)					+				+			
17. <i>C. lunulatum</i> (Charp., 1840)	+	+			+	+						
18. <i>C. puella</i> (L., 1758)	+			+	+							
19. <i>C. pulchellum</i> (Vander Linden, 1823)	+		+	+	+	+					+	
20. <i>Piatycnemis pennipes</i> (Pallas, 1771)	+	+	+	+	+	+	+					
21. <i>Erythromma najas</i> (Hans., 1823)	+	+		+	+	+			+	+	+	
22. <i>Enallagma cyathigerum</i> (Charp., 1840)	+	+		+	+	+			+		+	+
23. <i>Ischnura pumilio</i> (Charp., 1825)	+											
24. <i>I. elegans</i> (Vander Linden, 1823)	+	+								+		
25. <i>Nehalennia speciosa</i> (Charp., 1840)										+		
Подотряд Anisoptera. Семейство Aeshnidae												
26. <i>Aeshna affinis</i> Vander Linden, 1820					+	+			+	+		
27. <i>Ae. caerulea</i> (Strom, 1783)						+	+		+	+	+	
28. <i>Ae. crenata</i> Hagen, 1856		+		+	+	+			+			
29. <i>Ae. grandis</i> (L., 1758)		+		+	+	+						
30. <i>Ae. juncea</i> (L., 1758)		+			+				+	+		+
31. <i>Ae. mixta</i> Latreille, 1805		+		+					+			
32. <i>Ae. serrata</i> Hagen, 1856		+			+				+		+	+
33. <i>Ae. subarctica</i> Walker, 1908	+											
34. <i>Ae. viridis</i> Ever., 1836					+	+			+			
35. <i>Anax parthenope</i> Selys, 1839					+	+						
Семейство Gomphidae												
36. <i>Gomphus vulgatissimus</i> (L., 1758)	+	+								+		
37. <i>Nihonogomphus ruptus</i> (Selys, 1858)		+		+	+	+						
38. <i>Ophiogomphus cecilia</i> Fourcroy, 1785		+	+	+					+			
39. <i>O. obscurus</i> Bartenev, 1909					+	+		+				
40. <i>Shaogomphus postocularis epophthalmus</i> Selys, 1872	+	+			+	+		+				
41. <i>Stylurus flavipes</i> (Charp., 1825)	+	+	+								+	
Семейство Corduliidae												
42. <i>Macromia amphigena fraenata</i> Martin, 1907	+	+		+	+	+		+				
43. <i>Somatochlora alpestris</i> (Selys, 1840)	+						+				+	
44. <i>S. arctica</i> (Zetterstedt, 1840)	+						+			+		

45. <i>S. flavomaculata</i> (Vander Linden, 1825)	+					+			+	+		
46. <i>S. graeseri</i> Selys, 1887						+	+			+		
47. <i>S. metallica</i> (Vander Linden, 1825)	+	+			+	+			+		+	+
48. <i>Epithea bimaculata</i> (Charp., 1825)		+		+	+						+	+
49. <i>Cordulia aenea</i> (L., 1758)				+	+				+		+	+
Семейство Libellulidae												
50. <i>Leucorrhinia albifrons</i> (Burm., 1839)	+										+	
Вид	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
51. <i>L. caudalis</i> (Charp., 1840)			+								+	
52. <i>L. dubia</i> (Vander Linden), 1825	+	+		+	+							
53. <i>L. orientalis</i> Selys, 1887					+	+	+		+	+	+	
54. <i>L. pectoralis</i> (Charp., 1825)		+			+	+						
55. <i>L. rubicunda</i> (L., 1758)				+	+	+			+		+	+
56. <i>Libellula quadrimaculata</i> L., 1758	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+
57. <i>Orthetrum cancellatum</i> (L., 1758)					+	+					+	+
58. <i>Sympetrum danae</i> (Sulzer, 1776)		+		+	+	+			+		+	
59. <i>S. flaveolum</i> (L., 1758)	+	+		+	+	+			+	+	+	+
60. <i>S. meridionale</i> (Selys, 1841)		+							+		+	
61. <i>S. pedemontanum</i> (Mueller, 1766)	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	
62. <i>S. sanguineum</i> (Mueller, 1764)		+		+	+	+			+	+	+	
63. <i>S. vulgatum</i> (L., 1758)		+		+	+	+					+	
Всего: 63 вида	27	34	10	27	40	36	11	5	27	18	26	16

Примечание. Под номерами в таблице обозначены: 1) Салаирский кряж; 2) бассейн р. Иня (в пределах Кузнецкой степи); 3) нижнее течение р. Томь; 4) среднее течение р. Томь; 5) верхнее течение р. Томь; 6) Горная Шория; 7) западный склон Кузнецкого Алатау; 8) бассейн р. Яя; 9) среднее течение р. Кия; 10) верхнее течение р. Кия; 11) восточный склон Кузнецкого Алатау (притоки Чулыма – Урюп, Чёрный Июс); 12) восточные предгорья Кузнецкого Алатау (Подзаплотские болота).

Достаточно чёткие провинции внутри Кузнецко-Салаирской горной области были выделены и наиболее детально обоснованы при изучении прямокрылых насекомых [20, с. 129 – 130]. Однако в сравнении с прямокрылыми, деление у стрекоз, как насекомых тесно связанных с водоёмами и гораздо более подвижными, способными преодолевать по воздуху очень большие расстояния, существенно отличается.

Предварительно можно отметить, что большинство видов стрекоз, отмеченных на исследуемой территории, достаточно широко населяют Кузнецко-Салаирскую горную область и Енисейско-Кузнецкий рубеж не является для абсолютного большинства преградой. Только немногие виды, такие, как *Lestes macrostigma*, *Ischnura pumilio*, *Nihonogomphus ruptus*, не встречены восточнее Салаирского кряжа. С востока на запад не преодолевает Кузнецкий Алатау только *Coenagrion glaciale*. Хорошо выделяются виды, связанные с горными системами Кузнецкого Алатау и Горной Шории – *Coenagrion hylas*, *Coenagrion johanssoni*, *Ischnura pumilio*, *Aeshna subarctica*, *Somatochlora alpestris*.

Наиболее богаты видами стрекоз: верхнее течение р. Томь, Горная Шория и Кузнецкая степь (40, 36, 34 вида соответственно). С одной стороны, эти терри-

тории достаточно полно изучены, но с другой – они имеют объективные предпосылки к большему видовому разнообразию: включают более разнообразные ландшафты, богаче водоёмами и теплее. При этом собственно к горным районам тяготеют виды – реофилы, а к Кузнецкой степи виды – лимнофилы.

Литература

1. Бельшев, Б. Ф. Стрекозы как компоненты водных и сухопутных биоценозов [Текст] / Б. Ф. Бельшев // Охрана и рациональное использование дикой живой природы. – Алма-Ата, 1966.
2. Бельшев, Б. Ф. Стрекозы Сибири. Т. I. [Текст] / Б. Ф. Бельшев. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1973. – 620 с.
3. Бельшев, Б. Ф. Стрекозы Сибири. Т. II. [Текст] / Б. Ф. Бельшев. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1974. – 352 с.
4. Бельшев, Б. Ф. Одонатофауна (Insecta, Odonata) СССР и территориальное распределение её компонентов [Текст] / Б. Ф. Бельшев // Фауна гелиминтов и членистоногих Сибири. Труды Биологического института СО АН СССР. Вып. 18. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1976.

5. Бельшев, Б. Ф. География стрекоз (Odonata) Бореального фаунистического царства [Текст] / Б. Ф. Бельшев, А. Ю. Харитонов. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1981. – 279 с.
6. Бельшев, Б. Ф. Фауна и экология стрекоз [Текст] / Б. Ф. Бельшев, А. Ю. Харитонов, С. Н. Борисов. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1989. – 204 с.
7. Борисов, С. Н. Стрекозы (Insecta, Odonata) Средней Азии и их адаптивные стратегии [Текст] / С. Н. Борисов: дис. ... д-ра биол. наук. – Новосибирск, 2007. – 374 с.
8. Второв, П. П. Биogeография: уч. пос. для студ. [Текст] / П. П. Второв, Н. Н. Дроздов. – М.: Просвещение, 1978. – 272 с.
9. Гагина, Т. Н. К фауне стрекоз (Odonata) заповедника «Кузнецкий Алату» [Текст] / Т. Н. Гагина // Биoценотические исследования в заповеднике «Кузнецкий Алату». – Новосибирск, 1996.
10. Гагина, Т. Н. К фауне стрекоз (Odonata) озера Ата-Анай [Текст] / Т. Н. Гагина // Труды Кемеровского отделения Русского энтомологического общества. – Кемерово: Юнити, 2003. – Вып. 2.
11. Гагина, Т. Н. К фауне стрекоз (Odonata) бассейна реки Кия и озера Большой Берчикуль [Текст] / Т. Н. Гагина, Т. Н. Скалон // Тр. Русского энтомологического общества. Т. 78 (2). – СПб, 2008.
12. Гептнер, В. Г. Общая зоогеография [Текст] / В. Г. Гептнер. – М.; Л.: Биомедгиз, 1936. – 548 с.
13. Дронзикова, М. В. Уточнённые материалы по фауне стрекоз Алтае-Саянской горной страны [Текст] / М. В. Дронзикова // Животный мир Алтае-Саянской горной страны. Сб. научных трудов. – Горно-Алтайск, 1999.
14. Дронзикова, М. В. Стрекозы бассейна реки Томи [Текст] / М. В. Дронзикова: дис. ...канд. биол. наук. – Новосибирск, 2000. – 249 с.
15. Дронзикова, М. В. Материалы по фауне стрекоз (Odonata) бассейна р. Томь [Текст] / М. В. Дронзикова // Амурский зоологический журнал. – III (2). – 2011.
16. Костерин, О. Э. Интересные находки стрекоз на оз. Ишколь в северо-восточных предгорьях Кузнецкого Алатау [Текст] / О. Э. Костерин, Н. В. Скалон, Т. Н. Скалон // Амурский зоологический журнал. – III (2). – 2011.
17. Красная книга Кемеровской области: редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных [Текст] / под ред. проф. Т. Н. Гагиной и доц. Н. В. Скалона. – Кемерово: Кн. изд-во, 2000. – 280 с.
18. Попова, О. Н. Искусственные водоёмы как благоприятные антропогенные факторы в распространении стрекоз [Текст] / О. Н. Попова // День Земли: проблемы науки и образования. Материалы II межвузовской научно-практической конференции. – Бийск: НИЦ БиГПИ, 1996.
19. Сергеев, М. Г. Закономерности распространения прямокрылых насекомых Северной Азии [Текст] / М. Г. Сергеев. – Новосибирск: Наука, 1986. – 238 с.
20. Скалон, О. Н. Многовидовые сообщества прямокрылых (Orthoptera) Кузнецко-Салаирской горной области и их классификация [Текст] / О. Н. Скалон, Н. В. Скалон // Естественные и технические науки. – № 1 (33). – 2008.
21. Скалон, Т. Н. К фауне стрекоз Хакасского заповедника [Текст] / Т. Н. Скалон, Н. В. Скалон // Концептуальные и прикладные аспекты научных исследований и образования в области зоологии беспозвоночных. III Всероссийская школа-семинар с международным участием, посвящённый 120-летию со дня рождения Р. П. Бережкова. Россия, Томск, 24 – 27 октября 2011 г. – Томск: ТГУ, 2011.
22. Харитонов, А. Ю. Оdonатологические исследования в России [Текст] / А. Ю. Харитонов, С. Н. Борисов, О. Н. Попова // Евразийский энтомологический журнал. – 2007. – Т. 6. – № 2.
23. Харитонов, А. Ю. Бореальная одонатофауна и экологические факторы географического распространения стрекоз [Текст] / А. Ю. Харитонов: дис. ... д-ра биол. наук. – М., 1991. – 531 с.
24. Харитонов, И. Н. К фауне стрекоз (Insecta, Odonata) гор юга Сибири [Текст] / И. Н. Харитонов // Членистоногие и гельминты. Фауна Сибири. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1990.
25. Bridges, C. A. Catalogue of the family-group, genus-group and species-group names of the Odonata of the world (second edition) [Text] / C. A. Bridges. – Urbana, 1993. – 800 p.
26. Kosterin, O. E. Odonata of Tuva, Russia [Text] / O. E. Kosterin, V. V. Zaika // International Journal of Odonatology. – 2010. – Vol. 13.
27. Tsuda, S. A distributional list of world Odonata [Text] / S. Tsuda. – Osaka, 2000. – 430 p.

ИСТОРИЯ

В связи с празднованием 150-летия со дня рождения П. А. Столыпина в декабре 2011 г. в Кемеровском государственном университете состоялась научно-практическая конференция «Столыпинские чтения. Роль реформ П. А. Столыпина в освоении Сибири». В данном разделе публикуются статьи, написанные авторами по итогам работы данной конференции.

УДК 94(47):372.579"1917/1930"

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ОБЩЕГО МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ В РАМКАХ СИСТЕМЫ МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРИОД 1917 – 1930 ГОДЫ

А. О. Аракелова

TO THE ISSUE OF ESTABLISHING GENERAL MUSICAL EDUCATION AND UPBRINGING IN THE FRAMEWORK OF THE SYSTEM OF MUSICAL EDUCATION DURING 1917 – 1930

A. O. Arakelova

В статье обозначены основные особенности одного из направлений системы музыкального образования – общего музыкального образования и воспитания, его развитие в период с 1917 по 1930 годы. Делается обзор образовательных учреждений, осуществлявших общее музыкальное образование и воспитание, и содержания образовательных программ, реализовавшихся в этих образовательных учреждениях в названный период.

Ключевые слова: музыкальное образование, общее музыкальное образование и воспитание, музыкально-просветительская деятельность, консерватория, Народная консерватория, рабфак, музыкальная школа, музыкальный техникум.

The article defines the major features of general musical education and upbringing as one of the areas in the system of musical education and its development during 1917–1930. The author presents a survey of educational institutions which provided general musical education and upbringing, as well as the outline of their educational programmes within the specified period.

Keywords: musical education, general musical education and upbringing, musical educational activities, conservatory, Public Conservatory, workers' faculty, music school, music training school.

Развитие системы музыкального образования в период с 1917 по 1930 годы происходило бурно, одна реформа сменялась другой, и уже к середине 30-х годов система приобрела те очертания, которые лишь уточнялись на протяжении следующих десятилетий XX века. Предшествовали этому и необычайный расцвет русской культуры второй половины XIX – начала XX века и наличие разветвленной сети музыкальных учебных заведений по всей стране с вполне оформленными целями и задачами, и развитие зародившихся в последние десятилетия XIX века двух направлений в области музыкального образования (профессионального музыкального образования и общего музыкального образования и воспитания), и воплощение в практику новаций, в том числе идеи о непрерывном образовании А. В. Луначарского, продолжавших традиции прошлого и в то же время ставших созвучными новому времени (например создание музыкального университета).

В обозначенный период вопросы культурного строительства и просвещения входили в функции Народного комиссариата просвещения (с 1917 до 1929 год его возглавлял А. В. Луначарский – публицист, историк искусства и литературы, видный политический деятель, а затем А. С. Бубнов – партийный

работник, занимавшийся вопросами культурного строительства в стране).

Путь культурных преобразований в стране был первопроходческим, а отсюда его противоречия и сложности. Вместе с тем необходимо отдать должное тому сложному периоду – культура и образование стали важнейшими сферами общественной деятельности. Прошлые достижения не уничтожались на корню, хотя и подверглись болезненной идеологической ломке. Важнейшей задачей культурного строительства тех лет стала коренная перестройка прежней системы просвещения в целом, ликвидация безграмотности населения. При этом образование и воспитание народа рассматривались как основа культуры советского общества.

В бурную жизнь страны с первых же дней советской власти окунулись Б. Л. Яворский, с его идеями реформы музыкального образования, Б. Асафьев и многие другие деятели музыкального искусства.

Что характерно, непростое взаимодействие двух направлений в системе музыкального образования второй половины XIX века (профессионального музыкального образования и общего музыкального образования и воспитания) сказалось и на выстраивании всей системы музыкального образования в XX веке, и

на его содержании, и даже на формировании различных государственных управленческих структур. При этом развитие музыкального образования всегда рассматривалось в контексте развития музыкального искусства в целом.

Вопросы музыкального образования были настолько актуальными для того времени, что для их решения создавалось несколько государственных управленческих структур, образовывались различные комиссии, советы, проводились съезды, совещания и т. д.

В июле 1918 года при Наркомпросе были созданы художественные отделы – Литературный (ЛИТО), Театральный (ТЕО), Изобразительных искусств (ИЗО) и Музыкальный (МУЗО), что позволило значительно шире развернуть работу по массовому художественному просвещению¹.

Основной задачей МУЗО была провозглашена задача приобщения трудящихся к сокровищам музыкальной культуры. Заведующим МУЗО с 1918 по 1921 годы был Артур Лурье (композитор). С 1921 по 1925 годы, по приглашению возглавлявшего Наркомпрос А. В. Луначарского, Музыкальный отдел возглавлял Б. Л. Яворский. В работе МУЗО активное участие принимали сестры Гнесины и многие другие деятели музыкального искусства того времени.

В МУЗО были созданы еще и свои подотделы – Специального музыкального образования, Общего музыкального образования, Концертный, Академический и Издательский. В поле нашего внимания попадает подотдел Общего музыкального образования (ОМО), поскольку именно его деятельность была связана с развитием в системе музыкального образования его второго направления – общего музыкального образования и воспитания.

Деятельность ОМО была направлена на массовое музыкальное просвещение², что было обусловлено не только необходимостью реализовывать и претворять в жизнь идеологические установки того времени, но также и тем, что возглавила этот отдел Н. Я. Брюсова, одна из создателей и идеологов Народных консерваторий начала XX века.

Уже в первые месяцы советской власти основное внимание было сосредоточено на организации концертов и массовых музыкальных мероприятий. Однако, по воспоминаниям Н. Я. Брюсовой, «концерты эти носили явно халтурный характер. Готовили их наспех, программы были случайные, построенные тоже наспех, исполнение не всегда было на высоте. Казалось, что те, кто требовали такой спешки от устроителей

концертов, не считали нужным заботиться об их художественности, — для рабочих масс достаточно и того, что им давали вообще какие-то концерты!» [1, с. 49].

Идеологической и практической платформой музыкально-просветительской работы ОМО, некоей опорной точкой, был опыт Народных консерваторий. Однако деятельность Народных консерваторий имела узкопросветительский характер, тогда как реалии нового времени требовали иных масштабов. Речь шла уже не просто о Народных консерваториях, в которых все-таки систематически учились несколько сот учащихся, заинтересовавшихся музыкой и желающих получить своего рода законченное общее музыкальное образование, а об организации работы по музыкальному просвещению широких масс. Поэтому деятельность ОМО была направлена на:

- открытие по всей стране целого ряда Народных консерваторий, различного вида самодеятельных кружков, общедоступных музыкальных школ, создание самодеятельных творческих коллективов;

- подготовку соответствующих руководителей и педагогов, поскольку, по воспоминаниям Н. Я. Брюсовой, «надо было руководить работой педагогов с различной подготовкой и опытом, ибо для миллионов новых слушателей и любителей музыки надо было привлечь к работе не отдельных передовиков, а массы рядовых музыкальных работников» [1, с. 51];

- проведение музыкально-просветительских лекций, концертов с репертуаром, состоящим как из произведений классической, так и народной музыки;

- издание методических брошюр и листовок по музыкальному просвещению, библиографических указателей, сборников песен и хоров.

Проблем было много, но самая главная – отсутствие кадров. Н. Я. Брюсова писала, что «можно было непосредственно связаться с рвущимися к просвещению народными массами. Возможности ограничивались только силами самих организаторов всех этих начинаний... именно это и было самой большой трудностью. Недоставало людей для проведения намечаемых мероприятий в жизнь» [1, с. 52].

Задача массовой подготовки кадров для музыкально-просветительской деятельности требовала особых организационных форм. В 1920 году между ОМО и ректором Московской консерватории М. М. Ипполитовым-Ивановым была достигнута договоренность об открытии в консерватории факультативных курсов «Сознательное восприятие музыки» и «Методика слушания музыки». Для консерватории того времени, сохранявшей именно академические музыкальные традиции прошлого, названия курсов были весьма своеобразными, но, поскольку их факультативность ни к чему не обязывала, согласие было получено. Однако время распорядилось более радикально – в 1921 году, по инициативе профессора консерватории Г. П. Прокофьева, – теоретика фортепианного исполнительства, в консерватории был открыт инструкторско-педагогический отдел (позднее факультет), а в его учебный план был включен ряд предметов для подготовки педагогов и инструкторов по общему музыкальному образованию и воспитанию.

Во многом благодаря именно Н. Я. Брюсовой, возглавлявшей ОМО до 1921 года, в образовательных

¹ Термин «художественное просвещение», как некое общее понятие, указывающее на сферу деятельности в области любого вида искусства, широко применялось в тот исторический период.

² Избранному нами понятию «общее музыкальное образование и воспитание» в качестве идентичных будут использоваться те определения, которые были общеупотребимыми в рассматриваемый исторический период и по содержанию были идентичны предложенному нами понятию (например, используемые Б. Л. Яворским и Н. Я. Брюсовой определения «музыкальное просвещение», «народное музыкальное образование» и др.).

учреждениях общее музыкальное образование и воспитание стало активно развиваться не в одном, а в двух направлениях: в общеобразовательной школе и специальных музыкальных учебных заведениях (на специально созданных факультетах, отделениях).

Постановлением Коллегии Наркомпроса от 25 июля 1918 года музыка впервые в истории общей школы вошла в учебный план как необходимый элемент общего образования детей, на равных началах со всеми другими предметами. А 16 октября 1918 года Луначарским А. В. были подписаны «Основные принципы единой трудовой школы», в которых школьным предметам «лепка», «рисование», «пение» и «музыка» отводилась чуть ли не первостепенная роль [2].

Взгляды Н. Я. Брюсовой полностью совпадали с воззрениями других деятелей музыкального искусства, в первую очередь, Б. Л. Яворского и Н. Финдейзена: разработанная Б. Л. Яворским методика включала в себя активизацию восприятия, музицирование (хоровое пение, игру в оркестре), движение под музыку – то есть детское музыкальное творчество; практическая педагогическая деятельность Н. Финдейзена в общеобразовательной школе основывалась на коллективном творческом музицировании – постановках с детьми опер, созданием оркестров.

Забегая вперед, можно сказать, что у Н. Я. Брюсовой и Б. Л. Яворского позже появился последователь в лице Д. Б. Кабалецкого. Можно по-разному относиться к разработанной Д. Б. Кабалецким и распространенной в 70-е годы его системе музыкального воспитания, основанной на «трех китах» – песне, марше, танце. Но нельзя не согласиться, что автор этой системы также обращается к синтезу музыки, слова и движения, помогающему ребенку постигнуть музыкальный язык.

Наиболее эффективной формой массового народного музыкального просвещения было избрано хоровое исполнительство, в чем прослеживаются идеи Б. Л. Яворского еще начала XX века, подхваченные Б. Асафьевым.

Хоровое пение рассматривалось как деятельность некоей организации, представляющей спаянный, дисциплинированный коллектив, который своим участием в концертах, демонстрациях, празднествах создает определенное приподнятое настроение, объединяет чувства масс. Именно поэтому хоровое пение рассматривалось как важнейший фактор музыкального просвещения. Всячески поощрялись большие хоровые коллективы (иногда достигающие в своем составе 3000 человек) – объединенные хоры заводов, фабрик, клубов и т. д. В эти же годы замечается рост самостоятельных (кружковых) духовых и народных оркестров, в том числе объединенных, численность которых иногда достигала 1000 человек³.

Надо отметить, что более фундаментальное образование в области общего музыкального образования и воспитания слушатели стали получать на созданных

в 20-е годы рабфаках – в 1923 году был открыт в Москве музыкальный отдел Единого художественного факультета при ВХУТЕМАСе, в 1929 году он был переподчинен Московской консерватории, а в 1931 году рабфак был открыт в Ленинградской консерватории. Задачей рабфаков была подготовка молодежи из рабочих и крестьян к поступлению в средние и высшие музыкальные учебные заведения в области исполнительского, музыкально-теоретического педагогического и инструкторско-педагогического направлений. Срок обучения на рабфаке составлял 3 – 4 года, а в перечень предметов входили и общеобразовательные предметы (42 часа в неделю), и музыкальные (9 часов в неделю) – музыкальная грамота, гармония, слушание музыки, хоровое пение, ритмика, фортепиано и дополнительно для инструкторско-педагогического отделения – методика хорового пения, методика музыкальной грамоты, методика обучения игре на русских народных инструментах, методика управления хором и оркестром.

В 1927 году в Москве открылась Воскресная рабочая консерватория с двухгодичным сроком обучения, явившаяся результатом развития идеи рабфака. В этой консерватории обучались в основном те, кто имел лишь незначительные навыки по владению музыкальным инструментом на любительском уровне. Аналогичные консерватории были открыты на Украине и в Белоруссии.

С 1924 года, одновременно с созданием рабфаков, стали открываться инструкторско-педагогические отделения на II ступени специальных музыкальных школ (бывших музыкальных училищ, позже – музыкальных техникумов). Обучающиеся на этих отделениях осваивали общие музыкально-теоретические, исполнительские предметы (игра на народном музыкальном инструменте, ансамблевое и оркестровое исполнительство, фортепиано), а также методику работы с оркестром, введение в дирижерскую и регентскую технику. В основе идеологии инструкторско-педагогических отделений лежало стремление к подготовке музыкантов не только владеющих игрой на одном из музыкальных инструментов, но и знающих клубную деятельность, то есть, умеющих осуществлять музыкально-просветительскую работу. Уже к концу 1930-х годов в рамках самостоятельного творчества в стране практически повсеместно действовали различные музыкальные ансамбли, оркестры (в основном народные), хоровые коллективы. Только в Ленинграде в 1928 году работало свыше 100 самостоятельных коллективов, в которых участвовало около 1500 человек.

Кроме того, согласно программам Московской и Ленинградской консерваторий 1930 года, в этих учебных заведениях также была предусмотрена подготовка исполнителей на народных музыкальных инструментах и руководителей народных оркестров [3].

Таким образом, к 1930-м годам был заложен фундамент для дальнейшего развития общего музыкального образования и воспитания.

Во-первых, были сформированы определенные структуры, ориентированные на подготовку специалистов в области музыкально-просветительской деятельности:

³ В Ленинграде для проведения массовых празднеств хоровые кружки стали объединяться в общегородскую хоровую организацию с 1919 года, с 1920 года оркестры народных инструментов стали объединяться в великорусские оркестры, объединение духовых оркестров было чуть позже – с 1924 года.

– музыкальные курсы, рабфаки и Воскресные рабочие консерватории, которые давали элементарные знания в области музыкального исполнительства и теории музыки;

– инструкторско-педагогические отделения музыкальных техникумов как среднее профессиональное образование;

– инструкторско-педагогические отделения консерваторий как высшее профессиональное образование.

Во-вторых, в профессиональном музыкальном образовании заявил о себе один из самых востребованных в дальнейшем видов музыкального искусства – исполнительство на народных музыкальных инструментах и руководство оркестром народных инструментов.

Таким образом, общее музыкальное образование и воспитание в первые годы советской власти получило широкое распространение и оказало большое влияние как на развитие музыкальной самодеятельности, так и на состояние профессионального музыкального образования, которое в это время также набирало темп в своем развитии.

Попытки подотдела ОМО слишком стремительно перешагнуть к новым представлениям о музыке, слишком большая уверенность в том, что именно му-

зыкальная самодеятельность масс, основанная, в первую очередь на народной песне, приведет их к новым представлениям о мире и новому качеству жизни, была характерна для того периода. Многим руководителям современных музыкальных кружков кажется из века существующей работа с детьми в области общего музыкального образования и воспитания посредством хорового пения, слушания музыки и внедрения народной песни во все виды музыкальных занятий. На самом же деле для того времени эти методы были новшеством, впервые введенным Народной консерваторией и впоследствии широко развитым подотделом ОМО.

Литература

1. Брюсова, Н. Массовая музыкально-просветительная работа в первые годы после Октября / Н. Брюсова // Советская музыка. – 1947. – № 6.
2. От Государственной комиссии по просвещению 16 октября 1918 г. // Народное образование. – 1999. – № 10.
3. Программы Московской и Ленинградской консерваторий и методические письма. – М.: Наркомпрос РСФСР, 1930.

УДК 378.014.15 "1906/1911"

РАЗРАБОТКА ПРОЕКТА НОВОГО УНИВЕРСИТЕТСКОГО УСТАВА В ГОДЫ СТОЛЫПИНСКИХ РЕФОРМ

С. С. Астапенко

WORKING OUT THE PROJECT OF THE NEW UNIVERSITY CHARTER IN THE YEARS OF STOLYPIN'S REFORMS

S. S. Astapenko

В статье рассматривается проект нового университетского устава, разрабатываемого в годы столыпинских реформ. Анализируются изменения, которые устав должен был внести в систему высшего образования Российской империи.

Ключевые слова: реформы, высшее образование, университетские уставы.

In the article the project of the new university charter developed in the years of Stolypin's reforms is considered. The changes which the charter would have brought in the system of higher education in the Russian empire are analyzed.

Keywords: reforms, higher education, university charters.

В начале XX в. необходимость реформ в сфере высшего образования витала не только в среде интеллигенции, но и осознавалась правительством. В Высочайшем Манифесте от 9 июля 1906 г. отмечалось: «Во всех отраслях народной жизни намечены были нами крупные преобразования, и на первом месте всегда стояла главнейшая забота Наша рассеять тьмуну народную светом просвещения» [1].

В июле 1906 г., после роспуска I Государственной думы и отставки С. Ю. Витте, новым председателем Совета министров становится П. А. Столыпин, с именем которого связан целый ряд реформ, направленных на модернизацию России.

Новый глава правительства, пользующийся репутацией «правого», в марте 1907 г. предложил депутатам Государственной думы довольно радикальную программу в социальной сфере: предлагалось сделать начальное образование всеобщим, принять законы о неприкосновенности личности и жилища, ввести систему социального страхования и т. д.

Внутриполитическая стабилизация, по мысли П. А. Столыпина, должна была стать фундаментом, обеспечивающим эффективность трансформационных процессов на протяжении всего переходного периода [5]. Важное место в достижении данной задачи принадлежало реформированию системы образования. В

обзоре законодательной деятельности третьей Государственной думы, опубликованном в 1912 г., отмечалось, что наиболее крупные преобразования в сфере образования были проведены в отношении низших учебных заведений, в менее полной степени были разрешены вопросы, связанные со средним образованием и, наконец, по отношению к высшему образованию, Государственная дума ограничилась почти исключительно увеличением числа учебных заведений» [3, с. 387]. Однако это не совсем так. Одним из преобразований в сфере высшего образования стала разработка нового университетского устава.

Рассматривая главную идею реформирования университетского образования, следует обратить внимание на одно из первых публичных высказываний П. А. Столыпина после вступления на пост председателя Совета министров: «Правительство, не колеблясь, должно будет и впредь предъявлять своим агентам безусловное требование всеми законными мерами ограждать население от обращения орудия просвещения и прогресса в способ пропаганды разрушения и насилия».

В мае 1910 г. законопроект «Об уставе и штатах Императорских Российских Университетов» был передан в особо образованную для его рассмотрения комиссию, однако так и не был реализован, оставшись лишь проектом [3, с. 398]. Университеты до конца имперского периода продолжали действовать на основе устава 1884 г., принятого в годы царствования Александра III.

Целью данной статьи является анализ разработанного в годы столыпинских реформ проекта университетского устава на фоне действующего 1884 г.

Проект разработанного устава начинался с определения целей университета: «Университеты суть учреждения, имеющие своею целью содействовать развитию наук в российском государстве и сообщать лицам, надлежаще к тому подготовленным, как общее, так и специальное высшее образование, а также способствовать приговору их к деятельности на различных поприщах государственного и общественного служения, требующих научной подготовки». В уставе 1884 г. они не прописывались.

В проекте и действующем уставе прописывались функции попечителя: забота о благосостоянии университета и наблюдения за процессом преподавания; посредничество между университетом и Министерством народного просвещения; принятие решений в чрезвычайных обстоятельствах и т. д. [6, ст. 7, 10]. Новым в проекте было лишь то, что попечитель одобрял время командировки должностным лицам до V класса включительно [7, ст. 11].

Первым лицом университета в действующем и проектируемом уставах признавался ректор, идентичными были процедура его выборов и функциональные обязанности. Отличительной чертой проекта было лишь то, что в нем более детально была прописана процедура выборов [6, ст. 411, 413; 7, ст. 13, 17 – 25]. В случае болезни или отсутствия ректора оба устава предусматривали временное выполнение его обязанностей проректором, а в случае отсутствия последнего – деканом факультета, старшего по этой должности [6, ст. 421; 7, ст. 48, 26]. Что касается проректора, то действовавший устав не расписывал его функции и

полномочия, а в проекте ему было посвящено три статьи [7, ст. 27 – 29].

Далее на управленческой лестнице стояли деканы факультетов. Оба устава прописывали, что декан избирался из числа профессоров факультета и утверждался в должности на четыре года министром народного просвещения по представлению попечителя [6, ст. 424; 7, ст. 48, 32]. В случае болезни или отсутствия декана, его обязанности должны были исполняться старшим по службе ординарным профессором [6, ст. 426; 7, 48, 36]. В проекте более детально прописывалась процедура избрания декана [7, ст. 30 – 33]. В качестве основной функции декана признавалось наблюдение за преподаванием на факультете [6, ст. 425; 7, 48, 31]. Дополнительными функциями по проекту были: назначение собраний факультета, председательство в них, внесение на обсуждение дел, подлежащих ведению факультета; забота о точном и своевременном исполнении факультетских постановлений; наблюдение за правильным ходом дел в факультетских собраниях и за закономерностью их постановлений; наблюдение за ведением списков студентов своего факультета с распределением их по учебным группам [7, ст. 30 – 31].

Полностью совпадает информация о составе факультетов и факультетских собраниях. Однако в проекте функции факультетов были существенно расширены [7, ст. 40]. Расширился и список дел, которые факультет на окончательное решение должен был передавать в Университетский совет: одобрение правил для заведования университетскими клиниками; предположения об учреждении или улучшении учебно-вспомогательных установлений; постановления о напечатании сочинений; ходатайства о вознаграждении за преподавание при отсутствии штатного преподавателя и по вакантным кафедрам; ходатайства о назначении пособий профессорам, преподавателям и лицам, состоящим при учебно-вспомогательных учреждениях, командированным с ученою целью; постановления о приглашении и вознаграждении учителей искусств для преподавания в университете [7, ст. 40]. Проект устава значительно расширил и перечень дел, по которым решения факультетов должны были передаваться на рассмотрение попечителей: списки зачисляемых в студенты; правила конкурсного испытания для лекторов; ходатайства об оставлении на дальнейшей службе в университете [7, ст. 40].

Следующим структурным подразделением университета по действующему уставу и проекту являлся Совет университета. К общим для двух уставов функциям необходимо отнести: утверждение научных степеней; ходатайства по утверждению «в степени доктора, таких магистрантов, которыми представлены будут диссертации, отличающиеся особенными научными достоинствами» [6, ст. 430; 7, 49, 46]. Проект еще предполагал и избрание председателя библиотечной комиссии и редактора университетских изданий; составление годового отчета о деятельности университета для представления министру народного просвещения; рассмотрение отчетов университетского врача [7, ст. 46].

Что касается Правления университета, то проект предполагал его значительное расширение: к уже имеющемуся составу (ректор, деканы, инспектор) до-

бавлялся советник хозяйственной части [7, ст. 51]. Проект устава предусматривал введение новых функций: ежемесячная ревизия принадлежащих университету денежных сумм; надзор за производством ремонта; производство торгов на поставки и подряды согласно кондициям; заготовка предметов и материалов; распределение по факультетам стипендий и сумм на пособия студентам; распределение помещений под учебно-вспомогательные учреждения и под квартиры должностных лиц [7, ст. 53].

Что касается вопросов кафедры богословия, настоятеля университетской церкви и профессора богословия, то данные в обоих уставах совпадают [6, ст. 453; 7, 52, 54, 82].

Проект университетского устава особое внимание уделял канцелярии университета и лицам, служащим по административной, хозяйственной и врачебной частям, им посвящены статьи с 55 по 71.

Оба устава предполагали одинаковый набор факультетов, но менялся состав кафедр. На историко-филологическом факультете обоими уставами предполагались следующие кафедры: философия, классическая филология, русский язык и русская литература, сравнительное языковедение, славянская филология, история западно-европейских литератур, всеобщая история, русская история, история церкви, теория и история искусств, историческая география и этнография [6, ст. 455; 7, 52, 84]. Проект отменял кафедру санскритского языка, но вводил древнеиндийский язык и романо-германскую филологию, историю славян [7, ст. 84].

На физико-математическом факультете предполагались следующие кафедры: астрономии и геодезии, физики, физической географии, химии, минералогии, геологии, ботаники, зоологии, сравнительной анатомии, технической химии, агрономии. Проект предполагал наличие еще ряда кафедр: математики, метеорологии, петрографии и кристаллографии, палеонтологии, анатомии человека и гистологии, эмбриологии, физиологии животных, географии и антропологии, почвоведения и агрономической химии, механики и упразднение кафедр чистой математики, физиологии, технологии [6, ст. 456; 7, ст. 52, 85].

На юридическом факультете предусматривались следующие кафедры: римского права, гражданского права и судопроизводства, торгового права и судопроизводства, уголовного права и судопроизводства, истории русского права, государственного права, международного права, финансового права, церковного права, политической экономии, статистики, энциклопедии права. По проекту упразднялась кафедра полицейского права, а кафедра политической экономии и статистики были разделены на две самостоятельные [6, ст. 457; 7, ст. 52]. Предусматривалось введение и новых кафедр – административного права, истории философии права [7, ст. 86].

На медицинском факультете оба устава предусматривали наличие следующих кафедр: анатомии, гистологии с эмбриологией, физиологии, общей патологии, патологической анатомии, фармакологии с рецептурой, фармации и фармакогнозии, общей терапии с физиотерапией и учением о минеральных водах, частной патологии и терапии, учение о нервных болезнях, учение о душевных болезнях, дерматологии и

сифилидологии (с клинкою), акушерства, учения о женских болезнях, хирургической патологии, десмургии, оперативной хирургии с топографической анатомией, факультетской хирургической клиники, госпитальной хирургической клиники, офтальмологии (с клинкою), судебной медицины, гигиены и медицинской статистики, ветеринарной полиции, истории медицины с энциклопедией медицины. Согласно проекту, предполагалось открытие новых клиник: факультетской терапевтической клиники, госпитальной терапевтической клиники, клиник нервных и душевных заболеваний, клиника женских заболеваний, пропедевтической клиники и кафедр: сравнительной анатомии, физиологической химии, бактериологии, терапии внутренних болезней и диагностики внутренних болезней, учения о детских болезнях, акушерства, механургии и ортопедии, урологии, одонтологии, ринологии, ларингологии и отиатрии, токсикологии, эпидемиологии и медицинской полиции и эпизоотологии [6, ст. 458; 7, 52, 87].

На факультете восточных языков С.-Петербургского университета, по проекту при сохранении существующих, открытие кафедр мусульманского законоведения, османской словесности, угро-финской словесности, древнеиндийской филологии, японской словесности, иранской филологии, арамейского наречия, тибетской словесности и истории Востока [7, ст. 87].

В отношении профессорско-преподавательского состава оба устава устанавливали, что один преподаватель не мог занимать две кафедры, возможно лишь временное замещение «вакантной должности» [6, ст. 463; 7, ст. 93]. Профессору или доценту одного факультета предоставлялось право, сверх преподавания по занимаемой им кафедре на своем факультете, вести преподавание по предмету своей специальности на другом факультете [6, ст. 468; 7, ст. 54, 96].

Статья 95 проектируемого устава строго регламентировала время работы преподавателей: «...штатные преподаватели должны посвящать преподаванию своего предмета столько часов в неделю, сколько им назначит факультет, согласно требованиям действующих учебных планов; при этом профессора должны посвящать на преподавание в университете не менее шести недельных часов, а доценты не менее четырех».

Устав 1884 г. предполагал существование такой административной единицы, как инспектор, находящегося при ректоре и контролирующим правила университетской жизни [6, ст. 447; 7, ст. 51]. В своем подчинении инспектор имел: помощников, «число которых определяется сообразно числу студентов и расположению университетских зданий», и секретаря. Право утверждения на эти должности закреплялась за попечителем учебного округа [6, ст. 449; 7, ст. 51].

На каждом факультете преподавание велось по одному или нескольким общим учебным планам, одинаковым для всех университетов и утвержденным министром народного просвещения [6, ст. 470; 7, ст. 51, 98]. В вопросах проведения «испытаний» уставы совпадают [6, ст. 487 – 489; 7, ст. 104 – 105, 110 – 111, 114].

Что касается учебно-вспомогательных установлений, то в действующем уставе и проекте отмечалось,

что их число может быть увеличиваемо по мере надобности и средств, по ходатайствам факультетов через правление университета, с разрешения министра народного просвещения [6, ст. 493; 7, ст. 56, 117].

Одним из самых масштабных учебно-вспомогательных учреждений была библиотека. Непосредственное заведование библиотекою университета со всеми ее отделениями поручалось библиотекарю, которому помогали штатные помощники [6, ст. 496; 7, ст. 56, 118]. Правила заведования библиотекою и ее отделениями, приобретения книг и пользования ими составлялись Советом университета и утверждались попечителем учебного округа [6, ст. 494; 7, ст. 56, 119]. Однако проект устава предусматривал более подробное описание библиотеки: «Ближайшее наблюдение за исполнением сих правил и общее руководство библиотечным делом в университете возлагаются на библиотечную комиссию [7, ст. 119]. Библиотечная комиссия состоит из председателя, членов, по одному от каждого факультета, и библиотекаря университета. Производство по делам библиотечной комиссии возлагается на библиотекаря университета» [7, ст. 120].

Что касается клиник, то действующий устав устанавливал те же правила, что и для библиотеки [6, ст. 494; 7, ст. 56]. А вот уже в проекте устава предполагалось, что правила для заведования университетскими клиниками устанавливаются медицинским факультетом, с одобрения правления и утверждения попечителя. Ближайшее наблюдение за исполнением данных правил возлагалось на клинический совет, состоящий из всех заведующих клиниками профессоров, а также советника по хозяйственной части [7, ст. 121].

Прочие учебно-вспомогательные учреждения университета поручались заведованию тех профессоров, к предметам преподавания которых они относятся, согласно правилам, установленным для факультетов [6, ст. 494; 7, ст. 56, 122].

К числу преподавательского состава университет относились: ординарные профессора, экстраординарные профессора, доценты, лекторы, приват-доценты, а также «лица, состоящие при учебно-вспомогательных установлениях». Оба устава прописывали, что никто не мог стать профессором университета, не имея степени доктора одного из российских университетов по разряду наук, соответствующих его кафедре [6, ст. 499; 7, ст. 56, 126].

Весьма подробно проект рассматривал лиц, состоящих при учебно-вспомогательных учреждениях: ученый секретарь Музея изящных искусств имени Императора Александра III при Московском университете, астроном-наблюдатель, метеорологи-наблюдатели, где они полагаются по штату, прозекторы, ассистенты клиник, помощники прозектора, прочие ассистенты, лаборанты, хранители, вычислители, консерватор по художественной части музея Императора Александра III при Московском университете, помощник директора Бактериологического института имени Чуриных при Томском университете, врач, заведующий Пастеровскими прививками того же института, ординаторы и ученый-садовник [7, ст. 143]. Сверх положенного штата, по мере потребностей университета, могли быть сверхштатные должности с

окладами из специальных средств, не превышающими штатных окладов [7, ст. 143]. На сверхштатных лиц распространялись права служащих, занимающих соответственные штатные должности [7, ст. 143]. Согласно статье 144 проекта устава, должности астронома-наблюдателя, метеорологов-наблюдателей, прозекторов и ассистентов клиник могли быть замещаемы только лицами, имеющими, по крайней мере, степень магистра одного из российских университетов по соответствующему разряду наук. Для занятия прочих должностей учебной службы при учебно-вспомогательных учреждениях достаточно было звания действительного студента по соответствующему факультету, кандидата медицинских наук или соответствующее звание другого русского высшего учебного заведения.

Оба устава прописывали условия принятия в студенты молодых людей, окончивших гимназии. Но только устав 1884 г. разрешал прием в университет лиц духовного звания, чего не было в проекте. В связи с чем мы можем предположить намерение Столыпина закрепить сословность высшего образования.

Прием вновь поступающих студентов производился один раз в год, до начала учебного года (до 20 августа). Каждый поступающий обязан был в прошении, подаваемом на имя ректора университета, заявить, на какой факультет желает он записаться; сверх сего, поступающий представлял письменное заявление на имя декана факультета, на который планировалось поступление [6, ст. 517; 7, ст. 58, 148]. Студенты и посторонние слушатели обязаны были соблюдать правила, установленные для них советом университета, с утверждения министра народного просвещения [6, ст. 521; 7, ст. 58, 151].

Проект устава весьма подробно рассматривал систему наказаний за студенческие проступки: в случае нарушения студентом университетских правил и неподчинения данным ему по сему поводу деканом факультета указаниям, ректор делал студенту напоминание. При повторении того же нарушения после напоминания со стороны ректора, а в случаях особо важных нарушений и без такого особого напоминания, виновный увольняется из университета [7, ст. 153]. В случае нарушения студентами или посторонними слушателями порядка в университете и неповиновения распоряжениям учебного начальства, ректор, а за его отсутствием проректор, при безуспешности сделанного внушения, мог потребовать немедленного содействия местной полиции для восстановления порядка и удаления виновных и неповинующихся из здания университета [7, ст. 154]. Вне зданий университета студенты подлежат ведению полицейских установлений на общем основании; но подчинение надзору полиции не освобождает их от ответственности перед своим учебным начальством [7, ст. 155]. О всяком преступлении или проступке, совершенном студентом вне университета, полиция должна была немедленно уведомить ректора [7, ст. 156].

Подробное описание системы наказаний в отношении студентов представляется нам обоснованным в связи с массовыми студенческими волнениями начала XX в. Студенческое движение представляло собой важный фактор общественной жизни страны, а склон-

ность студенчества к протестным действиям неизбежно привлекала к нему повышенное внимание властей. Например, появление в Томске нового отряда студенчества – студентов технологического института, не только увеличивало количественный состав сибирской вузовской молодежи, но и способствовало активизации ее действий. В Томске уже были сильны традиции студенческого движения, сформировавшиеся в рамках Томского университета [2, с. 1].

Оба устава указывали и возможные причины отчисления студентов: одинаковой причиной была – академическая неуспеваемость [6, ст. 526; 7, ст. 59, 157]. Устав 1884 г. предполагал возможность отчисления еще по одной причине – за правонарушение, по решению профессорского дисциплинарного суда [6, ст. 524; 7, ст. 59].

Проект устава предусматривал возможность обучения не только студентов, но и вольнослушателей: «Сверх студентов, если окажется возможным по размерам учебных помещений и по средствам учебно-вспомогательных учреждений, допускаются к слушанию лекций и к практическим занятиям также посторонние слушатели». Никаким испытаниям в университете посторонние слушатели не подвергались. В число вольнослушателей могли приниматься: а) окончившие курс в высших учебных заведениях и б) окончившие курс средних учебных заведений или представившие свидетельства о выдержании соответственных испытаний. Министром народного просвещения, по его усмотрению, могли быть командированы в университеты для слушания лекций и участия в практических занятиях, в качестве посторонних слушателей, учащиеся в различных учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения» [7, ст. 150].

Последние части двух уставов описывали права университетов. Оба устава подтверждали следующие права:

1. Университеты имеют большую и малую печати с изображением Государственного герба и надписью «Императорского (такого-то) университета» [7, ст. 171].

2. Университеты имеют право, с утверждения министра народного просвещения, возводить в звание почетных членов лиц, известных покровительством наукам или прославившихся своими дарованиями или заслугами, и выдавать таким лицам дипломы на это звание [7, ст. 172].

3. Университеты имеют право издавать периодические труды ученого содержания и иметь на общем основании типографии и книжные лавки [7, ст. 175].

4. Университетам, в состав которых входит медицинский факультет, дозволяется содержать собствен-

ные аптеки с правом вольной продажи лекарств [7, ст. 176].

5. Выморочные имущества, остающиеся после служащих в университетах лиц, обращаются в собственность сих учебных заведений [7, ст. 177].

6. Университетам предоставляется приобретать, на праве полной собственности, движимые и недвижимые имущества. Льготы, которыми пользуются университеты относительно платежа пошлин, гербового и иных сборов, а также по отправлению государственных, земских и городских повинностей, определяются в подлежащих уставах [7, ст. 178].

Еще к правам университетов проект устава относил возможность учреждения ученых обществ и получение из заграницы изданий, которые не подлежали цензуре [7, ст. 174].

Таким образом, проектируемый устав мог ввести ряд новшеств, однако планам и замыслам П. А. Столыпина не суждено было сбыться, 5 (18) сентября 1911 г. его не стало. После его кончины все реформы были свернуты, несмотря на убеждение реформатора: «...Цель и задачи Правительства не могут меняться в зависимости от злого умысла преступников: можно убить отдельное лицо, но нельзя убить идею, которой одушевлено Правительство. Нельзя уничтожить волю, направленную к восстановлению возможности жить в стране и свободно трудиться» [4].

Литература

1. Аксаков, А. П. Петр Аркадьевич Столыпин, жизнь за Царя и Родину положивший: [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://gosudarstvo.Voskres.ru/heald/stolypin/stlp_02.htm
2. Ищенко, О. В. «Студенческое движение в Томском технологическом институте в первые годы его существования (1901 – 1903 годы) / О. В. Ищенко. – Омск.
3. Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва 1907 – 1912 гг. Законодательная деятельность. – СПб, 1912. – Ч. 2.
4. Первая публичная декларация Столыпина по вступлении на пост председателя Совета министров (правительственное сообщение).
5. Пожигайло, П. А. Базовые компоненты столыпинской программы модернизации России / П. А. Пожигайло, К. И. Могилевский: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.stolypin.ru/publications/?ELEMENT_ID=485.
6. Свод законов Российской империи. Кн. 4, том IX, ч. I.
7. Программа реформ Столыпина П. А. Документы и материалы. Т. 2.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/libris/stolypin/_stpn2tom.php.

УДК 336.273.3(47+57)''1906/1911''

ВНЕШНИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДОЛГ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ГОДЫ ПРЕМЬЕРСТВА П. А. СТОЛЫПИНА (1906 – 1911)

О. В. Баев

THE RUSSIAN EXTERNAL GOVERNMENT DEBT IN P. A. STOLYPIN'S PREMIERSHIP PERIOD (1906 – 1911)

O. V. Baev

В статье анализируется состояние внешнего долга Российской империи в годы нахождения П. А. Столыпина на посту председателя Совета министров. Рассматриваются причины изменения правительственной политики от активного получения внешних займов к отказу от них и приоритетному погашению. Данное явление объясняется экономическим подъёмом России, в том числе и в результате политики П. А. Столыпина.

Ключевые слова: внешний долг, правительственная политика, финансы.

In this article the status of the external debt of the Russian Empire (in the period of P. A. Stolypin's chairmanship in the Council of Ministers) is analysed. The reasons of government policy changes from active foreign loans to their top-priority reimbursement and refusal are observed. This phenomenon can be explained by economic recovery of Russia, partially thanks to P. A. Stolypin's policy.

Keywords: external debt, government policy, finances.

К моменту занятия П. А. Столыпиным поста председателя Совета Министров было завершено получение самого большого в истории Российской империи внешнего государственного займа – 5 % займа 1906 г. В результате к концу 1906 года внешний долг России составлял внушительную сумму – 2285361026 рублей [9, 1909, с. 238 – 239].

Вместе с тем еще в апреле 1906 г. тогдашний председатель Совета министров И. Л. Горемыкин настоял на замене министра финансов И. П. Шипова В. Н. Коковцовым, хотя последний и пытался уклониться от этого назначения [12, с. 147 – 154]. Один из руководителей Парижско-Нидерландского банка Э. Нецлин оценивал пребывание Коковцова во главе финансовой администрации как благоприятный фактор для поддержания доверия к русским финансам [20, л. 6 об.].

Собственно же финансовое положение Российской империи оставалось достаточно сложным. 6 сентября 1906 г. Коковцов в письме Столыпину писал, что не видит возможности заключения внешнего займа [24, с. 340]. В связи с этим 28 сентября министр финансов издал распоряжение о продлении до 31 декабря 1907 г. действия условий краткосрочных обязательств в иностранной валюте [9, 1907 – 1908, с. 16]. В письме от 14 ноября он повторил, что правительство не только не имеет права прибегнуть к заключению займа до созыва Государственной думы, но и фактическая реализация такого займа вызвала бы затруднения из-за недоверия со стороны финансовых сфер [24, с. 359]. Видимо, это же имел в виду В. И. Ленин, когда в сентябре 1906 г. писал, что «получить новый заем уже не получилось» [14, с. 387]. Это подтверждает и профессор М. И. Боголепов: «Осенью 1906 года, когда втихомолку готовилась за границей заемная операция русского правительства, интернациональное бюро социалистической партии (в Брюсселе) выпустило воззвание, приглашавшее, между прочим, депутатов-социалистов Франции воспротивиться новой финансовой затее» [2, с. 275].

Потенциальные финансовые проблемы вызвали обеспокоенность и в зарубежной прессе. 13 октября 1906 г. в газете «Der Tag» была опубликована большая статья Рудольфа Мартина «Die drohende Zahlungsfähigkeit Ruslands» («Угрожающая платёжеспособность России»), в которой констатировалось, что финансовая политика России основана на систематическом обмане кредиторов и прогнозировалось её неизбежное государственное банкротство. В связи с этим предлагалось создать в Германии специальную комиссию для принятия уголовных и гражданско-правовых мер в защиту интересов кредиторов [24, л. 1, 2]. В ответ русское Министерство финансов подготовило свою статью, в которой содержались возражения на обвинения Мартина [24, л. 13 – 24]. Но её публикации не потребовалось, так как уже 23 октября в «National-Zeitung» была опубликована статья «Die Trugschlüsse des Herrn Martin über die russischen Finanzen» («Ложные выводы господина Мартина о русских финансах»), в которой аргументы Мартина опровергались [24, л. 37, 38, 42].

Тем не менее в письме от 4 декабря 1906 г. Э. Нецлин настоятельно советовал В. Н. Коковцову в течение 1907 г. воздерживаться от обращения к заграничным рынкам, что «имело бы бесспорно благотворное значение для престижа русских финансов и сильнее всяких аргументов содействовало бы восстановлению прежнего доверия к вашим национальным фондам» [17, с. 147]. Русский министр финансов прислушался к своему зарубежному партнёру и «в последующие годы наблюдается резкое и неуклонное уменьшение не только относительных, но и абсолютных размеров займовых доходов» [33, с. 177].

В конце февраля 1907 г., по инициативе находящегося в отставке Витте, состоялось частное совещание по вопросам денежного обращения. 3(16) апреля 1907 г. он составил записку, в которой подвел итоги полемики. Без заграничных займов Витте считал невозможным экономическое развитие страны и призвал строить расчеты на неминуемой необходимости

внешних займов, которые нужны и для внешних платежей Государственного казначейства, и на производительные цели [1, с. 254 – 257]. По мнению В. И. Ленина, весной 1907 г. правительству был необходим новый заем, но без согласия Думы его можно было получить только на очень тяжелых условиях [13, с. 163]. Вместе с тем известный учёный и банковский деятель С. С. Хрулёв считал, что «если в стране водворится порядок и законодательная власть одобрит обращение к заграничным рынкам для заключения займа на производительные цели, то, несомненно, мы можем поместить на заграничных рынках займы на весьма крупные суммы» [29, с. 292].

Однако Коковцов, поддержанный большинством совещания, счёл, что при современном экономическом и политическом положении страны заключение внешних займов на выгодных условиях сомнительно, да и сами займы опасны, так как их заключение приведёт в конце концов к расстройству государственного кредита и всего финансового положения страны [34, с. 126]. В бюджетном докладе на 1910 год он так объяснит свою точку зрения: «Увеличение задолженности государства обыкновенно обременяет платёжные силы населения, причём возрастание расходов по заёмным обязательствам совершается или за счёт повышения обложения, или за счёт сокращения затрат на производительные и прочие потребности государства» [9, с. 74].

При этом ситуация на международных финансовых рынках к этому времени складывалась вполне благоприятно. Французская пресса и правительство Франции не обеспокоились роспуском II Думы и операция с русским займом 1906 г. была успешно завершена [10, с. 163]. Англо-русское соглашение 1907 г. также, и по мнению Коковцова, и с точки зрения французских банковских сфер, должно было стать большим подспорьем для укрепления русских финансов [26, с. 166, 167].

В результате в период премьерства П. А. Столыпина Россия достаточно аккуратно обслуживала свой внешний долг. «Наш внешний долг должен начать последовательно и неуклонно сокращаться, на что не следует жалеть никаких средств. Погашение его возможно единственно путём покупки на иностранных биржах наших бумаг, для чего должен дать средства активный расчётный баланс» [32, с. 48]. В 1907 г. на выплату процентов по внешним займам было затрачено 99 009 711 руб., а на погашение основной части долга – 57346 224 руб., в 1908 г. – соответственно 95 403 788 и 58 504 352 руб., в 1909 г. – 100 759 671 и 4 773 360 руб. и в 1910 г. – 116 662 869 и 6 648 766 руб. [9, 1909, с. 238; 1910, с. 320; 1911, с. 230; 1912, с. 230].

Сокращение сумм, затраченных на погашение долгов в 1909 – 1910 гг. по сравнению с 1907 – 1908 гг. объясняется тем, что в 1907 г. русскому правительству предстояло погасить краткосрочные обязательства Государственного казначейства, выпущенные в конце 1906 г. в германской валюте на достаточно большую сумму – 52 986 111 руб. Из затруднительного положения вышли благодаря «любезности» заграничных банкиров, которые согласились отсрочить погашение этой суммы до 1908 г. путем формальной оплаты обязательств сроков 1907 г. и вы-

пуска взамен их новых обязательств на ту же сумму, выручка от реализации которых за вычетом учёта и банковской комиссии составила 49572381 руб. [9, 1909, с. 72, 238; 28, с. 218]. В 1908 г. краткосрочные обязательства Государственного казначейства на 114 450 000 герм. марок = 52 978 905 руб. были погашены и вновь реализованы, чтобы быть окончательно погашенными к концу 1908 г. Расходы по отсрочке погашения краткосрочных обязательств и проценты составили 2,8 млн руб. [9, 1910, с. 11, 64].

В июне 1908 г. русское правительство начало подготовку большого государственного займа, предназначенного для погашения 5 % обязательств 1904 г., срок которых истекал в мае 1909 г. Б. В. Ананьич указывает, что «к этому времени Коковцову удалось поднять цену на облигации 5 % займа 1906 г. до уровня выпускной» [1, с. 219]. Действительно, к августу 1908 г. курс 5 % займа 1906 г. составлял 99,15 %, а к марту 1909 г. – 100,82 % [9, 1910, с. 164]. Это свидетельствовало о благоприятном восприятии зарубежными финансистами ситуации в России.

С другой стороны, при свидании российского и английского императоров последний пообещал повлиять на лондонских банкиров с целью доставления России денег на железнодорожное строительство [19, с. 128].

Однако главным кредитором России оставалась Франция. В письме министру иностранных дел А. П. Извольскому от 18 июня (1 июля) 1908 г. В. Н. Коковцов просил передать французскому правительству, что он хотел бы заключить заем на 450 млн руб. (1 млрд. 200 млн франков) действительных, из которых 300 млн руб. (800 млн франков) пойдет на погашение обязательств, а остальные 150 млн предназначены для покрытия чрезвычайных расходов 1909 г. Коковцов не прочь был придать новой операции международный характер путем привлечения к ней лондонского, амстердамского и берлинского рынков, но предвидел естественные возражения французского правительства, так как из 450 млн руб. 300 млн руб. пойдут на погашение обязательств исключительно на парижском рынке, а оставшихся 150 млн руб. слишком мало, чтобы представлять существенный интерес для Лондона, Амстердама и Берлина [1, с. 221].

Вскоре состоялось совещание Коковцова с представителями всех думских фракций, которые согласились с внесением в Государственную думу представления о заключении внешнего государственного займа на сумму до 450 млн руб. [1, с. 222].

Любопытно, что одной из сил, заинтересованных в заключении займа, стали французские журналисты. Российский финансовый агент в Париже А. Г. Рафалович объяснял это тем, что «в настоящее время нет платной рекламы, а русский заем обеспечил бы ее» [8, с. 230]. 3(16) июля французский министр финансов Кайо известил Коковцова о согласии французского правительства на предстоящую финансовую операцию [1, с. 224]. Во время визита президента Франции Фальера в Ревель 14 – 15(27 – 28) июля французское правительство выразило пожелание, чтобы часть средств от займа пошла на военные улучшения и строительство стратегических железнодорожных линий. Царь и Извольский дали заверения в желательном для Франции смысле [11, с. 74], и президент

Франции лично заверил императора в окончательном решении вопроса о займе [21, л. 66].

15(28) июля Коковцов получил письмо от директора банкирского дома «Baring Brothers» лорда Ревельстока, подтвердившего свое намерение принять участие в ближайшем займе русского правительства в сумме 150 млн франков. Русский министр финансов ухватился за это предложение, чтобы придать займу международный характер [1, с. 224]. Кроме того, английский рынок обладал тем преимуществом по сравнению с французским и немецким, что выпуск займов в Англии обходился дешевле [15, с. 623]. По мнению Г. Хальгартена, именно королевские финансисты Кассель и Ревельсток побудили Эдуарда VII пойти на встречу с Николаем II в Ревеле 9 – 10 июня 1908 г., чтобы вести переговоры о займе [30, с. 401].

Нецлин уверил Коковцова, что боны 1904 года главным образом размещены в кассах банков «русской группы» и лишь малая их часть была продана публике, поэтому конверсия не встретит затруднений [12, с. 304]. И в начале августа Коковцов в Гамбурге приступил к непосредственным переговорам с французскими банкирами об условиях планировавшегося на конец года займа. В ходе переговоров он столкнулся с открытым соперничеством между различными финансовыми группами, которые должны были принять участие в займе, но отказался передать подготовку операции от Эдуарда Нецлина Рудольфу Готтингеру. Что касается условий займа, то Коковцов считал наиболее удобным выпуск 4 % займа, соглашался на 4,5 %. При этом он решительно отверг 5 % тип займа, предложенный *Crédit Lyonnais* [1, с. 224, 225].

Но 21 сентября (4 октября) 1908 г. во французских газетах появились сообщения о готовившейся аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией. Русский министр иностранных дел Извольский сразу же стал объектом критики французской печати, обвинявших его в хранении молчания о готовящейся аннексии для реализации большой финансовой операции в Париже. В результате Коковцов и Нецлин вынуждены были отложить заем как минимум до завершения переговоров между великими державами [1, с. 235 – 238]. Сама же заинтересованность России и Франции в займе, по мнению германского канцлера Б. Бюлова, способствовала устранению политического напряжения во время Боснийского кризиса [4, с. 354].

28 ноября 1908 г. Государственная дума санкционировала заем в 300 млн руб. для погашения 5 % обязательств государственного казначейства 1904 г. и 150 млн руб. для покрытия чрезвычайных расходов 1909 г. Против нового займа выступили только социал-демократы и трудовики, а кадетская фракция, одоблив погашение обязательств 1904 г., высказалась против права занимать 150 млн руб. до утверждения бюджета 1909 г. [7, ч. 1, стлб. 1985, 1986]. Тем не менее такую общую сговорчивость Государственной думы С. Ю. Витте объяснял тем, что В. Н. Коковцов преувеличил натянутость политических отношений в связи с Боснийским кризисом, в результате чего в ближайшем будущем могла вспыхнуть война [6, с. 510].

6(19) декабря 1908 г. царь утвердил одобренный Государственной думой и Государственным советом закон о предоставлении министру финансов права

выпустить заем для погашения 5 % обязательств Государственного казначейства 1904 года и покрытия предполагаемого недостатка средств для производства чрезвычайных расходов по государственной росписи на 1909 год на сумму не свыше 450 млн руб. [18, т. 28, отд. 1, с. 932, 933].

Завершающий этап переговоров о займе принял достаточно острый характер. Синдикат банков настаивал на выпуске 4,5 % займа по цене 88 %, причем из нее должны были быть покрыты комиссионное вознаграждение синдикату в размере 4 %, французский гербовый сбор в размере 2 % и операционные расходы в размере 0,5 %. Коковцов же считал возможным установить выпускную цену нового займа в 91 %. 21 декабря 1908 г. он отправил в Берлин представителю банкирского дома «Mendelssohn & Co» А. Фишелю телеграмму, в которой упоминал о возможности разрыва переговоров о займе, а Нецлину предложил рассмотреть вопрос об условиях займа другого типа [1, с. 245].

В результате синдикат дал согласие на выпускную цену займа в 89 %, и Комитет финансов на своих заседаниях 21 и 23 декабря 1908 г. (3 и 5 января 1909 г.) высказался за необходимость заключения займа при условии сокращения срока, защищенного от погашения и конвертации с 20 до 12 или хотя бы 15 лет и желательности уменьшения комиссионного вознаграждения банкирам с 4 до 3,5 % [1, с. 246, 247]. В конце концов скидка синдикату банкиров была определена в размере 3¼ % [17, с. 149]. Член Комитета финансов С. Ю. Витте оценивал условия займа как крайне невыгодные и объяснял его заключение удостоверением Коковцова об опасности в ближайшем будущем войны [6, с. 510].

1(14) января 1909 г. контракт о займе был подписан, а на следующий день Николай II подписал именной Высочайший указ о выпуске 4,5 % займа [1, с. 247]. Коковцов воспользовался предоставленным Думой правом в определении и нарицательной суммы займа и заключил заем на 525 млн руб. = 1400 млн франков = 1 131,2 млн герм. марок = 662,2 млн голл. гульденов = 55 580 тыс. ф. ст. Преимущественное право на приобретение обязательств займа предоставлялось держателям 5 % обязательств Государственного казначейства 1904 года. Облигации выпускались именные и на предъявителя достоинством 500, 2500 и 5000 фр., считая каждые 500 фр. = 187 руб. 50 коп. = 19 ф. ст. 17 шилл. = 404 герм. марки = 239 голл. гульденов. Течение процентов начиналось 2(15) января 1909 г. Заем подлежал погашению тиражами не позднее 2(15) января 1959 г., начиная с 1919 г. На погашение ежегодно с 1919 г. отчислялось 0,934315 % с нарицательного капитала займа с прибавлением процентов на вышедшие в тираж облигации. До 2(15) января 1919 г. не могло быть приступлено ни к полному, ни к частичному погашению займа. Уплата процентов и выплата капитала по вышедшим в тираж облигациям производилась в России рублями в Государственном банке, во Франции – франками, в Германии – имперскими германскими марками, в Голландии – голландскими гульденами, в Англии – фунтами стерлингов и в Бельгии и Швейцарии – франками по курсу дня на Париж. Облигации и купоны займа навсегда освобождались от русских налогов и сохраняли пла-

тёжкую силу в течение соответственно 30 и 10 лет со срока выплаты по ним капитала [18, т. 29, отд. 1, с. 4, 5].

В этот же день вышло распоряжение министра финансов, в соответствии с которым облигации нового займа принимались в залоги по казённым поставкам и подрядам, уплату таможенных пошлин и акцизов, а вышедшие в тираж облигации и купоны – в уплату таможенных пошлин по нарицательной цене. Держатели 5 % облигаций Государственного казначейства 1904 г. получили преимущественное право подписки на облигации нового займа, причём с учётом процентов по купону на 9(22) января 1909 г. [9, с. 11].

Реализацию займа осуществляла преимущественно французская группа (1220 млн франков) – Banque de Paris et des Pays-Bas, Crédit Lyonnais, Hottinguer et Cie, Comptoir National d'Escompte de Paris и Société générale de Crédit Industriel et Commercial при незначительном участии английских «Baring Brothers» (150 млн франков) и голландских «Hope & Co» и «Lippmann Rosenthal & Co» (30 млн франков). Все члены синдиката были участниками выпуска русского 5 % займа 1906 г. Реализационная цена для русского правительства составила 85½ %. Иностранный гербовый сбор (2 % во Франции, ½ % в Англии и 4 % в Голландии) и расходы по изготовлению и пересылке облигаций были возложены на российское правительство. Подписку на заем объявили во Франции по цене 89,25 %, в Англии – 88,75 %, в Голландии – 89,58 %. Соответственно комиссионное вознаграждение банкиров определилось во Франции в 3,75 %, в Англии – 3,25 %, в Голландии – 4,08 %. Первоначально синдикат банков взял твёрдо 50 % займа, а остальные 50 % – в опцион не позднее 4 февраля 1909 г., и воспользовался этим правом. Выручка от займа поступила в свободное распоряжение русского правительства в сроки с 22 февраля по 22 июля 1909 г. Уплата гербового сбора отняла 9478469 руб., операционные расходы составили 535000 руб., проценты за период со 2(15) по 9(22) января и ½ % комиссии за обмен облигаций 1904 г. оставались в пользу синдиката, в результате чистая выручка русского правительства по займу составила 82,9863 %. Соответственно, действительный процент составлял 5,42 % [22, л. 51 – 55].

Коковцов ожидал критику условий заключенного им займа и уже в день опубликования именного Высочайшего указа официоз Министерства финансов «Торгово-промышленная газета» опубликовала большую статью «Новый 4,5 % заем», в которой была сделана попытка убедить читателя в выгоде займа [1, с. 248].

Однако русское общественное мнение было подготовлено к более благоприятным условиям займа [17, с. 151], и подобная оценка не была поддержана другими газетами, единодушно признавших заем заключенным на очень невыгодных условиях. Даже консервативно настроенное «Новое время» считало за лучшее оплатить золотом Государственного банка долг 1904 г. [1, с. 249]. 16 февраля 1909 г., при обсуждении в Думе росписи доходов и расходов, депутатом Шингарёвым Коковцову были предъявлены обвинения в падении общероссийского кредита на мировом рынке даже ниже кредита Финляндии, реализовавшей

в Лондоне свой последний заем на 3¼ % выше русского, и уплате слишком высоких комиссионных [7, ч. 2, стлб. 1683]. Действительно, в 1909 г. Финляндия реализовала в Англии и Швейцарии при посредничестве лондонской банковской фирмы «Гамбро и сын» 4½ % заем на 45 270 000 ф.м. по 92½ % для железнодорожного строительства [5, с. 520].

По подсчетам петербургской газеты «Слово», в результате выпуска в 1904 г. 5 % краткосрочных обязательств и последовавшей теперь их консолидации русское правительство уплатило французским банкирам около 80 млн руб. Видимо, именно это имел в виду известный экономист М. М. Фридман, когда констатировал, что заем «слишком выгоден для французских банкиров и слишком невыгоден для русского народа» [1, с. 249].

Вполне естественно, что при столь выгодных для держателей условиях нового займа размещение его прошло успешно. Подписка в Лондоне была закрыта через 2 часа после начала, что английские газеты объяснили англо-русским политическим сближением. В Париже и Амстердаме подписка превысила подписную сумму в несколько раз [21, л. 141, 142]. Во Франции к 11 февраля было продано около 75 % суммы французской доли займа [17, с. 150].

От реализации 4½ % займа 1909 г. по курсу 85½ поступило 448875000 руб., из которых были погашены 5 % обязательства 1904 г. на 300000000 руб. и оплачены операционные расходы и иностранная гербовая пошлина в размере 10013469 руб. 06 коп., в результате чистая выручка составила 138861530 руб. 94 коп. [9, 1910, с. 68], хотя первоначально планировалось получить всего 131126700 руб. [9, 1911, с. 64].

Большая часть выручки от займа пошла по погашению займа 1904 г. В результате из 5 % обязательств Государственного казначейства на 1 января 1911 г. оставались непредъявленными к выкупу 502219 руб., на 1 января 1912 г. – 49781 руб., а на 1 января 1913 г. – 37219 руб. [9, 1913, с. 40; 1914, с. 42].

Формально заем 1909 г. предназначался на покрытие дефицита, фактически же пошёл на образование «свободной наличности», ведь из 525 млн руб. для погашения займа 1904 г. было достаточно 300 млн руб., а предвидевшегося дефицита бюджета в 1909 г. не оказалось [3, с. 361]. Такое несоответствие необходимой суммы и взятых на себя по займу обязательств вызвало критику прессы [16, с. 3]. Тем не менее заем давал царскому правительству необходимые средства ввиду угрозы конфликта с Австро-Венгрией и тем самым укреплял взаимодействия с Англией и Францией, подорванное в ходе Боснийского кризиса.

Этот заем стал последним государственным займом довоенной России, предназначенным для размещения на денежных рынках Западной Европы. После 1909 г. вплоть до начала мировой войны Россия не делала за границей государственных займов.

Думается, связано это прежде всего с тем, что проводимая правительством П. А. Столыпина экономическая политика не требовала постоянной нужды во внешних займах. На этапе промышленного подъёма 1909 – 1913 гг. финансовое положение России несколько улучшилось [подробнее см.: 31, с. 453]. В результате в бюджетах 1910 – 1913 гг. обыкновенные государственные доходы покрывали как обыкновен-

ные, так и чрезвычайные потребности государства [12, с. 303]. Как писал сам Коковцов, «государственный кредит наш сделал за последнее время весьма значительные успехи в связи с возрастающим за границей доверием к экономическим силам России, устойчивости её нового строя и её дальнейшему экономическому прогрессу» [9, с. 173]. «Правительство старалось изыскать все необходимые средства за счет обыкновенных доходов по бюджету, прекратив заключение внешних займов для покрытия бюджетных прорех. Проводником этой финансовой политики был долголетний руководитель Министерства финансов В. Н. Коковцов» [25, с. 16].

Да и сам министр финансов Коковцов считал нежелательным увеличение прямой государственной задолженности [15, с. 617]. «У Коковцова были основания для того, чтобы хотя бы на время отказаться от регулярных операций государственного характера за границей. После многолетних попыток русского правительства вырваться за пределы французского рынка Коковцов вынужден был мириться теперь с мыслью, что крупные государственные займы возможны только в Париже... Резко возросшая к 1909 г. сумма государственного долга не без основания беспокоила министра финансов, который, несмотря на благоприятную для правительства экономическую конъюнктуру 1909 г., все-таки отдавал себе отчет в том, что финансовое положение страны продолжает оставаться неустойчивым» [1, с. 261, 265]. Да и возможность относительно выгодного получения займов ставилась под сомнение. Представители французского правительства подчёркивали, что парижский рынок «устал от операций русского казначейства». «Кроме того, резонанс, который получила эта неудача в русской печати и в Думе, не мог не охладить интереса Коковцова к новым сделкам подобного рода» [1, с. 261, 262].

Заметим, что подобная позиция принималась не всеми. В опубликованной в журнале «Промышленность и торговля» статье «Корни экономического подъёма России» указывалось, что единственным орудием подъёма экономических сил являются производительные займы за границей. Эти займы были особенно важны для таких отраслей экономики и таких предприятий, которые сами не могли получить кредиты на денежных рынках. При этом считалось, что условия государственных займов могли быть более выгодными, чем займов частных. Через несколько месяцев журнал «Промышленность и торговля» писал, что «тревожное экономическое положение страны настоятельно велит отказаться от системы бюджетных сокращений и потребительных займов и перейти к производительным займам. Лишь последние могут поднять ослабевший пульс русской народнохозяйственной жизни. Нельзя упускать времени дешёвых денег для производительных государственных займов» [34, с. 137, 141].

Однако правительство стояло на прежней точке зрения. 30 сентября 1909 г. Коковцов посетил Московское биржевое общество и председатель Московского биржевого комитета Г. А. Крестовников в своей речи предложил сократить налоговое бремя за счёт производительных займов за границей, однако Ко-

ковцов боялся потерять бюджетное равновесие и призывал жить по средствам [34, с. 142].

В ноябре 1909 г. IV съезд представителей торговли и промышленности обсудил доклад А. А. Вольского «Экономическо-финансовая политика России», в котором указывалось на дешевизну денег на мировом рынке, и пришёл к заключению о целесообразности в настоящее время государственных займов для развития экономических сил страны, так как эти займы не представляют опасности для равновесия государственного бюджета [34, с. 141].

Тем не менее в практическом плане предложения о производительных займах, которые должны были сами себя окупать, не казались Коковцову достаточно экономически обоснованными. Он продолжал считать внешние займы опасными ввиду громадной задолженности страны и относительно неустойчивого положения экономики [34, с. 144]. «В первую очередь стремился я всегда к бюджетному равновесию, т. е. к тому, чтобы покрывать обыкновенными доходами, не прибегая к займам, обыкновенные, а поскольку возможно, и чрезвычайные расходы государства» [12, с. 302].

Вместо новых внешних займов правительство П. А. Столыпина старалось выплачивать уже имеющиеся. Так, 10 апреля 1911 г., на основании одобрённого Государственной думой и Государственным советом и Высочайше утверждённого закона от 7 апреля 1911 г., последовало распоряжение министру финансов о выкупе 5 % золотой ренты 1884 г. и были объявлены порядок и условия выкупа. Всего в 1911 г. был разрешён выкуп 5 % ренты на 30 млн руб. и погашено облигаций 4½ % займа 1905 г. на 604 тыс. руб. [9, 1912, с. 11, 138]. В результате, если в 1908 г. из 397 млн руб. платежей по государственным займам на границу падало 202,5 млн руб., то в 1912 г. – 187,3 млн из 387,5 млн [27, с. 205]. Сокращение внешнего государственного долга России продолжалось вплоть до 1914 года [9, 1912, с. 230-231; 1913, с. 66-67; 1914, с. 74-75; 1915, с. 78 – 79; 1916, с. 98 – 99].

В связи с этим в 1911 г. были упразднены должности агентов Министерства финансов за границей. По признанию агента в Лондоне М. В., их назначением было ведение переговоров с банкирами относительно кредитных операций, наблюдение за выполнением обязательств банкирами по отношению к публике, публиковать списки тиражей, давать разъяснения публике и тем самым не допускать прессы распространять ложные слухи против государственного кредита. Вместо них учредили должности агентов Министерства торговли и промышленности. В качестве исключения сохранили пост агента Министерства финансов во Франции [23, л. 47, 188, 189], так и оставшийся за А. Г. Рафаловичем [1, с. 28]. Аргументировалось это именно огромным внешним государственным долгом России, размещённым преимущественно во Франции [23, л. 88 – 93].

Таким образом, правительству П. А. Столыпина удалось отказаться от ставшей традиционной практики практически ежегодных внешних заимствований и встать на принципиально иной путь взаимоотношений с иностранными кредиторами – путь постепенного погашения внешнего долга и тем снятия финансовой нагрузки с бюджета Российской империи.

Литература

1. Ананьич, Б. В. Россия и международный капитал. 1897 – 1914: очерки истории финансовых отношений [Текст] / Б. В. Ананьич. – Л.: Наука, 1970. – 316 с.
2. Боголепов, М. И. Финансы, правительство и общественные интересы [Текст] / М. И. Боголепов. – СПб.: Издательство О. Н. Поповой, [1907]. – 336 с.
3. Буковецкий, А. И. «Свободная наличность» и золотой запас царского правительства в конце XIX – начале XX вв. [Текст] / А. И. Буковецкий // Монополии и иностранный капитал в России. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962.
4. Бюлов, Б. Воспоминания [Текст] / Б. Бюлов. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. – 564 с.
5. Вестник финансов, промышленности и торговли [Текст]. – 1913. – № 38.
6. Витте, С. Ю. Воспоминания [Текст]: в 3 т. / С. Ю. Витте. – М.: Соцэкгиз, 1960. – Т. 3. – 723 с.
7. Государственная дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия вторая: в 4 ч. [Текст]. – СПб., 1908, 1909.
8. Грюнвальд, К. Франко-русские союзы [Текст] / К. Грюнвальд. – М.: Международные отношения, 1968. – 328 с.
9. Ежегодник Министерства финансов [Текст]. – 1869 – 1916.
10. Игнатъев, А. В. Внешняя политика России в 1905 – 1907 гг. [Текст] / А. В. Игнатъев. – М.: Наука, 1986. – 301 с.
11. Игнатъев, А. В. Внешняя политика России. 1907 – 1914: Тенденции. Люди. События [Текст] / А. В. Игнатъев. – М.: Наука, 2001. – 233 с.
12. Коковцов, В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903 – 1919 гг. В 2 кн. [Текст] / В. Н. Коковцов. – М.: Наука, 1992. – Кн. 2. – 456 с.
13. Ленин, В. И. Дума и утверждение бюджета [Текст] / В. И. Ленин // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – Т. 15. – М.: Политиздат, 1961.
14. Ленин, В. И. Политика правительства и грядущая борьба [Текст] / В. И. Ленин // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. – Т. 13. – М.: Политиздат, 1972.
15. Материалы по истории франко-русских отношений за 1910 – 1914 гг. Сборник секретных дипломатических документов [Текст]. – М.: 1-я образцовая типография МСНХ, 1922. – 733 с.
16. Мигулин, П. Бюджет в Государственной думе [Текст] / П. Мигулин // Экономист России. – 1912. – № 13 – 14.
17. Переписка, В. Н. Коковцева с Э. Нецлиным [Текст] / В. Н. Переписка // Красный архив. – 1923. – Т. 4(4).
18. Полное собрание законов Российской империи [Текст]. – Собрание 3-е. – СПб: Государственная типография, 1885 – 1916.
19. Половцов, А. А. Из дневника А. А. Половцова [Текст] / А. А. Половцов // Красный архив. – 1923. – Т. 4(4).
20. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 560. – Оп. 22. – Д. 309.
21. РГИА. – Ф. 560. – Оп. 22. – Д. 316.
22. РГИА. – Ф. 560. – Оп. 26. – Д. 1168.
23. РГИА. – Ф. 560. – Оп. 26. – Д. 610.
24. РГИА. – Ф. 560. – Оп. 26. – Д. 784.
25. Русские финансы и европейская биржа в 1904 – 1906 гг. [Текст]. – М.: Московский рабочий, 1926. – 400 с.
26. Сидоров, А. Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны [Текст] / А. Л. Сидоров. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 579 с.
27. Тарле, Е. В. Европа в эпоху империализма. 1871-1919 гг. [Текст] // Тарле Е.В. Сочинения в 12 т. – Т. 5. – М.: Изд-во АН СССР, 1958.
28. Финн-Енотаевский, А. Современное хозяйство России. (1890 – 1910 гг.) [Текст] / А. Финн-Енотаевский. – СПб.: Типография первой СПб. трудовой артели. – 1911. – 528 с.
29. Хрулев, С. С. Финансы России [Текст] / С. С. Хрулев. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1907. – 292 с.
30. Хальгартен, Г. Империализм до 1914 года. Социологическое исследование германской внешней политики до Первой мировой войны [Текст] / Г. Хальгартен. – М.: Иностранная литература, 1961. – 695 с.
31. Хромов, П. А. Экономическое развитие России. Очерки экономики России с древнейших времен до Великой Октябрьской революции [Текст] / П. А. Хромов. – М.: Наука, 1967. – 535 с.
32. Шарапов, С. Финансовое возрождение России [Текст] / С. Шарапов. – М.: Типолитография И. М. Машистова, 1908. – 55 с.
33. Шебалдин, Ю. Н. Государственный бюджет царской России в начале XX в. (до Первой мировой войны) [Текст] / Ю. Н. Шебалдин // Исторические записки. – Т. 65. – М.: Изд-во АН СССР, 1959.
34. Шепелёв, Л. Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики [Текст] / Л. Е. Шепелёв. – Л.: Наука, 1981. – 275 с.

ССУДНАЯ ПОМОЩЬ СИБИРСКИМ ПЕРЕСЕЛЕНЦАМ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Д. Н. Белянин

LOAN ASSISTANCE TO SIBERIAN SETTLERS IN THE LATE XIXth – EARLY XXth CENTURIES

D. N. Belyanin

В статье исследуются особенности государственной переселенческой политики в Сибири в XIX – начале XX веков. На основе фактического материала проанализирован характер, выявлены основные тенденции и направления государственной политики заселения Сибири в XIX – начале XX вв.

Ключевые слова: переселения, вольная колонизация, переселенческая политика, Сибирь.

In this article features of state resettlement policy in Siberia in XIXth – early XXth centuries are investigated. On the basis of factual material the character of the state policy of resettlement in Siberia in XIXth – early XXth centuries is analyzed, its basic tendencies and directions are revealed.

Keywords: resettlement, free colonization, immigration policy, Siberia.

На рубеже XIX – XX вв. происходит значительный рост крестьянских переселений в Сибирь. В силу экономических и политических причин в правительстве происходит изменение взглядов на переселение: от запретов – к разрешению и поощрению. Смена парадигмы привела к формированию системы льгот для крестьян-переселенцев, которые должны были содействовать более быстрой адаптации новоселов в Сибири. Особое значение среди правительственных льгот занимала помощь переселенцам ссудами.

Ссудно-кредитная помощь переселенцам была представлена несколькими видами ссуд (путевыми, на внутринадельное межевание, на общепольные надобности), особое место среди которых занимали ссуды на «домообзаведство» и «водворение». Именно эта категория ссуд в большей степени должна была способствовать успешному устройству новоселов в Сибири.

До начала Столыпинских переселений в конце XIX – XX вв. правительство выпустило несколько законов и указов, касавшихся развития за Уралом ссудного кредитования переселенцев. По закону 13 июля 1889 г. переселенцы могли получить ссуду «на продовольствие и обсеменение полей» [34, ст. 6198], а также ссуды на домашнее обзаведение в размере от 20 до 100 рублей на семью [23, с. 205 – 206]. Самым примечательным было то, что из опубликованного варианта переселенческого закона 1889 г. статьи, касающиеся ссуд на домашнее обзаведение, были извлечены. Делалось это для того, чтобы обеспечивать ссудами только тех переселенцев, которые направлялись в Сибирь с соблюдением всех установленных для переселенцев правил [46, с. 182].

В 1891 г. МВД ввело в действие правила о выдаче переселенцам ссуд на первоначальное обзаведение. Решение о выдаче таких ссуд должны были принимать соответствующие министерства (МВД или МИДв), размер ссуды не должен был превышать 200 рублей на семью. 5 июня 1894 г. вступили в силу «Временные правила о пособиях от правительства нуждающимся семействам переселяющихся», разработанные Комитетом Сибирской железной дороги (КСЖД). Эти правила рассматривались и дополнялись в 1896, 1899 и 1903 гг. [36, с. 97 – 98]. Согласно пра-

вилам 25 июня 1903 г., временные правила о пособиях предусматривали выдачу путевых ссуд (не более 50 рублей, а для следующих в Приамурское генерал-губернаторство – до 100 рублей), выдачу ссуд на хозяйственное устройство (не более 100 рублей, а для Приамурья – не свыше 150 рублей) и безвозмездный отпуск лесного материала для построек из казенных дач (не более 200 строевых деревьев и 50 жердей на двор, а кроме того, для бань по 20 и для гумен и риг до 60 деревьев). Для водворяющихся в старожильческие общества по приемным приговорам размер ссуды не должен был превышать половины от установленной нормы. В случаях, когда «исключительное положение переселенческой семьи потребует ссуды в размере усиленном», уездный съезд крестьянских начальников мог ходатайствовать о повышенных ссудах перед подлежащим губернским или областным учреждением. Все ссуды носили беспроцентный характер, должны были возвращаться через 5 лет в течение 10 последующих лет равными частями ежегодно. Примечательно, что в правилах 1903 г. оговаривалось, что выдача ссуд должна производиться «только нуждающимся и отнюдь не поровну, а лишь в размере действительно выясненной потребности» [7, л. 25 – 27]. 6 июня 1904 г. вышел новый закон о переселении сельских обывателей, в части, касавшейся ссуд, повторивший правила 1903 г. [35, ст. 24701].

Отдельной ссудой в 90-е гг. XIX считались ссуды на обсеменение полей, они выдавались из расчета 2 десятины посева. Часто их заменяли денежными выплатами в 2 рубля, а иногда и 9 – 15 рублей. Во временных правилах 1899 и 1903 гг. ссуды на обсеменение полей и домообзаведство были объединены в одну – на хозяйственные нужды. В целом по Сибири, по данным Г. А. Ноздрина, из 62234 семей, водворившихся в регионе в 1894 – 1901 гг., ссуды получили 53605 семей (86,3 %) из расчета 63,4 рубля на семью. Причем размеры ссуд заметно колебались по уездам и губерниям, составляя в Тобольской губернии 79,6 руб., в Томской – 64,4, в Енисейской – 51,9, в Иркутской – 51,4 [28, ст. 22 – 23].

Разумеется, на практике не каждая семья смогла воспользоваться ссудами. Например, в 1902 г. в Алтайский округ прибыло 3 847 душ мужского пола пе-

реселенцев, а общий размер средств, выделенных на нужды ссудного кредита, составлял всего только 3670 рублей. В итоге ссуду смогли получить лишь 169 семей, а средний размер ссуды был равен 15 – 30 рублей на одну семью [25, л. 38].

По данным омского исследователя М. К. Чуркина, в 1890-е гг. ссудная помощь переселенцам оказывалась лишь в зоне строительства Сибирской железной дороги, а Тобольская губерния и Степное генерал-губернаторство заселялись при действии различных правил о предоставлении пособий: от 100 рублей (Тобольская губерния) до 50 (Степной район) [46, с. 183].

Вместе с тем нельзя проигнорировать факт значительного расширения объемов ссудной помощи переселенцам в начале XX в. По данным Г. А. Ноздрина, в 1884 – 1893 гг. правительство выделило на безвозвратные ссуды 2 096 рублей, на возвратные – 21 589, а в 1905 г. ассигнования на эти цели достигли 2,6 млн. рублей [31, с. 23].

Следует также заметить, что помимо возвратных ссуд переселенцы могли получать и безвозвратные пособия. Данная ссуда выдавалась далеко не всем переселенцам, и даже не всем нуждающимся, а в случае неурожая, бедствия и т. п. [24, с. 96].

Начало Столыпинских переселений привело к пересмотру правил выдачи ссуд в сторону улучшения. В «Записке ГУЗиЗ о ближайших мероприятиях ведомства» от 1906 г. было отмечено, что необходимо изменить правила о выдаче ссуд на хозяйственное устройство в смысле возможного упрощения. До 1906 г. право на получение домообзаводственных ссуд имели только «особо нуждающиеся переселенцы», причем чиновники при определении степени нужды просителей вынуждены были основываться на недостоверных сведениях, сообщаемых волостными правлениями. Ввиду того ГУЗиЗ признало необходимым пересмотреть ссудные правила 25 июня 1903 г. [37, л. 6].

28 апреля 1908 г. были изданы новые правила выдачи ссуд на домообзаводство. По новым правилам ссуду мог получить любой переселенец и получить ее целиком, а не мелкими суммами по 10 рублей как раньше [42, с. 642, 652 – 654]. Заметим, что выдача ссуд частями, практиковавшаяся ранее, значительно снижала их эффективность. Так, в годовом отчете по Тобольскому переселенческому району за 1907 г. отмечено, что выдаваемые крестьянам мелкие суммы расходовались «по мелочам» и не улучшали хозяйственного положения семей новоселов. Сами переселенцы понимали бесполезность таких незначительных выдач для организации хозяйства и настаивали на единовременных более или менее крупных пособиях [6, с. 68].

Столыпинские переселения привели к значительному расширению видов ссудного кредитования. Появились ссуды на общепользные надобности. Ссуды эти выдавались согласно циркуляру 16 марта 1909 года и только переселенцам, могли быть возвратными или безвозвратными. Они могли быть ипотечными на проведение обводнительных или осушительных работ, проведение дорожных сооружений, постройку общественных зданий, пожарную охрану сельских строений, сельскохозяйственные предприятия, внутринадельное межевание [42, с. 657 – 659].

Размеры ссуд на общепользные надобности не имели фиксированной цифры и колебались в зависимости от цели. Например, Дубровскому обществу Гондатовской волости была выдана ссуда в 100 рублей на постройку хлебозапасных магазинов [8, л. 1], а Максимовскому сельскому обществу (Славгородская волость) была выдана ссуда в размере 6000 рублей на постройку и оборудование паровой мукомольной мельницы [9, л. 8].

С 1908 г. стала практиковаться выдача ссуд на внутринадельное размежевание. Назначением этих ссуд было разверстание общинных наделов на единоличные участки. Выдача таких ссуд широко практиковалась в рамках обозначенной П. А. Столыпиным политики поддержки единоличных крестьянских хозяйств. В различных региональных архивах сохранилось множество ходатайств от сельских обществ о ссудах на оплату услуг частных землемеров по разбивке общинного надела на подворные участки, хуторские или отрубные. Так, 20 марта 1912 г. переселенцы Мельниковского общества составили приговор о ссуде в 835 рублей на раздел своей общины. Указанную сумму крестьяне обещали погасить в течение 10 лет, выплачивая равными частями начиная с 1913 г. [26, л. 25]. Примечательно, что ссуды на внутринадельное размежевание выдавались по сметам Переселенческого управления не только переселенческим обществам, но и тем старожильским, которые приняли в свою среду значительное число переселенцев. Так, Зиминское сельское общество, состоявшее из 1960 душ мужского пола (д.м.п.), из которых 402 д.м.п. были переселенцами, подало ходатайство о ссуде в 4620 рублей [27, л. 1].

5 июля 1912 года был издан новый закон о ссудах на домообзаводство. Согласно этому закону, переселенцы часть домообзаводственной ссуды могли получить в безвозвратное пособие. Переселенцы, водворившиеся в старожильских обществах, ссуды получали в размере половины установленной нормы [5, с. 71 – 73]. Размер ссудного кредита теперь устанавливался в зависимости от почвенно-климатических условий местности. Для этого все заселяемые районы Сибири были разбиты на 6 разрядов. Первый разряд включал в себя наиболее плодородные земли, где ссуды вообще не выдавались. В Томской губернии вся центральная часть была включена во II разряд со ссудой в 100 рублей [29, с. 49].

Заметим, что вопрос о введении дифференцированных размеров ссуд для переселенцев поднимался и ранее. Например, 14 июля 1903 г. степной генерал-губернатор в своем приказе обосновал необходимость введения порайонно дифференцированных предельных ссудных норм, так как хозяйственно-климатические условия в разных районах Степного края заметно отличались [43, с. 227].

Примечательно, что водворившиеся в районы, где ссуды были не положены, до опубликования закона 5 июля 1912 г., а также зачисленные на участки до вступления этого закона в силу, но пусть и водворившиеся после 5 июля 1912 г., имели право воспользоваться ссудами по старому закону [5, с. 72].

В отечественной историографии советского периода утвердилась точка зрения, что ссуды в период Столыпинских переселений «являлись орудием ца-

ризма в попытке создания собственной опоры в деревне Сибири – слоя зажиточных хозяйств». Вызывалось даже мнение, будто ссуды чаще всего и больше всего доставались именно обеспеченным переселенцам [30, с. 9], а самовольные (пришедшие в Сибирь без соответствующего оформления документов) переселенцы вообще лишались права на получение правительственной ссуды [44, с. 163]. Разумеется, среди огромного количества крестьянских ходатайств о ссудах мы можем найти и отдельные примеры прошений от явно зажиточных домохозяев. Например, крестьянин, просивший ссуду в 50 рублей «на хозяйственные нужды», имел имущества на общую стоимость в 578 рублей, в том числе каменный дом, оцененный в 200 рублей [10, л. 357]. Однако в реальности ссуды были нацелены именно на действительную помощь переселенцам, независимо от их социального положения. Еще в 1894 г. решением КСЖД на самовольных переселенцев было распространено право на получение ссуд [40, с. 335]. Г. В. Глинка позднее подтвердил, что, по закону 12 апреля 1897 г., самовольные переселенцы не лишены прав на получение ссуды и содержание закона устраняет всякое сомнение в праве таких переселенцев на получение ссуд на хозяйственное устройство [3, с. 28]. 17 февраля 1906 г. Главноуправляющего землеустройством и земледелием была утверждена «Инструкция заведующим на водворение переселенцев в районах заселения за Уралом, кроме Алтайского округа Томской губернии». Статья 59 этого документа также однозначно указывала на право переселенцев, прибывших без установленного разрешения, на получение ссуды [41, с. 176].

На практике правом получения домообзаводственной ссуды мог воспользоваться абсолютно любой переселенец, независимо от имущественного положения. Для этого после водворения на участок, либо в старожильческое селение переселенец должен был подать ходатайство о выдаче ему ссуды. В ходатайстве он указывал причину, по которой ему нужна ссуда. Обычно указывались такие причины, как постройка дома, покупка лошади, реке – двух, либо – хозяйственные потребности. Помимо этого, переселенец предоставлял чиновнику информацию о количестве членов своей семьи и о размерах своего имущества с примерной оценкой стоимости последнего [11, л. 33 – 38].

Волостной старшина либо один из чинов волостного правления обязаны были присылать рапорты и ведомости о количестве построек и ходе возведения этих построек, выполняемых за счет ссуд и безвозвратных пособий [12, л. 1].

На волостные правления были возложены функции контроля за эффективностью использования выданных ссуд. Так, из Судженского волостного правления 16 декабря 1907 г. на имя заведующего подрайоном была выслана ведомость, где сообщалось, каким образом переселенцы тратили предыдущие ссуды, и делалось заключение о целесообразности выдачи дальнейших испрашиваемых ссуд. Согласно этим сведениям, переселенец И. Т. Агеев осенью 1907 г. получил три ссуды (12 сентября – 30 рублей, 16 октября – 40 рублей, 26 ноября – 30 рублей), на указанные суммы он приобрел дом (40 рублей) и ло-

шадь с упряжкой (40 рублей). Другой переселенец И. П. Старков также в течение лета-осени получал 3 ссуды (2 раза по 30 рублей и 1 раз 40 рублей), на эти средства он приобрел дом (50 рублей), 1 лошадь (45 рублей) и корову (35 рублей). Оба крестьянина просили еще одну ссуду в 65 рублей на дальнейшее развитие своего хозяйства. В своем заключении волостной чиновник рекомендовал выдать этим переселенцам просимую ссуду, так как первоначальные кредиты крестьянами были потрачены для укрепления своего хозяйства [13, л. 29 – 30]. В случае если крестьянин-переселенец непроизводительно тратил выданную ему ссуду, то чиновники могли отказать в получении дополнительной ссуды [14, л. 163].

Впрочем, несмотря на это правило, крестьянин даже и в случае непроизводительной траты первой ссуды мог получить вторую. Бывали случаи, когда переселенец в прошении о повторной ссуде мог переписать отчество и фамилию (например, Антон Сергеев Петров или Антон Петров Сергеев) или поменять отчество и получить ссуду вторично [15, л. 133].

Правда, наиболее предприимчивые крестьяне-переселенцы могли рассчитывать на вполне законных основаниях не только на вторую, но даже и на третью ссуду. Прошение могло мотивироваться по-разному, но практически всегда это были бытовые проблемы [16, л. 64 – 65].

Надзор за возвратом выдаваемых ссуд был возложен на Министерство финансов по Департаменту окладных сборов. Взыскание переселенческих ссуд производилось казенными палатами под непосредственным наблюдением Департамента [38, л. 30].

После 1906 г. размеры ссудных кредитов несколько возросли, да и средств на кредитование переселенцев ежегодно выделялось все больше и больше. Так, в 1906 г. в Томском переселенческом районе было выдано 2 754 ссуды на общую сумму 106857 рублей, а средний размер ссуды составил 38,8 рублей [32, ст. 114].

Правом разрешения выдачи ссуд переселенцам обладали несколько организаций: уездный съезд, губернское правление, Переселенческое управление и заведующий устройством переселенцев. Например, в 1907 г. в Томской губернии заведующим водворением выдано было 11 373 ссуды на 471672,2 рубля, уездными съездами было выдано 157 ссуд на 6088,5 рублей, губернским управлением – 63 ссуды на 2073 рубля, а Переселенческим управлением – 270 ссуд на 9797 рублей. Объемы ссудно-кредитной помощи росли параллельно с ростом переселенческого движения. Так, число переселенцев 1907 г. в Томской губернии заметно увеличилось, адекватным образом увеличались и размеры ссудного кредита. С 1 января по 1 октября 1907 г. на места водворения было отпущено ссудного кредита уже на сумму 765804,8 рубля. При этом домообзаводственных ссуд было выдано на 489630,82 рублей, путевых ссуд на 88330,95 рублей, а ссуд на общепользные надобности на 2685 рублей [4, с. 192].

Рост объемов ссудного кредитования по всем губерниям и областям Азиатской России представлен в таблице.

Ссудное кредитование переселенцев в Сибири в годы Столыпинских переселений

Назначение кредита	Сумма отпущенного кредита (тыс. рублей)										
	1906 г.	1907 г.	1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.	За 1906 – 1915 гг.
1. Домообзаводственные ссуды	1530	5511	9250	10752	10732	10302	6411	7600	9526	7661	79239
2. Ссуды на общепользные надобности	250	380	715	745	855	800	1300	1676	982	1223	8956
3. Путевые ссуды	50	75	149	250	251	251	251	101	101	76	1555
4. Ссуды на внутринадельное размежевание	-	-	250	50	100	200	700	1000	825	715	3840

Составлено по: РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Лл. 198 – 199об.

Рост средств, выделяемых на нужды ссудного кредитования переселенцев, очевиден год от года. Однако, несмотря на эту положительную динамику, в сфере ссудного кредитования имелись определенные недостатки. Например, переселившимся в 1910 г. крестьянам в Томской губернии необходимо было выдать ссуды на 1570250 рублей, а было выдано лишь 741358 рублей. Все, что было недодано ранее, предполагалось выдать в 1911 г., а это уже сумма равная 3058092 рубля. При этом на тот же 1911 г. правительство выделило всего 2 млн рублей. Таким образом, в 1911 г. недостаток средств на ссудное кредитование составил цифру в 1058092 рубля. Заметим, что ссуды выдавались в этот период не ходакам и переселенцам из Европейской России, а в основном самовольным непричисленным переселенцам, уже проживавшим в Томской губернии. Они в экономическом отношении представляли собой контингент крайне необеспеченный и нуждались в ссуде практически поголовно. С учетом этого факта на 1912 г. по Томской губернии испрашивалась сумма на ссудное кредитование уже в 3060592 рубля [17, л. 44 – 45]. Нехватка денежных средств вынуждала правительственных чиновников выдавать ссуды земельными орудиями и машинами, стоимость которых засчитывалась переселенцам в долг [18, л. 3]. Особенно острая нехватка кредитов отмечалась в области выдачи ссуд на внутринадельное размежевание. Так, в Томской губернии в 1909 г. поступило ходатайств о ссудах на размежевание на сумму в 105000 рублей, а было отпущено лишь 75000. В 1910 г. ходатайств поступило на сумму 121000 рублей, а было отпущено только 75000 рублей. Итого, только за два года разница между выделенным кредитом и необходимым только по одной Томской губернии составила 76000 рублей [1, с. 41].

Недостаток средств наблюдался и в других районах. Отчасти эта проблема решалась выдачей сверхсметных кредитов. Так, в 1907 г. общий размер сверхсметного кредита (по всей Азиатской России) за округлением выразился в 600000 рублей [39, л. 59].

Следует заметить, что к 1913 г. средний размер домообзаводственной ссуды несколько вырос, по сравнению с предшествующим периодом и по Том-

скому району составил 83 рубля на одну выдачу, в Тобольском районе был равен 150 рублям, в Иркутском – 132 рублям, в Енисейском – 96 рублей [33, с. 98].

Несмотря на определенные недостатки в сфере ссудного кредитования в период Столыпинских переселений выдаваемых переселенцам денег было достаточно, чтобы «дожить», «дотянуть до первого урожая» [45, с. 274 – 275].

Примечательно, что даже в сложный период Первой мировой войны, в условиях недостатка средств, правительство продолжало выдачу ссуд переселенцам. Так, во второй половине 1914 г. ссуды на хозяйственное устройство получили 101446 семей на сумму 7638903 рубля [2, с. 15].

Нехватка средств на домообзаводственные ссуды отчасти компенсировалась выдачей безвозвратных ссуд. Такие ссуды выделялись не только отдельным крестьянам, но и сельским обществам или даже целым волостям, которые признавались особо нуждающимися. Например, 13 декабря 1913 г. была выдана безвозвратная ссуда в 340 рублей Озеро-Куреевскому волостному сходу на оборудование почтового отделения [19, л. 1]. Также безвозвратное пособие в размере 2000 рублей было выдано Поваренкинскому обществу Мариинского уезда на постройку здания волостного правления [20, л. 1]. Помимо этого, правительство практиковало в особых случаях сложение с переселенцев ссудных долгов. Так, в циркуляре Переселенческого управления МВД тобольскому губернатору со ссылкой на Высочайший манифест 11 августа 1904 г. было упомянуто, что с каждой переселенческой семьи слагается по 50 рублей долгов по путевым ссудам и ссудам на хозяйственное устройство [21, л. 20]. По случаю 300-летия царствования дома Романовых в 1913 г. выданные переселенческим обществам ссуды на общепользные надобности были обращены в безвозвратные пособия, а по выданным пособиям (путевым ссудам и ссудам на хозяйственное устройство) было решено сложить со счетов каждой семьи, водворенной в Забайкальской, Амурской и Приморской областях до 150 рублей, а в прочих местностях – до 75 рублей [22, л. 125 – 125 об].

В целом в период Столыпинских переселений произошли значительные позитивные сдвиги в сфере ссудного кредитования переселенцев. Выросли размеры ссуд, значительно увеличились масштабы выделяемых правительством средств на ссудное кредитование, расширился спектр назначения ссуд.

Литература

1. Белянин, Д. Н. Итоги внутринадельного размежевания в Западной Сибири в начале XX в. / Д. Н. Белянин // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – № 4(1).
2. Белянин, Д. Н. Основные направления деятельности переселенческих организаций Западной Сибири в годы Первой мировой войны (1914 – 1916 гг.) / Д. Н. Белянин // Известия Алтайского государственного университета. – 2009. – № 4(4).
3. Белянин, Д. Н. Противоречия в реализации переселенческой политики в Сибири на рубеже XIX – XX вв. / Д. Н. Белянин // Гуманитарные науки в Сибири. – 2011. – № 1.
4. Белянин, Д. Н. Столыпинская переселенческая политика в Томской губернии [Текст] / Д. Н. Белянин: дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2003.
5. Вошинин, В. П. Переселение и землеустройство в Азиатской России. Сборник законов и распоряжений. – Пг.: Типография Петроградской тюрьмы, 1915.
6. Годовой отчет по Тобольскому переселенческому району за 1907 г. – Вып. 45. – Б.м., б.и., б.г.
7. Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив г. Тобольска (ГУТО ГАТ). Ф.и-3. Оп.1. Д.1.
8. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф.239. Оп.9. Д.16.
9. ГАТО. Ф.239. Оп.9. Д.5.
10. ГАТО. Ф.239. Оп.1. Д.32.
11. ГАТО. Ф.239. Оп.1. Д.11.
12. ГАТО. Ф.239. Оп.1. Д.95.
13. ГАТО. Ф.239. Оп.9. Д.1.
14. ГАТО. Ф.239. Оп.1. Д.346.
15. ГАТО. Ф.239. Оп.1. Д.27.
16. ГАТО. Ф.239. Оп.1. Д.25.
17. ГАТО. Ф.239. Оп.1. Д.57.
18. ГАТО. Ф.239. Оп.1. Д.99.
19. ГАТО. Ф.239. Оп.9. Д.8.
20. ГАТО. Ф.239. Оп.8. Д.118.
21. ГУТО ГАТ. Ф.и-3. Оп.1. Д.2. Л.20.
22. ГУТО ГАТ. Ф.и-3. Оп.1. Д.35.
23. Дорофеев, М. В. Крестьянское землепользование в Западной Сибири во второй половине XIX века / М. В. Дорофеев. – Томск: Изд-во ТГУ, 2009.
24. Карпинец, А. Ю. Финансирование колонизационного процесса в Томской губернии в 1896 – 1916 гг. [Текст] / А. Ю. Карпинец: дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2003.
25. Краевое государственное учреждение Государственный архив Алтайского края (КГУ ГААК). Ф.д-4. Оп.1. Д.224.
26. КГУ ГААК. Ф.д-194. Оп.1. Д.97.
27. КГУ ГААК. Ф.д-67. Оп.1. Д.58.
28. Массовые аграрные переселения на восток России (конец XIX – середина XX в.) / Н. Н. Аблажей, С. А. Красильников, Д. Д. Миненков, Г. А. Ноздрин. – Новосибирск, 2010.
29. Минжуренко А. В. Переселенческая деревня Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. [Текст] / А. В. Минжуренко: дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 1977.
30. Минжуренко, А. В. Переселенческая деревня Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. [Текст] / А. В. Минжуренко: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 1977.
31. Ноздрин, Г. А. Сроки и механизмы адаптации переселенцев в Сибири в конце XIX – начале XX века / Г. А. Ноздрин // Адаптационные механизмы практики в традиционных и трансформирующихся обществах. Сборник научных трудов. – Вып. 2. – Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2007.
32. Обзор деятельности ГУЗиЗ с 6 мая 1905 года по 1 января 1907 года. – СПб., 1907.
33. Обзор сельскохозяйственной жизни заселяемых районов Азиатской России за 1913 год. – СПб., 1914.
34. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ), III, Т. IX. – СПб., 1891.
35. ПСЗРИ, III, Т. XXIV. Отделение 1. – СПб., 1907.
36. Резун, Д. Я. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов / Д. Я. Резун, М. В. Шиловский. – Новосибирск: Сова, 2005.
37. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.381. Оп.47. Д.527.
38. РГИА. Ф.1278. Оп.2. Д.3006.
39. РГИА. Ф.565. Оп.13. Д.1591.
40. Саблер, С. В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем / С. В. Саблер, И. В. Сосновский. – СПб.: Государственная типография, 1903.
41. Сборник законов и распоряжений по переселенческому делу и по поземельному устройству в губерниях и областях Азиатской России (по 1 августа 1909 года). – СПб.: б.и., 1909.
42. Сборник узаконений и распоряжений правительства о сельском состоянии. Общее положение о крестьянах. Издание IX. – СПб., 1914.
43. Сибирские переселения. Выпуск 2. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений: сборник документов. – Новосибирск: Сова, 2006.
44. Скляров, Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы / Л. Ф. Скляров. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1962.
45. Тюкавкин, В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа / В. Г. Тюкавкин. – М.: Памятники ист. мысли, 2001.
46. Чуркин, М. К. Переселения крестьян Черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации: монография / М. К. Чуркин. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006.

**РАЗРАБОТКА ПРОЕКТА ПО ВВЕДЕНИЮ ВСЕОБЩЕГО НАЧАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ
В ГОДЫ СТОЛЫПИНСКИХ РЕФОРМ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА**

А. В. Блинов

**DEVELOPING THE PROJECT FOR INTRODUCING UNIVERSAL BASIC EDUCATION DURING
STOLYPIN'S REFORMS PERIOD AND THE REALIZATION OF THIS PROJECT
IN THE WEST SIBERIAN EDUCATIONAL DISTRICT**

A. V. Blinov

В статье рассматривается разработка проекта по введению всеобщего начального обучения в годы столыпинских реформ и практические меры по его реализации на территории Западно-Сибирского учебного округа.

Ключевые слова: *реформы, образование, всеобщее начальное обучение, Западно-Сибирский учебный округ*

This article covers the development of the project for introducing universal basic education during Stolypin's reforms period and the practical measures undertaken for its introduction in the West Siberian Educational District.

Keywords: *reforms, education, universal basic education, West-Siberian educational district.*

Начало XX в. в истории России ознаменовано не только активизацией революционного движения, но и активной реформаторской деятельностью, многие начинания в которой связаны с именем П. А. Столыпина. Личность и реформаторская деятельность П. А. Столыпина нашли отражение в ряде исследований последних лет [19]. Однако отдельные направления реформ являются малоисследованными. К таковым можно отнести проекты реформ и преобразований в области народного просвещения как в центральной части, так и на окраинах Российской империи. Цель данной работы состоит в рассмотрении основных подготовительных мероприятий и практических мер по введению всеобщего обучения на территории Западно-Сибирского учебного округа.

Идеи об общедоступности и всеобщности начального обучения неоднократно обсуждались как в правительственных кругах, так и среди общественности, начиная с Екатерининской эпохи. Однако, в силу объективных и субъективных факторов, данные начинания не получили практического воплощения [20, с. 185].

Целенаправленная и результативная деятельность по введению всеобщего обучения начинается в годы столыпинских реформ и связана с деятельностью III Государственной думы, за время работы которой 313 законопроектов были посвящены вопросам образования [4, с. 41].

Одним из таких проектов становится внесенный 1 ноября 1907 г. министром народного просвещения П. фон Кауфманом в III Государственную думу «О введении всеобщего начального обучения в Российской империи» [9]. Основные положения проекта сводились к следующему: 1) формирование школьной сети и план ее создания возлагались на учреждения местного самоуправления, которые должны были выполнить эту работу в двухгодичный со дня введения закона срок; 2) населению обеспечивалась бесплатность обучения в училищах, входящих в школьную сеть; 3) проект школьной сети должен был утверждаться министром народного просвещения и т. д. Со

стороны Государственной думы был внесен ряд изменений: увеличение минимальной ежегодной суммы, отпускаемой на реализацию данного проекта до 10000000 руб.; установление предельного срока для введения всеобщего начального обучения до десяти лет; привлечение к реализации данного проекта как земских учреждений, так и местных органов Министерства народного просвещения в лице директоров и инспекторов народных училищ и др. В этой связи не случайно появление Высочайше утвержденного, одобренного Государственным советом и Государственной думой закона от 3 мая 1908 г. «Об отпуске 6900000 руб. на нужды начального образования», в соответствии с которым выделенный сверх сметы кредит предназначался для территорий, «где выяснится особый недостаток в училищах или в средствах на поддержание и дальнейшее расширение начального образования» [12, с. 228 – 229]. Однако в конечном счете, после многочисленных обсуждений, 6 июня 1912 г. законопроект был отклонен Государственным советом.

Идеи правительства о введении всеобщего начального обучения были созвучны и настроениям сибирской общественности. Так, например, 19 февраля 1906 г. на общем собрании Томского отдела «Союза 17 Октября» П. Т. Виноградовым было сделано сообщение на тему: «К вопросу об обязательности обучения в начальной школе», а 10 мая 1907 г. повторно озвучено на II Всероссийском съезде делегатов «Союза 17 Октября». В своем выступлении П. Т. Виноградов в качестве средства доступности образования выдвинул идею «узаконить начальное образование, как обязательную школьную повинность» [1].

В рамках Западно-Сибирского учебного округа был предпринят ряд мер практического характера. С 1907 г. на территории Томской губернии, благодаря инициативе попечителя учебного округа Л. И. Лаврентьева, усилиями директоров и инспекторов народных училищ была начата работа по созданию школьных сетей введения всеобщего обучения [16, л. 42]. Директором народных училищ Н. К. Рамзевичем было

проанализировано состояние начального образования и разработан проект «О введение всеобщего образования в Томской губернии», который в январе 1907 г. был представлен на рассмотрение в Министерство народного просвещения [14, л. 1].

В задачу инспекции и дирекции народных училищ, по словам А. П. Успенского, входило определение среди сельских местностей пунктов, в которых должны быть созданы школы и их количество, чтобы они могли доставить всем детям местного населения школьного возраста (8 – 10 лет) возможность бесплатно получить начальное образование (в размере не менее курса одноклассной школы) [18].

В декабре 1909 г. в г. Томске состоялось заседание Комиссии по разработке вопроса о составлении плана всеобщего обучения и школьного строительства, на котором был заслушан доклад А. И. Мисюрева о состоянии народного образования в губернии. Одобренный Комиссией, доклад был направлен в городскую думу, которая возбудила ходатайство перед Министерством народного просвещения о его утверждении [5, с. 82].

С 1909 по 1911 гг. работа по составлению школьной сети велась на территории Барнаульского уезда [18, с. 6]. Разработанный Томским губернским училищным советом план школьной сети по Барнаульскому уезду, предполагавший открытие 863 школ на средства казны в течение 25 лет, также был представлен на рассмотрение Министерства народного просвещения [14, л. 17].

Несмотря на имеющее место региональные наработки, распространение проекта по введению всеобщего начального образования на территории Сибири не входило в правительственные планы, что видно из проекта, подготовленного Министерством народного просвещения в 1913 г.: «В канцеляриях округов: Кавказского, Западно-Сибирского, Восточно-Сибирского и Туркестанского в учреждении особого делопроизводства по введению всеобщего обучения ныне надобности не настало» [17, л. 15]. Однако, после ознакомления с предложенным проектом преобразований, Государственная дума в пожеланиях, высказанных при рассмотрении Государственной выписки по смете Министерства народного просвещения на 1913 г., настояла, чтобы Министерство народного просвещения приняло меры к расширению кредитов на открытие в сибирских губерниях и областях новых начальных школ и немедленно приступило к составлению в них школьных сетей и планов введения всеобщего обучения [11, с. 6 – 7]. С этого времени на территории Западно-Сибирского учебного округа начинается официальная кампания по введению всеобщего начального обучения.

Причинами включения Сибири в данную систему послужили: во-первых, экономическое развитие региона и возрастающая потребность в специалистах, имеющих хотя бы азы грамоты. Во-вторых, в условиях начавшейся всеобщей борьбы с безграмотностью, Сибирь выглядела не наилучшим образом. На начало 1915 г. число детей от 8 до 11 лет составляло – 1114064; из них: учащихся – 404889 (36,3 %), не обучающихся – 709175 (63,7 %). При этом на долю Западной Сибири приходилось 73,7 % безграмотных детей. По уровню безграмотных внутри региона Запад-

ная Сибирь также опережала Восточную: соответственно 68,6 % и 52,9 %.

Реализация данного начинания была сопряжена не только с субъективными (составление, утверждение проектов и т. д.), но и объективными причинами. В одном из отчетов попечителя Западно-Сибирского учебного округа за 1906 г. дан анализ условиям, препятствующим развитию народного образования: «Западно-Сибирский учебный округ поставлен относительно развития народного образования в самые неблагоприятные условия. Население здесь, особенно на севере Тобольской и Томской губерний и на юге Акмолинской и Семипалатинской областей, очень редкое, да и вообще количество населения в округе не соответствует его огромным пространствам. Пути сообщения плохи. Железные дороги простираются: Тюменская на протяжении 70 верст, Сибирская – 815 верст и ветвь Тайга-Томск – до 89,5 верст. Речные пути находятся почти в естественном состоянии; никаких приспособлений для удобства плавания судов и пароходов по рекам Оби, Томи, Иртышу, Тоболу и др. не производится. Почтовые тракты принадлежат к грунтовым и поддерживаются натуральною повинностью. Состояние их в большинстве неудовлетворительное, а в распутицу и ненастье – прямо невозможное. Население Западно-Сибирского учебного округа представляет собою в этническом отношении большое разнообразие» [15, л. 13об.].

Несмотря на имеющее место сложности, в марте 1913 г. Министерство народного просвещения поручило попечителю Западно-Сибирского учебного округа Л. И. Лаврентьеву составить школьную сеть и план всеобщего образования в течение года – к 1 января 1914 г. [13, л. 4].

В рамках выполнения задания, к ноябрю 1913 г. Тобольской дирекцией были составлены планы школьных сетей по семи уездам: Курганскому, Тюменскому, Ишимскому, Тарскому, Тобольскому, Туринскому и Тюкалинскому [10, с. 32]. К апрелю 1914 г. работы по составлению плана школьной сети Тобольской губернии были завершены, а в августе 1915 г. директор Тобольской дирекции Г. Я. Маляревский был вызван в Петроград для их обсуждения.

В ноябре 1915 г. состоялось совещание, по итогам которого ответственные по введению всеобщего обучения на территории Тобольской губернии А. И. Чекини и Г. Я. Маляревский составили одиннадцатилетний перспективный финансовый план, реализацию которого планировалось начать с 1916 г. В течение первого года Тобольская дирекция должна была открывать 200 первых классов, 20 вторых и 7 передвижных школ. В первый год на содержание открываемых классов и школ из казны выделялось 38600 рублей, с последующим финансированием по 27000 ежегодно. В план не входили траты на оборудование училищ, учебные пособия и школьное строительство [10, с. 30].

Кроме финансового плана, Г. Я. Маляревским были представлены некоторые замечания по школьным сетям. Так, в средней части губернии, преимущественно в Туринском, Тобольском и Тарском уездах, планировалось открыть передвижные школы с общежитиями и ночлежные приюты. Начальные училища для инородцев должны были открываться с четырех-

летним курсом и т. д. Директор настаивал на выделении двух северных уездов (Березовский и Сургутский) в один отдельный инспекторский район. Для этих уездов предлагалось открыть 14 постоянных училищ с общежитием.

Предложенный план на уровне Министерства народного просвещения был сочтен не точным, и в январе 1916 г. Г. Я. Маляревский представил новый план о введении всеобщего обучения в Тобольской губернии. К нему прилагалось 8 вспомогательных ведомостей, пояснений к плану; сведения и соображения по введению всеобщего образования в Березовском и Сургутском уездах; данные о развитии начального образования среди инородцев-татар и проект правил о передвижных училищах. Новый проект более детально прописывал суммы, необходимые для введения всеобщего обучения в губернии, которые предлагалось разделить на две части – казенные и земские [2, л. 11].

Одновременно велась работа и в других территориях Западно-Сибирского учебного округа. К августу 1913 г. Томским губернским училищным советом на рассмотрение министра народного просвещения был предоставлен проект, составленный на основе данных, полученных от уездных училищных советов, волостных правлений, переселенческого управления, по введению всеобщего начального обучения в Бийском, Змеиногорском и Кузнецком уездах [3, л. 71]. К июлю 1914 г. был составлен план для Барнаульского уезда. В очередной раз Министерство народного просвещения нашло данные недостаточными и отказало удовлетворить ходатайство об отпуске необходимых кредитов. Причина отказа заключалась в том, что все данные были направлены в различное время и от различных уездов. Кроме того, Министерство ссылалось на постановление Департамента народного просвещения от 15 октября 1914 г., на основании которого никаких субсидий на нужды начального образования по причине военного времени не полагалось выделять [14, л. 125].

Что касается введения всеобщего обучения на территории Акмолинской области, то в «Обзоре Акмолинской области за 1912 г.» отмечалось, что планомерное развитие народного образования в городах Омске и Петропавловске уже обеспечено, так как по ним уже были выработаны школьные сети по введению всеобщего начального обучения. Школьная сеть этих городов уже была утверждена Министерством народного просвещения, а по городам Акмолинск и Кокчетав разработка сетей продолжалась [6, с. 71]. В этом же 1913 г. в Министерство народного просвещения была представлена школьная сеть для введения всеобщего обучения среди сельского населения Акмолинской области, на создание которой (открытие 810 училищ) испрашивалось 2216500 руб. [7, с. 82 – 83].

В «Обзоре Акмолинской области за 1915 г.» подчеркивалось, что в городах введение всеобщего начального обучения близилось к завершению и единственным препятствием являлось отсутствие школьных помещений. В сельской местности ситуация выглядела более сложно: сельские общества в большинстве случаев не могли взять на себя расходы на начальную школу, а размер государственных средств и пособий

на школьное строительство являлся недостаточным [8].

Что касается Семипалатинской области, то судить о том, как продвигалось дело по введению всеобщего начального обучения, можно на основании обращения Министерства народного просвещения в апреле 1916 г. на имя попечителя Западно-Сибирского учебного. Цель обращения заключалась в том, чтобы отказать в создании дополнительного инспекторского участка для командированного инспектора Петра Гусаренко. Помимо отказа отмечалось, что вопрос о разработке школьной сети для введения всеобщего обучения в Семипалатинской области будет особо рассмотрен в Министерстве и о результатах этого попечителю будет сообщено дополнительно. Несмотря на это, усилиями инспекторов народных училищ работа по составлению школьных сетей Семипалатинской области велась. Так, инспектор первого района Семипалатинской области проектировал открыть начальные школы в селениях Павлодарского уезда: Каменецком, Окольном, Крещенском, Корнеевском, Прелестном и вел об этом переписку с директором и попечителем учебного округа [2, л. 47].

Подводя итог, необходимо отметить, что на начало XX в. приходится ряд реформ в сфере отечественного образования, важное место среди которых занимают попытки введения всеобщего начального обучения. Активные действия в данном направлении предпринимаются в годы нахождения П. А. Столыпина на посту председателя Совета министров и связаны с деятельностью III Государственной думы. Хотя все идеи и остались на уровне проекта, но на местах была начата активная подготовительная работа, что, в свою очередь, не могло не сказаться на качественных изменениях в области образования. Сибирский регион не остался в стороне, дирекции народных училищ Западно-Сибирского учебного округа принимали активное участие в составлении и реализации планов введения всеобщего образования, хотя официально до 1913 г. Сибирь не рассматривалась правительством в качестве экспериментальной площадки. Наиболее благоприятные условия для этого сложились в Томской губернии, которая занимала лидирующие позиции по ряду показателей, в том числе и по обеспеченности населения элементарными знаниями. После нее шла Тобольская губерния, затем Акмолинская область, в самом сложном положении находилась Семипалатинская область. Проекты по введению всеобщего начального обучения, составленные в отношении Сибири, предусматривали долгосрочный вариант, что в конечном счете привело к их нереализованности вследствие событий 1917 г.

Литература

1. Виноградов, П. Т. К вопросу об обязательности обучения в начальных школах России / П. Т. Виноградов. – Томск, 1906.
2. ГАТО (Государственный архив Томской области). Ф. 126. Оп. 1. Д. 138.
3. ГАТО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 417.
4. Латышева, А. С. Проблемы народного образования в Третьей Государственной думе России / А. С. Латышева // Образование в Сибири: актуальные

проблемы истории и современности. Материалы региональной научной конференции. – Томск, 2002.

5. Мисюрев, А. И. Краткие сведения по дирекции народных училищ Томской губернии / А. И. Мисюрев. – Томск, 1913.

6. Обзор Акмолинской области за 1912 г. – Омск, 1912.

7. Обзор Акмолинской области за 1913 г. – Омск, 1913.

8. Обзор Акмолинской области за 1915 г. – Омск, 1915.

9. Столыпин, П. А. Программа реформ. Документы и материалы: в 2-х т. Т. 1. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002.

10. Памятная книжка Тобольской губернии на 1913 г. – Тобольск, 1913.

11. Подробная объяснительная записка к проекту сметы на 1914 г. – СПб., 1914.

12. ПСЗРИ (Полное собрание законов Российской империи). – Собр. 3. – Т. 28. – Ч. 1. – №30328.

13. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 733. Оп. 178. Д. 83.

14. РГИА Ф. 733. Оп. 186. Д. 2065.

15. РГИА. Ф. 733. Оп. 227. Д. 109.

16. РГИА. 803. Оп. 8. Ч. 2. Д. 666.

17. РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 673.

18. Успенский, А. П. Школьные сети всеобщего обучения по уездам Томской губернии / А. П. Успенский. – Томск, 1917.

19. Храмов, А. А. Столыпинские реформы в Сибири в оценках современных историков / А. А. Храмов // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 3(7).

20. Чехов, Н. В. Народное образование в России с шестидесятых годов XIX в. / Н. В. Чехов. – М.: Польза, 1912.

УДК 947(571) «15/19»

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО ВОПРОСУ ЗАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

В. А. Волчек

GOVERNMENT POLICY ON THE ISSUE OF SETTLEMENT OF SIBERIA IN THE MIDDLE OF THE XIXth CENTURY

V. A. Volchek

В статье анализируется правительственная политика по вопросу заселения крестьянами восточных окраин Российской империи в середине XIX века. Рассматриваются противоречия при попытках решения данной проблемы путем организованного переселения государственных крестьян из Европейской России в Сибирь. Большое значение имело отсутствие достаточного количества финансовых средств.

Ключевые слова: заселение Сибири, правительственная политика, организация проведения мероприятий, Второй Сибирский комитет.

The article gives the analysis of the Government policy on the question of peasants' populating eastern outlying districts of the Russian Empire in the middle of the XIXth century. The contradictions at the attempt to solve this problem by organized resettlement of state peasants from the European part Russia to Siberia. The lack of sufficient financial assets at that time is marked.

Keywords: populating Siberia, the Government policy, organization of holding events, the Second Siberian Committee.

Освоение восточных окраин Российской империи на протяжении нескольких столетий было уникальным явлением. Это был целый комплекс мероприятий, которые носили военный, административный, хозяйственный характер. Особое значение имели меры по организации заселения Сибири русским крестьянством. Весь XVII век в регионе складывалась парадоксальная ситуация. С одной стороны, в условиях завершения формирования крепостного права, правящие круги были категорически против свободного перемещения крестьян по стране. С другой – они прекрасно понимали, что без наличия в Сибири крестьянского населения закрепить эту территорию будет невозможно. Поэтому-то представители местной администрации закрывали глаза на прибытие в регион беглых крестьян, более того, вынуждены были оказывать им помощь в приобретении оседлости. Есть все основания называть данный этап как стихийный.

В следующем столетии приток беглых помещичьих и черносошных крестьян продолжался. Одновременно правительство попыталось взять процесс заселения под свой контроль, обозначив курс на организацию штрафной колонизации. Сразу же стали видны отрицательные моменты данного подхода: отсутствие стимулов у ссылаемых, не принималось во внимание наличие удобств при водворении поселенцев, поскольку доминировали государственные интересы (первоочередное заселение пограничных линий, приграничных территорий) [1, с. 43].

Только в начале XIX века подходы к заселению Сибири были коренным образом пересмотрены. В 1806 году разрешается государственным крестьянам из внутренних губерний по собственному желанию переселяться в Западную Сибирь. Важно, что позволение на смену места жительства сопровождалось установлением льгот для переселенцев: освобождение

от уплаты податей и выполнения ряда повинностей, выдачей ссуд, рабочего инвентаря, скота, кормовых денег, семян для посева. Новым этапом явилось принятие в 1822 году, по инициативе М. М. Сперанского, именного Указа «О разрешении казенным крестьянам всех губерний переселяться в Сибирь и внутри сибирских губерний».

Вплоть до конца XIX столетия правительство в вопросе переселения было непоследовательным, шаркалось из одной крайности в другую. Это было связано с опасением подорвать экономику Европейской России, с неоднозначной оценкой потенциала и перспектив Сибири, сложной международной обстановкой и хронической нехваткой финансовых средств. В 30-е, годы вплоть до 1842 года, переселение государственных крестьян на Восточные окраины было приостановлено в связи с необходимостью заселения Причерноморского края. В 60 – 80-е годы наиболее доступные сибирские губернии были закрыты для переселения. Только в конце 80-х годов наступил перелом в связи с принятием закона «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли».

Для понимания правительственной политики в изучаемом вопросе большое значение имеет середина XIX столетия. Именно в это время были отработаны механизмы последующего массового переселения на восток. Одновременно четко прозвучал постулат относительно невозможности распространения крепостного права на Сибирь. Николай I дважды высказывался по этому поводу. В 1830 году он запретил селить здесь крепостных. В 1839 году наложил резолюцию на один из документов: «Ни в коем случае поселение помещичьих крестьян допущено в Сибири быть не может» [2].

В это время вопросами управления восточными окраинами империи занимался Второй Сибирский комитет. Ему-то и пришлось решать проблемы переселения государственных крестьян в Азиатскую Россию.

На заседании комитета 3 ноября 1853 года обсуждался вопрос о дополнительных возможностях добровольного переселения государственных крестьян из внутренних губерний. На нем министр государственных имуществ П. Д. Киселев, который отвечал за реализацию данных мероприятий, понимая важность их проведения, тем не менее указал что какие-либо дополнительные меры по развитию переселенческого движения невозможны из-за отсутствия финансовых средств. Аргументация его сводилась к элементарным подсчетам соотношения количества переселившихся крестьян и отпускаемых на их обустройство ассигнований. Например, за период с образования министерства в Западную Сибирь переселилось более 40 тыс. душ мужского пола. Кроме того, с 1847 года в Восточную Сибирь было перемещено 165 семей из Вятской и Пермской губерний. В указанном году было разрешено переселить из Вятской губернии 500 семей, из Пермской – 250. Было отмечено, что на хозяйственное обустройство этих людей потребуется выделить около 200 тыс. рублей, не считая расходов на тех переселенцев, которые не успели прибыть в Восточную Сибирь из-за наступления распутицы. Вместе с тем на проведение всех мероприятий в распоряжение Министерства государственных имуществ поступило

всего 75 тыс. рублей. Как видим, без усиления финансирования расширение переселений было невозможно. В условиях начавшейся Крымской войны 1853 – 1856 годов стало ясно, что в ближайшее время осуществить меры по развитию переселения не удастся.

Второй Сибирский комитет указал на невозможность в данное время увеличения финансирования мероприятий по добровольному переселению крестьян на восточные окраины империи. Одновременно было отмечено рекомендовать соразмерять объемы переселения с теми средствами, которые отпускались министерству по смете. Постановили: с одной стороны, не принимать мер по усилению переселенческого движения; с другой – дали указание главному началству Западной Сибири своевременно предоставлять крестьянам земельные участки. Вся противоречивость ситуации выражалась в том, что было решено продолжить переселение в Восточную Сибирь небольшими партиями в соответствии с отпускаемыми финансовыми средствами [2].

В целом масштабы переселения в первой половине 50-х существенно сократились. Так, 28 октября 1854 года Тарский земский исправник сообщил Тобольскому губернатору, что из планировавшихся 2500 человек из Курской губернии прибыла только партия в 67 человек, которые были водворены в село Муромское Бергаматской волости. Все они получили денежные пособия на домообзаводство и хлеб [2].

Жизнь корректировала принятые ранее решения. Выше указывалось, что в 1854 году переселение в Западную Сибирь вообще не планировалось, а в Енисейскую губернию предусматривалось переселение семей из Вятской. 8 апреля на имя тобольского губернатора пришло отношение из Вятской палаты государственных имуществ. В соответствии с ним начальник губернии должен был обеспечить переезд переселенцев. Но уже 21 апреля Главное управление Западной Сибири дало предписание в Тобольск: войти в сношение с П. Д. Киселевым и решить вопрос о водворении части из них в Тарский округ Западной Сибири [3].

С окончанием Крымской войны центр вновь обратился к проблеме заселения восточных окраин империи путем регулирования и поощрения миграционных потоков государственных крестьян на восток страны. Основным местом поселения был определен Приамурский край. Положением Сибирского комитета от 8 декабря 1858 года было определено: переселить в край до 500 семей из Вятской и Пермской губерний, выделив для этого 100 тыс. рублей [3].

Генерал-губернатор Восточной Сибири граф Н. Н. Муравьев-Амурский указывал на трудности осуществления этого проекта. По его подсчетам, содержание одной семьи, следующей от границ Енисейской губернии до места водворения, обходилось примерно в 223 рубля серебром. Плюс к этому переселение из внутренних губерний до Иркутска обходилось в 150 рублей на семейство. Не принимались в расчет затраты на зимовку, на непредвиденные обстоятельства. Мнение главноуправляющего регионом было учтено, и Сибирский комитет в марте 1859 года принял решение сократить количество семей, определенных на поселение в Приамурском крае до 250, а другую половину – водворить в Томской и Тобольской губерниях [3].

Контроль за миграциями государственных крестьян осуществлялся не только применительно перемещения их из европейской части России в сибирскую, но и внутри региона. В условиях отсутствия русского населения на огромных пространствах правительство стремилось населить их крестьянами. В конце 50-х – начале 60-х годов Сибирский комитет принял ряд решений, поощрявших проведение соответствующих переселенческих мероприятий. Во-первых, с целью обустройства Читинского тракта, по которому производилась транспортировка казенных грузов, в марте 1859 года было решено предоставить дополнительные льготы государственным крестьянам Забайкальской области, которые переселятся на территорию Братской степи, где проходил тракт [4, л. 233]. Во-вторых, в марте того же года было разрешено переселение из Западно-Сибирских губерний в Киргизскую степь за неплатеж податей. Несмотря на то, что данная мера мыслилась как наказание, крестьянам предоставлялось 55 рублей для проезда и обустройства и некоторые льготы. В третьих, на основании высочайше утвержденных в марте 1861 года и ноябре 1863 года Положений Комитета, крестьянам, переселявшимся в степные казачьи станицы Семипалатинской и Сибирской областей, были определены льготы в виде денежных пособий, освобождения от службы на три года, от гербовых сборов и др. [5].

Деятельность Второго Сибирского комитета, представителей местной региональной администрации в отношении заселения восточных окраин страны в середине XIX века, несмотря на войну и последовавший в ее ходе и итоге хозяйственный и политический хаос, была направлена на организацию переселения государственных крестьян.

Наряду с хронической нехваткой финансовых ресурсов, направляемых на обеспечение мероприятий Министерства государственных имуществ, существовали и другие факторы, сдерживавшие организацию переселения государственных крестьян в Сибирь. К финансовым можно отнести то, что выделяемых средств, как правило, не хватало на обеспечение проезда от места прежнего проживания до определения новой оседлости. Чаще всего выделенных средств переселенцам хватало только до границ Сибири. В итоге в Екатеринбурге осенью скапливалась большая масса семей, которые не имели средств для следования к местам планируемого водворения. В столице Урала создавалась критическая ситуация. Большое скопление людей без средств передвижения, денег, одежды, пропитания грозило болезнями, эпидемиями, разбоями. Местные власти начинали бить тревогу, требуя от восточных соседей обеспечить доставку переселенцев до отведенных им мест. В Тобольском архиве, в фонде общего губернского правления сохранилось дело «По переселению крестьян российских губерний в Восточную и Западную Сибирь за 1854 – 1855 годы». Из него следует, что 19 июня 1854 года генерал-губернатор предложил казенной палате, чтобы Керенское и Тюменское окружные казначейства выделили средства для обеспечения переселенцев. Эти деньги шли на обеспечение подводами, теплыми вещами, продовольствием [5].

2 сентября этого же года в Пермь прибыло 650 душ переселенцев, следовавших из Калужской в Томскую губернию, которые не имели ни одной лошади, но крайне в них нуждались. Без них практически дальнейшее движение было невозможно. В ноябре Тобольская казенная палата была вынуждена выделить деньги на покупку лошадей для них [5]. Было очевидно, что отправка их в Томскую губернию до наступления морозов была затруднительна. Тем не менее, когда 1 ноября переселенцы прибыли в Тюмень, им выдали деньги на приобретение теплой одежды, суточные кормовые, на наем подвод и отправили к месту водворения в село Спасское Каинского округа [6]. Как видим, из-за слабого финансового обеспечения, большие затраты ложились на плечи тех губерний, которые не имели прямого отношения к переселенцам и должны были только обеспечить их следование по вверенной территории.

Выше уже отмечалось, что крестьяне из Курской губернии прибыли на место не ранее конца августа, из Калужской – не ранее конца ноября. Можно уверенно сказать, что первая сибирская зимовка для них была крайне тяжелой – без продовольствия, скота, не имея наделов они были вынуждены, в лучшем случае, идти в кабалу к старожилам или бродяжничать, в худшем – обречены были на вымирание. Нужно учитывать, что крестьяне переселялись целыми семьями, возраст их колебался от 62 лет до полугодка [6].

Иногда местные власти определяли для поселения места, которые были уже заняты. Так, в июне 1852 года Тобольский губернский совет рассматривал вопрос «Об отмене предположенной отрезки земли у крестьян Бороулинской волости для наделения крестьян, назначенных к переселению из российских губерний». Оказалось, что переселенцам были выделены земли, по которым шел спор еще с 1808 года между старожилами Ялуторовского и Тюменского округов. Губернские землемеры в 1828, 1831, 1832, 1834, 1837, 1841, 1849 годах проводили обмеры спорных территорий. Одно заключение противоречило другому. На этом фоне странным является сам факт того, что спорные земли были определены для переселенцев [6].

Литература

1. Сибирь в составе Российской империи. – М., 2007. – С.43.
2. РГИА. – Ф. 1265. – Оп. 13. – Д. 11. – Л. 128; – Д. 12. – ЛЛ. 294 – 298; – Л. 9.
3. РГИА. – Ф. 1265. – Оп. 13. – Д. 18. – ЛЛ. 512 – 514; – ЛЛ. 509 – 518; – ЛЛ. 330 – 332.
4. Волчек, В. А. Осуществление имперской политики на восточных окраинах России в деятельности Второго Сибирского комитета. – Новосибирск, 2006. – Л. 233.
5. ГУТО ГА в г. Тобольске. – Ф. 152. – оп.39. – Д. 24. – Л.84; – ЛЛ. 39,43; – ЛЛ. 45, 50.
6. Подсчитано нами по: ГУТО ГА в г. Тобольске. – Ф. 152. – Оп.39. – Д. 24. – ЛЛ. 36-37; – Оп.47. – Д. 37. – ЛЛ. 26 – 49.

**ЕВРЕЙСКИЕ ОБЩИНЫ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ В СЕРЕДИНЕ 1940-х – НАЧАЛЕ 1950-х гг.
(анализ в контексте политической ситуации)**

Е. С. Генина

**THE JEWISH COMMUNITIES IN Khabarovsk Region in the Middle
of the 1940s – Early 1950s (analysis within the framework of the political situation)**

E. S. Genina

В середине 1940-х – начале 1950-х гг. в Хабаровском крае существовала одна официально зарегистрированная еврейская община, находившаяся в Биробиджане. Все другие еврейские общины действовали нелегально. Самой значительной из них являлась еврейская община Хабаровска. Государственно-религиозный курс и национальная политика сталинского режима предопределили события, связанные с еврейскими общинами Хабаровского края. Особую роль в судьбах общин сыграла кампания по борьбе с космополитизмом, прошедшая в СССР в 1949 – 1953 гг.

Ключевые слова: *еврейские общины, религия, власть, кампания по борьбе с космополитизмом, Хабаровский край.*

In the middle of the 1940s – early 1950s, only one officially registered Jewish community existed in the Khabarovsk Region; that was in Birobidzhan. All the other communities acted illegally. Khabarovsk Jewish community was one of the largest. The government line towards religion and national politics of Stalin's regime predetermined the events connected with the Jewish communities in Khabarovsk Region. The campaign against cosmopolitanism in the USSR (1949 – 1953) particularly influenced the communities.

Keywords: *Jewish communities, religion, government and regional authorities, campaign against cosmopolitanism, Khabarovsk Region.*

Обращение к истории еврейских общин Хабаровского края в середине 1940-х – начале 1950-х гг. позволяет затронуть сразу два «исторических пласта»: государственно-религиозный курс и национальную политику сталинского режима. К настоящему времени история еврейской общины Биробиджана в указанных хронологических рамках стала объектом внимания исследователей. Г. В. Костырченко, автор известных трудов, посвященных «еврейскому вопросу» в СССР, рассматривая «гонения на иудаизм» в стране, отмечает факт существования общины и наличия синагоги в Биробиджане, устанавливает связь между отстранением от занимаемой должности заместителя председателя облисполкома Еврейской автономной области А. И. Ярмицкого и деятельностью общины. При этом историк констатирует, что «еврейское население главного города ЕАО особой религиозностью не отличалось» [17, с. 494 – 495]. Но ряд авторов исходит из противоположной посылки: о значительном участии евреев Биробиджана в религиозной жизни (применительно к условиям автономии). Отдельные страницы истории еврейской общины Биробиджана воссозданы Д. И. Вайсерманом и И. С. Бренером. Исследователи анализируют их на фоне трагических событий в ЕАО [2, с. 290 – 328, 359 – 361; 1, с. 262 – 271]. В работе Е. С. Гениной представлены основные вехи существования и деятельности общины Биробиджана во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. [3]. Однако имеющаяся у автора статьи дополнительная информация по названной проблеме, а также сведения о нелегальных еврейских общинах Хабаровского края дают возможность комплексно подойти к избранной теме изучения, выявить ключевые моменты в истории общин. Основой для проведения исследования выступают документы, отложившиеся в

Государственном архиве Российской Федерации (фонд Р-6991 – Совет по делам религий при Совете Министров СССР) и Государственном архиве Хабаровского края (фонд Р-1359 – Уполномоченный Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по Хабаровскому краю, г. Хабаровск).

Новые взаимоотношения государства и общества в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. повлекли за собой изменение условий религиозной жизни в СССР. Совет по делам религиозных культов, созданный постановлением СНК СССР 19 мая 1944 г., был нацелен на контроль ситуации в стране, а на местах действовали его уполномоченные. Временная либерализация сталинского режима привела к оживлению религиозных настроений еврейского населения СССР. В органы власти началось массовое поступление ходатайств верующих об официальной регистрации синагог. Их наибольшее число открыли и зарегистрировали в 1945 – 1946 гг., во время возвращения евреев в ранее оккупированные местности. Наблюдался рост числа официально учтенных синагог: на январь 1946 г. – 75, на октябрь 1946 г. – 124, на январь 1947 г. – 162, на январь 1948 г. – 181. Со второй половины 1947 г. последовало постепенное ужесточение государственно-религиозного курса. Председатель Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР И. В. Полянский ориентировался на установки власти, считавшей уже существующее число синагог предельным. На протяжении 1948 г. в СССР уже не было открытия новых синагог. В апреле 1949 г. число зарегистрированных синагог в стране составляло 180, в январе 1950 г. – 151, в январе 1951 г. – 141, в январе 1952 г. – 136. Значительную роль в политике государства, проводившейся по отношению к еврейским общинам, сыграла кампания по

борьбе с космополитизмом, развернувшаяся в СССР в 1949–1953 гг. и направленная в первую очередь против еврейской интеллигенции. Особую «злободневность» данной кампании придавал «израильский фактор». Созданное в 1948 г. Государство Израиль не оправдало надежд советского руководства, предпочтя проамериканскую ориентацию, и дополнило тем самым список внешних врагов Советского Союза. Кроме того, само существование Израиля способствовало всплеску социальной активности еврейского населения СССР, что вызывало серьезную обеспокоенность властей [5, л. 19, 21; 17, с. 417 – 422, 495 – 498].

Синагоги, официально зарегистрированные в СССР, находились на территории Украины, России, Грузии, Молдавии, Узбекистана, Латвии, Азербайджана, Таджикистана, Литвы, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Эстонии. В Сибири и на Дальнем Востоке в середине 1940-х – начале 1950-х гг. имелось только четыре зарегистрированные синагоги: в Омске (1946 г.), Новосибирске (1946 г.), Иркутске (1945 г.), Биробиджане (1946 г.). Но, наряду с официально действующими зарегистрированными синагогами, почти во всех городах, где проживали евреи, образовывались «миньяны» – нелегальные молитвенные дома, функционировавшие на частных квартирах. Для организации «миньяна» было достаточно десяти совершеннолетних по еврейскому религиозному закону мужчин (достигших 13 лет) и свитка святой Торы. В СССР появились многочисленные «миньяны», прежде всего на территории Белоруссии и Украины [5, л. 20, 21; 6, л. 40, 42, 43].

Еврейская религиозная община Биробиджана была зарегистрирована 15 декабря 1946 г. по решению Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР (протокол № 11 от 25 ноября 1946 г.) как ранее действовавшая. Ранее действовавшими считались общины, фактически существовавшие до организации Совета, имевшие молитвенные здания и служителей культа. Еврейская община в Биробиджане неофициально существовала с 1934 г. Первоначально председателем правления общины после ее регистрации являлся Г. Х. Кац (1876 г. р.), работавший экспедитором облпромсоюза. По сведениям на 1 октября 1950 г., председателем правления общины стал Л. Г. Гефен (1880 г. р.), проходивший по документам как иждивенец. С марта до августа 1947 г. синагога находилась по адресу: ул. Калинина, дом 17, с августа 1947 г. – по адресу: ул. Чапаева, дом 3 [1, с. 260; 5, л. 19; 6, л. 43; 9, л. 1, 3, 49; 10, л. 40, 55, 56].

По сведениям уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по Хабаровскому краю Б. М. Гребенникова, синагога фактически открылась в марте 1947 г. Изначально в списке членов общины числилось 300 человек. При этом в 1947 г. и до мая 1948 г. синагогу посещало в будни от 80 до 150 человек, в дни Песаха и осенних праздников – до 400 и более человек. На религиозных собраниях присутствовали как пожилые, так и молодые жители Биробиджана. Наблюдались и случаи посещения синагоги Биробиджана в праздники верующими евреями из близлежащих колхозов. В указанное время община поднимала вопрос создания в Биробиджане еврейского кладбища. Поднимались и вопросы издания еврейского календаря, открытия мага-

зина для продажи кошерного мяса, получения белой муки для выпечки мацы. Остро стояла тема освобождения верующих от работы в праздничные дни для посещения синагоги. Зафиксированы сведения о взаимодействии еврейских общин Иркутска и Биробиджана, датируемые 1947 г. Иркутская синагога передавала Торы, достаточное количество которых имела, в синагоги Улан-Удэ и Биробиджана. Правление еврейской общины Иркутска, зная о следовавших в Биробиджан эшелонах с евреями-переселенцами, стремилось оказать последним помощь. Для этого был организован сбор денег, вещей и продуктов, доставлявшихся затем к эшелонам. Некоторые участники общины являлись родственниками работников горисполкома Биробиджана и облисполкома ЕАО, что содействовало решению насущных проблем общины и одновременно привлекало к ней дополнительное внимание. Однако изначально перед местными органами власти, как и повсеместно, стояла задача ограничить деятельность общины сугубо религиозной сферой и не допустить общественную активность в любой ее форме, что ассоциировалось с «проявлениями национализма» [4, л. 107; 8, л. 14, 16; 9, л. 1 – 5, 8 – 10; 14, л. 64 – 66].

Начавшее стремительно развиваться вокруг синагоги религиозное движение (для условий отдаленного региона страны), создававшее возможность всплеска общественной активности, под давлением краевых и областных органов власти постепенно пошло на убыль. Для достижения этой цели органы власти реализовали целый комплекс мер. Он включал особый контроль за деятельностью общины и ее религиозного актива, выявление активистов общины – родственников членов ВКП (б) и комсомола, воздействие на руководящих работников Биробиджана и ЕАО, так или иначе причастных к общине, антирелигиозную пропаганду, выявление коммунистов и комсомольцев, посещавших синагогу, осуждение за нарушение трудовой дисциплины верующих, оказавшихся в синагоге в рабочее время, контроль за проведением общиной денежных сборов. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Хабаровскому краю Гребенников Б. М. в постоянных отчетах информировал Совет о принимавшихся мерах, активно взаимодействовал с местными органами власти [9, л. 1 – 5, 8 – 10, 31 – 32; 10, л. 43 – 50; 11, л. 48 – 51; 12, л. 17 – 24, 40 – 42; 14, л. 64 – 66].

В результате ситуация вокруг еврейской общины Биробиджана постепенно, начиная с 1948 г., изменилась. Снизилась посещаемость синагоги верующими: после мая 1948 г. в пятницу в синагоге бывало 25 – 30 человек, в субботу – от 60 до 100 человек. С течением времени были сведены к минимуму и указанные численные показатели. Если на IV квартал 1952 г. синагогу постоянно посещало не более 50 человек, то, по сведениям за IV квартал 1953 г., община имела в своем составе из постоянно числившихся по списку и посещавших синагогу лишь 41 человека. Данные, связанные с праздником «Йом-Кипур», свидетельствуют о постоянном уменьшении посещений синагоги. Так, в 1948 г. в праздник синагогу посетило более 500 человек, в 1949 г. – около 450 человек, в 1950 г. – около 350 человек, в 1951 г. – до 250 человек. Религиозная община постепенно утрачивала свое влияние среди

молодежи. К 1952 г. прекратился приезд верующих, проживавших за пределами города, в синагогу, ушли в прошлое случаи нарушений трудовой дисциплины в связи с посещением синагоги в рабочее время. В сложившихся условиях община испытывала трудности с формированием руководящего состава, финансовые проблемы. Назревшей необходимостью стали ремонт синагоги и ее благоустройство [9, л. 4 – 5; 10, л. 43 – 50; 11, л. 48 – 51; 12, л. 17 – 24, 40 – 42; 13, л. 27 – 28; 14, л. 64 – 66; 15, л. 4; 16, с. 249; 19, с. 253 – 254; 20]. В ноябре 1953 г. облисполком принял решение о закрытии синагоги в Биробиджане [2, с. 360 – 361], чему предшествовали многие трагические события в ЕАО.

Наступление на еврейскую общину Биробиджана хронологически совпало с кадровой «чисткой», развернувшейся в Еврейской автономной области. 25 июня 1949 г. последовало решение Политбюро ЦК ВКП (б) «Об ошибках секретаря обкома Еврейской автономной области Хабаровского края т. Бахмутского А. Н. и председателя облисполкома т. Левитина М. Е.». Руководителей области отстранили от занимаемых ими постов по причине «политических ошибок». Данное постановление обсуждалось на VII областной партийной конференции ЕАО, прошедшей в Биробиджане 26 июля 1949 г., где избрали новый состав обкома ВКП (б). Присутствовавшие на конференции поднимали и тему существовавшей в Биробиджане еврейской общины. Особое внимание уделялось факту причастности к ее деятельности заместителя председателя облисполкома ЕАО А. И. Ярмицкого [2, с. 276 – 328; 17, с. 488 – 494].

20 – 23 февраля 1952 г. Военная коллегия Верховного суда СССР под председательством генерал-майора юстиции А. Г. Суслина в закрытом порядке рассмотрела «дело А. Н. Бахмутского». Обвиненный в контрреволюционной деятельности, связях с членами «разоблаченного» Еврейского антифашистского комитета, одобрении пропаганды буржуазного еврейского национализма и космополитизма, разглашении государственной тайны, он был приговорен к высшей мере наказания (расстрелу). 5 апреля 1952 г. Президиум Верховного Совета СССР заменил приговор, вынесенный А. Н. Бахмутскому, на 25 лет лагерей. На этом же процессе продолжительные сроки заключения в лагерях получили М. Е. Левитин и другие бывшие руководители автономии [17, с. 493 – 494].

С занимаемых постов в ЕАО отстранили еще десятки чиновников, в том числе заместителя председателя облисполкома А. И. Ярмицкого и председателя Биробиджанского горисполкома М. З. Спиваковского. Главной причиной устранения А. И. Ярмицкого, ранее являвшегося председателем горисполкома, стала его непосредственная поддержка верующих евреев: в 1947 г. он способствовал созданию в Биробиджане общины и открытию синагоги, поддержал инициативу о разделении городского кладбища на русское и еврейское. Кроме того, отец его жены находился в числе активистов общины, входил в состав ее правления. Местным органам власти было известно, что З. М. Спиваковский, отец М. З. Спиваковского, состоял в составе правления общины, ее активе. Репрессиям подверглись представители интеллигенции, внесшие вклад в развитие культуры ЕАО, рядовые жители

автономии. В Биробиджане закрыли еврейский музей (вместе с еврейским музеем в Вильнюсе, историко-этнографическим Государственным музеем евреев Грузии в Тбилиси). Наряду с другими еврейскими театрами страны прекратил существование Биробиджанский государственный еврейский театр им. Л. М. Кагановича [2, с. 312 – 313, 321; 7, л. 4 – 6, 33 – 34; 8, л. 14, 16; 9, л. 2, 4, 8, 32; 17, с. 475, 484 – 495].

Руководство Совета по делам религиозных культов ориентировало уполномоченного Б. М. Гребенникова на возможное выявление в Биробиджане «незарегистрированных еврейских религиозных групп», исходя из вероятности их возникновения в месте сосредоточения еврейского населения даже при наличии официальной общины. Как правило, «миньяны» собирались в первую очередь во время осенних праздников. Однако ни в одном из своих отчетов в Совет уполномоченный не предоставляет подобной информации. Но за пределами областного центра на территории ЕАО существовали незарегистрированные еврейские общины. Сохранились сведения об их присутствии в районных центрах и колхозах автономии еще в довоенное время. В документах, подготовленных Б. М. Гребенниковым, они обозначены как религиозные общины, не подававшие заявления о регистрации. Очевидно, что начало их новой деятельности во многом связано с официальной регистрацией общины и открытием синагоги в Биробиджане. По данным на 1 декабря 1949 г., подобные общины имелись в с. Бирофельд Биробиджанского района (руководитель Н. М. Зольцман), с. Валдгейм Биробиджанского района (руководитель С. Л. Вайтман), с. Бату-ровка Облученского района (руководитель Лайзер Я. И.). В общинах состояло соответственно 18, 16 и 14 человек. В 1950 г. появились сведения еще об одном «миньяне»: в с. Ленинское Ленинского района. По данным за 1 июля 1952 г., эта община в составе 17 человек во главе с И. Л. Колтуном продолжала «числиться» на учете у уполномоченного. Но уже в 1951 г., в результате мер, принимавшихся местными органами власти, в период осенних праздников зафиксирован единственный случай проявления активности «миньяна»: в с. Бирофельд. Попытка пожилых евреев провести молитвенное собрание была пресечена председателем сельсовета. Именно в 1951 г. до начала осенних праздников Б. М. Гребенников принял превентивные меры, направив в обком и облисполком ЕАО письмо с просьбой «дать указание всем районным комитетам ВКП (б) и райисполкомам о развертывании работы к недопущению сборов верующих на моление “миньянов” и усилении антирелигиозной пропаганды». В 1952 г. случаев деятельности «миньянов» закономерно не наблюдалось [1, с. 260; 9, л. 51 – 52; 10, л. 50; 12, л. 17, 20; 14, л. 35 – 36, 65; 16, с. 249; 19, с. 254].

Отдельно следует рассмотреть положение нелегальной еврейской общины Хабаровска, которая в документах Б. М. Гребенникова фигурирует как религиозная община, подававшая заявление о регистрации. В середине – второй половине 1940-х гг. верующие обращались к уполномоченному Совета по делам религиозных культов с просьбой вернуть им здание синагоги, где размещался художественный музей

(ул. Фрунзе, дом 45). Последовали и просьбы о разрешении проведения молитвенных собраний в дни религиозных праздников. Поскольку община не имела регистрации, ее участники не достигли желаемого. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. в общине состояло 127 – 130 человек. До 1950 г. общину возглавлял М. Б. Вайнер, затем – М. Н. Лесновский [8, л. 16; 9, л. 50; 10, л. 47; 14, л. 35 – 36; 18; 21].

Переломным для еврейской общины Хабаровска стал 1951 г. Несмотря на предварительное предупреждение Хабаровского горисполкома и обязательство общины не проводить нелегальных встреч, ее участники приняли решение собраться 9 октября 1951 г. (в период осенних праздников) на одной из частных квартир. Но за ними заранее было установлено наблюдение. Работники милиции и городской налоговый инспектор застали в квартире до 30 человек, пришедших для совершения религиозных обрядов. На трех активистов общины, включая хозяина квартиры, работники милиции составили соответствующий акт. Помимо этого, каждого из них обложили подоходным налогом в размере 500 руб. В 1952 г. собрания верующих евреев в Хабаровске уже не зафиксированы [12, л. 20 – 21; 14, л. 65].

Таким образом, взаимоотношения органов власти и еврейских общин Хабаровского края в середине 1940-х – начале 1950-х гг. отчетливо вписываются в контекст государственно-религиозного курса и национальной политики, стали их проявлением. Несомненное воздействие на развитие событий оказала политическая ситуация, сложившаяся в Еврейской автономной области в данное время. Первоначальная активизация еврейских общин Хабаровского края в середине 1940-х гг. связана с процессами, протекавшими в стране в целом. Регистрация еврейской общины Биробиджана и допущение подконтрольной органам власти некоторой деятельности нелегальных общин Хабаровского края обусловлены либерализацией сталинского государственно-религиозного курса. Наступление на еврейские общины региона в конце 1940-х – начале 1950-х гг. протекало под влиянием двух взаимосвязанных процессов. Ужесточение государственной политики в сфере религии повлекло за собой «гонения на иудаизм». В годы борьбы с космополитизмом все еврейские общины находились под постоянным и строгим контролем местных властей. Сведения обо всех ситуациях (штатных, а тем более нештатных) в легальных и нелегальных еврейских общинах регулярно поступали в Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР. Гарантией от преследований для официально существовавших еврейских общин могла стать лишь сугубо религиозная деятельность и отсутствие претензий на общественную активность в любой ее форме. Данное обстоятельство, учитывая специфику Еврейской автономной области, становилось невозможным для еврейской общины Биробиджана, что и предопределило ее судьбу. На этом фоне закономерным представляется пресечение деятельности нелегальных еврейских общин Хабаровского края.

Литература

1. Бренер, И. С. Лэхаим, Биробиджан! [Текст] / И. С. Бренер. – Красноярск: Красноярский писатель, 2007. – 336 с.
2. Вайсерман, Д. И. Биробиджан: мечты и трагедия. История ЕАО в судьбах и документах [Текст] / Д. И. Вайсерман. – Хабаровск: РИОТИП, 1999. – 512 с.
3. Генина, Е. С. Религия и власть: еврейская община Биробиджана во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. [Текст] / Е. С. Генина // Региональная национальная политика: исторический опыт и критерии оценки эффективности: материалы Международной научно-практической конференции. Кемерово, 23 – 27 ноября 2003 г. / отв. ред. Л. И. Гвоздкова, А. Н. Са-довой. – Кемерово: Ин-т угля и углехимии СО РАН, 2003. – Вып. 2. – С. 21–25.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 683.
5. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 23.
6. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 27.
7. ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 39730.
8. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-1359. Оп. 3. Д. 1.
9. ГАХК. Ф. Р-1359. Оп. 3. Д. 3.
10. ГАХК. Ф. Р-1359. Оп. 3. Д. 6.
11. ГАХК. Ф. Р-1359. Оп. 3. Д. 7.
12. ГАХК. Ф. Р-1359. Оп. 3. Д. 8.
13. ГАХК. Ф. Р-1359. Оп. 3. Д. 9.
14. ГАХК. Ф. Р-1359. Оп. 3. Д. 10.
15. ГАХК. Ф. Р-1359. Оп. 3. Д. 12.
16. Из справки Б. М. Гребенникова о религиозной ситуации в Еврейской автономной области, адресованной в крайком ВКП (б) И. В. Щепину. 28 октября 1950 г. [Текст] // Религия и власть на Дальнем Востоке России: сборник документов Государственного архива Хабаровского края / гл. ред. Ю. Н. Бакаев. – Хабаровск: Частная коллекция, 2001.
17. Костырченко, Г. В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм [Текст] / Г. В. Костырченко. – 2-е изд., доп. – М.: Международные отношения, 2003. – 784 с.
18. Перечень незарегистрированных религиозных общин, проводящих собрания явочным порядком, на 1 апреля 1949 года [Текст] // Религия и власть на Дальнем Востоке России: сборник документов Государственного архива Хабаровского края / гл. ред. Ю. Н. Бакаев. – Хабаровск: Частная коллекция, 2001.
19. Разъяснения Совета по делам религиозных культов при СМ СССР об отношении к верующим, адресованные Б. М. Гребенникову. 6 августа 1952 г. [Текст] // Религия и власть на Дальнем Востоке России: сборник документов Государственного архива Хабаровского края / гл. ред. Ю. Н. Бакаев. – Хабаровск: Частная коллекция, 2001.
20. Список зарегистрированных религиозных общин Хабаровского края на 1 октября 1950 года [Текст] // Религия и власть на Дальнем Востоке России: сборник документов Государственного архива Хабаровского края / гл. ред. Ю. Н. Бакаев. – Хабаровск: Частная коллекция, 2001.
21. Список крупных групп верующих, не получивших разрешения на регистрацию, на 1 октября 1950 года [Текст] // Религия и власть на Дальнем Вос-

токе России: сборник документов Государственного архива Хабаровского края / гл. ред. Ю. Н. Бакаев. –

Хабаровск: Частная коллекция, 2001.

УДК 371.2/94(571.1)''1906/1913''

ШКОЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ПОСЕЛКАХ В 1906 – 1913 ГГ.

(на примере Томского переселенческого района)

Ю. Ю. Гизей

SCHOOL BUILDING IN RESETTLEMENT TOWNSHIPS IN 1906 – 1913

(the example of Tomsk resettlement district)

Yu. Yu. Gizey

В статье рассматриваются мероприятия правительства по развитию начального образования в переселенческих поселках Томского переселенческого района в годы аграрной реформы П. А. Столыпина. Затрагиваются проблемы обеспечения населения начальной школой, финансирования и организации помощи переселенцам по строительству начальных школ.

Ключевые слова: аграрная реформа П. А. Столыпина, переселение в Сибирь, Томский переселенческий район, начальное образование, начальные училища, школьное строительство.

The article covers the government actions for development of elementary education in resettlement townships of Tomsk resettlement district in the days of P.A. Stolypin's agrarian reform. The problems of providing the population with elementary school and those of financing and organizing help for migrants in building elementary schools are covered.

Keywords: P. A. Stolypin's agrarian reform, resettlement in Siberia, Tomsk resettlement district, elementary education, basic vocational schools, school building.

Одним из важных компонентов аграрной реформы П. А. Столыпина являлась активная переселенческая политика. С одной стороны, это должно было ослабить аграрное перенаселение центра, с другой – способствовать экономическому освоению Азиатской России. С середины 1880-х гг. правительство предпринимает меры по увеличению потока избыточного населения из Европейской России в Сибирь и на Дальний Восток. Однако все они в основном касались лишь облегчения процедуры оформления переселения и легального закрепления на новой территории. Только с 1906 г. государство не только не препятствует переселению, но и активно помогает переселенцам через целый комплекс льгот, пособий и ссуд. Подобная политика дала свои результаты. По данным Переселенческого управления Главного управления земледелия и землепользования за 1885 – 1905 гг. за Урал переселилось 1 520 750 человек, тогда как за 1906 – 1913 гг. количество переселенцев (без учета ходоков) достигло 3 233 803 человека [подсчитано по: 17 – 19].

В переселенческом потоке преобладали семейные переселенцы. Определенную долю потока составляли переселявшиеся самовольно, учет которых не представляется возможным. Безусловно, не всем удавалось наладить жизнь на новом месте, часть из них устремлялись обратно на родину, часть – оседали в немногочисленных сибирских городах. В отечественной историографии нет единого мнения о размерах обратного потока переселенцев. По официальным данным Переселенческого управления за 1906 – 1913 гг., обратно из-за Урала через Челябинский переселенческий пункт проследовало в Европейскую

Россию 396274 человека [подсчитано по: 17 – 19], что составляет 12,25 % от общего числа переселенцев.

В 1906 – 1909 гг. до 40 – 45 % всего потока переселяющихся за Урал оседало в Томской губернии, в границах которой был образован Томский переселенческий район, поделенный на 19 подрайонов. В 1910 г. этот поток сократился до 28 %. Изменения были обусловлены тем, что неосвоенными остались только отдаленные таежные районы Томской губернии, неблагоприятные для проживания [15, с. 187]. За 1906 – 1913 гг. численность населения Томской губернии выросла в 1,7 раза, наиболее динамично росло население Барнаульского и Кузнецкого уездов. Естественный прирост давал в год 2,01 – 2,32 % населения губернии, соответственно можно говорить, что основным источником роста населения являлся механический прирост, т. е. переселение [подсчитано по: 5 – 12].

Резкий рост населения накладывался на неразвитую инфраструктуру Сибири, что осложняло процесс адаптации переселенцев на новом месте, особенно в создаваемых переселенческих поселках: «Новоселам приходится в первые же годы по прибытии их на новые места, одновременно с устройством хозяйств озачиняться созданием примитивных культурных условий. К числу последних относится, в частности, устройство церквей, школ, хлебозапасных магазинов, мельниц, кузниц и производство необходимых земельных мелиораций» [20, с. 82].

Выходцы из Европейской части России стремились воссоздать на новом месте те условия, к которым они привыкли на родине. Для удовлетворения куль-

турно-духовных потребностей переселенцы особо нуждались в церковном и школьном строительстве.

В Томской губернии, где по первой всеобщей переписи населения 1897 г. грамотность составляла всего лишь 10,39 % (16,53 % у мужчин и 4,28 % у женщин, в сельской местности 8,55 %) [13, с. 12 – 13], большой поток переселенцев резко снизил обеспеченность населения школой. Если в 1905 г. на 1 начальное училище приходилось 1558 жителей и 34,41 % детей школьного возраста обучались в школе (для сельской местности этот процент составлял 29,99 %), то в 1909 г. эти показатели составляли 2262 жителя на 1 школу (в сельской местности – 2315), охват детей школьным образованием – 27,99 % (по сельской местности – 25,77 %) [подсчитано по: 5, 9].

Государство, прекрасно осознавая, что «упрочение быта переселенцев на новых местах представляется затруднительным при отсутствии широкого культурного содействия переселенцам со стороны государства» [18, с. 34], предусмотрело денежную поддержку переселенцев в виде ссуд на общепользные надобности. Последние, на основании Временных правил о выдаче ссуд на общественные надобности переселенцев в Сибири (кроме Алтайского округа) и Степном генерал-губернаторстве 15 июня 1902 г., предоставлялись сельским обществам, селениям и товариществам крестьян-домохозяев [3]. К общепользным надобностям относилось строительство обводнительных, осушительных и дорожных сооружений (колодцы, запруды, плотины, каналы, дороги, гати, мосты и переправы), общественных зданий (школы, зернохранилища и волостные и сельские правления), организация пожарной охраны сельских строений и сельскохозяйственных улучшений и предприятий (общественные запашки, приобретение улучшенных семян и сельскохозяйственных орудий, устройство мельниц). Желающие получить ссуду должны были обратиться с заявлением к крестьянскому начальнику, который после «личного на месте расследования в желательности удовлетворения заявленных ходатайств и в степени обеспеченности возврата ссуды» передавал свое заключение в губернские или областные по крестьянским делам учреждения. Последние принимали решение о выдаче ссуды в размере до 300 рублей, решение по более крупным суммам принималось уже МВД (п. 3). Ссуда была беспроцентной, выдавалась на 10 лет и возвращалась равными ежегодными взносами. Обязательными условиями являлись завершение строительства в течение двух лет с момента получения средств, а также принятие общественных приговоров или круговых ручательств о согласии с условиями кредитования (п. 4, 7).

В 1902 – 1906 гг. ссуд на общепользные надобности переселившимся за Урал было выдано на 125000 руб., т. е. в среднем 25 000 руб. в год. В 1907 г. объемы финансирования увеличились до 379630 руб., в т. ч. на Томский переселенческий район было выделено 3 285 руб. [17], в 1908 г. – 47 ссуд на сумму 416 767,2 руб. Однако ни одна из ссуд не была выделена на школьное строительство [1, с. 223]. Повидимому, сами переселенцы в первые годы водворения были озабочены выживанием, хозяйственным обустройством, налаживанием сельскохозяйственного цикла. Кроме того, сумма в 300 руб. была явно недос-

таточной для строительства капитального школьного здания в течение двух лет. Лишь в 1909 г., когда Временные правила о выдаче ссуд 15 июня 1902 г. после обсуждения в Государственной думе и Государственном совете стали Законом о выдаче ссуд на общепользные надобности 19 апреля 1909 г., размер ссуд увеличился до 2000 руб. [4].

Постепенно к школьному строительству в переселенческих поселках подключаются другие заинтересованные ведомства: Св. Синод и Министерство народного просвещения.

В 1907 г. обер-прокурор Св. Синода П. П. Извольский и главноуправляющий земледелием и землеустройством Б. А. Васильчиков выступили с инициативой создания под председательством товарища обер-прокурора Св. Синода сенатора А. П. Роговича особого Совещания о церковных нуждах в переселенческих местностях «с целью согласования действий духовного ведомства и Переселенческого управления и более планомерного расходования имеющихся в распоряжении обоих ведомств средств на постройку в переселенческих местностях церквей, причтовых и школьных домов и на содержание причтов» [2, с. 148]. Для знакомства с обстановкой на месте было решено командировать в переселенческие местности знакомого с условиями сибирской жизни синодального проповедника-миссионера и члена Синодального училищного совета И. И. Восторгова. В январе 1908 г., с одобрения императора, такое Совещание было создано [2, с. 149].

На первых заседаниях Совещания в январе-феврале 1908 г., в которых, помимо товарища обер-прокурора Св. Синода сенатора Роговича (председатель) и начальника Переселенческого управления, участвовали некоторые чины хозяйственного управления при Св. Синоде, Томский архиепископ Макарий, Томский и Тобольский губернаторы, протоиерей И. Восторгов, было решено, что открытию церковных школ в переселенческих районах должно предшествовать устройство церквей и образование приходов. Кроме того, посчитали необходимым в епархиях, принимающих переселенцев, создать епархиальные комитеты по удовлетворению духовных потребностей переселенцев в составе местного архиерея (председатель), губернатора, управляющего государственными имуществами, заведующего переселенческим районом и губернского архитектора [2, с. 150 – 152]. В 1908 г. в Томской епархии был создан Томский епархиальный комитет по устройству церковного быта переселенцев под председательством архиепископа Томского и Алтайского Макария [1, с. 223].

Серьезную помощь в строительстве помещений для церковных школ в переселенческих поселках оказывал фонд имени императора Александра III, основанный в 1894 г. при Комитете Сибирской железной дороги для удовлетворения церковных нужд переселенцев Сибири. В связи с закрытием Комитета Сибирской железной дороги Высочайшим Указом от 15 декабря 1905 г. заведование фондом было передано в Св. Синод. Существующий на частные пожертвования и частичные субсидии из казны, фонд занимался строительством церквей и школ в переселенческих поселках по линии Сибирской железной дороги. Из средств Государственного казначейства на усиление

фонда имени императора Александра III на сооружение церквей и школ в переселенческих поселках Сибири было отпущено в 1908 г. – 25000 руб., а начиная с 1 января 1909 г. по 50000 руб. в год [2, с. 157]. В 1913 г. в Государственную думу были внесены законопроекты: об ассигновании 1000000 рублей на усиление фонда императора Александра III для удовлетворения религиозных нужд переселенцев [19, с. II].

Для развития школьного дела в местах переселений при губернаторах и областных начальниках, в соответствии с циркуляром министра внутренних дел от 25 октября 1909 г. за № 41, были созданы школьные комиссии из представителей МНП и Переселенческого управления. Задача этих комиссий состояла в выявлении переселенческих поселков, наиболее нуждающихся в открытии училищ, в подыскании помещений для училищ, на первое время наемных, а также в привлечении учительского персонала для проектируемых училищ. Местные школьные комиссии вели дела непосредственно с Департаментом народного просвещения МНП и Переселенческим управлением [16, с. 10]. В 1909 г. такая комиссия была образована при томском губернаторе, в нее вошли заведующий переселением и землеустройством в Томском районе и окружной инспектор Западно-Сибирского учебного округа. К этому моменту в Томском переселенческом районе на 854 переселенческих поселка имелось только 103 школы [14, с. 239].

В первый год работы школьная комиссия выработала правила открытия школ с пособием от МНП и Переселенческого управления, разработала формы необходимых приговоров. Было решено в первую очередь открывать школы в менее обеспеченной и ранее заселенной таежной части губернии (7 северных подрайонов по водворению). Заведующим водворением переселенцев в этих подрайонах было поручено собрать сходы в поселках и отобрать от них приговоры об открытии школ, если таковые желательны. До 1 января 1910 г. поступило 19 приговоров. Все они были рассмотрены в комиссии, а потом в общем присутствии Томского губернского управления. Всего на устройство испрашиваемых этими приговорами школ требовалось 51000 руб., из которых половина – 25500 руб. – из сметы МНП, остальные 25500 руб. – из средств Переселенческого управления. Из последней суммы 19800 руб. испрашивалось на ссуду, остальные 5700 руб. – в безвозвратное пособие. Кроме того, некоторые поселки ходатайствовали о выдаче им ссуд на постройку школ МВД. Таких ходатайств в 1909 г. было возбуждено 15, из них 12 поселкам просимые ссуды были отпущены, 2 поселка получили безвозвратные пособия, а по одному ходатайству ссуда выдана не была [14, с. 239].

Школьному строительству в переселенческих поселках способствовали государственные мероприятия по созданию условий для всеобщего начального обучения во всей империи. Закон 3 мая 1908 г. об отпуске 6900000 рублей на нужды начального образования и закон 19 июня 1909 г. об отпуске из Государственного казначейства средств на увеличение содержания учащихся в одноклассных и двухклассных церковно-приходских школах Сибири не касались, т. к. предусматривали финансирование земских губерний, приступивших к реализации сетей всеобщего обучения.

Зато по «Правилам о выдаче пособий из казны на школьно-строительные надобности» 22 июня 1909 г. переселенческие поселки могли брать как долгосрочные ссуды, так и безвозвратные пособия на строительство школьных зданий. Ссуды выдавались волостным управлениям, сельским общественным управлениям, а также отдельным поселениям сроком на 20 лет в размере 4/5 строительной стоимости школьных зданий. Процент по кредиту составлял 3 % годовых. Безвозвратные пособия выдавались в размере половины строительной стоимости здания, но не свыше 1500 руб. на одноклассное (на 50 учеников при 1 учителе) деревянное, 3000 руб. на такое же двухклассное, не свыше 2000 руб. на одноклассное каменное, 4000 руб. на такое же двухклассное и 1000 руб. на каждый следующий комплект. План и смета здания согласно Правилам должны быть одобрены местным училищным советом. Вторую половину стоимости постройки училищного здания Переселенческое управление покрывало из имеющегося в его распоряжении кредита на выдачу ссуд на общепользные надобности переселенцев. Отпускаемые МНП по этому закону единовременные пособия передавались в распоряжение заведующих переселенческим делом в губернии [16, с. 11].

В целом в 1910 г. в Томской губернии на общепользные надобности было выдано ссуд на 142304,63 руб. и безвозвратных пособий на 39508 руб. [15, с. 193]. На строительство 60 школ Переселенческим управлением было отпущено 87980 руб., из них в 1910 г. было выдано 25900 руб., выдача остальных 60580 руб. была перенесена на 1911 г. За 1910 г. в переселенческих поселках было построено 42 школы МНП, за 1911 г. – 37 школ МНП и 6 церковно-приходских школ, за 1912 г. – 21 министерская школа [15, с. 199; 18]. В 1913 г. на церковно-школьное строительство Переселенческим управлением было ассигновано уже 171492 руб., МНП – 64650 руб. и Св. Синодом – 19300 руб. [12, с. 37].

Усилия нескольких ведомств, а также мероприятия по развитию школьной сети для введения в губернии всеобщего начального обучения позволили несколько улучшить ситуацию с обеспеченностью населения школой. К началу 1913 г. 1 школа приходилась на 2076 жителей (против 2369 в 1910 г.), а охват детей школьным образованием составлял 32,86 % (по сельской местности – 31,06 %, против 26,75 % и 24,28 % соответственно в 1910 г.) [подсчитано по: 9, 12]. Однако следует признать, что обеспеченность начальной школой в Томской губернии оставалась крайне слабой. Сокращение ассигнований на переселение в связи с началом Первой мировой войны отложило сроки введения всеобщего начального образования на неопределенный срок.

Литература

1. Безуглов, И. М. Положение переселенческого дела в Томском районе (Краткий исторический очерк) / И. М. Безуглов // Памятная книжка Томской губернии на 1910 г. – Томск: Типогр. губернского управления, 1910.
2. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного испове-

дания за 1908 – 1909 годы. – СПб.: Синодальная типография, 1911. – XVII, 663, 266 с.

3. Высочайше утвержденные Временные правила о выдаче ссуд на общепользные надобности переселенцев в Сибири (кроме Алтайского округа) и Степном генерал-губернаторстве 15 июня 1902 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – Т.23: 1903. – СПб., 1905. – № 21726 а.

4. Высочайше утвержденный одобренный Государственным советом и Государственною думою закон «О порядке выдачи ссуд на общепользные надобности переселенцев 19 апреля 1909 г.» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – Т. 29: 1909. – СПб., 1912. – № 31728.

5. Обзор Томской губернии за 1905 год. Приложение к всеподданнейшему отчету томского губернатора. – Томск: Губернская типография, 1906. – 40, 41 с.

6. Обзор Томской губернии за 1906 год. Приложение к всеподданнейшему отчету томского губернатора. – Томск: Губернская типография, 1907. – 83 с.

7. Обзор Томской губернии за 1907 год. Приложение к всеподданнейшему отчету томского губернатора. – Томск: Типография губернского управления, 1909. – 82 с.

8. Обзор Томской губернии за 1908 год. Приложение к всеподданнейшему отчету томского губернатора. – Томск: Типография губернского управления, 1909. – 45, 46 с.

9. Обзор Томской губернии за 1910 год. Приложение к всеподданнейшему отчету томского губернатора. – Томск: Типография губернского управления, 1912. – 55, 44 с.

10. Обзор Томской губернии за 1911 год. Приложение к всеподданнейшему отчету томского губернатора. – Томск: Типография губернского управления, 1912. – 64, 49 с.

11. Обзор Томской губернии за 1912 год. Приложение к всеподданнейшему отчету томского губерна-

тора. – Томск: Типография губернского управления, 1914. – 61, 30 с.

12. Памятная книжка Томской губернии на 1914 г. / под ред. П. Т. Виноградова. – Томск: [б.и.], 1914. – 248 с.

13. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – Т. 79. Томская губерния / под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб.: издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. – [4], XXVI. – 246 с.

14. Переселение в Томскую губернию в 1909 году // Памятная книжка Томской губернии на 1911 г. – Томск: Томский. губерн. стат. комитет, 1911.

15. Переселение в Томскую губернию в 1910 году // Памятная книжка Томской губернии на 1912 г. – Томск: Томский. губерн. стат. комитет, 1912.

16. Переселение и землеустройство в Азиатской России. Сборник законов и распоряжений / сост. В. П. Вошинин. – Пг.: Типография Петроградской тюрьмы, 1915. – XIV. – 509 с.

17. Переселение и землеустройство за Уралом в 1906 – 1910 гг. и Отчет по переселению и землеустройству за 1910 г. – СПб.: типография Эрлих, 1911. – 501 с.

18. Переселение и землеустройство за Уралом в 1912 г. (Отчет о работах Переселенческого управления за 1912 г.). – СПб.: типография А. Э. Коллинс, 1913. – 331 с.

19. Переселение и землеустройство за Уралом в 1913 г. (Отчет о работах Переселенческого управления за 1913 г.). – Пг.: тип. М.П. Фроловой, 1914. – [3], XV, 402 с.

20. Современное положение переселенческого дела и его нужды. Справка для гг. членов Государственной думы (составлена переселенческим управлением Главного управления землеустройства и земледелия). – СПб.: Типогр. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1907. – 96 с.

УДК 947.(571)

ВЛИЯНИЕ ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ФАКТОРА НА ПЕРЕСЕЛЕНИЕ В СИБИРЬ В ГОДЫ СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ

М. В. Дорофеев, М. В. Семиколонов

THE INFLUENCE OF NATURAL-GEOGRAPHIC FACTOR ON RESETTLEMENT IN SIBERIA DURING STOLYPIN'S AGRARIAN REFORM

M. V. Dorofeev, M. V. Semikolenov

Массовые переселения в Сибирь в 1906 – 1914 гг. должны были разрядить аграрный кризис в центре страны. К 1900 г. количество «лишних» крестьян составило 23 миллиона человек. Количество удобных земель, пригодных для земледелия, в Сибири было недостаточно для обеспечения земельными наделами всех желающих, что не учитывалось правительством П. А. Столыпина. К 1914 г. колонизационный земельный фонд был исчерпан.

Ключевые слова: земельный вопрос; аграрный кризис; переселенческая политика.

The mass resettlement in Siberia in 1906 – 1914 was to unloaded the rural crisis in the center of the country. By 1900 “superfluous” peasants amounted 23 million of people. The quantity of the convenient lands suitable for agriculture in Siberia was not enough to provide all people with the lands they wished. This fact was not taken into account by Stolypin’s government. By 1914 the fund of settlement lands was exhausted.

Keywords: *the problem of land; the resettlement's politic; the agrarian crisis.*

Юбилейные даты, помимо воспоминаний, заставляют анализировать события ушедших эпох, задаваясь вопросом: «Что было бы, если бы...?». 150-летняя годовщина со дня рождения П. А. Столыпина вновь возвращает нас к широкомасштабной аграрной реформе, получившей в отечественной историографии название «Столыпинской». Историки уже обращали внимание на то, что в целом реформы П. А. Столыпина научно не прорабатывались и даже игнорировались предыдущие исследования в этой области [1, с. 80]. Отношение к результатам так и не завершённой реформы не однозначно. Оценки варьируются от восторженного восприятия до негативного. Что касается сибирской составляющей реформы, то есть массовых переселений мало- и безземельных крестьян за Урал, то в советский период был вынесен категорический приговор – «крах». Причём эта оценка основывается на значительном количестве обратных переселенцев, по разным подсчётам до полумиллиона совершенно разорившихся, озлобленных на власть крестьян, ставших «горючим материалом» революций 1917 г.

Перед правительством, которое летом 1906 г. возглавил П. А. Столыпин, стояли следующие задачи: при сохранении в неприкосновенности помещичьего землевладения необходимо было освободить крестьян от общинной зависимости и предоставить желающим землю бесплатно в личную собственность. Одним из основных направлений реформы было переселение мало- и безземельных крестьян на окраины империи, в том числе и в Сибирь.

Сама идея переселения избыточного населения на окраины империи не нова. Указ 10 апреля 1822 г. «О дозволении крестьянам переселяться на земли сибирских губерний», узаконивал практику народной колонизации, однако при этом государство не желало брать на себя бремя расходов по переселению. В 1837 г. глава Министерства государственных имуществ П. Д. Киселев, намечая ряд мер для устранения малоземелья государственных крестьян, предложил программу переселений крестьян из центральных малоземельных губерний на юг Украины, в Заволжье и Сибирь.

Само переселение теснейшим образом связано с земельным обеспечением переселенцев, поэтому правительство стало предпринимать шаги по изучению земельного вопроса в Сибири [2, с. 30]. Переселение крестьян в Сибирь потребовало организации землеотводных работ, в основе которых лежало проведение межевания [3, с. 4]. Первые работы по съёмкам и разграничению земель были открыты в Сибири землемерами ведомства Министерства юстиции ещё в конце XVIII в., но фактически никакого размежевания произведено не было [4, с. 573]. На протяжении нескольких десятков лет предпринимались попытки выяснить размер земельных ресурсов Сибири, степень обеспечения государственных крестьян землей, а также соотношение земель, занимаемых русскими крестьянами и местным населением [5]. Как отмечал правительственный чиновник А. А. Кауфман, работы по наделению крестьян и по разграничению их земле-

владения проводились «лишенные порядка и системы с конца 1830-х до середины 1880-х гг.» [6, с. 11].

Был необходим закон о землеустройстве в Сибири, поэтому на свет появились проекты Иркутского генерал-губернатора И. Л. Горемыкина и подготовительной комиссии Министерства земледелия (1893 г.). Высочайше утвержденный межведомственной комиссией (1894 г.) окончательный проект был внесен на обсуждение Государственного совета и 23 мая 1896 г. был утвержден императором [7]. Таким образом, проект стал законом, на основании которого проводилось поземельное устройство казенных крестьян четырех губерний Сибири. Этот закон должен был решить «один из наиболее наболевших и важных вопросов государственной жизни, которым является переселенческий вопрос, имеющий двойную задачу: экономическую регуляционную и колонизационную», – писали газеты того времени [8].

Закон вводил норму земельного надела 15 десятин «удобной земли» на душу мужского пола, а также 3 десятины леса. На первый взгляд, это не мало, но что можно считать «удобной землёй»? Естественно, чиновники писали инструкции, в которых предписывалось: «обратить внимание: ...5) на состав отводимых наделов с точки зрения установленных законом прав населения, учитывая, по возможности, уважительные ходатайства населения; 6) на правильность учета неудобных и долевого зачета малоудобных пространств; 7) на конфигурацию наделов (многоотрубность, чересполосность, узкополосность, длинноземелье и т. п.); 8) на причины неотвода лесных наделов; 9) на качество лесных наделов; 10) [8, л. 10]. Но при этом, как обычно, цели и задачи, провозглашаемые верховной властью, расходились с тем, что делалось на местах. Судя по результатам землеустройства, межевщики мало соблюдали требования, которые к ним предъявлялись со стороны правительственных чиновников. В отведенные участки замежевывались земли, вовсе непригодные для ведения сельского хозяйства [9].

В связи с началом реализации Столыпинской аграрной реформы с конца 1906 – начала 1907 гг., меняется общая землеустроительная политика. Во-первых, вследствие начала нового этапа переселенческого движения, во-вторых, вследствие пересмотра основополагающих принципов земельных отношений.

Прошения о прирезках земли крестьяне Западной Сибири подавали вплоть до революции 1905 г. В годы Столыпинской аграрной реформы число требований о прирезке земли увеличивается. Чем ближе дело подвигалось к войне, тем чаще сибирские крестьяне связывали свои требования к правительству с землеустройством, называя его разорительным и пагубным. Старожилы и новоселы требовали прирезки пахотных и сенокосных угодий, недостаток которых возникал зачастую в результате изъятия «излишков» земли по мере естественного прироста населения или водворения переселенцев.

Однако П. А. Столыпин, в своем письме от 6 сентября 1910 года Е. Е. Извекову «О всемерном содействии сибирскому крестьянству», писал: «В предви-

дении времени, когда населению придется удобрять свои земли Вашему Превосходительству, надлежит настаивать на образовании возможно мелких участков и не допускать прирезок к существующим переселенческим поселкам» [10].

Это требование было обусловлено природно-географическим фактором, о котором ярко и образно, ещё за десятилетие до Столыпинской реформы, написал во Всеподданнейшем докладе министр земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолов, совершивший поездку в Сибирь осенью 1895 г.: «Почти беспредельное, на первый взгляд, пространство Сибири, на самом деле далеко не представляет собой неисчерпаемого земельного фонда. Напротив, количество земель, непосредственно пригодных для заселения, и в то же время могущих быть отведенными без всякого стеснения старожилого населения, русского и инородческого, в настоящее время довольно ограничено, и земли эти, надо думать, будут заселены в течение нескольких ближайших лет... Скоро останутся свободными только необследованные, еще пустоповерхностные пространства, или непригодные в их нынешнем состоянии для заселения безводные или болотистые участки» [11, с. 84 – 85].

Летом 1896 г. была совершена поездка в Сибирь управляющего делами Комитета Сибирской железной дороги, статс-секретарем А. Н. Куломзиним, который перед собой ставил те же задачи, то есть выяснить состав земель, нужды переселенцев, условия, в которых новоселам приходится созидать свое хозяйство [12]. Он пришел к выводу, что главным сдерживающим фактором на пути самовольных переселенцев будет осведомленность о том, что их ожидает в Сибири. Для этого А. Н. Куломзин даже издал брошюру [13]. Он выступал за прекращение выпуска популярных книжек, рисующих прекрасную жизнь в Сибири и приглашающих к переселению.

Но много ли людей на Руси читало эти книжки? В своем отчете за 1907 г. заведующий переселенческим делом в Томском районе Михайлов писал: «...следует думать, что земство и землеустроительные комиссии не имеют действительного представления о Сибири. Все они предполагали найти обширные массивы свободных пространств, в которых можно устраивать большие партии выходцев из одной и той же местности и создавать однородные колонии» [14, л. 7]. В общественном сознании бытовал миф о бескрайних просторах благодатных земель за Уралом.

Необходимо отметить, что одной из причин увеличения в 1907 – 1910 гг. притока переселенцев из Европейской России в Сибирь было облегчение выхода крестьян из общины и право после 1906 г. продавать свои наделы с целью получения средств на переселение (ранее большая часть переселенцев оставляли свои земли общине бесплатно).

В специальном Циркуляре МВД № 42 от 19 июня 1910 г. «О применении закона 14 июня 1910 г.» за подписью Столыпина говорилось: «...домохозяевам, зачислившим за собою в Азиатской России участки казенной земли или получившим приемные приговоры от старожильческих обществ, разрешено, в случае заявления об укреплении прежних наделов в вышеуказанный срок, передавать состоящую в их пользовании общинную землю отдельным членам своего

общества, с переуступкой последним и права на укрепление за ними этих наделов...» (ст. 42 – 44) [15, с. 106].

Это разрешение продавать свой надел в месте выхода давало возможность выручить необходимую сумму для переселения, так как правительственных ссуд и льгот в связи с ростом цен в Сибири на скот и инвентарь явно не хватало.

Здесь необходимо отметить, что уже выявились недостатки переселенческой политики, проводимой правительством: резко сократилось количество переселенцев, увеличилось обратное переселение, возросло число неустроенных и неприписанных переселенцев, поэтому осенью 1910 г. была предпринята поездка в Сибирь П. А. Столыпина и А. В. Кривошеина [16, с. 79]. Были выдвинуты предложения по исправлению недостатков переселенческого движения: свобода передвижения ходоков, ослабление сословных ограничений в формировании контингента переселенцев, поддержка самовольных переселенцев, свобода выбора района заселения.

Небывалый приток крестьян – выходцев из Европейской России – мог повлечь дальнейшее осложнение земельных отношений в сибирской деревне. Губернские власти Сибири указывали на необходимость ускорения землеустроительных работ, ставя их в прямую связь с наплывом переселенцев [17, с. 31 – 32]. При заселении земельных отводов первые новоселы захватывали в свое пользование ближние и лучшие земли, прибывшим позднее оставались худшие и малоплодотворные земли. Кроме того, более сильные хозяйства распахивали земли больше, чем полагалось по норме, разумеется, за счет маломощных переселенцев. На этой почве между переселенцами возникали столкновения. Земельные неурядицы на переселенческих поселках чрезвычайно усилились, особенно в 1906 и 1907 гг., когда во множестве поселков оказались одновременно и выходцы из малороссийских и юго-западных губерний, привыкших на родине к подворному землепользованию, а также латыши и крестьяне Привисленских губерний, воспитанных на хуторских порядках, и выходцы из центральных губерний России, не знавшие иного пользования землей, кроме общинного [18, с. 331].

Из этого можно сделать вывод, что землеустроительные работы по приведению к «земельной норме» старожильского и инородческого населения и выделению земель переселенцам поставленную задачу о «разрежении» аграрного кризиса в центре страны путем переселения выполнить могли лишь частично. Обычно считается, что в 1914 году землеустроительные работы были свернуты из-за начавшейся мировой войны, что соответствует истине, но был еще один немаловажный фактор, на который в исторической литературе недостаточно обращается внимание. Это исчерпание удобных земель, пригодных к хлебопашеству, а именно такие угодья требовались крестьянам-переселенцам.

В 1914 году инженер С. В. Шперлинг подал в Главное управление земледелия и землеустройства докладную записку с примечательным подзаголовком «О размерах потребности в мелиоративных мероприятиях по Томской губернии на ближайшее 10-летие в зависимости от полного исчерпания к настоя-

щему моменту высококачественных казенно-земельных фондов в целях переселенческих» [19]. В этом документе он отмечает, что средств казны недостаточно для планомерного использования высококачественных земель, которые «под напором ежегодного переселенческого прироста быстро были израсходованы в порядке всегда спешного для водворения переселенцев землеотвода» [19, л. 3 – 4]. Местные органы земледелия и землеустройства, как считал С. В. Шперлинг, оказались «в тупике из-за следующих обстоятельств: а) земли, непосредственно пригодные для переселенцев, израсходованы совершенно [выделено в тексте документа]; б) спрос на земли со стороны переселенцев не только не понижается, но возрастает...; в) местные Управления государственными имуществами правомерно протестуют против близорукого расхватавания. Местными переселенческими организациями лесопокрываемых суходольных пространств – предвидение у населения всей Западной Сибири лесного голода; г) допустимым, с точки зрения государства и широкой массы населения Западной Сибири, является лишь использование земель второй категории, то есть полупустынь и заболоченных пространств, непосредственно непригодных для сельского хозяйства» [19, л. 5 – 6].

Докладная записка инженера С. В. Шперлинга наглядно обрисовывает создавшееся положение. Имевшийся колонизационный фонд к 1914 году был исчерпан, на землях казны и кабинета в Томской губернии осело в 1907 – 1913 гг. – 1150068 человек, а обратные переселения составили 76529 человек [19, л. 21]. Для дальнейшей подготовки переселенческих участков требовались значительные вложения в мелиоративные работы. Правительство рассчитывало на то, что ограниченный в размерах земельный участок будет вынуждать крестьянина переходить от экстенсивного метода ведения земледелия к интенсивному.

Здесь возникает вопрос, какое количество крестьян-переселенцев могла принять Сибирь? Территория её огромна, но удобных земель для хлебопашества было не так много, на что обращали внимание ученые того времени [20, с. 82 – 83]. Да и те земельные наделы в силу различных причин использовались не полностью. Это отмечено в докладе об итогах сельскохозяйственной переписи 1916 года в Сибири, где сказано, что на величину посева в Сибири оказывают влияние естественно-географические условия, там, где разработка земли для пашни легче и климатические условия позволяют, там и размеры посевов выше «...в Томской губернии размер посевов колеблется от 3,2 в таяжском Мариинском уезде до 6,7 в гористом степном Змеиногорском» [21, л. 9 – 10].

Кроме природных причин, на величину засеваемой пашни влияли и другие факторы, например, на землях Сибирского казачьего войска «переселенцы и казаки, имея большой земельный надел, не особенно заботились об интенсивном хозяйстве, расширяя посевы за счет целины» [22]. Огромные Сибирские просторы влияли на величину транспортных издержек: «Средние расстояния гужевой доставки по области весьма значительны и стоимость в среднем за доставку 21,7 коп., но при дальних расстояниях достигает 61,7 коп., что равняется и даже превосходит базарную среднюю стоимость» [22]. Однако и «...у населения,

считающего столетиями свою оседлость, имеющие в своем обладании лучшие земли края по своим природным условиям и лучшей по экономическому их положению...использование пахотных и пригодных для пашни земель под посевами лишь 10,6 % удобных земель» [23].

Соглашаясь с приведенным выше мнением историков о том, что Столыпинская аграрная реформа научно не прорабатывалась, следует отметить работу правительства о подготовке сибирских земель к переселению. Другой вопрос, насколько работы финансировались, какие земли размежевывались в переселенческие участки, как действовали чиновники на местах. «Например, только неорганизованностью переселенческого движения и неустойчивостью крестьян-старожилов можно объяснить такие факты, чуть ли не ежедневно отмечаемые сибирской печатью, как столкновение переселенцев со старожилами, киргизами и т. д.; занятием земель, принадлежащих фактически местному населению, скитание переселенцев с одного места на другое и т. д.» [24].

Считаем, что такие масштабные преобразования страны, как аграрная реформа начала XX века, нельзя оценивать однозначно, давая им сугубо негативную оценку или превознося положительные стороны. Безусловно, необходимо отметить то, что ухудшение качества отводимых переселенцам земель в Сибири было следствием действительного сокращения фонда удобных земель. При этом положение усугублялось политикой Казны и Кабинета, которые хотя и предоставляли часть принадлежащего им земельного фонда под переселение, но лучшие земли стремились сдать в аренду [25, л. 3]. Тем не менее масштаб свершённого впечатляет. Всего за Уралом в 1906 – 1915 гг. было отведено под заселение 36 млн дес. (площадь, равная 12 Полтавским губерниям), а ежегодный прирост посевной площади составлял около 1 миллиона десятин [26, с. 58].

Думается, что, несмотря на значительное количество исследований и литературы по Столыпинской аграрной реформе, вопрос о причинах обратных переселений не достаточно изучен. Роль природно-географического фактора в этом процессе требует дальнейшей разработки.

Литература

1. Островский, И. В. Аграрная политика царизма в Сибири периода капитализма / И. В. Островский. – Новосибирск, 1991.
2. Дружинин, Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева / Н. М. Дружинин. – Т. 2. – М.; Л., 1946.
3. О государственном генеральном межевании в России. – СПб., 1868.
4. Ляшенко, П. И. Очерки аграрной эволюции России. – СПб., 1914. – Т. 2.
5. ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. XXIX. – № 22189.
6. Кауфман, А. А. Крестьянская община в Сибири. По местным исследованиям 1886 – 1892 гг. / А. А. Кауфман. – СПб., 1897.
7. «Главные основания поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской и

Иркутской» (23 мая 1896 г.). – ПСЗРИ. Собр. 3. – Т. XVI. – № 12998.

8. Сибирский вестник. – Томск, 1898 г. 20 января.

9. ГАТО. Ф. 196. Оп. 15. Д. 17. Лл. 321, 321 об, 322.

10. ГАНО. Ф. П.-5. Оп. 4. Д. 154. Л. 1 об.

11. Прибавление к всеподданнейшему докладу министра земледелия и государственных имуществ о поездке в Сибирь осенью 1895 г. – СПб., 1896.

12. Всеподданнейший отчет статс-секретаря Куломзина по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. – СПб., 1896. Введение.

13. Куломзин, А. Н. Сибирское переселение / А. Н. Куломзин. – СПб., 1896.

14. ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 24. Л. 7.

15. Закон об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении от 14 июня 1910 г. (Во изменении и дополнении Указа от 9 ноября 1906 г.). – СПб., 1911.

16. Тютюкин, В. И. Освоение переселенцами земель Алтая в 1907 – 1914 гг. XX век: исторический опыт аграрного освоения Сибири / В. И. Тютюкин. – Красноярск, 1993.

17. Когут, М. Т. Влияние Столыпинской аграрной политики на землеустройство сибирских крестьян /

М. Т. Когут // Аграрные отношения и земельная политика царизма в Сибири. – Красноярск, 1982.

18. Складов, Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы / Л. Ф. Складов. – Л., 1962.

19. ГАНО. Ф. Д. 151. Оп. 1. Д. 11. Лл. 1-22.

20. Оланыон, Кл. Сибирь и ее экономическая будущность / Кл. Оланыон. – СПб., 1903.

21. ГАНО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 9. Лл. 9-10.

22. ГАНО. Ф. Д. 151. Оп. 1. Д. 3. Л. 19 об. Сведения о состоянии земледелия и скотоводства, об условиях сбыта с/х продуктов в Акмолинской области (по материалам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года).

23. ГАНО. Ф. Д. 151. Оп. 1. Д. 5. Л. 2. Документальные материалы по сельскому хозяйству и переселенческому делу в Сибири.

24. Народная летопись. – Новониколаевск, 1909. – 16 мая.

25. РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 491. Л. 3.

26. Горюшкин, Л. М. Социально-экономические предпосылки социалистической революции в сибирской деревне. Об уровне и особенностях развития капитализма в сельском хозяйстве Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. / Л. М. Горюшкин. – Новосибирск, 1962.

УДК 94(571.17)1910"

ВИЗИТ П. А. СТОЛЫПИНА В МАРИИНСК В СЕНТЯБРЕ 1910 ГОДА

А. Н. Ермолаев

P. A. STOLYPIN'S VISIT TO MARIINSK IN SEPTEMBER 1910

A. N. Ermolaev

В статье рассматривается визит Председателя совета министров П. А. Столыпина в уездный город Мариинск Томской губернии в сентябре 1910 года.

Ключевые слова: *Петр Аркадьевич Столыпин, Сибирь, город Мариинск, Томская губерния.*

The article considers the visit of the Head of the Council of Ministers P. A. Stolypin to Mariinsk the district town of Tomsk province, in September 1910.

Keywords: *Peter Stolypin, Siberia, the town of Mariinsk, Tomsk Province.*

В начале XX века уездный город Томской губернии Мариинск интенсивно развивался. После прокладки железнодорожной магистрали, прошедшей через город, численность населения города стала быстро расти. Если в 1897 году в городе проживало 8216 человек, то в 1904 году – уже 15614 человек, а в 1910 году – 18180 человек. Менялась и структура населения. Все больше людей было занято на промышленных предприятиях, самым крупным из которых в городе была железнодорожная станция и локомотивное депо.

Заботы по благоустройству города лежали на городской управе и городском голове. С 1904 года должность городского головы занимал мариинский 2-й гильдии купец Иосиф Трифонович Савельев. Он был одним из самых богатых купцов города, являлся соучредителем торгового дома «Трифон Савельев и Сыновья», который имел несколько магазинов в раз-

ных городах Сибири, в том числе в Томске и Красноярске. В 1908 году, когда истек срок полномочий городского головы, были проведены перевыборы. Иосиф Трифонович Савельев вновь одержал на них победу. За него проголосовали 19 гласных думы, против – только один. Помощником городского головы был избран Иван Станиславович Станкевич, кандидатом к нему стал Михаил Дорофеевич Тайченачев, членом управы – Александр Петрович Чиркунов.

Новому составу городской управы и городскому голове пришлось решать немало вопросов, связанных с благоустройством. В это время через город проезжали тыс.и переселенцев из Европейской России, воспользовавшиеся правами и льготами для переезда в Сибирь, утвержденными правительством. Переселение являлось составной частью проводимой аграрной реформы, вдохновителем и организатором которой был Председатель совета министров и министр внут-

ренных дел Петр Аркадьевич Столыпин. Для изучения хода переселения, выявления проблем и потребностей переселенцев в 1910 году он предпринял поездку в Сибирь. Из высокопоставленных чиновников П. А. Столыпина сопровождали начальник Главного управления землеустройства и земледелия А. А. Кривошеин и начальник Переселенческого управления Г. В. Глинка.

Изучение проблем переселенцев началось в Петропавловске, куда П. А. Столыпин прибыл 23 августа 1910 года на поезде. Затем были изучены окрестности Омска, откуда на пароходе визитеры прибыли в Павлодар. Далее их путь продолжался на лошадях в Славгород, затем, через Кулундинскую степь, – в Камень-на-Оби. Здесь была произведена пересадка на пароход, и путешественники проследовали в Новониколаевск. В окрестностях этого города были осмотрены переселенческие поселки. Затем П. А. Столыпин со свитой проследовал до Томска на поезде, где тоже занимался изучением быта переселенцев [5, с. 4].

В Томске высокопоставленные чиновники приняли делегации из нескольких городов и селений губернии. Местные власти воспользовались визитом П. А. Столыпина, чтобы заострить его внимание на некоторых проблемах, требующих поддержки со стороны правительства [2, с. 2]. Когда стало понятно, что председатель совета министров посетит и Мариинск, местные власти тоже решили воспользоваться этим, чтобы исходатайствовать помощь в решении насущных городских проблем.

Накануне, 31 августа 1910 года, состоялось заседание мариинской городской думы. Решался вопрос о том, как встречать высоких гостей. Городской голова И. Т. Савельев предложил встретить П. А. Столыпина «хлебом-солью» и, пользуясь случаем, подать ему особую записку с изложением наиболее насущных потребностей города.

Городская дума, выслушав доложенное и вполне разделяя мнение городского головы, постановила: 1) в момент приезда Председателя совета министров приветствовать его от имени города Мариинска чрез особую депутацию в составе: городского головы И. Т. Савельева, помощника его П. И. Золотарева, кандидата помощника И. Д. Тайченачева; 2) поручить этой депутации поднести премьер-министру от города хлеб-соль и подать ему оглашенную и одобренную докладную записку о насущных нуждах города; 3) расходы, сопряженные с поднесением хлеба-соли, в той сумме, в которой они выразятся, принять на счет города [1, л. 247].

Докладная записка, подготовленная городским головой Иосифом Трифионовичем Савельевым, содержала несколько пунктов относительно благоустройства и развития города. Первый пункт касался школьного образования. В нем было сказано, что постепенное естественное развитие города и увеличение его населения вызывает необходимость улучшения существующих учебных заведений. В связи же с введением всеобщего обучения этот вопрос является особенно острым, так как требует перестройки пришедших в ветхость старых зданий и постройки новых. Между тем у города для производства необходимых затрат средств не имеется. Поэтому городская дума 15 февраля постановила войти немедленно через губернато-

ра с ходатайством об «исхлопотании» городу беспроцентной ссуды в 30000 рублей, с тем, чтоб эта ссуда будет погашена ежегодными взносами в 1500 рублей. Томский губернатор Николай Львович Гондатти отнесся к этому ходатайству сочувственно, но Министерство финансов отказалось удовлетворить просьбу мариинских властей. Городской голова Савельев просил вернуться к проблеме займа и ходатайствовал об его удовлетворении.

Второй вопрос касался военных. Савельев сообщал, что у города не хватает средств для выполнения квартирной повинности, Мариинск не в состоянии обеспечить всех офицеров квартирами. Город платит им квартирные деньги, но они не удовлетворены ими и хотят, чтобы им были выделены квартиры «натурою». Городской голова ходатайствовал о переводе города по квартирному окладу из восьмого в шестой разряд, «чтобы город не принимал никакого участия в несении данной повинности». По словам И. Т. Савельева, многие города уже возбудили подобные ходатайства.

Третий вопрос касался железнодорожного строительства. Мариинская городская дума возбудила ходатайство о сооружении Туркестано-Сибирской железной дороги в направлении на Барнаул – Кольчугинские копи – Андреевский завод – Бобровая – Мариинск, о чем еще 16 мая 1909 года подана докладная записка Столыпину, министру финансов и министру путей сообщения. От министров были получены сведения, что докладная записка будет доложена особой Комиссии, а между тем об исходе доклада никаких сведений нет. Савельев просил разъяснить ситуацию со строительством этой железной дороги.

Последний, четвертый вопрос, касался улучшения дорог в Мариинском уезде. Особенно большую проблему создавало отсутствие постоянного моста через реку Кию. Переправа через реку производилась на канатном пароме, что задерживало сообщение заречных частей с центром города. В базарные дни возле парома скапливалась такая масса подвод, что перевозка туда и обратно производилась чуть не целые сутки. Постройкой постоянного моста можно было устранить все перечисленные затруднения. Ввиду этого, городу необходима беспроцентная ссуда в размере 120 тыс. рублей, с тем, что она была погашена взносами, установленными за проезд по мосту [1, л. 244 – 246].

2 сентября 1910 года П. А. Столыпин на специальном поезде проследовал через станцию «Мариинск». Поезд не остановился и отправился далее на восток, к Боготолу. 3 сентября – на обратном пути, в 5 часов вечера, поезд сделал остановку в Мариинске. На перрон вышли П. А. Столыпин, А. А. Кривошеин, Г. В. Глинка, управляющий Томской губернией Е. Е. Извеков и начальник Сибирской железной дороги Осипов. Здесь они были встречены депутацией города, возглавляемой И. Т. Савельевым. Городской голова преподнес премьер-министру хлеб-соль, а затем подал докладную записку. Столыпин принял ходатайство и предложил вкратце изложить суть записки. Городской голова доложил о просьбах города.

По вопросу о выделении 30 тыс.ной ссуды Столыпин спросил: «А на какой предмет нужна эта ссуда?» На это Савельев ответил, что деньги нужны на

постройку зданий для училищ и школ. Столыпин обещал посодействовать в получении денег.

Вопрос о железнодорожном строительстве был очень сложным. Столыпин заявил, что он считает, что проектируемая Туркестано-Сибирская железная дорога должна примыкать к Транссибирской магистрали как можно восточнее. Но пока еще этот вопрос изучается, и ничего конкретного сказать нельзя. Правда, премьер-министр обещал, что при проектировании дороги мнение города Мариинска будет рассмотрено.

Что касается моста через Кию, то премьер-министр заметил, что запрашиваемая ссуда в 120 тыс. рублей слишком велика. Он предложил прибегнуть к облигационному займу. На это Савельев ответил, что облигации нужно погашать под 4 % годовых, а это 4,8 тыс. рублей. Для города Мариинска это довольно большая сумма. Тогда Столыпин пообещал рассмотреть этот вопрос по приезду в Санкт-Петербург.

По вопросу о переводе Мариинска из восьмого в шестой разряд по квартирному окладу П. А. Столыпин подробно расспросил городского голову о количестве войск, расквартированных в Мариинске, об участии их в жизни города, а потом заявил, что с таким ходатайством в министерство обратилось уже много городов, поэтому вопрос будет решаться законодательным порядком.

После обсуждения докладной записки Столыпину были представлены начальник Мариинского гарнизона, крестьянский начальник 3-го участка и податный инспектор Мариинского уезда. В общей сложности премьер-министр находился в Мариинске около 10 минут. Затем поезд отправился в Томск [3, с. 3].

Короткое посещение Председателем совета министров П. А. Столыпиным уездного города Мариинска не принесло ожидаемых результатов. Всеобщее обучение так и не было введено, хотя подготовка к нему велась все последующие годы. Некоторые здания для школ в Мариинске были построены и отремонтированы, но сделано это было за счет средств города. В 1910 году женская прогимназия была преобразована в полную гимназию, а в 1911 году помещение было расширено. Мужская гимназия была открыта в Мариинске уже после Февральской революции [4, с. 3]. Мост через Кию был построен только в советское время. Город не был освобожден от квартирной повинности, и никаких послаблений по этому вопросу сделано не было. Туркестано-Сибирская магистраль также не была сооружена при жизни П. А. Столыпина. Однако важно отметить, что городские власти не только воспользовались визитом Председателя совета министров для подачи ему ходатайства, но, по сути, разработали целую программу развития города, которая была реализована уже после установления советской власти в стране.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Его Высокопревосходительству
Господину Министру Внутренних дел
Мариинского, Томской губернии,
Городского Головы Иосифа Трифионовича Савельева

Докладная записка

Мариинская городская дума в заседании своем 31 августа сего года поручила мне представить Ваше-

му Высокопревосходительству докладную записку о настоятельных и неотложных нуждах города. Исполняя данное поручение, имею честь доложить нижеследующее:

1. Постепенное естественное развитие города и увеличение населения его, несомненно, вызывает необходимость увеличения и улучшения существующих учебных заведений. В связи же с введением всеобщего обучения этот вопрос является особенно острым, так как потребует перестройки пришедших в ветхое состояние зданий и постройки новых. Между тем у города для производства необходимых затрат средств положительно не имеется. Поэтому Городская дума 15 февраля сего года постановила войти немедленно чрез г. Томского Губернатора с ходатайством об изъятии городу беспроцентной ссуды в 30000 рублей, с тем, что эта ссуда будет погашаться ежегодными взносами в 1500 рублей. Камергер Двора Его Величества Николай Львович Гондатти отнесся к этому ходатайству сочувственно, и оно было возбуждено, причем благополучно прошло через Министерство Внутренних дел, но когда последнее передало его господину Министру Финансов, то он удовлетворить просьбу возможным не признал, поставив город лицом к лицу с неразрешимым вопросом: где учить детей?

2. В феврале месяце текущего года начальник гарнизона г. Мариинска в виду отказа гг. офицеров и классных чинов от квартирных денег, возбудил вопрос об отводе им квартир натурой, или же о выдаче каждому дополнительных от города сумм. Имея в виду, что у города средств нет и при нынешнем неурожае и полной голодовке тяжело выполнить смету расходов на 1910 год; расход же по выдаче добавочных квартирных денег гг. офицерам в смету на настоящий год не вошел, а потому, являясь сверхсметных, требует и особых ресурсов, Городская дума постановила: в целях полного обеспечения гг. офицеров квартирными деньгами войти немедленно чрез г. Начальника губернии с ходатайством о переводе города Мариинска по квартирному окладу для гг. офицерских чинов из 8-го в 6-й разряд, чтоб город не принимал никакого участия в несении данной повинности. Такое ходатайство тем более имело под собой основу, что многие города уже возбудили однородные ходатайства об освобождении их от квартирной повинности. Однако г. Вице-губернатор 20 минувшего августа уведомил меня, что он не находит возможным исполнить просьбу города, так как квартирная повинность возложена на Городские общественные управления законом (ст. 570 Устава о земских повинностях). Это, конечно, бесспорно! Но ведь в данном случае именно и возбуждается вопрос об изменении существующего закона, а, следовательно, только от законодательных учреждений зависит так или иначе разрешить его.

3. При возникновении вопроса о железнодорожном строительстве в Томской губернии, Мариинская городская дума возбудила ходатайство о сооружении Туркестано-Сибирской железной дороги в направлении на Барнаул – Кольчугинские копи – Андреевский завод – Бобровая – Мариинск, о чем 16 мая 1909 года подана докладная записка вашему Высокопревосходительству и гг. Министру Финансов и Путей сообщения. В виду того, что от всех Министерств имеются

сообщения, что докладная записка будет доложена особой Комиссии, а между тем об исходе доклада никаких сведений нет, - я позволяю себе подтвердить это ходатайство.

4. Помимо железнодорожного строительства для города весьма существенное значение имеет устройство сухопутных путей сообщения и в этом случае в первую очередь идет постройка плашкоутного или постоянного моста через реку Кию, которая разделяет самый город на две части. До настоящего времени переправа через реку производится на канатном пароме, что задерживает сообщение заречных частей с центром города. Это особенно важно в несчастных случаях, как, например, во время пожаров, но также играет важную роль и во время еженедельных базаров, на которые приезжают со своими продуктами окрестные жители из сел и деревень. В эти дни возле парома скопляется такая масса подвод, что перевозка туда и обратно производится чуть не целые сутки. Таким образом, крестьяне принуждены в ожидании своей очереди для перевоза стоять длинными шпалерами до самой ночи. Не говоря уже о напрасной трате ими массы времени, скопление на улицах крестьянских экипажей мешает свободному движению и тоже не безопасно в несчастных случаях. Постройкой постоянного моста устраняются все перечисленные затруднения и об этой постройке заречные части города уже

возбуждали ходатайства, но так как средств у города нет, то и ходатайства остались неудовлетворенными. В виду этого городу необходима беспроцентная ссуда в размере 120 тыс. рублей с тем, что она будет погашаться взносами 75 % из дохода, имеемого быть установленным за проезд по мосту.

Изложенные нужды, конечно, не исчерпывают все необходимое городу Мариинску, но они насущны и если только при высоком содействии Вашего Высокопревосходительства будут удовлетворены, то город получит толчок на пути своего материального и культурного развития.

Сентября 2 дня 1910 года

ГАКО. Ф. Д-22. Оп. 1. Д. 462. Л. 244-246 об.

Литература

1. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Д-22. Оп. 1. Д. 462.
2. Сибирская жизнь, 2 сентября 1910 г.
3. Сибирская жизнь, 8 сентября 1910 г.
4. Сибирская жизнь, 25 декабря 1917 г.
5. Шиловский, М. В. Аграрная реформа П. А. Столыпина и Сибирь: к 100-летию указа от 9 ноября 1906 г. / М. В. Шиловский // Гуманитарные науки в Сибири. – 2006. – № 2.

УДК 323.281(091)(47+57)''155/191''

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЛИЦИЯ: СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЦЕНТРЕ И НА МЕСТАХ XVI – НАЧАЛО XX ВЕКА С. П. Звягин, С. В. Макаrchuk

THE RUSSIAN POLITICAL POLICE: IMPROVEMENT OF INVESTIGATIVE ACTIVITIES IN THE CENTER AND IN THE REGIONS IN THE XVIth – EARLY XXth CENTURIES S. P. Zvyagin, S. V. Makarchuk

В историческом контексте исследуется становление институтов, а также форм и методов розыскной деятельности политической полиции в центре и на местах, прежде всего в губерниях Сибири. Прослеживается взаимодействие органов общей и политической полиции. Раскрываются конкретные механизмы сыскной работы, оцениваются её результативность и качество.

Ключевые слова: политическая полиция, розыскная деятельность, жандармские управления, охранные отделения, агенты наружного и внутреннего наблюдения, преступность, революционное подполье.

In a historical context, the development of institutions, as well as forms and methods of investigative activities of political police in the center and in regions, primarily in the provinces of Siberia are examined. Traces of the interaction of general and political police are observed. Specific mechanisms of detective work, are revealed its effectiveness and quality are evaluated.

Keywords: political police, investigative activity, the gendarmerie management, security offices, agents of the external and internal security, crime, the revolutionary underground.

Среди множества тем отечественной истории, требующих более основательного освещения, а где-то и переосмысления, далеко не последнее место занимает проблематика правоохранительных органов. Политическая составляющая их деятельности накладывает исключительно серьёзный отпечаток на всю систему общественно-политической жизни страны. В этой

связи важно изучить и подвергнуть общественному мониторингу формы и методы работы политической полиции, в том числе раскрыть механизмы действия политического сыска, связав как части и целое элементы его функционирования в центре и на местах.

Исторический контекст розыскной деятельности политической полиции очень важен, так как её инсти-

туциональная, функциональная и методическая основы формировались и совершенствовались постепенно, начиная с глубокой древности.

Древнейшим источником права является обычай. На Руси свод устных норм обычного права т. н. “закон русский” упоминается уже в договоре 911 г. с Византией. С этого же времени у общества появляется необходимость в правоохранительной деятельности, исполнении функций контроля и принуждения, т. е. полицейских функций.

В древности розыск правонарушителя и доказательство его вины ложились на пострадавшего, а княжеские должностные лица (вирники, огнищане, мечники, метельники), как правило, исполняли лишь роль арбитров. Но уже на ранних стадиях развития русской государственности стали складываться различные формы и методы борьбы с правонарушениями.

В “Русской правде” описывается система борьбы с кражами (“татба”). Вначале объявлялся “заклич”, когда пострадавший заявлял о пропаже в людном месте, чаще всего “на торгу”. Затем начинался “свод” – допросы свидетелей, а после этого – “гонение следа” – поиск доказательств и самого преступника. Специальные розыскные органы в Древней Руси отсутствовали, поэтому вышеуказанные действия осуществляли сами потерпевшие, общинники и добровольцы. Система доказательств состояла из свидетельских показаний, очевидцев (“видок”), вещественных доказательств (“поличное”) и испытания огнём, водой и железом (“ордалии” – пытки). Полицейскую функцию выполнял фактически институт “дикий выры”, когда связанные круговой порукой общинники вынуждены были платить штраф (“виру”) за преступление, совершённое на территории общины необнаруженным преступником [19, с. 22 – 24].

Первые розыскные органы на Руси возникли в XV – начале XVI в. Их роль выполнял институт “особых обыщиков”, присылаемых из Москвы “в случае умножения в какой-либо местности разбоев и татев”. Однако методы их работы, сводящиеся к пыткам, штрафам и постоянным поборам среди населения, не удовлетворяли местных жителей. Постоянные жалобы на притеснения со стороны “обыщиков” побудили Иоанна IV Грозного учредить постоянный полицейский орган из числа выбираемых на местах губных старост. Вместе со своими помощниками – “целовальниками”, они составляли губную избу – орган самоуправления, выполняющий полицейско-судебные функции и подчиняющийся Разбойному приказу. Для выявления “лихих людей” губные старосты применяли т. н. “повальные обыски” – фронтальные опросы представителей всех слоёв населения. Названных при “повальном обыске” людей при помощи целовальников доставляли к губному старосте. При губной избе существовали “запечных дел мастера”, которые и “выбивали” у подсудимого признание не без помощи пыток [28, с. 15 – 16]. В середине XVII в. роль губных старост была передана назначаемым царём воеводам. К этому времени совершаемые преступления стали резко делиться на уголовные и политические и только своим назначенцам (а не выборным губным старостам) царь доверял расследование по-

следних. Политический сыск стал одной из важнейших обязанностей воевод.

Политический сыск – это система, включающая выявление специальными структурами с помощью негласных методов лиц, чей образ мыслей и деятельность, согласно существующему законодательству и традициям, представляли опасность для данного государственного строя и его официальных представителей, пресечение такого поведения, а также предотвращение подобных явлений в будущем [18, с. 10].

Политические преступления впервые в русском законодательстве были выделены в отдельную группу при царе Алексее Михайловиче в Соборном уложении 1649 года. К ним относились преступления против должностных лиц и органов управления. В особую группу выделены статьи “О государьской чести и как его государское здоровье оберегать”. В этом отношении законодательство не проводило разграничения между умыслом и деянием. В ст. 1 записано: “Будет кто каким умыслом учнёт мыслить на государское здоровье злое дело, и про то его злое умышление кто известит, и по тому извету про то его злое умышление сыщетца допряма, что он на царское величество злое дело мыслит и делать хотел, и такова по сыску казнить смертию” [29, с. 27].

Формируется система политической тайной полиции. Наряду с Разбойным приказом был создан Приказ тайных дел, занимающийся в основном государственными преступлениями. Складывалась организация политического сыска. Каждый шаг воевод по этому вопросу контролировался из Москвы. По любому доносу в столицу посылались результаты розыска, а также “распросные” и “пыточные” речи свидетелей и обвиняемых. Исключительно важное значение приобретало политическое доносительство, сложившееся при Петре I в отлаженную фискальную систему.

Специальные должности доносителей по политическим и должностным преступлениям создавались при губернских правлениях, в провинциях и городах. Координировал их усилия существующий при Сенате обер-фискал. Так, жертвами доносов обер-фискала А. Я. Нестерова стали сибирский губернатор князь М. П. Гагарин, князя Долгорукие, солепромышленник Григорий Строганов, заводчик Никита Демидов. При следствии по доносу на М. П. Гагарина, по просьбе А. Я. Нестерова, сенаторы приказали в Сибирском приказе “письма распечатав, осмотреть и неприлишные отдать, а прилишные запечатать” [1, с. 142]. Так начиналась широко распространенная впоследствии система перлюстрации.

В Петровские времена окончательно сформировались органы общей и политической полиции, определены их задачи и компетенция. Впервые в России стал употребляться сам термин “полиция”, вытеснивший постепенно соответствующее русское слово “благочиние”. Делами общей полиции стала ведать Петербургская полицеймейстерская канцелярия во главе с генерал-полицеймейстером А. В. Девиером. В данной ему лично Петром инструкции указывалось, что общая полиция должна надзирать за благоустройством и санитарией, охранять общественный порядок и бороться с преступностью, обеспечивать пожарную безопасность. Переименованная уже после смерти Петра в Главную полицеймейстерскую канцелярию,

она с 1737 г. стала ведать складывающейся в стране паспортной системой. Первоначально паспорта стали выдаваться лицам, покидавшим Петербург дважды в неделю, а также адъютантам императрицы Анны Иоанновны [13, с. 158].

Политической полицией при Петре I ведал Преображенский приказ и Тайная розыскных дел канцелярия. Начала складываться система политического контроля над обществом, включающая в себя регулярный сбор и анализ специальными ветвями государственного аппарата информации о настроениях в обществе, отношении отдельных его членов к действиям властей, а также политический сыск и репрессии.

В период “просвещенного абсолютизма” Екатерины II действовала Тайная экспедиция Сената, делом которой стали внесудебные политические расправы над А. Н. Радищевым и Н. И. Новиковым. Дела Е. Пугачёва, Я. Мировича, а также обстоятельства чумного бунта расследовали специально созданные временные следственные комиссии. Несмотря на суровые приговоры, несколько смягчились методы следствия. Так, Екатерина II провозгласила отказ от пыток. В то же время общество ставилось под тотальный полицейско-политический контроль. В 1782 г. был принят “Устав благочиния или полицейский”, согласно которому все “общества, товарищества и братства” могли создаваться только с разрешения полиции. Это относилось к просветительским, общественно-политическим кружкам, торговым объединениям, религиозным сектам и масонским братствам [28, с. 53]. Указом 1783 г. “О вольных типографиях” вводился институт полицейской цензуры книг, газет и журналов, напечатанных в частных типографиях.

Александр I возвестил о создании новых органов государственного управления – министерств, среди которых было и Министерство внутренних дел (МВД). В рамках министерства сосредоточилось управление как общей, так и политической полиции. Первоначально МВД сконцентрировало в своих руках колоссальное множество функций, в т. ч. руководство государственной промышленностью, строительством, торговлей, почтой, здравоохранением. Руководство общей полицией осуществлялось одной из экспедиций Департамента внутренних дел, носившей название “Экспедиция спокойствия и благочиния”. В рамках реформ М. М. Сперанского была предпринята попытка выделить из МВД специальное Министерство полиции, но вскоре оно вновь оказалось в лоне МВД.

Малочисленность управленческого аппарата общей полиции определялась невысоким уровнем преступности. Преступления в большей части носили очевидный характер, поэтому не было острой проблемы с их раскрываемостью. Так, в Томске убийства и грабежи происходили не чаще одного раза в месяц [21, с. 11]. В целях профилактики уголовных правонарушений была усилена постовая служба, увеличилось число полицейских будок на улицах городов. Для охраны порядка формировались специальные полицейские команды из “нижних воинских чинов”.

После ликвидации Тайной экспедиции Сената руководство политической полицией перешло к Особой канцелярии МВД. В целях политического сыска при

Александре I создавались также различные “негласные комитеты” в т. ч. Особый секретный комитет (Комитет высшей полиции). Однако все эти подразделения не выдержали испытания временем – они проглядели подготовку восстания декабристов. В 1926 г. создается новая структура управления политической полицией – через III отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (СЕИВК). Основу III отделения составили сотрудники Особой канцелярии МВД. С этого времени и до 1880 г. руководство общей и политической полиции оказывается в разных ведомствах.

В компетенцию III отделения СЕИВК входило осуществление организационных и практических мероприятий в области политического сыска, а также общий надзор за государственным аппаратом управления. Исполнительным органом III отделения стал Корпус жандармов, дислоцированный в 8 жандармских округах, на которые была разделена вся страна. Шефом Жандармского корпуса назначался начальник III отделения СЕИВК А. Х. Бенкендорф.

В агентурной работе отделения, как отмечают исследователи, было немало слабых мест. В частности, агентурные сведения доносились на уровне “толков и слухов”, они, как правило, не выходили за пределы данных наружного наблюдения. Не было хорошо подготовленных и специально засылаемых в организации секретных сотрудников. Ограничен был банк данных для донесений: наружное наблюдение, слухи и толки, перлюстрация писем, материалы обысков. Слабо был организован внутренний справочный материал отделения [14, с. 13]. На отсутствие хорошо организованной заграничной агентурной сети указывает то обстоятельство, что руководство III отделения, испытывая “недостаток” в агентах, использовало в своих целях служебные командировки чиновников других ведомств [26, с. 50 – 55]. Однако первые шаги в создании отлаженной сети заграничной агентуры все же были сделаны.

Совершенствовались формы и методы работы общей полиции, находящейся в структуре МВД. В ходе общественно-политических преобразований второй половины XIX в. общая полиция подверглась значительной реорганизации. Судебно-следственные функции полностью изымались из её ведения и передавались вновь учрежденным судебным следователям. Городскую и уездную полицию объединили, подчинив уездным полицейским управлениям. С 1880 г., в связи с упразднением III отделения СЕИВК, общая и политическая полиция стали вновь управляться единым органом – Департаментом полиции МВД. Основным звеном полицейской структуры на местах стал участок во главе с приставом. Участки делились на околотки, возглавляемые околоточными надзирателями, которым подчинялись городские, несущие патрульно-постовую службу.

Но малочисленный состав и несовершенство управления не позволили полиции справиться с общим ростом преступности во второй половине XIX – начале XX века. Так, в записке к отчёту по Бийскому полицейскому округу местный окружной исправник замечал: “Населению Бийского округа, как сельскому так и городскому, одно полицейское управление не может удовлетворить во всех неотложных нуждах,

потому что, кроме исполнительной части на обязанности полицейских чиновников лежит... много других разнообразных и многосложных предметов... много в полицейском управлении остаётся просьб и бумаг без рассмотрения... Трупы лежат иногда до полугода без следствий и медицинского освидетельствования; арестантские дела по целым годам лежат без существенного производства по ним следствий» [31, с. 3 – 4]. Подобное положение было характерно и для других полицейских округов страны.

Функции политической полиции после упразднения III отделения СЕИВК стал выполнять Особый отдел Департамента полиции. Отдельный корпус жандармов делился на две части. Одна часть была сведена в губернские жандармские управления (ГЖУ), а другая – в железнодорожные полицейские управления. Шефом жандармов являлся министр внутренних дел. После убийства Александра II в стране создавались охранные отделения, возглавляемые чинами отдельного корпуса жандармов [30, с. 36 – 37].

Однако политические убийства продолжались. В 1883 г. народовольцами был убит инспектор тайной полиции и начальник Петербургского охранного отделения Судейкин. Затем последовали убийства министров внутренних дел Сипягина и Плеве. Дело народовольцев восприняли эсеры. Но в их среду охранным отделениям удалось внедрить секретных сотрудников – “сексотов”. Даже руководитель боевой организации Партии социалистов-революционеров Евно Азеф оказался агентом охраны. Ведя двойную игру, он одновременно принял участие в 28 покушениях на видных царских сановников [15, с. 37, 56]. Революционерам удалось разоблачить Азефа как провокатора лишь с помощью самого начальника Департамента полиции Лопухина, который за “раскрытие” сотрудника был осуждён и сослан в Сибирь [5].

Совершенствовались формы и методы работы заграничной агентуры, становление которой связано с именем П. И. Рачковского. В своей работе он широко применял методы политической провокации. Известны проведённые Рачковским провокационные мероприятия, связанные с разгромом революционных типографий в Женеве [27, с. 145]. Он требовал внедрять в ряды революционеров секретных сотрудников, причём основной акцент ставился на том, что главное внимание следует сосредоточить на действиях постоянной агентуры, а не “штучников”, как на профессиональном жаргоне называли лиц, сообщавших в Департамент полиции те или иные отрывочные сведения, к тому же нерегулярно [20, с. 67].

Ответом правительства на усиление подпольной революционной деятельности было совершенствование методов работы не только заграничной и центральной агентуры, но и внутренней государственной охраны на местах. Если в конце XIX в. в России было всего 3 охранных отделения – в Петербурге, Москве и Варшаве, то в начале XX в. районные охранные отделения имелись уже в 26 городах. Так, вся территория Сибири входила в сферу деятельности Иркутского охранного отделения, и только её западная часть (Тобольская губерния) относилась к Пермскому районному охранному отделению [22, с. 16 – 19].

В сыскной работе районные охранные отделения опирались непосредственно на ГЖУ в штате которых

и состояла агентура. Существовали два вида агентов: внутреннего и наружного наблюдения. Агенты наружного наблюдения (филёры) неустанно следовали “по пятам” отдельных революционеров, выявляя их явки, связи, конспиративные квартиры, адреса проживания. Вслед за ними они выезжали в другие города, наводя жандармерию на новые организации и “лица”. В своих сведениях филёры сообщали места проведения сходок, массовок, партийных собраний, адреса партийных типографий, складов “техники” и оружия [23, с. 24 – 25].

Иногда местные филёры “засвечивались” или не справлялись с работой, тогда им на помощь посылались сотрудники из других городов. В архиве сохранилось письмо начальника Пермского ГЖУ помощнику Тобольского ГЖУ в Тюменском уезде от 15 марта 1910 г.: “Для усиления наружного наблюдения по местной организации РСДРП мною вместе с сим командируются в Ваше распоряжение филёры вверенного мне Районного Охранного Отделения: Ефим Дюков, Дмитрий Родионов и Фёдор Аверкин о прибытии коих прошу меня уведомить” [11, л. 36]. Такие “летучие отряды” филёров действовали иногда очень эффективно. Например, прибывшему из Томска филёрскому отряду удалось за короткий срок установить наблюдение за всеми членами комитета Барнаульской организации РСДРП, результатом которого явилась её ликвидация в ночь с 21 на 22 декабря 1908 года [6, л. 6].

Сведения, поставленные филёрами, представляли для охранных отделений и жандармских управлений “сырой”, первичный материал. Они должны были провести “разработку” этих сведений, т. е. выяснить действительное значение указанных филёрами “лиц” и “мест”. И в этом отношении неоценимую услугу оказывали агенты внутреннего наблюдения – секретные сотрудники, внедряемые непосредственно в организационные структуры политических организаций. Несмотря на применение конспиративных приёмов, подпольные социал-демократические и эсеровские организации находились под постоянным внутренним наблюдением органов жандармской полиции.

Сексоты, прикрепленные практически к каждой организации, в немалой степени способствовали затуханию деятельности подполья. Особо крупные специалисты в области секретного сыска, действующие в Сибири (Н. Успенский, С. Беда, Д. Крут, Е. Крутиков), отслеживали связи и способствовали провалу целого ряда подпольных организаций [24, с. 18]. Пользуясь конспиративным сотрудничеством, установившемся между эсдековскими, эсеровскими и внепартийными политическими организациями, некоторые сексоты одновременно доставляли сведения о каждой из них. Так, Д. Крут выдал в 1915 г. не только членов Иркутской организации РСДРП, но и эсдеков и эсеров, объединившихся во внепартийный Союз сибирских рабочих. Деятельность Д. Крута как секретного агента охранного отделения была раскрыта лишь после Февральской революции в результате люстрации документов Иркутского ГЖУ. Д. С. Крут был казнён по приговору суда [25, с. 114, 117].

Среди сексотов находились настоящие “специалисты” своего дела. Кроме уже указанного Е. Азефа, работающего среди социалистов-революционеров, та-

ким являлся Роман Малиновский, работающий в среде социал-демократов-большевиков и являющийся некоторое время даже членом большевистской фракции Государственной думы [3, с. 294].

Такого же рода “специалисты” находились и в провинции. 25 сентября 1912 г. по наводке агента внутреннего наблюдения Е. А. Крутикова была ликвидирована организация РСДРП в Барнауле. Сам Крутиков также подвергся аресту, но вскоре был освобождён по ходатайству охранки. Социал-демократы Барнаула подозревали, что виновником их провалов является действующий среди них агент охранки. Заключенные в Барнаульском тюремном замке эсдеки решили, что это оставшийся на свободе Евгений Бессонов. Их решение было передано на свободу, и в январе 1913 г. над Бессоновым состоялся партийный суд, причём проходил он в присутствии подлинного сексота Крутикова. Подозреваемый виновным себя не признал, но состоявшийся вскоре ещё один суд всё же объявил его провокатором. Осуждение, хотя и невинного человека, встревожило подлинного провокатора, вынудив его уехать из Барнаула и начать предательское турне по организациям Сибири [17, с. 12].

Отпечаток на сведения сексотов налагал мотив его служения в охранке. Одно дело, когда секретный сотрудник рассматривал свою работу как временную и навязанную обстоятельствами, и другое – когда он служил “по зову сердца”, искренне ненавидя подпольные революционные организации и желая быстрого их разгрома. Сведения второго были более ценны. Не равнозначны также показания искренне работающего на охранку члена комитета и рядового члена “кружка” или “десятка”.

Некоторые сотрудники увлекались показаниями о деятельности партийцев в легальных организациях, как это было в Верхнеудинске [7, л. 30]. Часть “сотрудников” давали недостоверные сведения. В таких случаях жандармские управления сами отказывались от сотрудничества с ними. К примеру, в 1909 г. в штате Тюменской охранки находился секретный сотрудник “Лесной”, доставлявший сведения по двум организациям – ПСР и РСДРП. Однако чины охранки не были довольны деятельностью этого сотрудника, полагая, что “...сотрудник “Лесной”, находясь между двух организаций, собирает сплетни и существенной пользы не даёт”. Из той же секретной переписки явствует, что приобретённый в Тюмени для освещения дел в социал-демократической организации сотрудник Пётр Петухов – “Известен району, как не имеющий положительно никаких связей с революционными организациями, вследствие чего является совершенно бесполезным и, кроме того, по своим нравственным качествам совершенно не заслуживает никакого доверия. Ввиду чего желательно было бы теперь же отказаться от услуг названного лица” [12, л. 68 – 69].

Заинтересованные в объективной информации жандармские управления и охранные отделения применяли различные способы её проверки и уточнения. В крупных подпольных организациях, как правило, действовали одновременно несколько секретных сотрудников, не подозревавших об агентурной деятельности друг друга. Так, провалу Томской организации РСДРП 15 января 1909 г. способствовала деятель-

ность нескольких внедрённых в неё секретных сотрудников. Местным охранным отделением особо отмечалась “весьма полезная деятельность” сотрудницы “Черновой”, дающей показания с 1904 года. Сексотом являлся также муж “Черновой” – “Сидоров”. Вспомогательными агентами по перлюстрации писем состояли “Тонконогий” и “Плотный” [9, л. 32, 34 – 35]. В 1912 г. деятельность возродившейся организации, кроме указанных агентов, освещали “Большой” и “Петров”. В этом же году, учитывая роль студенчества в организации, в Томское охранное отделение был принят “сотрудником по партии с.- д.” студент-технолог В. А. Казаков под кличкой “Филигринг” [10, л. 4]. В 1915 – 1916 гг. сведения о социал-демократической организации Красноярска одновременно поставляли “Пеликанов”, “Михаил”, “Бритов”, “Кирсанов”, а по внепартийным организациям специализировался агент по кличке “Вася” [2, л. 1]. Подобная картина являлась характерной не только для Сибири, но и для России в целом.

Информация секретных сотрудников сравнивалась и анализировалась. Сексот наказывался, если при обыске у указанного им члена подполья не находили улики, и поощрялся за поставку “вещдоков” – конспиративных писем, подписных листов, членских билетов, печатей. Путём переписки между различными инстанциями наводились справки о прошлой революционной и политической деятельности указанных в донесениях лиц. Всё это позволяло жандармским управлениям и охранным отделениям находиться в курсе основных дел оппозиционных правящему режиму нелегальных политических группировок.

Начало XX века было ознаменовано поиском новых форм в деятельности полиции. С 1906 г. почти постоянно работали комиссии по её переустройству. Проекты, как правило, сводились к одному – объединению всей полиции под руководством какого-либо органа. После событий 1905 г. появился проект реформы полиции, разработанный членом Совета министров внутренних дел, действительным статским советником В. Э. Фришем [4, с. 274], в котором предусматривалась всеобщая централизация полиции, создание единого Корпуса государственной стражи, объединяющего Корпус жандармов, охранные отделения, все виды общей, ведомственной и частной полиции. Численность полиции предлагалось увеличить из расчета один стражник на 500 городских жителей [8, л. 1 – 14]. Этот проект соответствовал политическому режиму империи, однако, из-за непомерных расходов, требуемых на его реализацию, был отвергнут правительством.

Существовали и другие проекты. 23 марта 1913 г. МВД представило в Совет министров «Законопроект о преобразовании полиции в Империи», которым завершилась работа комиссии под председательством А. А. Макарова, ставшего впоследствии министром внутренних дел. Один из главных выводов комиссии заключался в том, что на полицию возлагалось множество самых разнообразных обязанностей в области гражданского управления, уголовного и гражданского суда, государственного и общественного хозяйства, а иногда технического и частного характера, что «... одна из существенных, если не главная причина неудовлетворительного течения полицейского дела в

Империи, коренится в чрезмерном обременении чинов полиции обязанностями, не только не соответствующими её прямому назначению, но иногда совершенно ей чуждыми» [16, с. 1 – 3]. На местах предполагалось введение должности помощника губернатора по полицейской части, которому подчинялась бы вся полиция губернии.

Разрабатываемые проекты в основном касались институциональных основ деятельности общей и политической полиции. В то же время основные функции и методы политической розыскной работы, сформировавшиеся в дореволюционный период, остались актуальными и для последующих времён, вплоть до сегодняшнего дня. Для них характерны:

1) высокая степень централизации и концентрация политической розыскной деятельности в руках высшей государственной власти;

2) разграничение руководства и функций общей и политической полиции;

3) опора в политической розыскной деятельности на местах прежде всего на агентов внутреннего и наружного наблюдения;

4) поиск новых форм и постоянное совершенствование работы политической заграничной агентуры и агентурной сети внутри страны.

Литература

- Акишин, М. О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого / М. О. Акишин. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1996.
- Архивное агентство администрации Красноярского края (АААКК). Ф.837. Оп.1. Д.369.
- Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывшего Московского охранного отделения. Изд. 3-е. – М.: Госполитиздат, 1990.
- Бородин, А. П. Государственный совет России (1906-1917) / А. П. Бородин. – Киров: Кн. изд-во, 1999.
- Бурцев, В. В погоне за провокаторами: репринтное издание / В. Бурцев. – М.: Современник, 1989.
- Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф.П-1061. Оп.3. Д.4.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.102. ДП.00, 1915г. Ед.хр.5ч26лБ.
- ГАРФ. Ф.102.Оп.261.Д.203.
- Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф.411. Оп.1. Д.391.
- ГАТО. Ф.411. Оп.1. Д.398.
- Государственный архив Тюменской области (ГАТюмО). Ф.239. Оп.1. Д.95.
- ГАТюмО. Ф.239. Оп.1. Д.71.
- Государственность России. Словарь-справочник. Кн.1. – М., 1996.
- Евдокимов, С. В. Из истории спецслужб России. XVI – начало XX в. / С. В. Евдокимов // Из истории спецслужб Бурятии: материалы научно-практической конференции. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГАКИ, 1997.
- Жухрай, В. Тайны царской охранки: авантюристы и провокаторы / В. Жухрай. – М.: Политиздат, 1991.
- Журнал комиссии по преобразованию полиции в Империи. Заседания 24 и 27 апреля 1909 г. – СПб., 1913.
- Звягин, С. П. Полиция и милиция России в XVIII – начале XX вв.: учебное пособие / С. П. Звягин, А. Б. Коновалов, С. В. Макаrchук. – Кемерово: Омск. академия МВД. Кемеровский филиал, 2001.
- Измозик, В. С. Политический контроль и сыск: методологические аспекты / В. С. Измозик // Политический сыск в России: история и современность. – СПб.: Изд-во СПбУЭФ, 1997.
- Исаев, И. А. История государства и права России: учебник / И. А. Исаев. – М.: Юрист, 1996.
- Кравцев, И. Н. Тайные службы империи / И. Н. Кравцев. – М.: Политиздат, 1999.
- Ларьков, Н. С. Полицейские, комиссары, начальники / Н. С. Ларьков, В. И. Чернова. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1999.
- Макарчук, С. В. Совершенствование специальных форм внутренней государственной охраны в Сибири. 1907 – февраль 1917 гг. / С. В. Макаrchук // Из истории спецслужб Бурятии: материалы научно-практической конференции. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГАКИ, 1997.
- Макарчук, С. В. Агентурные сведения как источник изучения политического подполья России в начале XX в. / С. В. Макаrchук // Новое в изучении и преподавании истории в вузах: материалы научно-методической конференции. – Томск: Изд-во ТГУ, 1994.
- Макарчук, С. В. Политическая полиция в России и в Сибири XVIII в. – 1917 г. / С. В. Макаrchук // Актуальные проблемы права и правоприменения: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Кемерово: Омск. академия МВД. Кемеровский филиал, 2008.
- Макарчук, С. В. Агенты губернских жандармских управлений Сибири как субъекты политического сыска. 1907 – февраль 1917 гг. / С. В. Макаrchук // Политический сыск в России: история и современность. – СПб.: Изд-во СПбУЭФ, 1997.
- Оржеховский, И. В. Самодержавие против революционной России 1826 – 1880 гг. / И. В. Оржеховский. – М.: Мысль, 1982.
- Перегудова, З. И. Политический сыск России. 1880 – 1917 гг. / З. И. Перегудова. – М.: Мысль, 2000.
- Рубцов, С. Н. История российской полиции / С. Н. Рубцов. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1998.
- Соборное уложение 1649 года. – Л.: Лениздат, 1987.
- Спиридович, А. Записки жандарма. Репринтное издание / А. Спиридович. – М.: Пролетарий, 1991.
- Шиловский, Д. М. Криминогенная обстановка на территории Томской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. / Д. М. Шиловский // Актуальные вопросы гуманитарных наук. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1999.

БОРЬБА АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ НА ВОСТОКЕ РОССИИ СО СПЕКУЛЯЦИЕЙ (1918 – 1919 гг.)

С. П. Звягин, О. В. Курачев, С. В. Макаrchук

THE ANTI-BOLSHEVIK GOVERNMENTS' STRUGGLE AGAINST SPECULATION IN THE EAST OF RUSSIA (1918 – 1919)

S. P. Zvyagin, O. V. Kurachev, S. V. Makarchuk

Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ (проект № 11-01-00222а).

Одним из самых опасных преступлений в годы Гражданской войны была спекуляция. Она подрывала экономические основы антибольшевистской государственности. Общественное мнение разделилось при оценке этого явления. Власти принимали некоторые административные меры, которые не принесли ожидаемого эффекта.

Ключевые слова: спекуляция, пресечение, суд, милиция, общественное мнение, бюрократия.

Speculation was one of the most dangerous crimes in the years of the Civil war. It undermined the economic foundations of the anti-bolshevik statehood. Public opinion in the assessment of this are the population was divided. The authorities took some administrative measures, which did not yield the expected effect.

Keywords: speculation, suppression, court, police, public opinion, officials.

Согласно ч. 1 ст. 34 Конституции Российской Федерации в нашей стране разрешена предпринимательская деятельность. Россия шла к этому признанию не одно десятилетие. На протяжении многих лет такого рода экономическая активность граждан квалифицировалась как спекуляция. Причём в этой оценке были едины как большевики, так и их оппоненты – антибольшевистские правительства времён Гражданской войны. Данная статья посвящена борьбе противников Советской власти со спекуляцией на контролируемой ими территории.

Характерной приметой Гражданской войны и важной причиной спекуляции была дороговизна вообще и на товары повседневного спроса в частности. За 9 месяцев «власти интервенции и их ставленников» цены на продукты выросли в Омске на 764 %, причем на хлеб на 529, на картофель на 911, а на молоко на 700 % [38, с. 144].

На наш взгляд, здесь уместно выяснить и то, насколько в этом были виноваты сами власти. Ведь цены стремительно росли и на территории советской России. Имелись и другие причины дороговизны, например падение производства товаров народного потребления и сельскохозяйственной продукции.

Спекулянты пользовались упущениями в работе кооперативных и государственных учреждений. 28 января 1919 г. управляющий Енисейской губернией П. С. Троицкий писал в МВД о том, что в Минусинске уездные заготовители объявили твердую цену на хлеб в 9 руб. В связи с тем, что запасы зерна у населения были огромные, частные торговцы стали закупать его по 7 руб. с целью последующей перепродажи заготовителям. П. С. Троицкий предвидел убыток казне и просил содействия. 15 июля 1919 г. Департамент милиции уведомил управляющего Томской губернией Б. М. Михайловского о спекуляции в Томске казенной водкой при содействии ведомственных учреждений. Спекулянты покупали спиртное по 16 руб. за бутылку, а потом продавали по 30 – 40 руб.,

а ресторанам и по 60 – 80 руб. [7, Л. 13; 8, Л. 70]. В Томске дрова стоимостью 50 руб. за сажень, продавались по 350 руб., ящик стекла соответственно за 325 и 1300 руб. Если в Харбине фунт сахара стоил 90 коп., то в Сибири уже 35 руб. Управляющий Енисейской губернией П. С. Троицкий заявил по этому поводу, что нормальной торговли нет, многие предметы выросли в цене в 20 – 40 раз, а денежное содержание увеличилось не более чем в 5 раз [16, 16 июля; 55, с. 68].

Газеты были полны публикаций на эту тему. В сентябре 1918 г. на третьей полосе «Волжского слова» весь подвал заняла анонимная статья «Юридическая природа спекуляции». В материале была предпринята попытка дать определение этого явления. По мнению анонима, «спекуляция – есть действие в области товарообмена, клонящееся к расстройству правильной системы распределения продуктов между потребителями» [18, 11 сент.].

Автор одной из томских газет пошёл дальше – он рассуждал о негативном влиянии такого рода действий. «Спекуляция, – писал он, – как птица небесная, не сеет и не жнёт, но не только ... кормится, а богатеет. Она богатеет потому, что другие беднеют: вернее, потому, что беднеет страна в целом... Спекулянт, – продолжал автор, – социальный паразит, и как последний, он питается падалью – разложением социальных организмов». «Спекуляция – бытовое и массовое явление: ею насыщена вся наша атмосфера, она проникает во все поры нашей жизни, ею мы дышим... она определяет психологию не одних непосредственных спекулянтов» [32, 18 дек.].

Большинство газет лишь приводили многочисленные примеры и сетовали на рост спекуляции. Для примера можно привести статью из тобольской газеты под примечательным названием «Безумная спекуляция». Её автор сообщал из Тобольского уезда о том, что здесь «каждый готов купить для перепродажи все, что только подвертывается под руку, чтобы на подня-

тии цен что-либо для себя нажить» [48, 3 февр.]. Эту тему «Народная свобода» продолжила вопросом – «Кто теперь не спекулирует? Кто не стремится к тому, чтобы тем или иным способом сорвать с ближнего несколько лишних рублей?» [33, 28 янв.]. В другой газете содержалось категоричное заявление, что «не знающая удержу спекуляция – это язва нашей жизни, заражающая своим ядом все слои населения от мала до велика» [39, 4 апр.]. Однако в общественном мнении не было решительного осуждения этого явления.

Особо привлекали спекулянтов поставки союзников. По свидетельству английской агентуры в Сибири, снаряжение, которое поступало в Омск утром, к вечеру уже продавалось на базарах. По воспоминаниям Мельникова, в марте 1919 г. в польских воинских частях продавались товары, полученные от союзников из Владивостока. 1 августа 1919 г. генерал-майор А. Нокс телеграфировал начальству, что послать А. В. Колчаку военное снаряжение без должного контроля над его распределением – значит бросать деньги на ветер [13, л. 5; 58, р. 206 – 207].

Некоторые издания называли и конкретный объект критики. Газета «Отечество» прямо писала о том, что «приходится наблюдать какую-то вакханалию разнузданности, особенно в ведомствах продовольствия и снабжения. В явный ущерб интересам казны и населения эти ведомства совершают сделки и спекуляции, переплачивая миллионы народных денег» [40, № 4]. Газета «Голос Сибири» выбрала для критики объект меньшего значения и упрекала в бездействии милиционеров, дежуривших на местном базаре [23, 12 февр.].

Автор «Восточного курьера» Федь в статье «Несколько слов о тыле» укорял сибиряков в том, что в то время, когда армия воюет, в тылу процветает спекуляция. Ив. Коневский на страницах курганской газеты «Земля и труд» поместил огромную, на два «подвала», статью «Борьба со спекуляцией». С целью пресечения этого явления он предложил обязать торговцев вести торговые книги, а также принять соответствующие законы [20, 2 авг.; 30]. Заслуживает упоминания и статья в томской газете «Сибирская жизнь». В начале февраля 1919 г. она рассказала своим читателям о том, что кассир цирка в Петропавловске А. Старухин спекулировал (?) на размене тыс. рублевых кредиток, установив комиссионные в размере 50 руб. Кассир был наказан комендантом города штрафом в 500 руб. При неуплате штрафа в 3-х дневный срок был предусмотрен арест на 10 суток [47, 8 февр.]. Этот факт говорит о том насколько сибиряки произвольно трактовали понятие «спекуляция».

Не обошли вниманием эту тему и мемуаристы. Управляющий делами Верховного правителя и Совета министров профессор Г. К. Гинс прямо писал о том, что безудержная спекуляция разлагала тыл [21, с. 224 – 225]. Генерал-лейтенант Е. И. Достовалов вспоминал о том, что покровительствуемые начальством тыс. и жуликов, спекулянтов и теневых дельцов старались урвать что-нибудь в общей неразберихе [11, л. 38 – 70]. Современный историк Р. Лакетт считает, что в Омске в те годы процветал черный рынок, и спекулянты делали огромные деньги [57, р. 263].

Общественность и органы власти пытались определить причины такого размаха спекуляции. Профес-

сор юридического факультета Томского университета И. И. Аносов справедливо считал главным именно борьбу с причинами. Он назвал три из них: неудовлетворительное состояние транспорта, разруха промышленности и общественная психика. Карать спекулянтов легко, считал юрист, ловить их трудно. Выказал он и вполне здравую мысль о том, что в деле борьбы со спекуляцией наказание – еще не все [15, 22 марта].

Интересную позицию занял министр снабжения. В декабре 1918 г. он предложил принять систему более гибких мер: расширить права заготовок, поощрить торговую деятельность кооперативов и общественных организаций, привлечь торгово-промышленный аппарат к контролю над торговлей [41, 14 дек.].

Свое мнение о спекуляции высказал 8 марта 1919 г. на заседании комиссии по возрастающей преступности и вице-директор Департамента милиции МВД А. А. Траутман. Он признал то, что «спекуляция свила себе преступное гнездо буквально на всем протяжении страны. Спекуляции – как занятию, сказал он, – предаются почти все классы общества, не исключая даже и служебного элемента, женщин, стариков и даже детей». Спекуляция означала для чиновника обнищание одних и наживу для других [4, л. 1 об.].

11 марта 1919 г. в Российское правительство поступил проект Министерства юстиции о борьбе со спекуляцией [52, 26 марта]. Одна из дальневосточных газет связывала с принятием такого закона определенные надежды. Ныне закон ставит спекулянта в разряд уголовных преступников и в настроении широкой обывательской массы, по мнению корреспондента, не может не произойти сдвига в определении спекуляции как бытового явления, караемого законом. Там, где бессильной оказывалась мораль, статьи уголовного уложения должны произвести определенный эффект [54, 5 авг.].

Пока такого закона не было, министерство юстиции принимало свои меры. 29 апреля 1919 г. министр С. С. Старынкевич направил специальный циркуляр старшим председателям и прокурорам судебных палат, председателям и прокурорам окружных судов. Он потребовал предварительное следствие по делам о спекуляции вести «без малейшего замедления». Судам следовало принимать такие дела к слушанию вне очереди и «в самый кратчайший срок» [10, л. 8].

В противодействии спекуляции антибольшевистские правительства пошли путем, традиционным для российской бюрократии – были созданы специальные комиссии. В начале июля 1918 г. финансовый совет Комитета членов Учредительного собрания (КОМУЧ) обратился в торгово-промышленную палату с предложением принять участие в обследовании причин и размеров спекуляции. Вскоре такая комиссия была создана. 23 июля она обратилась к председателю Самарского окружного суда с просьбой дать разъяснение о порядке привлечения к судебной ответственности лиц, уличенных в спекуляции, а также дать юридическое определение спекуляции как общественного явления.

Через неделю – 31 июля, комиссия подготовила проект инструкции по борьбе со спекуляцией и попросила КОМУЧ утвердить её, а также установить

определение спекуляции и пополнить состав самой комиссии. 2 августа комиссия обсудила итоги своей работы сообщила в КОМУЧ о том, что находит необходимым дать юридическое определение спекуляции, вновь пополнить комиссию юристами и экспертами, дать ей право фактической проверки товаров на складах и торговых книг, право допроса и определения нормы прибыли. Однако, как писали газеты в начале сентября 1918 г., специальная комиссия по борьбе со спекуляцией в Самаре, ознакомившись с положением дел, в полном составе подала в отставку [35, 11, 23 июля; 19, 31 июля; 24, 2 авг.; 44, 11, 23 июля; 19, 31 июля; 24, 2 авг.; 44, 12 сент.].

14 мая 1919 г. в Омске состоялось первое заседание межведомственной комиссии по борьбе со спекуляцией. Ее возглавил помощник начальника Главного управления почт и телеграфа инженер Г. А. Тибукин, а в состав вошли представители Государственного контроля, военного ведомства, Министерств юстиции, финансов, продовольствия и снабжения, внутренних дел, путей сообщения и ставки Верховного главномандующего.

Накануне, 6 мая, канцелярия министра внутренних дел известила начальника Главного управления почт и телеграфа о том, что представителями в комиссию назначены: от Департамента общих дел чиновник особых поручений 4-го класса В. И. Шкляев, а от Департамента милиции – исполняющий дела вице-директора Департамента А. А. Траутман. Результатом работы комиссии было принятие на ее 6-м заседании 11 июня законопроекта о пресечении «посылочной» спекуляции [5, л. 25, 46, 38 – 39].

Летом 1919 г. в Иркутске по инициативе управляющего губернией П. Д. Яковлева была образована почтово-посылочная комиссия по борьбе с этим видом спекуляции. Здесь приступили к созданию правил по выдаче разрешений на отправку посылок [34, 21 июля; 18, 18 июня.]. В этом случае омские и иркутские власти пошли по пути административного регулирования.

Состоялись такие совещания и в других городах. 6 марта 1919 г. оно прошло при Управлении Приуральского округа. Здесь милиции было поручено в случае обнаружения умышленного сокрытия товаров со спекулятивными целями, составлять протокол с передачей дела в суд. 4 мая 1919 г. совещание по борьбе со спекуляцией и дороговизной состоялось в Управлении Приморской области. В его работе принял участие уполномоченный министра продовольствия в данной области Парахин. В ходе обсуждения было высказано много мнений, но общая резолюция так и не была вынесена [17, 15 марта; 56, 6 июня].

Свой взгляд на проблему был у торгово-промышленного сословия. В марте 1919 г. против преследования спекуляции хлебом выступил съезд мукомолов, а в июне подобную позицию заняли деятели химической промышленности [26, с. 126]. Однако имел место случай, когда в июле 1919 г., по ходатайству Новониколаевского биржевого комитета, был привлечён к уголовной ответственности за спекуляцию содой крупный делец Вайдат [45, 20 июля].

Содержательный разговор о спекуляции состоялся в Омске в июне 1919 г. Тогда министр снабжения и продовольствия К. Н. Неклютин собрал совещание

юристов, экономистов и представителей торговли. Присутствующие посчитали необходимым отменить все карательные постановления, имеющие своей целью борьбу с т. н. спекуляцией; устранить само слово «спекуляция», заменив его на «злоупотребление в торговле»; упорядочить работу железнодорожного транспорта, искоренив там взятки; пересмотреть законодательство о торговле и транспорте; повысить наказание и ответственность по закону; изъять такие дела из подсудности военно-полевых судов и передать их в суды общей юрисдикции [41, 28 мая; 56, 13 июня].

В сентябре 1919 г. при Государственном экономическом совете была создана комиссия в составе 9 человек для борьбы со спекуляцией. На неё была возложена задача по выработке законопроектов. Надо заметить, что еще 11 марта 1919 г. Совет министров принял решение «Об установлении и усилении наказаний за спекулятивные деяния», а в сентябре 1919 г. властями была признана необходимость государственного регулирования в торговле, промышленности и на транспорте [6, л. 13, 16; 51, с. 15 – 17].

Предпринимались и конкретные меры борьбы со спекуляцией. В марте 1919 г. Министерство путей сообщения создало на железнодорожных станциях контрольные комиссии по борьбе со спекуляцией. Однако, когда в конце апреля на станцию Екатеринбург-I прибыло два вагона, якобы с грузом для армии, в них оказались товары для местных спекулянтов [53, 15 марта, 6 мая]. Осенью 1919 г. прокурор Владивостокского окружного суда назначил двух товарищей-прокуроров специально для расследования этой категории дел [34, 15 сент.].

В борьбе со спекуляцией применялись и административные меры. После конфискации у спекулянта товара ему в паспорте ставился специальный штамп. Владельцы документов с такой отметкой стали их «терять» и просили милицию выдать им новые [37, с. 66]. Во Владивостоке, на основании постановления комиссии по борьбе со спекуляцией, начальник края подписывал приказ о высылке виновного за пределы Приморья [45, 22 авг.].

Решения судов были различными. Омский окружный суд под председательством М. А. Баранова 11 апреля 1919 г. рассмотрел дело по обвинению в спекуляции предметами первой необходимости С. Джумбаева. В соответствии со ст. 227 «Устава Уголовного судопроизводства», он был освобожден за отсутствием состава преступления. Прокурор Тобольского окружного суда провел предварительное следствие по признакам ст. 913 и 1180 «Уложения о наказаниях» по делу мирового судьи 3-го участка Тобольского уезда Розенталя, письмоводителя Веребеева и других. Им ставилось в вину скупка в селе Черном мяса, масла, дичи, клюквы и других продуктов, которые отправлялись в Ишим.

В результате в селе цены выросли. 27 апреля 1919 г. судебный следователь по Тобольскому уезду решил, что названные продукты не были предметами первой необходимости и покупались по ценам не выше базарных. В соответствии со ст. 227 «Устава Уголовного судопроизводства» обвиняемые были освобождены за отсутствием состава преступления [1, л. 2 а; 2, л. 1 – 2, 6 об.]. В мае 1919 г. следственная

комиссия в Ишиме отпустила под залог в 200 тыс. руб. Бокарева, также арестованного за спекуляцию [43, 24 мая].

В отличие от судов, оперативно и жестко на спекуляцию реагировали военные. Наиболее распространенными у них были меры репрессивного характера. В декабре 1918 г. командующий армией, штаб которой располагался в Новониколаевске, приказал применять самые решительные меры в беспощадной борьбе со спекулянтами, продающими товары первой необходимости. Генерал распорядился без стеснения применять обыски, высылки, аресты и строжайшие взыскания [50, 17 дек.].

В приказе уполномоченного по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Екатеринбург и ряде уездов Урала от 3 января 1919 г. предусматривалась ссылка на каторжные работы по 8-и категориям виновных и денежный штраф до 300 тыс. руб. Другой его приказ устанавливал за продажу и куплю военного обмундирования тюремное заключение до 3-х мес. или 3 тыс. руб. штрафа [14, л. 65, 54].

В начале апреля 1919 г. в Харбине Главногоначальствующий на Дальнем Востоке подписал приказ о повышении штрафа за спекуляцию до 3-х тыс. руб. или 3 месяца тюремного заключения [25, 6 апр.]. Приказ № 1 командующего Сибирской армией генерал-лейтенанта Р. Гайды от 7 апреля 1919 г. предусматривал за спекуляцию продовольствием передачу дела в военно-полевой суд с наказанием от 10 лет лишения свободы до смертной казни [9, л. 81]. Атаман Уссурийского казачьего войска И. П. Калмыков в сентябре 1919 г. создал особую комиссию для того, чтобы приступить к уничтожению «всех спекулятивных начал». Однако в самом начале эту идею не поддержали в местной торгово-промышленной палате и из неё ничего не вышло [12, л. 107; 42, 4 нояб.; 22, 9 дек.].

Можно привести и конкретные действия военных властей. 10 мая 1919 г. в Шадринске ими был арестован крупный спекулянт Мельников [28, 19 мая]. В тот же день в Томске были арестованы и отданы под суд крупные спекулянты Енкин, Френкель и Штейнарт, нажившие миллионы [56, 18 мая и 22 июня; 31, 14 мая]. Здесь же, осенью 1919 г. за неоправданное повышение цен на мануфактуру были арестованы Л. и И. Брандт [47, 6 сент.].

В мае 1919 г. в Тюмени были взяты под стражу Лошкмоев, Перевалов и их «компаньоны». 30 июня 1919 г. перед местным военно-полевым судом предстали Захаров и Бочкарев [53, 11 мая.]. В июне 1919 г. владивостокская газета «Эхо» сообщила о том, что в Омске по решению военно-полевого суда были расстреляны девять спекулянтов во главе с капитаном Афанасьевым. В свое время они продали товаров на сумму в 5 млн руб., которые были конфискованы [46, 28 июня].

Уже в те годы высказывалась мысль о том, что покровительство таких дельцов была на уровне Штаба Верховного главнокомандующего [36,; 16, 28 мая; 53, 27 мая; 49, 29 мая; 36, 2 окт.; 29, 14 дек.].

Деятельность антибольшевистских властей по противодействию спекуляции не увенчались успехом [27, с. 81]. Тому было несколько причин. Во-первых, так и не были приняты соответствующие нормативно-

правовые акты. Во-вторых, деформированная войной экономика была не в состоянии удовлетворить население в товарах даже повседневного спроса. В-третьих, обнищание, вызванное войной не только толкало часть сибиряков на спекулятивные действия, но и заметно снизило «планку» нравственного контроля над своим поведением у многих жителей региона.

Литература

1. Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 346. Оп. 1. Д. 34.
2. ГАОО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 84.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 147. Оп. 11. Д. 44 а.
4. ГАРФ. Ф. 147. Оп. 11. Д. 110.
5. ГАРФ. Ф. 147. Оп. 11. Д. 111.
6. ГАРФ. Ф. 190. Оп. 6. Д. 18.
7. ГАРФ. Ф. 1700. Оп. 1. Д. 25.
8. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф.Р. 1362. Оп. 1. Д. 247.
9. Государственный архив Тюменской области (ГАТюО). Ф. 943. Оп. 1. Д. 4.
10. Государственный архив Читинской области (ГАЧО). Ф.Р. 543. Оп. 1. Д. 129.
11. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 71. Оп. 35. Д. 193.
12. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИАДВ). Ф. 167. Оп. 1. Д. 87.
13. Центр документации новейшей истории Омской области (ЦДНННО). Ф.19. Оп.1. Д.301.
14. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДНННО). ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 125.
15. Аносов, И. И. Спекуляция и уголовный закон / И. И. Аносов // Сибирская жизнь. 1919. 22 марта.
16. Алтайская мысль. 1919.
17. Вестник Приуралья. 1919.
18. Военные ведомости. 1919.
19. Волжское слово. 1918.
20. Восточный курьер. 1919.
21. Гинс, Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории 1918 – 1920: впечатления и мысли члена Омского Правительства. Т. 2. – Пекин-Харбин, 1921.
22. Голос Родины. 1919.
23. Голос Сибири. 1919.
24. Городской вестник. 1918.
25. Дальний Восток. 1919.
26. Дмитриев, Н. И. Частное предпринимательство и проблема спекуляции в период белогвардейского правления: на материалах Сибири / Н. И. Дмитриев // Предпринимательство в Сибири. – Барнаул, 1994.
27. Дмитриев, Н. И. Жертва общественного долга / Н. И. Дмитриев, С. В. Смирнов // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах. – Екатеринбург, 2000. – № 8.
28. Заря Народопривства. 1919.
29. Иркутские губернские ведомости. 1919.
30. Коневский, Ив. Борьба со спекуляцией // Земля и труд. – 1919. 19 марта.
31. Курганская свободная мысль. 1919.
32. Народная газета. 1919.

33. Народная свобода. 1919.
34. Народный вестник. 1919.
35. Наш день. 1918.
36. Наша деревня. 1919.
37. Никитин, А. Н. Милиция Российского правительства Колчака и ее роль в борьбе с общеуголовной и организованной преступностью / А. Н. Никитин. – М., 1995.
38. Омск в дни Октября и установления Советской власти: сб. – Омск, 1947.
39. Освобождение России. 1919.
40. Отечество. 1919.
41. Правительственный вестник. 1919.
42. Приамурье. 1919.
43. Прибайкальская жизнь. 1919.
44. Приволжская правда. 1918.
45. Свободная Сибирь. 1919.
46. Свободное слово. 1919.
47. Сибирская жизнь. 1919.
48. Сибирская земская деревня. 1919.
49. Сибирская речь. 1919.
50. Слово. 1918.
51. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемые при Правительствующем сенате. 22 мая 1919. № 6. Отдел 1-й.
52. Телеграммы «Народной газеты». 1919.
53. Уральская жизнь. 1919.
54. Уссурийский край. 1919.
55. Филимонов, А. Большевики Иркутска и Красноярска в колчаковском подполье / А. Филимонов // Исторический журнал. – 1938. – № 12.
56. Эхо. 1919.
57. Lockett, R. The White Generals: An Account of the White Movement and the Russian Civil War / R. Lockett. – L.; N. Y., 1971.
58. Ullman, R. H. Anglo-Soviet Relation, 1917 – 1921. Vol. II. Britain and the Russian Civil War / R. H. Ullman. – Princeton, 1968.

УДК 94 (571.1): 332.021.8

ПРАВИЛА О ПЕРЕСЕЛЕНИИ НА КАЗЕННЫЕ ЗЕМЛИ (1906 г.): ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА И ЛЬГОТЫ ГОСУДАРСТВА В ПРЕДДВЕРИИ СТОЛЫПИНСКОЙ РЕФОРМЫ

В. М. Зинякова

THE 1906 «REGULATIONS FOR RESETTLEMENT ON STATE LAND»: THE PROCESS ORGANIZATION AND STATE BENEFITS PRELIMINARY TO STOLYPIN'S REFORM

V. M. Zinyakova

В статье рассматриваются российские "Правила о переселении на казенные земли", 1906 года издания. "Правила" регламентировали порядок выделения земель для поселений, последовательность получения переселенцами разрешений, размеры и виды государственных льгот и пособий, условия заселения новых территорий. Автор подчеркивает разрешительный характер проводимой политики, превалирование государственного интереса в регулировании переселений, множественность бюрократических инстанций, неопределенность предоставления денежных ссуд, что создавало возможности для чиновничьей коррупции.

Ключевые слова: переселения, переселенческая политика, льготы, Сибирь.

In the article the "Rules about resettlement on the state earths", edited in 1906 are considered. The "Rules" regulated the order of allocation of the land for resettlements, the sequence of receiving immigrants' permissions, the amount and kinds of the state privileges and grants, the conditions of settling in new territories. The author underlines the allowing character of the applied policy, the prevalence of the state interest in regulation of resettlement, the excessive plurality of bureaucratic instances, the uncertainty of granting money loans to immigrants that created possibilities for the official corruption.

Keywords: resettlement, resettlement policy, privileges, Siberia.

Переселенческая политика П. И. Столыпина получила всестороннюю нормативную регламентацию в целом ряде законодательных актов и распоряжений. Одним из первых таких актов, предваряющих последующие постановления правительства, явились «Правила о переселении на казенные земли» (1906 г.). «Правила» упростили прежнюю процедуру переселения, но четко регламентировали порядок выделения земель для переселений, последовательность получения разрешений потенциальными переселенцами, размеры и условия предоставления пособий государства и варианты заселения («водворения») новоприбывших на новых территориях государственного ве-

домства (преимущественно Сибири и Дальнего Востока).

Территории признавались желательными для расселения и годными для заселения по соглашению министров внутренних дел, финансов и Главноуправляющего землеустройством и земледелием. В отношении местностей, находившихся в ведении Военного министерства, учитывалось дополнительно мнение военного министра. Нарезка земли производилась преимущественно в отдаленных районах страны и отчасти – на окраинах Европейской России.

Особое внимание обращалось на желательность заселения новых территорий бывшими военнотруж-

щими и с точки зрения разрешения их земельных проблем, и по соображениям обеспечения окраин «надежным элементом». «Правилами» подчеркивалось, что при увольнении в запас или отставку из армии нижние чины войск Кавказского, Туркестанского, Иркутского и Приамурского военных округов, Манчжурской армии, а также Сибирского флотского экипажа и Тихоокеанской эскадры, могли, вместо возвращения на родину, поселиться на казенных землях, на идентичных с переселенцами условиях [ст. 27]. В «Правилах о переселении на казенные земли» 1906 г. предписывалось отдавать предпочтение «желающим переселиться лицам из числа отставных и запасных нижних чинов, кои имеют в составе семейств не менее двух годных для занятий хлебопашеством работников». К этой категории относились лица, отслужившие по правилам Рекрутского устава и не имевшие до сих пор надела; либо служившие по Уставу о воинской повинности: унтер-офицеры, прослужившие сверх срока не менее 10 лет в сухопутных войсках или 7 лет – в морфлоте; получившие военное ранение; имевшие знак военного ордена; отбывавшие воинскую повинность в тех местах, куда хотели бы переселиться, и те, чьи семьи уже переселились [ст. 6].

Разрешения на переселение в Среднюю Азию (Сыр-Дарьинская, Ферганская, Самаркандская области) и Кавказский край выдавались только лицам коренного русского происхождения и православного вероисповедания. При этом допускались к переселению и представители старообрядческих согласий и сектантских толков по согласованию с начальствующими инстанциями [ст. 5]. Мещане, не намеренные заниматься земледелием и желающие сохранить свой городской статус, могли переселиться только в города на окраинах России – в Приамурье и Забайкалье [ст. 8]. Разрешалось также предоставлять земельные участки в Томской и Тобольской губерниях сахалинским ссыльнопоселенцам, “способным к земледельческому труду”, вынужденным покинуть остров после русско-японских договоренностей 1905 года [ст. 4, Прим.].

Первым шагом для крестьян и мещан-земледельцев, желающих переселиться на свободные казенные земли при содействии правительства, было обращение с ходатайством в административное присутствие уездного съезда, куда входили крестьянские начальники и исправник – глава уездной полиции, и получение от них особого «разрешения на переселение с содействием правительства». После этого переселенцы должны были получить разрешение земского начальника по месту жительства (в Европейской России), каковым являлось т. н. «Проходное свидетельство», служившее основанием для выхода (увольнения) из своего общества [ст. 8]. «Проходное» же свидетельство выдавалось только при наличии специального удостоверения о предварительном закреплении за переселенцем земельного участка на новом месте, либо – приемного приговора старожительского общества о приеме переселенцев на жительство. Для мещан таковым исходным документом являлось свидетельство о приписке к городам Приамурья или Забайкалья.

Дабы получить «прикрепительные» документы, переселенцы должны были предварительно отправить в места переселений своих ходоков, призванных закрепить за собою земельные участки. Ходоки отправлялись по одному от каждой семьи или один от нескольких семей одной общины. В последнем случае требовалось утверждение земского начальника или соответствующего ему должностного лица. Избранные ходоками земли зачислялись местными органами за переселенцами на два года. Ходоки, «в случае исключительной нужды», получали от государства путевую ссуду в размере 10 рублей на одного человека для продвижения к месту переселения и обратно [ст. 55]. О ссудах, выданных ходокам, доводилось до сведения губернатора и Казенной Палаты места выхода, с тем, чтобы были внесены соответствующие отметки в Проходное свидетельство данного хозяина или для взыскания ссуды в случае несостоявшегося переселения [ст. 40]. Выданная ходоцкая ссуда взыскивалась государству спустя год после предоставления, по месту фактического проживания ходока. Возвращали ссуду как те, кто закрепил за собой земли, так и те, кто по разным причинам не получил таковой и вынужден был оставаться на прежнем месте жительства [ст. 55].

Добыв Удостоверение о закреплении земель и получив Проходное свидетельство, переселенцы могли, наконец, тронуться в путь. Особым вопросом было «расставание» со своей прежней землей. «Правилами» предписывалось, что земли, оставляемые переселенцами в Европейской России, подлежали передаче общине с вознаграждением бывшего хозяина по добровольному соглашению. В случае несостоявшегося соглашения переселенец мог передать участок любому лицу-однообщиннику по договоренности. При этом все обязательства и платежи по земле также возлагались на преемника [ст. 10].

На новом месте переселенцы могли устроиться как на основе общинного, так и подворного землепользования [ст. 16]. Порядок землевладения определялся большинством голосов сельского схода (там, где существовало сельское общество), либо решением большинства наличных в поселке переселенцев мужского пола. При этом в каждом переселенческом поселке, состоявшем из 10 и более дворов, создавалось отдельное сельское общество. Все прибывавшие в село новые переселенцы вступали в состав последнего без всяких приемных приговоров. Мещане (бывшие городские жители), поселившиеся на земле, также переходили в разряд сельских обывателей. Новые хозяева могли часть причитавшейся им земли выделить в хуторской отруб, но при условии, что это не ущемляло интересы других переселенцев [ст. 18]. Недоразумения и споры по поводу разделения земли и угодий между переселенцами разрешались местными крестьянскими учреждениями.

Переселявшиеся на новые земли получали определенные льготы от государства: а) по железнодорожным и другим перевозкам; б) по уплате казенных и земских денежных сборов; в) по исполнению натуральных земских повинностей; г) по отправлению воинской обязанности; д) по получению денежных пособий и ссуд; е) по безвозмездному отпуску леса для строительства.

Железнодорожные перевозки осуществлялись по уменьшенному тарифу. Уплата казенных и земских налогов и сборов с переселенцев определялась общими для данной местности правилами. При этом переселенцы, создавшие свои сельские общества, не подлежали действию правил о круговой поруке в исполнении казенных, земских и мирских сборов [ст. 17]. Числившиеся за ними недоимки по казенным сборам упразднялись [ст. 21]. Однако недоимки по земским и мирским платежам подлежали взысканию и передаче прежнему обществу или земству. Продовольственные же платежи обращались в продовольственные запасы по новому месту жительства. По прибытии на новое место жительства переселенцы освобождались от казенных платежей и земских денежных сборов на пять лет, а в течение следующих пяти лет уплачивали их в половинном размере (в Закаспийской области период, свободный от казенных и земских сборов, устанавливался в 10 лет). Кроме того, на три года переселенцы получали льготы по отбыванию натуральных земских повинностей, правда, с оговоркой «которые по местным условиям окажутся возможными» [ст. 23, Прим.]. В Закавказье, Туркестане, Приамурском генерал-губернаторстве и Забайкальской области льготы по земским натуральным повинностям предоставлялись на более длительный срок – пять лет.

Льготы по отправлению воинской повинности представляли собой освобождение лиц призывного возраста на 3 года от призыва в армию [ст. 23].

Денежные пособия (ссуды) от правительства предоставлялись переселенцам на: 1) путевые нужды; и 2) на общественные надобности и хозяйственное устройство [ст. 31]. Ссуды предоставлялись только «нуждающимся», в соответствии с «выясненными действительными потребностями». Никаких процентов и пеней по ссудам, выданным переселенцам, не начислялось [ст. 35]. Путевые ссуды выдавались переселенцам, следующим на основе разрешения, в размере до 50 рублей, но только после минования ими конечного на их пути врачебно-продовольственного пункта, для следования уже на место водворения [ст. 37]. В исключительных случаях, с согласия Переселенческого управления, путевая ссуда могла быть выдана для продвижения по железной дороге и пароходным транспортом. Переселенцам, следующим на Дальний Восток (Приамурское генерал-губернаторство), путевая ссуда увеличивалась на 100 рублей. Им же предоставлялась дополнительная ссуда для движения по Сибирской и Забайкальской железной дороге, «на приобретение перевозочных средств» в размере до 100 рублей на каждое отдельное семейство [ст. 37, Прим.]. Время выдачи и размер предоставленной ссуды фиксировались на обороте Проходного свидетельства, по которому следовали переселенцы [ст. 39]. О всех выделенных путевых ссудах сообщалось Казенным палатам соответствующих местностей, куда направлялись получившие их переселенцы. После вселения переселенцев на новом месте крестьянский начальник или заменяющее его должностное лицо доводило до сведения местной Казенной палаты информацию о размере ссуды, полученной каждой переселенческой семьей в пути (включая, так называемую ходяческую ссуду).

Ссуды на хозяйственное обустройство выдавались по заявлениям переселенцев в течение трех лет со времени водворения и составляли до 200 рублей на семью на Дальнем Востоке (Амурская и Приамурская области) и до 165 рублей в остальных местностях [ст. 42]. При этом ссуда переселенцам, поселившимся в старожильческих селах по Приемным приговорам их крестьянских обществ, составляла только половину от установленного размера и выдача её обуславливалась удостоверением крестьянского начальника о том, что данные переселенцы «приступили к обзаведению собственным хозяйством» [ст. 42, Прим. 2]. В случае, если крестьяне переселялись на расстояние не далее 30 вёрст от места выхода, предоставляемая им ссуда на хозяйственное устройство также не могла превышать половину от суммы, установленной для данной местности [ст. 42, Прим. 3].

Выдача ссуд на хозяйственное устройство производилась уездными Съездами крестьянских начальников или иными, соответствующими им уездными по крестьянским делам учреждениями, по представлению местных крестьянских начальников. В представлении приводились подробные сведения о хозяйственном положении просителей, и давалось обоснованное заключение должностного лица. В случае отсутствия в местности особых по крестьянским делам уездных учреждений, ссуды на хозяйственное устройство выдавались губернским или областным учреждением, ведавшим крестьянскими вопросами. Крестьянским начальникам и заменяющим их должностным лицам разрешалось выдавать ссуды не одновременно, а по частям, «по мере целесообразного расходования переселенцами прежде полученных долей» [ст. 46]. Общий надзор за ведением дел по назначению ссуд и расходованию отпущенных средств находился в ведении губернаторов. В тех местностях, где имелись склады лесных материалов, земледельческих орудий и других предметов хозяйственного устройства, а также продовольственного и семенного хлеба, крестьянам давалось право получать перечисленные товары по заготовительной цене, с зачислением стоимости полученного в счёт разрешенных им ссуд [ст. 49]. В случае «особо затруднительного положения» переселенческой семьи Уездный съезд мог обратиться с представлением о разрешении дополнительной ссуды в губернское или областное учреждение. Те, в свою очередь, обо всех особых ссудах были обязаны «доводить до сведения» Главного управления землеустройства и земледелия. Непосредственный контроль за начислением ссуд и фиксированием долга заемщиков Государственному Казначейству, а также за своевременным возвратом ссуд осуществляли местные Казенные палаты [ст. 50].

Все выделенные ссуды подлежали возврату Государственному Казначейству по истечении пяти льготных лет, в течение следующих 10 лет, равными ежегодными платежами. При этом допускалось возвращение ссуды и до истечения срока. Льготный пятилетний срок исчислялся для путевых ссуд со времени вселения на новом месте, для остальных ссуд – с момента их выдачи [ст. 54]. В случае неуплаты годовых платежей задолженности объявлялись недоимкою и взыскивались «мерами полиции» под контролем Казенных палат и податных инспекций. В особых случа-

ях возврат ссуд мог быть рассрочен, однако не более, чем на 10 лет сверх положенного срока. Рассрочка предоставлялась губернским или областным учреждением, заведующим крестьянскими делами, по месту вселения переселенцев. Таким же образом могли быть произведены отсрочки ежегодных взносов [ст. 58].

Одной из существенных льгот переселенцам со стороны правительства было выделение безвозмездно леса для строительства. Так, для возведения усадебных построек крестьянам-переселенцам отпускалось безвозмездно из ближайших казенных дач: до 200 строевых деревьев – на постройку дома, 20 деревьев – на создание бани, 6 – на обустройство риги и гумна. Билеты на вырубку лесного материала и на вывозку его из леса выдавались лесничим по представлению крестьянского начальника по месту вселения переселенцев и сохраняли силу в течение двух лет со времени их выдачи [ст. 53]. В случае пожаров, происшедших в течение первых шести лет со времени вселения переселенцев, потерпевшим разрешался, по удостоверению крестьянского начальника, вторичный отпуск лесных материалов в тех же количествах, что и ранее [ст. 52, Прим.].

Крестьяне не всегда приживались на новом месте. Однако государство не приветствовало самовольные уходы и переходы крестьян-переселенцев с предоставленных им земель. «Правила» подчеркивали, что новые (иные) наделы могут предоставляться только «в случае уважительных причин» покидания прежних, зато прежние (первоначальные) признавались свободными и по истечении двух лет передавались новым переселенцам. Установленный двухлетний период ещё более сокращался, если местные должностные лица, заведующие устройством переселенцев, заведомо знали о полном освобождении данных

участков. Ссуды, предоставленные переселенцам, подлежали взысканию в любом случае по месту действительного пребывания последних. Недоимки же, числящиеся на их наделах, в случае неизвестности места проживания самовольно ушедших лиц, подлежали списанию по истечении двух лет. Переселенцы, желающие легально вернуться на родину (в Европейскую Россию) должны были получить Увольнительные свидетельства, выдаваемые местными органами, заведующими переселением, а также предоставить в течение 6 месяцев Приемные приговоры того сельского общества, куда собирались вернуться и где состояли до переселения. В случае отсутствия такого Приговора они могли вернуться на родину, но приписывались к соответствующей волости без договора.

Таким образом, «Правила о переселении на казенные земли» 1906 года регламентировали разрешительный характер российских переселений и строго отслеживали государственный интерес в социальных, земельных и финансовых вопросах. Переселенцам предоставлялся определенный перечень льгот и беспроцентных ссуд, однако все денежные выплаты подлежали обязательному возврату государству в оговоренные сроки. Обращает на себя внимание большое количество инстанций, выдающих разрешения переселенцам по тем или иным вопросам, и неопределенность предоставляемых пособий, что, с одной стороны, излишне бюрократизировало процесс переселений, с другой – создавало огромные возможности для чиновничьей коррупции.

Литература

1. Свод законов Российской империи: в 16 томах. Т. IX / Особое приложение. Кн. VIII. По продолжению 1906. – СПб, 1906.

УДК 377.8/354 (571.1) “1906/1911”

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТОЛЫПИНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ УЧИТЕЛЕЙ И УЧИТЕЛЬНИЦ СРЕДНИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ (на примере Западно-Сибирского учебного округа)

Е. Г. Исакова

THE ACTIVITIES OF STOLYPIN'S GOVERNMENT REGARDING THE PROFESSIONAL TRAINING OF MALE AND FEMALE SECONDARY SCHOOL TEACHERS (the example of the West-Siberian educational district)

E. G. Isakova

В статье рассматриваются меры, предпринятые столыпинским правительством по вопросам профессиональной подготовки преподавателей средних учебных заведений. Раскрываются причины, побудившие заняться вопросом подготовки. Показано значение преобразований в процессе обеспечения средних школ Западной Сибири квалифицированными кадрами.

Ключевые слова: учителя, педагогические курсы, заграничные командировки, столыпинское правительство.

The article covers the activities of Stolypin's government regarding the professional training of secondary school teachers as well as the reasons that have led to raising this question. The significance of governmental measures for providing West-Siberian schools with qualified teachers is revealed in the article.

Keywords: teachers, teacher training courses, foreign trips, Stolypin's government.

В условиях близящегося юбилея со дня рождения поистине выдающегося государственного деятеля П. А. Столыпина интерес к его персоне значительно возрос. Петр Аркадьевич, преследуя глобальную цель создания «Великой России», в основе которой должны были лежать принципы гражданского общества, разработал программу преобразований практически всех сфер жизнедеятельности, не обойдя вниманием и столь важную отрасль как образование. Однако на фоне активного анализа столыпинских реформ в области аграрных отношений, вопросы культуры и образования в его программе реформ России остаются, по большому счету, за рамками исследовательского интереса. Просвещение населения рассматривалось Столыпиным как обязательное условие и предпосылка до-стижения общего успеха в деле реформирования страны. Ведь от уровня образования и профессиональной подготовки населения зависела успешность проведения реформ: «Бояться грамоты и просвещения, бояться света нельзя. Образование народа, правильно и разумно поставленное, никогда не поведет его к анархии» [12, с. 76].

Столыпиным было создано много проектов, касающихся всех образовательных ступеней, начиная с начальной школы и заканчивая высшей, однако не все из них удалось воплотить в жизнь. Основным моментом реформирования средней образовательной системы России реализованным на практике, стало создание одногодичных и краткосрочных курсов для подготовки учителей и учительниц средних учебных заведений.

Учительство, составлявшее значительную часть интеллигенции России, играло особую роль в жизни общества. Значимость учителей определялась тем, что они являлись ведущими трансляторами знаний для населения. С развитием капиталистических отношений в Российской империи в начале XX века особенно увеличился спрос на грамотных, квалифицированных специалистов. Кроме того, у населения возникла внутренняя потребность в получении начального и среднего образования. Между тем развитие сети средних учебных заведений наталкивалось на проблему нехватки преподавателей, что, в свою очередь, не лучшим образом сказывалось на подготовке специалистов [2, л. 13]. В квалифицированных учителях средних школ Россия постоянно испытывала острый недостаток. Архивные материалы того времени пестрят данными о вакантных должностях в учебных учреждениях. Например, в Томской мужской гимназии на протяжении двух лет (1911 – 1912 годы) должность учителя латинского языка оставалась не замещенной, и это вовсе не единичный случай [1, л. 25].

Если мы посмотрим на образовательный уровень учителей-мужчин в средних школах Западно-Сибирского учебного округа, то увидим, что подавляющая их часть имела высшее образование, преимущественно университетское. Учительницы же в большинстве имели среднее образование. К примеру, в 1888/1889 учебном году из 47 преподавателей западно-сибирских мужских гимназий (Томская, Тобольская, Верненская, Омская гимназии) 30 имели университетское образование. По данным на этот же учебный год, из 29 учительниц 3-х западно-сибирских женских гимназий (Томская-мариинская женская гимназия, Омская

женская гимназия почетных граждан Поповых, Верненская женская гимназия) 12 учительниц были с гимназическим образованием, 8 получили его в институтах, 4 обучались на дому, 3 окончили училища, 2 – педагогические курсы при женской гимназии в Санкт-Петербурге [10]. Подобное положение соответствовало законным требованиям. При этом женские средние учебные заведения, включая в себя цикл педагогических дисциплин, хотя бы в некоторой степени были ориентированы на подготовку педагогов. Объясняется это тем, что преподавательская деятельность являлась одной из основных сфер приложения квалифицированного женского труда. Высшие учебные заведения, где получали образование мужчины, напротив, не предполагали педагогической подготовки, занимаясь выпуском специалистов разных профилей. Высокая общеобразовательная и научная подготовка выпускников высшей школы контрастировала с отсутствием у них специально-педагогических знаний, тогда как все учительницы, работавшие в средней школе, имели определенное представление о системе воспитания и методике преподавания.

Подавляющее большинство учителей средних школ приступали к педагогической деятельности, не имея специальной подготовки к ней. Закон и правила об испытаниях на учительские звания предоставлял дело педагогической подготовки инициативе и усмотрению самих кандидатов на учительские должности. Как правило, даже элементарные педагогические и методические знания они приобретали лишь в процессе своей профессиональной деятельности. В 90-е годы XIX века вопрос о подготовке учителей средней школы приобрел особую остроту. В циркуляре от 16 ноября 1898 года министр народного просвещения Н. П. Боголепов назвал одним из главных недостатков средних учебных заведений Министерства народного просвещения то, что «начинающие преподаватели их приступают к своему трудному и ответственному делу без всякой специально-педагогической подготовки, вследствие чего они в первые годы своей деятельности производят над своими учениками опыты, не всегда удачные». [6, с. 11].

На рубеже XIX – XX веков Министерством народного просвещения был подготовлен ряд проектов, касающихся как постановки учебного дела, так и совершенствования системы подготовки учительских кадров. К примеру, в 1898 году правительство создало «Комиссию по улучшению средней школы». Среди различных вопросов, которыми занималась Комиссия, стоял вопрос о подготовке учителей средней школы. В ноябре того же года министерство разослало по учебным округам документ, в котором констатировалось отсутствие у начинающих преподавателей профессионально-педагогической подготовки и в связи с этим предлагалось высказать пожелания о путях ее улучшения [4, с. 4]. К документам прилагался журнал Ученого комитета, в котором указывалось, что целесообразно сконцентрировать научное образование учителей средней школы в университете. Именно так считали возможным повысить профессиональную теоретическую и практическую подготовку учителей. Однако за рамки обсуждений дело не вышло, и реальных шагов в этом направлении предпринято практически не было.

К действенным мерам по решению этой проблемы перешла Государственная дума третьего созыва (1906 – 1912 годы) совместно с правительством, возглавляемым Петром Аркадьевичем Столыпиным. Неоднократно на заседаниях думы говорилось, что «современная наша задача заключается в поднятии русской средней школы в ее образовательных и воспитательных целях» [4, приложение № 1]. Е. А. Ковалевский называл эту думу «Думой народного образования», исходя из того, что школьный вопрос занимал основное место в ее деятельности. За время работы было выдвинуто более 300 законопроектов, касающихся образовательной системы России.

С целью содействия последовательному улучшению подготовки учителей поступали предложения об открытии педагогических институтов как учреждений, специализирующихся на выпуске педагогов. Однако их открытию препятствовали как размер средств, которые требовались на их содержание (ежегодно до 90 тысяч рублей на каждый), так и недостаток лиц, которые могли бы со знанием дела подойти к постановке обучения в них [2, л. 2; 4, с. 2]. Как альтернативный вариант этому предложению был выдвинут проект «О временном учреждении одногодичных и краткосрочных курсов для приготовления учителей и учительниц средних учебных заведений». Мысль об их создании возникла еще в 1908 году. Государственная дума в заседании от 12 июня 1908 года при обсуждении сметы расходов Министерства народного просвещения на 1909 год признавала необходимым учреждение временных курсов при учебных округах и отдельных учебных заведениях для подготовки к педагогической деятельности лиц, имеющих право преподавать в средних учебных заведениях [9]. Попечители учебных округов, признавая эту задумку полезной, ходатайствовали об их учреждении, видя в этом способ обеспечения своих территорий подготовленными специалистами. На учреждение в некоторых городах империи временных педагогических курсов правительство отпустило в 1909 году 20 тысяч рублей. За короткое время курсы успели принести пользу средней школе, улучшив качественную подготовку учителей [4, с. 4]. В связи с этим правительство решило приступить к повсеместному открытию педагогических курсов.

Начальный вариант положения об одногодичных и краткосрочных курсах был подготовлен Министерством народного просвещения зимой 1910 года. Министерство издало положение об устройстве курсов лишь в общих чертах, без подробной детализации. Издание в законодательном порядке правил для одногодичных и краткосрочных курсов, по его мнению, считалось бесполезным, «так как устройство будет зависеть от обстоятельств и времени» [4, с. 2]. В законодательном порядке считалось необходимым издать постановления лишь по тем вопросам, которые касались прав и преимуществ слушателей курсов. 10 марта этот проект был внесен в Государственную думу, которая, в свою очередь, передала его на рассмотрение в комиссию по народному образованию. Комиссия внесла множество исправлений и детализировала министерский проект, включив 11 новых пунктов (всего их было 16). После длительного обсуждения и доработки в стенах Государственной думы, законо-

проект был передан на утверждение в Государственный совет 3 июня 1911 года после утверждения императора он приобрел статус закона [8].

Согласно закону, по распоряжению министра народного просвещения в течение трех лет (начиная с первого сентября 1911 года) в городах, где имелись высшие учебные заведения, под непосредственным руководством попечителей учебных округов разрешалось открывать одногодичные и краткосрочные курсы для профессиональной подготовки преподавателей средних учебных заведений [4, п. 1]. Вопрос о месте учреждения курсов вызвал горячие споры в Государственной думе. Учреждать одногодичные и краткосрочные курсы Министерство народного просвещения предлагало лишь в университетских городах. Полагая, что необходимые для открытия курсов условия, то есть главным образом научные силы, есть не только в университетских городах, но и в городах с высшими специальными учебными заведениями, комиссия пришла к решению создания курсов в городах, где есть какие-либо вузы. На курсах должны были преподавать доценты и профессора высших учебных заведений империи. Занятия могли проходить как в стенах вузов, так и на съемных помещениях.

Согласно требованию закона, основной контингент слушателей и слушательниц составляли лица, получившие высшее образование [4, п. 2]. Исключение в этом ряду составляли учителя иностранных языков. Дело в том, что долгое время русские учебные заведения в вопросе преподавания иностранных языков находились в зависимости от иностранцев, и чтобы обеспечить средние учебные заведения учителями немецкого и французского языков из русских подданных, правительство снизило для них образовательный ценз [7]. К преподаванию иностранных языков в средних учебных заведениях допускались лица без высшего образования, но выдержавшие квалификационный экзамен по предмету. Основным требованием для них при зачислении на курсы были русское подданство, христианское вероисповедание, образование не ниже среднего при условии практического знания иностранного языка. Чтобы их проверить, комиссия при поступлении проводила специальные испытания, которые показывали уровень владения языками. Поступали на курсы как молодые, неопытные, только что окончившие образовательные учреждения, так и лица уже преподававшие в средних учебных заведениях.

Само название «одногодичные» подразумевало, что продолжительность обучения слушателей на курсах составляла один год. Однако для учителей иностранных языков, учитывая их слабую подготовку и специфику знаний, и здесь делалось исключение. С разрешения попечителя учебного округа им предоставлялось право оставаться на курсах в течение двух лет [4, п. 16].

Министерский законопроект не содержал никаких правил, касающихся устройства учебной части курсов. Комиссия сочла это недопустимым и восполнила пробел, введя статьи 4 – 7, определяющие главным образом учебную деятельность слушателей. Согласно им, занятия делились на общие, посещаемые всеми без исключения, и специальные – в зависимости от предмета преподаваемого учителем в школе [4, п. 4].

Первые включали в себя цикл педагогических дисциплин, таких, как педагогика, логика, психология, гигиена. Вторые были специально ориентированы и преподавались как отдельно, так и по группам: русский язык и словесность, математика, физика и космография, история, естествознание, химия и география, древние языки, новые языки [4, п. 5 – 6]. Выбор предметов для посещения предоставлялся самим слушателям, в зависимости от избранных ими специальностей. Независимо от профиля, основными формами получения теоретических знаний на курсах являлись лекции и семинарские занятия [4, п. 7].

Обязательную программу обучения на курсах, наряду с теоретическими, составляли и практические занятия [4, п. 7]. Основной их целью являлось ознакомление начинающих и неопытных учителей и учительниц с правильными способами обучения детей предметам средней школы. Для этого слушателей и слушательниц распределяли по средним учебным заведениям города, в рамках которого проходили курсы. Сначала преподаватели курсов сами давали несколько образцовых уроков в присутствии учителей и учительниц, которые анализировали ход урока, методы работы учителя с учащимися и т. д. Курсисты являлись не только сторонними наблюдателями, в их обязанности вменялись самостоятельная разработка и проведение пробных занятий в присутствии руководителей и сокурсников.

Прежде чем провести урок, молодой учитель или учительница составляли подробный письменный конспект занятия, где прописывали каждое свое действие. Лишь после предварительного коллективного обсуждения и корректировки руководителем и присутствующими сокурсниками курсист допускался к проведению урока. После каждого проведенного занятия все те же педагоги, присутствовавшие на уроке, проводили его разбор, выносили замечания, давали рекомендации на будущее. Данный вид работы был крайне важным в процессе обучения молодых учителей. Именно благодаря ему применялись и вместе с тем совершенствовались полученные на практике теоретические знания и навыки.

Курсы способствовали расширению кругозора учителей не только с помощью лекций, семинарских и практических занятий. Осознавая сложность положения педагогов, в ряде случаев вызванную отсутствием учебно-методической литературы, в рамках курсов организовывались выставки учебных пособий для учителей, книг для учащихся и образцовых библиотек. Это позволяло педагогам знакомиться с методическими разработками и литературными новинками как в своей отрасли знания, так и в других [13, с. 20].

Обучение на курсах сопровождалось предоставлением целого ряда льгот обучающимся. Что касается слушателей мужского пола, то всем им без исключения предоставлялась отсрочка по отбыванию воинской повинности как гимназическим учителям [4, п. 10]. При этом время пребывания на курсах нужно было подтвердить в военном присутствии соответствующим удостоверением от начальства.

Период обучения на курсах, при условии, что учитель или учительница прослужили не менее двух лет в одном из учебных заведений Министерства народного просвещения, засчитывали в трудовой стаж, в срок

выслуги высшего учительского оклада и пенсии [4, п. 9].

Наряду с этим слушатели, командированные для подготовки на курсы правительственными учебными заведениями, имели право на получение стипендии, общий размер которой составлял 600 рублей в год [4, п. 10]. Для лиц, специализировавшихся в преподавании иностранных языков и пожелавших продлить срок обучения до двух лет, сохранялось право на получение денежных выплат на протяжении всего срока обучения. Эти деньги выплачивались из фонда Министерства народного просвещения, и получение их накладывало на стипендиатов дополнительные обязательства. Согласно закону, слушатели одногодичных курсов, получавшие казенные стипендии, в обязательном порядке должны были отработать за один год использования стипендии полтора года в должности учителя или воспитателя в одной из школ Министерства народного просвещения (по назначению попечителя учебного округа) [4, п. 12]. Освобождались от обязанности служить по распределению от правительства казенные стипендиаты лишь в том случае, если в течение шести месяцев со дня окончания курсов им не было определено место работы [4, п. 12]. Лицам, не желающим посвятить себя службе по определению попечителя, необходимо было вернуть всю сумму полученной ими годовой стипендии. Если слушатель покидал курсы по причине болезни, которая в последующем не позволяла продолжить образование, возвращать деньги в казну было не нужно [4, п. 14].

Все слушатели, выполнившие учебный план, получали свидетельство о прохождении одногодичных курсов. Получив это свидетельство и прослужив затем один учебный год в качестве учителя, курсисты получали свидетельство на звание учителя или учительницы гимназии по избранному предмету или предметам [4, п. 8].

Правительство П. А. Столыпина выделяло значительные средства на организацию курсов для профессиональной подготовки учителей средней школы. За 1911 год, если быть точными, с сентября по декабрь включительно из средств Государственного казначейства на учреждение одногодичных и краткосрочных курсов было отпущено 72 тысячи рублей, в 1912 и 1913 годах – по 210 тыс. рублей [8]. Численность слушателей на подобных курсах была невелика [5, с. 304]. В связи с отрывочностью имеющихся данных мы не можем с достоверностью назвать точное число учителей Западно-Сибирского учебного округа, окончивших одногодичные курсы. Однако нам известно, что в 1916 году из 153 преподавателей 10 мужских гимназий Западной Сибири лишь 4 окончили одногодичные курсы при Варшавском, Юрьевском и Киевском университетах [подсчитано по 11].

Преследуя все ту же цель повышения профессиональной квалификации учителей средних учебных заведений, столыпинское правительство выделяло дополнительные средства на заграничные поездки преподавателей средней школы с «ученой целью» [3, л. 13]. С 1909 по 1911 годы на заграничные командировки было отпущено из средств Министерства народного просвещения двенадцать тысяч рублей [3, л. 14]. Поездки учителей проходили преимущественно

но в летние месяцы чтобы не нарушать учебного процесса. Основной задачей, которая ставилась перед преподавателями, было изучение европейского опыта постановки школьного образования. Если в 1909 году от Западно-Сибирского округа не было желающих отправиться на лето в Европу, то с течением времени, увидев пользу подобных поездок, число желающих увеличилось. В 1910 году появился один желающий, в 1911 году уже 5 учителей Западно-Сибирского учебного округа были отправлены за границу, а в 1912 году – 11. Наибольшее число командированных представлено учителями иностранных языков, наряду с которыми было немало преподавателей истории и географии. Вернувшись из командировки, учителя сдавали подробные отчеты о проделанной за границей работе [3, л. 10, 40].

Правительство, возглавляемое Столыпиным, разработало программу мер реформирования всей образовательной системы в России, в том числе средней. В школах П. А. Столыпин видел не просто образовательные центры, но и очаги русской культуры. Основными субъектами, способными передать населению образовательные и вместе с тем общекультурные ценности, были преподаватели. Однако в Сибири, как и в России в целом, ощущался острый недостаток квалифицированных специалистов. Поэтому важной составляющей реформ было повышение профессионального уровня преподавателей. В этом контексте одногодичные и краткосрочные учительские курсы вместе с заграничными командировками имели большое значение как для учителей, так и для всей школьной системы. Они способствовали расширению теоретических и практических познаний педагогических и специальных предметов. Задуманные как временные меры, курсы смогли подготовить небольшое число учителей. Тем не менее эти мероприятия оказались полезной практикой в отечественной системе подготовки учителей.

Литература

1. Государственный архив Томской области (ГАТО) Ф.101. Д.478.
2. ГАТО. Ф.125. Д.737.
3. ГАТО. Ф.126. Д.2504.
4. Доклад по законопроекту об одногодичных курсах для подготовки учителей и учительниц средних учебных заведений [Текст] // Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Т. 5. (№ 440 – 620). Третий созыв 1910 – 1911 гг., сессия четвертая. – СПб.: Государственная типография, 1911. – № 484.
5. Зубков, И. В. Российское учительство: повседневная жизнь преподавателей земских школ, гимназий и реальных училищ. 1870 – 1916 [Текст] / И. В. Зубков. – М.: Новый хронограф, 2010. – 528 с.
6. К вопросу о подготовке учителей для средних учебных заведений и об улучшении материального их положения [Текст] // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб.: Типография В. С. Балашева на Екатерининском канале № 78, 1899.
7. Свод законов Российской империи. Т. XI. Ч. 1.: Свод уставов ученых учреждений учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения. – СПб.: Деятель, 1912. – 459 с.
8. Высочайше утвержденный одобренный Государственным советом и Государственной думой закон «О временном учреждении одногодичных и краткосрочных курсов для подготовки учителей и учительниц средних учебных заведений» от 3 июня 1911 года [Текст] // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – Т. 31. – СПб. – № 35439.
9. О выделении средств на устройство курсов для приготовления учителей средних учебных заведений в 1909 г. [Текст] // Приложение к стенографическим отчетам Государственной думы. Т. 1 (№ 1 – 219) третье собрание, 1908 – 1909 гг., сессия вторая. – СПб.: Государственная типография, 1909. – № 84.
10. Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1888/1889 год. – Томск: Типо-литография В. В. Михайлова и П. И. Макушина, 1889. – 217 с.
11. Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1916 год [Текст]. – Томск: Товарищество «Печатня С. П. Яковлева», 1916. – 112 с.
12. Пожигайло, П. А. Столыпинская программа преобразований России (1906 – 1911) [Текст] / П. А. Пожигайло. – М.: РОСПЕН, 2007. – 239 с.
13. Прошлое учительских курсов [Текст] // Вопросы и нужды учительства. – М.: Изд. И. Д. Сытина, 1913.

УДК 94(571.1):[325:36]1906/1916

К ВОПРОСУ РЕАЛИЗАЦИИ И ФИНАНСОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОЦЕССА ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В СИБИРЬ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

(на примере Томской губернии)

А. Ю. Карпинец

TO THE QUESTION OF REALIZATION AND FINANCIAL MAINTENANCE OF THE PROCESS OF MOVING SETTLERS TO SIBERIA IN THE EARLY XXth CENTURY

(the example of Tomsk province)

A. Yu. Karpinets

В статье определяются проблемы и выявляются особенности реализации и финансового обеспечения процесса перемещения переселенцев в Сибирь в годы проведения Столыпинской аграрной реформы на примере Томской губернии, анализируется структура расходов Государственного бюджета на перевозку крестьян в Сибирь, отражаются оценки современников и исследователей вопроса.

Ключевые слова: колонизация Сибири, государственная политика, перемещение населения, финансовое обеспечение процесса.

In the article problems and features of realization and financial maintenance of the process of resettlement to Siberia in 1906 – 1916 on the example of Tomsk province and the structure of expenses of the state budget on transportation of peasants to Siberia are analyzed, estimations of contemporaries and researchers of a question are reflected.

Keywords: colonization of Siberia, state policy, resettlement of the population, privileges to immigrants.

Эксперты отмечают, что современная Россия нуждается в общенародной идее, которая бы сплотила российскую нацию и нацелила общество на развитие его потенциала. В XX веке одной из подобного рода идей была реализация проектов по колонизации восточных пространств страны, вследствие чего осуществлялось комплексное освоение территории государства. В частности, в период премьерства Петра Аркадьевича Столыпина получила развитие аграрная колонизация Азиатской России, в советский период – индустриальная. Осуществление мероприятий по активному заселению и хозяйственному обустройству восточных территорий России и в том и в другом случае являлось неким объединяющим началом, концентрирующим в себе порой разновекторные интересы личности, общества и государственной власти. Определение и объединение обозначенных интересов и стремлений, собственно, и призвано служить динамичному и эффективному развитию нации. Вследствие этого, безусловно, всестороннего изучения и глубокой разработки требует исторический опыт проведения в России масштабных преобразований, направленных на решение общенациональных задач.

Одной из таковых стала аграрная реформа, осуществлённая под руководством Председателя Совета министров России П. А. Столыпина. Одним из принципиальных направлений реформы была переселенческая (колонизационная) политика. Российское правительство в начале XX века было вынуждено решать острейшую проблему перенаселённости деревни европейской части России, поскольку «избыточность рук» в деревне порождала очевидный «земельный голод» и, как следствие, – целый ряд проблем как социально-экономического, так и политического плана. Соответственно, вставала необходимость направить крестьянские массы в те регионы, которые остро нуждались в заселении – Сибирь и Северный Кавказ. Таким образом, проведением активной переселенче-

ской политики гарантировалось решение сразу нескольких актуальных общегосударственных задач. В рамках исполнения колонизационного проекта начала XX века правительство выделяло переселенцам льготные кредиты, финансировало их переезд до места водворения и первоначальное и последующее обустройство на новом месте, способствовало развитию социальной и хозяйственной инфраструктуры в заселяемых местностях.

Исследуя вопрос перемещения переселенцев в Сибирь, следует отметить, что оно осуществлялось всеми видами транспорта, однако особую роль в этом процессе сыграли железнодорожные перевозки. В конце XIX – начале XX века было осуществлено строительство Сибирской железной дороги. Стоимость её постройки составила 384 млн 605 тыс. руб., причём подавляющая часть суммы (371 млн 278 тыс. руб.) была израсходована исключительно на прокладку дороги, остальные (11 млн 327 тыс. руб.) – на «вспомогательные предприятия, связанные с постройкой», как то: геологические и почвенно-ботанические исследования, учреждение телеграфной службы, специальных складов сельскохозяйственных машин и орудий; на отвод переселенческих участков и их обустройство [1, с. 528 – 529] и т. д., то есть, по сути дела на реализацию колонизационных мероприятий в районах, прилегающих к железной дороге.

Строительство и ввод в эксплуатацию Транссибирской железнодорожной магистрали способствовало началу качественно нового этапа хозяйственного освоения региона. В частности, прокладка дороги значительно облегчила передвижение переселенцев в Сибирь [3, с. 14]. Активизация колонизационной политики с 1906 г. способствовала значительному увеличению количества переселенцев за Урал в целом и на территорию Томской губернии, включавшей наиболее плодородные земли в особенности. Томская губерния в 1906 – 1909 гг. принимала до 50 % от общего

числа переселенцев, следующих за Урал [7, ф. 239, оп. 1, д. 24, л. 1]. В связи с указанным обстоятельством, правительство осуществляет экстренные меры по организации и улучшению качества перевозки крестьянских масс. С 1907 по 1910 гг. ежегодно созывалось межведомственное совещание по решению проблем перемещения переселенцев, которое последовательно предприняло ряд мер по улучшению перевозки крестьян.

В частности, начиная с 1908 г., ежегодно: в весенние месяцы (во время усиленного движения переселенцев) устанавливался план срочной железнодорожной перевозки крестьянских масс, распределяющий их отправку по двухнедельным очередям; в период с 15 февраля по 20 июня на железнодорожных линиях, находящихся в районе наибольшего переселенческого движения, вводились специальные поезда, следующие по определённом расписанию и согласованные друг с другом в узловых пунктах; подвижной состав поездов формировался в пределах Самаро-Златоустовской и Сибирской железных дорог, по возможности, из специальных «переселенческих» вагонов пассажирского типа; переселенческие поезда, по возможности, сопровождалась санитарными вагонами; также были обеспечены медицинское и продовольственное обслуживание переселенцев в пути (как бесплатно, так и на льготных основаниях) [11].

Государственное содействие в финансовом обеспечении переселенцев при их переезде до места водворения подразделялось на несколько видов: во-первых, практиковался льготный проезд по Сибирской железной дороге, во-вторых, осуществлялось продовольственное и медицинское обслуживание переселенцев в пути и в целом организация их передвижения по железной дороге и водным путём, в-третьих, «путевые» ссуды и безвозвратные пособия на переезд до места водворения.

Характеризуя особенности льготного проезда переселенцев по железной дороге, следует отметить, что, согласно ст. 23 «Правил о переселении на казенные земли», «перевозка сих лиц по железным дорогам, до места назначения, а равно передвижение по этим дорогам в оба конца ходоков, отправляемых переселенцами из своей среды, производится по особо устанавливаемому для них Министерством финансов пониженному тарифу» [14, ст. 23]. Согласно Положению Совета министров от 10 марта 1906 г. «О порядке применения закона 6 июня 1904 года», устанавливался размер тарифа стоимостью детского билета или ¼ цены билета на проезд поездом III класса [2, с. 39]. Например, проезд от Орла до Томска средней переселенческой семьи стоил 47 руб. 80 коп., а по «переселенческому тарифу» – 14 руб. 70 коп. Следует указать, что дети до 10 лет перевозились бесплатно. По льготному тарифу перевозилось также имущество переселенцев. Сообразно указанному Положению, практиковалась выдача неимущим переселенцам свидетельств на бесплатный проезд, но лишь в тех случаях, когда «переселение признавалось целесообразным в видах правительства» [16, с. 180]. Всего с 1 апреля 1907 г. по 20 июня 1908 г. было выдано около 50 тыс. удостоверений на бесплатный проезд, за что желез-

ным дорогам и пароходным компаниям было уплачено Переселенческим управлением свыше 350 тыс. руб. [19].

В соответствии с третьим пунктом Положения Совета министров «О порядке применения закона 6 июня 1904 года», главному управляющему землеустройством и земледелием предоставлялось право приостанавливать выдачу свидетельств на льготный проезд ходоков и переселенцев в те районы, где обнаружится недостаток свободных переселенческих участков [18, с. 73]. В 1908 г. данное право главному управляющему было существенно расширено. В частности, он мог приостанавливать выдачу свидетельств на льготный проезд не только в те районы, где обнаружится недостаток свободных участков, но и, независимо от этого, исключительно в силу «признанной им для любого района необходимости» [6, с. 24]. Стоит отметить, что правительство соответствующим образом стремилось регулировать переселенческое движение, направляя его в границы тех территорий, которые не пользовались популярностью у переселенцев.

Следует указать, что переселенцы зачастую «не поддавались на провокацию», поскольку сами «были не лыком шиты». Так, часть крестьян регистрировались едущими на Дальний Восток, на самом деле не имели соответствующего намерения. Получив право на бесплатный проезд, который полагался переселенцам в отдалённый край, они оседали на территории той же Томской губернии. Причём в обществе было широко распространено мнение о том, что правительство обязано предоставить переселенцам в пути всевозможные льготы, как то – бесплатное продовольствие, медицинское обслуживание и т. д. Крестьянская беднота в период 1907 – 1909 гг., надеясь на всякого рода правительственное содействие, зачастую, на свой страх и риск, без каких-либо существенных экономических оснований прочного хозяйственного устройства на месте водворения, прибывала в Сибирь, способствуя здесь становлению и развитию того же малоземелья и неурейства, как и в месте выбытия. Поэтому вполне естественным следует признать стремление правительства предотвратить наплыв экономически несостоятельных переселенцев, стремившихся действовать по принципу: «лишь бы вырваться, а там посмотрим...», а критику советскими исследователями столыпинского правительства за недостаточность ассигнований и плохую организацию перевозки переселенцев следует во многом признать как идеологический акт сочувствия беднейшему крестьянству.

В период 1906 – 1911 гг. организация железнодорожной перевозки переселенцев ежегодно совершенствовалась. Хрестоматийный факт того, что Государственная дума III созыва приняла постановление о необходимости замены вагонов-теплушек на более качественные специальные вагоны, что должно было произойти, по мнению авторов законопроекта, в течение трех лет. На реализацию закона была выделена достаточно существенная сумма – около 50 млн руб. Был сконструирован специальный «переселенческий вагон», характеристики конструкции которого неод-

нократно улучшались. Если поначалу в обычных товарных вагонах просто выделялось место для инвентаря и скота, то с 1908 г. в вагонах предусматривалось водяное отопление, санузел, места для приготовления пищи. Кроме них, существовали особые санитарные поезда, находившиеся в ведении специальной переселенческой медицинской службы, финансировавшейся по смете Переселенческого управления.

Рассматривая вопрос продовольственного и медицинского обслуживания переселенцев во время передвижения, необходимо указать, что инфраструктура переселенческих маршрутов включала в себя жилые бараки вдоль линий ж/д, столовые, стационарные пункты и т. д., причём многие из них обслуживали не только переселенцев, но и местных жителей [10]. С 1906 г. в пределах железнодорожных путей и водных артерий расширяется сеть переселенческих пунктов, подразделявшихся на остановочные, продовольственные, фельдшерские и врачебные, улучшается качество их оборудования. Всего с 1906 по 1910 гг. было учреждено 33 подобного рода пункта на Западном и 23 на Восточном районе передвижения. За указанный период на содержание пунктов в районах передвижения переселенцев было израсходовано более 3 млн руб. [11, с. 25 – 27]. Количество переселенцев в 1907/1909 гг. было настолько большим, что помещения этих пунктов, в силу ограниченности своих размеров, не могли вместить всех желающих. Переселенческое управление подвергалось за это справедливой критике, но предпринимало попытки выхода из создавшейся ситуации. Например, для временного пребывания переселенцев управлением спешно строились бараки, нанимались временные помещения и т. п. Общую неустроенность пунктов, располагавшихся по пути следования переселенцев, в 1906 – 1908 гг. признавали сами официальные лица. Так, заведующий переселением и землеустройством в Томском районе В. П. Михайлов в отчёте писал: «...были нередки случаи, когда переселенцы располагались под открытым небом. Теснота и духота в бараках действительно были ужасные» [7, ф. 239, оп. 1, д. 24, л. 43 об.].

С 1910 – 1911 гг. острота проблемы железнодорожной перевозки переселенцев снимается, и на первый план выходят вопросы дальнейшего совершенствования процесса перемещения крестьян к местам водворения. С целью улучшения перевозки переселенцев от железнодорожных станций к посёлкам, заведующий дорожно-строительным отделом Томского переселенческого района В. С. Оленин в объяснительной записке к сметному проекту на 1911 г. предложил организовать автомобильное и усовершенствовать пароходное сообщение [7, ф. 196, оп. 1, д. 568, л. 98], что позволило бы сделать процесс перемещения крестьян более быстрым и комфортным. В Государственной думе и Государственном совете предложение было рассмотрено и одобрено [5, с. 128 – 129], в результате чего уже в 1911 г. были начаты работы по оборудованию автомобильного сообщения от ст. Татарской Сибирской железной дороги до переселенческого посёлка Купино Томской губернии, протяжённостью в 148 вёрст, на что было израсходовано

более 10 тыс. руб. С 1912 г. в пределах губернии впервые была организована регулярная перевозка переселенцев на грузовых автомобилях по автодорогам, построенным Переселенческим управлением [7, ф. 239, оп. 1, д. 57, л. 27]. С этого времени в смете колонизационного ведомства добавились отдельные статьи 4 и 5 – на автомобильное и пароходное сообщения [7, ф. 239, оп. 1, д. 486, л. 7 – 9].

В сметный проект на 1912 г. заведующий Томским районом Н. К. Шуман внёс цифру, соответствующую 107 тыс. руб. на автомобильное сообщение и 106 тыс. руб. – на пароходное [7, ф. 239, оп. 1, д. 57, л. 84]. Представители Министерства финансов и Государственного контроля не поддержали этого начинания, считая это «лишней тратой для казны», «в крайнем случае», – считали они, – «этот расход должен проходить по смете Министерства внутренних дел», поскольку устройство путей сообщения в данном случае вызывается не задачами переселения, а стремлением осуществить мероприятия, направленные, скорее, на общекультурное развитие Сибирского края [7, ф. 196, оп. 1, д. 615, л. 74]. Стоит заметить, что правительство и депутаты, как известно, видели в Переселенческом управлении замену земства в Сибири, поэтому всё-таки выделенные в 1912 г. средства – 26 тыс. 562 руб. [7, ф. 239, оп. 1, д. 93, л. 100б.] – были израсходованы на оборудование и обслуживание автомобильной трассы между ст. Татарской и переселенческим посёлком Славгород. В 1913 г. для развития мероприятий по автомобильной перевозке переселенцев было назначено по смете Переселенческого управления уже 60 тыс. руб. [7, ф. 196, оп. 1, д. 486, л. 132].

В развитие пароходной перевозки крестьян в 1913 г., переселенческая организация Томского района купила пароход «Север» и паузок «Ягодный» в дополнение к уже ходившим «Петру Столыпину» и «Самоходу» для водной перевозки переселенцев. На их приобретение было выделено 46 тыс. руб., а на содержание – 27 тыс. [7, ф. 196, оп. 1, д. 486, л. 118]. На 1914 г. по смете Переселенческого управления было назначено 111 тыс. 800 руб. на автомобильное сообщение и 96 тыс. 078 руб. – на пароходное [7, ф. 239, оп. 1, д. 120, л. 114 об.]. На достройку и ремонт Бельгачского шоссе предполагалось потратить 18 тыс. руб. С 1 января 1914 г. автомобильная и водная перевозка переселенцев были объединены под эгидой автомобильно-пароходного отдела и финансировались по единой статье. С возникновением нового отдела появилась и контора, на которую ежегодно в среднем расходовалось около 15 тыс. руб. [7, ф. 239, оп. 1, д. 120, л. 114-114об.]. В годы мировой войны расходы на автомобильное сообщение были значительно сокращены, а на пароходное остались в прежнем размере. Таким образом, следует отметить, что на протяжении рассматриваемого периода ПУ ГУЗиЗ пыталось совершенствовать процесс перевозки переселенцев, тем самым, способствуя «экономическому и общекультурному развитию Сибири».

Помимо организации льготного проезда по железной дороге и продовольственного и медицинского обслуживания переселенцев по мере их следования до

пункта назначения, нуждающимся выдавались так называемые «путевые» ссуды, которые выделялись крестьянам, следующим от конечного пункта железной дороги или водного пути к местам своего окончательного водворения [14, ст. 36]. Комитет Сибирской железной дороги, осуществлявший руководство колонизационными мероприятиями в Сибири в конце XIX – начале XX века, ещё в середине 90-х гг. XIX в. постановил, что размер путевой ссуды не должен быть фиксированным, а обязан колебаться в зависимости от протяжённости пути и условий передвижения. Наивысший размер путевой ссуды, выдаваемой в городах Тюмени, Томске и Челябинске был определён в 50 руб. на семью, а переселенцам, следующим на Дальний Восток, разрешено было выдавать дополнительные пособия в размере также до 50 руб. По правилам от 13 июня 1899 г. Комитет официально сократил верхнюю грань путевых ссуд до 30 руб., однако стоит заметить, что фактически средний размер «путевых» ссуд не превышал 10 руб., к тому же их получала в среднем только каждая пятая переселенческая семья. Авторы официального издания Комитета «Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом» объясняют данное сокращение общим улучшением условий переезда переселенцев [9, с. 190]. По нашему мнению, Комитет, не справляясь с мощным потоком легальных и нелегальных переселенцев, вынужден был подобным образом сокращать их количество.

В годы премьерства П. А. Столыпина в соответствии с «Правилами о переселении 1908 года» размер путевой ссуды был вновь увеличен до 50 руб. Для переселенцев, следующих в Приамурское генерал-губернаторство, данный кредит составлял 100 руб. По установленному порядку ссуды выдавались не всем поровну, а «лишь в размере действительно выясненной потребности» [14, ст. 36 – 38]. Такое правило позволяло выдавать ссуды далеко не всем и не в полном размере, что объяснялось установкой правительства своевременно предотвращать наплыв бедноты, которая без широкой правительственной помощи не смогла бы нормально обустроиться в Сибири.

В силу того, что «путевые ссуды» выдавались «только нуждающимся», переселенцы порой буквально насильно требовали выдачи им ссуд под предлогом «крайней нужды» и «необеспеченности». Согласно закону, по сути дела все легальные переселенцы имели право и могли претендовать на денежную помощь в пути. Характеризуя атмосферу, царящую на переселенческих пунктах, располагающихся по пути следования крестьян, заведующий переселенческим делом в Томском районе Михайлов писал следующее: «...В любое время дня и ночи толпа в несколько сотен и даже тыс. была готова для протеста, а среди них всегда находились особые смельчаки, особенно из солдат, которые поддерживали и разжигали настроение толпы. Требование земли, общего довольствия, бесплатных билетов для проезда и поголовной выдачи путевых ссуд раздавались на всех пунктах и предъявлялись к каждому должностному лицу, которое только появлялось на пункте. Нельзя, впрочем, не отметить и того, что, за малым исключением, вся масса

переселенцев отличалась отсутствием личных средств, в силу чего очень много переселенцев пришлось отправить по бесплатным билетам, и очень многим выдать денежное пособие» [ф. 239, оп. 1, д. 24, л. 11 – 12].

По нашим подсчётам, на выдачу «путевых» ссуд переселенцам в Томскую губернию за годы проведения Столыпинской аграрной реформы было выделено по смете Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия около 167, 5 тыс. руб. Данная цифра составила 0,5 % от всех сметных расходов на переселенческое дело в Томской губернии за 1906 – 1916 гг. и 1, 1 % от ссудного кредита [12]. Наибольший размер путевых ссуд и безвозвратных пособий был выдан в 1908 г., так как именно в это время в пределы губернии проследовало наибольшее количество переселенцев. За 1910 – 1911 гг. количество переселенцев значительно сократилось, а размер ссуд оставался на прежнем уровне (около 20 тыс. руб.) вплоть до начала 1-й Мировой войны, что свидетельствует о перераспределении высвободившихся денег на улучшение качества перевозки.

Выявляя оценки деятельности правительства П. А. Столыпина по реализации и финансовому обеспечению перемещения переселенцев в Сибирь в 1906 – 1911 гг. следует отметить, что к достаточно весомым бюджетным расходам государства на перевозку переселенцев отношение было весьма неоднозначным как среди современников (проводников политики и общественных деятелей), так и среди исследователей проблемы.

Главноуправляющий землеустройством и земледелием Александр Васильевич Кривошеин, постоянно добивавшийся увеличения ассигнований по своему министерству, относился несколько неодобрительно к увеличению расходов на перевозку переселенцев. Особенно негативно он отзывался о выделении 48 млн руб. на производство переселенческих вагонов. По мнению А. В. Кривошеина, которое он изложил в аналитической записке по результатам поездки в Сибирь, «перевозка переселенцев по Европейской России и вообще по железным дорогам проходит у всех на глазах, и только оттого она и привлекает наибольшее внимание. Забывают при этом обычные условия, в которых живут переселенческие семьи на родине и будут жить в Сибири... В пути многие находят непривычные даже удобства» [13, с. 170.]. По словам Кривошеина, переселенец «никогда не имел дома таких удобств, как в этих вагонах, и не будет иметь их в Сибири. Едет он всего 2 – 4 недели, а потом будет жить на новом месте много лет, и уж лучше на него потратить больше средств».

Крупные ассигнования на перевозку переселенцев беспокоили проводников политики, которые, в частности, отмечали, что «расход, падающий на казну, является значительным, а польза от установленной льготы (бесплатный проезд по железной дороге) представляется спорной» [17, с. 16], поскольку простое перемещение массы малоимущих крестьян из одного места в другое экономически нецелесообразно. Учитывая обозначенное мнение, в 1909 г., обсуждая про-

ект сметы расходов Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия на 1910 г., переселенческая комиссия Государственной думы признала, что «безусловно, нежелательно оказывать какое-либо материальное содействие к выселению маломощных элементов, прочное устройство которых на новых местах водворения заранее обречено на неуспех» [6, с. 98].

Заручившись поддержкой депутатов, в июле 1909 г. главноуправляющий землеустройством и земледелием представил в Совет министров проект постановления о прекращении бесплатной перевозки переселенцев и ходоков, в котором просил предоставить ему право ещё на два года принимать стоимость льготного проезда по железнодорожным и водным путям «на счёт кредитов переселенческой сметы, только в случаях, заслуживающих особого уважения» [19]. Правительство удовлетворило просьбу главноуправляющего, сочтя необходимым в ближайшее время полностью прекратить бесплатную перевозку, ибо «она способствует переселению в Сибирь лиц несостоятельных, мало пригодных для заселения отдельных местностей», и привлекать для участия в колонизационном процессе только «наиболее крепкие в хозяйственном отношении элементы русского крестьянства» [16, с. 181]. Проблема в том, что те самые «крепкие элементы» участвовать в переселенческом процессе не спешили, что всё-таки вынуждало правительство обеспечивать переезд не- и малоимущего крестьянства за счёт государственных льгот. Следует указать, что появление данного решения было связано с началом проведения «нового курса» в колонизационной политике, который обозначился ещё при жизни П. А. Столыпина и который можно охарактеризовать как переход от преимущественно количественного выселения крестьян из центральных областей России к приоритету их качественного обустройства в Сибири.

Один из чиновников Переселенческого управления и одновременно исследователь проблемы В. П. Вошинин в целом положительно оценивал содействие государства в процессе перевозки переселенцев, отмечая, что к 1912 г., по сравнению с предшествующим временем, условия перевозки переселенцев «видоизменились к лучшему». Перемена была связана с той относительной стабильностью, которая установилась с обозначенного времени. К 1912 г. количество переселенцев сократилось, перевозка стабилизировалась, забота правительства о качестве перевозки и водворения переселенцев вышла на первый план.

К расходам на выдачу «путевых» ссуд отношение также не было однозначным. Одни считали, что размер отпускаемых средств недостаточен, другие утверждали, что размер «путевых» ссуд необходимо сокращать. Просчитывая финансовую сторону переселенческой кампании 1907 г., Переселенческое управление сообщило, что сумма государственных расходов на устройство одной семьи в Сибири составляет примерно 182 руб. Причём на руки в виде ссудной помощи выдавалось в среднем 115 руб. (остальное на заготовку переселенческого участка). Из

них: на хозяйственное устройство – 100 руб.; на «общеполезные надобности» – 13 руб.; на путевые ссуды – 2 руб. [4, с. 147-148]. Последняя цифра – показатель того, что путевые ссуды предоставлялись действительно в достаточно ограниченном объёме, за что правительство неоднократно подвергалось острой критике со стороны как современников, так и историков.

Даже исследователь, занимавший «официальные» позиции, А. А. Кауфман указывал, что в пути, а также на месте в течение одного года, в результате невзгод, перенесённых в пути, умирало ежегодно до 6 % переселенцев [8]. Многие публицисты помещали в периодические издания заметки, где рисовали страшные картины бедствий, которые терпели переселенцы при переезде до места водворения [15]. Необходимо отметить, что эти свидетельства относятся в основном ко второй половине XIX – началу XX вв., что было связано с неопределённостью правительственной политики по этому вопросу на рубеже веков, огромным количеством переселенцев в 1906 – 1908 гг. и т. д. Всё это приводило к тому, что неотлаженная система давала сбои, что наносило урон качественной постановке переселенческого дела. С 1909 г. проблема перемещения переселенцев до места водворения, несомненно, решается.

Тем не менее многие специалисты советского периода подвергали критике правительство П. А. Столыпина за недостаточность финансового обеспечения колонизационных мероприятий в целом и перевозки переселенцев в частности. К примеру, в своём обобщающем труде Л. Ф. Складов отомечал, что в годы Столыпинской аграрной реформы положение не изменилось: «Царское правительство не оказало нуждающимся переселенцам должной помощи в пути, ...которая предоставлялась далеко не всем и в ничтожных размерах». Автор свидетельствовал, что за период с 1907 по 1911 гг. в землеустроительные комиссии 47 губерний Европейской России ходатайства о путевой ссуде подали 3 тыс. семей. Лишь половину из них комиссии признали «заслуживающими удовлетворения», но и из этих «счастливчиков» ссуду в полном размере получили только те, кто следовал на Дальний Восток, так как эта территория признавалась зоной государственных интересов России [16, с. 179].

Другой крупный историк В. Г. Тюкавкин, в конце XX – начале XXI вв., пересмотрев свои взгляды, отмечал положительные стороны в деятельности столыпинского правительства по перевозке крестьян. В частности, он указывал, что огромная работа переселенческого аппарата, железнодорожных служащих, врачей, санитаров – всей армии обслуживающего персонала, составляла главную положительную сторону организации переезда переселенцев до места водворения. На средства, ежегодно отпускаемые из Государственного бюджета для организации и обслуживания переселенческого движения в Сибирь, была создана действенная система продовольственного, медицинского, санитарного обслуживания переселенцев [20, с. 240].

Таким образом, исследование вопроса показало, что к 1911 г., по сравнению с 1906 г., произошло

улучшение качества перемещения крестьянского населения в Сибирь, что было связано как с объективными, в виде сокращения количества переселенцев с 1910 г., так и с субъективными, связанными с активным правительственным содействием и существенным финансовым обеспечением, обстоятельствами. В период 1907 – 1909 гг. в Сибирь прибыло максимальное количество переселенцев: около 1711436 крестьян (более 500 тыс. ежегодно), из них – более 40 % разместились на территории Томской губернии. Поэтому в обозначенное время правительство П. А. Столыпина уделяло приоритетное внимание решению и существенному финансовому обеспечению проблем, связанных с физическим перемещением массы крестьян на восток страны, и в этом направлении был сделан ряд существенных шагов. Значительное количество переселенцев, в массе своей представлявших деревенскую бедноту, в эти годы требовало серьезных государственных расходов на обеспечение условий их перевозки и первоначального «домообзаводства», в связи с этим «переселенческий бюджет», в это время – «выселенческий», направленный на реализацию мер по организации собственно процессов переселения крестьянских масс из Европейской России в Азиатскую.

К 1910 – 1911 гг. подавляющая часть проблем, связанных с перевозкой переселенцев и землеобеспечением переселившихся крестьян, были в той или иной мере решены, что позволило Переселенческому управлению сосредоточить усилия государства на хозяйственном обустройстве переселившихся крестьян в Сибири, развитии социальной инфраструктуры в переселенческих посёлках, поэтому «переселенческий бюджет» 1911 – 1916 гг. – скорее, «земский». В этот период удалось добиться стабильности и постепенности в перевозке переселенцев, что позволило развивать новые виды перемещения населения. Следует отметить, что негативные оценки действий столыпинского правительства по исследуемому вопросу связаны в большей степени с фактором идеологической конъюнктуры, хотя следует признать, что в 1907 – 1910 гг. органам, осуществлявшим колонизационные мероприятия, в том числе и перемещение крестьян, не удалось обеспечить качественную составляющую процесса вследствие чрезмерной массовости переселенческого движения. Стремление правительства к сокращению размеров проездных пособий и «путевых» ссуд, очевидно, было связано с политикой ограничения выезда в Сибирь экономически несостоятельных переселенцев, что в целом можно оценить положительно.

Литература

1. Азиатская Россия. Т. 1. – СПб., 1914.
2. Белянин, Д. Н. Столыпинская переселенческая политика (1906 – 1914 гг.) / Д. Н. Белянин. – Кемерово, 2003.
3. Борзунов, В. Ф. История создания Транссибирской железнодорожной магистрали XIX – нач. XX вв. / В. Ф. Борзунов: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Том. гос. ун-т. М., 1972.
4. Вопросы колонизации. – 1908. – № 2.
5. Вопросы колонизации. – 1911. – № 11.
6. Вошинин, В. П. Переселенческий вопрос в Государственной думе III созыва / В. П. Вошинин. – СПб., 1912.
7. Государственное учреждение Томской области «Государственный архив Томской области» (ГУТО «ГАТО»).
8. Кауфман, А. А. Переселение и колонизация / А. А. Кауфман. – СПб., 1905.
9. Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. – СПб., 1900.
10. Переселение в Сибирь и на Кавказ // Энциклопедия П. А. Столыпина // Фонд изучения наследия П. А. Столыпина; [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stolypin.ru/encyclopedia/> (дата обращения 05. 12. 2011).
11. Переселение и землеустройство за Уралом в 1906 – 1910 гг. Отчет по переселению и землеустройству за 1910 год. – СПб., 1911.
12. Подсчитано нами по: ГУТО «ГАТО». Ф. 3. Оп. 46. Д. 759. Л. 37об.; Ф. 196. Оп. 1. Д. 461. Л. 75об.; Д. 486. Л. 20; Д. 545. Л. 8об.; Д. 568. Л. 5; Д. 634. Л. 91об.; Д. 615. Л. 20об.; Д. 714. Л. 10об.; Д. 785. Л. 114об.; Ф. 239. Оп. 1. Д. 57. Л. 7об.; Д. 120. Л. 116об.; Д. 123. Л. 8об.; Д. 129. Л. 9.
13. Поездка в Сибирь и Поволжье: Записка П. А. Столыпина и А. В. Кривошеина. – СПб., 1911.
14. Свод законов. Т. IX. Особ. прил. кн. VIII. По прод. 1912 г. Правила о переселении...
15. Сибирская жизнь. – 1908. – № 12 (208).
16. Скларов, Л. Ф. Переселение и землеустройство за Уралом в годы проведения Столыпинской аграрной реформы / Л. Ф. Скларов. – Л., 1962.
17. Смета доходов, расходов и спецсредств Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия на 1908 г. – СПб., 1907.
18. Соловьёва, Е. И. Переселенческая политика царизма в период Столыпинской аграрной реформы // Материалы по истории Сибири. Сибирь в период капитализма. Вып. 3. – Новосибирск, 1967.
19. Столыпин, П. А. Программа реформ П. А. Столыпина. Документы и материалы. Т. 2. О бесплатной перевозке переселенцев и ходоков в 1909 и 1910 годах. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/libris/stolypin/stpn2_22.html. Проект «Хронос»: Всемирная история в Интернете (дата обращения 05.12.2011).
20. Тюкавкин, В. Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа / В. Г. Тюкавкин. – М., 2001.

ЭТАТИЗМ И КОЛОНИЗАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ (1906 – 1911)

А. Ю. Карпинец, Н. М. Морозов

STATISM AND COLONIZATION IN TOMSK PROVINCE (1906 – 1911)

A. Yu. Karpinets, N. M. Morozov

В статье рассмотрена ментальная природа российского этатизма и особенности его проявлений в действиях органов государственной власти, осуществлявших колониационную политику в Томской губернии.

Ключевые слова: колониационная политика, государство, крестьянский мир, архетипические образы, неосознаваемые стереотипы, этатизм.

The article discusses the mental nature of the Russian statism, and especially its manifestations in the actions of public authorities, carrying out policies of colonization of Tomsk.

Keywords: colonization policy, the state, the peasant world, archetypal images, unconscious stereotypes, statism.

Реформа начала XX в. в России, названная именем П. А. Столыпина (1862 – 1911), в силу провозглашённых многоцелевых намерений и определяющего влияния на трансформацию сибирского крестьянства, всегда интересовала отечественных историков. Выполняя социальный заказ на выделение из этого опыта прошлого рецептов эффективных преобразований, они подчёркивали особую роль Томской губернии в 1906 – 1911 гг., принявшей около 940 тыс. переселенцев [11; 27; 30; 40; 41; 42; 44; 46; 49]. В начале XXI в., по мере осмысления тенденций в аграрной политике государства, в том числе просчётов при формировании в 1990-е гг. фермерства – нового слоя сельхозпроизводителей, потребность в подобных изысканиях возросла.

Ценность исследовательских проектов стала определяться не только вычленением специфики и глубиной в детализации влияния внешних факторов и новых внутренних порядков на жизнь крестьянского мира, но и приумножением аналитических способов измерения процессов, сопровождавших колониационный бум. В последние два десятилетия учёные переоценили прежние концепции, дистанцировались от ранее доминировавшего классового подхода [53, с. 87 – 94] и сосредоточились на разработке проблематики переселений с позиций поступательного развития производительных сил Сибири и её отдельных территорий [4; 45, с. 28 – 50; 52; 56, с. 15 – 25], осмысления степени подготовленности и достаточности мер по организации перемещения людей [7; 18] и финансированию сельскохозяйственной инфраструктуры на местах [21], по распространению передовых систем землепользования [16; 47] и других критериев, характеризовавших практику государственного администрирования. Технология постижения указанной проблематики выстраивалась преимущественно на основе неопозитивистской интерпретации логически выстроенных фактов демографического, экономического, внутри- и геополитического порядка, в реальности материализовавших причины и ход новой волны колонизации Томской губернии. Вместе с тем приоритет материалам, отражавшим осознанные действия представителей основных субъектов, вовлечённых в реформу (российское общество, государство и крестьянство как социальная группа), замыкал исследова-

телей в пространстве рациональных смыслов и поступков, которые казались достаточными для установления причинно-следственных и других связей между имевшими место событиями и явлениями.

Не отрицая важности этой части информации, почерпнутой из источников, заметим, что в ней снималась большая часть психических связей, наличествующих на подсознательном уровне, в действительности выполнявших функцию регулятора мышления и поведения организаторов и участников рассматриваемого исторического процесса. В современном междисциплинарном пространстве гуманитарных и естественных наук сформировалось понимание непреложности адаптивной природы неосознаваемых психологических автоматизмов, специфичных для больших социальных групп, и их основополагающего воздействия на все сферы жизни общества [17, с. 23–25; 39, с. 14 – 107]. Вновь актуализируются идеи В. Дильтея (1833 – 1911), призывавшего придать психологизму статус принципа исследования, и Миллюкова П. Н. (1859 – 1943), считавшего психологию человека конечной, основной клеткой исторического анализа [51, с. 94]. Поэтому не вызывает сомнений методологическое значение ментального измерения колониационной политики царизма в Сибири, то есть реконструкции элементов её психолого-исторической заданности. Познавательные возможности указанного подхода очевидны при его использовании в качестве дополняющего компонента к неопозитивистской методике изучения реформы, результативность которой прямо пропорциональна объёму и видовому разнообразию привлечённых правдоподобных сведений, научных идей и исследовательских приёмов.

В своё время выводы о финансовом сопровождении переселения крестьян в Томскую губернию, сформулированные на основе анализа статистической отчётности, позволили одному из авторов настоящей статьи (А. Ю. Карпинцу) утверждать о существовании в недрах государства чёткого и отлаженного механизма действий органов центральной власти и губернского уровня, который определялся сложившимися традициями составления и исполнения бюджета [21, с. 21]. За скобками остался вопрос «Почему указанный механизм был устроен так, а не иначе?». Не умаляя значения долгосрочных и ситуативно-осоз-

нанных решений и действий властных структур, наполнявших картину повседневности в организации переселенческого движения, полагаем, важно воссоздать и учитывать систему общих представлений участников событий о должном, что не могло быть напрямую высказано и тем более осмыслено, что воспринималось как само собой разумеющееся, не являясь тенденциозным [15, с. 231], но бессознательно и бесконтрольно предопределяло участие государства в перекраивании социального ландшафта Томской губернии. Речь идёт о соотношении выявленных в менталитете русских истоков специфики российской государственности со сложившимся к началу XX в. в её недрах механизмом реализации собственных инициатив по преобразованию крестьянского мира.

Решение этой задачи облегчается с помощью разработанной Н. М. Морозовым конфигурации менталитета русских, составленной в системе их традиционного троичного мышления и в проекции архетипов,

архетипических образов и неосознаваемых стереотипов (см. таблицу). Тезисно напомним её обоснование.

К менталитету, на наш взгляд, следует отнести неосознаваемые мыслительные и поведенческие автоматизмы, выработанные в этнической среде, интерпретация которых излагается на основании концепции архетипов К. Г. Юнга. Согласно классическому психоанализу, многократное и длительное повторение (в течение многих столетий) переживаний, страхов, стрессов сформировало общие для всего человечества архетипы. Это наследуемые базовые формы, лишённые какого-либо содержания, но которые активизируются в жизненных ситуациях, соответствующих данному архетипу. Они воспринимаются через образы, мотивы, идеи, символы, выражающие наиболее фундаментальные взаимоотношения и цели конкретного общества, определяющие направленность человеческой активности в то или иное историческое время [60, с. 215].

Таблица

Структура менталитета русских в системе традиционного троичного мышления и в проекции архетипов, архетипических образов и неосознаваемых стереотипов

<i>Архетипы</i>	<i>Мать – сыра Земля</i>	<i>Великий отец</i>	<i>Эго</i>
Персона (является внешним проявлением того, что мы предъявляем реальности)	Мир (как модель духовного и материального единения людей), коллективизм, этоно и веротерпимость	образ Вождя – сакрализация, авторитарность, аерархичность	образ Воина-хлебопашца , богатыри русских былин, великие полководцы
Самость (архетип целостности и порядка)	Мобилизационный тип развития (как модель оптимального соотношения между потребностями и условиями развития мирского) экстенсивизм, заимствование новаций	Державность (как модель управления), этатизм, патернализм	Душа (как модель устройства внутреннего мира человека) – приоритет внутренних духовных ценностей над материальными
Договор (архетип возможных отношений)	Правда (высшее воплощение всего положительного) справедливость, двоемыслие	Негласный договор (как модель легитимности власти), служение	Достаток (как мера минимальных индивидуальных потребностей) – трудолобие, «авось» – проблема
Младенец (выражение эмоциональной неуравновешенности и фантазий)	Идеи обращённости в прошлое и будущее, мессианизм	«Вручение себя» (как модель связи с сакральным), патронат	Воля (как идея свободы, соединённой с ощущением простора) – идея бунта, безмерность, слабый самоконтроль

Архетипы являются продуктом подавленных переживаний, несут в себе как созидательные, так и деструктивные аспекты. Они узнаваемы во внешних поведенческих проявлениях, связанных как с обыденными, так и с критическими жизненными ситуациями – рождением, браком, материнством, смертью с ещё многими событиями. Теоретически возможно любое число архетипов [8, с. 26 – 33; 34, с. 36 – 37; 37, с. 20 – 87; 50].

В результате анализа достоинств и слабых мест исследовательских стратегий по составлению структуры менталитета был сделан вывод, что в решении этой проблемы следует учитывать духовные пред-

ставления русских, доминировавшие в XIII – XVI вв., – в период становления молодой российской цивилизации, вокруг которых изначально формировалась их этническая идентичность.

У русского человека, проживавшего в сложных природных для хозяйствования условиях, в агрессивной внешнеполитической среде и ощущавшего на себе опосредованное влияние территориальной необъятности, выработалась способность синкретичного и образного восприятия жизненных обстоятельств, интуитивно чувствовать их крайние состояния и одновременно возможности срединного пути, внутренние мотивы примирения. С широким проникновением в

начале XVIII в. в интеллектуальную среду России научного рационализма с бинарными объяснительными схемами, были заимствованы антиномии, и уже в XIX – XX столетиях в общественном сознании стала характерной абсолютизация противоречий, ослабившая внимание к существующей рядом сфере «между» [2, с. 125 – 133].

Троичный тип мышления воспроизводит в симбиозе языческого и православного представлений об устройстве мира его древнеарийское мистическое понимание в троичном измерении: Бог как мир, Бог как таковой, Бог как человек, и его восприятие на уровне врождённого бессознательного в конфигурации симметричных связей с архетипическими формами, восходящими соответственно: к природному началу – Мать-сыра Земля – символу жизненного круговорота, характерному для многих земледельческих народов, ощущаемому как общество-мир; к архетипу Великий Отец – как собственно божественное, и Эго – как внутренний мир человека [3, с. 77 – 84; 10, с. 25 – 30; 23, с. 162; 36, с. 165 – 167; 55, с. 44 – 53].

Отметим, что в сновидениях и фантазиях членов исследуемых К. Г. Юнгом групп, указанные архетипические формы выступали в персонифицированном виде. Не вызывает сомнений, что в менталитете русских они являются системообразующими, в многозначных образах запечатлевшими соответственно: природу крестьянского мира; сакральную сущность Вождя, символизирующего важнейшее звено государственности, и этнического прототипа. Обнаружить психологические доминанты, обусловившие смысловую неисчерпаемость персонифицированных форм, позволяет другая группа архетипов – трансформации (Персона, Самость, Договор, Младенец и другие), имеющих аналогичную неисчерпаемую информативность, но выраженных типичными ситуациями, мотивами, средствами, моделями поведения [59, с. 117 – 120].

Функциональная согласованность архетипов позволяет продолжить наложение на полученную матрицу родственной группы универсальных образов, идей, моделей поведения русских, известных по научной литературе как некоторые из признаков, идентифицирующие российскую цивилизацию, выделенные по принципу поглощения других, на наш взгляд, конкретизирующих значений. Представленные в таблице образы (Мир, Мобилизационный тип развития, Правда, образ Вождя, Державность, Негласный договор и другие) демонстрируют взаимную близость на сущностном уровне, то есть понимание каждого оказывается невозможным без обращения к природе остальных. Всё это даёт основание рассматривать указанные компоненты, относящиеся к коллективному бессознательному уровню психики, как базовые в структуре менталитета русских.

Так, исследователи крестьянства (М. М. Громыко, А. В. Камкин, В. К. Трофимов и другие) констатировали, что в коллективном и индивидуальном сознании русских проявление социоприродного начала ассоциировалось с образом сельского (деревенского) мира – сложившейся в течение многих столетий оптимальной модели духовного, производственного и гражданского единения людей [13; 20, с. 5; 48, с. 26 – 27]. Мобилизационный тип развития социума и регулиро-

вание отношений с позиций Правды были отзывчивы к требованиям державной власти, прочно занявшей центр интеллектуального пространства русских [29, с. 175 – 184].

Характеризуя русскую модель управления, Ю. М. Лотман утверждал об архетипичности «негласного договора» – системы чётко не фиксируемых, но всеми подразумеваемых взаимных обязательств между властью и обществом. Договор же, не освященный желательным авторитетом веры, «крепости» не имел. Поэтому слово, данное сатане (или его земным заместителям), надо нарушить [25, с. 349]. В свою очередь, образ «Вручение себя», по его мнению, указывает на служение безусловным ценностям, например, вождю, свободе, «общему делу» и другим символам, приобретшим ореол святости, которые по различным причинам периодически овладевали народными массами.

Остановимся на дальнейшей конкретизации менталитета. С этой целью следует обратить внимание на понятие «стереотип», за последние два десятилетия получившего многочисленные интерпретации и сложную видовую градацию по направленности: на этнические, динамические, конфессиональные, гендерные, авто- и гетеростереотипы и другие [5; 9, с. 18 – 35; 22; 38; 43]. Общим местом стало понимание того, что непосредственное отношение к менталитету имеют коллективные неосознаваемые стереотипы поведения (устойчивые, регулярно повторяющиеся модели поведения в той или иной социокультурной группе, которые зависят от функционирующей в этой группе ценностно-нормативной системы) и сознания (фиксирующие идеальные представления ценностно-нормативной системы, выступающие основой для формирования стереотипов поведения).

В отличие от архетипов и их образов, неосознаваемые стереотипы по своей сути более конкретны и функционально менее друг от друга зависимы вследствие того, что контролируют менее масштабные предметные пространства коллективной памяти. Они неизбежно проникают в психику индивида не в виде генетической наследственности как архетипы, а по многочисленным каналам в ходе воспитательного процесса: через речь, копирование навыков мышления и поведения родителей, бабушек, других нянек, сказки, песни, наблюдение бытовых ситуаций и других социальных практик, типичных для традиционного и современного общества. Знание предметной специализации неосознаваемых стереотипов позволяет соотнести их с пространством архетипических образов по принципу наличествующей согласованной направленности, при этом очевидны преемственные смысловые отношения, связывающие указанные компоненты в систему этнического менталитета.

Внесённые в матрицу стереотипы (коллективизм, этно- и веротерпимость, сакрализация, авторитарность, иерархичность, служение и другие) ранее были выявлены и описаны многими авторами на основе материалов из истории России. Так, наряду с коллективизмом, представляющим собирательную модель приоритетов общности поведения людей, в литературе упоминаются частные вариации его видения, например: общинность, артельность, соборность.

Неоднозначно выглядит познавательная ситуация вокруг стереотипов, обуславливающих индивидуаль-

ность русского человека. Нетрудно заметить, что безмерность, слабый самоконтроль и трудолюбие могут характеризовать представителей многих этносов. Речь должна идти о том, какое значение они обретают в конфигурации ментального поля в условиях конкретной историко-культурной обстановки.

Исследователи отмечают трепетное отношение русских к Правде, символизирующей олицетворение всего положительного. Быть праведным означало быть мирянином, жизненный путь, отдельные мысли и поступки которого с благоговением воспринимались обществом. Образ Правды конкретизируется в стереотипном мотиве справедливости, который в широком смысле представляется должным, соответствующим взглядам индивида или социальной группы на сущность человека и его права. В течение длительной и богатой сюжетами истории поисков правды в справедливости, в обществе сформировались поведенческие ориентации: на максимализм, доходить до крайностей на пути к высшим ценностям, внутреннее ценностное понимание границы между хорошим и плохим, названное совестью.

Параллельно с утопичной, по сути, справедливостью сформировался стереотип «двоемыслия» как продукт повторяющихся суровых уроков рассогласованности между должным и обстоятельствами его исполнения. Его проявления известны во всех сферах жизни, например: в сосуществовании обрядового православия и отправления языческих культов; в принятии планов, по оценке деятельности по фактическим результатам; в ценности не конечных результатов, а самого процесса продвижения к ним, и ещё во многих формах, имитирующих следование идеалу справедливости, сложившемуся в конкретное историческое время и в конкретной социальной группе.

Исследователи, нередко без особых условий выбрали угол зрения, чтобы выделить стереотипы и их истоки. Так, в поиске следов присутствия в менталитете таких чувственных форм, как радость, счастье и страдания, А. А. Григорьева нашла причину русского «авось» в счастье, доставшемся по глупому случаю, по милости судьбы [12, с. 14]. Хотя другим авторам адаптивное начало стереотипа «авось»-поведения виделось из ситуаций, предупреждавших, что нельзя надеяться на случайность и надо всегда быть готовым к столкновению с ней [28, с. 11].

Не вызывает сомнений, что кратко изложенные и другие компоненты менталитета русских участвовали в генерации ментальной природы исторически изменчивой российской политической системы, в которой архетип целостности и порядка выразился в образе Державности, символизирующей модель управления с доминирующим государственным началом в идеологии и политике центральных органов власти [26, с. 118]. В Державности закрепился опыт многих поколений по культивированию ценностно-рационального приоритета общественной направленности социальных отношений, выстроенных на основе стереотипизированных принципов, а именно: экстенсивизма (принцип взаимодействия государства, общества и природной среды); мессионизма (принцип взаимодействия государства, общества и внешнего мира), патернализма (принцип взаимодействия государства и индивида) [24, с. 455]. В трудах историков по колони-

зационной политике в Томской губернии можно встретить многочисленные подтверждения о следах указанного опыта в действиях официальных структур. Сопоставление истоков приведённых фактов о разработке и реализации управленческих решений позволяет в контексте представленной ментальной аналитики полагать о предзаданности общего механизма действий органов центральной власти и губернского уровня. В этом убеждает зафиксированная исследователями приверженность управленцев этатизму – принципу взаимодействия государства с гражданским обществом.

Циркулировавшие в большинстве трудов знания об этатизме (фр. *etate* – государство) на уровне реплик обязывают обратить внимание на то, как в историографии уточнялось его содержание. Рассмотрим выявленные три варианта дефиниции. В первом случае, с общетеоретических позиций, подразумевалось направление общественно-политической мысли, расценивающее государство как высший результат и цель общественного развития. Процесс этатизации означал усиление государственного вмешательства во все сферы общества и, как правило, связывался с невозможностью для общества самостоятельно регулировать социальные отношения [14, с. 195 – 196; 58, с. 115]. Во втором случае этатизм рассматривался в виде политической доктрины, появившейся в конце XIX века и предусматривавшей расширение прямого вмешательства государства в социальную и экономическую жизнь страны (идеи Б. Дизраэли, О. фон Бисмарка, К. Ататюрка) через перераспределение ресурсов с целью смягчения социальных противоречий и предотвращения революционных тенденций [54, с. 433 – 434]. Усиление участия государства в хозяйственной жизни исследователи называли экономическим этатизмом [1, с. 26]. В диссертации Н. С. Шкурко его российский вариант показан специфической формой реакции властных структур на кризисные ситуации в попытке сохранить прежнее состояние государственности или создать новые основания [57, с. 11]. Таким образом, все авторы сходились во мнении, что государство выступало источником социального развития (а также стабилизации и механизмом регулирования противоречий между противостоящими социальными полюсами), особенно в тех случаях, когда по каким-то причинам с этой ролью не справлялись институты гражданского общества.

Несовпадающие смысловые акценты дефиниций на самом деле, непротиворечиво, с различных концептуальных ракурсов, высветили многообразие проявлений этатизма как неосознаваемого стереотипа-принципа, которые имели место во многих странах. В истории России указанный стереотип был востребован народными массами и элитами, не отличавшимися ровным отношением к государственной опеке. Можно выделить периоды с особыми групповыми мотивами следовать указанному принципу, связанные с тенденциями в трансформации экономики и циклическим чередованием политических реформ и контрреформ. С этих позиций согласимся с В. И. Пантиным и В. В. Лапкиным, называвшим реформой «... не просто изменение системы государственного управления (подобное происходило в России практически при всех режимах – от Ивана Грозного до Петра I или

Сталина), а по преимуществу либерализацию политической и экономической жизни, на основе которой происходят дифференциация и усложнение политической системы как таковой» [32]. Например, в XX веке периодами реформ авторы считали: 1905 – 1911 гг., 1922 – 1927 гг., 1956–1958 гг., с 1985 г. и далее за ними следовали непродолжительные, в 3 – 5 лет, переходные фазы, затем контрреформы: 1929 – 1953 гг., 1971 – 1982 гг.

Смысл контрреформ учёный-экономист В. Т. Рязанов сформулировал как «... некие преобразования с нерыночной ориентацией, корректирующие предыдущую фазу в соответствии с имеющимися внутренними и внешними ограничителями, или смену на более приемлемый вариант рыночного хозяйствования, отличный от существующих в мировой экономике образцов» [19]. И далее исследователь отмечал присутствие в государственных кругах и обществе двух существенных мотивов: реставрационного, связанного с определенными настроениями и социально-политическими силами, делавшими ставку на обновление ушедшей в прошлое модели хозяйствования, приспособление её к новым условиям; вторым мотивом могла быть выработка альтернативного курса экономического реформирования. Из сказанного следует, что этатизм как устойчивый социальный стереотип, не лишён динамики и объяснимой последовательности в своих проявлениях. В период проведения столыпинской реформы его опосредованная регуляция мышления и действий представителей центральной власти была сопряжена с вызревшими в недрах государства и формирующегося гражданского общества мотивами на либерализацию экономической и политической систем, и у крестьянства – на освоение имевшихся в Сибири свободных территорий с плодородной почвой.

Управляющая элита – как основной носитель рассматриваемого принципа – в своих воззрениях на должную роль государства в колонизационном процессе сохраняла преемственность взглядов на контроль за перемещением населения в Сибирь, осуществлявшимся и в прежние времена. Вместе с тем в новых исторических условиях значительно расширился спектр либеральных проявлений этатизма. Так, правительственная политика, вместо ранее пассивно-безличного или запретительного отношения к переселениям на отдельные территории Томской губернии, переориентировалась на поощрительные меры [6, с. 20 – 21]. П. А. Столыпин и его сторонники, увязывая решение земельных проблем крестьянства с необходимостью дальнейшего формирования гражданского общества, видели в последнем опору для укрепления государственности [33, с. 35 – 98; 31, с. 69]. Таким образом, вырисовывались новые векторы установок этатистски ориентированных управленцев – от жёсткой административной опеки крестьянства, не обладавшего земельной собственностью, к переводу отношений внутри этой социальной группы и её взаимодействия с внешним миром на основе новых гражданско-правовых условий землевладения.

Некоторые исследователи сибирской колонизации в начале XX в. указывали на то, что одна часть намеченной программы имела собственно «переселенческий», а другая – «земский» характер [35, с. 31 – 32].

В Томской губернии в ходе реализации указанной программы к её первой части можно было отнести такие мероприятия, как:

- поиски новых земель для колонизации путём снаряжения научных экспедиций для сельскохозяйственного изучения ещё не заселённых районов и экономического обследования старожилов хозяйств с целью выяснения излишков, выдача «домообзаводственных» ссуд;

- нарезка переселенческих участков, помощь переселенцам в передвижении до места водворения;

- врачебно-продовольственная помощь переселенцам по пути передвижения до места водворения.

К мероприятиям «земского» характера, относились следующие:

- врачебно-продовольственная помощь переселенцам (не на пути передвижения, а в местах водворения);

- выдача ссуд на «общепользные надобности», то есть на устройство школ, церквей, мелиорации, общественных зданий в переселенческих посёлках, производство дорожных и гидротехнических работ;

- организация сельскохозяйственных складов с целью распространения улучшенных семян и орудий труда;

- ветеринарная и агрономическая помощь, борьба с эпидемиями и помощь сиротам-переселенцам.

Анализ показателей бюджетного обеспечения крестьянской колонизации позволил выявить основные тенденции в её финансировании, а именно: сокращение с 1911 г. денежной поддержки собственно переселенческой составляющей и, напротив, увеличение ссудных средств по статьям «земской» части, направляемых на экономическое укрепление уже осевших в губернии семей. Выделенные деньги, несомненно, способствовали подъёму общего экономического и культурного уровня жизни в регионе. Их освоение с ежегодным повышением сумм по всем статьям расходов обусловило заметное развитие аграрного сектора [21, с. 21, 23].

Подведём итоги. Всё сказанное даёт право полагать, что основой сложившегося механизма управления бюджетом переселенческой политики в Томской губернии помимо других факторов явились представления чиновников центральных и губернских органов власти о надлежащих и целесообразных в рассматриваемый период взаимоотношениях государства с им же преобразуемым сельским миром. В ментальном измерении позиция властей о должном в этом вопросе соответствовала приверженности этатизму, воспринимаемому как само собой разумеющемуся активному участию государства в обеспечении жизнедеятельности подданных. Осознание важности такой меры по преодолению аграрного кризиса, как создание частнохозяйственной и юридической базы в целях формирования в крестьянской среде основ гражданского общества, обусловило существенное расширение спектра либеральных проявлений этатизма. Они выразились в комплексном подходе к организации и финансированию переселения в регион с последующим приоритетом в обеспечении новосёллов некоторыми элементами производственной и культурно-бытовой инфраструктуры. Устойчивость этатистских установок реформаторов в период проведения масштабных

преобразований крестьянского мира питалась подсознательными связями с прочими ментальными стереотипами (экстенсивизм, коллективизм, служение, патронат и другими), а также солидарным представлением о традиционном предназначении государства перераспределять ресурсы для колонизационных нужд.

Литература

1. Алибеков, И. В. Этатизм в Турции / И. В. Алибеков: автореф. дис. ...д-ра эконом. наук. – Баку, 1994.
2. Ахиезер, А. С. Сфера Между и её осмысление / А. С. Ахиезер // *Общественные науки и современность*. – 2009. – № 5.
3. Баранцев, Р. Г. Становление тринитарного мышления / Р. Г. Баранцев. – Ижевск: РХД, 2005.
4. Батурина, Т. В. Русская православная церковь и крестьянские переселения в Сибирь на рубеже XIX – XX вв. / Т. В. Батурина: автореферат дис. ...канд. ист. наук. – Новосибирск, 1999.
5. Белова, О. В. Этнические стереотипы по даным языка и народной культуры славян (этнолингвистическое исследование) / О. В. Белова: дис. ...д-ра филол. наук. – М., 2006.
6. Белянин, Д. Н. Организация крестьянских переселений на казённые земли Сибири в XIX – начале XX вв. / Д. Н. Белянин // *Вестник Кемеровского государственного университета*. – 2010. – № 4.
7. Белянин, Д. Н. Столыпинская переселенческая политика в Томской губернии (1906 – 1914 гг.) / Д. Н. Белянин: автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Кемерово, 2003.
8. Васильева, К. К. Менталитет: онто-этнологическое измерение: (на примере бурятского этноса) / К. К. Васильева. – М.: Русский мир, 2002.
9. Гладких, С. В. Этнические стереотипы как феномен духовной культуры / С. В. Гладких: дис. ...канд. филос. наук. – Ставрополь, 2001.
10. Горбунова, М. Г. Диалектика язычества и православия в структуре русского менталитета / М. Г. Горбунова: автореф. дис. ...канд. филос. наук. – Нижний Новгород, 2001.
11. Горюшкин, Л. М. Развитие капитализма вширь в сибирской деревне периода империализма (1900 – 1917 гг.) / Л. М. Горюшкин: автореф. дис. ...д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1975.
12. Григорьева, А. А. Русский менталитет: сущность и структура (социально-философский анализ) / А. А. Григорьева: автореф. дис. ...канд. филос. наук. – Томск, 2008.
13. Громыко, М. М. Мир русской деревни / М. М. Громыко. – М.: Молодая гвардия, 1991.
14. Губаненкова, С. М. Учение евразийства об этатизме – важнейшем составляющем российской политической культуры / С. М. Губаненкова // *Научные проблемы гуманитарных исследований*. – 2010. – № 9.
15. Гуревич, А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов» / А. Я. Гуревич. – М.: Индрик, 1993.
16. Дорофеев, М. В. Земельные отношения в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. / М. В. Дорофеев. – Новокузнецк: КузГПА, 2007.
17. Еникеев, М. И. Общая и социальная психология: учебник для вузов / М. И. Еникеев. – М.: НОРМА–ИНФРА, 1999.
18. Зиновьев, В. П. Переселение в Сибирь и на Кавказ / В. П. Зиновьев, Н. А. Фёдорова // *Энциклопедия «П. А. Столыпин»*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.stolypin.ru/tncyclopedia/?ELEMENT_ID=928 (дата обращения 18.11.2011).
19. Интервью с В. Т. Рязановым / Т. А. Девятова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=1530> (дата обращения 16.11.2011).
20. Камкин, А. В. Крестьянский мир на Русском Севере: (материалы по истории северорусских крестьянских сообществ XVIII века): учебное пособие / А. В. Камкин. – Вологда: Русь, 1995.
21. Карпинец, А. Ю. Финансирование колонизационного процесса в Томской губернии в 1896 – 1916 / А. Ю. Карпинец: автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Кемерово, 2003.
22. Ковалёв, В. В. Аксиологические стереотипы как фактор устойчивости российского общества / В. В. Ковалёв: автореф. дис. ...д-ра социолог. наук. – Ростов-на-Дону, 2009.
23. Кондаков, И. В. Архитектоника русской культуры / И. В. Кондаков // *Общественные науки и современность*. – 1999. – № 1.
24. Культурология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / под научн. ред. проф. Г. В. Драча. Изд. 8-е. – Ростов н/Д: Феникс, 2005.
25. Лотман, Ю. М. «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры / Ю. М. Лотман // Лотман, Ю. М. Избранные статьи. Т. 3. – Таллинн: Александра, 1993.
26. Майминас, Е. З. О социально-экономических особенностях развития России / Е. З. Майминас // *Общественные науки и современность*. – 1998. – № 3.
27. Минжуренко, А. В. Переселенческая деревня Западной Сибири в конце XIX – начале XX веков / А. В. Минжуренко: дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 1977.
28. Молотков, М. Б. Российский менталитет как фактор исторического выбора России / М. Б. Молотков: автореф. дис. ...канд. филос. наук. – Иркутск, 2007.
29. Морозов, Н. М. Мобилизационный тип развития российской цивилизации / Н. М. Морозов // *Вестник Томского государственного университета. Серия История*. – 2011. – № 2.
30. Островский, И. В. Пётр Аркадьевич Столыпин и его время / И. В. Островский. – М., 1992.
31. П. А. Столыпин. Мысли о России. – М.: РОССПЭН, 2006.
32. Пантин, В. И. Волны политической модернизации в истории России. К обсуждению гипотезы / В. И. Пантин, В. В. Лапкин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.xrh.ru/e107_plugins/content/content.php?content (дата обращения 22.11.2011).
33. Пожигайло, П. А. Столыпинская программа преобразования России (1906 – 1911) / П. А. Пожигайло. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007.

34. Руткевич, А. М. Архетип / А. М. Руткевич // Культурология. XX век. Энциклопедия. – СПб.: Алетейя, 1998. – Т. 2.
35. Савицкий, П. Сметы переселенческого управления в период III Государственной думы / П. Савицкий // Вопросы колонизации. – 1916. – № 19.
36. Севастьянов, В. Н. Социальное время России / В. Н. Севастьянов, И. С. Малолеткова. – Красноярск: КГПУ, 2000.
37. Седаков, Н. Э. Архетипы бытия и символы культуры: Карл Густав Юнг и Мирча Элиаде / Н. Э. Седаков: дис. ... канд. филос. наук. – М., 2004.
38. Семендяева, О. Ю. Стереотип как социальный и социально-психологический феномен / О. Ю. Семендяева: дис. ... канд. филос. наук. – М., 1986.
39. Сикевич, З. В. Социальное бессознательное: социологический и социально-психологический аспекты / З. В. Сикевич, О. К. Крокинская, Ю. А. Посель. – СПб.: Питер, 2005.
40. Скляр, Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы / Л. Ф. Скляр. – Л., 1962.
41. Слепцов, Е. Я. Старожильческая деревня Западной Сибири (середина 80-х гг. XIX в. – 1917 г.) / Е. Я. Слепцов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 1978.
42. Соловьева, Е. И. Переселение крестьян в Томскую губернию в период Столыпинской аграрной реформы / Е. И. Соловьева: дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 1956.
43. Суходольская, Н. П. Социальный стереотип в жизнедеятельности людей / Н. П. Суходольская: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 2009.
44. Сухотина, Л. Г. Крестьянство Томской губернии в конце XIX – начале XX вв. / Л. Г. Сухотина: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 1963.
45. Тимошенко, А. И. Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.: концепции и решения. Исторические очерки / А. И. Тимошенко. – Новосибирск: Параллель, 2007.
46. Томилова, Н. К. Переселение крестьян в Алтайский горный округ во 2-й половине XIX века (1865 – 1899 гг.) / Н. К. Томилова: дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 1970.
47. Транквилицкая, И. В. Развитие системы земледела в Томской губернии в конце XIX – начале XX вв. / И. В. Транквилицкая: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2006.
48. Трофимов, В. К. Истоки и сущность русского национального менталитета (социально-философский аспект) / В. К. Трофимов: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Екатеринбург, 2001.
49. Тюкавкин, В. Г. Социально-экономическое развитие сибирской деревни в эпоху капитализма / В. Г. Тюкавкин: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1966.
50. Филатов, Ф. Р. Введение в аналитическую психологию Карла Густава Юнга. Понятие коллективного бессознательного. Лекция / Ф. Р. Филатов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://psydon.ru/viewpage.php?page_id=5 (дата обращения 15.04.2011).
51. Философия истории: учеб. пособие / под ред. проф. А. С. Панарина. – М.: Гардарики, 1999.
52. Храмков, А. А. Земельная реформа в Сибири (1896 – 1916 гг.) и ее влияние на положение крестьян: учебное пособие / А. А. Храмков. – Барнаул: АлтГУ, 1994.
53. Храмков, А. А. Столыпинские реформы в Сибири в оценках современных историков / А. А. Храмков // Вестник Томского государственного университета. Серия История. – 2009. – № 3.
54. Чернавский, М. Ю. Этатизм, принцип автаркии в экономике и идея государственного социализма в консервативных концепциях XIX начала XX века / М. Ю. Чернавский // Российская империя: стратегии и опыты обновления / под ред. М. Д. Карпачева, М. Д. Долбилова, А. Ю. Минакова. – Воронеж: ВГУ, 2004.
55. Чистяков, А. В. Материалы по конструктивной психологии / А. В. Чистяков. – К.: PSYLIB, 2001.
56. Шиловский, М. В. Роль государства в развитии производительных сил Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.: к постановке проблемы / М. В. Шиловский // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX вв.: сборник материалов региональной научной конференции / отв. ред. М. В. Шиловский. – Новосибирск: РИПЭЛ, 2007.
57. Шкурко, Н. С. Социокультурные истоки российского этатизма / Н. С. Шкурко: дис. ... канд. филос. наук. – Якутск, 2000.
58. Щекотихин, В. Н. Этатизм и его роль в укреплении современной государственности: зарубежный опыт и российские тенденции / В. Н. Щекотихин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2008. – № 1.
59. Юнг, К. Г. Архетип и символ. Сборник статей: [пер. А. М. Руткевича] / К. Г. Юнг. – М.: Ренессанс, 1991.
60. Юнг, К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов / К. Г. Юнг. – Киев: Post-Royal, 1996.

УДК 294.3:(571.151)"170/190"

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЛАМАИЗМА НА ТЕРРИТОРИИ АЛТАЕ-САЯНСКОГО РЕГИОНА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

А. А. Насонов, А. И. Мартынов

FOREIGN FACTORS OF LAMAISM EXPANSION IN THE ALTAI-SAYAN REGION IN THE LATE XIXth – EARLY XXth CENTURIES

A. A. Nasonov, A. I. Martynov

В статье рассматриваются долговременные и среднесрочные внешнеполитические факторы, которые способствовали усилению влияния ламаизма на территории Алтае-Саянского региона на рубеже XIX – XX вв.

Ключевые слова: ламаизм, буддизм, бурханизм, прозелитизм, Алтае-Саянский регион.

In the article lasting and medium-term foreign geopolitics factors of Lamaism expansion activization in Altai-Sayan at the turn of the XIXth – XXth centuries are considered.

Keywords: Lamaism, Buddhism, Burkhanism, proselytism, the Altai-Sayan region.

Исторически Алтае-Саянский регион являлся частью тюркско-монгольского мира Центральной Азии. Несмотря на включение этих территорий в состав Российской и Цинской империй в XVII – XVIII вв., ввиду отсутствия четко установленной границы между этими государствами, этнического и языкового родства коренного населения, близость культур и хозяйственного уклада продолжала сохраняться. Большинство событий, произошедших в XVII – XIX вв. вблизи границ России, имело ощутимые последствия не только для характера международных отношений этого периода времени, но и повлияло на внутрисословную обстановку в последующие столетия.

В 1904 г. на территории Алтая впервые публично проявилось бурханистское движение. Значительная часть инородцев, вместо прежнего лояльного поведения, начали отказываться от предметов русского происхождения, перестали употреблять русский язык, скупая порох, чай и ткань желтого и синего цветов. Одновременно с этим прошел слух, что «калмыки» приняли новую веру и собираются на массовое моление, а также совершают вооруженные нападения на русское крестьянское население. Деятели Алтайской духовной миссии активно стали указывать на наличие в происходящих событиях японского следа, увязав бурханистское движение с Русско-японской войной 1904 – 1905 гг. Эти события заставили томское губернское начальство обратить внимание на алтайские волнения. Собравшихся на моление инородцев разогнали силами местных крестьян и небольшой группы полицейских чинов под руководством бийского уездного исправника В. И. Тукмачева. Однако в 1906 г. публичный суд над предводителями бурханистов завершился оправдательным приговором [1, с. 64 – 65].

Проблематика сущности и истории бурханизма традиционно является дискуссионной. На сегодняшний день в научном сообществе высказываются диаметрально противоположные точки зрения по данному вопросу: от представлений о бурханизме как о политеистической хтонической духовной системе до мнения, базирующегося на признании данного религиозного движения как направления тибето-монгольского буддизма (ламаизма). По мнению авторов данной статьи, характеризуемые события стали

частным проявлением глобального многовекового процесса распространения буддийского учения в северном направлении и взаимодействия его доктринальных основ с религиозными представлениями и социально-политическими институтами аборигенного населения. Бурханизм внешне по форме приобрел ряд черт христианского вероучения (в частности, мессианские воззрения), однако по содержанию предлагал интерпретацию буддийских постулатов. Так, в бурханистском учении проявился культ перерожденцев, не отрицались, а, наоборот, постепенно включались в формирующийся пантеон положительные сверхъестественные существа анимистического происхождения, что было типично для механизма распространения и внедрения буддизма и т. д.

В отечественной историографии религиозных трансформаций на территории Алтае-Саянского региона второй половины XIX – начала XX вв. традиционно делается акцент на характеристику внутрисословных факторов проникновения и распространения ламаизма, тогда как внешние условия, как правило, описываются фрагментарно и не комплексно, их анализ чаще всего сводится к упоминанию нахождения южно-сибирских этносов в составе Джунгарии и насильственному насаждению буддийского учения среди них. Между тем отсутствие системной характеристики этих условий не позволяет ответить на вопрос о разной степени укоренения ламаизма в Забайкалье и среди алтай-кижи, телеутов и хакасов.

Рассматривая внешнеполитические факторы распространения ламаизма на территории Алтае-Саянского региона в конце XIX – первой трети XX вв., в первую очередь, необходимо проанализировать наиболее долгосрочный из них – маньчжурское завоевание монгольских ханств в XVII – первой половине XVIII вв. и различия в их положении в составе Цинской империи в XVIII – XIX вв., поскольку именно они скорректировали ход распространения ламаизма в указанный период времени.

Повсеместное принятие ламаизма монгольскими этносами началось с конца XVI в. Однако данный процесс протекал одновременно с потерей монголами независимости. После провозглашения в 1616 г.

маньчжурским предводителем Нурхацы династии Поздняя Цзинь (в 1636 г. его преемником Абахаем она переименована в «Цин») была развернута агрессивная внешняя политика. Для того чтобы обезопасить себя от войны на два фронта во время захвата Минского Китая, маньчжуры в первой половине XVII в. приступили к покорению Южной Монголии. В следующие десятилетия была установлена гегемония над Халха-Монголией [2, с. 126 – 152]. В целом присоединение этих территорий не встретило ожесточенного сопротивления со стороны аристократии и основной массы простого населения. Маньчжуры, используя тактику дипломатического давления, ультиматумов, грабительских вылазок и карательных походов, союза с одними политическими объединениями монголов против других, продемонстрировали превосходство над противником. Вхождение этих частей Монголии в состав формирующейся Цинской империи было относительно быстрым и не столь болезненным, хотя, безусловно, повлекло потерю политической самостоятельности.

Иной характер имел переход территории западных монголов под власть маньчжуров. Центростремительные тенденции, характерные в целом для всей Монголии на рубеже XVI – XVII вв., приобрели реальное воплощение в создании влиятельного и боеспособного государственного образования – Ойратского (Джунгарского) ханства в 1635 г. Захватывая казахские пастбища, вмешиваясь во внутритибетские дела, оно стало одним из активнейших участников международных отношений на территории как Средней, так и Центральной Азии. Подчинение Джунгарии потребовало от Цинской империи затраты значительных ресурсов и затянулось более чем на столетие [3].

После ожесточенного противостояния, будучи ослабленным междоусобными конфликтами, государство западных монголов было разгромлено маньчжурами в середине XVIII в. Режим, установленный на захваченных территориях ойратов, отличался от других районов Монголии. Он носил жесткий военно-административный характер. Маньчжуры избрали тактику поголовного террора. Иноземной администрацией было упразднено племенное деление и введена система территориальных владений, которые возглавляли назначенные военные управляющие. Ойраты были обязаны поставлять воинов в цинскую армию. Этносы, находившиеся в вассальной зависимости от западных монголов, стремились избежать такой участи. Именно поэтому, в частности, население Горного Алтая стало тяготеть к России и официально перешло в русское подданство в 1756 г. [4, с. 168].

Последующий период маньчжурского господства в Монголии (XVIII – начало XX вв.) отличался применением разных методов предотвращения сепаратизма. Для северных и южных районов применялись меры контроля со стороны местной китайской администрации, на джунгарской территории их дополняла политика заселения территорий ханьцами. В период вассальной зависимости от Цинской империи окончательно оформилась иерархия монгольского ламаистского духовенства, во главе был поставлен Джебцун-Дамба-хутухта. Маньчжурский Пекин придерживался традиционного принципа «управлять соседними народами согласно их обычаям». Общемонгольской си-

лой, на которую они опирались при проведении собственной политики, было ламство, тогда как светская политическая структура оставалась децентрализованной [5, с. 75 – 77].

Основным «плацдармом», с территории которого осуществлялись проникновение и распространение ламаизма в районы Алтае-Саянского региона в XVII – первой половине XVIII вв., было Ойратское ханство, тогда как в Забайкалье северный буддизм проникал из Халхи. Различия во вхождении разных частей Монголии в состав Цинской империи привели к тому, что в первом случае интенсивность влияния резко упала, но не прекратилась, а во втором – продолжала оставаться на прежнем уровне. Жесткие карательные меры цинского правительства чрезвычайно ослабили не только политическую элиту Джунгарии, но и все население. Поддержка аристократии являлась одним из главных условий утверждения и укрепления институтов ламаистской церкви. В этом смысле возможности целенаправленного влияния Джунгарии как очага, из которого насаждалась рассматриваемая мировая религия в пределах Алтае-Саянского региона, были подорваны.

Помимо государственного покровительства, другим важнейшим «звеном» механизма распространения ламаизма являлось восприятие его постулатов основной массой населения. Оно было залогом включения ламаистских элементов в духовную и материальную культуру этноса, социально-экономические отношения. Именно эта форма воздействия ламаизма на коренное население Алтае-Саянского региона сохранялась, хотя и не являлась определяющей для всех его районов и этносов. Она была характерна, в первую очередь для Горного Алтая [6, с. 355] и, по некоторым данным, для Минусинской котловины [7, с. 103 – 104].

Во второй половине XIX в. ситуация претерпела изменения. В Цинской империи стали наблюдаться кризисные явления, связанные, в первую очередь, с вмешательством европейских держав и неудачей политики «самоусиления». Одним из следствий этого стало нарастание сепаратистских тенденций на ее окраинах. Проявились они и в Монголии. Национальное движение за независимость возглавило ламаистское духовенство, которое, имея строгую иерархию, являлось не только влиятельной духовной, но и политической силой. С 1911 г., после провозглашения независимости Внешней Монголии, начался непродолжительный период существования монгольского теократического государства, управляемого верховным ламаистским иерархом Богдо-гэгэном [8, с. 59 – 64].

Ослабление Цинской империи и борьба за независимость Монголии оказали влияние на процесс распространения ламаизма на территории Алтае-Саянского региона. Упрочив свои позиции, буддийское духовенство стремилось интенсифицировать вероисповедную экспансию в тюркско-монгольском мире. Ламство северо-запада Монголии усилило проповедническую деятельность в приграничных районах. Ее проводником являлись торговые и родственные отношения алтайских этнических групп и монголов. В источниках были зафиксированы примеры таких контактов. В частности, о них сообщали этнографы, исследовавшие народы Южной Сибири.

А. Г. Данилин упоминал, что приобщение телеутов к бурханизму зимой 1911 г. началось с поездки к ламам, прибывшим в Верх-Чергу. Монгольские священнослужители подарили телеутским посланникам «наштампованные красной краской традиционные буддийские молитвы», «дали по монгольскому изображению "бурхана"» [9, л. 4 – 5]. А. В. Анохин, после поездки к алтайцам в 1914 г., отмечал, что в бурханизме появились новые культовые атрибуты («изображения в виде идолчиков, четки, подсвечники, чашечки, заменяющие лампадки») [10, л. 21].

Итак, маньчжурские завоевания в Северной и Центральной Азии, а затем формирование Цинской империи в XVII – первой половине XVIII вв. привели, с одной стороны, к ослаблению северо-западного направления экспансии ламаизма ввиду последовавших карательных мер после подавления ожесточенного сопротивления джунгар и с другой – к сохранению интенсивности проникновения из Халхи в Забайкалье. Затем Внешняя Монголия, где центробежные силы были наиболее сильны, ввиду постепенной утраты китайским правительством контроля над национальными окраинами к концу XIX в. из-за внутреннего кризиса и вмешательства государств Западной Европы, США, Японии и России, стала очагом распространения ламаизма уже и на территории Алтае-Саянского региона.

Другим фактором, тесно связанным с предыдущим, являлось фактическое отсутствие четко определенной и обустроенной границы между Российской и Цинской империями. История русско-цинских дипломатических отношений берет свое начало в XVII в. Задачей России было установление равноправных двухсторонних отношений для прочного хозяйственно-экономического закрепления в Сибири и на Дальнем Востоке. Вести полномасштабные боевые действия в случае обострения ситуации царское правительство не имело возможности. Власти Маньчжурского Китая стремились не допустить появления претендента на территорию, считавшуюся ими сферой исконного влияния, – это, в первую очередь, Джунгарское и Яркендское (Кашгарское) ханства, южное Приамурье.

Линия границы между Россией и Цинской империей была установлена только в 60-х гг. XIX в. Пекинский дополнительный протокол от 2 ноября 1860 г. определил два участка границы: восточный – по рр. Амур и Уссури, и западный – в Центральной Азии. При этом объекты для размежевания на первом из них оговаривались более подробно (это, главным образом, были реки), а во втором – пограничная линия была нанесена весьма условно и привязывалась к естественным природным преградам (озерам и горным системам), а также китайским пикетам. Кроме этого, в договоре оговаривались принципы организации торговли и дипломатических сношений на разных уровнях [11, с. 34 – 40]. С этого времени был запущен процесс детального и предметного уточнения, какие земли стоит официально считать китайской территорией, а на какие распространяется юрисдикция царского правительства России.

25 сентября 1864 г. уполномоченными посланниками обоих государств был подписан Чугучакский протокол о размежевании русско-китайской границы.

Для обозначения «граничной межи» между двумя империями был принят за основания водораздел, так что все земли, по которым текли реки на восток и на юг, отходили Китаю, а те территории, где течение рек было в западном и северном направлении, считались российскими [11, с. 46 – 49].

Как мы видим, линия границы между Цинской и Российской империями была установлена только во второй половине XIX в., и то весьма схематично. Следовательно, в предыдущий период не существовало препятствий административного плана для распространения ламаизма в Сибири с монгольских территорий, находящихся в составе Китая. Вместе с тем подписание Пекинского дополнительного договора и Чугучакского протокола скорее преследовало цель устранить разногласия в определении принадлежности территорий, нежели полностью исключить перемещение населения. Оговаривалась возможность торговых операций. В итоге южные пределы России фактически были открыты для буддийского мира Центральной Азии.

На рубеже XIX – XX вв. возросло значение буддийского фактора в российской внешнеполитической деятельности. В условиях постоянно нарастающих темпов соперничества в азиатском регионе европейских держав приверженность к буддийскому вероисповеданию отдельных народов (бурят, калмыков), проживающих на территории Российской империи, позволяла военному и дипломатическому ведомствам использовать дополнительные инструменты воздействия на ситуацию. В частности, российские и британские геополитические интересы вплотную столкнулись в Тибете. Противостояние этих двух держав было названо в западной историографии «Большой игрой» [12, с. 3 – 14]. В этом смысле соперничество России и Великобритании было продолжением борьбы в других регионах Азии (в Иране и Туркестане), выражавшейся в стремлении не допустить даже возможности влияния конкурента в традиционной зоне экономических и политических притязаний.

Англичане со второй половины XIX в., используя как плацдарм территорию Северной Индии, стремились всеми возможными способами проникнуть в Тибет. Британское правительство предприняло эти действия для налаживания каналов поставки золота и серебра, а также для использования центрально-азиатских территорий с целью дальнейшей экономической экспансии во внутренние районы Китая [13, с. 10 – 12].

Россия, желая не допустить усиления позиций Великобритании в этом регионе, в первое десятилетие XX в. интенсивно противодействовала англичанам различными способами. Среди них были дипломатические демарши и провозглашение дипломатических нот [13, с. 116], поддержка в Лхасе пророссийской группировки во главе с Агваном Доржиевым, а также снаряжение исследовательских экспедиций по инициативе Императорского Русского географического общества и Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии [14, с. 354 – 380].

В данной ситуации целью императорской администрации вряд ли было установление военного и экономического господства в Тибете, как это было, скажем, с Монголией или Маньчжурией, находящимися

ближе географически и имеющими для России, несомненно, большее стратегическое значение для укрепления ее позиций на Дальнем Востоке. Российские правящие круги стремились сохранить тот статус-кво, который наблюдался в регионе в прежние годы, а именно: изолированность Тибета от воздействий третьих стран и сохранить его вассальное положение в составе Цинской империи [15, с. 99 – 109].

Этим обстоятельствам фактически подчинялся межгосударственный уровень вероисповедной политики России в ее буддийском аспекте. В 1904 г., после вторжения английских отрядов в Гималаи и взятия Лхасы, теократический правитель Далай-лама XIII со своими приближенными вынужден был выехать и временно обосноваться в Урге, политическом центре Халхи [16, с. 132]. Это знаменательное событие только укрепило умонастроения монголов, стремящихся к независимости и восстановлению собственной государственности, в том числе посредством распространения ламаизма. К тому же Россия оказывала негласную поддержку тибетскому первоиерарху.

В итоге сдержанная протибетская политика России в Центральной Азии, имеющая целью сделать безрезультатным британское вторжение, косвенно демонстрировала покровительство буддийскому вероучению и духовенству.

Вместе с тем непосредственное воздействие на активизацию ламаистской экспансии в рассматриваемом регионе оказало участие России в колониальном разделе сфер влияния в Китае. Если российские геополитические интересы в Центральной Азии пересекались с колониально-экспансионистскими планами Великобритании, то на Дальнем Востоке они столкнулись с японскими претензиями на господство в Маньчжурии и Корее. В 1904 г., как известно, обострение этих противоречий привело к войне, которая оказалась чрезвычайно тяжелой для России и закончилась ее поражением. Данные события повлияли и на процесс распространения ламаизма на территории Алтае-Саянского региона. Японский фактор в определенной степени дестабилизировал ситуацию в стране, став одной из причин революции 1905 – 1907 гг. В нашем случае, активные боевые действия на Дальнем Востоке совпали с бурханистским движением в Горном Алтае.

На присутствие «японского следа» в национально-религиозных брожениях инородцев указывали деятели Алтайской духовной миссии. Анализируя ситуацию, сложившуюся на Алтае во время бурханистского движения, архимандрит Иннокентий в письме Бийскому епископу Макарию 3 мая 1904 г. писал: «Как и следовало ожидать, русско-японская война породила на Алтае смуту политического характера. Дело началось с появления в вершине р. Ябатаны трех личностей неизвестной национальности, говорящих по-алтайски. Из которых один назвал себя Ойрот-ханом, освободителем алтайского народа от русского подданства. Зайсаны поставили им несколько юрт, окружили небывалым почетом, и тут началась действительная пропаганда, явно направленная к возмущению инородцев против своего правительства и алтайской миссии» [17, л. 5]. 23 мая Иннокентий в донесении приставу пятого стана Бийского уезда В. Ф. Бучинскому сообщал, что «... на Алтае, в вершине реки

Кайрлыка, три дня тому назад явно появилась военно-политическая агитация со стороны трех личностей неизвестной национальности, но монгольского типа...», замечая при этом, что «один из упомянутых агитаторов прямо-таки называет себя Ойрот-ханом, царем-освободителем алтайцев от подданства России» [17, л. 70 – 70 об.].

В 40-е – первой половине 80-х гг. XX в. в советской историографии также доминировали оценки бурханистского движения как сепаратистского явления. В частности, на особую роль его прояпонской направленности указывал Л. П. Потапов, утверждая, что бурханизм следует считать «реакционным националистическим движением, т. к. он ориентировался на отрыв Алтая от России, на переход алтайцев под протекторат Японии» [18, с. 412].

Следует заметить, что в рассмотренных оценках намеренно преувеличивалось значение рассматриваемого фактора. Существование «японских шпионов», их деятельность на Алтае, потворство сепаратистским воззрениям среди коренного населения – все это не было подтверждено ни при расследовании причин появления и обстоятельств разгона коллективного моления бурханистов [19, с. 190 – 193], ни при последующих изысканиях этнографов [20, с. 65 – 69]. Выказывания деятелей Алтайской духовной миссии можно объяснить стремлением воздействовать на местные власти. Миссия желала пресечь проповеднические действия ламства с соседней монгольской территории, находившейся в составе Цинской империи, силами губернских органов правопорядка. Тем самым она рассчитывала ослабить позиции опасных вероисповедных конкурентов. В свою очередь, оценки советских авторов указанного времени были продиктованы идеологическими мотивами.

Вместе с тем не стоит недооценивать значение данного внешнеполитического фактора. В этой связи примечательным видится мнение Г. Д. Няшина, изложенное им в докладе на заседании Алтайского географического общества 16 апреля 1930 г. Исследователь дал следующую трактовку роли японского фактора в ходе бурханистского движения: «И (т. е. алтай-кижи. – А. Н. и А. М.) были два царя известны – сильный царь китайский («Кыдат-Каан») и еще более сильный – «с шести десятка народов дань берущий» русский царь («Ак-Каан»); японский же царь, неизвестно откуда явившийся и одолевший русского царя, напомнил им об Ойроте, который давно ушел от них, но обещал вернуться со славою и избавить их от всяких бедствий» [21, л. 8]. И действительно, неудачи царского правительства в войне имели огромный резонанс в обществе. А с точки зрения традиционного религиозного сознания, эти события могли восприниматься как утрата властью благоволения сверхъестественных сил. Вспомним, например, представления о мандате Неба, в которых внешние вторжения, стихийные бедствия и народные волнения отождествлялись с потерей доверия высшего небесного начала.

Подводя итог, отметим, что во второй половине XIX – первой трети XX вв. внешнеполитические факторы сформировали благоприятные исторические условия для распространения ламаизма в Алтае-Саянском регионе. Особенности маньчжурского завоевания разных регионов Монголии способствовали

снижению интенсивности экспансии этого вероучения в Горном Алтае и Минусинской котловине ввиду поражения Джунгарии и террора против ее населения. Однако в районах Забайкалья динамичное проникновение продолжалось из-за относительно быстрого и менее болезненного включения Халхи в состав Цинской империи, к концу XIX в., с ослаблением Маньчжурского Китая, постепенно утрачивавшего контроль над подвластными территориями, и ростом монгольского сепаратизма, лидирующие позиции в котором заняла ламаистская церковь. Внешняя Монголия упрочила свои позиции как центр распространения ламаизма. Теперь, помимо сохранявшихся и ранее контактов, участились проповеднические акции на территории Горного Алтая. Эти долгосрочные обстоятельства усиливались отсутствием границы между Россией и Цинской империей, которая, ввиду традиционалистской позиции китайских ведомств и своей протяженности, не была обозначена вплоть до 60-х гг. XIX в.

В ходе ламаистского внедрения на рубеже XIX–XX вв. в систему общественных отношений этносов Алтае-Саянского региона к этим факторам добавилась обстановка, сложившаяся вокруг ситуации в Тибете, и покровительство России Далай-ламе XIII. Падению авторитета царской власти, в том числе среди населения окраин империи, способствовали поражения в Русско-японской войне. Военные неудачи были интерпретированы традиционным религиозным сознанием по-своему, в качестве одного из знамений возвращения легендарного правителя Ойрот-хана и как утрату императором благоволения свыше.

Литература

1. Насонов, А. А. Влияние буддизма и христианства на формирование вероучения бурханизма в ходе процесса синкретизации на территории Алтае-Саян в конце XIX – начале XX вв. [Текст] / А. А. Насонов // Мир Евразии. – Горно-Алтайск, 2010. – № 2 (9).
2. Мясников, В. С. Китай и Монголия [Текст] / В. С. Мясников, Н. В. Шепелева // Китай и соседи в новое и новейшее время / отв. ред. С. Л. Тихвинский. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1982.
3. Златкин, И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758 гг.) [Текст] / И. Я. Златкин. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1983.
4. Моисеев, В. А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII в. (Очерки внешнеполитических отношений) [Текст] / В. А. Моисеев. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1998.
5. Скрынникова, Т. Д. Основные тенденции в развитии ламаистской церкви Халхи XVIII – начала XIX вв. [Текст] / Т. Д. Скрынникова // Источниковедение и историография буддизма: страны Централь-

ной Азии: сборник статей / отв. ред. Р. Е. Пурбуев. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1986.

6. Радлов, В. В. Из Сибири. Страницы дневника [Текст] / В. В. Радлов; / отв. ред. С. И. Вайнштейн. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1989.

7. Бутанаев, В. Я. История возникновения и формирования бурханизма у хакасов [Текст] / В. Я. Бутанаев // Сибирь в панораме тысячелетий: (материалы Международного симпозиума) / отв. ред. И. Н. Гемуев. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1998. – Т. 2.

8. Кузьмин, С. Л. Последний великий хан Монголии [Текст] / С. Л. Кузьмин, Ж. Оюунчимэг // Азия и Африка сегодня. – 2009. – № 1.

9. Архив Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры) РАН. Ф. 15. Оп. 1. Д. 12.

10. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 80.

11. Русско-китайские отношения (1689 – 1916 гг.): официальные документы [Текст] / отв. ред. Л. И. Думан. – М.: Изд-во восточной литературы, 1958.

12. Сергеев, Е. Ю. «Большая игра» в российско-британских отношениях второй половины XIX – начала XX вв.: новый взгляд [Текст] / Е. Ю. Сергеев // Российская история. – 2011. – № 5.

13. Россия и Тибет: сборник русских архивных документов, 1900–1914 [Текст] / отв. ред. Е. А. Белов. – М.: Восточная литература, 2005.

14. История отечественного востоковедения с середины XIX в. до 1917 г. [Текст] / под ред. А. А. Кожуховской и др. – М.: Восточная литература, 1997.

15. Белов, Е. А. Тибетская политика России (1900 – 1914 гг.). (По русским архивным документам) [Текст] / Е. А. Белов // Восток. – 1994. – № 3.

16. Андреев, А. И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России [Текст] / А. И. Андреев. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2006.

17. Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 12. Д. 688.

18. Потапов, Л. П. Очерки по истории алтайцев [Текст] / Л. П. Потапов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953.

19. Приговор Томского окружного суда по делу о кочевых калмыках Чете Челпанове и других от 31 мая 1906 г. [Текст] // Бурханизм. Документы и материалы / сост. Н. А. Майдунова, Н. А. Тадина. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1994.

20. Тюхтенева, С. П. «Японский след» в алтайском бурханизме: вымысел или реальность? [Текст] / С. П. Тюхтенева // Этнографическое обозрение. – 2005. – № 4.

21. Государственный архив Алтайского края. Ф. Р-486. Оп. 1. Д. 18 а.

**ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ
ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ И СПОРТОМ В 1991 – 2007 гг. (региональный аспект)**
Я. Ю. Ратушная, Ю. И. Михайлов

AUTHORITIES OF PHYSICAL TRAINING AND SPORT IN 1991 – 2007 (regional aspect)
Ya. Yu. Ratushnaya, Yu. I. Mikhaylov

В статье представлено исследование процесса реорганизации структуры управления в сфере физической культуры и спорта Кемеровской области. Процесс реорганизации проанализирован в контексте структурных изменений федеральных и региональных органов Западной Сибири. Выделены особенности изменений органа управления Кузбасса в новых экономических условиях.

Ключевые слова: государственная политика, физическая культура, спорт, Западная Сибирь, Кузбасс, регион, структура управления.

In the article the analysis of process of reorganization of management structure in the sphere of physical training and sport in Kemerovo region is provided. Reorganization process is analysed in the context of structural changes of federal and regional bodies in Western Siberia. Features of changes of Kuzbass authorities in new economic conditions are pointed out.

Keywords: state policy, physical training, sport, Western Siberia, Kuzbass, region, management structure.

Развитие физической культуры и спорта сегодня является одним из приоритетных направлений государственной политики. Очевидно, что уровень развития физической культуры в регионах – одна из основ национального могущества России и здоровья нации. Следует отметить, что для регионов со сложными природно-климатическими условиями, тяжелыми условиями труда физическая культура и спорт являются средством сокращения приобщения к здоровому образу жизни и, как показывает статистика, снижают уровень заболеваемости и травм, кроме того, являются важным фактором в профилактике наркомании, алкоголизма и табакокурения, воспитывают патриотизм и социальную ответственность. Поэтому политика по развитию физической культуры и спорта в Западной Сибири, где высокий уровень урбанизации (от 69 % в Омской области до 75 – 78 % в Новосибирской и Тюменской областях), а основу экономики составляет тяжелая промышленность с вредными и опасными условиями труда, на сегодняшний день является одним из важнейших направлений. Это особо значимо для Кузбасса, население которого занимается угледобычей и химическим производством.

Для осуществления политики по развитию физической культуры и спорта большое значение имеет структура управления сферой, которая задает направление как государственной, так и региональной политике. Для построения эффективной структуры необходимо учитывать позитивный и негативный опыт предыдущего периода.

В Советском Союзе Государственное межотраслевое Управление физической культуры и спорта в стране осуществлялось Государственным комитетом СССР по физической культуре и спорту. Будучи союзно-республиканским органом государственного управления, он нес ответственность за организацию и совершенствование физического воспитания населения, подготовку спортсменов и обеспечивал проведение единой государственной политики в порученной ему сфере управления. Госкомспорт СССР осуществ-

лял руководство физической культурой и спортом, как правило, через Госкомспорты союзных республик и управлял объединениями, предприятиями, организациями, учебными заведениями и другими учреждениями союзного подчинения [8]. Госкомспорт СССР был напрямую подконтролен и отчитывался перед Съездом народных депутатов СССР, Верховным Советом СССР и его Президиумом.

Каждый нижестоящий орган управления физической культурой подчинялся соответствующему вышестоящему органу. Госкомспорт СССР находился в подчинении Совета Министров СССР, а его нижестоящие органы находились в двойном подчинении, а именно: госкомспорты союзных и автономных республик, спорткомитеты на местах по вертикали подчинялись вышестоящему одноименному органу государственного управления, а по горизонтали – органам управления общей компетенции (правительствам, исполкомам), Советам народных депутатов.

Занимая высшую ступень в структуре управления, Государственный комитет по физической культуре и спорту определял деятельность всей организационной структуры – от соответствующих комитетов и управлений до учебных заведений, спортивных школ, коллективов физической культуры, обычных физкультурных секций [9].

В начале 1990-х годов начался новый этап государственной политики в сфере физической культуры. Пятый съезд народных депутатов СССР 5 сентября 1991 г. признал за союзными республиками статус суверенных государств как субъектов международного права. Каждая из союзных республик, таким образом, получала право стать членом Организации Объединённых Наций и вместе с тем приобретала соответствующий юридический статус для вступления в спортивные международные объединения.

В декабре 1991 г. руководители России, Украины и Белоруссии в Беловежской Пуще объявили о роспуске Советского Союза. При этом было провозглашено образование Содружества Независимых Госу-

дарств (СНГ), после чего началась ликвидация всесоюзных структур государственного управления страной, в том числе и физкультурным движением.

Таким образом, для решения вопросов российского спорта необходимо было сформировать новую структуру государственного управления с федеральным органом исполнительной власти.

Развитие государственной политики в сфере физической культуры и спорта на новом этапе истории осложнялось тем, что после распада СССР разрушились государственные и общественные союзные структуры управления физической культурой и спортом. С началом перестроечного периода, из-за снижения финансирования средств из федерального бюджета, фактически была свернута физкультурно-оздоровительная и спортивно-массовая работа групп здоровья в трудовых и производственных коллективах, в упадок пришел детский спорт и спорт высших достижений. Практически на всех предприятиях перестали проводиться оздоровительные мероприятия в режиме трудового дня, проведение досуга в активном стиле по месту жительства в свободное время стало редкостью.

Построение новой политики в области физической культуры и спорта происходило на фоне экономического кризиса в России, который повлек за собой негативные последствия, связанные с ухудшением благосостояния многих россиян. Совокупность таких факторов, как падение доходов, повышение цен, ухудшение медицинского обслуживания и массовой физкультурно-оздоровительной работы отрицательно сказались на здоровье российских граждан. В начале 90-х годов ускорились процессы депопуляции: резко увеличился уровень смертности населения, снизилась рождаемость, сократилась средняя продолжительность жизни россиян и выросла численность лиц пенсионного возраста [7]. Необходимо было срочно решить ряд проблем, от которых зависело дальнейшее развитие отечественного спорта. В первую очередь, предстояло сформировать новые государственные органы управления физической культурой и спортом в стране, которые бы реализовывали государственную политику развития физической культуры и спорта в условиях рыночных отношений.

О сложности этого организационного периода (1991 – 2007 гг.) красноречиво свидетельствует то, что федеральный орган управления менялся 14 раз [10]. Следует отметить, что "Основы законодательства РФ о физической культуре и спорте", принятые в 1993 году, не устанавливали конкретного названия государственного органа управления физкультурой и спортом. Анализ основных документов, касающихся создания или реорганизации государственного органа власти сферы физической культуры и спорта, позволяет сделать вывод, что изменения были вызваны:

- изменениями в структуре федеральных органов исполнительной власти;
- попытками объединить физическую культуру с туризмом, здравоохранением и социальным развитием, чтобы не дублировать функции в ходе реализации федеральных целевых программ;
- обращением к советскому опыту в создании структуры управления сферой или перенесением из различных зарубежных систем управления спортом отдельных звеньев;

– повышением или понижением статуса государственного органа исполнительной власти.

По мнению некоторых авторов, частая смена названий федерального органа управления физической культуры и спорта и следовавшие за ними реорганизации центрального аппарата не позволяли проводить планомерную, целенаправленную государственную политику, направленную на развитие массовой физической культуры и спорта [2], [6].

В продолжение логики проводимых в стране либеральных реформ в период с 1991 – 1993 гг. федеральный орган управления физической культурой и спорта отдал часть своих полномочий общественным структурам. Государственному органу власти до середины 1990-х гг., независимо от названия, вменялось в обязанность решение задач, связанных с разработкой и внедрением государственных программ физического воспитания населения, подготовки и повышением квалификации специалистов; осуществление организационных, научно-информационных, методических и пропагандистских мероприятий, связанных с развитием массовой физической культуры; руководство развитием науки и внедрением научных исследований в физкультурно-спортивную практику. Олимпийскому комитету было передано право регулирования деятельности федераций по видам спорта, а также других общественных спортивных организаций, а по существу, – развитие большого спорта в России.

Для активного привлечения денежных и материальных средств в сферу физической культуры и спорта в 1992 году был создан Национальный фонд спорта, представлявший собой самоуправляемую, некоммерческую, неправительственную организацию. Он оказывал поддержку национальным, региональным и местным спортивным организациям и конкретно спортсменам-любителям для участия в национальных или международных спортивных соревнованиях. Национальный фонд спорта финансировал деятельность предприятий спортивной индустрии, проведение научно-технических разработок в области новых технологий и спортивной индустрии, оказывал финансовую поддержку спортивным клубам, детско-юношескому спорту, фондам социального обеспечения спортсменов-инвалидов. Одним из направлений в деятельности фонда являлась организация и проведение аукционов, ярмарок, выставок продукции спортивного назначения, оказание консультационных и посреднических услуг в области спорта. Фонд принимал активное участие в финансировании всероссийских и международных соревнований, турниров и т. д.

С середины 1990-х гг. государство наращивает свое влияние в сфере физической культуры и спорта. Так, путем повышения статуса Комитета РФ по физической культуре и туризму создается Государственный комитет РФ по физической культуре и туризму [10]. Совместно с Олимпийским комитетом России Госкомитет по физической культуре, спорту и туризму был призван участвовать в подготовке спортивного резерва в системе ДЮСШ, СДЮСШОР, ШВСМ, училищах олимпийского резерва, осуществлять развитие туризма в стране, руководить подготовкой и использованием физкультурных кадров, поддерживать и контролировать подведомственные научно-исследовательские институты федерального значения.

В Западной Сибири, в частности в Кузбассе, в начале 1990-х гг. произошли соответствующие структурные изменения в сфере физической культуры и спорта. Если в Советском Союзе в регионах действовали исполнительные комитеты (областные, районные, городские), то с 1991 года облисполкомы были ликвидированы, а их функции переданы администрациям областей. Необходимо отметить, что после заключения Федеративного договора органы управления физической культурой и спортом в республиках РФ, краях, областях уже не имели над собой верховной власти, вертикальная подчиненность была ликвидирована, и взаимодействие между различными управленческими организациями осуществлялась на договорной основе. Комитеты по физической культуре и спорту на местах, учебные заведения и прочие структуры получили большую возможность для самостоятельности, инициативы и творчества. Ослабление координации из центра способствовало объединению на местах. Так, Сибирский регион сплотил свои силы на базе Сибирской Олимпийской академии, куда вошли территории от Тюменской области до Читы. Это решение оказалось своевременным и плодотворным. Президиум Олимпийской академии в составе председателей краевых, областных и республиканских Комитетов по физической культуре и спорту определил свое сотрудничество по всем направлениям: спорту, оздоровительной и спортивно-массовой работе, подготовке кадров, научно-методическому обеспечению и др. За 1990-е гг. проведены крупные региональные комплексные мероприятия: I и II Международные детские Сибиряды в Новосибирске и Абакане, I Спартакиада лиц с поражением опорно-двигательного аппарата в Омске, научные конференции в Иркутске, Омске, Новосибирске, Кемерово, спортивные соревнования по 12 видам спорта на Кубок Сибирской Олимпийской академии и многие другие [9].

В ходе исследования были проанализированы основополагающие документы, касающиеся структуры управления сферой физической культуры и спорта Западной Сибири. В отличие от федерального органа власти, структуры управления сферой физической культуры и спорта областей Западной Сибири проявляли большую стабильность. В рассматриваемых регионах структура управления, созданная еще в Советском Союзе, просуществовала долгое время (от 6 лет в Кемеровской области до 14 лет в Алтайском крае). В Кузбассе до 1996 года действовал Комитет по физической культуре и спорту администрации области, которому подчинялись городские и районные спорткомитеты. Структуру головного комитета составляли два отдела: отдел организационно-массовой работы и кадров проверял и контролировал деятельность горрайспорткомитетов. В ведении отдела учебно-спортивной работы находилось составление единого календарного плана спортивно-массовых мероприятий для населения области, особенно на коммерческой основе с привлечением спонсорских средств. Сюда же входил сектор спортивных школ (отдел учебно-спортивной работы) и штатных команд по игровым видам спорта [4].

Особенностью системы управления физической культурой и спортом как в Западной Сибири в целом,

так и в Кемеровском регионе, являлось то, что областная система спортивных органов не копировала систему федеральных. Областные комитеты по физической культуре и спорту осуществляли функции «собирающего» характера, присущие как государственному органу исполнительной власти в сфере физкультуры, так и Олимпийскому комитету, Национальному фонду спорта (руководство физической культурой, спортом, ресурсное обеспечение сферы, проведение комплексных спортивно-массовых мероприятий и соревнований по видам спорта, подготовка сборных команд для участия во Всероссийских соревнованиях и т. д.). Больше внимания стало уделяться развитию национальных видов спорта, присущих коренным жителям Сибири. Так, с 1990-х гг. стали проводиться крупные региональные комплексные мероприятия: бал олимпийцев Сибири и зимние Спартакиады народов Сибири.

За период с 1991 по 2007 гг. структура управления физической культурой и спортом, как в Кузбассе, так и в большинстве областей Западной Сибири (Томская, Омская, Новосибирская области и т. д.), менялась лишь трижды. Отмечается, что в большинстве своем изменения структуры управления сферой физической культуры и спорта стали происходить с 1999 года, когда в России начался экономический подъем. В Ямало-Ненецком автономном округе, начиная с 1999 года, изменения структуры управления происходили параллельно с изменениями на федеральном уровне. Алтайский край реорганизовывал аппарат управления спортом два раза. Названия органов управления (1991 – 2005 гг. – «Комитет», 2005 – настоящее время – «Управление») говорят об относительно невысокой роли физической культуры в политике края. Что вызвано, скорее всего, низким уровнем урбанизации и незанятостью большей части населения на вредном производстве – основу экономики составляет машиностроение и пищевая промышленность, по этой причине вопрос оздоровления средствами физической культуры не стоит так остро.

В результате анализа документов, касающихся создания или реорганизации региональных структур управления сферой физической культуры и спорта и истории смены руководства областей Западной Сибири, было выявлено, что только в Новосибирской области с приходом к власти нового руководства менялся и орган управления спортом, в остальных регионах Западной Сибири такой тенденции не отмечено.

В целом исследование показало стабильность региональных органов управления физической культурой и спортом по сравнению с государственной структурой. Первой в Западно-Сибирском регионе реорганизациям подверглась сфера физической культуры Новосибирской области – в 1994 году. При администрации Новосибирской области создается Департамент науки, образования, культуры, спорта и молодежной политики. Следует отметить, что за рассматриваемый период не только в Западной Сибири были предприняты попытки такого объединения. В Красноярском крае с 2004 по 2008 гг. также действовал Департамент образования, науки, культуры и спорта. Однако на сегодняшний день регионы отказались от такой громоздкой управленческой структуры.

Следующим за Новосибирской областью меняет свою структуру управления Кузбасс. С 01.08.1996 г. Комитет по физической культуре и спорту был преобразован в Департамент физической культуры, спорта и туризма администрации Кемеровской области [5]. Нужно отметить, что объединение физической культуры и спорта с туризмом стало экономически правильным решением для региона: в Кемеровской области с ее природно-климатическими особенностями было выгодно развивать туристические центры (Горная Шория, Танай) с целью привлечения туристов в регион, дальнейшей популяризации зимних видов спорта и спортивного туризма. Вслед за Кузбассом Республика Алтай в 1999 году в своей политике объединила вопросы развития физической культуры и спорта с туризмом. Следует отметить, что строительство туристических комплексов еще в 70 – 80-е годы положило начало культурному туризму, а природно-климатические условия дали толчок развитию оздоровительного, спортивного и другим видам туризма, который с 1990-х годов стал основой экономики региона.

В 2002 году в Кемеровской области путем объединения двух структур был создан Департамент молодежной политики и спорта [3]. Целями создания стало: оперативное решение вопросов, возникающих в ходе реализации областных программ по вопросам оздоровления, организации досуга молодежи, предотвращение дублирования в работе органов управления, а также продолжение государственной политики страны по оздоровлению молодежи. К 2004 году Томская и Омская области также реорганизовали структуру управления физической культурой, объединив ее с молодежной политикой. Очевидно, такая система управления, которая решала вопросы развития физкультуры и спорта совместно с молодежной политикой, стала возможна в регионах с большим процентом студенческой молодежи. Слияние как региональных, так и местных органов управления физической культурой и спортом и по делам молодежи, по мнению В. А. Антипова, стало выходом для решения социальных проблем на время, когда встал вопрос воспитания здоровой молодежи [1].

Рассматривая эволюцию органов управления, авторы настоящей публикации пришли к выводу: в политике регионов, в частности Кузбасса, вопросы физической культуры и спорта стали занимать все более важное место. Свидетельство тому – повышение статуса региональных органов управления в сфере физической культуры и спорта. От комитетов по физической культуре и спорту к 2007 году в Западной Сибири регионы приходят к департаментам (Кемеровская, Томская, Тюменская области, Республика Хакасия), министерствам (Омская область) и управлениям (Новосибирская область, Алтайский край).

К середине 2000-х гг. региональным органом управления сферой физической культуры и спортом в Кузбассе стал Департамент, объединяющий спорт, молодежную политику и туризм. Таким образом, Кузбасс опередил Омскую область, где с 2004 года сложилась схожая система организации. На федеральном уровне структура управления в сфере физической культуры и спорта, подобная исполнительным органам Кузбасса и Омской области, появилась лишь в

2008 году, когда было создано Министерство спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации.

С распадом Советского Союза, когда вертикальная подчиненность органов управления спорта была ликвидирована, у субъектов Российской Федерации появилось больше возможностей для реализации региональной политики в сфере физической культуры и спорта сообразно экономическим, демографическим и природно-климатическим особенностям области. В целом, двигаясь в одном направлении в ходе осуществления государственной политики (увеличение внимания к вопросам физической культуры и спорта путем повышения статуса органов исполнительной власти), регионы имели и свои особенности. Кемеровская область одной из первых реорганизовала структуру управления, обозначив, таким образом, изменение региональной политики в соответствии с новыми рыночными отношениями. Кузбасс первый из регионов Западной Сибири, в которых есть природно-климатические возможности для культивирования различных видов туризма, объединил вопросы туризма с физической культурой и спортом для решения экономических задач региона, создав Департамент физической культуры, спорта и туризма. Кроме того, особенностью регионов с высоким процентом студенческой молодежи, в том числе Кузбасса, стало слияние структур управления физической культурой и спортом и молодежной политики.

Литература

1. Антипов, В. А. Реализация функций физической культуры и спорта в государственной молодежной политике [Текст] / В. А. Антипов, Е. Г. Разумахина // Теория и практика физической культуры. – 2008. – № 3.
2. Бобровский, В. В. Государственная политика Российской Федерации в области физической культуры и спорта: 1991 – 2000 гг. [Текст] / В. В. Бобровский: дис... канд. ист. наук. – Астрахань, 2005. – 217 с.
3. ГАКО. Ф. Р-1366. Оп. 1 Д. 1. Л. 1
4. ГАКО. Ф. Р-411. Оп. 1 доп. Д. 27. Л. 3
5. ГАКО. Ф. Р-411. Оп. 1 доп. Д. 43. Л. 1
6. Душанин, А. П. Государственное управление физической культурой и спортом в Российской Федерации: организационно-правовые вопросы [Текст] / А.П. Душанин: дис... канд. юрид. наук. – М., 2000. – 167 с.
7. Кувалин, Д. Б. Экономическая политика и поведение предприятий: механизмы взаимного влияния [Текст] / Д. Б. Кувалин. – М.: МАКС-Пресс, 2009. – 320 с.
8. Лазарев, Б. М. Аппарат управления общенационального государства [Текст] / Б. М. Лазарев. – М., 1978.
9. Михалев, В. И. Сибирская академия: история и современность [Текст] / В. И. Михалев // Теория и практика физической культуры. – 1995. – № 9.
10. Правительство России и федеральные органы исполнительной власти [Электронный ресурс] / Структурный справочник. – М.: Панорама, 1995. – Режим доступа: <http://www.politika.su/prav/gkft.html> (дата обращения 20.12.2011.).

Э. Ю. ЮНГ КАК ИДЕОЛОГ «КОНСЕРВАТИВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ» В ОСВЕЩЕНИИ ГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

О. Э. Терехов

E. J. JUNG AS AN IDEOLOGIST OF THE «CONSERVATIVE REVOLUTION» IN THE APPRAISING OF GERMAN HISTORIOGRAPHY

O. E. Terekhov

В статье рассматривается оценка в современной германской историографии роли Э. Ю. Юнга в становлении идеологии немецкой «консервативной революции» в годы Веймарской республики. Давая оценку Э. Ю. Юнгу как идеологу «консервативной революции», немецкие историки прежде всего выделяли ряд типологических черт его мировоззрения и социально-политической доктрины, которые были присущи всей «консервативной революции» в целом.

Ключевые слова: «консервативная революция», Эдгар Юлиус Юнг, германская историография.

The article points out the views of the modern German historiography on E. J. Jung's role in the foundation of the German Conservative Revolution ideology in the Weimar Republic period. Appraising E. J. Jung as an ideologist of the Conservative Revolution, German researches underlined several features of his ideology and social-political doctrine which were typical for the Conservative Revolution on the whole.

Keywords: Conservative Revolution, Edgar Julius Jung, German historiography.

Идеология «консервативной революции» возникла в Германии на пике общественно-политического кризиса 1918 – 1919 гг. Поражение Германии в Первой мировой войне, Ноябрьская революция, учреждение демократической Веймарской республики, Версальский мирный договор нарушили устоявшийся жизненный уклад немецкого общества и перевернули общественные представления немцев. В условиях краха идеологии германского консерватизма предвоенной эпохи начинается раскол среди германских консерваторов. Представители молодого и частично среднего поколения немецких консерваторов выступили против возвращения к традиционной консервативной идеологии и политике кайзеровского толка, что привело к возникновению идеологии «консервативной революции», идейные предпосылки которой формировались еще до войны.

«Консервативная революция» была попыткой создания нового немецкого консерватизма и национализма радикального характера. Четко очертить ее идейные и политические границы едва ли представляется возможным, так как она не обладала программным и политическим единством. Ее деятели стремились обновить германский консерватизм и придать ему современный и динамичный характер. К числу характерных черт «консервативной революции» обычно относят: национализм, антилиберализм, противопоставление немецкого народного духа и немецкой культуры ценностям западной цивилизации, поиск особого пути исторического развития Германии в русле «немецкого (прусского) социализма», идею корпоративного государства, бескомпромиссную борьбу против Веймарской республики. Эти черты делали «консервативную революцию» родственной национал-социализму – другому, более радикальному течению германского консерватизма периода Веймарской республики в Германии. «Консервативные революционеры» отвергали парламентский путь достижения своих целей и считали, что они могут быть

достигнуты только революционным способом. Ее сторонникам грезилась новая, истинно «немецкая революция», которая возродит Германию.

Эдгар Юлиус Юнг (1894 – 1934) по праву считается одной из ключевых фигур в идеологии немецкой «консервативной революции». Участник Первой мировой войны, доктор юриспруденции, один из лидеров сопротивления французской оккупации Пфальца, неудавшийся депутат Рейхстага от Немецкой народной партии, Юнг входит в число ведущих идеологов «консервативной революции» только после публикации своего главного сочинения «Господство неполноценных» к концу 1920-х годов [7]. Однако позднее вхождение в ряды «консервативно революционного» движения не помешало стать Юнгу одним из его ведущих идеологов. Будучи сторонником аристократических принципов устройства общества, Юнг в этой и в других своих книгах и статьях подверг острой критике Веймарскую республику и разработал оригинальную концепцию государства, которая позволяет говорить нам о возрождении неоаристократических тенденций в идеологии «революционного консерватизма».

Интеллектуальное наследие Юнга, как одного из ведущих идеологов «консервативной революции», неоднократно становилось предметом специального рассмотрения германских исследователей. Актуальность данной статьи определяется неослабевающим интересом, который сохраняется в отечественной и западной гуманитарной мысли к феномену немецкой «консервативной революции». Новизна заключается в том, что автор впервые в отечественной историографии предпринял попытку анализа германской историографии творчества Юнга. В предлагаемой статье мы рассмотрим концептуальные интерпретации идейно-политических воззрений Юнга в германской историографии.

По мнению Хайды Герстенбергер, Юнга можно считать одним из острейших критиков либерализма,

особенно либерального образа человека, выраженного в таких понятиях, как «гуманизм», «права человека», «пацифизм». Главную идейную догму либерализма – равенство, Юнг стремился преодолеть с помощью нового учения о ценностях. В этой связи, согласно Х. Герстенбергер, Юнг не видел в социализме альтернативу либерализму и характеризовал его как коллективный индивидуализм. Преодоление либерализма в учении Юнга, обновление немецкой нации и германского государства могло осуществиться только на пути «консервативной революции» [4, s. 95 – 96].

Юнг проповедовал порядок как основной принцип общественной жизни и видел главную закономерность порядка в том, что каждый занимает место, соответствующее его достижениям и результатам. Подобный общественный порядок также соответствовал Божественным и природным законам. Требование возвращения к законам природы находилось у Юнга в тесно связи с признанием роли религии в жизни общества. Если природные связи как основа общественного порядка определялись Юнгом как принцип обороноспособности народа, то Бог санкционировал притязания народа на власть [4, s. 98].

Х. Герстенбергер подчеркивает, что принцип порядка как единственно верный принцип построения общества содержал основополагающий компонент политической мысли Юнга теорию элит. «Государство, как высшее состояние организованного сообщества, должно быть аристократическим, в последнем и высшем смысле, господством лучших» цитирует Юнга Герстенбергер [4, s. 99]. Причем аристократизм Юнг понимал не в социальном, а в духовном смысле. Задача новой аристократии духа способствовать достижению органического общественного порядка в Германии [4, s. 99].

Юнг и другие «консервативные революционеры» не пренебрегали расово-биологическими аргументами в поддержку своей идеи духовного возрождения немцев. Но, как полагает Х. Герстенбергер, считать их откровенно расистскими не следует. Юнг, с одной стороны, использовал расовые и биологические доказательства в обоснование концепции «новой аристократии». С другой – четко отделял себя от любого расистского детерминизма [4, s. 100 – 101]. Двойственное отношение Юнга к расовому учению сказалось на его отношении к проблеме антисемитизма. Не являясь открытым сторонником антисемитизма, Юнг частично использовал антисемитские аргументы в борьбе против Веймарской республики [4, s. 103].

В 1971 году выходит исследование Бернхарда Еншке «К критике консервативно-революционной идеологии в Веймарской республике. Мировоззрение и политика у Эдгара Юлиуса Юнга», в котором автор попытался комплексно рассмотреть различные аспекты философских и политических взглядов Юнга [6]. Б. Еншке отмечает, что необходимость политического действия у Юнга и его единомышленников «консервативных революционеров» была продиктована, прежде всего, мировоззренческими категориями [6, s. 30]. Тем самым Б. Еншке указывает на главную характерную черту идеологии немецкой «консервативной революции» – ее изначальную мировоззренческую заданность. В своих идейно-политических установках «консервативные революционеры» исходили не из

потребностей практической политики, а из определенных взглядов на мир и человека. В случае же Юнга обнаруживается недвусмысленное родство между мировоззрением и идеологией, что делает возможным интерпретировать его философские политические взгляды как базовые для всего феномена в целом [6, s. 31].

К основополагающим мотивам мировоззренческих и политических взглядов Юнга Еншке относит следующие: 1) переживание Первой мировой войны, которая послужила исходной точкой философского, политического и повседневного образа мысли Юнга [6, s. 32]; 2) представление о революции как социальной мифе, в котором сопрягается реальная и желаемая действительность. В этом ракурсе Ноябрьская революция воспринималась Юнгом как победа враждебных Германии сил [6, s. 47]; 3) принципиальным моментом мировоззренческих и политических установок Юнга была его концепция философии истории. Он разделял историю на две эпохи – индивидуалистическую эпоху и век всеобщего духовного и общественного единства. Обе эпохи циклически сменяли друг друга. Б. Еншке, рассматривая философско-исторические взгляды Юнга, отмечает две их наиболее характерные черты. Во-первых, влияние ницшеанской идеи «вечного возвращения». Во-вторых, близость философско-исторических концепций Юнга и Освальда Шпенглера, имеющих общий источник – философию жизни. Но, в отличие от Шпенглера, Юнг не разделял пессимистических взглядов на современный мир и считал, что кризис и упадок духа приведет к возрождению истинных христианских ценностей [6, s. 48 – 49].

Согласно Б. Еншке, главная идеологическая и политическая цель, которую преследовал и неустанно пропагандировал Юнг, заключалась в осуществлении «консервативной революции»: единственно верной и христианской революции [6, s. 58]. При этом революция понималась им как очистительный процесс, способный вновь вернуть нацию на путь единения. «Каждая истинная революция возрождает христианский дух» – цитирует Б. Еншке Юнга [6, s. 65], и делает следующий вывод – «консервативная революция означала для Юнга связь социальной и национальной революции на основе всеобщей «переоценки всех ценностей» [6, s. 66]. По мнению Юнга, она должна быть направлена одновременно против идей либеральной французской революции 1789 г. и антинациональной немецкой революции 1918 – 1919 гг. [6, s. 66 – 67]. Б. Еншке также показал значение словесной теории Юнга, как в контексте его собственных политических воззрений, так и ее влияние на идеологию «консервативной революции» в поздний период существования Веймарской республики. Б. Еншке определяет сущность политических взглядов Юнга, используя известный термин его единомышленника по «консервативно революционному» цеху К. Шмитта, как «политический романтизм» [6, s. 187].

Эдмунд Форшбах в своей небольшой книге-воспоминании (он был видным политическим активистом правого лагеря в годы Веймарской республики и лично хорошо знал Юнга), посвященной жизни и деятельности Юнга в годы нацистского режима, предпринял попытку смягчить радикализм его политиче-

ской концепции [3]. Э. Форшбах не считает Юнга «консервативным революционером». Юнг, в противоположность Артуру Мёллеру ван ден Бруку, не отрекся полностью от либерализма и индивидуализма, а такое отречение является, по Э. Форшбаху, главной чертой идеологии «консервативной революции». Э. Форшбах подчеркивает, что христианская основа политических взглядов Юнга не позволила ему встать на путь крайнего радикализма. Понятие «консервативная революция», введенное Юнгом в начале 1930-х гг. в политический дискурс Веймарской республики, понадобилось ему для того, чтобы разграничить младоконсерватизм от традиционной консервативной реакции. Консерватизм Юнга был направлен не на сохранение существующего порядка, а на его творческую переработку для создания нового общества. В своей апологетике Юнга Э. Форшбах заходит так далеко, что даже причисляет его к предтечам современной христианской демократии [3, s. 23 – 25].

Отдельную главу своего исследования о младоконсерватизме Ю. Ишида посвятил анализу идеологии «Ринг-Крайз». Он выделял две цели, которые преследовали младоконсерваторы. Первая цель заключалась в осуществлении «консервативной революции». «Консервативная революция» должна создать новую политическую элиту, которая стояла бы над партиями и состояла бы из независимых духовно личностей [5, s. 83 – 84]. Новая элита призвана провести в жизнь вторую цель, а именно – построить «новое» государство. Влияние масс на государство следует устранить. Согласно Ю. Ишиде, по замыслу младоконсерваторов из «Ринг-Крайз», после осуществления «консервативной революции» в Германии возникнет авторитарно-сословное государство, управляемое новой элитой [5, s. 84].

Ю. Ишида отводил Юнгу решающую роль в формировании идеологии младоконсерватизма. В трактовке Ю. Ишиды, Юнг предстает поборником истинного консерватизма, который, по его мнению, должен стать передовым идейным и политическим движением, стремившимся вернуть немецкому народу подлинные ценности в изменившихся общественно-политических и исторических условиях [5, s. 81]. Следуя течению мысли своего героя, Ю. Ишида утверждает, что «консервативная революция» была для Юнга единственным путем вернуть немецкому народу его истинные ценности. Под «консервативной революцией» Юнг, в интерпретации Ю. Ишиды, понимал духовное и политическое течение, призванное завершить государство Веймара и начать новую эпоху возрождения немецкой нации. По мнению Ю. Ишиды, трактовку Юнгом идеи «консервативной революции» следует понимать как контрреволюцию против идей 1789 года и единственным спасением от заката Европы [5, s. 82 – 83].

Призыв к осуществлению «консервативной революции» означал для Юнга одновременно острую критику традиционного консерватизма, представители которого погрязли в собственных интересах и партийной борьбе, потеряв духовный и морально-нравственный авторитет. Ю. Ишида отмечает, что в качестве образца для возрождения консерватизма Юнг брал не консерваторов-практиков типа О. фон Бисмарка, а консерваторов-теоретиков Ю. Лангбена и П. Лагарда

[5, s. 84]. Другая задача «консервативной революции» в представлении Юнга заключалась, согласно Ю. Ишиде, в том, чтобы стать контрреволюцией против поднимающегося лево- и праворадикального массового движения. «Консервативная революция» должна создать новую элиту, стоящую над массами и партиями. Влияние масс на руководство государством необходимо прекратить. Только избранная элита (под которой Юнг и младоконсерваторы понимали прежде всего себя) имеет право управлять государством [5, s. 84].

Ю. Ишида отмечал, что Юнг выступал за то, чтобы преобразовать «массовое» и классовое общество Веймарской республики в новое сословно структурированное сообщество. При этом он требовал отделить сословия от государства, которое, в его понимании, было высшим сословием и должно находиться над остальными сословиями. Более того, Юнг разделял политические и экономические условия развития общества, то есть фактически соглашался с возможностью государственного диктата в экономической сфере, хотя он и выступал ревностным защитником частной собственности [5, s. 88]. Характеризуя взгляды на государство Юнга, Ю. Ишида особо подчеркивает, что Юнг был противником создания тотального государства. Государству следует отказаться от претензии тотального вмешательства в жизнь общества. Главные задачи государства находились в области внешней политики и военном деле. Государству следует отказаться от глобальных претензий на вмешательство в жизнь общества. В свою очередь, общество должно помогать государству в проведении его задач. Для этого необходимо выполнение двух условий: во-первых, деполитизация общества, во-вторых, делегирование для управления государством со стороны общества небольшой, ответственной, этически и социально ориентированной новой элиты [5, s. 90 – 91].

В интерпретации Ю. Ишиды, Веймарская республика не была для Юнга той формой государства, которая могла бы способствовать возвращению немцев к своим подлинным ценностям. Юнг характеризовал Веймарскую республику как высшую точку в развитии либерализма, который был импортирован в Германию со времен Великой Французской революции и который был абсолютно чужд немцам. Либерализм привел к сословному хаосу в Веймарской республике, вызвал волну индивидуалистического и материалистического мировоззрений и разрушил немецкую культуру [5, s. 81 – 82].

Раймонд Буше говорит о Юнге как о метаполитическом эклектике. По его мнению, метаполитические теории О. Шпенглера, А. Мёллера ван ден Брука и К. Шмитта следует считать основополагающими для идеологии немецкого консерватизма в Веймарской республике. Все другие идейные метаполитические конструкции были эклектичным синтезом вышеупомянутых авторов, хотя некоторые из них можно считать более или менее оригинальными [2, s. 203].

К числу наиболее значительных метаполитических эклектиков Р. Буше относит Юнга. Значение Юнга для немецкого консерватизма в Веймарской республике определялось не только тем, что он сотрудничал с Ф. фон Папеном, но и тем, что Юнг был ведущим представителем неоромантизма в идеологии

немецкого консерватизма 1920-х начала 1930-х гг. По утверждению Р. Буше, неоромантизм Юнга базировался на его вере в скорое крушение либерализма, ликвидации «господства неполноценных» и создании нового рейха. Юнг отнюдь не стремился обновить традиционную консервативно-романтическую мысль. Его романтизм был иного рода [2, s. 204].

Р. Буше отмечает особое влияние на Юнга универсалистского учения О. Шпанна, определяя его как романтически-сословное. Шпанн, по словам Р. Буше, прямо указал на главную цель метаполитических спекуляций немецких консерваторов достижение истинного государства [2, s. 205]. Универсализм Шпанна подстегнул интерес немецких консерваторов к переосмыслению собственной романтической традиции. Помимо Шпанна, существенное влияние на Юнга оказали Шпенглер, Мёллер ван ден Брук и Шмитт.

Согласно Р. Буше, основная цель метаполитических спекуляций Юнга — деполитизация нации. В подтверждении своих рассуждений он приводит следующую цитату из работы Юнга «Объяснение смысла немецкой революции»: «Путь народа, который политически окреп, приведет его к внутренней деполитизации. В процессе деполитизации завершится разрушение демократии» [2, s. 208]. Задача будущей не-мецкой революции — деполитизировать массы в смысле их возможности влиять на управление государством. Именно для этой цели, как полагает Р. Буше, Юнг восстанавливает понятие «народ» и противопоставляет его понятию «массы». Р. Буше подчеркивает, что апелляция Юнга к понятию «народ» есть нечто иное, как желание вернуться к предполитическому бытию, уходящему своими корнями в предпросвещенческую эпоху [2, s. 208].

Юнг с позиции неоромантика выступил против современных ему форм политики. Политика в форме демократии казалась ему механистической, бездуховной и основанной на господстве масс или, по его терминологии, неполноценных [2, s. 209]. Поэтому главная задача истинной политики — разрушение господства массы. Р. Буше следующим образом определяет значение политических взглядов Юнга для идеологии немецкого консерватизма в Веймарской республике: «Юнг понимал «консервативную революцию» как протест против господства масс» [2, s. 210].

Штефан Бройер назвал Юнга ведущим представителем неоаристократизма в Веймарской республике. Он подчеркивал идейную преемственность между Юнгом и Мёллером ван ден Бруком. По мнению Ш. Бройера, неоаристократизм Юнга проявился в его отходе от идеологии нового национализма, которую он первоначально поддерживал. Юнг считал национализм творением французской романтической мысли и поэтому чуждой немецкой сущности. На место идеи национализма Юнг поставил идею народа. Он поддерживал концепцию универсального государства О. Шпанна, согласно которой политические функции управления государством должны были находиться в руках высших сословий. Сословное государство следует, в свою очередь, образовать по профессионально-сословному принципу [1, s. 136 – 137].

По Ш. Бройеру, Юнг определял либерализм как своего главного идейно-политического врага и связывал его с индивидуализмом, эгоизмом господства

масс, коллективизмом и новым варварством. Он отвергал государство партий, бюрократическое «большое государство», социальную политику и интернациональный социализм. Юнг выступал за возрождением корпоративных принципов организации власти. Вместе с тем политическая мысль Юнга оставалась в рамках идеи национального капитализма. Он не отвергал капитализм как таковой, но подчеркивал его негативные стороны, выраженные в принципах бездуховности, господстве денег, нарушении равновесия между городом и деревней, технике, подавляющей жизненные и культурные ценности народа [1, s. 135 – 136].

В целом Ш. Бройер полагает, что выявить идеологический и политический профиль Юнга сложно. С одной стороны, Юнг выступает как неоаристократ, стремившийся вернуться к изначальным духовным и идейным истокам консерватизма, что сближало его с фёлькише, с которыми он, правда, разошелся в принципе этического поминания народа. С другой стороны, политическая мысль Юнга вобрала в себя большинство новых тенденций германских правых в Веймарской республике [1, s. 138].

В работах последнего десятилетия о «консервативной революции» немецкие авторы в основном пытаются подвести некий итог изучению идейного наследия Юнга. Армин Молер, Карлхайц Вайсмани делают вывод о том, что Юнг в младоконсервативном движении попытался занять место А. Мёллера ван ден Брука как ведущего теоретика «консервативной революции» [9, s. 126]. Несмотря на то, что Юнг в своем учении развивал линию «консервативной революции», намеченную Мёллером ван ден Бруком, между двумя значительными идеологами младоконсерватизма имелись определенные различия, особенно в понимании христианства и имперской идеи [9, s. 130]. «Консервативно революционная» традиция означала для Юнга наличие метафизически укорененных индивидуальных ценностей как основы общества, а «Господство неполноценных» являлось книгой, написанной не только в русле критики культуры в духе Шпенглера, Юнг рассматривал свой труд как энциклопедию антипросвещения, как основу для обновления идеологии консерватизма. Юнг, по мнению А. Молера и К. Вайсмани, верил в то, что «новое средневековье» уничтожит модерн эпохи Просвещения и вследствие «консервативной революции» Бог вновь будет возведен на алтарь [9, s. 129].

Интересные соображения относительно сущности консерватизма Юнга высказывает в своей небольшой монографии Себастиан Маас. По утверждению С. Мааса, Юнг был убежден, что идея национального государства была неприемлема для немецкого народа. Совместная жизнь народов возможна только в рамках империи под руководством избранной нации. Масс вновь возвращается к мысли Х. Герстенбергер о том, что корни консерватизма Юнга находятся в идеологии фёлькиш, основанной на расово-биологических идеях [8, s. 86]. Но, в отличие от представителей фёлькиш, Юнг не являлся расовым фанатиком, а выступал сторонником проведения такой национальной политики, при которой коренное население должно занимать доминирующее положение, а народ должен жить, основываясь на принципе органического народ-

ного единства, то есть быть внутренне гомогенным, невзирая на социальные и политические противоречия [8, с. 87 – 88].

С. Маас констатирует, что органическая концепция общества и народа Юнга наложила отпечаток на его взгляды на государство. Государство представлялось Юнгу в форме сословно-унифицированного сообщества, в котором само государство являлось высшим сословием. При этом Юнг отверг принципы буржуазного понимания государства: естественное право, демократию, бюрократизацию государственных институтов [8, с. 88 – 89]. Вместо «господства неполноценных», именно так Юнг называл либеральную демократию, он призывал к установлению диктатуры вождистского типа. С. Маас отмечает в концепции государства Юнга тоталитарные черты [8, с. 88 – 89].

Юнг занимает одно из ключевых мест в идеологии германской «консервативной революции». Давая оценку Юнгу как идеологу «консервативной революции», немецкие авторы акцентировали прежде всего внимание на синтезе традиционалистских и модернистских черт в его политической концепции, отмечая при этом, что оригинальность философского и политического мышления Юнга проявляется именно на стыке традиционализма и модернизма. В то же время политическая мысль Юнга развивалась в русле общих тенденций идеологии «консервативной революции», соединившей в различных комбинациях традиции немецкого консерватизма и модернистский стиль политического мышления.

Литература

1. Breuer, S: Grundpositionen der deutschen Rechten 1871 – 1945 / S. Breuer. – Tübingen: Ed. Diskord, 1999. – 191 s.
2. Bussche, R. von dem. Konservatismus in der Weimarer Republik: die Politisierung des Unpolitischen / R. von dem Bussche. – Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1998. – 428 s.
3. Forschbach E. Edgar J. Jung: ein konservativer Revolutionär. – 30. Juni 1934 / E. Forschbach. – Stuttgart: Neske, 1984. – 184 s.
4. Gerstenberger, H. Der revolutionäre Konservatismus: ein Beitrag zur Analyse des Liberalismus / H. Gerstenberger. – Berlin: Duncker & Humblot, 1969. – 171 s.
5. Ischida, Y. Jungkonservative in der Weimarer Republik. Der Ring-Kreis 1928 – 1933 / Y. Ischida. – Bern: V Peter Lang, 1988. – 298 s.
6. Jenschke, B. Zur Kritik der konservativ-revolutionären Ideologie in der Weimarer Republik: Weltanschauung und Politik bei Edgar Julius Jung / B. Jenschke. – München: Beck, 1971. – 200 s.
7. Jung, E. J. Die Herrschaft der Minderwertigen, ihr Zerfall und ihre Ablösung durch ein neues Reich. 2. Aufl / E. J. Jung. – Berlin: Deutsche Rundschau, 1930 – 692 s.
8. Maaß, S. Die andere deutsche Revolution: Edgar Julius Jung und die metaphysischen Grundlagen der konservativen Revolution / S. Maaß – Kiel: Regin- Verlag, 2009. – 158 s.
9. Mohler, A. Die konservative Revolution in Deutschland 1918 – 1932: ein Handbuch. 6, völlig überarb. und erw. Aufl. / A. Mohler, K. Weißmann. – Graz: Ares-Verlag, 2005. – XXV, 643 s.

УДК 94:398.8(571)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ТРАДИЦИЙ И НОВАЦИЙ В МУЗЫКАЛЬНОМ ФОЛЬКЛОРЕ СИБИРИ

Н. Т. Ултурсгаешева, Л. Ю. Егле

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF RESEARCHING TRADITIONS AND INNOVATIONS IN SIBERIAN FOLK MUSIC

N. T. Ulturgasheva, L. Y. Egle

В статье рассматривается деятельность учреждений образования и культуры, связанная с обращением к этнофольклорным традициям, анализируется соотношение традиций и новаций в фольклоре, а также выявляются формы бытования музыкального фольклора в современных условиях.

Ключевые слова: традиционная культура, музыкальный фольклор, этнофольклорные традиции, этнос, учреждения образования и культуры.

The article reviews the activities of educational and cultural institutions associated with the interest to ethnic folk traditions, it analyzes the ratio of traditions and innovations in folklore; today's forms of folk music existence are revealed as well.

Keywords: traditional culture, folk music, ethnic folk traditions, ethnicity, institutions of education and culture.

В начале XXI века, на фоне усиливающегося процесса глобализации, ведущего к нивелированию отличительных черт в культуре разных народов, ярко проявляется тенденция поиска тех оснований в куль-

туре, на которых возможно сохранение истинных ценностей, исторического наследия поколений, а также становление духовных идеалов и национально-культурного самосознания. Одним из таких основа-

ний может стать традиционная культура и, в частности, музыкальное фольклорное наследие, которое является беспрецедентным обобщением опыта традиции, важнейшим фактором интеграции этнического и группового самосознания и транслятором этнокультурной информации.

Однако в современных условиях всё явственнее проявляется механизм забвения этнофольклорных традиций, выражающихся в самовозникновении, саморазвитии и саморасцвете различных форм социально-культурной деятельности, претендующих на создание новых традиций. При всей сложности и противоречивости этого процесса, деятельность учреждений образования и культуры, связанную с обращением к этнофольклорным традициям, необходимо основывать на традиционных формах народного художественного творчества, с учётом реальных возможностей, жизненных процессов и потребностей людей.

Без сомнения, XX век для многих народов России – это период прогрессирующей ассимиляции, которая характеризуется как нарастающая утрата этносом своей субъектности, выражающейся в ограничении или отстранении от процесса развития национальной культуры и осознания своей собственной истории. С одной стороны, это нарастание негативных процессов, для преодоления которых человечество уже выработало надёжный механизм выживания, в случае любых «сбоев» в жизни народа, любых кризисных ситуаций в самых разнообразных сферах будет «запускаться» обратный процесс – экстерниоризация и соответственно будут восстанавливаться более простые, казалось бы, уже отжившие своё, развёрнутые формы деятельности [9]. Это справедливо, по мнению А. Анисимова, для народов Востока, чей цивилизационный код – «код с повышенным потенциалом устойчивости и, в частности, повышенной помехоустойчивостью» [1]. С ним солидаризуется и В. Ф. Овчинников, когда утверждает, что если акцент духовного поиска Запада – поиск абсолютной Истины, России – абсолютного Добра, то для восточных народов – это стремление постичь абсолютный смысл вечности [8].

С другой стороны, имманентным свойством всякого живого организма, а этнос – явление биосоциальное, является стремление к росту, развитию. Более того, в менталитете восточных народов крепко сидит идея достижения Вечности Жизни как главной ценности в этом мире. Таким образом, в процессе этнического возрождения необходимо использовать механизмы выживания для оптимизации процесса развития народа.

Проявлением названного противоречия становится напряжённость между стремлением этноса к восстановлению традиционных форм жизнедеятельности как проверенных временем способов адаптации к среде и необратимым изменениям природных условий в ходе преобразующей деятельности человека. Причем самоизменение территории воспринимается трагически, поскольку жизнь в этническом ландшафте – «это один из способов обретения – восстановления – наращивания единства собственного жизненного мира» [5].

Возрождение традиционной культуры как предельно экологической, по-видимому, может стать од-

ним из факторов сохранения, а затем и восстановления среды обитания.

В XX веке индустриальная культура, основанная на либеральных ценностях и достижениях (права личности, святость частной собственности, научно-технический прогресс, гражданское общество и правовое государство), стала, по сути, уже общечеловеческой. Прав академик Н. Н. Моисеев, когда утверждал, что «ни одна страна не может оставаться в стороне от модернизации, ибо в этом случае ей станет ещё хуже» [7].

В процессе этнического возрождения народов Сибири формирование либеральных ценностных установок важно соотносить с восстановлением ценностей восточного мировоззрения: единства в Природе, коллективной солидарности, благоговением и личной ответственностью перед Жизнью.

Исследователи проблем этнического развития, как правило, при анализе процессов возрождения народов ограничиваются перечислением поставленных и решаемых задач. Реже формулируются цели возрождения народов. Например, С. А. Арутюнов этническое возрождение рассматривает достаточно эмоционально как процесс, «когда внуки стремятся вспомнить то, что деды стремились забыть» [3].

Среди множества противоречий при построении педагогической программы деятельности учреждений культуры и образования по приобщению к ценностям народной культуры особенно острыми являются противоречия между формой, в которой реализуется этнофольклорная традиция, и содержанием, в котором бьётся пульс современной мысли. Установка на творчески инновационную ориентацию порой грозит крушением базовых элементов культуры, иногда открыто провозглашаемым, иногда неосознанным. Стремление заниматься организационным формотворчеством вне государственных официальных структур, напор финансово-экономических новаций ведёт к вытеснению этнофольклорных и этномзыкальных традиций из массовой культурной деятельности, трансформируется в иные формы. Все это обуславливает необходимость выявления современных форм бытования фольклора, а также анализа соотношений традиций и новаций в фольклоре.

Традиционная культура исторически сохраняет непреходящие ценности (идеи и смыслы), выполняющие функции ценностной ориентации этноса, определяющие его духовную уникальность, обеспечивающие консолидацию общества, помогающие восстановлению культурной преемственности и национально-культурной идентификации – необходимой составляющей мировоззренческого потенциала. Важную роль в традиционной народной культуре выполняет фольклор, образовавший ее специфическую область. В фольклорной форме интегрируется, закрепляется и аккумулируется традиция, вырабатываемая этносом или его локальной группой, это этническое самосознание, этнические установки, легенды о происхождении народа и его контактах с другими народами, историческая память, отливавшаяся в предания и легенды, передачу мифологической традиции и реализацию мифов и верований, осмысление обрядов и традиций материальной культуры, интеграцию стереотипов соционормативной культуры и т. д. [10].

Более того, можно без преувеличения сказать, что фольклор с наибольшей интенсивностью выражает этнические функции культуры.

Однако следует иметь в виду, что традиция представляет собой не только механизм воспроизводства, передачи социально значимого опыта, но и механизм его обновления и воссоздания. С. А. Арутюнов подчеркивал, что «любая традиция – это бывшая инновация, и любая инновация – в потенции будущая традиция». Ни одна традиционная черта не присуща любому обществу изначально, она имеет свое начало, откуда-то появилась, следовательно, некогда была инновацией. И то, что мы видим ныне как инновацию, либо не приживется в культуре, отомрет и забудется, либо приживется, со временем перестанет смотреться как инновация, а значит, станет традицией [3]. Таким образом, традиции могут существовать без инноваций, но не наоборот; традиция абсолютно необходима для самого поддержания существования общества; инновация необходима для его развития.

Как отмечает Э. С. Маркарян, именно в способности усваивать инновации и заключается живучесть, адаптивная лабильность традиции. Однако следует различать инновации эволюционные, вводящиеся постепенно и незаметно, и революционные (путем изобретения или заимствования), которые способны привести к разрыву со старой традицией и к основанию новой. Один из исследователей фольклорной традиции К. В. Чистов утверждал, что новация может существовать только как инновация, т. е. когда она уже втянута в традицию, адаптирована ею, функционирует в ее составе. Способная к модификациям, традиция обеспечивает стабильность общности. В этом состоит ее парадокс, который К. В. Чистов описывал через понятие «диапазон вариативности» (сочетание в стереотипах тенденций к жесткости и пластичности).

Процесс возникновения новых традиций нельзя фатально привязывать к гибели старых традиций, поскольку между новыми и старыми традициями могут существовать органические связи, в результате чего некоторые традиции, возникнув в далеком прошлом, вообще долго не исчезают, а в соответствии с новым общественным бытием обогащаются и развиваются как по содержанию, так и по форме. Механизм действия традиции обладает способностью возрождать и одновременно трансформировать забытые культурные стереотипы и формы. Когда возникает социально-культурная потребность в чем-то новом, свежем, нередко оказывается, что это найденное «новое» – результат обновления уже готового, сложившегося и отработанного в прошлом стереотипа. Преемственность не ограничивается «вертикальными связями» (например, от древности к современности, исторической). Следует учитывать и «горизонтальный аспект», понимаемый как взаимная передача культурных традиций между народами, нациями. Он обеспечивает пространственную преемственность, а это – взаимообогащение культур, их взаимовлияние, аккультурация.

При этом существует мнение, что в наши дни изменение образа жизни, а также субъекта-носителя исторической народной культуры привело к разрушению ее традиций. Однако переход от доиндустриального общества к индустриальному и урбанизиро-

ванному сопровождался не ликвидацией традиции как таковой или (что в этом случае одно и то же) культуры как таковой, а сменой одной системы традиций другой, одного типа культуры другим. Таким образом, противопоставление доиндустриального общества как «традиционного» индустриальному как «нетрадиционному» не имеет теоретического основания и сохраняется по инерции или весьма условно.

Нет общества без культуры, т. е., по Э. С. Маркаряну, – адаптивно-адаптирующего механизма, обеспечивающего функционирование общества. Подобный механизм не может сформироваться без «негенетической памяти коллектива» (Ю. М. Лотман), т. е. без традиции, которая в значительной мере представляет собой систему социально-значимых стереотипов. Соответственно традиция – это сеть (система) связей настоящего с прошлым, причем при помощи этой сети совершаются определенный отбор, стереотипизация опыта и передача стереотипов, которые затем воспроизводятся. В этом смысле культура подразумевает собой адаптивную систему, состоящую из разнопорядковых культурных элементов, как стабильных, так и изменчивых, в зависимости от внешнего – природного и культурно-политического окружения, и включает в себя традицию, представляющую собой средоточие культурных парадигм, которые неизменны, по своей сути, а допускают только внешние, хотя порой и очень значительные изменения.

При диалоге культур проникновение новаций в культуру этносов проходит ряд этапов. При этом механизм зарождения и развития инноваций в культуре таков: вначале селекция, которая заключается в отвержении одних импульсов и отборе других для последующего усвоения или переработки. Далее – воспроизведение, отражающее раннюю стадию усвоения воспринятых извне или порожденных изнутри инноваций и заключающееся в простом копировании их, без попыток серьезной трансформации. Затем – модификация. Она связана с процессом постепенного усвоения инновации, её постепенного приспособления применительно к специфике данного этноса. На этом этапе инновация зачастую вызывает изменения в соприкасающихся в ней элементах традиционной культуры. Заключительный этап – структурная интеграция, когда инновация перестаёт осознаваться как таковая и превращается в органическую часть этнической культурной традиции [2]. По мнению Г. Г. Котожекова: «Такой механизм вхождения инноваций в национальную культуру этносоциальной общности можно продемонстрировать на примере структурного построения художественной культуры» [6] Суть в том, что «до революции в арсенале культуры тюрков Южной Сибири не значился такой элемент, как театр. В 20-е годы появление агитбригад «Синеблужников» было встречено с удивлением. Затем рождение театральных кружков художественной самодеятельности, национальных театров получает признание. Но это был период простого копирования без серьезного познания, закрепления в памяти инонационального мира. Далее шёл процесс сравнения, сопоставления театра с аналогиями традиционной культуры. А так как театр как зрелище, вид искусства у народов Саяно-Алтая отсутствовал, то сопоставление могло идти с шаманским камланием, давшим импульс для созда-

ния театра, или народными играми, состязаниями творцов и сказателей. И наконец, театр приобретает специфические особенности. На национальном материале создаётся репертуар, используются костюмы, утварь, сценография также учитывает специфику традиционной культуры. Последующее поколение алтайцев, тувинцев, хакасов ... уже не воспринимает театр как инновацию в национальной культуре. Театр становится органической частью культурной традиции этноса. Таким образом, подчеркивает Г. Г. Котожеков, «взаимодействие и взаимовлияние культур ведет к появлению общего между ними, далее – к их единству и интеграции в сфере культуры. Основанием для единства культур служит наличие общих черт в культурах различных этносоциальных общностей, базирующихся на общечеловеческих ценностях. Отсюда можно сказать, общее в развитии культур этносоциальной общности обусловлено принадлежностью конкретной культуры человечества, а различие – своеобразием и длительностью исторического опыта культуры этноса» [6].

Исследование социальных механизмов, обеспечивающих включенность традиционных форм культуры в современные цивилизационные процессы сегодня особенно востребовано. Прежние механизмы не всегда «срабатывают» в новых структурах культуры, ориентирующейся на передачу навыков интеллекта, знания, информации, но не обеспечивающей им достаточной социально-психологической устойчивости. В современных условиях ощущается дефицит неформализованных механизмов социализации, использующих смыслы в их исконно образной, эмоциональной формах, естественно-социальные пути инициации (семья, соседство и т. п.).

Вместе с тем очевидно, что культура не может быть сведена лишь к ее традиционным компонентам, актуален поиск таких форм, в которых музыкальный фольклор может бытовать и развиваться в новых условиях, гармонично вплетаясь в жизнедеятельность человека. Таким образом, необходимо всестороннее исследование имеющихся форм функционирования фольклора на конкретно-эмпирическом уровне, что позволит выявить основные типы исполнительской ориентации на фольклорную традицию, исследовать особенности социальной среды носителей фольклорных традиций, а также проектировать возможные механизмы оптимизации бытования фольклора и включения его в образовательный процесс.

В круг объектов анализа входят различные формы бытования музыкального фольклора, как в аутентичной, так и в неаутентичной среде, воспроизводимые носителями традиции и исполнителями-любителями – участниками различных фольклорных ансамблей. Материалом для исследования послужили информационно-аналитические отчеты о деятельности учреждений образования и культуры, публикации в научных и научно-популярных изданиях, суждения экспертов, основанные на многолетней экспедиционной практике, наблюдениях и анализе ситуации. Также в расстановке некоторых акцентов при интерпретации материалов помогли личные впечатления от встреч, общения с народными исполнителями – хранителями традиций, с участниками молодежных любительских

фольклорных ансамблей (городских и сельских), опыт участия в фольклорном движении [4].

В исконной среде бытования фольклора межпоколенная передача традиционной культуры и ее влияние на формирование личности происходило естественным образом: от человека к человеку, от поколения к поколению в процессе непосредственного общения и взаимодействия. На определенном этапе цивилизации роль хранителя информации, опыта, роль их фиксатора стали значительно эффективнее осуществлять наука и образование. Однако существенная роль традиционной культуры во внеинституциональной самоидентификации и нравственной социализации человека сохраняется.

Одновременно широкое распространение письменности, аудио- и видеотехники открывает новые возможности для распространения текстов, которые дополняют естественный механизм функционирования традиции. Однако все технические новшества не должны вытеснить устного способа бытования традиции, так как именно он позволяет передать то, что не поддается точной фиксации, то есть эмоциональное наполнение. Воздействие музыкального фольклора значительно снижается при восприятии его через воспроизводящие формы (книги, ноты, видео-, магнитофонные записи, кино). Сила влияния фольклора заключается в той непосредственной реакции, которая естественно возникает у слушателя и зрителя в момент исполнения, но еще гораздо более ценно то эстетическое наслаждение, которое получают сами исполнители фольклора.

В современной народной культуре, прямо или косвенно связанной с традиционным народным творчеством, выделяют несколько типов ориентации на традицию, причем в разное время то одни, то другие типы ориентации начинали ценностно доминировать. Но все они тем не менее продолжают параллельно существовать и функционально оправданны, что во многом связано с многополярностью современной культуры. В ходе исследования форм бытования фольклора в Сибири были выявлены следующие типы ориентации: аутентичный фольклор; творчество на традиционной основе в фольклорных группах и в городской, и сельской среде; фольклорное исполнительство в сценических формах и в городской, и сельской среде; набор унифицированных вариантов аутентичной и национальной культур.

В реальной социокультурной ситуации разные типы ориентации на национальную и этническую традиции в современной культуре редко присутствуют в чистом виде. Сочетаясь в разных дозах, дополняя друг друга и одновременно контрастируя, перетекая друг в друга, они образуют достаточно сложную, многоцветную палитру современной культуры и культурной жизни, являя одновременно и ее богатство, раздвижение границ, и бедность, утрату прошлых достижений, изначальной целостности, в зависимости от избранных критериев оценки.

Среди фольклорных ансамблей, функционирующих в регионе, выделяются те, которые в своей деятельности сочетают экспедиционную работу, изучение фольклорно-этнографического материала и

пропаганду усвоенного музыкального фольклора. Появление таких ансамблей в деревнях имеет совершенно особое значение, так как они способны хотя бы частично восстановить жизнеспособность традиционной сельской культуры в местах ее первичного функционирования.

Как показывают наблюдения, большинство коллективов, существующих в области, – это ансамбли сценического фольклора, репертуар которых состоит из набора унифицированных вариантов аутентичной и национальной культур, свободного от регионально-этнической специфики, вариативности, импровизационности – качеств, без которых немислим фольклор.

Сегодня необходим совместный поиск, сотрудничество ансамблей, которое носило бы живой, неформальный характер и постепенно приобретало бы черты осознанного, целенаправленного и коллективного движения к подлинному фольклору.

В регионе проводится большое количество праздников на традиционной основе. Однако сегодня необходим переход от организованных, показательных форм к формам естественного участия и самовыражения всех присутствующих на празднике или обряде, так как только это позволит приобщить население к активному усвоению культурных ценностей. На этих праздниках необходимо создавать благоприятную ситуацию для включения элементов обрядового и необрядового фольклора, которые были бы адекватны традиционным ситуациям и не противоречили бы природе и сущности фольклора, чтобы фольклор возник как бы «сам собой», родился естественно, из жизненной ситуации. Поэтому необходим активный поиск механизма органичного встраивания традиционных ценностей в современный контекст культурного пространства.

Таким образом, традиционная культура способна функционировать лишь при парадоксальном сочетании противоположных векторов развития. Сохраняя базисные ценности, выражающие мировоззрение народа, выполняя ценностно ориентирующие функции, определяющие его духовную уникальность и обеспе-

чивающие консолидацию людей, она в то же время потенциально динамична, способна усваивать инновации, в чем заключается ее жизнестойкость, адаптивная лабильность. Развитие нетрадиционных форм музыкального фольклора является свидетельством поляризации современной культуры, ее многомерности, что, несомненно, приводит к качественно новому характеру мировосприятия, совмещающему в себе традиции и новации.

Литература

1. Анисимов, А. Г. Система цивилизационных кодов и глобальная динамика / А. Г. Анисимов // Россия XXI. – 1996. – № 1.
2. Арутюнов, С. А. Процессы и закономерности вхождения инноваций в культуру этноса / С. А. Арутюнов // Советская этнография. – 1992. – № 1.
3. Арутюнов, С. А. Народы и культура: развитие и взаимодействие / С. А. Арутюнов. – М., 1989. – 247 с.
4. Егле, Л. Ю. Музыкальный фольклор в контексте современной культуры Сибири / Л. Ю. Егле: дис. ... канд. культурологии. – Кемерово, 2005. – 160 с.
5. Каганский, В. Л. Ландшафт и культура / В. Л. Каганский // Общественные науки и современность. – 1997. – № 1.
6. Котожеков, Г. Г. Генезис национальной культуры / Г. Г. Котожеков. – Абакан, 1991.
7. Моисеев, Н. Н. Современный антропогенез и цивилизованные разломы (эколого-политический анализ) / Н. Н. Моисеев // Социально-политический журнал. – 1995. – № 3.
8. Овчинников, В. Ф. О понятии исторического типа философии / В. Ф. Овчинников // Вопр. философии. – 1996. – № 10.
9. Павленко, В. Н. Культурно-историческое развитие и теория поэтапного формирования / В. Н. Павленко // Вопр. психологии. – 1995. – № 1.
10. Чистов, К. В. Народные традиции и фольклор. Очерки теории / К. В. Чистов. – Л.: Наука, 1986. – 304 с.

МАТЕМАТИКА

УДК 519.6

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ МЕНЕДЖМЕНТА В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ
В ФОРМЕ ДИНАМИЧЕСКОЙ ИГРЫ С ПРИРОДОЙ

Н. Н. Данилов

MATHEMATICAL MODEL OF MANAGEMENT UNDER CONDITIONS OF UNCERTAINTY
IN THE FORM OF DYNAMICAL GAME WITH NATURE

N. N. Danilov

Построена математическая модель менеджмента как управления предприятием в рыночных условиях с целью получения прибыли. С учетом агрессивности среды модель принятия управленческих решений (существование конкурентов, неполнота или отсутствие необходимой информации и др.) построена в форме динамической игры с природой. Определены и анализированы принципы оптимального поведения менеджера.

Ключевые слова: менеджмент, предприятие, неопределенность, риск, игра с природой, принципы оптимального выбора управленческих решений.

Mathematical model of management as operation of business in the market with the purpose of profit earning is built. Taking into consideration hostile environment of managerial decision-making (competitors existence, incomplete or null information etc.) the model is built in the form of dynamical game with nature. Principles of optimal behaviour manager's are defined and analysed.

Keywords: management, business, uncertainty, risk, game with nature, principles of optimal managerial decisions.

В теории менеджмента выделяют четыре основных направления (см., напр., [1]): ориентированность на научное управление, администрирование, человеческие взаимоотношения и применение математических методов управления. Математическое направление характеризуется использованием в менеджменте математических моделей и методов. Говоря о математических моделях в менеджменте, прежде всего имеют в виду формализацию задач принятия решения и управленческих задач.

Статистические модели принятия решения, такие как задачи линейного и нелинейного программирования, теоретико-игровые задачи, задачи массового обслуживания и др. не учитывают фактора времени, т. е. являются моделями «застывшего» состояния системы или процесса. Модели управления, в которых существенно учитывается фактор времени, более подходят для применения в менеджменте, изучаются в математической теории оптимальных процессов. Здесь под «управлением» понимается воздействие извне на тот или иной объект (процесс, систему) с целью приведения его в желаемое состояние, если этот объект снабжен «рычагами» управления [2].

Управление как целенаправленный процесс применяется во всех сферах человеческой деятельности – от управления простым техническим агрегатом или семейным бюджетом, до управления высокотехнологичными процессами или целым государством. Менеджмент, как аналог «управления» в области экономической деятельности, имеет конкретный объект приложения и конкретные задачи. Менеджмент – это управление конкретной организацией (фирмой, производством, коммерцией) в рыночных условиях; это совокупность действий по эффективному использованию человеческих, материальных и финансовых ре-

сурсов организации для достижения высокого уровня прибыли.

При математическом моделировании предприятия как объекта менеджмента следует учитывать основные параметры, характеризующие его состояние (фазовые параметры); «рычаги» управления (параметры управления); выявить закономерность изменения во времени фазового состояния под воздействием управляющих параметров; ограниченность управленческих возможностей (ресурсных, финансовых, трудовых и пр.); необходимость соблюдения законодательных и иных норм, регламентированных условиями производства; наличие ряда целей, к достижению которых направлен менеджмент.

При формировании управленческих решений следует также учесть агрессивность среды функционирования предприятия, вызванную наличием конкурентов, изменчивостью рыночной конъюнктуры, отсутствием полной информированности (неопределенностью), а также риски, порождаемые такой средой.

С учетом всего сказанного выше, в этой работе строится математическая модель менеджмента предприятия в форме так называемой динамической игры с природой.

Игры с природой, как математические модели принятия решения в условиях неопределенности, изучаются в теории игр. Это разновидность матричных игр [3], где в роли второго игрока выступает неопределенность с непредсказуемыми исходами. Для лучшего учета возможных последствий неопределенности при принятии решения, последняя условно принимается как сознательная сторона (второй игрок), противодействующая менеджеру (первому игроку).

В этой работе для получения математической модели менеджмента предприятия мы вводим в модель игры с природой фактор времени, превращая её в динамическую модель. В результате искомая модель менеджмента будет иметь форму задачи конфликтного управления.

Введем необходимые обозначения:

t – переменная величина, называемая «временем» и принимающая лишь дискретные значения: $t = 0, 1, \dots, T$;

$x(t) \in R^s$ – вектор фазового состояния предприятия в момент времени t ;

$u_M^t \in R^q$ – вектор управления менеджера в момент t ;

$u_\Pi^t \in R^p$ – вектор управления природы (как игрока) в момент t ;

$f: R^s \times R^q \times R^p \rightarrow R^s$ – вектор-функция, описывающая динамические возможности развития предприятия;

$U_M^t \subset R^q$ – множество допустимых значений управляющих параметров u_M^t (U_M^t – конечное не пустое множество);

$U_\Pi^t \subset R^p$ – множество допустимых значений управляющих параметров u_Π^t (U_Π^t – конечное не пустое множество).

С помощью введенной символики мы можем задать динамику изменения состояния предприятия под воздействием двух управляющих параметров в виде следующей системы:

$$x(t+1) = f(x(t), u_M^t, u_\Pi^t), \quad t = 0, 1, \dots, T-1, \quad (1)$$

$$x(0) = x^0, \quad (2)$$

$$u_M^t \in U_M^t, \quad u_\Pi^t \in U_\Pi^t, \quad t = 0, 1, \dots, T-1, \quad (3)$$

где $x^0 = (x_1^0, \dots, x_s^0)$ – известное начальное состояние предприятия в момент $t = 0$.

Применяя в дальнейшем терминологию теории игр, менеджера, который распоряжается выбором управления u_M , будем называть первым игроком (игрок I), а «природу», которая «распоряжается» выбором управления u_Π – вторым игроком (игрок II).

С помощью системы (1) – (3) развитие предприятия можно представить следующим образом: в состоянии x^0 под действием выбранных в момент $t = 0$ управлений $u_M^0 \in U_M^0$ и $u_\Pi^0 \in U_\Pi^0$ предприятие переходит (в силу уравнения (1)) в новое состояние:

$$x(1) = f(x^0, u_M^0, u_\Pi^0).$$

Далее, под влиянием выбранных в состоянии $x(1)$ управлений $u_M^1 \in U_M^1$, $u_\Pi^1 \in U_\Pi^1$, предприятие переходит, (в силу уравнения (1)) в новое состояние:

$$x(2) = f(x(1), u_M^1, u_\Pi^1).$$

И так далее. На последнем шаге ($t = T-1$), находясь в состоянии $x(T-1)$, под действием выбранных в этом состоянии управлений $u_M^{T-1} \in U_M^{T-1}$ и $u_\Pi^{T-1} \in U_\Pi^{T-1}$, предприятие переходит в состояние:

$$x(T) = f(x(T-1), u_M^{T-1}, u_\Pi^{T-1}).$$

Полученную таким образом последовательность $x(\cdot) = \{x^0, x(1), \dots, x(T)\}$ будем называть траекторией системы (1) – (2), соответствующей последовательности управлений $u_M(\cdot) = \{u_M^0, u_M^1, \dots, u_M^{T-1}\}$, $u_\Pi(\cdot) = \{u_\Pi^0, u_\Pi^1, \dots, u_\Pi^{T-1}\}$. Последние будем называть допустимыми управлениями первого и второго игроков соответственно.

Множества $U_M = U_M^0 \times U_M^1 \times \dots \times U_M^{T-1}$ и $U_\Pi = U_\Pi^0 \times U_\Pi^1 \times \dots \times U_\Pi^{T-1}$ будем называть множествами допустимых управлений первого и второго игроков соответственно.

Таким образом, каждой паре выбранных управлений $(u_M(\cdot), u_\Pi(\cdot))$ соответствует своя траектория:

$$x(\cdot) = x(\cdot, x^0, u_M(\cdot), u_\Pi(\cdot)) = \{x^0, x(1), \dots, x(T)\},$$

(здесь точка заменяет последовательность значений $t = 1, \dots, T$).

Множество всех (допустимых) траекторий системы (1) – (2) будем обозначать символом $X(x^0, T)$:

$$X(x^0, T) = \{x(\cdot) = x(\cdot, x^0, u_M(\cdot), u_\Pi(\cdot)) \mid u_M(\cdot) \in U_M, u_\Pi(\cdot) \in U_\Pi\}.$$

Введем в рассмотрение множество:

$$G(x(t-1), t) = \{x(t) = x(t, x(t-1), u_1(t-1), u_2(t-1)) \mid$$

$$x(t-1) \in G(x(t-2), t-1), \quad u_1(t-1) \in U_1^{t-1}, u_2(t-1) \in U_2^{t-1}\},$$

которое будем называть множеством достижимости t -го уровня, $t = 1, \dots, T$ (будем считать, что $G(x(-1), 0) = x^0$). Множество

$$G(x^0, T) = \bigcup_{t=1}^T G(x(t-1), t)$$

будем называть множеством достижимости системы (1) – (3). Считается, что $x^0 \in G(x^0, T)$ по определению.

Пусть в каждой точке $x = x(t)$ ($t = 1, \dots, T$) множества достижимости $G(x^0, T)$ системы (1) – (3) определена матрица выигрышей игрока I:

$$h(x(t)) = \begin{pmatrix} a_{11}(x(t)) & a_{12}(x(t)) & \dots & a_{1n}(x(t)) \\ a_{21}(x(t)) & a_{22}(x(t)) & \dots & a_{2n}(x(t)) \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{m1}(x(t)) & a_{m2}(x(t)) & \dots & a_{mn}(x(t)) \end{pmatrix} \quad (4)$$

($h(x^0) = \|0\|_{m \times n}$ – $m \times n$ – матрица с нулевыми элементами, где m и n конечные числа; в общем случае $m = m(x(t))$, $n = n(x(t))$). Целью игрока I является максимизация значения функции:

$$F(x(\cdot), I, J) = \sum_{t=1}^T a_{i_t j_t}(x(t)), \quad (5)$$

где $I = \{i_t, t = 1, \dots, T\}$, $J = \{j_t, t = 1, \dots, T\}$ – последовательности стратегий игроков, выбираемых ими в матричных играх $h(x(t)), t = 1, \dots, T$. Полагаем, что целью игрока II (природы) является минимизация значения функции (5).

Определим классы допустимых стратегий игроков.

Комбинированной стратегией (к-стратегией) игрока I (II) назовем любое отображение $\phi_M(\cdot)$ ($\phi_{II}(\cdot)$), которое каждому состоянию $x(t)$ ставит в соответствие некоторый номер i_t (j_t) строки (столбца) матрицы $h(x(t))$ и некоторое допустимое (на t -м шаге) управление:

$$u_M^t \in U_M^t \quad (u_{II}^t \in U_{II}^t), \quad t = 0, 1, \dots, T-1.$$

Название «комбинированная стратегия» для $\phi_M(\cdot)$ и $\phi_{II}(\cdot)$ объясняется тем, что их первые компоненты являются стратегиями в матричных играх, а вторые компоненты – допустимыми (позиционными) управлениями в системе (1) – (3).

Множество всех к-стратегий игроков обозначим символами Φ_M, Φ_{II} .

Совокупность

$$\Gamma(x^0, T) = \left\langle \sum(x^0, T); \Phi_M, \Phi_{II}; F \right\rangle, \quad (6)$$

где $\sum(x^0, T)$ – символическое обозначение системы (1) – (2), назовем динамической игрой с природой.

Обоснуем адекватность построенной модели к приведенной выше задаче менеджмента, т. е. покажем, что динамическая игра с природой действительно является математической моделью менеджмента в условиях неопределенности.

Состояние предприятия в каждый момент времени t описывается s -мерным вектором $x(t) = (x_1(t), \dots, x_s(t))$. Компоненты вектора $x(t)$ – это числовые значения тех основных параметров, которые характеризуют достигнутые в момент времени t результаты менеджмента – уставный капитал, основные и оборотные фонды, актив и пассив, прибыль, запасы материальных ресурсов, численность работающих и т. д.

В качестве видов управляющих параметров в менеджменте могут быть определены различные факторы в зависимости от поставленных целей. Например, ими могут быть различные варианты распределения финансовых средств (фонда развития предприятия) по всем видам расходов. В этом случае компонентами

вектора управления $u_M^t = (u_{M_1}^t, \dots, u_{M_q}^t)$ будут производственные и непроизводственные затраты, транспортные расходы, инвестиционные вложения, затраты на рекламу и на повышение квалификации работников и др. Задача менеджера заключается в выборе из всех допустимых распределений средств наилучший

вариант (оптимальное управление) с точки зрения эффективного достижения поставленных целей.

Один из сложных вопросов при моделировании развития предприятия здесь (и динамики управляемых систем вообще) – это построение функции f (см. (1)), которая адекватным образом должна описать закон изменения состояния предприятия под воздействием управляющих параметров. Общих методов построения функции f не существует, поэтому для каждой конкретной задачи это творческий процесс. К сожалению, в работах экономистов чаще всего допускается линейная зависимость этой функции от фазового состояния системы и управлений. Очевидно, что это является сильным упрощением действительности. Некоторые методы построения нелинейной функции f , использующие статистические данные о развитии системы, можно найти, например, в работах [4, 5].

Выбор числовых значений управляющих параметров из заданных конечных множеств U_M^t , $t = 0, 1, \dots, T-1$ отражает реально ограниченные возможности управления предприятием. Аналитически эти множества могут быть описаны с помощью системы неравенств (бюджетные, сырьевые и др. ограничения) и уравнений (балансовые, нормативные и др. соотношения) [5].

В менеджменте цели предприятия могут быть сформулированы двояко: либо как максимизация основных производственных показателей на всем плановом периоде с учетом ограниченных ресурсов, либо как достижение запланированных к концу планового периода значений показателей с минимальными издержками. Следует заметить, что одновременная постановка этих двух задач некорректна ввиду их противоречивости, т. е. реально должна быть поставлена одна из двух задач.

В математической модели менеджмента первая задача формализуется как максимизация значений функций, описывающих основные показатели деятельности предприятия (прибыль, рентабельность и др.); вторая задача формализуется как достижение заданного в момент $t = T$ терминального множества (множества фазовых состояний предприятия, соответствующих запланированным значениям показателей) с минимизацией ресурсных или временных затрат.

В построенной выше модели (1) – (5) менеджмента формализована первая задача – максимизация значения функционала (5), где $a_{i_t j_t}(x(t))$ – это численное значение выбранного показателя в состоянии $x(t)$, когда менеджер выбирает в матрице (4) строку с номером i_t , а неопределенность находится в состоянии j_t . Например, если этот показатель является прибылью предприятия, то:

$$a_{i_t j_t}(x(t)) = \sum_l p_l F_l(x(t)) - \sum_z w_z W_z(x(t)),$$

где p_l и w_z – цены выпуска и затрат, а F_l и W_z – производственная функция и функция издержек. Аналитические выражения таких функций можно найти, например, в [5].

Модель (1) – (5) позволяет исследовать вопросы существования, идентификации и вычисления оптимального управления предприятием с помощью методологии динамических игр с природой. Согласно этой методологии, во-первых, «оптимальность» управления предприятием будем понимать в смысле обобщения приспособленных к неопределенности статических принципов Вальда, Гурвица и Сэвиджа [6] на динамический процесс; во-вторых, будем считать, что анализ и выбор допустимых управлений и к-стратегий осуществляется игроками в начальный момент $t = 0$ (в начальном состоянии x^0) на весь период времени $[0, T]$. Это не противоречит принципу построения позиционных управлений в виде $u_M = u_M(x)$ и $u_{II} = u_{II}(x)$.

Процесс управления предприятием с помощью модели (1) – (5) можно представить следующим образом. В начальном состоянии x^0 игроки выбирают некоторые к-стратегии:

$$\phi_M(\cdot) = \{(u_M^0(\cdot), i_1), (u_M^1(\cdot), i_2), \dots, (u_M^{T-1}(\cdot), i_T)\} \in \Phi_M,$$

$$\phi_{II}(\cdot) = \{(u_{II}^0(\cdot), j_1), (u_{II}^1(\cdot), j_2), \dots, (u_{II}^{T-1}(\cdot), j_T)\} \in \Phi_{II},$$

которые порождают некоторую траекторию

$$x(\cdot) = x(\cdot, x^0, u_M(\cdot), u_{II}(\cdot)) = \{x^0, x(1), \dots, x(T)\}$$

системы (1) – (2). По построению модели (1) – (5), во всех точках траектории $x(\cdot)$ (кроме x^0) определены априори матричные игры

$$h(x(1)), h(x(2)), \dots, h(x(T)) \text{ вида (4). К-стратегии}$$

предписывают для них стратегии $(i_1, j_1), \dots, (i_T, j_T)$, которые определяют выигрыши $a_{i_1 j_1}, a_{i_2 j_2}, \dots, a_{i_T j_T}$ первого игрока в соответствующих играх. Следовательно, в ситуации $(\phi_M(\cdot), \phi_{II}(\cdot))$ выигрыш первого игрока равен числу (см. (5)):

$$F(x^0, \phi_M(\cdot), \phi_{II}(\cdot)) = F(x(\cdot), I, J) = \sum_{t=1}^T a_{i_t j_t}.$$

Целью первого игрока (менеджера) является выбор такой к-стратегии $\phi_M^*(\cdot) \in \Phi_M$, которая максимизирует эту сумму. Однако такая цель для первого игрока не достижима, ввиду наличия противодействующего игрока (стремящегося выбрать такую к-стратегию $\phi_{II}^*(\cdot) \in \Phi_{II}$, которая минимизирует эту же сумму). Поэтому «максимизация» не может приниматься как подходящий принцип выбора «оптимальной» к-стратегии в динамической игре с природой.

$$= \begin{pmatrix} \max_{i_t} a_{i_t 1}(x(t)) - a_{11}(x(t)) & \dots & \max_{i_t} a_{i_t n}(x(t)) - a_{1n}(x(t)) \\ \max_{i_t} a_{i_t 1}(x(t)) - a_{21}(x(t)) & \dots & \max_{i_t} a_{i_t n}(x(t)) - a_{2n}(x(t)) \\ \dots & \dots & \dots \\ \max_{i_t} a_{i_t 1}(x(t)) - a_{m1}(x(t)) & \dots & \max_{i_t} a_{i_t n}(x(t)) - a_{mn}(x(t)) \end{pmatrix} \quad (7)$$

Перейдем к определению наиболее подходящих принципов оптимального выбора к-стратегий игроком I в игре (6).

Каждой траектории $x(\cdot) \in X(x^0, T)$ поставим в соответствие число

$$V_B(x(\cdot)) = \sum_{t=1}^T \max_{i_t=1, \dots, m} \min_{j_t=1, \dots, n} a_{i_t j_t}(x(t)),$$

которое будем называть ценой Вальда для траектории $x(\cdot)$.

Определение 1. к-Стратегия $\phi_M^*(\cdot) \in \Phi_1$ называется оптимальной, по Вальду, к-стратегией первого игрока в игре (6), если

$$\begin{aligned} \min_{u_{II}(\cdot) \in \Phi_{II}} V_B(x(\cdot, x^0, u_M^*(\cdot), u_{II}(\cdot))) = \\ = \max_{u_M(\cdot) \in \Phi_M} \min_{u_{II}(\cdot) \in \Phi_{II}} V_B(x(\cdot, x^0, u_M(\cdot), u_{II}(\cdot))), \end{aligned}$$

где $u_M^*(\cdot) \in U_M$ – позиционное управление, входящее в состав к-стратегии $\phi_M^*(\cdot)$.

Каждой траектории $x(\cdot) \in X(x^0, T)$ поставим в соответствие число

$$\begin{aligned} V_G(x(\cdot)) = \\ = \sum_{t=1}^T \max_{i_t=1, \dots, m} \left[\lambda \min_{j_t=1, \dots, n} a_{i_t j_t}(x(t)) + (1 - \lambda) \max_{j_t=1, \dots, n} a_{i_t j_t}(x(t)) \right], \\ 0 \leq \lambda \leq 1, \end{aligned}$$

которое будем называть ценой Гурвица для траектории $x(\cdot)$.

Определение 2. к-Стратегия $\phi_M^*(\cdot) \in \Phi_1$ называется оптимальной, по Гурвицу, к-стратегией первого игрока в игре (6), если

$$\begin{aligned} \min_{u_{II}(\cdot) \in \Phi_{II}} V_G(x(\cdot, x^0, u_M^*(\cdot), u_{II}(\cdot))) = \\ = \max_{u_M(\cdot) \in \Phi_M} \min_{u_{II}(\cdot) \in \Phi_{II}} V_G(x(\cdot, x^0, u_M(\cdot), u_{II}(\cdot))), \end{aligned}$$

где $u_M^*(\cdot) \in U_M$ – позиционное управление, входящее в состав к-стратегии $\phi_M^*(\cdot)$.

Наряду с матрицей (4) в состоянии $x(t)$ введем в рассмотрение матрицу риска:

$$R(x(t)) = \|r_{i_t j_t}(x(t))\| =$$

Каждой траектории $x(\cdot) \in X(x^0, T)$ поставим в соответствие число

$$V_C(x(\cdot)) = \sum_{t=1}^T \min_{i_t=1,\dots,m} \max_{j_t=1,\dots,n} z_{i_t j_t}(x(t)),$$

которое будем называть оценкой риска по Сэвиджу для траектории $x(\cdot)$.

Определение 3. k -Стратегия $\phi_M^*(\cdot) \in \Phi_1$ называется оптимальной, по Сэвиджу, k -стратегией первого игрока в игре (6), если

$$\begin{aligned} \max_{u_{II}(\cdot) \in \Phi_{II}} V_C(x(\cdot, x^0, u_M^*(\cdot), u_{II}(\cdot))) = \\ = \min_{u_M(\cdot) \in \Phi_I} \max_{u_{II}(\cdot) \in \Phi_{II}} V_C(x(\cdot, x^0, u_M(\cdot), u_{II}(\cdot))), \end{aligned}$$

где $u_M^*(\cdot) \in U_M$ – позиционное управление, входящее в состав k -стратегии $\phi_M^*(\cdot)$.

Благодаря конечности множеств U_M^t и U_{II}^t ($t = 1, \dots, T$), оптимальные k -стратегии всех трех видов в игре (6) существуют. Основная сложность, как и в любых задачах оптимального управления, заключается в вычислительном аспекте, а именно – в большой размерности задачи и в трудоемкости алгоритма вычисления оптимальных k -стратегий.

Практически каждый из трех принципов выбора оптимальных k -стратегий отражает различные точки зрения по отношению к неопределенности. Оптимальность, по Вальду, отражает поведение пессимиста, считающего, что неопределенность будет проявляться наихудшим для предприятия образом.

Оптимальность, по Гурвицу, придерживается промежуточной позиции – допускает возможность как наихудшего, так и наилучшего проявления неопределенности. Принцип Сэвиджа, в отличие от двух предыдущих принципов, ориентирован на оценку риска (как следствия неопределенности). Как и принцип Вальда, он отражает поведение менеджера, не склонного к риску.

При выборе управленческого решения в условиях неопределенности рекомендуется анализировать все три принципа оптимальности и остановиться на том варианте, который наиболее предпочтителен с учетом реальной ситуации.

Литература

1. Глухов, В. В. Менеджмент / В. В. Глухов. – СПб: Питер, 2008. – 608 с.
2. Данилов, Н. Н. Основы математической теории оптимальных процессов / Н. Н. Данилов, В. В. Мешечкин. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – 218 с.
3. Данилов, Н. Н. Теоретико-игровое моделирование конфликтных ситуаций / Н. Н. Данилов. – Томск: Изд-во ТГУ, 2005. – 120 с.
4. Математический аппарат экономического моделирования / Под ред. Е. Г. Гольштейна. – М.: Наука, 1983.
5. Данилов, Н. Н. Курс математической экономики / Н. Н. Данилов. – М.: Высшая школа, 2006. – 407 с.
6. Красс, М. С. Математические методы и модели для магистрантов экономики / М. С. Красс, Б. П. Чупрынов. – СПб.: Питер, 2006. – 496 с.

ПЕДАГОГИКА

УДК 378:316

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ: СОДЕРЖАНИЕ И ЭТАПЫ

Е. Н. Борисенко

EDUCATIONAL SUPPORT OF STUDENTS' SOCIAL COMPETENCE FORMATION: CONTENT AND STAGES

E. N. Borisenko

В статье рассматриваются содержание и этапы педагогического сопровождения формирования социальной компетентности студентов; обосновывается отбор содержания образования и технологий обучения и воспитания, соответствующих целям каждого этапа; анализируется опыт использования внутренних и внешних ресурсов для формирования социальной компетентности; приводятся результаты экспериментальной работы по осуществлению педагогического сопровождения формирования социальной компетентности студентов вузов.

Ключевые слова: содержание, этапы, цели, технологии, ресурсы, результаты, социальная компетентность.

The article deals with the content and the stages of the educational support of students' social competence formation; the choice of education content and technologies corresponding to the aims of each stage is substantiated; the experience of using internal and external resources to form social competence is analyzed; the results of the experimental realization of educational support of university students' social competence formation are presented.

Keywords: content, stages, aims, technologies, resources, results, social competence.

Успешная реализация педагогического сопровождения формирования социальной компетентности студентов во многом определяется сбалансированностью его содержательной и процессуальной сторон. Педагогическое сопровождение понимается нами как особый вид деятельности преподавателя, направленной на создание комплекса условий, способствующих формированию социальной компетентности студента. Социальная компетентность студента определяется как интегративное качество личности студента, дающее ему возможность успешно выполнять социальную роль студента и осуществлять жизнедеятельность в социуме, гармонично и эффективно сочетая свои собственные позиции и интересы с позициями и интересами других членов общества. Социальную компетентность студента представляет собой комплексное единство таких парциальных компетентностей, как компетентность в общении, гражданская компетентность, культурно-досуговая и социально-личностные компетентности.

В содержании педагогического сопровождения формирования социальной компетентности студентов мы условно выделили целевой, теоретический, практический и результативный компоненты. Осуществление педагогического сопровождения формирования социальной компетентности студентов проходило в три этапа: I этап – подготовительный, II этап – основной и III этап – заключительный.

Целями **подготовительного (ознакомительно-прогностического) этапа** были мотивирование студентов к формированию социальной компетентности; выявление исходного уровня сформированности социальной компетентности студентов; предваритель-

ное знакомство студентов с имеющимися в вузе ресурсами для её формирования; прогнозирование перспектив формирования социальной компетентности студентов и планирование дальнейшего педагогического сопровождения формирования социальной компетентности.

Наши усилия были направлены на создание условий для осознания студентами важности обладания социальной компетентностью в жизни современного человека и формирования мотивации студентов к овладению социальной компетентностью. На этом этапе происходило осознание молодыми людьми социальной роли студента, себя как представителя студенчества и как субъекта формирования социальной компетентности.

Основное внимание уделялось формированию научно-обоснованных представлений студентов о феномене социальной компетентности студента, её содержании, структуре и входящих в её состав парциальных компетентностях. Мы ориентировали студентов на то, что овладеть теоретическими знаниями, составляющими основу социальной компетентности и её парциальных компетентностей, они могут, прежде всего, в курсе изучения дисциплин гуманитарного, социального и экономического циклов. Чтобы вселить в студентов уверенность в том, что у них есть начальная база для целенаправленного формирования социальной компетентности, мы использовали любую возможность актуализировать знания студентов, относящихся прямо или косвенно к содержанию социальной компетентности, полученные до поступления в вуз в общей школе или самостоятельно.

На занятиях студенты знакомились с основными идеями и понятиями, связанными с социальным и педагогическим явлением «социальная компетентность», основными направлениями и способами её формирования в условиях компетентностного высшего профессионального образования, трудностями, с которыми они могут встретиться в процессе формирования социальной компетентности. Совместно со студентами мы размышляли над возможностями и ближайшими перспективами применения полученных ими знаний в реальной жизни, начиная с обучения в вузе, что способствовало развитию потребности студентов в формировании социальной компетентности.

Исходя из убеждения в необходимости информирования студентов о том, что наше взаимодействие будет происходить в форме педагогического сопровождения, мы познакомили студентов с особенностями данного педагогического процесса. Приняв условия такого взаимодействия преподавателя и студентов, они с пониманием отнеслись к необходимости самостоятельного целенаправленного поиска, обработки и систематизации информации, значимой для формирования социальной компетентности, обмена информацией с другими студентами и преподавателями и её обсуждения.

Студенты были сориентированы на использование всех доступных источников информации и ресурсов формирования социальной компетентности, в первую очередь, имеющихся в вузе. Для чего вместе со студентами первого курса преподаватели выходили на сайт вуза, знакомили студентов с перечнем дисциплин, реализуемым по соответствующим направлениям подготовки студентов, обсуждали перспективы использования тех или иных учебных дисциплин (базовых, вариативных или по выбору) в целях формирования социальной компетентности. Первокурсники также узнали об имеющихся в вузе ресурсах для участия в жизни вуза, общественной деятельности, организации досуга студентов, реализации их творческого потенциала, занятий спортом и т. д.

Следует отметить, что для студентов-первокурсников подобные виртуальные экскурсии по вузу, по их собственному признанию, были своевременны и полезны как с точки зрения концентрации усилий на формировании социальной компетентности, так и с точки зрения адаптации к новой социальной роли и вузу. С другой стороны, студенты почувствовали заинтересованность преподавателей в том, как будет складываться их студенческая жизнь. Что способствовало созданию доверительных отношений с преподавателем и повышению мотивации формирования социальной компетентности.

Первый этап связан с диагностикой уровня сформированности социальной компетентности студентов на начало эксперимента. На основе полученных данных были выделены три группы студентов в соответствии с уровнем сформированности (высокий, средний и низкий).

Осмысление студентами результатов диагностики использовалось для развития их потребности в формировании социальной компетентности в плане овладения способами самонаблюдения, самодиагностики изменений уровня сформированности компетентности, развития рефлексивных умений.

Далее, опираясь на анализ результатов диагностики, осуществлялось прогнозирование перспектив успешного формирования социальной компетентности, предвидение трудностей в процессе её формирования для каждой из выделенных групп студентов; проектирование комплекса условий, способствующих формированию социальной компетентности и преодолению возможных проблем.

О сновной этап (организационного-исполнительский) педагогического сопровождения формирования социальной компетентности студентов был нацелен на создание благоприятных условий для формирования социальной компетентности студентов, прежде всего на отбор содержания образования, обеспечивающего формирование социальной компетентности и применение технологий, методов и средств обучения и воспитания, гарантирующих формирование социальной компетентности. Целями данного этапа были оптимальное использование ресурсов вуза и города для формирования социальной компетентности студентов, осуществление постоянного мониторинга процесса формирования социальной компетентности и внесение корректив в процесс педагогического сопровождения на основе данных мониторинга, оказание помощи и поддержки студентам в решении проблем, возникших в процессе формирования социальной компетентности.

Основное внимание было направлено на поиск и работу с информацией, обеспечивающей овладение деятельностными знаниями в области компетентности в общении, гражданской компетентности, культурно-досуговой компетентности и социально-личностной компетентности, т. е. на формирование когнитивного компонента социальной компетентности. Углубление, расширение, систематизация и осмысление знаний происходило на лекциях, семинарах и практических занятиях в курсе изучения дисциплин гуманитарного, социального и экономического циклов: философия, история, иностранный язык, экономика, психология и педагогика, правоведение, русский язык и культура речи, культурология и др. Они погружали студентов в мировой опыт совместного существования, взаимодействия, взаимоотношений и общения людей друг с другом, что позволяет активно развивать сознание и самосознание молодых людей [1, с. 169 – 170].

Согласно результатам исследования, проведенного нами в КемГУ и КемТИППе, большинство студентов 2-го курса считают, что изучение общественных и гуманитарных дисциплин (не связанных со специальностью) необходимо и полезно. При этом так считают 85 % студентов негуманитарных факультетов КемГУ, 82,2 % студентов гуманитарных факультетов КемГУ и 86,3 % студентов КемТИППа. С точки зрения значимости для формирования социальной компетентности, студенты экспериментальной группы на первое место поставили иностранный язык, а контрольной – психологию. На втором месте в экспериментальной группе оказалась психология, а в контрольной – иностранный язык. Русский язык и культура речи в обеих группах занимают третье место, далее следуют правоведение, история, культурология, философия и экономика (4 – 8 места соответственно).

Высокая оценка дисциплины «Иностранный язык» объясняется тем, что именно в рамках этой

дисциплины проводилась основная часть эксперимента по педагогическому сопровождению формирования социальной компетентности студентов. Что касается психологии, то студенты объясняют свою оценку практической направленности курса, возможностью применять полученные знания для самодиагностики личностных качеств и выявления особенностей своей личности, для лучшего понимания других людей и общения с ними и «модой» на психологические знания в современном обществе.

Для формирования социальной компетентности важно не только содержание дисциплины, но реальный позитивный опыт общения и отношений с преподавателями этих дисциплин. Опыт будет позитивным в том случае, если сами преподаватели владеют навыками социально компетентного поведения в рамках профессиональной деятельности и в неформальном общении со студентами и коллегами.

Практика совместного со студентами поиска, работы и обсуждения информации, интерес, который при этом проявляли студенты, позволили нам активно привлекать студентов к разработке учебного пособия по формированию социальной компетентности «Социальный кейс студента».

Участие студентов в создании учебного пособия заключалось в поиске материалов по темам разделов учебного пособия, в обсуждении содержания учебного пособия, когда оно проходило апробацию и существовало в электронном виде; в иллюстрировании учебного пособия рисунками и фотографиями, в том числе сделанными самими студентами (к сожалению, по техническим причинам они не вошли в пособие в его окончательном варианте на бумажном носителе) и т. д.

По нашему наблюдению, самым существенным вкладом в формирование социальной компетентности студентов, особенно в плане формирования социально-личностной компетентности и развития адекватной самооценки, было то, что студенты узнали много нового о себе, выполняя задания раздела «Проверь себя!», присутствующего в каждой главе учебного пособия.

Работа с пилотным вариантом учебного пособия, по утверждению самих студентов, заставила их серьезно задуматься над тем, как добиться успехов учебы и будущей профессиональной деятельности, помогла построить отношения с преподавателями и сокурсниками, использовать свободное время рационально и с пользой для собственного развития и т. д.

Таким образом, на данном этапе критическое осмысление информации, анализ её полезности и принятия, с точки зрения современной молодежи способствовали закреплению полученных студентами знаний на фоне положительного эмоционального отношения к происходящему.

Не менее важным было применение технологий, методов и средств обучения и воспитания, гарантирующих формирование поведенческого компонента социальной компетентности. В вопросе выбора технологий формирования социальной компетентности студентов мы разделяем уверенность Г. И. Ибрагимова в том, что в условиях реализации компетентностного подхода предпочтение следует отдавать технологиям, обеспечивающим «эффективную коммуни-

кацию и самостоятельность обучающихся» [2, с. 11]. Нам импонирует предложение автора «мягко» объединять данные технологии, поскольку мы сами неоднократно прибегали к этому приему в ходе осуществления педагогического сопровождения формирования социальной компетентности студентов.

Помимо вышеизложенного, при выборе технологий и методов обучения, отвечающих целям и задачам педагогического сопровождения формирования социальной компетентности студентов, мы учитывали следующее:

- компетентность, как деятельностный результат образования, формируется в деятельности; социальная компетентность формируется в совместной деятельности членов сообщества;

- компетентность является образовательным продуктом, личностным приращением учащегося, сложившемся и проявленным им в ходе деятельности по созданию внешней образовательной продукции (А. В. Хуторской);

- об уровне сформированности социальной компетентности свидетельствует поведение человека в стандартных и нестандартных социальных ситуациях, когда надо принять решение для преодоления возникших проблем;

- при осуществлении педагогического сопровождения в условиях компетентностного обучения преподаватель занимает позицию организатора процесса обучения, при которой происходит перераспределение активности преподавателя и студентов в пользу студентов, отдельные функции преподавателя могут делегироваться студентам, акцентируются самостоятельность учения и ответственность студентов за результаты учения.

Исходя из этого, мы решили, что достижение целей педагогического сопровождения формирования социальной компетентности будет обеспечено использованием **технологий активного, интерактивного, проблемного и продуктивного обучения**. При этом предпочтение отдавалось групповой дискуссии, разворачивающейся вокруг **социальной ситуации**, требующей анализа и решения проблемы (разбор кейсов, модерация, ролевая и квазиделовая игра и т. д.).

Социальная ситуация, в понимании М. Аргайла, А. Фернема и Дж. Грехема, это естественный фрагмент социальной жизни. Знаменательно то, что авторы относят групповую дискуссию к базовым социальным ситуациям [3, с. 126 – 127]. Следовательно, организуя групповую дискуссию, мы получали двухфакторную социальную ситуацию: воображаемую, являющуюся предметом группового обсуждения, и реальную групповую дискуссию, в ходе которой студенты активно общались, на практике демонстрировали и развивали свои коммуникативные, перцептивные и интерактивные умения, аналитические и рефлексивные умения, умения решать стандартные и нестандартные проблемы.

Обладание набором конструктивных способов разрешения проблем фиксируется как главный признак социально компетентного поведения [4, с. 19]. Поэтому одной из основных задач данного этапа педагогического сопровождения формирования социальной компетентности было помочь студентам овла-

деть алгоритмом решения проблем и приобрести опыт в их решении.

Следуя логике разбора конкретных ситуаций (case-study) в форме групповой дискуссии, мы ставили перед студентами задачу идентифицировать проблему и, используя различные методы генерации идей (упражнения для скорости, поток сознания, обсуждение, фантазирование, аналогия), искать варианты ее решения и обсуждать их. Студентам предлагались три основных вида ситуаций: нормативные, функциональные и стратегические [5].

Наибольшие затруднения и наибольший интерес у студентов вызывал разбор стратегических ситуаций, не имеющих «однозначного решения, потому что в них активную роль играют нестабильные факторы, которые всегда присутствуют в реальных системах» [5, с. 24]. Естественно, что при обсуждении таких ситуаций возникали споры, вызванные множеством противоречивых критериев выбора и отсутствием окончательной оценки эффективности предлагаемого решения. Именно такие ситуации вызывали наибольший интерес и пробуждали наибольшую активность студентов, поскольку участники стремились поразить своих сокурсников оригинальностью/ нестандартностью предлагаемых решений и убедительностью аргументации. Специалисты объясняют привлекательность таких ситуаций тем, что они ближе всего к реальности, к практике и утверждают, что их разбор готовит участников к принятию смелых решений в жизни.

Большие возможности для формирования и развития умений решать проблемы предоставляет метод проектов. В учебном проекте нужна проблема, которая, с точки зрения студента, актуальна, вызывает у него интерес, важна для него и определенного круга людей. Ее разрешение необходимо. Так, у студента появляется положительная мотивация включения в проектную деятельность. Задача преподавателя состоит в том, чтобы помочь студентам найти и сформулировать проблему. Исходя из сформулированной проблемы, определяются цель и задачи проекта. Следовательно, обучаясь проектированию, студенты обучаются целенаправленной деятельности по нахождению способа решения проблемы путем решения задач, вытекающих из этой проблемы при рассмотрении ее в определенной ситуации.

На основном этапе студенты выполнили большое количество разнообразных по тематике проектов, отличающихся длительностью выполнения, количеством проектантов (индивидуальные, групповые), характером контактов (вузовские, межвузовские, международные), формой презентации проектного продукта. Наше предположение, что метод проектов обладает значительными преимуществами по сравнению с другими технологиями в плане формирования рефлексивных умений студентов, нашло практическое подтверждение. Мы следили за тем, чтобы каждый этап выполнения проекта завершался коллективной или индивидуальной рефлексией. Что позволило студентам по мере приобретения опыта проектной деятельности сформировать адекватную самооценку и выступать в роли экспертов при оценивании проектов своих товарищей, использовать рефлексивные умения в других учебных и жизненных ситуациях.

Наряду с учебной работой на основном этапе мы стремились максимально использовать ресурсы вузов для педагогического сопровождения формирования социальной компетентности студентов в неучебное время. Так, знакомя первокурсников с деятельностью студклубов КемГУ и КемТИПП, преподаватели раскрывали перед ними возможности реализации своих способностей в многочисленных творческих коллективах и проектах университета и института.

Вместе со студентами преподаватели обсуждали важность участия в студенческом самоуправлении, рассуждали о том, как членство в профсоюзе помогает студентам отстаивать свои права, рассматривали студенческое самоуправление, профсоюзную деятельность, участие в социальных проектах как подготовку к жизни в гражданском обществе. Фактически на этом этапе преподаватели выступали в качестве катализатора социальной активности студентов, в которой студенты могли творчески реализовать себя, раскрыть свои возможности, проектировать и создавать новую реальность.

Показательно, что студенты, участвующие во внеучебной деятельности вузов – занимающиеся в спортивных секциях, принимающие участие в творческих конкурсах и спортивных соревнованиях, являющиеся членами студенческих отрядов, участниками социальных проектов, участвующие в студенческом самоуправлении и т. д., значительно выше оценивают роль внеучебной вузовской жизни для формирования социальной компетентности, чем социально пассивные студенты. Так, социально активные студенты оценивают важность внеучебной деятельности в 9,4 балла (по 10-балльной шкале), а социально инертные студенты – в 6,1 балла. Примечательно и то, что студенты-активисты значительно выше оценивают свои жизненные и профессиональные перспективы, готовность к жизни в современном обществе (8,5 балла), чем студенты не участвующие в общественной жизни (5,2 балла).

Одной из задач основного этапа было расширение возможностей формирования социальной компетентности студентов за счет использования культурно-образовательных ресурсов города. Для чего вначале в форме групповых дискуссий мы обсудили со студентами известные и используемые ими возможности, предоставляемые городом для проведения досуга, самообразования и саморазвития. Особенно полезными данные обсуждения были для иногородних студентов.

Следующим шагом было выполнение коллективных проектов «История города и страны на улицах Кемерова», «Город, который я люблю», инициированный иногородними студентами и познакомивший кемеровчан с городами Кузбасса и других регионов, «Кемерово театральный», «Музеи города Кемерова». В ходе работы над проектами студенты посетили практически все музеи и театры города, встречались с актерами кемеровских театров и известными кузбасскими художниками.

Именно в это время была заложена традиция отмечать Международный день театра (27 марта) обсуждением спектаклей, встречами с профессиональными актерами и актерами студенческих театров, собственными театральными постановками. Традиционным стало и участие студентов в культурно-

образовательной акции «Ночь в музее», которая ежегодно проводится в России, как и во многих других странах мира, накануне Международного дня музеев (18 мая).

В Кузбассе и Кемерове большое внимание уделяется пропаганде и распространению здорового образа жизни, в том числе через развитие физической культуры, спорта и туризма. Студенты, занимающиеся в городских спортивных секциях и клубах, выполнили проекты, рассказывающие об их тренировках и соревнованиях, и провели мини мастер-классы по отдельным видам спорта.

Проектная деятельность студентов в данном социокультурном контексте способствовала формированию всего комплекса парциальных социальных компетентностей при доминирующей роли культурно-досуговой компетентности.

Использование ресурсов вузов и города через участие студентов в работе студсоветов и студенческого профсоюза, вовлеченность в деятельность общественных, творческих, спортивных и других объединений на вузовском, межвузовском и городском уровнях сопровождалось значительным ростом личных контактов студентов и, как следствие, расширением социальных сетей. Под социальными сетями понимаются «личные контакты между людьми, которые знают друг друга и оказывают друг другу помощь, независимо от социального статуса, места учебы или работы, национальной принадлежности или профессии» [6, с. 22]. Социальные сети, в свою очередь, являются неотъемлемым компонентом социального капитала студентов.

Исследуя возможности накопления социального капитала в системе образования, специалисты к содержательным аспектам социального капитала относят межличностное и межгрупповое доверие в учебном заведении, социальную идентичность, долгосрочную ориентацию учащихся, их позитивное представление о своем будущем, а к структурным аспектам – социальные сети и сообщества (различные формы совместной учебной, трудовой, спортивной деятельности, студенческие клубы, неформальные молодежные группы и т. д.) [6, с. 13].

Мы рассматриваем феномены «социальный капитал» и «социальная компетентность» как комплементарные и взаимообусловленные, поскольку, с одной стороны, социальный капитал способствует формированию, развитию и проявлению социальной компетентности студентов, с другой стороны, социальная компетентность, в частности, такая её составляющая, как компетентность в общении, способствует расширению социальных сетей, а просоциальные ценности и личностные качества, входящие в социальную компетентность, препятствуют использованию социального капитала в узкогрупповых интересах, исключают возможность втягивания студентов в антиобщественные движения, экстремистские и националистические организации, тоталитарные секты и т. п.

Таким образом, студенты учились искать, активизировать и координировать свои внутренние ресурсы (знания, умения, навыки, психологические особенности личности, ценности) и внешние ресурсы (информационные, человеческие, материально-технические и др.) на уровне вуза и на уровне города,

включались в социальные виды деятельности, способствующие формированию социальной компетентности.

Поскольку основной этап значительно превосходил два других этапа по продолжительности, то, помимо постоянного мониторинга формирования социальной компетентности студентов, нами была запланирована и осуществлена промежуточная диагностика результатов педагогического сопровождения формирования социальной компетентности студентов. К моменту её проведения преподавателями был значительно расширен и усовершенствован диагностический инструментарий и окончательно сделан выбор в пользу критериально-уровневого подхода к оцениванию сформированности социальной компетентности студентов.

К середине основного этапа набор контрольно-оценочных средств преподавателей значительно расширился, при этом преподаватели стали более требовательно и квалифицированно подходить к отбору контрольно-оценочных материалов и средств, ориентируясь на их объективность, адекватность (соответствие поставленным целям), интегрированность (органичность использования в процессе формирования социальной компетентности), доступность (простота и удобство в применении). Учет этих требований позволил использовать часть оценочных средств для самооценки студентами сформированности своей социальной компетентности. Результаты внешней диагностики обсуждались со студентами коллективно и индивидуально и сравнивались с результатами самооценки.

Полученные результаты позволили оценить адекватность и эффективность применяемых форм, методов и средств педагогического сопровождения, увидеть и проанализировать ошибки и недостатки в работе, внести коррективы в деятельность преподавателей по сопровождению формирования социальной компетентности студентов.

На основном этапе регулярно проводились консультации и тьюторские как индивидуальные, так и групповые (но не более чем для 3 – 4 человек), с целью оказания студентам помощи и поддержки в преодолении затруднений в формировании социальной компетентности, например, в определении своей гражданской позиции, в понимании и оценке событий, происходящих в стране, в поиске возможностей включения в полезную для общества деятельность, применения своих творческих способностей, в формировании нового отношения к разрешению конфликтов на основе медиативного мировоззрения и т. п.

В психолого-педагогической литературе рефлексия рассматривается как один из элементов (компонентов) компетентности или фактор её развития. Осознавая роль рефлексии в формировании социальной компетентности студентов, мы большое внимание уделяли воспитанию рефлексивного отношения студентов к собственной деятельности по формированию социальной компетентности и деятельности других, развитию рефлексивных умений студентов.

Эффективное развитие рефлексивных умений достигалось при использовании рефлексивных методик обучения, организации коллективной, групповой

и индивидуальной рефлексии как обязательного отдельного этапа учебных и внеучебных форм организации педагогического сопровождения. В итоге у студентов сформировалась «привычка» рефлексировать.

Развивая рефлексивную способность студентов, мы побуждали их к самоанализу хода процесса формирования социальной компетентности, т. е. к самонаблюдению, самоконтролю и самооценке, эмоционально-нравственной оценке своей деятельности, ретроспективному анализу достигнутого и прогнозированию будущих достижений, регулированию и корректировке собственного поведения на основе рефлексии. В результате рефлексивной самооценки своей деятельности студенты ощутили способность и готовность к формированию социальной компетентности на новом уровне самостоятельности и ответственности.

На основном этапе педагогическое сопровождение происходило посредством как содержания образования, так и организационных форм и методов обучения и воспитания. Важным результатом данного этапа было то, что кроме овладения знаниями, различными способами формирования социальной компетентности и операциональным составом деятельности по её овладению, студенты пришли к осмыслению обладания социальной компетентностью как личностным образовательным продуктом.

Целями **заключительного этапа** являлись оценивание достигнутого уровня сформированности социальной компетентности студентов и рефлексивная оценка процесса педагогического сопровождения формирования социальной компетентности и его результатов, поэтому мы назвали данный этап **рефлексивно-оценочным**.

На заключительном этапе студенты завершили работу над долгосрочными проектами, и проходили презентации и защиты проектов. Презентация является наиболее ярким моментом проектной работы и важным объектом оценивания качества проекта. На наш взгляд, презентация представляет собой проект в проекте, поскольку студентам предстоит решить проблему, связанную с выбором формы презентации, позволяющей наиболее полно и в то же время сжато раскрыть содержание проекта, выстроить сюжетную линию и структурировать процесс в соответствии с требованиями, предъявляемыми к презентации проекта. При этом студенты должны максимально проявить творческие способности, чтобы сделать презентацию зрелищной и оригинальной.

Необходимо подчеркнуть, что презентации (этап проекта) большинства проектов сопровождалась мультимедийными презентациями (средство наглядности) с использованием программы «Power Point», что позволяло студентам продемонстрировать свои умения в области создания мультимедийных презентаций. Студенты признались, что они научились создавать презентации, отвечающие требованиям, предъявляемым к презентациям в PowerPoint, и учитывать законы дизайна, благодаря стремлению представить проект в современной и оригинальной форме.

Проведение рефлексии после презентации и защиты проекта позволило выяснить, что свобода творчества при написании сценария презентации и его воплощении, антиципация успеха презентации высту-

пали в качестве наиболее сильных мотивов проектной работы.

Результаты оценивания обсуждались с авторами проекта. Мы выстраивали обсуждение таким образом, чтобы подвести студентов к анализу причин успеха или неуспеха проекта и планированию в будущей проектной деятельности закрепления и развития достижений, обоснованному выбору способов избегания повторения ошибок и преодоления предсказуемых трудностей.

И. А. Колесникова дает краткую, но емкую характеристику рефлексии на выходе из проекта – «это обращение участников к себе и друг другу в новом качестве, с высоты приобретенного опыта совместной деятельности. Это и ретроспективный взгляд на пройденный путь. Это и взгляд в будущее» [7, с. 92]. Данное утверждение можно с уверенностью отнести к рефлексии всей деятельности студентов по формированию социальной компетентности.

Результаты диагностики самооценки студентов показали, что количество студентов с адекватной самооценкой достигло 96 %. Число студентов, не обладающих адекватной самооценкой социальной компетентности, снизилось до 4 %, из них 2,3 % обладали завышенной самооценкой и 1,7 % – заниженной.

Следовательно, систематическая работа по созданию условий для формирования студентами адекватной самооценки своей социальной компетентности дала положительные результаты (табл.).

Таблица

<i>Этапы ПСФС</i>	<i>Адекватная самооценка</i>	<i>Неадекватная самооценка</i>
1 этап	61 %	39% завышенная – 30,4 % заниженная – 8,6 %
2 этап	79 %	21% завышенная – 10 % заниженная – 11 %
3 этап	96 %	4% завышенная – 2,3 % заниженная – 1,7 %

На заключительном этапе анализ результатов наших усилий по распространению ценностей сотрудничества и толерантности, выстраиванию отношений между студентами, студентами и преподавателями на основе доверия, облегчению студентам доступа к ресурсам друг друга, ресурсам вузов и города, позволил нам высоко оценить значение социального капитала студентов для формирования СК. Социальный капитал, накопленный студентами, стал реальной основой практического проявления, корректирования, развития и совершенствования социальной компетентности.

Третий этап по времени совпадал с окончанием 2-го курса студентами экспериментальной группы. Мы предложили студентам написать письма первокурсникам (1,5 – 2 страницы), в свободной форме рассказать о себе и дать несколько советов «бывалого»/опытного студента начинающему. Значительная часть студентов откликнулись на это предложение.

С удовлетворением отмечаем, что студенты оправдали наши ожидания. Их письма отличали искренность и доброжелательность, чувство товарищества, желание помочь первокурсникам быстрее адаптироваться к вузу, успешно учиться и сделать студенческую жизнь интересной и насыщенной. При этом, ссылаясь на собственный опыт, они пытались предостеречь первокурсников от совершения ошибок, советовали, как построить отношения с однокурсниками и преподавателями, стремились сориентировать студентов на правильный выбор пути, демонстрировали чувство юмора.

Подводя итоги, можно утверждать, что по окончании эксперимента большинство студентов были готовы к тому, чтобы в дальнейшем осуществлять «самосопровождение» формирования социальной компетентности, поскольку они могут сами ставить перед собой цели формирования СК, отбирать содержание, способы и средства формирования, осуществлять самоконтроль и самооценку, прокладывать свой собственный путь формирования социальной компетентности.

Литература

1. Розенова, М. Профессиональная компетентность и гуманитарные дисциплины / М. Розенова // Высшее образование в России. – 2004. – № 11.

2. Ибрагимов, Г. И. Инновационные технологии обучения в условиях реализации компетентностного подхода / Г. И. Ибрагимов // Инновации в образовании. – 2011. – № 4.

3. Гришина, Н. В. Психология социальных ситуаций / Н. В. Гришина // Вопросы психологии. – 1997. – № 1.

4. Калинина, Н. В. Психологическое сопровождение развития социальной компетентности школьников / Н. В. Калинина: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – Самара: Самарский государственный педагогический университет. – 2006. – 42 с.

5. Технологии образования взрослых. Пособие для тех, кто работает в системе образования взрослых / под общей редакцией О. В. Агаповой, С. Г. Вершловского, Н. А. Тоскиной. – СПб.: КАРО, 2008. – 176 с.

6. Солдатова, Г. Молодежь в сети: сила и слабость социального капитала / Г. Солдатова, Т. Нестик // Образовательная политика. – 2010. – № 4.

7. Колесникова, И. А. Педагогическое проектирование: учеб. пособие для высш. учеб. заведений / И. А. Колесникова, М. П. Горчакова-Сибирская. – СПб.: ДЕТСТВО-ПРЕСС, 2001. – 288 с.

УДК 378.146

КРИТЕРИАЛЬНО-УРОВНЕВОЕ ОЦЕНИВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ

Е. Н. Борисенко

CRITERION AND LEVEL ASSESSMENT OF STUDENTS' SOCIAL COMPETENCE

E. N. Borisenko

В статье рассматриваются различные подходы к оцениванию компетентностей, анализируется использование форм, методов и средств оценивания, обосновывается выбор критериев, показателей и индикаторов уровня сформированности социальной компетентности, представлен авторский вариант оценивания уровня сформированности социальной компетентности студентов.

Ключевые слова: оценивание, компетентность, социальная компетентность, парциальная компетентность, уровень, критерии, показатели, индикаторы.

The article deals with various approaches to the assessment of competences, the usage of assessment forms, methods and means is analyzed; the choice of social competence level criteria, indexes and indicators is justified, the author's version of students social competence level assessment is presented.

Keywords: assessment, competence, social competence, partial competence, level, criteria, indexes, indicators.

Проблема оценивания компетенций / компетентностей остается одной из самых трудно решаемых в реализации компетентностного подхода в образовании. Сложилась парадоксальная ситуация: идея компетентностного подхода базировалась на том, чтобы придать практическую направленность процессу образования, увидеть реальные результаты образования – ключевые и профессиональные компетенции/ компетентности выпускника вуза, применяемыми в дея-

тельности, но адекватно оценить эти результаты образования оказалось трудно.

В 2003 году И. А. Зимняя выражала свою солидарность со всеми исследователями в том, что измерение и оценивание компетенций/компетентностей представляет большую сложность [5, с. 34 – 42]. В 2010 году Н. Ф. Ефремова признавала, что выполнение требования измеримости компетенций продолжает представлять наивысшую трудность как в теоретическом, так и практическом плане [2, с. 43 – 48].

Вопросами оценивания и измерения компетенций и компетентностей как результатов образования посвящены работы Д. Заводчикова, Э. Зеера, Е. Земцовой, И. А. Зимней, Н. Ф. Ефремовой, С. Г. Катаева, О. В. Кудашкиной, О. Мартыненко, В. Мяникова, Н. Найденова, Е. М., Сартаковой, М. А. Федуловой, М. М. Шалашовой, И. Чёрной и др.

По мнению ученых, изменения в системе оценивания результатов образования являются главным отличием компетентностного подхода от традиционного подхода.

В условиях традиционного подхода объектом оценивания выступают предметные знания и умения. При компетентностном подходе оцениваются более сложные результаты – компетенции, а знания и умения при этом выступают как показатели компетенций. При традиционном подходе субъектом оценивания выступает учитель или преподаватель, при компетентностном подходе возрастает роль самооценки и взаимооценки.

При компетентностном подходе требуется набор объективных, качественных критериев, используется методика *критериального оценивания*. Критерии могут быть привязаны к тем или иным уровням проявления компетенции, тогда оценивание становится *критериально-уровневым* [10].

Как показал анализ публикаций, в большинстве исследований выделяют *три уровня* сформированности компетентности/компетенции: *низкий, средний, высокий* или их аналоги, например, *недопустимый, допустимый и оптимальный*.

Для оценивания степени сформированности профессиональных компетенций у студентов, как возможный вариант, предлагается применение сложившегося в практике HR-менеджмента (управления персоналом) подхода к оцениванию компетенций, когда используется пять степеней их выраженности – *негативный уровень, уровень понимания, базовый уровень, уровень опыта, уровень мастерства*. Их выделение связано с соответствующими уровнями освоения знания: пониманием, осмыслением, воспроизведением, применением, усовершенствованием [8, с. 86–91].

Предлагаются различные методики, процедуры, инструменты измерения и оценки компетенций/ компетентностей как результата образования. Среди наиболее часто используемых:

- оценка по уровню развития ключевых компетенций;
- тесты «на применение» при определении предметных и межпредметных компетентностей;
- деловые игры, решение кейсов;
- рейтинговая модель, определяющая степень продвижения обучающегося по лестнице успеха в однотипной среде;
- обсуждение и дискуссия;
- написание текстов различного рода (эссе, мини-сочинения) и их контент-анализ;
- презентация – представительские данные, навыки публичных выступлений, умение «держаться» перед аудиторией;
- ситуационно-поведенческие тесты – краткие стандартизованные оценочные процедуры;
- тесты эффективности обработки информации;

– личностные опросники как наборы стандартизованных анкет с вопросами закрытого типа;

– интервью как инструмент, позволяющий открыто обсуждать слабые и сильные стороны и объяснять свою точку зрения;

– стратегическое интервью;

– наблюдение – инструмент сбора информации для установления фактов;

– анкетирование – инструмент для сбора информации, когда у респондентов есть время подыскать требуемые данные/факты; авторские анкеты;

– контент-анализ документации (журналов, характеристик и др.);

– мониторинговая модель, предусматривающая создание «портфолио».

Используются и такие формы, как курсовые работы, индивидуальное и групповое собеседование со студентами и преподавателями, конференции. Методы обработки результатов включают метод процентного соотношения и метод рейтинговых оценок; изучения оценочных карт и др. С точки зрения оценивания, эти методы имеют разную точность, валидность и эффективность.

В последнее время существует тенденция оценивать компетенции не только качественно, но и количественно, т. е. получать конкретное значение компетенции, выраженное числом, при этом результаты оценки необходимо выражать количественно, вне зависимости от того, насколько сложно компетенции поддаются оцениванию [3, 7].

Проблема оценивания компетенций / компетентностей обусловлена объективной сложностью процесса оценивания и оценки целостного результата профессионального образования. Ее решение, по мнению И. А. Зимней и Е. В. Земцовой, требует изменения подходов к оценке качества подготовки специалистов и создания новых методов и технологий, адекватных компетентностному подходу в его научной трактовке. Авторы предлагают использовать интегративный подход к оценке единой социально-профессиональной компетентности студентов. Под интегративным подходом понимается целостное представление совокупности объектов, явлений, процессов, объединяемых общностью как минимум одной из характеристик, в результате чего создается его новое качество [4, с. 15]. Авторы убедительно доказывают, что «сформированность социальной компетентности студента в структуре его единой социально-профессиональной компетентности может быть оценена при соблюдении следующих условий:

– использовании единого интегративного подхода, определяемого сложностью и многомерностью самого содержания социальной компетентности;

– представления социальной компетентности как парциального компонентно-блочного элемента с учетом интеллектуального и личностного блоков в структуре единой социально-профессиональной компетентности;

– определения в качестве обязательного условия оценивания социальной компетентности его интегративной основы, моделируемой посредством весовой индексации каждого из входящего в нее (блоков, компонентов);

– наличия адекватного инструментария оценки всей многомерности социальной компетентности» [4].

Компетентностный подход, как считают О. Мартыненко и И. Черная, актуализирует проблему оценивания, особенно в части диагностики эффективности деятельности. В настоящее время, по мнению авторов, складывается новая концепция анализа и оценки компетентности, которая подчеркивает приоритетную значимость оценки мотивации, а не способности [8, с. 86 – 91].

По утверждению ряда исследователей, проблема оценивания сформированности компетенций остается неразрешенной, поскольку существует множество частных способов оценки, но нет общего метода, который мог бы быть универсально применен к оцениванию сформированности различных компетенций. В качестве такого универсального метода С. Г. Катаев, Ю. А. Лобода и Е. А. Хомякова предлагают индикаторный метод оценивания компетенций, который кажется нам перспективным [7, с. 70 – 73].

В настоящее время в качестве технологии оценивания активно осваивается метод проектов, который является одной из основных технологий формирования компетенций/компетентностей. При оценке деятельности в проекте важно признание успешности и результативности. Положительной оценки достоин любой уровень достигнутых результатов. Оценка и самооценка связаны с организацией контроля и самоконтроля и включают умения сопоставлять конечные результаты и цели, задачи, план деятельности; умения анализировать причины несоответствия и собственные ошибки; умения принимать решения по устранению несоответствий в работе. Оценочное суждение проявляется в умении сравнивать, сопоставлять, обобщать, конкретизировать чужое и собственное мнение.

Проектная деятельность проходит ряд этапов, содержание которых определяет обучающий эффект проекта и суммарную оценку его выполнения. Н. Ф. Ефремова предлагает оценивать: 1) осмысление проблемы и формулирование цели и задач проекта; 2) работа с информацией; 3) оформление работы; 4) коммуникация; 5) степень самостоятельности работы над проектом; 6) дизайн, оригинальность представления результатов [3].

Использование метода проектов как инструмента оценивания представляется особенно важными в контексте нашего исследования для оценивания сформированности социальной компетентности студентов, поскольку один проект позволяет оценить одновременно несколько (или все) парциальные компетентности, составляющие социальную компетентность. Например, выполнение проекта «Город, в котором я живу» в курсе обучения иностранному языку позволяет выявить не только уровень сформированности иноязычной коммуникативной компетентности студентов, но и оценить их гражданскую компетентность (знание истории города, проявление чувства патриотизма, выраженность гражданской позиции, обеспокоенность экологическими проблемами, участие в волонтерских акциях и т. д.), культурно-досуговую компетентность (использование культурного потенциала города, любимые места отдыха студентов, участие в спортивной жизни города и т. д.), компетентность в общении (умения работать в команде, способы пре-

одоления конфликтов, возникающих в процессе работы над проектом, умения представить проектный продукт и т. д.), социально-личностную компетентность (умение принимать решения в нестандартных ситуациях, рефлексивные умения, ответственность, толерантность и т. д.).

Специалисты считают, что для выполнения требований к контрольно-оценочной деятельности вузам необходимо сформировать фонды оценочных средств и создать службы оценки учебных достижений (знаний, умений и навыков) и компетенций. Под фондом оценочных средств (ФОС) понимается «комплект методических, контрольных измерительных и оценочных материалов, предназначенных для выявления уровня сформированности компетенций на разных стадиях обучения студентов» [2, с. 44].

По мнению Н. Ф. Ефремовой в структуру ФОС могут быть включены:

- модели компетенций и программы их оценивания в соответствии с уровнями обучения студентов;
- совокупность контрольно-оценочных материалов (опросников, тестов, кейсов и др.);
- инструкции и методические материалы, определяющие процедуры оценивания компетенций;
- требования к квалификации разработчиков оценочных средств и организаторов проведения оценивания;
- технологии и методы обработки результатов оценивания компетенций;
- программно-инструментальные средства обработки результатов, проведения статистического анализа данных, графической визуализации, форматы представления результатов;
- наборы показателей и критериев оценки уровня сформированности компетенций и шкалы оценивания в соответствии с задачами контроля;
- программы подготовки оценщиков и экспертов для проведения контрольно-оценочных процедур;
- рекомендации по обновлению ФОС (периодичность, степень обновления, изменения процедур, методов, технологий, показателей, критериев и др.).

Создание ФОС позволяет проводить оценивание как целенаправленный упорядоченный процесс определения достигнутого уровня сформированности компетенций [2].

По нашему мнению, создание ФОС является одним из важнейших условий успешной реализации компетентностного подхода в учебно-воспитательном процессе вуза. Однако, если создание ФОС на уровне учебного заведения требует больших затрат и зависит от решения руководства вуза, то создание фонда оценочных средств, используемых преподавателем, зависит от желания и готовности самого преподавателя или группы преподавателей. В дальнейшем индивидуальные или совместные ФОС преподавателей могли бы послужить основой создания вузовского фонда оценочных средств.

Наличие индивидуального или коллективного фонда оценочных средств позволило бы использовать широко применяемый в настоящее время специалистами по подбору и оценке персонала метод *ассесмент-центр*, адаптировав его к целям оценивания компетенций/компетентностей и условиям вуза. Ассесмент-центр – это метод комплексной оценки пер-

сонала, включающий в себя ряд методик, выбираемых исходя из поставленных целей. Методики оценки могут быть самыми разными – анкетирование, интервьюирование, тестирование, деловая игра, самопрезентация участника, экспертное наблюдение и т. д. [12]. Сложности проведения ассесмент-центра связаны с тем, что процедура длится не менее двух часов, требуется специальное помещение и несколько ассесоров (специалистов, осуществляющих оценку) одновременно участвующих в ассесмент-центре. Несомненными достоинствами данного метода являются гарантированные объективность, полнота, всесторонность и валидность оценки.

Мы убеждены, что при любом способе, форме и средствах оценивания сформированности компетентности как личностного качества, верным остается утверждение В. П. Беспалько о том, что главным условием применимости оценивания является диагностичность постановки цели. Это означает, что дано точное и полное описание формируемого личностного качества таким образом, что его можно однозначно отличить от других качеств; существует способ для однозначного выявления диагностируемого качества личности в процессе объективного контроля его сформированности; возможно измерить интенсивность диагностируемого качества на основе данных контроля, разработана шкала оценки качества, опирающегося на результаты измерения [1].

В своем исследовании мы, исходя из анализа работ по проблемам оценивания результатов образования в целом и оценивания компетенций и компетентностей, опираясь на содержание и структуру социальной компетентности и составляющих её парциальных компетентностей (компетентность в общении, гражданская компетентность, культурно-досуговая компетентность, социально-личностная компетентность) и учитывая возрастные и индивидуальные особенности студентов, выбрали критериально-уровневый подход к оцениванию сформированности парциальных компетентностей.

Критерий – признак, на основании которого производится оценка, определение или классификация чего-либо; мера суждения, оценки какого-либо явления [6]. Под критерием оценки сформированности социальной компетентности студента понимается обобщенный объективный показатель выраженности оцениваемого параметра, который выявляется путем наблюдения за ходом выполнения задания или путем анализа представленных результатов, обобщенная оценка процессов, состояний и свойств личности студента, имеющая временные и интенсивные (качественные) характеристики и выражающая разнообразные проявления социальной компетентности студента.

Показатель – данные, по которым можно судить о развитии и ходе чего-нибудь [9]. В нашем исследовании под показателями мы понимаем качественные характеристики, раскрывающие содержания критерия, по которым можно судить о сформированности социальной компетентности.

Индикатор – «прибор, устройство, элемент, отображающий ход процесса или состояние объекта наблюдений, его качественные либо количественные характеристики» [11, с. 192] Индикатор (происходит

от латинского *indicator* – указатель) указывает на степень выраженности того или иного показателя сформированности социальной компетентности в определенный момент. Степень выраженности оценивается в баллах.

Уровень – степень величины, развития, значимости чего-нибудь [9]. Мы выделяем три уровня сформированности социальной компетентности студента и её парциальных компетентностей: высокий (компетентность выражена сильно и в полном объеме), средний (компетентность выражена недостаточно сильно и в неполном объеме) и низкий (компетентность выражена слабо и в недостаточном объеме).

Разработка процедуры оценивания уровня сформированности парциальных компетентностей включала в себя следующие этапы:

- 1) соотнесение критериев оценивания с содержанием и компонентами компетентности;
- 2) соотнесение показателей с критериями, определение оптимального количества показателей;
- 3) соотнесение индикаторов с показателями и уровнями сформированности компетентности;
- 4) соотнесение индикаторов каждого уровня сформированности с их количественным выражением в баллах;
- 5) выбор способа перевода набранных баллов в %;
- 6) выбор методов и средств оценивания, наиболее полно соответствующих задачам оценивания;
- 7) оценка выбранных методов и средств оценивания с точки зрения временных и финансовых затрат на их применение;
- 8) составление матриц, связывающих а) критерии, показатели и индикаторы с суммарной оценкой уровня сформированности оцениваемой парциальной компетентности; б) методы оценивания и уровни сформированности оцениваемой парциальной компетентности студента.

Мы выделили следующие критерии оценивания сформированности социальной компетентности студента: *когнитивный* (оценивание действенных знаний в таких сферах жизни студента, как общение, гражданская и культурно-досуговая деятельность, самосовершенствование); *мотивационно-ценностный* (оценивание иерархии главных жизненных ценностей и потребностей, составляющей основу социальной направленности личности студента), *конативный* (оценивание социального поведения, в котором проявляется умение студента сочетать личные и общественные интересы); *рефлексивный* (оценивание индивидуальной и групповой рефлексии как инструмента перехода на более высокий уровень сформированности социальной компетентности).

Следует заметить, что по числу показателей выделенные критерии отличаются друг от друга в рамках одной компетентности, и что у одних и тех же критериев в разных компетентностях количество показателей также может не совпадать.

Разработанная нами матрица оценивания сформированности социальной компетентности позволяет дать полную и всестороннюю оценку сформированности каждой парциальной компетентности, выразить оценку в баллах, перевести полученные баллы в проценты и определить, какому уровню соответствует полученный результат.

На примере когнитивного критерия компетентности в общении покажем, как выглядит заполненная матрица.

Таблица 1

Матрица оценивания сформированности компетентности в общении (фрагмент)

Критерий	Показатели	Индикаторы	Оценка в баллах
Когнитивный	1) знания об общении и его аспектах	– студент демонстрирует фрагментарные знания – студент демонстрирует достаточные знания – студент демонстрирует глубокие знания	1 2 ✓ 3
	2) знания о коммуникативном процессе	– студент демонстрирует фрагментарные знания – студент демонстрирует достаточные знания – студент демонстрирует глубокие знания	1 ✓ 2 3
	3) знания о вербальной и невербальной коммуникации	– студент демонстрирует фрагментарные знания – студент демонстрирует достаточные знания – студент демонстрирует глубокие знания	1 ✓ 2 3
	4) знание особенностей монологической и диалогической коммуникации	– студент демонстрирует фрагментарные знания – студент демонстрирует достаточные знания – студент демонстрирует глубокие знания	1 ✓ 2 3
	5) знание иностранного языка	– студент демонстрирует фрагментарные знания – студент демонстрирует достаточные знания – студент демонстрирует глубокие знания	1 ✓ 2 3
	6) знания о перцептивных процессах, механизмах и эффектах	– студент демонстрирует фрагментарные знания – студент демонстрирует достаточные знания – студент демонстрирует глубокие знания	1 ✓ 2 3
	7) знание видов взаимодействия	– студент демонстрирует фрагментарные знания – студент демонстрирует достаточные знания – студент демонстрирует глубокие знания	✓ 1 2 3
	8) знания о конфликте как особой форме взаимодействия	– студент демонстрирует фрагментарные знания – студент демонстрирует достаточные знания – студент демонстрирует глубокие знания	1 2 ✓ 3
	9) знания о манипуляциях в общении	– студент демонстрирует фрагментарные знания – студент демонстрирует достаточные знания – студент демонстрирует глубокие знания	1 2 ✓ 3
	10) знания о деловом общении	– студент демонстрирует фрагментарные знания – студент демонстрирует достаточные знания – студент демонстрирует глубокие знания	1 2 ✓ 3
Общее количество набранных баллов по данному критерию			23 балла
Максимально возможное количество баллов по данному критерию			30 баллов

Предположим, что суммарное количество баллов набранных студентом по всем критериям составило 91 балл (когнитивный критерий – 23 балла, мотивационно-ценностный – 19 баллов, конативный – 30 баллов, рефлексивный – 20 баллов), а максимальное количество баллов равняется 117, то в переводе в % студент набрал 78,6 %, что соответствует среднему уровню сформированности компетентности в общении.

Для перевода суммы набранных баллов в проценты по каждой парциальной компетентности определяется возможная максимальная сумма баллов, которая приравнивается 100 % и высчитывается процент, которому соответствует сумма баллов, набранная студентом. Для процентного выражения уровней сформированности компетентности мы ориентировались

на Шкалу ECTS (Европейская система перевода кредитов).

Уровень сформированности компетентности определяется по таблице 2.

Таблица 2

Уровень	Проценты
Высокий	91 – 100
Средний	66 – 90
Низкий	36 – 65

Для оценивания уровня сформированности парциальных социальных компетентностей студента мы отобрали и использовали следующие методы оценивания:

1. Опрос, анкетирование.
2. Оценка экспертов.
3. Самооценка.
4. Наблюдение.
5. Контент-анализ текстов, созданных студентами.
6. Тестирование.
7. Метод проектов.
8. Интервью-гайд.

Мы осознаем, что недостатком подобной процедуры оценивания является трудоёмкость расчетов, на

которые уходит большое количество времени. Однако именно методика критериально-уровневого оценивания и комплексное использование рассмотренных видов, форм и средств оценивания доказали свою эффективность и позволили получить достоверные результаты в ходе экспериментальной работы по осуществлению педагогического сопровождения формирования социальной компетентности студентов КемГУ. Обобщенные данные изменения уровня сформированности социальной компетентности студентов представлены в таблице 3.

Таблица 3

**Изменение уровня сформированности парциальных компетентностей
в ходе экспериментальной работы**
(количество студентов в %)

<i>Компетентность</i> <i>Уровень</i>	<i>В общении</i>		<i>Гражданская</i>		<i>Культурно-досуговая</i>		<i>Социально-личностная</i>	
	<i>начало</i>	<i>завершение</i>	<i>начало</i>	<i>завершение</i>	<i>начало</i>	<i>завершение</i>	<i>начало</i>	<i>завершение</i>
Высокий	12 %	35,2 %	12,5 %	52,8 %	13,6 %	40 %	15 %	53,1 %
Средний	47,9 %	59,7 %	45,8 %	39,6 %	46,8 %	56,5 %	48,4 %	42,8 %
Низкий	40,1 %	5,1 %	41,7 %	7,6 %	39,6 %	3,5 %	36,6 %	4,1 %

В целом, оценивая сформированность социальной компетентности, мы использовали такие формы, методы и средства оценивания, которые помимо реализации главной цели оценивания – объективного, полного и надёжного представления результатов формирования социальной компетентности, способствовали повышению мотивации формирования социальной компетентности, делали студентов активными и заинтересованными участниками процесса оценивания, развивали адекватную самооценку и взаимооценку студентов и органично вписывались в учебно-воспитательный процесс вуза.

Литература

1. Беспалько, В. П. Слагаемые педагогической технологии / В. П. Беспалько. – М.: Педагогика, 1989. – 190 с.
2. Ефремова, Н. Ф. Подходы к оцениванию компетенций студентов-первокурсников / Н. Ф. Ефремова // Высшее образование в России. – 2010. – № 4.
3. Ефремова, Н. Ф. Подходы к оцениванию компетенций в высшем образовании: учеб. пособие / Н. Ф. Ефремова. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2010. – 214 с.
4. Зимняя, И. А. Интегративный подход к оценке единой социально-профессиональной компетентности

выпускников вузов / И. А. Зимняя, Е. В. Земцова // Высшее образование сегодня. – 2008. – № 5.

5. Зимняя, И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования / И. А. Зимняя // Высшее образование сегодня. – 2003. – № 5.

6. Исследовательская деятельность: словарь / Сост. Е. А. Шашенкова. – М.: АПК и ППРО, 2005. – 64 с.

7. Катаев, С. Г. Индикаторный метод оценивания компетенций / С. Г. Катаев, Ю. О. Лобода, Е. А. Хомякова // Вестник ТГПУ. – 2009. – Выпуск 11(89).

8. Мартыненко, О. Формирование и оценка профессиональных компетенций менеджеров в учебном процессе / О. Мартыненко, И. Чёрная // Высшее образование в России. – 2007. – № 9.

9. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой – М.: Рус. яз., 1990. – 921 с.

10. Сергеев, И. С. Как реализовать компетентный подход на уроке и во внеурочной деятельности: практическое пособие / И. С. Сергеев, В. И. Блинов. – М.: АРКТИ, 2007. – 132 с.

11. Словарь иностранных слов. – М.: Русский язык, 1983. – 608 с.

12. Тибилова, Т. М. Как качественно оценить человека / Т. М. Тибилова, В. А. Кузьмин. – СПб: Питер, 2010. – 208 с.

ПРОЕКТИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ В ВУЗЕ

И. А. Жигалова

QUALITY MANAGEMENT SYSTEM PROJECTING IN THE COURSE OF STATE AND MUNICIPAL EMPLOYEES' UNIVERSITY EDUCATION

I. A. Zhigalova

Статья посвящена характеристике теоретических подходов к проблеме проектирования системы менеджмента качества подготовки государственных и муниципальных служащих в вузе.

Ключевые слова: *система менеджмента качества, государственная служба, муниципальная служба.*

The article provides to the characteristic of theoretical approaches to the problem of quality management system projecting in the courses of the preparation of state and municipal employees in high school.

Keywords: *quality management system, state service, municipal service.*

Современные тенденции развития рыночной экономики оказывают влияние не только на появление высокой конкуренции в различных областях производственной деятельности, но и на сферу предоставления образовательных услуг.

В связи с этим возникает необходимость расширения конкурентных преимуществ высших учебных заведений за счёт повышения качества предоставляемых услуг и, как следствие, результата их деятельности.

Указанная проблема приобретает особое значение при подготовке высококвалифицированных специалистов в области государственного и муниципального управления, так как от данной категории служащих во многом зависит реализация выбранного курса развития страны и место России в мировом сообществе.

Таким образом, разработка современной модели управления качеством подготовки специалистов в сфере государственного и муниципального управления на основе теорий управления качеством является важной задачей для научного и педагогического сообщества.

Вопросы качества образования традиционно актуальны. Конституция РФ (ст. 43) гарантирует право каждого на образование. При этом конституционная норма охватывает исключительно вопросы доступности и обязательности образования (п.п. 1 – 4 ст. 43), а также пределов государственного регулирования (п. 5 ст. 43).

Принципы государственной политики в области образования определены в Законе «Об образовании» (ст. 2) и ФЗ «О высшем и послевузовском образовании» (ст. 2). Обращает на себя внимание отсутствие среди них такого ключевого понятия, как качество образования. Таким образом, качество образования не является ни приоритетом, ни общим принципом государственной политики.

В то же время, на основании названных выше законодательных актов, органы государственной власти наделяются полномочиями по федеральному государственному контролю качества образования (ст. 38 Закона «Об образовании»). Обратим внимание – не по обеспечению, а именно по контролю. Однако понятие *качество образования (обучения)* нормативно не за-

креплено, а его критерии остаются дискуссионными. Поэтому предмет контроля органа государственной власти долгое время оставался неопределённым.

Летом 2011 г. в Закон «Об образовании» были внесены изменения, согласно которым под федеральным государственным контролем качества образования стала пониматься деятельность, направленная на оценку соответствия содержания и (или) качества подготовки обучающихся и выпускников образовательного учреждения... требованиям федеральных государственных образовательных стандартов или федеральным государственным требованиям посредством проведения проверок качества образования и принятия, предусмотренных законодательством РФ, мер по пресечению и (или) устранению выявленных нарушений требований федеральных государственных образовательных стандартов или федеральных государственных требований.

Указанная поправка не внесла ясности, указав на «оценку соответствия *содержания и (или) качества* подготовки обучающихся...». Таким образом, содержание и качество были разделены, а право оценки качества предоставлено исключительно органам исполнительной власти. Кроме того, осталось неясным, что означает полное соответствие стандартам: соответствие *содержанию* или *качеству* образования? «Контролерам» (органам исполнительной власти), не имеющим чётких критериев для оценки качества образования будет сложно «пресекать и устранять выявленные нарушения». Конечно, они могут традиционно делать это на свое субъективное усмотрение, усугубляя, таким образом, коррупциогенность образовательной среды.

Определенные трудности в конкретизации понятия «качество» образования могут быть объяснены и тем, что в международных документах оно также весьма расплывчато. «Всемирная Декларация о высшем образовании для XXI века: подходы и практические меры» рассматривает качество в сфере высшего образования как многомерную концепцию, охватывающую все его функции и виды деятельности: учебные и академические программы, научные исследования и стипендии, обеспечение кадрами, а также обучающихся, здания, материально-техническую ба-

зу, оборудование, работу на благо общества и академическую среду. Декларация не даёт четких характеристик качества образования для каждого вида деятельности.

Не существует четких дефиниций и в новейших концептуальных документах. Идеологию развития образования в условиях модернизации и курса на инновационное развитие определила Национальная образовательная инициатива «Наша новая школа», где опять же предусмотрена лишь «современная система оценки качества образования, которая должна обеспечивать нас достоверной информацией о том, как работают и отдельные образовательные учреждения, и система образования в целом». Отметим характерную для нормативных актов закономерность – ставится перспективная задача не обеспечивать качество, а лишь оценивать, «мониторить» его. Такая постановка вопроса выглядит более чем странной, так как оценки качественному состоянию отечественного образования в последние десятилетия даются традиционно низкие, но от этого, при наличии «контроля», ничего (кроме роста применения информационно-коммуникационных технологий) не меняется. Возможно, такие задачи поставлены на будущее?

Перспективу развития образования в целом определила Федеральная целевая программа развития образования (далее – ФЦП), которая в соответствии с п. 2 ст. 1. Закона «Об образовании» является организационной основой государственной политики РФ в области образования. Концепция новой ФЦП «стратегической целью государственной политики в области образования» провозгласила «повышение доступности качественного образования, соответствующего требованиям инновационного развития экономики, современным потребностям общества и каждого гражданина».

Отметим, что расшифровка понятия «качественное образование» в программе отсутствует, а как таковое качественное образование (что признают и сами разработчики программы) в целом отсутствует в стране. Отсюда совершенно не понятно к чему планируется обеспечивать доступ.

Из документа следует, что приоритет в реализации государственной политики в данной сфере однозначно отдан повышению доступности образования, что в мировой практике однозначно коррелирует с социально-экономическим равенством (неравенством), доступностью образования для социально незащищенных слоев населения, национальных меньшинств и т. п. Такое понимание следует и из ст. 43 Конституции РФ, где применены и взаимоувязаны понятия «доступности» и «бесплатности». В этом смысле прослеживается преемственность с Конституциями СССР, которые (ст. 45 (1977 г.) и ст. 121 (1936 г.)) обеспечивали исключительно бесплатность и всеобщность образования.

Сегодня, как справедливо отмечают отечественные исследователи, в условиях расширения платного сектора образовательных услуг, происходящего на фоне низкого уровня жизни большей части населения, проблема равенства в образовании перестает быть исключительно проблемой традиционно выделяемых социально уязвимых слоев населения и становится в большей степени экономической проблемой.

В этом смысле задача обеспечения доступности уже ставилась в предыдущей ФЦП развития образования, действовавшей до 2010 г. Каковы результаты? На сегодня по официальной оценке, «в российском образовании в последние годы сложились тенденции и подходы к созданию условий, обеспечивающих качество и доступность образовательных услуг». Отсюда нетрудно сделать вывод об отсутствии как доступности, так и качества. В наличии лишь «тенденции и подходы», да и те сформировались лишь к «созданию условий, обеспечивающих качество». Напрашивается вывод о том, что в данном направлении мы находимся на дальних подступах к качественному образованию, что, собственно, Концепция новой ФЦП развития образования до 2015 г. не отрицает: «Уровень развития отечественного образования пока не соответствует требованиям инновационного социально ориентированного развития страны».

Анализ современной педагогической и социологической литературы показал редкое единодушие авторов в текущих оценках состояния качества образования. Если судить по всей совокупности имеющихся публикаций, качество образования большинства учащихся и студентов ухудшилось. «Каких-либо разъяснений, – совершенно справедливо отмечает В. Аванесов, – относительно таких оценок и объяснения причин ухудшения образования со стороны Министерства образования и науки РФ нет. Это означает, что Министерство от данной проблемы дистанцировалось, демонстрируя тем самым, что оно как бы ни в чём не виновато». Формально орган исполнительной власти трудно в чём-то обвинить, так как непонятно, о каком качестве идет речь, кто и как его измерял. Исследователи справедливо обращали внимание на отсутствие критериев оценки достижения поставленных целей.

В этой связи выглядит политически выверенным, но нелогичным, построение приоритетов в новой ФЦП, где предполагается решение следующих первоочередных задач:

- обеспечение инновационного характера базового образования;
- модернизация институтов системы образования как инструментов социального развития;
- создание современной системы непрерывного образования, подготовки и переподготовки профессиональных кадров;
- формирование механизмов оценки качества и востребованности образовательных услуг с участием потребителей, участие в международных сопоставительных исследованиях.

В числе приоритетов нет обеспечения качества, есть лишь его оценка, которую сложно дать ввиду отсутствия четко разработанных критериев, которые могут агрегироваться в синтетический показатель (совокупная оценка работодателем, обучающимся, преподавателем), как это предлагается в современной западной литературе. Такой показатель необходим не только для отчетов органов исполнительной власти, осуществляющих контроль в сфере образования. Настоящая потребность определения параметров качества определяется также и тем, что в современных ус-

ловиях образование – это в значительной степени платная услуга, на обеспечение качества которой (и ответственности за необеспечение) распространяются нормы гражданского и административного законодательства.

В соответствии со ст. 49 Закона «Об образовании» государство вправе, в случае некачественной подготовки выпускников государственным или муниципальным образовательным учреждением, предъявить данному образовательному учреждению иск по возмещению дополнительных затрат на переподготовку этих выпускников в других образовательных учреждениях. Основанием для предъявления такого иска является приостановление действия государственной аккредитации образовательного учреждения или лишение его государственной аккредитации.

Привлечь вуз к ответственности за некачественное образование возможно только в том случае, если такая ответственность прописана в договоре на оказание возмездных образовательных услуг. Такой договор относится к категории договоров присоединения, и обучающийся не вправе настаивать на включение в него каких-либо особых условий, что вполне устраивает вузы.

Таким образом, студенты, получающие бесплатное образование, фактически не имеют никаких рычагов воздействия на качество своей подготовки. В уставах вузов содержатся, как правило, общие формулировки, касающиеся права студента участвовать в решении вопросов деятельности высших учебных заведений.

Полагаем, что для защиты прав и законных интересов студентов (потребителей образовательных услуг) основания и меры ответственности вуза за качество обучения должны быть конкретизированы в законодательстве об образовании. Главное в том, что качество образования никто не гарантирует, Конституция РФ провозглашает лишь его доступность, равно как и действующие законы. Федеральная целевая программа и Национальная образовательная инициатива «Наша новая школа» ориентируют на «повышение доступности качественного образования, соответствующего требованиям инновационного развития экономики». Что представляют собой данные требования, не совсем ясно.

На современном этапе наиболее распространённой среди российских вузов остаётся модель системы менеджмента качества по Международному стандарту серии ISO.

Большинство российских высших учебных заведений, активно внедряющих указанную модель, добились немалых результатов в совершенствовании организационной системы управления. Однако следует признать, что использование данной модели не всегда позволяет активно влиять на содержательные процессы качества высшего образования. Например, действующая модель серии ISO, по сути своей, не предполагает стимулирование вуза и преподавательского состава к улучшению результатов собственной деятельности, повышению качества образования в интересах потребителей.

Существующие противоречия могут иметь свое разрешение при использовании комплексной модели построения системы менеджмента качества, основан-

ной на принципах целостной оптимизации процессов вуза, ориентированной на удовлетворение требований всех лиц, заинтересованных в деятельности организации при систематическом проведении самооценки результатов деятельности.

В основу данной модели могут быть положены принципы СМК, представленные в теории Всеобщего управления качеством (TQM). Немаловажное значение при применении модели СМК на принципах TQM в вузах имеет ориентация на ключевые компетенции, которыми должны обладать выпускники по завершению обучения.

Исходя из теории TQM, комплексная модель компетенции выпускников сферы государственного и муниципального управления будет зависеть от тех требований, которые к ним предъявляют работодатели и общество в целом для реализации поставленных перед ними задач: государственно-политических (обеспечение благосостояния общества и решение общегосударственных задач управления), экономических (повышение эффективности государственного управления экономикой), социальных (выполнение конституционных требований о государственной поддержке социальной сферы) и др.

Методология построения эффективной модели управления вузом на принципах TQM предполагает целостную структурную оптимизацию учебного заведения на основе установленных стратегических целей при построении процессной модели управления организацией.

Данная модель представляет собой совокупность взаимосвязанных основных и вспомогательных процессов, а также подпроцессов, которые участвуют в создании конечного результата деятельности высшего учебного заведения.

Принципиальным, на наш взгляд, является то, что использование принципов Всеобщего управления качеством позволяет подчинить все процессы, протекающие в вузе, основным требованиям к качеству результата деятельности каждого процесса и интересам потребителей.

Вместе с тем необходимо учитывать, что потребителями процессов, протекающих в вузе, являются не только абитуриенты, работодатели, коммерческие и некоммерческие организации, общество в целом, но также студенты, профессорско-преподавательский состав и другие работники (рис.).

При построении процессной модели высшего учебного заведения особенно важно определить, какие процессы являются основными (непосредственно участвующими в создании конечного результата деятельности организации), а какие – обеспечивающими основные процессы необходимыми ресурсами и участвующими в разработке стратегии организации.

Основные процессы деятельности каждого высшего учебного заведения (образовательный процесс, научно-исследовательский процесс, а также воспитательный процесс), в свою очередь, подразделяются на цепь взаимосвязанных подпроцессов второго уровня.

Например, процесс образования может быть представлен следующим образом: выявление требований заказчика; плано-аналитическая деятельность, связанная с набором студентов; конкурсный прием абитуриентов; учебно-организационная деятельность,

связанная с подготовкой первокурсников к занятиям; проведение занятий; мониторинг и оценка качества знаний; взаимодействие с работодателями; послевузовское сопровождение специалистов. Кроме того,

каждый из представленных подпроцессов образовательного процесса может быть разбит на ряд подпроцессов третьего уровня и т. д.

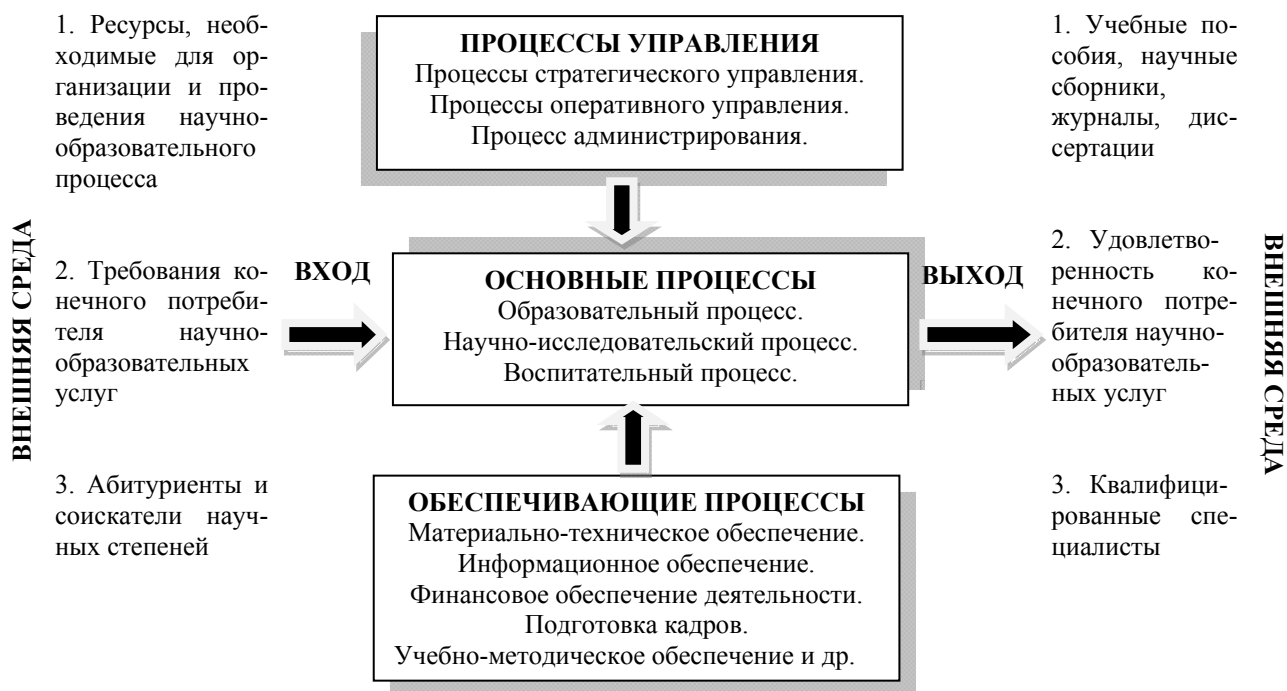

Рис. Процессная модель управления высшим учебным заведением на принципах TQM

Принципиальным преимуществом использования современной модели управления качеством на принципах TQM в вузе является возможность целостного непрерывного выявления и совершенствования так называемых «узких мест», прежде всего касающихся основных процессов деятельности вуза. Важно отметить, что глубоким преобразованиям подлежат только те процессы, которые составляют стабильную подсистему организации, поскольку, исходя из теории вариативности процессов (составная часть концепции TQM), в данных системах неэффективно проводить устранение причин, вызывающих отклонения в процессах (в отличие от нестабильных систем). Стабильными процессами являются те, на которые оказывают влияние только общие причины вариативности (проявляются постоянно и воздействуют на всех участников процесса), а на нестабильные процессы оказывают влияние как общие, так и особые причины (проявляются непостоянно и непредсказуемо, под действием определенных факторов). Например, общими причинами вариативности, влияющими на всех студентов в процессе образования, могут быть: устаревшие и неактуальные знания, неэффективные подходы передачи знаний преподаватель – студент, отсутствие необходимых условий для восприятия нового материала (плохая слышимость в аудиториях, шум, тусклое освещение и др.), перегруженность занятий. Примером особых причин вариативности можно привести индивидуальные факторы, воздействующие на отдельных студентов в группе: психикофизиологические особенности личности, отсутствие интереса к обучению, низкая мотивация к получению

высоких результатов, совмещение работы с обучением в вузе.

Использование преимуществ концепции TQM в анализе качества управления вузом, выявленные проблемы и недостатки в процессной модели управления позволяют разработать не только оптимальную функциональную структуру управления, ориентированную на выполнение миссии высшего учебного заведения, но и новые подходы к организации образовательного, научно-исследовательского и воспитательного процессов.

Литература

1. Федеральный закон от 18.07.2011 N 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля».
2. Всемирная Декларация о высшем образовании для XXI века: подходы и практические меры. Париж. 09.10.1998 г. // Сборник документов, касающихся международных аспектов высшего образования / сост. Е. В. Шевченко. – СПб.: Оракул, 2000.
3. Наша новая школа. Национальная образовательная инициатива. Утв. Президентом РФ Д. Медведевым 4 февраля 2010 г. Пр-271.
4. Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2011 – 2015 годы. Утв. распоряжением Правительства РФ от 7 февраля 2011 г. N 163-р.
5. Железов, Б. В. Проблема доступности образования и равенства образовательных возможностей в странах ОЭСР: Интернет-конференция «Финансиро-

вание и доступность высшего образования» 10.09.2004–30.10.2004 / Б. В. Железов, Т. А. Мешкова. Федеральный образовательный портал <http://ecsoc-man.hse.ru/text/16211652/>.

6. Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2011 – 2015 годы. Утв. распоряжением Правительства РФ от 7 февраля 2011 г. N 163-р.

7. Аванесов, В. С. Стратегия развития российского образования в XXI веке / В. С. Аванесов // Конференция научного цикла ИНИОН РАН "Россия: ключевые проблемы и решения". 05.02.2010.

8. Вроейнстийн, А. И. Оценка качества высшего образования. Рекомендации по внешней оценке качества в вузах / А. И. Вроейнстийн. – М.: Изд-во МНЭПУ, 2000.

УДК: 378.016:811(1-87)

ЛИЧНОСТНАЯ СТРУКТУРА СУБЪЕКТОВ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Б. П. Невзоров, В. В. Ерёмин

PERSONAL STRUCTURE OF THE SUBJECTS IN THE INTERCULTURAL COMMUNICATION AND THEIR INTERACTION

B. P. Nevzorov, V. V. Eremin

В статье рассматриваются вопросы о влиянии коммуникации на общественные отношения, понятие «субъект межкультурной коммуникации» и его структурные компоненты.

Ключевые слова: коммуникация, коммуникант, субъект межкультурной коммуникации.

This article considers the questions concerning the influence of communication on social relations, as well as the concept of "subject of intercultural communication" and its structural components.

Keywords: communication, communicant, subject of intercultural communication.

Имеется немало исследований, в которых так или иначе рассматриваются особенности личности. При этом большое внимание уделяется социальному компоненту в структуре личности (Б. Г. Ананьев, А. Н. Леонтьев, А. К. Маркова и др.). Содержание социального компонента понимается, в общем, различными исследователями как совокупность составляющих мировоззрение и направленность, потребности и интересы, идеалы и стремления, моральные и эстетические качества, которые формируются в процессе общественных отношений (учеба, профессиональная деятельность и т. д.). В свою очередь, движущей силой формирования и развития общественных отношений служит коммуникация.

Так, восприятие человека человеком составляет, по мнению А. А. Бодалева, психологический аспект процесса коммуникации и информационно-регулирующий механизм общественного поведения [1, с. 263].

В процессе коммуникации человек выступает в качестве коммуниканта. Сущность коммуниканта описана, в частности, Ф. И. Шарковым [10]. В своей концепции автор указывает следующие его особенности. Отправитель и получатель информации в системе коммуникации осуществляют и общую базовую функцию, должны отвечать общим требованиям: иметь хотя бы минимальный уровень гуманитарных знаний; понимать общий символический язык (код); иметь ключи для кодирования и дешифрации закодированной информации; иметь взаимное желание к установлению и поддержанию коммуникации. Кроме

того, они должны обладать так называемыми фоновыми знаниями коммуникантов – знаниями окружающей действительности, социальных ценностей общества, культуры и т. п.

Наш вывод об особом статусе субъектов межкультурной коммуникации опирается, в частности, на выводы И. В. Приваловой, которая отмечает, что в разработке теоретических оснований отразился не только объективный подход, утверждающий межкультурное общение как контактирование культурных объектов, но и субъективный, нацеленный на анализ участвующих в межкультурной коммуникации субъектов и их субъективных параметров [8, с. 87].

На основании анализа различных работ можно отметить ряд выводов исследователей относительно субъектов межкультурной коммуникации. Так, А. П. Садохин указывает на то, что процесс межкультурной коммуникации представляет собой коммуникативное взаимодействие индивидов. Эти индивиды обладают совокупностью знаний, составляющей содержание межкультурной компетентности: знания языка, общие и конкретные знания о ситуации общения, знание социальных и культурных норм, знание о партнерах по коммуникации и т. д. Перечисленные знания выражаются в поведении индивида в процессе взаимодействия с другими и обуславливают его принадлежность к определенной социокультурной и языковой общности. На основании своей принадлежности к той или иной группе каждый участник выступает одновременно и как отдельный индивид, и как член какой-либо социокультурной группы, и как

представитель определенного культурного сообщества, и как представитель всего человечества [9, с. 47].

Близкую позицию занимает Л. К. Гейхман, выделяя четыре «уровня» субъектов, проявляющихся в процессе их взаимодействия [3, с. 140]:

1) каждый из них является носителем общечеловеческого сознания;

2) каждый из них является носителем культурных ценностей, созданных народом, к которому он принадлежит;

3) каждый из них является представителем определенной системы мировоззренческих ценностей той или иной религиозной конфессии или организации;

4) каждый из них является представителем социальной и / или профессиональной группы, и при всем этом каждый из них есть неповторимая человеческая индивидуальность, определяемая полом, возрастом, характером, темпераментом и другими особенностями человека, через которые все эти культурные уровни и проявляются.

Таким образом, контакты индивидов выступают, по мнению исследователей межкультурной коммуникации, средством приобщения к культуре, формой взаимодействия носителей культур и индикатором личности. Процесс взаимодействия имеет в то же время свою специфику в том смысле, что он выстраивается по оси «свой» или «чужой». Сущность данных понятий и их соотношение были довольно подробно изучены А. П. Садохиным. Во-первых, исследователь указывает на причину такого противопоставления: «Нечто само собой разумеющееся одной стороны сталкивается с нечто самим собой разумеющимся другой стороны» [4, с. 37]. Во-вторых, было описано значение двух понятий в контексте культурных различий [4, с. 36]. Понятие «чужой» А. П. Садохин приводит в следующих значениях:

– чужой как неместный, иностранный, находящийся за границами родной культуры;

– чужой как странный, необычный, контрастирующий с обычным и привычным окружением;

– чужой как незнакомый, неизвестный и недоступный для познания;

– чужой как сверхъестественный, всемогущий, перед которым человек бессилен;

– чужой как злобный, несущий угрозу для жизни.

Представленные семантические варианты понятия «чужой» автор рассматривает в самом широком значении, как все то, что находится за пределами само собой разумеющихся, привычных и известных явлений или представлений. И наоборот, противоположное ему понятие «свой» подразумевает тот круг явлений окружающего мира, который воспринимается человеком как знакомый, привычный, само собой разумеющийся.

Данные выводы исследователей мы считаем необходимым дополнить еще одним выводом – это наличие личностных качеств, которые выступают, на наш взгляд, основой взаимодействия субъектов межкультурной коммуникации и включают в себя эмпатию и толерантность.

Суммируя вышеописанные выводы исследователей, мы считаем, что **субъект межкультурной коммуникации** – это участник межкультурной комму-

никации, который отличается от участников других видов коммуникации следующими характеристиками: 1) он обладает совокупностью знаний о родной и чужой культурах, приобретаемых в результате контактов с культурными объектами или с другими субъектами – носителями культуры; 2) он проявляет особенности поведения, характерные для родной или чужой культуры; 3) на основе толерантности и эмпатии он находит взаимопонимание с собеседником с учетом его принадлежности к родной или чужой культуре.

Личностную структуру субъекта межкультурной коммуникации мы рассматриваем в виде четырех взаимосвязанных компонентов: межкультурной, коммуникативной и личностно-поведенческой компетентностей.

Межкультурная компетентность включает в себя знания социокультурного характера, относящихся к родной и к чужой культуре, умение их усваивать, интерпретировать и оперировать ими в условиях коммуникации, а также эмоционально-оценочное отношение к себе и партнеру.

Социокультурные знания в структуре межкультурной компетентности представляют собой знания основ родной и чужой культур, знания социального характера, характеристик партнеров как представителей определенной культуры, а также знания о практической деятельности в собственной стране и стране партнера по общению в целях успешного профессионального и личностного взаимодействия.

Умения усваивать, интерпретировать и оперировать социокультурными знаниями состоят в способности человека находить интересующую его или недостающую информацию, интерпретировать документ или событие другой культуры, объяснить его и соотнести с явлениями собственной культуры.

Эмоционально-оценочное отношение к себе и партнеру предполагает самооценку, произведенной на основе социального сравнения, которая может быть сопоставлена с оценками «других» как на индивидуальном, так и на групповом уровнях.

Коммуникативная компетентность включает в себя знания основ коммуникации и межкультурной коммуникации, умения выражать и интерпретировать вербально и невербально сигналы в соответствии с ситуацией общения, а также коммуникативные способности, позволяющие организовать и поддерживать коммуникацию.

Знание основ коммуникации и межкультурной коммуникации включает в себя знание цели, функций, видов, стилей коммуникации, правила ее построения, знание невербальных средств коммуникации, также знание процессов овладения родной и чужой культур и влияние культурных различий на коммуникацию.

Умения выражать и интерпретировать сигналы подразумевает передачу информации посредством такого набора сигналов (вербальных и невербальных), которые позволяют донести нужный смысл до адресата и, соответственно, суметь правильно интерпретировать полученную информацию по аналогичным сигналам.

Коммуникативные способности, позволяющие организовать и поддерживать коммуникацию, проявляются в способности на основе полученных зна-

ний о сущности и ведении коммуникации эффективно взаимодействовать с окружающими в смысле достижения своей коммуникативной цели и установления позитивных и продуктивных отношений с партнерами. Данные способности могут проявляться, на наш взгляд, в умении инициировать контакты, расширять круг знакомств, проявлять инициативу и лидерство в коммуникации, делать выбор и принимать решения, уметь отстаивать свое мнение и т. п.

Личностно-поведенческая компетентность представляет собой способности личностного самовыражения в виде проявления чувствительности к меняющимся переживаниям собеседника, установления и сохранения общности с ним с учетом культурных различий, основывающихся на совокупности знаний об эмпатическом способе общения и толерантной культуре, умениях адаптироваться к новой среде и интегрироваться в систему чужой культуры.

Знания об эмпатическом способе общения и толерантной культуре представляют собой знания сущности эмпатии и толерантности, технологии их применения.

Адаптация к новой среде предполагает, по мнению М. Беннета, «развитие на основе эмпатии альтернативных коммуникативных умений и поведенческих моделей» [4, с. 226]. Результат адаптации представляет собой в социокультурном аспекте, по мнению Т. Г. Грушевицкой, которое мы разделяем в своем исследовании, «умение свободно ориентироваться в новой культуре и обществе, решать повседневные проблемы в семье, в быту, на работе и в школе» [4, с. 211].

Интеграция в систему чужой культуры присуща, по мнению М. Беннета, «личности, чья идентичность включает другие жизненные принципы, помимо ее собственных. Такой человек психологически и социально готов и способен понять множество реальностей» [4, с. 227].

Выявленные компоненты личностной структуры субъектов межкультурной коммуникации в виде трех компетентностей мы взяли в качестве цели при организации подготовки специалистов к межкультурной коммуникации в условиях университета. Однако для большей эффективности подготовки мы сочли необходимым учесть еще специфику взаимодействия субъектов межкультурной коммуникации, которая заключается, по мнению многих исследователей, в преодолении коммуникативных барьеров, вызванных культурными различиями собеседников. Неумение преодолевать такого рода барьеры неизбежно порождает межкультурные конфликты.

Термин «конфликт» определяется в Толковом словаре русского языка под редакцией С. И. Ожегова как «столкновение, серьезное разногласие, спор» [5, с. 287]. В свою очередь, термин «разногласие» в этом же словаре определяется как «отсутствие согласия из-за несходства во мнениях, взглядах» [5, с. 640]. Очевидно, что разногласие является следствием несовпадения знаний, системы ценностей, опыта коммуникантов в вопросе, вызывающем конфликтную ситуацию.

Однако конфликт не рассматривается в науке как чисто негативное явление. Различные исследователи отмечают в конфликте две противоположные по последствиям функции. Так, Т. Г. Грушевицкая отмеча-

ет, что конфликт имеет динамический характер и возникает в самом конце ряда событий, которые развиваются, исходя из имеющихся обстоятельств. (Положение вещей → возникновение проблемы → конфликт.) Возникновение конфликта вовсе не означает прекращения отношений между коммуникантами; за этим, скорее, стоит возможность отхода от имеющейся модели коммуникации, причем дальнейшее развитие отношений возможно как в позитивном, так и в негативном направлениях [4, с. 174].

Таким образом, конфликт выступает, по нашему мнению, условием для самоанализа, оценки исходных позиций (своих и собеседника) с целью выявить сходства и отличия и на их основе выстроить эффективную стратегию коммуникации.

Что касается специфики коммуникационных конфликтов, то на сегодняшний день популярность получила структура, предложенная К. Делхес, в которой выделены три основные причины коммуникационных конфликтов: личные особенности коммуникантов, социальные отношения (межличностные отношения) и организационные отношения [4; 2].

К личностным причинам конфликтов относятся ярко выраженное своеобразие, фрустрированные индивидуальные потребности, низкая способность или готовность к адаптации, подавленная злость, несговорчивость, ярко выраженное честолюбие, карьеризм, жажда власти или сильное недоверие. Эти причины конфликтов обусловлены исключительно личными качествами конкретного человека. На основании определенных признаков личности такие люди часто вызывают конфликты.

К социальным причинам возникновения конфликтов относятся: сильно выраженное соперничество, недостаточное признание способностей, недостаточная поддержка или готовность к компромиссам, противоречивые цели и средства для их достижения.

К организационным причинам конфликтов относятся перегрузку работой, неточные инструкции, неясные компетенции или ответственность, противоречащие друг другу цели, постоянные изменения правил и предписаний для отдельных участников коммуникации, глубокие изменения или реструктуризацию укоренившихся позиций и ролей.

Сущность преодоления межкультурных конфликтов автор рассматривает как «психологический акт, возникающий на основе последовательности механизмов преодоления негативных этнических стереотипов и барьеров в процессе межкультурного общения» [2, с. 9].

При этом понятие «барьеры», возникающие в процессе преодоления межкультурных конфликтов, рассматриваются как «внешние и внутренние трудности, возникающие в процессе межкультурного общения, противостоящие проявлениям жизнедеятельности субъекта, его активности» [2, с. 12]. Понятие «стереотипы» рассматривается в межкультурной коммуникации, вслед за А. П. Садохиным, как «результат этноцентрической реакции – попытки судить о других людях и культурах с позиций исключительно своей культуры» [2, с. 12].

По мнению Т. Г. Грушевицкой, в процессе коммуникации представителей различных культур причинами напряженности и конфликта очень часто бы-

вают ошибки атрибуции. Знание или незнание культурных особенностей, включая религиозные и идеологические аспекты, играют огромную роль в построении атрибуций. Обладание такой информацией позволяет многое прояснить относительно того, что является желательным и на что накладывается табу в конкретной культуре [4, с.174].

В современной науке понятие «атрибуция» рассматривается как процесс интерпретации, посредством которого индивид приписывает наблюдаемым и переживаемым событиям или действиям определенные причины. Интерпретация причин поведения человека предпринимается, в первую очередь, тогда, когда оно не укладывается в те представления и логические объяснения, которыми пользуется в своей жизни объясняющий [4, с.169].

При таком подходе конфликты в межкультурной коммуникации рассматриваются, в первую очередь, как ошибки атрибуции, имеющие две причины. Во-первых, это различия в имеющейся информации и позиции наблюдения и, во-вторых, мотивационные различия.

Информационные различия между наблюдателем и деятелем заключаются, по мнению Т. Г. Грушевицкой, в различном владении информацией о действии: деятель проинформирован о причинах действия больше, чем наблюдатель. Отсюда различия в восприятии заключаются в том, что действие по-разному видится с точки зрения деятеля и наблюдателя. В результате наблюдатель склонен постоянно переоценивать возможности личности, роль диспозиций в поведении действующего. Данная переоценка получила название *фундаментальной ошибки атрибуции*. [4, с. 171].

Сопоставляя точки зрения исследователей, мы пришли к выводу, что успешное взаимодействие субъектов межкультурной коммуникации, выражающееся, в том числе, в преодолении межкультурных конфликтов, обеспечивается при следующих условиях:

- 1) знания родной и чужой культур, сущности этнических стереотипов;
- 2) умения адекватно интерпретировать вербальные и невербальные сигналы и действия собеседников;
- 3) умения увидеть проблемы собеседника, понять мотивы его действий, почувствовать его состояние;

4) владения техникой коммуникации на основе принятых правил и норм в культуре собеседника.

Литература

1. Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания [Текст] / Б. Г. Ананьев. – СПб.: Питер, 2001 – 288 с.
2. Бостанжи, А. П. Подготовка студентов к преодолению межкультурных конфликтов [Текст] / А. П. Бостанжи: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Калининград, 2008 – 23 с.
3. Гейхман, Л. К. Интерактивное обучение общению как модель межкультурной коммуникации [Текст] / Л. К. Гейхман // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2003. – № 3.
4. Грушевицкая, Т. Г. Основы межкультурной коммуникации: учебник для вузов [Текст] / Т. Г. Грушевицкая и др.; под ред. А. П. Садохина. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 352 с.
5. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Российская АН; Российский фонд культуры. – 3-е изд., стереотипное – М.: АЗЪ, 1996 – 928 с.
6. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность [Текст] / А. Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
7. Маркова, А. К. Психология профессионализма [Текст] / А. К. Маркова. – М.: Знание, 1996. – 308 с.
8. Привалова, И. В. Разнообразие подходов в развитии теоретических основ межкультурного общения [Текст] / И. В. Привалова // Вестник МГУ. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004. – № 3.
9. Садохин, А. П. Компетентность или компетенция в межкультурной коммуникации [Текст] / А. П. Садохин // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – № 3.
10. Шарков, Ф. И. Основы теории коммуникации: учебник для вузов [Текст] / Ф. И. Шарков. – М.: Социальные отношения: Перспектива, 2003. – 248 с.
11. Шпильман, М. В. Коммуникативная стратегия «речевая маска» (на материале произведений А. и Б. Стругацких) [Текст] / М. В. Шпильман: автореф. дис...канд. филол. наук. – Новосибирск, 2006. – 23 с.

КАРЬЕРНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

С. И. Осипова, И. В. Янченко

CAREER COMPETENCE AS THE OBJECT OF EDUCATIONAL RESEARCH

S. I. Osipova, I. V. Yanchenko

В статье обоснована актуальность формирования карьерной компетентности студентов вузов, определена ее сущность и структура.

Ключевые слова: карьера, успех, компетентность, карьерная компетентность, карьерный рост, конкурентоспособность.

In the article the relevance of forming career competencies of university students is justified, its nature and structure are defined.

Keywords: career, success, competence, career competency, career development, competitiveness.

Изменения, происходящие в российском и мировом сообществе, связанные с процессами глобализации, информатизации, проникновения высоких технологий во все сферы жизнедеятельности человека определили необходимость гуманизации общества, которая проявляется в смещении ценностей в сторону повышения роли человеческого капитала. В преамбуле Коммюнике Конференции европейских министров, ответственных за высшее образование в странах Болонского процесса (Бельгия, 28 – 29 апреля 2009 года), собиравшихся оценить успехи в реализации Болонского процесса и определить приоритеты для Европейского пространства высшего образования на следующее десятилетие, утверждается необходимость, «чтобы высшие учебные заведения обладали достаточными ресурсами для дальнейшего выполнения таких задач, как подготовка учащихся к жизни в качестве активных граждан демократического общества; подготовка студентов к будущей карьере и развитие их личностей; создание и поддержание широкой базы передовых знаний, и стимулирование научных исследований и инноваций» [2, с. 146].

Гуманистическая парадигма в образовании, базирующаяся на понимании человека как высшей ценности, главным субъектом образовательного и воспитательного процесса ставит проблему его успешности в личностном и профессиональном развитии. Проблема формирования успешной личности предполагает выявление характеристик для оценки этой категории. В оценке успешности человека, наряду с безусловными ценностями семьи, определены: хорошее образование, карьерный и профессиональный рост, что подтверждается в исследовании Института социологии РАН, проведенном в марте – апреле 2007 г. Позволим себе привести здесь основные результаты и выводы исследования, представленные в аналитическом докладе «Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты» [19]. Объект исследования включал две группы: основную, молодежь в возрасте от 17 до 26 лет включительно (1796 человек), и контрольную, состоящую из старшего поколения в возрасте от 40 до 60 лет (655 человек). Анализ динамики установок молодежи в 2007 г., по сравнению с установками в 1997 г., в сфере карьеры показывает, что число молодых людей «пока не добившихся, но считающих, что им это по силам» выросло в желании

получить хорошее образование, престижную работу, создать собственный бизнес. В исследовании отмечается высокая потребность молодых людей в хорошем образовании, позволяющем найти интересную, престижную работу и сделать карьеру, при этом третья часть молодежи (34 %), по самооценкам, уже получили хорошее образование. У современной молодежи в значительно большей степени, по сравнению со старшим поколением, развиты мотивации достижения (получить образование, интересную работу, сделать карьеру), но и среди старшего поколения значителен процент людей, считающих, что им по силам получать образование, иметь престижную работу, сделать карьеру. Анализ ответов «хотелось бы, но не могу» старшего поколения в сфере карьеры в сравнении с ответами молодежи возрастает, следовательно, старшее поколение, от 40 лет, испытывает неудовлетворенность своими достижениями в сфере карьеры. От 26 до 40 – всего 14 лет, небольшой период времени для достижения успехов и удовлетворенности карьерой, поэтому необходимо формировать качества личности, направленные на успешность на этапе профессионального самоопределения – на этапе студенчества.

Современные исследования многоаспектного феномена карьеры лежат в основном в рамках психологии управления, психологии личности, акмеологии, социологических и экономических наук в направлениях: мотивации карьеры и карьерных целей (Д. МакКлелланд, А. Я. Кибанов, Е. А. Могилевкин); возможностей управления карьерой персонала в организации (Д. Т. Холл, Э. Шэйн, А. Я. Кибанов, И. Д. Ладанов); факторов, способствующих успешному развитию индивидуальной карьеры (А. А. Деркач, Е. А. Могилевкин); становления и развития личности в ходе карьерного продвижения (А. К. Маркова, Е. Г. Молл, А. А. Деркач, Д. Е. Сьюпер); управления производством (А. Я. Кибанов, И. Д. Ладанов, Е. Г. Молл, А. И. Китов), психологии профессиональной деятельности (А. К. Маркова, Г. С. Никифоров), в последнее время стало популярным направлением изучения карьеры государственных служащих (А. С. Гусева, А. А. Деркач, В. Г. Зазыкин, Е. А. Могилевкин).

Отечественные исследователи употребляли в основном термины «профессиональный жизненный путь», «профессиональная деятельность», «профессиональная самореализация», возможно, это связано с тем, что в недавнее время в понятие «карьера» вкладывалось негативное содержание, как и отношение к тем, кто стремится выстроить свою карьеру. Существовавший в советское время негативный оттенок понятия «карьера» подтверждается определениями понятий «карьеризм» и «карьерист» в словарях:

- карьеризм – погоня «за личным успехом в служебной, научной или другой деятельности, вызванной корыстными целями в ущерб общественным интересам» [24];

- карьеризм – внутреннее свойство карьериста, движущее его поступками, погоня за карьерой, личными успехами, как отрицательное общественное явление; карьерист – человек, ставящий заботу о своей карьере и личных успехах выше интересов дела [28];

- карьеризм – стремление сделать карьеру, добиться личного успеха, продвижения в какой-либо сфере деятельности, не считаясь с интересами дела; карьерист – тот, кто стремится сделать карьеру, не считаясь с интересами дела [4].

В последние годы негативный оттенок понятий «карьера», «карьерист» стал исчезать, и сейчас карьера, как уже отмечалось выше, является одним из показателей успешности жизни человека, достижения определенного статуса, известности, уровня и качества жизни, реализации личностного и профессионального потенциалов. В связи с изменением отношения общества к карьере и к карьерным устремлениям, выросли требования к личности, ориентированной на успешность в работе. *Изменившиеся социально-экономические отношения и связанное с этим усиление конкуренции на рынке труда заставляют человека определять собственную ценность на рынке труда, задуматься о своих компетенциях и путях развития карьеры.*

Выясним сущность понятия «карьера». В теории и практике психологии управления, менеджмента, акмеологии, социологии существует большое количество подходов к определению понятия «карьера». Слово «карьера» пришло в русский язык из итальянского – *carriera* (бег, жизненный путь, поприще). Толковые словари русского языка В. И. Даля, Т. Ф. Ефремовой, С. И. Ожегова, Д. Н. Ушакова, психологическая энциклопедия и социологический словарь трактуют карьеру как движение к успеху, деятельность и продвижение на профессиональном, служебном, общественном поприще, род занятий, не отражая личностный смысл и субъективное отношение к карьере самой личности [4, 10, 18, 21, 28].

Различные авторы (Д. Т. Холл, А. К. Маркова, Ю. В. Укке, Дж. Л. Голланд и Р. Л. Кричевский, О. О. Богатырева, А. Н. Толстая, Д. Сьюпер), как отечественные, так и зарубежные, понимают карьеру как:

- *продвижение в организационной иерархии*, представленное последовательностью выполняемых человеком работ в течение жизни, *последовательность установок и поведения*, связанных с опытом работы [31, с. 6];

- *профессиональное продвижение*, профессиональный рост как *этапы восхождения человека к профессионализму*, как *процесс профессионализации* – от выбора профессии к овладению ею, затем упрочнение профессиональных позиций, достижение мастерства и в более узком смысле – как должностное продвижение [31, с. 8];

- карьеру с точки зрения достижения результата – *как переход человека с одной должности на другую* [31, с. 10];

- карьеру как *явление профессиональной деятельности, отражающее последовательность занимаемых ступеней* в производственной, имущественной или социальной сфере [3];

- карьеру как *индивидуально осознанную позицию и поведение, связанное с трудовым опытом и профессиональной деятельностью* [26];

- карьеру как *последовательность позиций, занимаемых личностью в имущественной иерархии*, измеряемых уровнем дохода, который приносит та или иная деятельность, и *ролей исполняемых личностью* [31, с. 9].

Приведенные выше определения исследуемого понятия позволяют рассматривать карьеру как социальную модель продвижения человека по должностной иерархии или профессионального развития.

Семантика понятия «карьера» вышеизложенных авторов не охватывает важных для педагогики аспектов, таких, как стремление человека к самореализации, саморазвитию, самоактуализации, проявлению творческого потенциала, к самоанализу и самооценке собственного успеха в жизни, в то время как успех оценивается личностью субъективно. Психолого-педагогический аспект понимания феномена карьеры предполагает рассмотрение этого явления с позиции человека как субъекта деятельности, который реализует ее осознанно, субъективно оценивая, относясь к ней как к пути самовыражения. Для нас значимыми являются взгляды ряда авторов (Г. Десслер, В. В. Травин, Ю. П. Хьюринен, В. А. Дятлов, А. Я. Кибанов, Д. МакКлелланд, И. Д. Ладанов, О. А. Тихомандрицкая и А. М. Рикель, С. Т. Джанерьян, Л. Б. Шнейдер, А. Г. Нагорная, Е. А. Могилевкин, О. П. Цариценцева), рассматривающих карьеру с точки зрения представлений об индивидуальном развитии:

- как *профессиональный путь человека, в процессе которого развивается он сам* [31, с. 11];

- как *мотивацию к достижению успеха, знание самого себя, успех и самоотдачу, самоконтроль и работоспособность и т.д., то есть процесс успешной самореализации*, сопровождающийся социальным признанием и являющийся результатом продвижения по служебной лестнице [31, с. 11];

- как *индивидуально осознанные, собственные суждения* человека о трудовом будущем, ожидаемые пути самовыражения и удовлетворенности трудом, поступательное продвижение по служебной лестнице, изменение навыков, способностей, квалификационных возможностей и размеров вознаграждения, связанных с деятельностью работника [11];

- как *индивидуально осознанные изменения позиции и поведения*, связанные с относящимися к работе

опытом и деятельностью на протяжении рабочей жизни человека [31, с. 11];

- как субъективно осознанные суждения работника о своем трудовом будущем, ожидаемые пути самовыражения и удовлетворение трудом, индивидуально осознанные позиция и поведение, связанные с трудовым опытом и деятельностью на протяжении рабочей жизни человека [14];

- как процесс и (или) результат накопления объективных показателей и субъективно удовлетворяющих личность достижений в профессиональном и (или) должностном развитии [27];

- как вектор профессионального становления личности, содержание которого зависит от социально-психологических характеристик человека [31, с. 64];

- как результат активного процесса, отражающий представления субъекта о себе, собственном пути личностного развития и профессионального служения, сопровождающийся ощущением личностной реализованности, дающий возможность субъекту воспринимать свою жизнь как осмысленность повседневных поступков, профессиональных действий и их значений, позволяющих действовать последовательно и эффективно [33];

- как процесс реализации человеком самого себя, своих возможностей в условиях профессиональной деятельности, достижения личностного «акме» [20];

- как целенаправленный процесс и результат формирования жизненной траектории человека, охватывающий ближнюю и дальнюю перспективу, с учетом ценностей и целей общества и личности, позволяющий осуществлять рефлексивное видение себя и своего места в системе общественных и производственных отношений [13];

- как траекторию профессионального продвижения, отражающую взаимосвязь процессов внутреннего развития человека, включающую профессиональный рост как накопление и развитие его компетенций, и его внешнего движения в освоении социального пространства, осуществляемую не только в рамках одной организации, профессии, специализации, но и связанную со сменой организаций, профессиональных позиций и специализаций [33];

- как многомерный социально-психологический феномен, связанный с целевой активностью человека и обеспечивающий ему ощущение успешной профессиональной самореализации [32].

Таким образом, Г. Десслер, Ю. П. Хьюринен, А. Я. Кибанов, В. В. Травин, В. А. Дятлов, Д. МакКелланд, И. Д. Ладанов, А. М. Рикель, О. А. Тихомандрицкая, Л. Б. Шнейдер, А. Г. Нагорная, Е. А. Могилевкин, О. П. Цариценцева определяют карьеру через характеристики, ценные для педагогического процесса, составляющие его сущность. Подводя итог выявления сущности понятия «карьера» отметим, что рассмотренные подходы к определению понятия «карьера» дополняют, обогащают друг друга. Карьера, как внешний процесс, связанная с продвижением по должностной иерархии или с профессиональным развитием, невозможна без внутреннего процесса саморазвития, самоконтроля, самоактуализации, реализации личностного потенциала, рефлексии, стремления личности к успеху, что позволяет рассматривать

карьеру как явление, имеющее педагогический аспект. Для этапа получения высшего профессионального образования характерно приобретение представлений, связанных с профессиональным будущим, с требованиями, предъявляемыми выбранной профессией. Преподаватель может помочь студенту перейти от одного уровня своего развития к другому, более высокому, формируя его способности к самооценке, саморазвитию, становлению и самосовершенствованию, самоанализу собственного карьерного потенциала, и в соответствии с ним начать планировать и выстраивать карьерный путь.

Способность эффективного выполнения конкретных действий в предметной области ряд авторов (Дж. Равен, Э. Ф. Зеер, Н. Н. Абакумова и И. Ю. Малкова и др.) определяют как компетентность. Е. А. Могилевкин считает формирование карьерной компетентности главным условием построения успешной карьеры [20]. Рассмотрим карьерную компетентность в русле сформировавшегося к настоящему времени компетентностного подхода и конкретизируем важные для нашего исследования вопросы: определимся с базовыми понятиями «компетенция», «компетентность» как родовыми по отношению к видовому понятию «карьерная компетентность», определим структуру компетентности.

Анализ работ ученых, проводивших исследования в парадигме профессионального образования (И. А. Зимняя, В. И. Байденко, В. В. Сериков и др.) показывает, что термины «компетенция» / «компетентность», являющиеся базовыми в проекте ФГОС ВПО третьего поколения, в научном сообществе вызвали дискуссию, обусловленную их различным толкованием. Значения этих терминов в словарях лежат в области права, т. е. под компетенцией подразумевается область правомочий, заданная в определенных границах, а компетентностью – соответствие занимаемого или претендующего лица определенному месту [24]. В исследованиях И. А. Зимней, В. С. Ледневой, Н. Д. Никандрова, М. В. Рыжакова, И. С. Сергеева, В. И. Блинова, Э. Ф. Зеер, Н. Н. Абакумовой, И. Ю. Малковой, Н. Ф. Талызиной, Р. Х. Шакурова, А. И. Щербакова компетенции:

- некоторые внутренние, потенциальные, скрытые психологические новообразования (знания, представления, программы (алгоритмы) действий, системы ценностей и отношений), которые затем выявляются в компетентностях человека как актуальных, деятельностных проявлениях [8];

- используются вместо знаний, умения, владения и т. д. [15];

- особый результат образования, выражающийся в готовности к мобилизации внутренних и внешних ресурсов для эффективной деятельности в ситуации неопределенности [23];

- интегративная целостность знаний, умений и навыков, обеспечивающих профессиональную деятельность, способность человека реализовывать на практике свою компетентность [1, 6];

- способность мобилизовать знания, умения и опыт в конкретной социально-профессиональной ситуации, обуславливают компетенцию образованной и профессионально успешной личности [7];

Анализируя приведенные понятия, можно сделать вывод, что компетенция включает в себя компоненты (знания, умения, навыки, мотивы, ценности, опыт), делающие возможным осуществление определенного вида деятельности и имеет значение *«знаю, в каком направлении действовать, использовать, применять, стремиться»*, т. е. носит когнитивный и регулятивный характер. Наиболее полно этому пониманию соответствует определение, данное А. В. Хуторским, которое в данном исследовании будем использовать как рабочее: компетенция – отвлеченная (отчужденная), взятая безотносительно к личности норма, достижение которой может свидетельствовать о возможности продуктивной деятельности в определенной сфере [30].

Компетенции, формируемые в образовательной среде вуза посредством содержания образования, применения педагогических технологий, профессионализмом и культурой взаимодействия между всеми субъектами этой среды в совокупности с качествами личности, проявляясь в деятельности человека, становятся его личностными качествами, свойствами. В исследованиях В. И. Байденко, В. А. Исаева, И. А. Зимней, Э. Ф. Зеер, Ю. Г. Татур, А. В. Хуторского и др. компетентность:

- всегда есть актуальное проявление компетенции [9],
- выраженная способность применять свои знания и умения [22],
- выраженная способность применять знания и опыт для решения профессиональных, социальных и личностных проблем [7],
- включает в себя как результаты обучения, так и систему ценностных ориентаций, привычек и т. п. [1, 6],
- личная характеристика, которая (как правило, в сочетании с другими) позволяет эффективно выполнить конкретную задачу в данной организации [34],
- совокупность новообразований, знаний, системы ценностей и отношений, способствующая созданию ценностно-смысловых, поведенческих, мотивационных, эмоционально-волевых, когнитивных результатов личностной деятельности субъектов [25],
- интегральное свойство личности, характеризующее его стремление и способность (готовность) реализовать свой потенциал (знания, умения, опыт, личностные качества и др.) для успешной деятельности в определенной области [12],
- владение, обладание человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности [30].

Анализ приведенных дефиниций понятия «компетентность» позволяет сделать вывод, что компетентность является личностной характеристикой, проявляется в деятельности, имеет значение *«знаю, хочу, могу и буду действовать, применять, выполнять, стремиться»*. Компетентность можно рассматривать как результат синергетического эффекта присвоения компетенций и личностных свойств человека, которая проявляется в деятельности и имеет решающее значение для достижения в ней успеха, достижения «акме».

Для описания структуры компетентности существует два подхода: психологический и содержатель-

ный. Психологический подход базируется на понимании компетентности как интегративной характеристики личности, включающей когнитивную (знания, умения, навыки, характеристики мышления), деятельностную (опыт деятельности), мотивационно-ценностную (положительное отношение, проявление устойчивого интереса, осознание смысла, опыт поведения), рефлексивно-оценочную (самоанализ, самооценка) составляющие. Данная структура позволяет определить показатели, критерии и уровни сформированности компетентности. Содержательный подход заключается в рассмотрении совокупности компетенций, описывающих требования, особенности деятельности, общения, поведения человека в области социального взаимодействия и в отдельных видах профессиональной деятельности, что реализовано в ФГОС ВПО третьего поколения в требованиях к результатам освоения основных образовательных программ. При этом ни компетенции, ни компетентности не являются фиксированным требованием или результатом образования профессиональной сферы, они способны развиваться и меняться на протяжении всей жизни, с возможностью приобретения или потери с возрастом.

Целевым ориентиром современного образования является формирование конкурентоспособной личности, направленной на прогрессивное развитие, самореализацию, «образование в течение всей жизни», достижение успеха в профессиональной деятельности, стремящейся строить карьеру – имеющей акмеологическую направленность. Исследования проблемы становления карьеры будущих выпускников вуза лежат в основном в рамках психологических исследований об особенностях структуры карьерных ориентаций и уровней карьерной готовности, этапов профессионализации и карьерных кризисов (Т. Г. Гнедина, А. А. Жданович, С. А. Попов, Н. А. Цветкова, Е. В. Снегова, А. П. Рожкова, И. Ю. Кузнецов). Е. В. Садон отмечает, что сложилась проблемная ситуация, суть которой, с одной стороны, в несформированности карьерной компетентности, с другой стороны, в постоянном усложнении профессиональной среды, выраженном в заказе рыночной экономикой специалистов, способных сразу после окончания вуза эффективно осуществлять профессиональную деятельность. При этом под несформированностью карьерной компетентности автор понимает размытое представление о стратегии профессионального развития, соответственно, неумение планировать карьеру и ставить реалистичные карьерные цели, соотнося их со своими возможностями и личностным потенциалом. Еще один аспект проблемной ситуации – несоответствие амбиций выпускника занять лидирующие карьерные позиции и его реального потенциала и требования рынка труда [22].

Под карьерной компетентностью Е. А. Могилевкин подразумевает «набор мета-умений, позволяющих свободно оперировать знаниями и инструментами для решения карьерных задач и реализации карьерных целей» и определяет *карьерную компетентность* как способность четко осознавать собственный карьерный потенциал и в соответствии с ним эффективно выстраивать карьерный путь, преодолевая все возможные препятствия и затруднения [16].

Е. В. Садон понимает карьерную компетентность как систему представлений о карьере, возможностях и путях карьерного роста, включающая умение прогнозировать будущую карьеру и преодолевать карьерные кризисы, а также «карьерную самооффективность» как способность к карьерному целеполаганию, карьерному планированию и решению карьерных проблем. При этом профессиональная успешность будущего специалиста зависит не только от его способностей, личностных качеств, мотиваций и ценностей как таковых, но и от их соответствия выбранной специальности, от сформированной уже в вузе способности выстраивать стратегии и тактики гибкой ориентации в профессиональной среде [22].

Опираясь на понимание компетентности как интегративной личностной характеристики, выражающейся в способности к успешной социальной и профессиональной деятельности, дадим понимание карьерной компетентности как видового понятия: *карьерная компетентность – интегративное качество личности, характеризующее ее стремление, готовность и способность реализовать свой потенциал в возможных путях социально-трудовой деятельности.*

При определении структуры карьерной компетентности Е. А. Могилевкин, Е. В. Садон выделяют компоненты: мотивационный (самооффективность, мотивация к карьере, умение решать карьерные проблемы); когнитивный (карьерное целеполагание и планирование); личностный (ответственность и адаптивность); аксиологический (характеризующий систему жизненных ценностей и карьерных ориентаций человека). Структура карьерной компетентности с учетом процессуального подхода может быть дополнена пятым процессуальным компонентом, включающим карьерные стратегии, тактики, темпы, этапы, периоды, фазы (Е. В. Садон). Е. А. Могилевкин считает формирование карьерной компетентности главным условием успешной карьеры и выделяет психологические и непсихологические факторы, влияющие на карьеру. Выделим те из них, которые имеют педагогический аспект и могут способствовать формированию карьерной компетентности выпускников вуза. Среди непсихологических – это факторы, связанные с личностным развитием: образовательные (уровень и профиль образования), социально-демографические (пол и возраст), медицинские (состояние здоровья, уровень физического развития). Психологические факторы, влияющие на карьеру и связанные с личностным развитием:

1) мотивация карьеры, в которой автор выделяет:

а) «карьерную интуицию» как ведущий компонент определяющий, насколько у человека реалистичные ожидания относительно его карьеры, насколько велики знания, касающиеся его сильных и слабых сторон, каковы его специфические цели в карьере;

б) «карьерную причастность» как направляющий компонент, характеризующий степень вовлеченности человека в поиск возможностей для продвижения и получения признания, способность отказаться от деятельности, не связанной с работой для достижения цели в организации;

в) «карьерную устойчивость» как содержательный компонент, включающий способность человека адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам и справляться с негативными ситуациями; умение сотрудника проявить инициативу, способность структурировать проблемы, желание сохранить высокий уровень эффективности и качества работы в ситуациях давления со стороны, недостатка ресурсов, ограниченного количества времени для выполнения конкретного задания;

2) самооффективность (способность к карьерному целеполаганию, карьерному планированию и умению решать карьерные проблемы);

3) адаптивность (способность быстро приспособиться к динамике внешних условий);

4) ответственность (берет на себя ответственность за принятые решения и сам отвечает за качество достигнутого результата в карьере);

5) эмоциональный интеллект (включает в себя способность воспринимать или чувствовать эмоции (как свои собственные, так и другого человека), способность направлять свои эмоции в помощь разуму, способность понимать, что выражает та или иная эмоция, способность управлять эмоциями);

6) готовность к обучению [17].

Принимая к сведению представления ученых о сущности понятия «карьера» и структуре карьерной компетентности, факторах, влияющих на способность выстраивать карьеру, учитывая, что ориентация человека на прогрессивное развитие, творческую самореализацию в профессиональной сфере, успешную карьеру определяется акмеологической направленностью личности, в данном исследовании будем определять структуру карьерной компетентности состоящей из мотивационно-ценностного, когнитивного, деятельностного, рефлексивно-оценочного, акмеологического компонентов.

Мотивационно-ценностный компонент, характеризуется положительным отношением к построению карьеры, мотивациями достижения, интересом и осознанием значимости профессиональной деятельности и карьерного роста, актуализацией ценностей, направленных на развитие необходимых компетентностей с целью осуществления карьеры в выбранной сфере деятельности.

Когнитивный компонент предполагает наличие и постоянное обновление знаний об области, объектах и видах выбранной профессиональной деятельности, о возможных путях развития карьеры и требуемых компетенций для успешного карьерного роста, что позволяет прогнозировать, планировать карьеру.

Деятельностный компонент характеризуется включением в образовательную деятельность на этапе получения профессионального образования и в профессиональную деятельность по его окончании в качестве субъекта деятельности, в самоорганизации своего «непрерывного образования на протяжении всей жизни», что является важным условием ее личностного и профессионального развития и карьерного роста.

Рефлексивно-оценочный компонент проявляется в способности к анализу требований, предъявляемых к личности со стороны профессиональной среды, адекватной оценке собственных возможностей для про-

фессионального и карьерного роста, планированию стратегии своего карьерного роста, способности к рефлексии с целью преодоления карьерных кризисов, решения карьерных проблем и достижения удовлетворяющей личность карьеры.

Акмеологический компонент характеризуется профессионально-ценностными и карьерными ориентациями, карьерным целеполаганием, стремлением к успеху в достижении удовлетворяющей личность карьеры в выбранной сфере деятельности, мотивациями достижения, способностью быстро адаптироваться в динамике внешних условий, стремлением к самовыражению и самореализации личности в профессиональной деятельности, готовности к творческой и образовательной деятельности, самосовершенствованию.

Анализ психолого-педагогической литературы показал, что педагогических исследований в рамках компетентностного подхода, связанных с осознанием процесса получения высшего профессионального образования как начала становления карьеры будущего выпускника вуза, явно недостаточно, тогда как в рамках этого подхода в подготовке выпускников вузов главную роль приобретает ориентация на формирование компетентной, конкурентоспособной личности, имеющей направленность на успешный карьерный рост в выбранной сфере деятельности.

Педагогический аспект карьерного роста личности связывается с ее стремлением к самореализации, саморазвитию, проявлению творческого потенциала, к самоанализу и самооценке собственных возможностей для достижения успеха в жизни. Образовательный процесс в вузе может способствовать организации деятельности студента, в которой студент будет занимать субъектную позицию, осознает свой образовательный потенциал, свою роль и необходимость активного участия в образовательном процессе по освоению профессиональной сферы, к которой относится получаемая специальность (сфера определяет возможные пути построения карьеры и необходимые для этого компетенции). Перспективным направлением нашей дальнейшей работы является определение педагогических условий, направленных на формирование карьерной компетентности будущих выпускников вузов, что должно способствовать осознанному определению индивидуальной траектории образования, планированию профессионального и карьерного роста, самоопределению в системе социальных и профессиональных отношений на начальном этапе построения успешной карьеры – этапе получения профессионального образования.

Литература

1. Абакумова, Н. Н. Компетентностный подход в образовании: организация и диагностика / Н. Н. Абакумова, И. Ю. Малкова. – Томск, 2007.
2. Байденко, В. И. Основные тенденции развития высшего образования: глобальные и Болонские измерения / под науч. ред. д-ра пед. наук, профессора В. И. Байденко. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2010. – 352 с.
3. Богатырева, О. О. Психологические предпосылки карьерного роста / О. О. Богатырева // Вопросы психологии. – 2008. – № 3.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – СПб., 1863 – 1866.
5. Деркач, А. А. Акмеология и психология развития кадров управления. Сборник / под общ. ред. А. А. Деркача. – М.: Изд-во РАГС, 2009.
6. Зеер, Э. Ф. Психолого-дидактические конструкты качества профессионального образования / Э. Ф. Зеер // Образование и наука. – 2002. – № 2(14).
7. Зеер, Э. Ф. Психология профессионального развития / Э. Ф. Зеер. – М.: Академия, 2006. – 240 с.
8. Зимняя, И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования [Текст] / И. А. Зимняя // Высшее образование сегодня. – 2003. – № 5.
9. Зимняя, И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. Авторская версия / И. А. Зимняя. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. – 20 с.
10. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: свыше 136000 слов. ст.: ок. 250000 семант. единиц: в 2 т. / Т. Ф. Ефремова. – Т. 2: П – Я. – М.: Рус. язык, 2000. – 1084 с.
11. Кибанов, А. Я. Управление персоналом организации. Практикум / А. Я. Кибанов. – М.: Инфра-М, 2000. – 512 с.
12. Коджаспирова, Г. М. Словарь по педагогике [Текст] / Г. М. Коджаспирова, А. Ю. Коджаспиров. – М.: Март; Ростов н/Д: Март, 2005. – 448 с.
13. Ковалева, Л. М. Педагогические условия личностного и профессионального самоопределения старшеклассников в процессе планирования карьеры / Л. М. Ковалева: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. – Томск, 2000. – 20 с.
14. Ладанов, И. Д. Психология управления рыночными структурами: преобразующее лидерство / И. Д. Ладанов. – М.: Перспектива, 1997. – 288 с.
15. Леднев, В. С. Государственные образовательные стандарты в системе общего образования: теория и практика / В. С. Леднев, Н. Д. Никандров, М. В. Рыжаков. – М., 2002.
16. Молл, Е. Г. Психология управленческой карьеры / Е. Г. Молл: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.03. – СПб, 1994. – 486 с.
17. Могилевкин, Е. А. Карьерный рост: диагностика, технологии, тренинг / Е. А. Могилевкин. – СПб: Речь, 2007. – 336 с.
18. Ожегов, С. И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / С. И. Ожегов; под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – 20-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1989. – 750 с.
19. Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты. Аналитический доклад. – Режим доступа: http://www.isras.ru/analytical_report_Youth.html.
20. Москаленко, О. В. Акмеология профессиональной карьеры личности: учебное пособие / О. В. Москаленко; под общ. ред. А. А. Деркача. – М.: РАГС, 2007. – 352 с.
21. Психологическая энциклопедия. 2-е изд. – СПб.: Питер, 2003. – 1094 с.

22. Садон, Е. В. Профессиональные компетенции как фактор становления профессиональной карьеры будущего специалиста / Е. В. Садон: дис. ...канд. психол. наук. – Владивосток, 2009. – 219 с.
23. Сергеев, И. С. Как реализовать компетентностный подход на уроке и во внеурочной деятельности / И. С. Сергеев, В. И. Блинов. – М.: АРКТИ. 2007.
24. Советский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990 – 1632 с.
25. Татур, Ю. Г. Компетентностный подход в описании результатов и проектировании стандартов высшего профессионального образования [Текст] / Ю. Г. Татур // Материалы ко второму заседанию методологического семинара. Авторская версия. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. – 18 с.
26. Толстая, А. Н. Управление карьерой в организациях. Психология управления: учебное пособие / А. Н. Толстая, под ред. А. В. Федотова. – Л.: Лениздат, 1991.
27. Тихомандрицкая, О. А. Социально-психологические факторы успешности карьеры / О. А. Тихомандрицкая, А. М. Рикель // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. N 2(10). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 11.08.2011гг.).
28. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка: в 3 т. / ред. Д. Н. Ушаков. – Т. 1: А – М. – М.: Вече: Мир кн., 2001 – 703 с.
29. Формирование конкурентоспособного специалиста в образовательном процессе вуза / отв. ред. С. И. Осипова. – Красноярск: Сибирский Федеральный университет, 2011. – 287с.
30. Хуторской, А. В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.eidos.ru/new/compet/htm.
31. Цариценцева, О. П. Карьерные ориентации современной молодежи: теория, эксперимент, тренинг / О. П. Цариценцева: монография. – Оренбург: ОУНБ им. Крупской, 2009. – 186 с.
32. Цариценцева, О. П. Современные технологии планирования карьеры на завершающем этапе профессионального обучения / О. П. Цариценцева // Материалы XIV Международной конференции молодых ученых «Человек в мире. Мир в человеке: актуальные проблемы философии, социологии, политологии и психологии». – Пермь, 2011.
33. Нагорная, А. Г. Структурно-функциональная модель обучения будущих специалистов планированию карьеры / А. Г. Нагорная. Электронное научное издание (научно-педагогический Интернет-журнал) "Письма в Эмиссия.Оффлайн» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.emissia.org/offline/2011/1585.htm>.
34. McClelland, David. C. Testing for competence rather than intelligence // American Psychologist. – №. 28(1). Washington: American Psychological Association, 1973.

УДК 316.346.32-053.6:159.923.2

ПРОБЛЕМА ОДИНОЧЕСТВА В МОЛОДЁЖНОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Л. А. Пьянкова, В. Н. Бобриков

THE PROBLEM OF LONELINESS IN THE YOUTH STUDENTS' ENVIRONMENT

L. A. Pjankova, V. N. Bobrikov

В статье раскрыта проблема одиночества как социально-психологического феномена, регулирующего процесс развития раннего юношества.

The problem of loneliness as the social-psychological phenomenon connected to the personal features of youth development is considered in this article.

Ключевые слова: одиночество, социально-психологический феномен, рефлексия, индивидуальный, личность, толерантность, молодёжь, идентификация.

Keywords: loneliness, social-psychological phenomenon, reflection, individual, personal, tolerance, young people, identification.

Усложнение жизненного мира человека, увеличение степени его интенсивности, возросшие потребности, расширение социальных связей повышают интерес к самому себе, но и не редко вызывают состояние одиночества. Как эмоциональное состояние, оно выражает переживание, вызывающее комплексное и острое чувство раскола внутреннего мира, основной реальной сети отношений и связей внутреннего мира личности. Состояние одиночества имеет различные нюансы, оттенки, и каждый индивид определяет его в зависимости от комплекса чувств, мыслей, поступков. Поэтому, когда человек говорит: «Я чувствую себя одиноким», он не обязательно понимает одиночество однозначно. Следовательно, можно предполагать, что на переживание состояния одиночества влияют не-

столько реальные отношения, сколько идеальные представления о том, какими они должны быть.

Историческая ретроспектива этого состояния такова: в XVII веке появляется слово «характер», относящееся к человеческой индивидуальности. На рубеже XVI – XVII вв. в английском языке возникают «интроспективные» термины, описывающие внутреннее психологические установки личности: отвращение, неудовлетворенность, расстройство, физическая изоляция. В это же время смысл состояния изоляции наполняется отделением кого-либо или чего-либо, лишение связи с окружающей средой, защита от чего-либо. В своих «Опытах» М. Монтень пишет, что уединение – это убежище от людей, дел, возможность обогащения собственного «Я» [1].

В XVIII веке английский словарь эмоций пополняется такими словами, как тоска, скука, меланхолия. Набор этих терминов, по мнению Н. Ф. Булгаковой, ещё раз доказывает рост интроспекции и желание осмыслить себя как единое целое, свой внутренний мир вместе с важными нюансами [2, с. 9]. Таким состоянием, по мнению американского социолога Д. Рисмэна, способствует интровертированность. Учёный высказал мысль, что личность, «ориентируемая изнутри», отличается беспокойством, эмоциональной скованностью, её представление о себе более поверхностно и менее реалистично, чем у независимой личности [3, с. 28].

Основатель психоанализа З. Фрейд полагает, что одиночество, способность человека к изолированному существованию можно рассматривать как гнетущий груз. По его убеждению, культура должна защищать себя от одиночек [4]. В работах Э. Фромма проблема отделения обсуждается в контексте исследований процесса индивидуализации. В ходе последнего, согласно взглядам учёного, происходит не только усиление и развитие личности человека, его собственного «Я», но и утрата идентичности с остальными людьми. Прогрессирующее отделение может привести к изоляции, перерастающей в потерянность и порождающей усиленную тревогу и неуверенность в себе. Однако это может привести к принципиально новой близости, солидарности с другими людьми, если ребенок окажется в состоянии развития в себе внутреннюю силу и творческую активность, которые являются предпосылками нового типа связанности с миром [5].

В исследованиях Я. Л. Коломинского, И. С. Кона, А. Т. Куракина, Л. И. Новиковой одиночество выступает формой личностного обособления, трактуемого как принцип жизнедеятельности членов коллектива, социально-педагогический механизм, регулирующий процесс социального развития и влияющий на профессиональное самоопределение учащейся молодежи [2, с. 9].

У А. Маслоу, одиночество – это потребность в уединении, независимости, является характеристикой самоактуализирующейся личности [6, с. 77 – 105]. А. Маслоу пишет, что самоактуализирующиеся люди очень нуждаются в неприкосновенности внутренней жизни и одиночестве. Так как они не стремятся устанавливать с другими отношения зависимости, то могут наслаждаться богатством и полнотой дружбы. К сожалению, это качество независимости не всегда понимается или принимается другими. В сфере социального общения часто «нормальные» люди считают их равнодушными, необщительными, высокомерными и холодными, особенно в том случае, когда потребности любви и привязанности у них неадекватно удовлетворены. Но у самоактуализирующихся людей эти дефицитарные потребности удовлетворены, и поэтому им не нужны другие люди для дружбы в обычном смысле этого слова. В результате появляется потребность общения другого уровня – общения с собой. Как сказал один из испытуемых А. Маслоу: «Когда я один – я с моим лучшим другом». Такое замечание можно интерпретировать как законченный нарциссизм, но А. Маслоу просто считает, что самоактуализирующиеся люди могут находиться в одино-

честве без того, чтобы ощущать себя одинокими. Потребность в уединении и уверенность в себе проявляются также и в других аспектах поведения самоактуализирующихся людей. Например, они сохраняют спокойствие и невозмутимость, когда их постигают личные несчастья и неудачи. А. Маслоу объясняет это тем, что самоактуализирующиеся люди стремятся иметь собственный взгляд на ситуацию, а не полагаться на мнения или чувства, которые демонстрируют по данному поводу другие люди. Действительно, они сами для себя являются движущей силой, сопротивляющейся попыткам общества заставить их придерживаться социальных условностей [7, с. 514 – 520].

К. Роджерс подчеркивает значение опыта и его влияние на субъективную интерпретацию событий жизни. Согласно К. Роджерсу, одиночество – это проявление слабой приспособляемости личности, а причина его – феноменологическое несоответствие представлений индивида о собственном «Я». Если разделить процесс возникновения одиночества на 3 этапа и схематически представить его, то получится следующая картина:

1) общество влияет на человека, вынуждая его вести себя в соответствии с социально оправданными, ограничивающими свободу действия образцами;

2) из-за этого возникают противоречия между внутренним истинным «Я» индивида и проявлениями его «Я» в отношениях с другими людьми, что приводит к потере смысла существования;

3) индивид становится одиноким, когда, устранив охранительные барьеры на пути к собственному «Я» он, тем не менее думает, что ему будет отказано в контакте со стороны других.

И здесь получается замкнутый круг: человек, веря в то, что его истинное «Я» отвергнуто другими, замыкается в своем одиночестве и, чтобы не быть отвергнутым, продолжает придерживаться своих социальных «фасадов», что приводит к опустошенности. Иными словами, в одиночестве проявляется несоответствие между действительным и идеализированным «Я» [8].

У К. Г. Юнга оно связано с понятием «интроверт». Исследуя функциональные типы личности, к характеристикам интроверта ученый причислил замкнутость, застенчивость, защиту от внешних воздействий [9, с. 680 – 696].

После окончания школы изменяется объективное социальное положение юношей и девушек, структура их социальных и межличностных связей. Перед многими студентами встает задача вступления в новые социальные связи. Неудивительно поэтому, что одиночество является серьезной проблемой студентов, особенно на первом курсе их учёбы. Хотя с одиночеством можно встретиться на любом временном отрезке жизни человека.

Как показало исследование студентов младших курсов филиала Кузбасского государственного технического университета имени Т. Ф. Горбачева (КузГТУ) в г. Новокузнецке, с проблемой одиночества в той или иной степени столкнулся каждый пятый студент группы. Всего было опрошено 157 респондентов механико-машиностроительного и инженерно-экономического факультетов вуза. Причины возникновения

состояния одиночества по результатам проведенного опроса выстраиваются в такой ряд: неудовлетворенность общением (62,4 %), непонимание их поведения сверстниками, ощущение себя «белой вороной» (45,2 %), различия во взглядах, образе жизни (38,2 %), различия в характере (28,7 %). Расстройства, вызываемые данным состоянием, нередко побуждают личность к энергичному поиску средств противостояний ему (поиск нового места работы, хобби, чтение, занятия научной деятельностью и др.).

Исследуя индивидуально-психологические особенности личности одиноких студентов, испытуемым были предложены тесты на определение собственного типа темперамента, ценностных ориентаций (терминальных, инструментальных), способности к рефлексии, рефлексивности мышления, их характерологических особенностей.

С помощью психодиагностической методики Г. Айзенка удалось установить, что среди студентов, периодически испытывающих состояние одиночества, только 28,7 % амбиверты, имеющие промежуточные характеристики свойств интра- и экстравертированности, совмещают в себе черты обоих типов, но в более сглаженной форме. Остальные студенты являются представителями интровертированного типа. Они, как правило, необщительны, с трудом налаживают коммуникативные контакты со сверстниками, остро переживают состояние покинутости, ощущают себя «никчемными, неинтересными для других людей». Интроверты, как показали результаты наблюдений за ними, предпочитают избегать чрезмерной внешней стимуляции, не любят быть «на виду», достаточно устойчивы в условиях монотонной работы, лучше справляются с трудом, требующим повышенного напряжения, внимания, точности. Однако они обнаруживают состояния тревожности, напряженности, которые негативно сказываются на их деятельности. Для них сложно переносимы ситуации ожидания. По оценкам преподавателей, многие из числа студентов-интровертов упорны, работоспособны, но только в условиях индивидуальной работы. В целом их отличает миролюбивое, контролируемое поведение. Им свойственно уходить в себя, быть задумчивыми, сосредоточенными на собственных переживаниях.

Для вуза данные исследования достаточно актуальны. Экстраверсия-интроверсия – основа формирования общительности будущего инженера, менеджера, туроператора. Уравновешенность – неуравновешенность как неотъемлемое свойство для организации и сохранения нормальных взаимоотношений с клиентами, поставщиками, подчиненными в процессе общения, сила-слабость нервной системы как свойство, необходимое для плодотворной и эффективной работы в процессе ведения переговоров, заключения договоров и др. в течение всего рабочего дня, имеют положительное значение и влияют на выбор профессии, определяя её эффективность, а в условиях обучения в вузе – и удовлетворенность учебной, научно-исследовательской, производственно-практической видами деятельности.

Выявляя чувства, соотносимые студентами с состоянием одиночества, удалось обнаружить, что отчаяние испытывают в основном девушки. Юношам же свойственно переживать скуку, неспособность

взять себя в руки. Исследования Брэгга доказывают, что одиночество не всегда нужно ассоциировать с депрессией. Люди одинокие и подавленные обычно выражают неудовлетворенность как социальными, так и несоциальными аспектами своей жизни. Тогда как не испытывающие чувства подавленности одинокие люди озабочены только социальной неудовлетворенностью [10, с. 20].

Исследование ценностных ориентаций осуществлялось на основе методики М. Рокича, поскольку система ценностных ориентаций определяет содержательную сторону направленности личности будущего специалиста, составляет основу её отношений к окружающему миру, к деятельности, к себе, к другим людям, основу мировоззрения и ядро мотивации жизненной активности. В тройку значимых терминальных ценностей студентов, склонных к одиночеству, вошли: «познание», «развитие», «общественное признание». Замыкающими ряд оказались: «развлечения», «счастье других», «уверенность в себе». Среди инструментальных ценностей наиболее выражены: «воспитанность», «образованность», «самоконтроль» и, соответственно, на последнем месте: «жизнерадостность», «непримиримость к недостаткам в себе и в других», «высокие запросы».

Полученные данные позволяют констатировать, что для большинства студентов, склонных к состоянию одиночества, важно иметь возможность для расширения своего кругозора, стремление к совершенствованию, уважение окружающих, коллектива. Указанные терминальные ценности выступают в качестве внутренних ориентиров, побуждающих и направляющих студентов в их учебно-профессиональной деятельности. Предпочтительными свойствами личности для студентов являются воспитанность, образованность, самоконтроль. Наименее значимыми ценностями-целями для студентов, склонных к одиночеству, стали: отсутствие обязанностей, веселое, неограниченное времяпрепровождение.

Исследование рефлексии осуществлялось нами на том основании, что данное качество позволяет личности осознать себя как субъекта будущей профессиональной деятельности: своих склонностей, потребностей, мотивов, ценностных ориентаций, соответствия себя требованиям профессии. Так, Г. В. Пинигина и Л. С. Полякова полагают, что рефлексия характеризует социальную зрелость личности. Она предусматривает не только ориентацию человека на достижение и утверждение социальных ценностей посредством реализации его нравственных убеждений, но и выработку гибкой способности эмоционально реагировать на отношения между людьми, определять остроту чувства справедливости, самому переживать чужую боль [11].

Сформированность данного качества устанавливалась на основе комплексной оценки полученных данных в ходе социологического опроса, анализа педагогических ситуаций, оценки состояний партнеров в ходе тренинговых занятий. В результате обработки полученных данных было установлено, что одинокие студенты, ориентированные на самого себя, имеющие ограниченные социальные контакты, живущие обособленно в студенческом коллективе, как правило, имеют низкий уровень сформированности данного качества, эгоцентричны и некритичны в выборе ком-

муникативных приемов в ситуации межличностного общения.

Рефлексия как высокий уровень сформированности личностных качеств профессионала сопрягается с эмпатией и толерантностью. Специалиста, обладающего этими качествами, отличают: умение создать у подчиненных нужную мотивацию, демонстрировать им такт, готовность к командной работе и открытой дискуссии (там же). Неудивительно, что одинокие студенты, имеющие низкий уровень самооценки, скудные коммуникативные умения, в ряде случаев застенчивые, тревожные, обнаружили у себя неумение работать в команде, исходить из интересов других людей, в принятии решения соотноситься с целями и задачами общей работы. В то же время излишняя концентрация внимания на самом себе, собственных переживаниях идет в противовес тем требованиям, которым специалист должен соответствовать. Кроме того, обучающиеся, стремящиеся к одиночеству по причине интенсивных межличностных контактов, ищущие «отдушину» в уединении, обладают навыками социально-ориентированного поведения. Им свойственно быть наблюдательными, прислушиваться и уважать чужое мнение. Одиночество для них, скорее, сознательный временный уход в себя, дающий возможность сконцентрироваться, осуществить процесс самопознания. В юношеском возрасте, согласно исследованиям Л. С. Выготского, способность к самопознанию совершается благодаря самосознанию как основному новообразованию данного этапа развития.

Рефлексивность мышления выявляет способность человека давать себе самоотчет и осознавать собственные умственные действия, что обеспечивает высокую эффективность решения проблем. В используемой нами методике рефлексивность проявляется в изменении стратегии решений в ходе выполнения задания, выявленном при анализе влияния предыдущего решения анаграммы на последующие. В качестве основного показателя рефлексивности мышления использовался коэффициент сформированности рефлексивности К, который у студентов изменялся в пределах 0,25 – 0,96 баллов, что в среднем составило 0,65 баллов. У студентов с низким коэффициентом рефлексивности мышления преобладает хаотическая, неупорядоченная стратегия мышления, характеризующаяся бессистемным поиском и выдвижением значительного количества замыслов, логически не связанных между собой. У студентов с высоким коэффициентом рефлексивности мышления доминирует содержательно-адаптивная стратегия, что свидетельствует о зрелости мыслительных функций, преобладании аналитико-синтетического мышления над эмпирическим. Соотнося психотипы, по К. Г. Юнгу, и стратегии мышления, было установлено, что у интровертов преобладает содержательно-адаптивная, у амбивертов – формально-алгоритмическая стратегия, отличающаяся последовательным перебором возможных вариантов решения с отдельными возвратами к ранее рассматривавшимся, при этом доминирует репродуктивное движение в содержательном плане и явно недостаточное регулирование – в смысловом.

С целью выявления взаимосвязи состояния одиночества и характерологических особенностей личности (общительность, стремление к творчеству, само-

критичность, дисциплинированность, самоконтроль, ответственность), включенных в её волевую сферу, студентам предлагался метод экспертных оценок, наблюдение за их поведением в ситуациях учебной и внеучебной деятельности, беседы с преподавателями, кураторами.

В ходе анализа полученных данных было установлено, что более 70 % студентов из числа, склонных к состояниям одиночества, не обладают необходимыми навыками общения. На первом этапе формирования группообразовательных процессов, когда происходит непосредственное формирование дружеских отношений в новом коллективе, они не проявляют большой инициативы в общении с одноклассниками. Подобная отчужденность приводит к тому, что позже одинокому студенту трудно включиться в уже сложившуюся групповую деятельность. Все его попытки оказываются неудачными: как только двое или более одноклассников оказываются включенными в созданную ими самими деятельность, они «защищают» свой мир, не подпуская посторонних. Чтобы завести друзей и сохранить дружбу, студентам необходимо обладать целым набором коммуникативных умений: уметь включиться в общегрупповую деятельность, быть настойчивым после первого отказа, научиться с одобрением относиться к своим ровесникам и поддерживать их, улаживать конфликты, проявлять такт. Однако не следует слишком бурно выражать свои чувства: подобная навязчивость может оттолкнуть окружающих. Следует иметь в виду, что на этапе вузовского обучения студентам, имеющим скудный коммуникативный опыт, достаточно трудно оказаться «своим», перед ним уже сформировавшиеся личности. К тому же проблема адаптации к условиям обучения, предполагающая принятие для студента новой социальной роли, может стоять актуально на протяжении месяца, двух и даже до нескольких лет. Событиями, предваряющими состояния одиночества, могут быть – разрыв привычных дружеских связей, любовных взаимоотношений, расставание с домом. Эти события могут влиять на неблагоприятное соотношение между желаемым и действительным. И состояние одиночества только усугубляется, если человек часто над этим задумывается.

Одиночество имеет внутреннее и внешнее наполнение. Рассмотрим более подробно смысловое наполнение одиночества. Страх остаться одному нас беспокоит на подсознательном уровне с самого рождения. Иногда этот страх быть оставленным становится настолько мощным, что человек заведомо обрекает себя на одиночество, и это можно рассматривать как защитный механизм. Согласно психоаналитической теории, он срабатывает в большей степени, когда человек (ребёнок) был оставлен родителями или другим человеком, как правило, в детстве. С другой стороны, наличие большого количества друзей не говорит об отсутствии одиночества. Стремление человека к одиночеству в юношеском возрасте, его склонность к личностному обособлению могут быть обусловлены следующими факторами:

– социальным статусом семьи студента (его родителей), отличным от его сверстников;

– национальной и конфессиональной принадлежностью, когда культурные и ментальные различия студента и сверстников особенно заметны на фоне недостаточных усилий или отсутствия желания студента ассимилироваться в новую социальную общность;

– возрастом, когда различия в 2 – 3, а иногда и в 1 год в раннем юношеском возрасте могут вызывать определенные препятствия на пути вхождения студента в новый коллектив;

– типом темперамента, когда представители слабого типа темперамента (меланхолики), склонные к одиночеству, имеют коммуникативные трудности, обидчивы, нередко застенчивы, неуверенны в себе, тревожны;

– по внешним признакам (обособление может проявляться через предметы, символы, вещи, прическу).

Принадлежность к определенной субкультуре это своего рода обособление, отделение себя от других по определенным признакам. В основе феномена обособления выступает эмоциональное отставание индивидом своей биологической и (или) личностной сущности, противопоставление своего «Я» коллективу. О причинах обособления стоит задуматься. Одной из основных является спонтанное разрушение коллективизма как принципа жизнедеятельности членов коллектива. Обособление же регулирует процесс социального развития в подростковом и юношеском возрасте, оно сменяет идентификацию (как процесс отождествления себя с другими). В раннем юношеском возрасте обособление может проявляться через глубокое отчуждение молодых людей от своих сверстников. Это связано с определенным уровнем развития самосознания. Как психическое образование обособление проявляется в стремлении индивида осознать свои возможности и своеобразие; как социальный процесс обособление связано с ценностно-ориентационной деятельностью человека [2, с. 9].

Обособление – это переживание человека, возникающее в результате таких отношений индивида с миром, когда продукты его деятельности, он сам, а также другие люди осознаются как противоположные ему самому – от несходства до неприятия и враждебности. Психологи же рассматривают феномен обособления как потребность в самореализации и в самоутверждении и в то же время как внутреннее

выделение личности из общности, к которой она принадлежит.

Преодоление проблем одиночества для студентов как негативного эмоционального состояния – это решение проблем личностного и профессионального самоопределения, повышение их самооценки, развитие качеств рефлексивности мышления, формирование коммуникативных умений, что обеспечивает формирование ключевых компетенций студентов вуза.

Литература

1. Монтень, М. Опыты. Избранные произведения: в 3-х т. / М. Монтень. – М.: Голос, 1992. – Т. 1. – 384 с.
2. Булгакова, Н. Ф. Личностное обособление как фактор профессионального самоопределения старшеклассников / Н. Ф. Булгакова: монография. – Томск; Новокузнецк, 2000.
3. Лабиринты одиночества: [пер. с англ.] / сост., общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровского. – М.: Прогресс, 1989.
4. Фрейд, З. Будущее одной иллюзии / З. Фрейд // Сумерки богов / сост. и общ. ред. А. А. Яковлева. – М., 1989. – 398 с.
5. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М., 1989. – 272 с.
6. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб.: Евразия, 1999.
7. Хьелл, Л. Теории личности (основные положения, исследование и применение) / Л. Хьелл, Д. Зиглер. – СПб.: Питер-Пресс, 1997.
8. Психология одиночества. – Режим доступа: <http://www.it-d.ru/library/p/psihologiy.htm>.
9. Юнг, К. Г. Психологические типы / К. Юнг // Психология индивидуальных различий / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: АСТ-Астрель, 2008.
10. Сорова, О. М. Психологические аспекты одиночества. – Режим доступа: http://www.skoro.ru/?mode=articles_only5.
11. Пинигина, Г. В. Психолого-педагогическая подготовка специалиста с высшим техническим образованием как социально-педагогическая проблема / Г. В. Пинигина, Л. С. Полякова: монография. – Кемерово: КузГТУ, 2009.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ УЧРЕЖДЕНИЙ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ К СОХРАНЕНИЮ И УКРЕПЛЕНИЮ ЗДОРОВЬЯ

В. А. Усачев, Р. С. Жуков

THE PEDAGOGICAL CONDITIONS OF FORMING PROFESSIONAL COLLEGES STUDENTS' READINESS TO HEALTH MAINTENANCE AND STRENGTHENING

V. A. Usachev, R. S. Zhukov

В статье представлены результаты исследований педагогических условий формирования готовности студентов учреждений среднего профессионального образования к сохранению и укреплению здоровья.

Ключевые слова: *сохранение здоровья, формирование готовности, среднее профессиональное образование, мотивы, физическая культура, здоровый образ жизни.*

The article presents the results of studies of the pedagogical conditions of forming professional colleges students' readiness to health maintenance and strengthening.

Keywords: *maintaining the health, the formation of readiness, secondary vocational education, motivation, physical education, healthy lifestyle.*

В Концепции модернизации российского образования особое внимание уделяется оптимизации учебной, психологической и физической активности студентов и созданию в образовательных учреждениях условий сохранения и укрепления здоровья, однако в деятельности учреждений среднего профессионального образования еще не получили необходимого теоретического, методического и практического решения задачи формирования у студентов готовности к сохранению и укреплению здоровья [2]. Система среднего профессионального образования (СПО) еще недостаточно ориентирована на формирование готовности студентов к сохранению и укреплению здоровья на основе принципов целостности, преемственности, вариативности, адаптивности к возрастным и психолого-физиологическим особенностям обучающихся, задачам их жизненного и профессионального самоопределения [1, с. 24 – 26].

Исходя из требований федеральных государственных образовательных стандартов третьего поколения, студенты, изучающие основную профессиональную образовательную программу СПО, должны понимать сущность и социальную значимость своей будущей профессии, проявлять к ней устойчивый интерес, организовывать собственную деятельность, определять способы, контролировать и оценивать решение профессиональных задач, оценивать риски и принимать решения в нестандартных ситуациях, осуществлять поиск, анализ и оценку информации, необходимой для постановки и решения профессиональных задач, профессионального и личностного развития, использовать информационно-коммуникационные технологии для совершенствования профессиональной деятельности, работать в коллективе и команде, обеспечивать их сплочение, эффективно общаться с коллегами, руководством, потребителями и заказчиками, самостоятельно определять задачи профессионального и личностного развития, заниматься самообразованием, осознанно планировать повышение квалификации, осуществлять профессиональную деятельность в условиях обновления ее

целей, содержания, смены технологий, осуществлять профилактику травматизма, оказывать первую медицинскую помощь, организовывать и проводить мероприятия по защите людей в чрезвычайных ситуациях, строить профессиональную деятельность с соблюдением правовых норм, ее регулирующих. В этой связи в процессе профессионально-прикладной физической подготовки (ППФП) студенты должны овладевать основополагающими общими компетенциями для профессионального долголетия, а приобретенные знания и умения позволяют быть готовыми сохранить профессиональное долголетие и вести здоровый образ жизни [6, с. 44 – 46].

По данным наших пилотных исследований, проведенных в базовых учреждениях СПО в 2003 г., до 90 % студентов колледжей и техникумов нуждаются в специальной педагогической поддержке, направленной на формирование готовности к сохранению и укреплению здоровья, а также до 70 % педагогических работников среднего профессионального образования испытывают различные затруднения в формировании готовности студентов к сохранению и укреплению здоровья. По результатам опросов педагогических работников, данные затруднения обусловлены:

- во-первых, недостаточной разработанностью теоретических аспектов формирования готовности к сохранению и укреплению здоровья современных студентов;
- во-вторых, эпизодичностью использования программно-целевого обеспечения этого процесса в СПО;
- в-третьих, эклектичностью путей и средств создания пространства для сохранения и укрепления здоровья непосредственно в СПО.

Исходя из этого, изучение вопросов здоровья, здорового образа жизни, сохранения и укрепления здоровья студенческой молодежи своевременно и необходимо. В данном случае особенно важным является определение педагогических условий формирования готовности студентов к сохранению и укреплению здоровья, где на первый план выдвигает-

ся способность и готовность по реализации сохранения и укрепления здоровья как в период студенчества, так и в период дальнейшей профессиональной деятельности. Последнее десятилетие XX века было провозглашено Организацией Объединенных Наций (ООН) Всемирным десятилетием развития культуры, основными показателями которой назывались образование и здоровье [3, с. 93 – 98]. В целом культура здоровья личности характеризуется жизненными позициями человека (наличие позитивных целей и ценностей); грамотным отношением к здоровью, природе и обществу; организацией здорового образа жизни (ЗОЖ), позволяющих активно регулировать состояние человека с учетом индивидуальных особенностей и уровня здоровья, реализовывать программы самосохранения, самореализации, саморазвития, приводящих к гармонизации всех компонентов здоровья и целостному развитию личности [4, с. 81 – 83]. Для практики сохранения и укрепления здоровья средствами образования актуальны и небезынтересны исследования, касающиеся здорового стиля жизни учащихся [5, с. 56 – 58]. На передний план выдвигаются: здоровьесберегающее образование, формирующие и закладывающие основополагающие понятия, умения и навыки сохранения и укрепления здоровья.

В условиях социально-экономических преобразований в Российской Федерации обостряется противоречие между растущей потребностью общества в активных, здоровых, адаптивных в различных жизненных ситуациях специалистах и недостаточной готовности студенческой молодежи к реализации сохранения и укрепления здоровья. Указанное противоречие определило проблему исследования, которая заключается в выявлении содержательной и процессуальной сторон формирования готовности студентов учреждений среднего профессионального образования к сохранению и укреплению здоровья.

В связи с этим была определена цель исследования: выявить, обосновать и экспериментально проверить педагогические условия формирования готовности студентов учреждений среднего профессионального образования к сохранению и укреплению здоровья.

В процессе педагогического эксперимента мы проводили диагностику сформированности готовности студентов СПО к сохранению и укреплению здоровья (на основе сбора, обработки и анализа информации о качественных и количественных параметрах изучаемой характеристики личности студентов на основе разработанных критериев и показателей). Для выявления итогового уровня сформированности готовности студентов к сохранению и укреплению здоровья мы использовали различные методы: тестирование, опрос (анкетирование), самооценка знаний, ранжирование, наблюдение, контрольные испытания (тесты), анализ.

Опрос студентов позволил выявить динамику отношения к проблемам здоровья, его укрепления и сохранения, исследовать интересы, желания, мотивы и потребности студентов СПО в вопросах сохранения и укрепления здоровья. Ранжирование способствовало выявлению готовности студентов к здоровью как к ценности. Наблюдение за студентами в процессе аудиторных и внеаудиторных занятий физической куль-

турой проводилось с целью выявления отношения студентов к проблемам сохранения и укрепления здоровья, сформированности умений самостоятельно или с частичной помощью преподавателя применять полученные знания о сохранении и укреплении здоровья на практике.

В педагогическом эксперименте принимали участие студенты I – II курсов очной формы обучения ФГОУ СПО «Кемеровский техникум строительства и эксплуатации зданий и инженерных сооружений» (КТСиЭЗиИС) различных специальностей (теплоснабжение и теплотехническое оборудование, техническая эксплуатация и обслуживание электрического и электромеханического оборудования, садово-парковое и ландшафтное строительство, строительство и эксплуатация зданий и сооружений, водоснабжение и водоотведение, монтаж и эксплуатация внутренних сантехнических устройств, кондиционирования воздуха и вентиляции), всего 200 студентов.

Исследование показало, что у студентов КТСиЭЗиИС изменилось понимание готовности к сохранению и укреплению здоровья. Если в начале эксперимента большая часть студентов (30,1 %) под готовностью к сохранению и укреплению здоровья понимали отношение личности к здоровью, то в настоящее время студенты (34,2 %) под готовностью к сохранению и укреплению здоровья понимают необходимость, потребность, долг перед самим собой заботиться о здоровье, укреплять и сохранять его, обязанность выполнять действия и поступки, способствующие здоровьесбережению.

Большинство студентов СПО под готовностью к сохранению и укреплению здоровья понимают осознание важности личного здоровья, некоторые студенты отдают предпочтение готовности к здоровьесбережению как понятию, определяющему готовность нести ответственность за состояние своего здоровья, меньше всего студенты понимают под готовностью к сохранению и укреплению здоровья долг, необходимость заботиться о своем здоровье.

Наше исследование показало, что знания студентов в вопросах сохранения и укрепления здоровья способствовали появлению устойчивой мотивации следить за своим здоровьем, выполнять действия и поступки, направленные на укрепление и сохранение здоровья. Мотивы участия студентов в деятельности по сохранению и укреплению здоровья на исходном и итоговом этапах эксперимента распределились следующим образом (таблица 1).

Если на исходном этапе все мотивы находились на низком уровне, то на итоговом этапе мотивы по сохранению и укреплению здоровья и ППФП значительно возросли. Таким образом, можно утверждать, что созданные нами педагогические условия способствовали формированию у студентов устойчивых мотивов участия в деятельности по сохранению и укреплению здоровья. Увеличилось количество студентов, которые проявляют активность по сохранению и укреплению здоровья для того, чтобы иметь красивое телосложение (с 18,1 % до 30,4 %). Изменение данного показателя можно оценить положительно, поскольку студенты стали больше обращать внимание на свой внешний вид (осанка, походка, фигура и т. п.). В результате применения на занятиях физической

культурой разнообразных комплексов физических упражнений, способствующих профилактике некоторых заболеваний (дыхательная гимнастика, гимнастика для глаз, пилатес и др.), увеличилось количество

студентов, для которых мотивом участия в деятельности по сохранению и укреплению здоровья является укрепление общего и профессионального здоровья (с 21,7 % до 30,6 %).

Таблица 1

Результаты анкетного опроса по выявлению мотивов сохранения и укрепления здоровья

Мотивы	Доля студентов, %	
	исходный этап	итоговый этап
Повышение уровня физической подготовленности	54,2	69,7
Развитие физических и личностных качеств	49,6	67,1
Определение статуса в группе	51,1	60,3
Быть на виду	48,5	56,8
Участие в соревнованиях	44,8	54
Подготовка к службе в армии	36,4	48,3
Чередование умственного и физического труда	35,1	46,7
Повышение настроения и работоспособности	26,2	38,1
Общее и профессиональное укрепление здоровья	21,7	30,6
Избавление от вредных привычек	19,6	29,6
Снятие психоэмоционального напряжения	8,9	18,6
Красивое телосложение	18,1	30,4

Появление интереса студентов к проблемам здоровья, повышение уровня знаний о здоровье, о ППФП, здоровом образе жизни, устойчивого мотива укрепления и сохранения здоровья путем участия в здоровьесберегающей деятельности положительно повлияли на степень включения студентов в деятельность по сохранению и укреплению здоровья не толь-

ко на аудиторных занятиях по физической культуре, но и на внеаудиторных, что подтверждает повторное исследование степени активности студентов в мероприятиях, способствующих сохранению и укреплению здоровья и профессиональному долголетию (рис. 1).

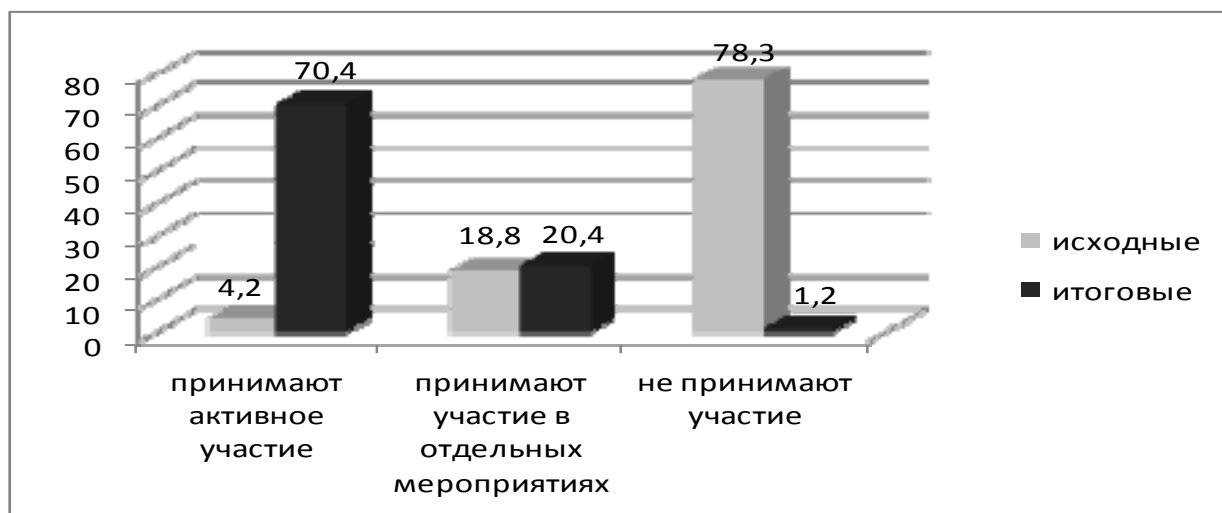

Рис. 1. Степень активности студентов в мероприятиях, способствующих сохранению и укреплению здоровья, (%)

Результаты исследования показывают, что на итоговом этапе эксперимента в мероприятиях, способствующих сохранению и укреплению здоровья, активное участие принимали 70,4 %, а в отдельных мероприятиях – 20,4 % студентов. Количество студентов, не принимающих участия в деятельности по сохранению и укреплению здоровья, снизилось на 67,1 %. Повышение активности студентов в деятельности по сохранению и укреплению здоровья мы объясняем разнообразием занятий физической культурой, выбо-

ром и применением адекватных методов и приемов, структурированием процесса формирования готовности к сохранению и укреплению здоровья, инициативой преподавателя физической культуры, применением личностно-деятельностного подхода.

При повторном анкетировании студентов, а также в процессе бесед, мы определили, какие основания побудили их участвовать в деятельности по сохранению и укреплению здоровья (таблица 2). Наше исследование показало, что 20,1 % студентов принимают

активное участие в деятельности по сохранению и укреплению здоровья, потому что занятия физической культурой проходят интересно, увлекательно. По итогам наблюдений за студентами в процессе их занятий физическими упражнениями, мы отметили, что активность студентов заметно увеличивается, это проявляется в желании выполнять задания преподавателя, студенты с удовольствием выполняют упражнения на гибкость, дыхательные упражнения, упражнения на гимнастических снарядах, со скакалкой (чаще девушки), упражнения с гантелями, на тренажерах, перекладине, брусьях (чаще юноши) и др. Осознают значимость деятельности по сохранению и укреплению здоровья, ППФП 18,4 % студентов, поэтому активно в ней участвуют; 17,5 % студентов отметили,

что основанием участия в деятельности по сохранению и укреплению здоровья для них явилось наличие знаний о здоровье; 14,6 % студентов участвуют в деятельности по сохранению и укреплению здоровья потому, что при выполнении физических упражнений у них улучшается самочувствие, повышается работоспособность; 13,2 % студентов показали, что регулярное участие в деятельности по сохранению и укреплению здоровья вырабатывает у них навык заботиться о здоровье; 12,3 % отметили желание учиться и совершенствоваться в деятельности по сохранению и укреплению здоровья; 4,2 % студентов не участвуют в деятельности по сохранению и укреплению здоровья.

Таблица 2

Основания, побуждавшие студентов участвовать в деятельности по сохранению и укреплению здоровья

<i>Основание</i>	<i>Среднее значение для студентов всех специальностей (%)</i>
Занятия физической культурой и ППФП проходят интересно, увлекательно, поэтому я с желанием участвую в деятельности по сохранению и укреплению здоровья не только в учебное время, но и после занятий.	20,1
Осознаю значимость сохранения и укрепления здоровья и ППФП, поэтому активно в ней участвую.	18,4
Понимаю, что сохранение и укрепление здоровья и ППФП необходимы всем.	17,5
При выполнении физических упражнений улучшается самочувствие, профессиональная работоспособность, повышается стрессоустойчивость.	14,6
Забота о здоровье и профессиональном долголетии.	13,2
Желание учиться и совершенствоваться в деятельности по сохранению и укреплению здоровья.	12,3
Я вынужден (а) участвовать в деятельности по сохранению и укреплению здоровья, выполняя требования преподавателя.	4,2

Критериями эффективности процесса формирования готовности студентов учреждений среднего профессионального образования к сохранению и укреплению здоровья, на наш взгляд, являются: усвоение студентами фундаментальных понятий о здоровье, здоровом образе жизни, правил ведения здорового образа жизни, изучение характеристик различных видов труда с изложением психофизиологических особенностей трудовой деятельности; уровень сформированности умений и опыта студентов по реализации на практике полученных знаний о здоровье, решения оздоровительных задач; изменение отношения студентов СПО к собственному здоровью, готовности укреплять и сохранять его в личной и профессиональной деятельности.

В целом исследование показало, что в процессе проведения педагогического эксперимента были созданы благоприятные условия формирования готовности студентов СПО к сохранению и укреплению здоровья, которые позволяют каждому студенту развивать способность и готовность стать активным участником процесса. Это дает нам право утверждать, что,

несмотря на потенциальные возможности содержания учебных занятий физической культурой, аудиторных и внеаудиторных занятий, важно, чтобы приобретенные знания, умения и опыт решения учебных оздоровительных задач трансформировались у студентов в потребность и далее работать над собой, позволяли самим определять цель как устойчивый мотив относиться к самому себе как субъекту деятельности по сохранению и укреплению здоровья.

Литература

1. Агринская, Л. Н. Повышение интереса студентов к занятиям физической культурой [Текст] / Л. Н. Агринская, Е. Н. Губарева // Специалист. – 2010. – № 12.
2. Адаптация и здоровье. Теоретические и прикладные аспекты [Текст] : коллективная монография / Э. М. Казин [и др.]; отв. ред. Э. М. Казин. – Изд. 2-е, с измен. и доп. – Кемерово : Изд-во КРИПКиПРО, 2008. – 299 с.
3. Айзман, Р. И. Роль учителя в формировании и мониторинге здоровья обучающихся [Текст] /

Р. И. Айзман, Е. Ю. Плетнева // Здоровьесберегающее образование. – 2010. – № 5 (9).

4. Кирпа, А. И. Механизм внедрения технологий здоровьесбережения в образовательные учреждения РФ [Текст] / А. И. Кирпа // Здоровьесберегающее образование. – М., 2010. – № 1.

5. Кривошеина, И. В. Формирование у учащейся молодежи ценностей здорового образа жизни [Текст] / И. В. Кривошеина // СПО. – 2009. – № 4.

6. Соловьев, Г. М. Становление деятельностного отношения студентов к физической культуре и здоровому образу жизни [Текст] / Г. М. Соловьев, И. Е. Шаталова // Педагогическое образование и наука. – 2009. – № 6.

УДК 371.134

ХАРАКТЕРИСТИКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ ИНТЕРНЕТ-СРЕДЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ УЧИТЕЛЯ

Л. П. Халыпина, Н. В. Анохина

EDUCATIONAL RESOURCES OF THE INTERNET AND THEIR USAGE IN THE PROCESS OF TEACHER TRAINING

L. P. Khalyapina, N. V. Anokhina

В статье исследуются особенности образовательных ресурсов Интернет-среды, имеющих прямое отношение к системе профессионального педагогического образования и направленных на решение задач модернизации процесса подготовки будущего учителя, формирование такой профессиональной педагогической компетентности, которая позволит интегрировать информационные, интерактивные, организационно-методические и технологические возможности Интернет-среды в своей будущей деятельности.

Ключевые слова: педагогическая деятельность, Интернет-среда, образовательные Интернет-ресурсы, педагогические сайты.

In the article educational resources of the Internet are investigated in the sphere of their reference to the system of professional pedagogical education. These resources are aimed to develop such level of future teachers' competence which will help them to integrate informative, interactive, methodological and technological opportunities of the Internet into their future professional activity.

Keywords: teaching activities, teacher training, the Internet environment, educational Internet-resources, educational sites.

В Интернете активно идет процесс создания и систематизации ресурсов, которые могут быть полезны для образования. Исследования дидактических возможностей профессионально-значимых Интернет-ресурсов в отечественной и зарубежной педагогической науке начали появляться относительно недавно (90-е годы XX в.). Учеными выделяются разные подходы к использованию отдельных видов сайтов, чаще всего имеющих отношение к какому-либо отдельному учебному предмету. Подчеркнем идею о том, что нам не встретились исследования по использованию всего комплекса Интернет-ресурсов, имеющих отношение к профессиональной педагогической деятельности.

Современному учителю необходимо не только научиться работать с огромными массивами информации, предоставляемыми глобальной сетью, но и отбирать и методически грамотно использовать Интернет-ресурсы для решения профессиональных задач, уметь осуществлять взаимодействие с другими участниками педагогических сообществ.

Под Интернет-ресурсами, согласно М. В. Булгакову, С. С. Внотченко, Е. Г. Гридиной, принято понимать размещенную на сайтах Интернет (серверах) текстовую, графическую и мультимедиа информацию, которая может быть доставлена на компьютер пользователя по его запросу в форме файла или набо-

ров файлов (в том числе архивов) различных форматов (HTML, DOC, PDF, TXT и др.) [1]. К Интернет-ресурсам также относят размещенные на серверах исполняемые программы (дистрибутивы), которые могут по запросу пользователя передаваться на его компьютер для дальнейшего использования.

К образовательным Интернет-ресурсам эти же ученые относят:

– Интернет-ресурсы, созданные специально для использования в процессе обучения (учебные, учебно-методические, научно-методические, дополнительные текстовые и иллюстративные материалы, системы тестирования) на определенной ступени образования и для определенной предметной области.

– Интернет-ресурсы, предназначенные для информационного обеспечения системы образования в целом, деятельности образовательных учреждений или органов управления образованием (правовая, нормативная статистическая, справочная информация).

Образовательные Интернет-ресурсы могут быть представлены в виде образовательных сайтов и порталов. Вслед за Н. И. Рыжовой, Д. А. Шуклиным, Н. В. Егоровой, С. Д. Каракозовым, Д. П. Тевс, А. А. Данькиным, понятие «образовательный сайт» будем определять как группу взаимосвязанных об-

щими гиперссылками Web-страниц, информационное наполнение которых целиком посвящено образовательным ресурсам конкретного учебного процесса, а именно – модели процесса обучения и ее основному системообразующему элементу – содержанию обучения конкретному учебному предмету [2], [3]. Информация, помещенная на сайтах и порталах, обладает рядом преимуществ перед традиционными печатными материалами. Она дает возможность пользователям работать в гипертекстовой среде, т. е. в условиях, когда он может самостоятельно, с учетом индивидуальных склонностей, мотиваций, способностей, мышления и уровня знаний формировать области и маршруты процесса усвоения знаний, получать, обрабатывать и передавать текстовую и графическую информацию, принимать активное участие в конференциях и дискуссиях.

Проведем обзор вариативности сайтов, имеющих ценность для будущего учителя, и рассмотрим их значимость для процесса подготовки современного специалиста в сфере образования.

Все исследованные нами сайты представляется возможным разделить на несколько групп и представить их в следующем виде:

1. Сайты федеральных органов управления образованием – предоставляют возможность изучить: официальные документы в сфере образования; современные нормативные материалы; требования к оснащению образовательного процесса в соответствии с содержанием учебных предметов; программы БУП.

2. Сайты по подготовке к ЕГЭ дают возможность: познакомиться с демоверсиями КИМ по всем учебным предметам; с перечнем учебных пособий, разработанных с участием ФИПИ, которые рекомендуется использовать в образовательном процессе; получить теоретическую подготовку в вопросах формата экзамена, правил и процедуры проведения экзамена, критерия оценки.

3. Конференции, выставки – обеспечивают возможность: общаться с коллегами из различных регионов, различных уровней системы образования, родителями, учениками, обсуждая общие проблемы и обмениваясь профессиональным опытом; знакомиться с новинками в области методических подходов и практик предметного преподавания; обсуждать стратегические направления развития российского образования в целом.

4. Конкурсы профессионального мастерства – способствуют развитию профессионализма и творчества педагога в ходе профессионального общения с коллегами и другими участниками конкурса; возможность повысить в ходе конкурса свою квалификацию; повышают престиж учительской профессии, формируют позитивный образ Учителя в общественном сознании; обеспечивают владение информационными технологиями и Интернет-ресурсами для решения общеобразовательных и профессиональных задач; дают возможность каждому учителю представить свою педагогическую идею, опубликовать собственные методические разработки, поделиться с коллегами своими представлениями о преподавании учебного предмета.

5. Электронные библиотеки, электронные журналы и газеты – обеспечивают доступ к электронным материалам: оцифрованным печатным работам (кни-

гам, журналам, иллюстрациям, картам, диаграммам, графикам и т. п.), фотографиям, кино и видеофильмам, картинам, анимации, аудиофайлам и т. д.; дают возможность: быть в курсе новостей в области образования на федеральном, региональном уровнях; знакомиться с новейшими педагогическими технологиями, современными методиками, инновациями, законодательными документами в области образования; изучать опыт учителей-новаторов; изучать программы, стандарты.

6. Сетевые профессиональные сообщества учителей – возможность найти ответы на многие волнующие учителей профессиональные вопросы; участники профессиональных сетевых сообществ имеют возможность получать новые знания в области своей специальности, повышая тем самым уровень своей профессиональной компетентности; обмен опытом; консультации со специалистами; методическая помощь учителям; помогают оперативно распространять инновационный опыт использования информационных и коммуникационных технологий; большое разнообразие педагогических сообществ.

Проведенное исследование Интернет-ресурсов профессиональной педагогической направленности позволило нам осуществить их классификацию в соответствии с видами профессионально-значимых задач, на решение которых они направлены:

1. *Информационные задачи*: изучение материалов правительственных документов, способствующих тому, что современный учитель будет владеть всеми современными вопросами системы образования (вопросы модернизации, информатизации образования, подготовки к ЕГЭ и др.).

2. *Организационно-методические задачи*: изучение опыта проведения конкурсов для учителей, что будет способствовать становлению профессиональных и личностных качеств учителя; владение способами повышения профессиональной компетентности через участие в сетевых сообществах, форумах, которые дают реальную возможность консультирования, инструментарий взаимодействия науки и практики. Это, с одной стороны, возможность самовыражения, с другой – разрешение собственных сомнений в верности выбранных методов и педагогических находок в процессе обсуждения с коллегами.

3. *Технологические задачи*: освоение новых технологий как совокупности традиционных и инновационных методов и приемов; овладение новой системой оценки качества образования, т. е. ЕГЭ.

4. *Интерактивные задачи*: профессиональное общение с коллегами, изучение опыта учителей по вопросам теории и методики преподавания отдельных предметов.

Для того, чтобы научить будущих учителей решать весь перечисленный спектр профессионально-значимых задач при помощи рассмотренных выше ресурсов Интернет-среды, мы разработали систему дополнительных компетенций в структуре профессиональной компетентности учителя и соотнесли их с конкретными материалами образовательной Интернет-среды, которые были использованы в период экспериментального обучения. Рассмотрим эту систему.

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования

нового поколения выделяет следующие группы компетенций: общекультурные и профессиональные [4]. Профессиональные, в свою очередь, подразделяются на общепрофессиональные и специальные профессиональные. Мы считаем необходимым следовать именно этой классификации компетенций, однако, с учетом необходимости применения профессионально-ориентированной Интернет-среды, мы считаем целесообразным разработать дополнительные компетенции.

Так, к общекультурной компетенции мы предлагаем добавить такие компетенции, как: информационно-познавательная; компетенция в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

В блоке информационно-познавательной компетенции выделены следующие знания, умения, навыки: знания о наличии образовательных Интернет-ресурсов; умения самостоятельно искать, отбирать и анализировать Интернет-ресурсы для качественного выполнения профессиональных задач; владение навыками осуществлять самостоятельную работу с информацией, представленной в электронном виде.

Блок компетенции в сфере информационно-коммуникационных технологий включает следующие знания, умения, навыки – знания о дидактических возможностях ИКТ.

Умения:

- создавать учебные пособия и материалы на электронных носителях с использованием стандартных приложений и инструментальных средств;
- разрабатывать компьютерные тесты, системы рейтинговой оценки знаний учащихся на основе стандартных приложений и программ-оболочек;
- применять готовые мультимедийные разработки в воспитательных и образовательных целях;
- грамотно выбирать форму передачи информации учащимся, родителям, коллегам, администрации школы (электронная почта, лист рассылки, форум, блог, подкаст).

Владение:

- навыками пользователя офисных технологий в контексте подготовки дидактических средств по предметной области и рабочих документов;
- базовыми сервисами и технологиями Интернета в контексте их использования в образовательной деятельности.

Рассмотрим ресурсы Интернет-среды для формирования общекультурных компетенций.

1. Информационно-познавательная компетенция:

<http://window.edu.ru/>;

<http://school-collection.edu.ru>.

Фестиваль педагогических идей «Открытый класс» <http://festival.1september.ru>.

Электронные газеты, журналы: www.1september.ru, www.sibuch.ru.

Электронные библиотеки:

<http://vashabnp.info>, <http://www.gumer.info/>,

<http://metodisty.ru/m/files/home/> (библиотека сообщества Методисты).

Электронные энциклопедии, словари, справочники:

www.otrok.ru/teach/enc/;

<http://window.edu.ru/window/library>.

2. Компетенция в сфере информационно-коммуникационных технологий: <http://festival.1september.ru>:

<http://www.rusedu.info/>;

<http://www.it-n.ru/>;

<http://pedsovet.su/forum/>;

<http://pedsovet.su/load/265>;

<http://vashabnp.info/blog/>;

<http://www.metod-kopilka.ru/>;

www.eidos.ru;

www.openclass.ru;

<http://www.zavuch.info/metodichka/hitrosti/ideiizagotovki>;

<http://aida.ucoz.ru/load/7>.

Общепрофессиональная компетенция будущего учителя дополнена такими компетенциями, как:

- компетенция в сфере организации педагогической деятельности на основе профессионально-ориентированной Интернет-среды;
- компетенция в сфере профессиональных сетевых сообществ;
- компетенция в сфере исследовательской и проектной деятельности учителя.

В блоке компетенции в сфере организации педагогической деятельности на основе профессионально-ориентированной Интернет-среды выделены следующие знания, умения, навыки.

Знание:

- основных законодательных документов, касающихся системы образования, прав и обязанностей субъектов учебного процесса, представленных в электронном виде;
- основ планирования и организации учебно-воспитательной работы в школе.

Умения:

- ставить педагогические цели и задачи в соответствии с возрастными и индивидуальными особенностями обучающихся;
- разрабатывать учебно-методические материалы с использованием современных информационных ресурсов и технологий;
- вести учебно-программную документацию в электронном виде в соответствии с нормативными документами;
- владеть способами ориентации в профессиональных источниках информации; способами ведения учебно-методической документации в электронном виде.

В блоке компетенции в сфере профессиональных сетевых сообществ мы выделяем такие знания, умения, навыки – знания о сетевых педагогических сообществах.

Умения:

- получать новые знания в области своей деятельности, осваивать новые достижения в педагогической практике, объединяясь с другими учителями;

- использовать ресурсы Интернет-сообществ с целью найти ответы на проблемные для будущих учителей вопросы;

- владеть способами взаимодействия с другими участниками сообщества.

В блоке компетенции в сфере исследовательской и проектной деятельности учителя мы выделяем такие знания, умения, навыки:

знания способов интеграции научных исследований с образовательным процессом.

Умения:

- ориентироваться в потоке научной информации, альтернативных и вариативных программах, учебниках, размещенных в профессионально-ориентированной Интернет-среде;

- осуществлять руководство исследовательской работой учащихся;

- формулировать суть исследуемой проблемы, цель, объект, предмет, рабочую гипотезу, задачи исследования;

- анализировать свою научно-исследовательскую деятельность (проводить методологическую рефлексию);

- подготовить публикацию или выступление по результатам своей научной работы;

- владеть методами педагогического исследования (анкетирование, тестирование, моделирование, наблюдение и др.).

Перечислим ресурсы Интернет-среды, которые были использованы нами в целях формирования общепрофессиональных компетенций педагога.

Компетенция в сфере организации педагогической деятельности на основе Интернет-среды:

<http://festival.1september.ru/>;

<http://www.periodika.websib.ru/>;

<http://window.edu.ru/>;

<http://standart.edu.ru/>.

Компетенция в сфере профессиональных сетевых сообществ:

www.openclass.ru;

http://www.it-n.ru;

<http://pedsovet.su/>;

<http://www.zavuch.info/>;

www.intergu.ru;

<http://metodisty.ru>.

Компетенция в сфере научно-исследовательской и проектной деятельности учителя:

<http://pedsovet.org>

<http://www.researcher.ru/>

http://www.relarn.ru/conf/http://www.it-n.ru/communities.aspx?cat_no=7913&tmpl=com

Блок специальной профессиональной компетенции дополнен следующими компетенциями:

- компетенция в сфере электронных форм профессионального сотрудничества;

- компетенция в сфере разработки современного мультимедийного урока иностранного языка на основе ресурсов Интернет.

В свою очередь, в блоке компетенции в сфере электронных форм профессионального сотрудничества выделены следующие знания, умения, навыки:

- знания особенностей работы образовательных форумов, блогов, чатов;

- умения исследовать тематику обсуждаемых вопросов, формулировать собственные ответы на вопросы, составлять текст-обращение по выбранной теме, отправлять текст-обращение;

- владеть навыками участвовать в обсуждении представленных в форумах вопросов, задать интересующие студентов вопросы, ответы на которые помогут им расширить свое представление по той или иной теме.

Компетенция в сфере разработки современного мультимедийного урока на основе ресурсов Интернет включает такие знания, умения, навыки, как:

- знания о наличии электронных обучающих программ, учебных Интернет-ресурсах (hotlist, treasure hunt, subject sampler, multimedia scrapbook, webquest);

- умения использовать на уроках цифровые образовательные ресурсы, мультимедиа электронные образовательные ресурсы;

- владеть навыками осуществлять разработку собственных уроков с использованием цифровых образовательных ресурсов.

Рассмотрим ресурсы Интернет-среды, использованные в целях формирования специальных профессиональных компетенций педагога.

Компетенция в сфере электронных форм профессионального сотрудничества: <http://www.English-teachers.ru/forum/>;

www.it-n.ru/board.aspx?cat_no=225;

<http://www.zavuch.info/forums.html?view=index>;

<http://www.openclass.ru/forum>;

<http://pedsovet.su/forum/>

Компетенция в сфере разработки современного мультимедийного урока иностранного языка на основе ресурсов Интернет:

возможность учителя подкрепить свое объяснение иллюстративным медиаматериалом: фото, видео, текст, аудиоресурсы из поисковых программ Интернет, а также на основе инструментальных и программных оболочек разрабатывать собственные учебно-методические материалы и учебные Интернет-ресурсы.

Обучение студентов педагогического профиля использованию образовательных ресурсов и технологий Интернет способствует формированию профессиональной компетентности будущего учителя и пониманию того, что в современном мире уже практически невозможно полноценно осуществлять профессиональную педагогическую деятельность без Интернет-технологий и ресурсов Интернет-среды. Эти технологии создают новую глобальную учебную среду, которая вызывает большой интерес как у студентов, так и у учащихся

Литература

1. Булгаков, М. В. Реализация каталога образовательных Интернет-ресурсов федерального портала «Российское образование» / М. В. Булгаков, С. С. Внотченко, Е. Г. Гридина [Электронный ресурс].

– Режим доступа: <http://www.edu.ru/files/books/portals-2003/Gridina.pdf>.

2. Рыжова, Н. И. Введение в теорию и практику информационно-образовательных систем [Текст]. Ч. 1. Теоретические аспекты / Н. И. Рыжова, С. Д. Каракозов. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004. – 96 с.

3. Педагогическое проектирование и методическая теория как элементы методологии проектирования информационно-образовательного web-портала [Текст] / Н. И. Рыжова [и др.] // Российская школа и

Интернет. Вторая Всероссийская научно-практич. конференция. Материалы конференции. Региональный тур. – Барнаул, Федерация Интернет образования, 2002

4. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 032700 Филология (квалификация (степень) «бакалавр») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mon.gov.ru/dok/fgos/7198/>.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 353.2 (066)

«ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА ONLINE» И ПРОБЛЕМА УПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИМИ РЕЗОНАНСАМИ

А. В. Андреев

PUBLIC POLICY ONLINE AND PROBLEMS OF POLITICAL RESONANCES MANAGEMENT

A. V. Andreev

В статье автором рассматриваются проблемы изменения содержания и характера публичной политики вследствие распространения современных информационных технологий. В число таких проблем автор включает исчерпание ряда функций традиционных медиа, а также необходимость формирования качественно новых форм социально-политического взаимодействия на базе горизонтальных сетевых связей. По мнению автора, публичная политика Online стала сегодня объективной реальностью и требует к себе соответствующего внимания основных участников современного политического процесса. Формирование политических резонансов является важным элементом современной Online-публичности и создает принципиально новые возможности для формирования политики государства в современных условиях.

Ключевые слова: публичная политика, Online-публичность, масс-медиа, социально-политическое взаимодействие, политические резонансы.

The article considers the problems in change of the content and character of public policy because of distribution of modern information technologies. The author includes of some functions of traditional media, and also necessity of formation of qualitatively new forms of socio-political interaction at the basis of horizontal network communications on the list of such problems. According to the author, Public Policy Online became today an objective reality, and thus demands respectful attention of the basic participants of modern political process. Formation of political resonance is an important element of modern Online-publicity and creates essentially new possibilities for the state's policy-making of in modern conditions.

Keywords: the public policy, Online-publicity, mass media, socio-political interaction, political resonance.

Понимание природы и характера происходящих сегодня в глобальном масштабе изменений – ключевой элемент понимания современного мира. Данные изменения сегодня преимущественно протекают в рамках процессов глобализации и модернизации, и информационные революции могут вызывать масштабные социальные изменения, радикально изменяя властные институты, политические механизмы и практики. По мнению некоторых авторов, речь идет «о том, что делает Интернет с нашей культурой, с нашей повседневностью и нашими головами, о каких идеалах будущего идет речь – и о каких идеологиях... Сам по себе Интернет не имеет никакой цели, ника-

кой воли и никакой морали. Люди и бизнесмены, которые создали всемирную сеть, имели замысел ее испытать и в итоге завоевали ее как неизвестный континент» [1, с. 72]. Развивая эту логику, некоторые исследователи склонны рассматривать новую формирующуюся реальность в жанре «критической антиутопии» – то есть, разоблачения позитивных ожиданий, связанных с «информационной революцией». Так, например, французский социолог Ф. Бретон из Университета Париж-1-Сорбонна отмечает среди негативных черт «общества массовой коммуникации» («планетарной деревни») претензии на создание «нового человека», формирование новой технократиче-

ской утопии, искусственное конструирование новых и разрушение традиционных ценностей («новое варварство»), смешение между информацией и знанием, «новый индивидуализм» и подъем ксенофобии и т. п. [2, с. 49 – 166.].

Выявление всей совокупности социально-политических последствий «информационной революции» требует отдельного самостоятельного исследования. Автор предпочел сосредоточиться на анализе политических последствий одного из феноменов, порожденных «информационной революцией», так называемой «публичной политики Online», показав масштабы ее распространения, возможности ее влияния на публичную сферу и влияние на власть и политику.

Появляющиеся в последнее время в большом числе интерактивные Online-ежедневники, так называемые блоги, с некоторого времени стали «последним криком» политических Интернет-коммуникаций. Последние предоставляют своим читателям возможность давать оценки и оставлять комментарии, создавая тем самым единую платформу для обмена мнениями и информацией, в которую вносятся коррективы со стороны сообщества пользователей Интернета. Естественно, что эти новые возможности используются и для достижения политических целей.

Так, гражданские активисты используют блоги с целью получения информации о политике и для участия в дискуссиях. Наряду с политическими платформами, группы новостей (Newsgroups) и другие подобные объединения формируют новый масштаб «политической публичности» и могут рассматриваться как один из ключевых акторов, формирующих общественное мнение. Утверждаясь в этом качестве, они параллельно преодолевают в себе черты, присущие традиционным масс-медиа, то есть классическим средствам коммуникации. Поэтому все более дискуссионный характер в современных условиях приобретает знаменитый вердикт Н. Лумана, утверждавшего, что «все, что мы знаем о мире – мы знаем благодаря масс-медиа» [3, с. 9]. Подобное утверждение, очевидно, не устраивает всех тех граждан, которые хотели бы более активного вовлечения в политико-коммуникационный процесс.

И если все еще многие, вместе с Ю. Герхардсом, продолжают придерживаться мнения о том, что доминирование «традиционных медиа» в системе публичных коммуникаций сохраняется, то для практически любого «эмпирического» наблюдателя открытым остается вопрос о том, «какое значение в процессе формирования общественного мнения остается за «малыми коммуникационными возможностями». Противовесом этим суждениям является утверждение о сетевом публичном пространстве как о «сфере политического» [4, с. 270], которое исходит из способности самих граждан придавать определенным темам публичный характер.

Так или иначе, современное развитие системы массовых коммуникаций неразрывно связано с серьезными вызовами традиционным масс-медиа. В этой связи особое значение приобретает вопрос о том, остается ли «публичное пространство Online» в стороне от главных тенденций политического процесса.

Как следствие, сегодня нередко предпринимаются попытки «ревизии» устоявшейся концепции публичного пространства [5, с. 108].

Политическое пространство-Online выступает в современном обществе как «институт в самом широком смысле» [6, с. 7], связывающем общество и политику с трактуемым в коллективистском ключе «общественным мнением». Она также рассматривается в качестве ключевого института «политического посредничества» и «властного контроля» и принадлежит к «базовым основаниям» репрезентативной демократии. Главным актером в процессе «политического посредничества» выступают масс-медиа. Последние посредством влияния на процесс формирования политической «повестки дня» (Agenda-Setting) структурируют сам процесс политической коммуникации и формируют тем самым «главный уровень политического пространства». Главная задача масс-медиа в качестве «профессиональных посредников» и «фильтров информации» состоит в выборе значимых тем, и в конечном итоге – в «тематизации» публичного пространства. Именно они устанавливают критерии отбора новостей и иные «селекционные критерии», на основе которых те информационные события, темы и мнения, которые в конце концов формируют публичную «повестку дня», становятся публичными. Присущая масс-медиа функция «тематизации информации» рассматривается как характерная для Нового времени форма публичности [7, с. 33].

Определенные темы играют центральную роль в формировании политического публичного пространства, когда они структурируют протекающий процесс коммуникации [8, с. 7]. Для выяснения отношений между традиционными масс-медиа и пространством Online необходимо сравнить тематическую «повестку дня», формируемую обоими измерениями публичного.

Основой для формирования актуальной «повестки дня» становятся события, связанные с проблемами развития социальных и политических систем. Следуя присущей масс-медиа «логике селекции», в рамках публичного политического пространства появляются хорошо организованные и влиятельные акторы, играющие определенные роли в рамках политического дискурса. Возможности участия рядовых граждан при этом ограничиваются восприятием медиа-контента, обсуждением новостей и написанием писем в редакцию. Они подходят к восприятию продукции масс-медиа исходя из собственных критериев селекции, которые при этом играют роль своеобразной «межличностной коммуникационной сети», выполняющей важные функции в процессе переработки информации [9, с. 267].

В то же время ключевой способностью Интернета как средства массовой коммуникации становится возможность избегать т. н. «символических посредников» (Gatekeeper), что предполагает возможность осуществления прямых коммуникаций между политической системой и гражданами, и вытекающее отсюда отсутствие селекционных критериев и институционального принуждения, определяющих характер публичного пространства [10, с. 40 – 51].

Какие изменения вносятся в процесс тематизации публичного пространства под влиянием Online-эф-

фектов? Такие традиционные актеры, участвовавшие в формировании публичного пространства, как политические партии и группы интересов, будут способны оказывать сильное влияние на всю совокупность политических коммуникаций. Возможности Интернета позволяют включать в «повестку дня» интересующие их вопросы, равно как и осуществлять прямой контакт с гражданами. Режим Online позволяет гражданам проще играть их традиционную роль модераторов. Online-публичность делает возможным измерение их позиций в коммуникационном процессе. Граждане сегодня имеют больше возможностей самостоятельно определять, когда и как они хотят включиться в процесс формирования публичного пространства, а также Online открывает им более широкие возможности для получения информации о таких политических институтах, как партии и другие объединения, а также новых медиа-предложений. Сами граждане отныне могут участвовать в публичном пространстве не только в качестве «говорящих голов», но также способны создавать приватные межличностные сети коммуникаций для обсуждения актуальных политических тем в рамках «новостных групп», чатов, Интернет-форумов и блогов, создавая «новое качество» публичного пространства. Возникают новые формы межличностной коммуникации, ставшие возможными благодаря доступу к Интернету на индивидуальном уровне [11, с. 191 – 212]. Это позволяет некоторым исследователям говорить о жизнеспособном будущем политических Online-форумов с возрастающим числом участников [5, с. 220].

Как следствие, в публичную «повестку дня» могут вводиться темы и проблемы, недостаточно представленные в «конвенциональных» медиа. Интернет упрощает прямой контакт между политической системой и сетевыми организациями, с одной стороны, и отдельными гражданами – с другой.

Опыт работы Интернет-блогов свидетельствует о том, что граждане достаточно легким способом могут превратиться в «публичных посредников». На основе Online-технологий могут формироваться новые масс-медиа, использующие Интернет как средство экспансии и выполняющие роль «посредников» в рамках политической Online-коммуникации, выступающей в качестве новой особой формы политической публичности.

Однако каковы политические последствия массового внедрения Online-технологий? Благодаря новым коммуникационным возможностям, гражданские институты получают доступ к альтернативным медиа-предложениям – например, к таким, как «политические порталы» и «Интернет-лоцманы», независимые Интернет-платформы, главной задачей которых является предоставление «надежной деловой информации», способной стать противовесом «политическому маркетингу» партий и кандидатов [12, с. 159].

Это означает в дальнейшем, что имевшие ключевое значение функции «тематизации» и «селекции», выполнявшиеся масс-медиа, с точки зрения современных возможностей Интернета, начинают выглядеть избыточными – точно так же, как и выполнявшиеся ранее масс-медиа функции «определения повестки дня» и «содействия в ориентировании».

В итоге граждане, получающие информацию в режиме Online, могут позволить себе не знать, является ли получаемая ими информация заранее согласованной. Таким образом, публичное политическое пространство Online решительно не является «эрзацем», формируемого с помощью традиционных медиа-средств публичного пространства, поскольку у нее отсутствует сознательно конструируемый «центр», проявляющий себя в рамках публичного консенсуса относительно ряда установленных тем.

В рамках публичного пространства Online изменяется изначально сложившееся распределение ролей и происходит институционализированная тематизация в рамках публичного дискурса: субъект становится интерактивным – и в результате формируется новый уровень, включающий в себя элементы масс-медиа в качестве «малых долей публичного пространства» [5, с. 125].

В то же время, с точки зрения теории демократии, ведущая роль масс-медиа в процессе «тематизации» политического публичного пространства не является беспроblemной и бесспорной. С одной стороны, выполняя функцию отбора актуальных политических тем, они способствуют политической интеграции общества и консолидации самой демократии. С другой стороны, само отражение в масс-медиа политической реальности не является полным. Поскольку все, что не находит своего отражения в масс-медиа, «как бы не существует» [13, с. 27]. Политическое публичное пространство Онлайн, в противоположность публичному пространству, формируемому через механизмы «прямой демократии», является «опосредованным» и «селективным». Функция «тематизации» формирует для масс-медиа полновластную позицию в системе политических коммуникаций, не подкрепленную никаким реальным «мандатом» [14, с. 165]. Как следствие, подвергается серьезной критике само качество публичного политического пространства Online.

Это, в свою очередь, приводит к тому, что само публичное пространство оказывается лишь в незначительной степени дискурсивным и малоприспособленным для рационального понимания и формирования «политической воли». Иначе говоря, в отношении публичного политического пространства речь идет о доминировании «государственных акторов», политических партий и хорошо организованных групп интересов, но не самой «публики» или приближенных к ней актеров [15, с. 694].

В итоге формируемое таким образом публичное политическое пространство Online не находится больше в центре «системы политического представительства» и представляет собой «публичное пространство для немногих» [16, с. 93].

В то же время, вследствие этих нововведений, возникает угроза, что определенные общественно значимые темы окажутся «недопредставленными», а некоторые из них и вовсе будут исключены из «мэйн-стрима» и никак не повлияют на формирование публичной «повестки дня».

Каким же образом, по мнению автора, можно избежать этих негативных эффектов? Автор не склонен к крайним подходам, один из которых преувеличивает угрозу властного манипулирования общественным мнением и «повесткой дня» с помощью медиа-

средств, а другой – явно преувеличивает возможности «электронной демократии», которая объявляется способной преодолеть едва ли не все актуальные противоречия «традиционных» форм демократии и в корне трансформировать содержание современной публичной политики.

Автор стремится предложить своеобразную «золотую середину» между двумя этими крайними позициями и сформулировать основные принципы и ключевые особенности властно-политической модели, способной разрешить, во многом надуманную, дилемму «технологическая эффективность и управляемость – расширение информационной и политической свободы». Принимая во внимание предложенное ими видение перспективных форм власти, соответствующим реалиям «глобального информационного общества», автор попытается обосновать модель государственного и политического управления, предполагающую сохранение управляемости политическими процессами при сохранении автономии публичного пространства Online – модель резонансного управления.

Как в условиях новых коммуникационных возможностей избежать манипулятивных и иных «политтехнологических» искушений, не переоценивая способность политической власти трансформировать в своих интересах публичное пространство, и в то же время – не допустить его крайней фрагментации и хаотизации, которые способны нарушить нормальное осуществление публичной политики? На взгляд автора, уникальность политических коммуникаций, опирающихся на современные технологии, состоит в их резонансности, основанной на принципе обратных связей, а также на принципиальной способности государственной власти выражать различные социально-групповые интересы, артикулируемые в рамках публичной сферы. Эффективность публичной политики власти, таким образом, сегодня во многом зависит от способности управлять общественными резонансами и моделировать последние, отчего, в свою очередь, зависит необходимое информационное сопровождение принимаемых решений. Качество последней в значительной степени определяется уровнем развития публичных коммуникаций.

В свою очередь, именно в этих условиях особое значение приобретает эффективное формирование и управление уже возникшими в публичном пространстве политическими резонансами. Политические решения, принимаемые и реализуемые государственной властью, неизбежно вызывают определенную сознательную реакцию в общественном мнении, создавая благоприятную либо неблагоприятную информационную среду для осуществления политики в той или иной сфере. Формируя с помощью целенаправленно конструируемых политических резонансов необходимую для себя повестку дня и благоприятное отношение населения к своей политике, государственная власть задействует эффект «обратных связей», подтверждает свою способность управлять политическими процессами в обществе.

Политические резонансы создаются или преобразуются с помощью медиа-событий, формируемых самой властью через СМИ. Все вышеназванные стратегии может использовать и власть, и оппозиция в

борьбе за публичное пространство. От того, кто точнее, оперативнее, гибче формирует резонансы, принимая во внимание ожидания и настроения масс, управляя ими, – зависит доминирование власти или оппозиции в публичном пространстве. Грамотное и своевременное инициирование и управление политическими резонансами позволяет, в свою очередь, управлять общественными настроениями и ожиданиями, публичной сферой и в конечном итоге – политической ситуацией.

Исходя из этого, можно заключить, что ключевыми условиями эффективности формирования и управления политическими резонансами соответственно являются:

1. Своевременность медиа-воздействий (в идеале лучше играть на опережение, моделируя желательное состояние общественного мнения).
2. Их комплексность, системность, способность отразить широкий круг волнующих граждан проблем.
3. Их достоверность, адекватность складывающейся ситуации.
4. Их плотность и интенсивность, позволяющие поместить нужную информацию в центр общественного внимания и восприятия, вытеснив на периферию этого восприятия нежелательные мнения и установки.
5. Их когерентность (транслируемая информация и итоговая «картина событий» не должны быть внутренне противоречивыми).
6. Ясная формулировка позитивной и правдоподобной альтернативы существующим вызовам и проблемам (люди должны понять, что конкретно собирается делать власть для решения возникшей проблемы).
7. Наличие персонализированной позиции (мнения) власти, донесенной до граждан, при максимальном уважении к их мнениям и интересам.

Таким образом, по мнению автора, внедрение и использование модели резонансного управления позволит государственной власти гибко реагировать на запросы общества и различных групп, реализовывать комплексные политические стратегии, своевременно нейтрализующие существующие вызовы и угрозы. В этой ситуации «публичность Online» станет не угрозой для власти и управления, но превратится в ее полноценный функциональный элемент и перспективный механизм формирования ею качественно новой публичной политики. Это, в свою очередь, позволит повысить общую эффективность политики в новых условиях – как на региональном, так и на общенациональном и глобальном уровнях, одновременно способствуя утверждению качественно новых демократических практик.

Литература

1. Von Bethge, Ph. Die fanatischen Vier / Ph. von Bethge // Spiegel. – 2011. – № 49.
2. Breton, Ph. L'utopie de la communication / Ph. Breton. – Paris: Decouverte, 1997. – 172 p.
3. Luchmann, N. Die Realität der Massmedien / N. Luchmann. – Oplanden, 1996. – 219 s.
4. Gerhards, J. Öffentlichkeit / J. Gerhards // Jarren O. (Hrsg.) Politische Kommunikation in der demokratischen Gesellschaft. – Oplanden, 1998.

5. Kaletka, Ch. Die Zukunft politischer Internetforen / Ch. Kaletka. – Münster, 2003. – 252 s.
6. Gohler, G. Einleitung / G. Gohler // Ders. (Hrsg.). Macht der Öffentlichkeit - Öffentlichkeit der Macht. – Baden-Baden, 1995.
7. Merten, K. Öffentlichkeit / K. Merten // Görlitz Handbuch Politikwissenschaft. – Reinbek, 1987.
8. Luhmann, N. Öffentliche Meinung / N. Luhmann // PVS. – 1970. – N 1.
9. Schenk, M., Roessler P. Das unterschätze Publikum / M. Schenk // Neidhardt F. (Hg.) Öffentlichkeit, öffentliche Meinung, soziale Bewegungen; Sonderheft 42/2002 der Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1994.
10. Marshall, S. Politischer Prozess und Internet – neue Einflusspotentiale für organisierte und nichtorganisierte Interessen? / S. Marshall // Politische Bildung. – 32 (1999).
11. Emmer, M. Mobilisierung durch das Internet? Ergebnisse einer empirischen Längsschnittuntersuchung zum Einfluss des Internets auf die politische Kommunikation der Bürger / M. Emmer, G. Wove // PVS. – 2004. – N 2.
12. Clemens, D. Netz-Kampagnen. Parteien und politische Informationslotsen in den Internet-Wahlkämpfen 1998 in Deutschland und den USA / D. Clemens // Kamps K. (Hrsg.): Elektronische Demokratie? Perspektiven politischer Partizipation. – Oplanden, 1999.
13. Kamps, K. Politik in Fernsehnachrichten – Struktur und Präsentation internationaler Ereignisse / K. Kamps // Ein Vergleich. – Baden-Baden, 1999. – 376 s.
14. Gerhards, J. Wie responsive sind die Massenmedien? Überlegungen und empirische Ergebnisse zum Verhältnis von Medien und Politik / J. Gerhards, R. Hitzler (eds.). Eigenwilligkeit und Rationalität sozialer Prozesse. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1999.
15. Jarren, O. Medien, Mediensystem und politische Öffentlichkeit im Wandel / O. Jarren // Sarcinelli U. (Hrsg.) Politikvermittlung und Demokratie in der Mediengesellschaft. Beiträge zur Politischen Kommunikationskultur. – Opladen: Westd. Verlag, 1998.
16. Jarren, O. Der politischen Kommunikation in der demokratischen Gesellschaft / O. Jarren. – Oplanden, 1998.

УДК 323.21-053.81

РОЛЬ НЕПОЛИТИЧЕСКИХ МОЛОДЕЖНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

А. А. Зеленин, М. Г. Леухова

THE ROLE OF NON-POLITICAL YOUTH ASSOCIATIONS IN THE FORMATION OF A CIVIL SOCIETY

A. A. Zelenin, M. G. Leukhova

В статье поднимаются проблемы молодежной политики в современных условиях, рассматривается роль неполитических молодежных объединений в гражданском обществе, анализируется деятельность Российского союза молодежи, Национального совета молодежных объединений России, Союза молодежи Кузбасса.

Ключевые слова: гражданское общество, молодежь, молодежная политика, молодежные объединения, молодежные инициативы.

This article deals with the problems of youth policy in modern conditions and the role of non-political youth associations in the development of a civil society. The article describes the activities the Russian Union of Youth, the National Youth Council of Russia, the Youth Association of Kuzbass.

Keywords: civil society, youth, youth policy, youth association, youth initiative.

В условиях динамично развивающегося информационного общества современная политическая наука обоснованно определяет традиционные институты гражданского общества (партии, религиозные организации, профсоюзы) как институты уходящего времени, постепенно утрачивающие то значение, которое они имели в XX столетии. Постиндустриальное общество нуждается в новых, более гибких и «продвинутых», мобильных и «чувствительных» к социальным изменениям общественных и прежде всего некоммерческих организациях. Молодежная стратегия Европейского союза на 2010 – 2018 гг. нацелена на поощрение активной гражданской позиции и участия молодых людей в жизни общества. В числе восьми областей деятельности в Стратегии предусмотрены

программы участия и добровольчества [18]. В целом директивы нацеливают на максимальное вовлечение молодежи в демократический процесс. Таким образом, в развитых странах идет быстрый рост социального капитала в децентрализованных неиерархических структурах гражданского общества, объединяющих группы людей по общности интересов. Именно эти институты быстро развиваются и наращивают свое влияние [19]. В России этот процесс существенно отстает, что говорит о медленном темпе модернизации, «застрявшей» где-то на переходе от индустриального общества к информационному. В то же время именно новые формы социального партнерства продуцируют новые общественные движения, основой которых являются общественные некоммер-

ческие и неполитические объединения. Именно они, как справедливо полагает М. А. Молокова, способствуют формированию инновационно-реформаторских слоев и групп общества, укреплению основ консолидации общества и качества социального капитала, без развития которых невозможно решение задач системной модернизации [7, с. 8 – 9].

Предложенная в свое время Т. И. Заславской и развитая другими исследователями теория социально-трансформационной структуры общества, предполагающая системное взаимодействие взаимосвязанных социальных субъектов, деятельность и поведение которых обеспечивают движение трансформационного процесса, показала, что гражданское общество аккумулирует социально-инновационную активность базовых и средних слоев общества [2; 3]. В современных условиях связь инновационного потенциала общества с развитием гражданского общества обоюдная. Рост инновационного потенциала общества, улучшение положения среднего и базового слоев ведут к ускорению развития структур гражданского общества.

Формирование гражданского общества в современной России продолжает оставаться основным направлением демократического развития. Несмотря на то, что «наше гражданское общество стало несравненно более зрелым, активным и ответственным», в начале второго десятилетия XXI века сложилась ситуация, когда «качество нашего государства отстает от готовности гражданского общества в нем участвовать» [13]. В значительной степени это относится к молодежным объединениям и инициативам.

Как обоснованно отмечают российские исследователи, провозглашение в России курса на развитие свободного общества, с одной стороны, служит подтверждением реализации государственной политики, основанной на ценностях гражданского общества, а с другой – является отправной точкой для разработки инноваций в сферах политических процессов и права [1, с. 3]. Одной из таких инноваций могут и должны стать неполитические молодежные объединения, отстаивающие или, по крайней мере, обращающие внимание на проблемы защиты прав и интересов молодого поколения. Казалось бы, в выборы 2011 и 2012 годы основное внимание было приковано к политическому процессу, так, вероятно будет и в будущем: «у нас эти предвыборные страсти будут кипеть», но цель этого «кипения» одна – «чтобы у нас структурировалось гражданское общество» [10].

Демократия это не только электоральный процесс «точно по расписанию», но и сформированная плотная институциональная среда гражданского общества. Если судьба модернизации будет отдана на откуп государству и стоящей за ним бюрократии, то модернизационный проект (как в политике, так и в экономике) так и останется на уровне имитации [7, с. 13]. Собственно, так сейчас и происходит». Основная проблема, – подчеркнул Д. А. Медведев, – заключается в том, что, несмотря на правильные программные установки, никаких существенных изменений... не происходит... Все это в основном, надо признаться откровенно, существует только на бумаге» [15]. Именно поэтому опора на институты гражданского общества, конку-

ренцию во всем, плюрализм и публичность являются необходимыми условиями реальной модернизации.

Вопрос интенсификации молодежной политики поставлен не сегодня. 2009 год прошел как «Год молодежи», давший, по мнению Президента России, органам власти «уникальную возможность найти и опробовать новые, более эффективные методы взаимодействия в выработке основ молодежной политики» [6]. Была ли использована эта возможность? На наш взгляд, результат, по крайней мере, на федеральном уровне, оказался значительно скромнее ожиданий, примерно на уровне приведенной выше оценка модернизации. Исследователи справедливо подчеркивают отсутствие целостного представления о государственной молодежной политике как объекте правового регулирования и, как следствие, отсутствие четкой концепции формирования законодательства об этом «полупризнанном» направлении деятельности государства и, как следствие, «неполноценном» объекте правового регулирования [5]. Действительно, так и не вступил в силу базовый Федеральный закон, регулирующий отношения в сфере ГМП. Отсюда сложно вести речь о полном правовом признании Государственной молодежной политики в России, которая по-прежнему во многом реализуется «на общественных началах», к которым смело можно отнести сменяющие друг друга концепции, стратегии и доктрины с неясным правовым статусом, но примерно одинаковым результатом и качеством исполнения.

Между тем молодежная политика остается одним из самых востребованных направлений. По данным ВЦИОМ, в числе наиболее интересных зрителям президентских предвыборных теледебатов-2012 молодежная политика уступает лишь вопросам социальной политики в целом, здравоохранению, повышению пенсий, образованию и тарифам ЖКХ [17].

Альфой и омегой современной ГМП является признание молодежи главной опорой государства в его роли ведущего субъекта молодежной политики. Только тогда «энергия гражданского общества и прежде всего его креативного класса станет главной движущей силой развития Российской Федерации» [11]. Этим креативным классом является молодое поколение.

Как показывает мировая практика реализации модернизационных проектов, одним из условий их успешности является наличие социальных сил, способных стать инициаторами и проводниками перемен [7, с. 3]. Без подключения потенциала общества, развития творческой конкуренции идей и подходов, реальной многопартийности любые самые позитивные импульсы власти неизбежно будут сталкиваться с объективными социально-экономическими и политическими ограничителями.

Развитие системы общественных молодежных организаций является одним из признаков становления гражданского общества, в котором им придается первостепенное значение в силу особой функциональной нагрузки последних. Через развитие системы общественных молодежных организаций получает свое практическое воплощение партнерство государства и молодежи в общественных делах.

Статистика количественного роста молодежных объединений оптимистична, но, к сожалению, не по-

казательна. Объединения молодежи не охватывают большую часть молодого поколения страны. По данным социологов, более 50 % молодых людей считают целесообразным существование молодежных организаций, но только 7 – 10 % опрошенных были не против вступления в них. Причем из этого количества меньшая часть юношей и девушек действительно связывают свои интересы с какой-либо организацией.

Большинство объединений не ставят своей целью непосредственную работу среди молодежи, ограничиваясь декларациями. Несмотря на это, их роль в молодежной политике является значимой. Помощь общественным организациям и объединениям, формирование групп поддержки из их числа рассматривается как важное направление в реализации Государственной молодежной политики в России. Многие из молодежных организаций установили постоянные контакты с Федеральными органами государственной власти по направлениям своей деятельности. Вопросы взаимодействия федеральных органов государственной власти с молодежными и детскими объединениями регулировались Федеральным законом «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» от 28.07.1995 г., принятыми в его исполнение нормативными правовыми актами Правительства Российской Федерации и ведомственными актами Государственного комитета Российской Федерации по делам молодежи (положение о государственных грантах для проектов и программ молодежных и детских общественных объединений и др.) [9].

Самым крупным молодежным объединением является Российский союз молодежи (РСМ), который позиционирует себя как самую массовую негосударственную, неполитическую молодежную организацию России, главная цель которой – помочь молодому человеку найти своё место в жизни, самореализоваться, раскрыться как многогранная личность. По данным РСМ, в его программах ежегодно принимают участие около 1 млн человек. Территориальные организации и общественные представительства РСМ работают в 73 субъектах РФ, организации РСМ создаются в вузах, училищах, лицеях, школах, на предприятиях. В состав РСМ входит Ассоциация учащейся молодежи (АУМ) «Содружество». РСМ реализует около 20 общероссийских и более 200 межрегиональных программ и проектов для работающей, учащейся и студенческой молодежи [14].

Другой крупной структурой является Национальный совет молодежных объединений России, созданный в целях координации их деятельности для защиты и реализации интересов, прав молодежи и детей. Взаимодействие Национального совета и государства строится на основе консультаций, взаимного информирования, организационной и технической взаимопомощи [4]. Национальный совет позиционирует себя в качестве субъекта развития гражданского общества, а не объекта социальной поддержки государства и ориентируется на переход от преимущественно аппаратных методов работы к общественным механизмам развития, основанным на инициативе и ответственности. Решив ознакомиться с работой Совета, мы (05.03.2012 г.) зашли на его официальный сайт, где на главной странице обнаружили «Основные направле-

ния деятельности на 2008 – 2011 годы», отчет о деятельности «За период 2005 – 2008 гг.», а также «Нормативно-правовые акты в помощь членским организациям», состоящие из четырех федеральных законов по состоянию на 2002 – 2003 гг.(!) [18]. Совет в прямом смысле живет в прошлом. Официальный сайт – сегодня лицо любой организации, и если она представляет там информацию 6 – 10 летней давности, чрезвычайно сложно привлечь клиента, партнера (в бизнесе) и соратника к общественной работе.

В регионах ситуация не лучше. На сайте Союза молодежи Кузбасса можно ознакомиться с отчетом о работе за 2009 г. (то же на странице «Программа «Развитие добровольчества в Кузбассе»), а на вкладке «Документы» сайт сообщает следующее: «Страница не существует! Вас могли обмануть: ссылка, по которой Вы попали сюда, не верная. Не сердитесь сильно на обидчиков, они пожалеют о содеянном». Более вероятным нам кажется сообщение, помещенной там же: «Данная страница когда-то существовала, но теперь она «переехала» или ее удалили. Такое тоже бывает, но раз так, то вряд ли на ней было что-то интересное» [16]. Остается лишь согласиться.

Позиционирование себя в виртуальной среде является важнейшей составной частью электронной демократии (e-democracy), под которой принято понимать форму прямой демократии, опосредованную использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), прежде всего в коллективных мыслительных (crowdsourcing) и организационно-политических процессах, информировании (politics on line), принятии совместных решений – электронное голосование (e-voting), контроле исполнения решений (e-participation) и т. д.

Характеризуя развитие инноваций в области информационно-коммуникационных технологий, эксперты Совета Европы справедливо отметили, что ни одна из возможностей не оказала большее влияние на гражданское общество, чем эта, резко снизив стоимость и легкость контактов членов различных гражданских сообществ и мобилизации их поддержки [20]. Отсюда никак нельзя пренебрегать таким важнейшим элементом строительства гражданского общества, как виртуальная среда, особенно для организаций, пользующихся государственной поддержкой и претендующих на выражение интересов молодежи региона.

Здесь нами выявлен интересный парадокс. По статистике, в настоящее время в России действует более 400 тыс. молодежных и детских общественных объединений (кроме уже упоминавшихся неполитических организаций, отметим наиболее известные общероссийские объединения: «Всероссийский студенческий корпус спасателей» (www.mchs.gov.ru), «Детские и молодежные социальные инициативы» (ДИМСИ – www.dimsi.net), Молодежное патриотическое альтерглобалистское движение – ВАЛ (www.valinfo.ru), правозащитная «Сеть региональных коалиций – объединенный проект Московской Хельсинской группы и Ассоциации региональных правозащитных организаций» (coalitions.hrworld.ru), экологические молодежные объединения «Местные» (Подмосковье – www.mestnye.ru), «Друзья Балтики» (С. Петербург – www.baltfriends.ru), «Зооспас» (Казань – www.zoospas.ru), «Зеленый парус» (Нижний Новгород –

www.greensail.ru), Объединение православной молодежи «Воскресение» (www.woskresenie.ru) и др.). По данным Общественной палаты РФ, 30 % из зарегистрированных в стране НПО в той или иной степени специализируются на работе с детьми и молодежью. Огромное число молодежных организаций, как ни странно, не облегчает, а затрудняет осуществление Государственной молодежной политики. Государству трудно сориентироваться, с кем можно и надо работать. Это, как считают специалисты, и ведет к тому, что некоторые органы власти снова и снова пытаются создавать «сверху» такие организации молодежи, на которые они смогут опереться.

Кроме того, данные социологических исследований показывают, что в различных молодежных организациях состоит не более 6 % молодых россиян. Таким образом, в среднем в каждой из организаций состоит менее 4 членов, проживающих в основном в столичных городах и региональных центрах. Молодежь большинства малых городов и сельской местности не обладает даже информацией о деятельности молодежных организаций. Как мы показали выше, её трудно получить даже из официальных сайтов крупных молодежных организаций.

Традиционно принято предъявлять претензии государству в нежелании взаимодействовать с институтами гражданского общества. В то же время мы видим, что неполитические объединения молодежи не всегда готовы к такому взаимодействию. Так, очевидно, что государственные структуры продвинулись значительно дальше в развитии институтов e-democracy и e-government нежели многие молодежные структуры, которые, казалось бы, должны «владеть» виртуальной средой.

Мы приходим к выводу о том, что природа модернизации современного российского общества сложна и амбивалентна. Она соединяет задачи модернизации инновационного типа с решением «старых» задач «первичной» модернизации. Практика показала, что политической воли и профессионализма политических и государственных лидеров здесь не хватает. Требуется максимальное подключение потенциала гражданского общества, что даст возможность перейти от модернизации «сверху» к инициативе «снизу». В своем функционировании и развертывании «гражданское общество «переопределяет» границы государства и все больше способствует его продвижению в укреплении правовой государственности, опирающейся на модель «отзывчивой» бюрократии» [7, с. 3].

Государству необходимо формировать комплексный по своей природе субъект модернизационных изменений, определяя массовую базу их поддержки в тех слоях, осознанно заинтересованных в последовательных качественных изменениях, прежде всего – молодежи, активно участвующей в среднем и малом бизнесе, науке. Молодежь «по определению» стремится к обновлению жизни. Государство должно максимально учитывать её интересы, содействуя их развитию и самоорганизации, что достигается, как правило, самим гражданским обществом, но во взаимодействии с государством. Задача государства – снимать и разрешать противоречия, так как «здоровое гражданское общество» не должно быть «разделено какими-то базовыми противоречиями», так как «эти

противоречия мешали бы нашему обществу развиваться, мешали бы развитию экономики и экономических свобод» [12].

Публичная политика, проводимая государством, способствует налаживанию взаимодействия гражданского общества и государства, способствуя расширению секторов участия гражданского общества в политическом процессе. Партнерский тип публичной политики работы с молодежными структурами будет оптимален для взаимодействия государства и гражданского общества, соединения их усилий в деле политической и экономической модернизации.

Литература

1. Вакуленко, Г. А. Представительная демократия как фактор развития гражданского общества (вопросы теории и практики) [Текст] / Г. А. Вакуленко: автореф. дис... канд. юрид. наук. – Саратов, 2011. – 31 с.
2. Заславская, Т. И. О социально-трансформационной структуре российского общества [Текст] / Т. И. Заславская // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2000. – № 1 (45).
3. Заславская, Т. И. Социоструктурный аспект трансформации российского общества [Текст] / Т. И. Заславская // Социологические исследования. – 2001. – № 8.
4. Информация о деятельности Национального совета молодежных и детских объединений России (1997 – 2000 годы) [Текст] // Молодежные ведомости. – 2000. – Вып. № 4.
5. Кочетков, А. В. Теория правового регулирования государственной молодежной политики в России [Текст] / А. В. Кочетков: автореф. дис... д-ра юрид. наук. – СПб, 2010.
6. Медведев, Д. А. Выступление на совместном заседании Госсовета и Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте «О взаимодействии государственных органов власти и религиозных объединений в сфере духовно-нравственного развития и гражданского образования молодежи». [Электронный ресурс] / Д. А. Медведев. – Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2009/03/11/1802_type63378type82634_213863.shtml.
7. Молокова, М. А. Гражданское общество как фактор политической модернизации [Текст] / М. А. Молокова: автореф. дис... д-ра полит. наук. – Ярославль, 2011. – 41 с.
8. Национальный совет молодежных объединений России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.-youthrussia.ru/>.
9. О внесении изменений и дополнений в некоторые Постановления Правительства РФ по вопросам государственной поддержки молодежных и детских общественных объединений. Постановление Правительства Российской Федерации от 9 октября 1995 г. № 991 [Текст] // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 42. – Ст. 2503.
10. Председатель Правительства Российской Федерации В. В. Путин встретился со студентами высших образовательных учреждений Томска. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://premier.gov.ru/visits/ru/17867/events/17866/>.

11. Путин, В. В. Выступление на инвестиционном форуме «Россия-2012» 2 февраля 2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://premier.gov.ru/events/news/17938/>.

12. Путин, В. В. Выступление на съезде Российского союза промышленников и предпринимателей 9 февраля 2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://premier.gov.ru/events/news/18052/>.

13. Путин, В. В. Демократия и качество государства [Текст] / В. В. Путин // Коммерсантъ. – 2012, (6 февраля).

14. Российский союз молодежи. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruu.ru/>.

15. Совещание по вопросам модернизации и технологического развития российской экономики 15 мая 2009 г. Стенограмма. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.kremlin.ru.

16. Союз молодежи Кузбасса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruu.ru/pages.asp?cid=142>.

17. Теледебаты кандидатов в президенты. ВЦИОМ Пресс-выпуск №1937 26.01.2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112360>.

18. Council Resolution of 27 November 2009 On a renewed framework for European cooperation in the youth field (2010-2018) [Text]. – The Council of the European Union, 2009.

19. Putnam, R. Tuning in, Tuning out: the Strange Disappearance of Social Capital in America [Text] / R. Putnam // Political Science and Politics. – 1995. – Vol. XXVIII. – № 4.

20. The Future of Democracy in Europe: Trends, Analyses and Reforms. A Green Paper for the Council of Europe. Commissioned by the Secretary General of the Council of Europe. Integrated project «Making democratic institutions work Council of Europe» [Text]. Council of Europe Publishing. – Strasbourg, 2004.

УДК 341.33

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО: ДЕФИНИЦИЯ И СОДЕРЖАНИЕ (политологический аспект)

И. С. Малахов

INTERNATIONAL HUMAN LAW: DEFINITION AND CONTENT (politological aspect)

I. S. Malakhov

В статье рассматривается понятие «международное гуманитарное право» с позиций политической науки. Раскрывается политическая сторона гуманитарных основ «Женевских конвенций» и «Дополнительных протоколов».

Ключевые слова: *Международный Комитет Красного Креста, международное гуманитарное право, Женевские конвенции, Дополнительные протоколы, политологические аспекты осуществления международного гуманитарного права, защита жертв военных конфликтов и стихийных бедствий.*

This article deals with the notion of International Human Law from the standpoint of political science. We see the political side of the humanitarian framework of the Geneva Conventions & Additional Protocol.

Keywords: *International committee of the Red Cross, International Human Law, Geneva Convention, Additional protocols, politological aspects of realising International Human Law, protection of the rights of victims of armed conflicts and natural disasters.*

В последние годы международное гуманитарное право оказалось в центре оживленных и острых дискуссий. С одной стороны, оно подвергается беспрецедентной критике, а с другой – налицо объективно растущий интерес мирового сообщества к гуманитарным действиям. И для возникновения такой ситуации есть немало оснований.

Как известно, основатели Красного Креста, руководствуясь принципом гуманности, ставили перед собой весьма прагматичную задачу: оказывать реальную помощь раненым. А для того, чтобы реально осуществить такую задачу, они требовали от государств взять на себя обязательства на основе письменной зафиксированной договоренности, оформленной соответствующим образом. Это означало, как покажет последующее развитие событий, что изна-

чально гуманитарное действие [1] ставилось на прочную юридическую основу.

Таким образом, международное гуманитарное право, как его иногда определяют, является правом, находящем свое применение по время войны. Говоря иначе, международное гуманитарное право являет собой совокупность международных правил, призванных регулировать гуманитарные вопросы, связанные с вооруженными конфликтами.

Международное гуманитарное право имеет двойной объект своего воздействия: с одной стороны, оно призвано облегчать людские страдания, порожденные военными действиями, а с другой – оказывать реальную помощь лицам, пострадавшим от военных действий: раненым, пленным, а также гражданскому населению.

Именно в этом заключаются основные цели деятельности Международного Комитета Красного Креста. За прошедшие почти полтора столетия с момента создания Красного Креста это движение диверсифицировало свою деятельность как с точки зрения своей институционализации, так и с позиций своих конкретных действий. Известно, что Движение Красного Креста выходит далеко за рамки своего участия в оказании помощи жертвам вооруженных конфликтов. Оно принимает активное участие в оказании помощи беженцам и жертвам природных катастроф.

Понятие «международное гуманитарное право»

Международное гуманитарное право, которое ранее нередко называли «право войны», а теперь, все чаще, – «международное гуманитарное право» и «право вооруженного конфликта», представляет собой отрасль международного права.

Международное гуманитарное право, как известно, регулирует состояние войны (*jus ad bellem*) и ведение войны (*jus in bello*). История возникновения и развития института уголовной ответственности за военные преступления охватывает обширный многовековой период и содержит значительный фактический материал. По мнению историков, к первым попыткам правового регулирования боевых (военных) действий во время вооруженных конфликтов следует отнести деятельность китайского полководца Сунь Цзы (VI в. до н. э.). Определение же преступления против порядка (правил) ведения вооруженной борьбы было дано только пять веков спустя в Кодексе Ману (около 200 г. до н. э.). В последующем законы войны получили развитие в Древней Греции, римском и европейском праве.

Первым судебным процессом по делу о военных преступлениях считается, ставший хрестоматийным, суд над Петером фон Гагенбахом в Австрии, состоявшийся в 1474 г. Суд приговорил его к смертной казни.

Иван Грозный впервые в России установил ответственность за одно из военных преступлений – «посягательство на существовавшие в войсках отношения к личности (населению) и имуществу жителей театра войны». По свидетельству историков, Иван Грозный строго наказывал за насилие войск против местного населения, если на то не было особых дозволений.

В эпоху Петра I некоторые из военных преступлений, совершаемых в ходе военных действий, были предусмотрены в Уставе воинском 1715 – 1716 гг.: ограбление и разрушение при взятии городов церквей, школ, больниц; убийство и причинение других «обид» женщинам, детям, священникам и старикам; причинение убытков со стороны постояльца хозяину квартиры или члену его семьи, нанесение им побоев или оскорблений, разрушение строений, дворов, порча огорода, потрава посевов[2].

С тех пор индивидуальные права как политическая идея получили свое развитие и правовое закрепление в таких документах, как американская Декларация независимости, французская Декларация прав человека, Конституция США и конституции многих других государств.

XIX век отмечен интеграцией прав человека и международного гуманитарного права. Государства, в частности, признали незаконным работорговлю. В 1868 г. в Санкт-Петербурге была принята Декларация о запрете применения на войне разрывных пуль «дум-дум» [3] (Петербургская декларация) [4]. В 1899 г. на первой Гаагской конференции были приняты Конвенция о законах и обычаях сухопутных войн и Конвенция о мирном решении международных столкновений, которые вошли в комплекс норм международного гуманитарного права.

До начала Второй мировой войны были приняты важные акты в области гуманитарного права: в 1929 г. Женевские конвенции (об обращении с военнопленными, об улучшении участи раненных и больных в действующих армиях); в 1937 г. под эгидой Лиги Наций была разработана и подписана 29 государствами Конвенция о предупреждении терроризма и наказаниях за него (однако конвенция так и не вступила в силу) [5].

Международное гуманитарное право разрабатывалось в течение ряда столетий. Долгое время это осуществлялось в форме временных соглашений между конфликтующими сторонами, а потом, начиная с 1864 г., – в форме международных договоренностей.

Речь идет, как было уже отмечено, о праве, применяемом в период вооруженных конфликтов. Это право позволяет, с одной стороны, обеспечивать уважение к человеческой личности, уважение, сопоставимое с военными требованиями и публичным порядком, а с другой – ограничивать определенным образом проявление враждебности [6, с. 33].

Международное гуманитарное право, будучи частью международного права, вводит в действие определенно выраженную ответственность суверенных государств. Суверенные государства призваны уважать в случае возникновения вооруженных конфликтов некоторые обязательства не только по отношению к другим государствам-участникам конфликта, но также и по отношению к их гражданам. Речь в данном случае идет о *добровольном ограничении своего суверенитета*, признанном каждым государством в рамках определенной международной договоренности или принципов обычного права.

Международное гуманитарное право – это специфическое право, т. к. оно опирается на ряд соглашений и на богатую практику участия гуманитарных организаций в разрешении вооруженных конфликтов, число которых в начале нынешнего столетия столь же многочисленно, как и прежде. Сердцевину международного гуманитарного права в наши дни представляют собой Женевские конвенции, о которых речь пойдет ниже.

Женевские конвенции и совокупность документов современного международного гуманитарного права являются собой специфическое создание. Однако оно, как показывают многочисленные примеры, может эффективно использоваться в сложных международных ситуациях, когда брутальная сила конфронтации нуждается в определенном посредничестве. Многочисленные положения международного гуманитарного права открывают возможность, если не полного, то хотя бы частичного решения труднейших вопросов, возникающих как неразрешимые в случае возникно-

вения вооруженных конфликтов или гражданских войн.

Не рассматривая детально всей совокупности проблематики гуманитарного права (это предмет особого и прежде всего юридического рассмотрения), дадим общее описание гуманитарного права, методов его использования в политической практике.

Остановим свое внимание на следующих вопросах: описание конвенций; политическое использование права; способ гуманитарного использования права.

Поясним.

Описание конвенций позволяет раскрыть основные диспозиции Женевских конвенций на основе характеристики тех прав, которые в них заложены и которые уже получили не раз свое практическое осуществление во многих вооруженных столкновениях и конфликтных ситуациях. Такое описание позволяет увидеть и механизмы по реализации международного гуманитарного права.

При характеристике **политического использования права** открывается возможность идентификации: а) применяемого гуманитарного права; б) лиц, по отношению к которым применимо гуманитарное право; в) а также ситуации, вызывающие к жизни применение международного гуманитарного права.

Нужно сказать, что указанный подход мало что говорит о взаимодействии норм гуманитарного права между собой или об их практическом осуществлении. Он ничего не говорит обо всем том, что связано с финансированием гуманитарных действий. Между тем эффективное гуманитарное действие может осуществляться, конечно же, при наличии определенного и немалого объема финансирования.

Нет необходимости доказывать, что вопросы финансирования гуманитарных действий – это вопросы политические. Особенно, если учесть тот факт, что значительную роль в вопросах финансирования гуманитарных действий играют государства. Так, Барак Обама еще в период своей избирательной кампании заявил, что он сможет, будучи президентом США, удвоить вклад страны на гуманитарные цели, доведя его до 50 млрд долларов. Значительные обязательства берет на себя Евросоюз: в 2008 г. страны этой организации объявили о своем намерении довести к 2015 г. размер своей помощи неправительственным организациям до 0,7 % ВВП [7, с. 70 – 71]. Вопросы финансирования занимают весьма существенное место в деятельности Международного Комитета Красного Креста (МККК), которому удается из года в год наращивать вклад частного бизнеса в поддержку гуманитарных действий.

Финансирование гуманитарных действий осуществляется из самых разных источников. Оно даже географически является весьма распределенным. Но и при наличии определенного объема финансовых ресурсов нет возможности говорить о существовании определенной гуманитарной политики как таковой. Нужно признать, что гуманитарные организации стремятся в конкретных ситуациях придать форму своим действиям, учитывая политические реалии и те принуждения, которые являются следствием указанных реалий. В силу этого, гуманитарные организации не могут проводить финансовую политику на долговре-

менной основе. В своих конкретных действиях эта политика всегда носит конъюнктурный характер.

Политическое использование гуманитарного права предполагает учет того, что называется гармонизацией между собой различных прав. Существует некая иерархия норм гуманитарного права, которая далеко не в полной мере получает выражение на практике. Эта иерархия некоторые неотчуждаемые права ставит выше, чем их понимает и реализует мандат той или иной отрасли гуманитарного действия. Это означает, что мандат гуманитарной организации, какой бы значительной не была его важность в определенной ситуации, никогда не должен превалировать над тем, что называется *уважением прав личности*. Мандаты, получаемые гуманитарными организациями, не должны сопровождаться отказом от обязательств указанных организаций перед лицом жертв или лиц, нуждающихся в гуманитарной помощи. Речь, как видим, идет об определенной, можно сказать, политической ответственности лиц и организаций, принимающих участие в гуманитарном действии.

Сказанное нами должно рассматриваться и в перспективе разделения компетенций и специфического действия различных гуманитарных акторов.

Способ гуманитарного характера использования права предполагает защиту позиций, политических решений организаций, что включает в себя и защиту права как такового.

В 2005 г. МККК провел исследование: «Обычное международное гуманитарное право. Нормы» [8], которое получило высокую оценку специалистов и на которое в своих решениях ссылаются международные судебные инстанции, например, Международный трибунал по бывшей Югославии. Значение, которое МККК придает «законам человечности», натолкнулось на жесткую критику со стороны США. В 2007 г. американские юристы, дискутируя с МККК [9], выразили озабоченность тем, что в обычном гуманитарном праве «законам человечности» придается большее значение, чем военной необходимости. Было также высказано мнение, что определение «международное гуманитарное право» ошибочно и необходимо вернуться к классическому термину «военное право» [10, с. 15 – 16].

Речь, как видим, идет о необходимости защиты гуманитарного права, что могут делать только независимые юристы. Значительную роль в утверждении принципов гуманитарного характера использования права играют, вне всякого сомнения, юристы МККК. Вне МККК юристы, отстаивающие использование права на основе гуманитарных принципов, действуют в рамках обычного международного гуманитарного права.

а) Скрытые ситуации: война и мир

Право никогда не бывает нейтральным при своей интерпретации. И потому юридические интерпретации конкретных ситуаций подчас требуют немало времени. И нередко получается так, что конфликты завершаются раньше, чем они получают свою развернутую правовую интерпретацию.

Такое запаздывание, если оно происходит, вовсе не означает, что жертвы международных или внутренних вооруженных конфликтов оказываются ли-

шенными помощи и защиты. Действующих положений гуманитарного права в целом хватает для того, чтобы такую помощь оказывать.

Когда мы говорим о запаздывании правовой обработки новых граней вооруженных конфликтов, имеется в виду то, что работа юристов в деле выработки новых положений гуманитарного права направлена в будущее. Она осуществляется для того, чтобы вооружить соответствующими механизмами права гуманитарные организации при возникновении в будущем конфликтов.

Все четыре Женевские конвенции и два Дополнительных протокола распространяются на ситуации, которые подходят под определение двух видов конфликтов. Женевские конвенции и Дополнительный протокол I применимы к так называемым *международным военным конфликтам*. А Дополнительный протокол II относится также к *военным конфликтам, но являющимся немеждународными* конфликтами.

Нужно сказать, что некоторые положения конвенций отстаивают абсолютные, неотъемлемые права, применимые во все времена и в любом месте.

Такая характеристика определяется следующими положениями.

Каждая из сторон, находящихся в конфликте, обязана применять, как минимум, следующие положения:

1. Лица, которые непосредственно не принимают участия в военных действиях, включая все те лица из состава вооруженных сил, которые сложили оружие или перестали принимать участие в военных действиях вследствие болезни, ранения, задержания или по любой другой причине, должны *при всех обстоятельствах* пользоваться гуманным обращением без всякой дискриминации по причине расы, цвета кожи, религии или веры, пола, происхождения или имущественного положения или любых других аналогичных критериев.

С этой целью *запрещаются, всегда и всюду будут запрещаться* следующие действия в отношении вышеуказанных лиц:

a) посягательство на жизнь и физическую неприкосновенность, в частности, всякие виды убийства, увечья, жестокое обращение, пытки и истязания;

b) захват (взятие) заложников;

c) посягательство на человеческое достоинство, в частности, оскорбительное и унижающее это достоинство обращение;

d) осуждение и применение наказания без предварительного судебного решения, вынесенного надлежащим образом учрежденным судом, при наличии судебных гарантий, *признанных необходимыми* цивилизованными нациями.

2. Раненных и больных будут подбирать, и им будет оказана помощь [11, с. 604].

Во втором Дополнительном протоколе со всей определенностью подтверждаются основные гарантии для всех лиц, попавших в трудные ситуации:

«Все лица, не принимавшие непосредственного участия или прекратившие принимать участие в военных действиях, независимо от того, ограничена их свобода или нет, имеют право на уважение своей личности, своей чести, своих убеждений и своих религиозных обрядов. *При всех обстоятельствах* с ними

обращаются гуманно и без какого-либо неблагоприятного различия. Запрещается отдавать приказ не оставлять никого в живых» [12, с. 794 – 795]. (Выделено нами. – И.М.)

Данные положения опираются на диспозиции второй Женевской конвенции, в которой речь идет об улучшении участи раненных, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение из состава вооруженных сил на море [12, с. 625 – 628].

Реализация положений, заложенных в Женевских конвенциях и Дополнительных протоколах, гарантирует гуманное обращение со всеми лицами, попавшими в перечисленные трудные ситуации.

Можно со всей определенностью утверждать, что дух и буква Женевских конвенций и указанных Дополнительных протоколов характеризуются тем, что даже в непредвиденных гуманитарным правом обстоятельствах любой человек остается под защитой принципов человечности, гуманности. Именно так ставится вопрос в указанных конвенциях.

Нужно сказать и о том, что Женевские конвенции играют существенную роль в вопросах квалификации конфликтов.

Гуманитарное право является универсальным, и оно наделено рядом отступлений по отношению к классическому международному праву. Факт непризнания Женевских конвенций не отменяет обязательств государств в гуманитарной области: *все государства обязаны действовать в соответствии с диспозициями Женевских конвенций, исходя из принципов гуманитарного права, которое сформировалось в отношениях между цивилизованными нациями, законов человечности и требований, исходящих от публичного сознания*.

Так, в статье 1 п. 2 Дополнительного протокола I со всей определенностью говорится: «В случаях, не предусмотренных настоящим Протоколом или другими международными соглашениями, гражданские лица и комбатанты остаются под защитой и действием принципов международного права, проистекающих из установившихся обычаев, из принципов гуманности и из требований общественного сознания» [12, с. 732].

Гуманитарное право применимо в полном объеме, и оно не может зависеть от ратификации его тем или иным государством или от квалификации той или иной конкретной ситуации. Правда, было бы большим упрощением полагать, что на пути реализации этого права не встречается трудностей в тех или иных государствах.

Отметим: указанное право воплощает на практике гуманные принципы в период трудных ситуаций. Оно квалифицирует состояние юридического консенсуса в данный момент и определяет состояние признанных гуманитарных принципов и механизмов их реализации.

Первый Дополнительный протокол уточняет, что «выражение «нормы международного права, применимого в период вооруженных конфликтов» означает нормы, применимые в период вооруженных конфликтов, приведенные в международных соглашениях, участниками которых являются стороны, находящиеся в конфликте, а также общепризнанные принципы и нормы международного права, применяемые к вооруженным конфликтам» [12, с. 733].

Гуманитарное право не распространяется на вооруженные силы воюющих государств, которые «состоят из всех организованных вооруженных сил, групп и подразделений, находящихся под командованием лица, ответственного перед этой стороной за поведение своих подчиненных, даже если эта сторона представлена правительством или властью, не признанными противной стороной. Такие вооруженные силы подчиняются внутренней дисциплинарной системе, которая, среди прочего, обеспечивает соблюдение норм международного права, применяемых в период вооруженных конфликтов».

И далее в этой же статье Дополнительного протокола I говорится: «Лица, входящие в состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте (кроме медицинского и духовного персонала...), являются комбатантами, т. е. они имеют право принимать непосредственное участие в военных действиях».

Всякий раз, когда сторона, находящаяся в конфликте, включает в свои вооруженные силы полувоенную организацию или вооруженную организацию, обеспечивающую охрану порядка, она уведомляет об этом другие стороны, находящиеся в конфликте» [12, с. 755 – 756].

Наконец, первая Женевская конвенция определяет, что, в случае возникновения вооруженного конфликта, его участники «будут стараться путем специальных соглашений ввести в действие все или часть остальных положений настоящей конвенции» [12, с. 604].

Как было уже отмечено нами выше, гуманитарное право применяется в полном объеме. Его реализация не может зависеть даже от факта ратификации или нет основных документов гуманитарного права тем или иным государством, или от квалификации, к примеру, определенным государством той или иной конкретной ситуации. Это позволяет утверждать, что стороны конфликта никогда не должны быть связаны с тем, что называется «квалификация ситуации» и правом, которое с ней (конкретной ситуацией) связано.

Гуманитарное право воплощает на практике гуманитарные принципы в период сложных конфликтных ситуаций. И эти принципы, несмотря на все трудности своего осуществления, становятся основой для спасения гражданского населения, больных и раненых из числа комбатантов.

Эффективность гуманитарного права на практике во многом зависит от состояния и масштабов юридического консенсуса в данный момент по принципам этого права. А это, в свою очередь, создает предпосылки для выработки реальных механизмов реализации этих принципов.

В символическом плане совершенствование механизмов реализации положений гуманитарного права не позволяет государствам замыкаться в рамках квалификации того или иного конфликта, выработки аргументации для нератификации или неприменения текстов указанного права на основе трактовки (квалификации) возникшего конфликта.

б) Защищаемые лица: солдат и гражданское лицо

Женевские конвенции, как, впрочем, и два Дополнительные протокола, со всей определенностью

определяют тех лиц, которые попадают по своему статусу под категорию защищаемых лиц. В Женевских конвенциях говорится о раненных и больных представителях воюющих армий [13], раненных, больных и лицах, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море [14], содержании военнопленных, а также гражданских лицах во время войны.

В первом приближении может сложиться впечатление, что предпочтение в Конвенциях отдается военным лицам. Такой подход сложился исторически и отражал степень развития гуманитарного права. Однако в последующем постепенно шло совершенствование гуманитарного права и его дальнейшее развитие.

Сказывалось и то, что гуманитарное право существенно отличается от той юридической области, которая связана с правами человека. В то же время есть немало вопросов, которые, как говорится, находятся на стыке указанных областей действия права.

В самом деле. Как уже было отмечено выше, в Женевских конвенциях говорится, что раненные и больные должны получать уход. Это означает, что конвенции не вводят никакого ограничения для категорий лиц, которым этот уход должен оказываться. *Единственным моментом, что может различать уход за военными или гражданскими лицами, является медицинский императив.*

Взять, скажем, постановку вопроса оказания медицинской помощи во второй Женевской конвенции. Здесь говорится:

«Личный состав вооруженных сил и прочие лица... которые, находясь в море, будут ранены, больны или потерпят кораблекрушение, должны пользоваться покровительством и защитой при всех обстоятельствах, причем термин «кораблекрушение» будет применяться ко всякому кораблекрушению, независимо от обстоятельств, при которых оно произошло, включая вынужденные посадки самолетов на море или падение в море» (Выделено нами. – И. М.).

В любых обстоятельствах указанные выше лица должны получать гуманное отношение и получать, в меру возможности и в самое короткое время, медицинский уход, который требует их состояние. «Только по медицинским причинам неотложного характера допускается преимущество в очередности оказания медицинской помощи» [15].

Роль медицинской миссии определяется по ее природе как раз на этих границах. Именно в этих границах действует неправительственная организация «Врачи без границ». По самой своей сути оказание медицинской помощи может выходить за рамки легальности: врач призван оказывать медицинскую помощь любому, кто в ней нуждается, в том числе и врагу. При этом есть все основания утверждать, что медицинское действие [11, с. 731 – 792] занимает привилегированное положение в гуманитарном праве.

В самом деле. Посещение лагерей смерти представителями Международного Комитета Красного Креста во время Второй мировой войны, участие врачей в пытках, имеющих место, в том числе и в наши дни, ставят непростые вопросы по поводу сути медицинского гуманитарного действия.

Нужно сказать, что диспозиции Женевских конвенций и Дополнительных протоколов, изложенные в отношении армий и некоторых других категорий населения, не должны рассматриваться с позиций конкуренции с правами других категорий населения. Военного, вооруженного человека или комбатанта, в соответствии с буквой и духом гуманитарного права, нужно рассматривать как лицо, которое в определенное время нуждается (может нуждаться) в медицинской помощи. Правда, в современных войнах ситуация решительно изменилась. Это изменение связано с тем, что наряду с военными, а подчас и в значительно больших масштабах, страдают и гражданские лица.

Два Дополнительных протокола от 1977 г. обратили внимание на эти вопросы. Они подтвердили неограниченную ничем интерпретацию Женевских конвенций.

Показательным является и название указанных протоколов. Первый протокол посвящен «защите жертв международных вооруженных конфликтов» [11, с. 732]. И он не вводит различий между гражданскими и военными жертвами. Второй – касается «защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера». И опять скажем о том, что в указанных документах нет указаний на различия между категориями «жертв».

В Дополнительном протоколе I говорится: «В случаях, непредусмотренных настоящим Протоколом или другими международными соглашениями, гражданские лица и комбатанты остаются под защитой и действием принципов международного права, происходящих из установившихся обычаев, из принципов гуманности и из требований общественного сознания» [11, с. 732].

Эти тексты берут на себя заботу о защите индивидов в рамках общего подхода. Нет никакого замещения или изъятия норм в деле защиты тех, кто по разным причинам оказался в трудной ситуации реальной жертвы.

В преамбуле Дополнительного Протокола II прямо говорится о защите гражданского населения в случае немеждународного вооруженного конфликта.

Говорится, в частности, о том, что «гуманитарные принципы, изложенные в статье 3, общей для Женевских конвенций от 12 августа 1949 г., лежат в основе уважения человеческой личности в случае вооруженного конфликта, не носящего международного характера» [11, с. 793]. К этому следует добавить: международные инструменты защиты прав человека обеспечивают каждому лицу фундаментальную защиту. Этот протокол усиливает диспозицию Женевских конвенций в том, что касается обеспечения минимальных гарантий в защите в любое время и в любом месте для защиты гражданского населения.

В четвертой Женевской конвенции говорится: «Диспозиции настоящей части дополняют нормы гуманитарного права в отношении гражданских лиц и благ гражданского характера власти одной из сторон конфликта, описанные в IV конвенции... а также в других нормах, применимых к международному праву, которые обеспечивают защиту фундаментальных прав человека во время вооруженного конфликта международного характера».

Наконец, права, определенные Женевскими конвенциями, напоминают фундаментальные права человека, такие, как право на жизнь, физическую неприкосновенность, запрет пыток, запрет организации голода. Средства осуществления этих прав могут различаться. В мирное время политическая и судебная системы страны должны делать все необходимое для уважения этих прав при международном контроле извне. Во время конфликта вмешательство внешнего посредника, нейтрального по отношению к данному конфликту, является необходимым условием сохранения указанных прав.

с) Фундаментальные права: защищенность, здоровье, питание

При оценке мандатов гуманитарных организаций или гарантированных фундаментальных прав можно выделить совпадение усилий в области трех главных человеческих вопросов: жизнь, здоровье и питание.

В ст. 3, общей для всех Женевских конвенций, и во всех статьях, которые ее дополняют, не создается некоего отдельного права, лишь только укрепляются позиции сопротивления опасным возможным последствиям вооруженных конфликтов на основе использования человеческой мудрости и исторического опыта.

– Запрет на убийства, пытки и жестокое нечеловечное обращение. Иногда эти элементы указанного запрета называют *правом на жизнь*. Совокупность данных элементов являет собой более чем право, ибо связана с некими обязательствами, несоблюдение которых подвергается уголовному преследованию. Соблюдение такого рода диспозиций, конечно же, в определенной мере связано с реализацией права на жизнь. Однако, как нам представляется, правы и те, кто полагает, что данная диспозиция непосредственно связана с тем, что называется безопасностью.

– Обязательство оказывать всегда заботу о больных. В Дополнительном протоколе I усилено положение Женевских конвенций о соблюдении медицинской этики. Эта проблематика далеко не случайно стала частью международного права. В частности, уточнено:

а) «ни при каких обстоятельствах ни одно лицо не может быть подвергнуто наказанию за выполнение им медицинских функций, совместимых с медицинской этикой, независимо от того, в интересах какого лица выполняются эти функции» [11, с. 741 – 742];

б) «лица, выполняющие медицинские функции, не могут принуждаться к совершению действий или выполнению работ в нарушение норм медицинской этики или других медицинских норм, служащих интересам раненных и больных, или в нарушение положений Конвенций, или настоящего Протокола, а также к невыполнению действий или работ, требуемых такими нормами и положениями» [11, с. 742].

В Дополнительном протоколе II, помимо подтверждения данных положений, содержится указание на то, что «с учетом национального законодательства необходимо уважать профессиональные обязательства лиц, выполняющих медицинские функции, связанные с информацией, которую они могут получить относительно раненных и больных, находящихся на их попечении». При этом утверждается, что «ни одно

лицо, выполняющее медицинские функции, никоим образом не может быть подвергнуто наказанию за отказ предоставить информацию или за непредоставление информации относительно раненных и больных, которые находятся или находились на его попечении» [11, с. 799].

– Особый раздел гуманитарного права связан с защитой права людей на питание. Так, в ст. 54 Дополнительного протокола I со всей определенностью записано: «Запрещается использовать голод среди гражданского населения в качестве метода ведения войны», а в дополнение к данному положению в Дополнительном протоколе II говорится: «Запрещается в этих целях подвергать нападению, уничтожать, вывозить или приводить в негодность объекты, необходимые для выживания гражданского населения, также как запасы продуктов питания. Производящие продовольствие сельскохозяйственные районы, посевы, скот, сооружения для снабжения питьевой водой и запасы последней, а также ирригационные сооружения» [11, с. 762, 800].

Указанные нами положения образуют собой основу для защиты права на питание людей в странах, оказавшихся в условиях вооруженного конфликта.

Это значит, что наряду с правом на здоровье и на жизнь существует и право на питание. Но право само по себе не очень эффективно в период острых конфликтов. Оно должно сопровождаться определенными процедурами своего осуществления. В современных условиях существует небольшое число юридических обязательств в области питания. Женевскими конвенциями указывается, что государства не могут препятствовать помощи в питании гражданскому населению. Государство лишь может выдвигать требование в том, чтобы продовольственная помощь оказывалась «либо государствами, либо беспристрастными гуманитарными организациями, как, например, Международным Комитетом Красного Креста» с тем, чтобы питание попало именно в руки гражданского населения [11, с. 698 – 699].

В Дополнительном протоколе I в ст. 69 прямо говорится, что «меры по оказанию помощи гражданскому населению оккупированных территорий регулируются статьями 59 – 62, 108 – 111 четвертой Женевской конвенции, а также статьей 71» указанного только что Протокола. Они осуществляются без промедления [11, с. 774]. Это означает, что стороны, находящиеся в конфликте, «разрешают быстрый и беспрепятственный провоз всех поставок, оборудования и персонала, предоставляемых с целью оказания помощи... и содействуют ему, даже если такая помощь предназначена для гражданского населения противной стороны» [11, с. 774 – 775].

Кроме того, в Женевских конвенциях вопрос питания распространяется и на заключенных, и на население, оказавшееся на оккупированных территориях. Так, в третьей Женевской конвенции записано: «Основной суточный рацион питания должен быть достаточным по количеству, качеству, разнообразию для того, чтобы поддерживать хорошее состояние здоровья у военнопленных и не допускать потери веса или явлений, связанных с недостатком питания. Следует также считаться с привычным для пленных режимом питания» [11, с. 642].

Такой же подход к проблемам питания подтвержден в четвертой Женевской конвенции. В статье 89 данной конвенции записано: «Дневное пищевое довольствие интернированных должно быть достаточным по количеству, качеству и разнообразным для того, чтобы обеспечивать нормальное состояние их здоровья и предотвратить явления, связанные с недостатком питания...»

Кроме того, интернированные получают возможность готовить самим пищу из дополнительных продуктов, которыми они могли бы располагать.

Им будет доставляться питьевая вода в достаточном количестве. Курение табака должно быть разрешено.

Работающие будут получать дополнительное питание соразмерно с родом выполняемой ими работы» [11, с. 708].

Данный подход распространяется и на вопросы питания в лагерях беженцев.

Согласно Женевским конвенциям, защита и помощь жертвам строятся на основе этих трех элементов: безопасность, здоровье, питание. Понятие «помощь» применимо в отношении действий, направленных на гражданские лица.

Это различие является очень важным в определении характера гуманитарного действия, которое предполагает определенное обязательство и различную ответственность в каждом из этих случаев. Правда, это терминологическое различие не всегда оценивалось соответствующим образом другими участниками гуманитарного действия.

Политическое значение международного гуманитарного права определяется тем, что только на его основе можно ограничивать варварскую жестокость военных действий. Война, как таковая, по своей сути является криминогенным феноменом, ибо основывается на насилии, которое, в свою очередь, не может не порождать насилие, что нередко способствует превращению обычных людей в убийц, не имеющих жалости к своим жертвам. Как справедливо отмечал президент МККК Якоб Келленбергер: «Даже у войны есть пределы, и если бы существующие нормы чаще соблюдались, можно было бы в значительной степени избежать страданий, причиняемых вооруженными конфликтами» [17].

Физические и психологические последствия войн являются труднопереносимыми как для комбатантов, так и для обществ. И исторической заслугой основателей Движения Красного Креста является то, что они смогли не только поставить задачу гуманизации военных действий, но и реально организовать на правовой основе гуманитарное действие, ставшее важным звеном международной практики в условиях войны и вооруженных конфликтов.

Литература

1. Желтов, В. В. Гуманитарное действие: дефиниция и современная трактовка / В. В. Желтов, И. С. Малахов // Сибирский социологический вестник. – 2007. – № 6; Малахов, И. С. Основания и критерии гуманитарного действия / И. С. Малахов // Политика регионального развития: проблемы и подходы: сборник научных трудов. – Кемерово, 2009.

2. Режим доступа: <http://www.voenprav.ru/doc-2718-2.htm>.
3. «Дум-дум» (англ. Dum-Dum) – изготовленная фабричным путем полуболочная пуля с конструктивно предусмотренной неполной оболочкой, или же переделанная кустарным путем обыкновенная пуля со слегка надпиленной механически оболочкой, которая при попадании наносит более тяжелые ранения, чем обычные оболочные пули. Название происходит по месту изобретения – предместью Калькутты Дум-Дум (Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%C4%F3-%EC%E4%F3%EC>).
4. Петербургская декларация: «Об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль».
5. Cf. International human rights and humanitarian law: Treaties, cases, a. analysis / F. F. Martin, S. J. Schaubly, R. J. Wilson, J. S. Simon, M. V. Tushnet. – N. Y.: Cambridge, 2006.
6. Buirette, P., Lagrange Ph. Le droit international humanitaire / P. Buirette. – P., 2008.
7. Le Coconnier, M.-L. L'action humanitaire / M.-L. Le Coconnier, B. Pommier. – P., 2009.
8. Хенкертс, Ж.-М. Обычное международное гуманитарное право. Нормы / Ж.-М. Хенкертс, Л. Досвальд-Бек. – Режим доступа: <http://www.icrc.org/Web/rus/siterus0.nsf/iwpList99/03AA9233FD475EADC325722E002BDC35>.
9. Hollis, D. The empirie strikes back – Debating of the customary laws of war / D. Hollis. – Режим доступа: <http://www.opiniojuris.org/posts/117865249.shtml>.
10. Международное гуманитарное право и новые вызовы мировому порядку: сб. обзоров и рефератов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. отд. правоведения; отв. ред. Е. В. Алферова. – М., 2009.
11. Женевская конвенция об улучшении участи раненных и больных в действующих армиях // Действующее международное право: в 3-х т. – М., 1997. – Т. 2.
12. Дополнительный протокол II к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера // Действующее международное право: в 3-х т. – Т. 2.
13. Первая Женевская конвенция.
14. Вторая Женевская конвенция.
15. Женевская конвенция об улучшении участи раненных и больных в действующих армиях // Действующее международное право: в 3-х т. – Т. 2.
16. Brauman, R. La medecine humanitaire / R. Brauman. – P., 2009.
17. <http://www.icrc.org/web/rus/siterus0.nsf/htmlall/geneva-convention-60-news-060809>.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 37(004.9+056.262)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ И КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЖИЗНЕННОМ САООПРЕДЕЛЕНИИ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ ПО ЗРЕНИЮ

И. Б. Ахпашева

THE USAGE OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES FOR LIFE DETERMINATION OF EYESIGHT DISABLED YOUNG PEOPLE

I. B. Akhpasheva

В данной статье рассматриваются основные направления использования информационных и коммуникационных технологий, а также их роль в жизненном самоопределении людей с ограниченными зрительными возможностями. Автором раскрыта сущность понятий «жизненное самоопределение», «информационно-коммуникационные технологии».

Ключевые слова: самоопределение, жизненное самоопределение, самоопределяющаяся личность, информационные и коммуникационные технологии, инвалид по зрению.

Main directions of usage of information and communication technologies and their role for eyesight disabled young people are considered in this article. The author covers the following phenomena: «life self-determination», «Information and Communication Technologies».

Keywords: self determination, life self-determination, a self-determining person, information and communication technologies, an eyesight disabled person.

Проблема жизненного самоопределения человека в современном обществе становится все более акту-

альной. Это связано со многими факторами: социально-экономическими преобразованиями в обществе,

кризисами, стремительно меняющимися условиями жизни, неопределенностью внешних социальных ориентиров. С другой стороны, внимание к проблеме жизненного самоопределения вызвано естественной потребностью человека найти свое место в жизни и адаптироваться в современном обществе. В связи с этим целевой функцией системы образования должно стать воспитание свободной, активной, социально-мобильной, инициативной личности, самостоятельно адаптирующейся в современном обществе, а также формирование в ней потребности в самообразовании, самосовершенствовании, саморазвитии.

В Законе РФ «Об образовании» прописано, что содержание образования должно быть ориентировано на «обеспечение самоопределения личности, создание условий для ее самореализации» [1]. Особое значение решение этой задачи имеет для лиц с ограниченными физическими возможностями, в частности, для инвалидов по зрению, где на жизненное самоопределение, помимо субъективных и объективных факторов, влияет нарушение зрения. В связи с чем перед педагогами встает новая образовательная задача – оказание помощи человеку с ограниченными физическими возможностями в формировании не только базовых знаний, но и его жизненного самоопределения. По этому поводу Л. И. Солнцева пишет: «проблема формирования социальных навыков, навыков общения со зрячими, умений оценивать различные ситуации, как в профессиональных, так и в бытовых условиях, играет не меньшую роль, чем чисто академические знания, которые получают в процессе усвоения школьной программы» [7, с. 10].

Результаты исследований и практика свидетельствуют, что проблема жизненного самоопределения инвалидов по зрению стоит остро. Большинство незрячих и слабовидящих испытывают трудности в выборе жизненных принципов и позиций, недостаточно определены жизненные цели и смысл жизни, не готовы к самостоятельной жизнедеятельности на основе соотношения своих желаний, способностей, возможностей и требований, предъявляемых со стороны других людей, общества. Многие не знают принципов профессионального самоопределения и механизма поиска работы. Очевидно, наличие зрительной патологии оказывает существенные влияния на их жизненное самоопределение в связи с той огромной ролью, которую играет зрение в жизнедеятельности человека. Также недостаточный уровень толерантности общества по отношению к инвалидам, значительно уменьшают их жизненные шансы и осложняют полноценное включение в различные сферы общественной жизни, приводит к недооценке своих возможностей, что негативно влияет на их самоопределение (В. З. Денискина, Л. И. Солнцева, Б. И. Коваленко, А. Г. Литвак и др.).

С другой стороны, в современных условиях существенно расширяются возможности выбора средств и способов жизненного самоопределения, обусловленные информационным обществом и повсеместным использованием информационных и коммуникационных технологий (ИКТ). ИКТ, как совокупность способов получения, преобразования и хранения информации прочно вошли во все сферы жизнедеятельности человека, сегодня невозможно представить ни одну

область жизнедеятельности без компьютерной техники, современных средств коммуникации и связи. Воздействие ИКТ распространяется на образ жизни людей, их образование, работу и досуг. В настоящее время во всех социальных сферах ИКТ играют универсальную роль, выступая не только как эффективные средства доступа к информации и коммуникации, но и как средство самореализации, самообразования, саморазвития и самоопределения. Современный уровень развития ИКТ позволяет также создать такие аппаратные и программные средства, которые компенсируют зрительное ограничение по взаимодействию человека с компьютером и обеспечивают ему доступность информационного пространства.

На сегодняшний день в отечественной педагогике и психологии накоплен богатый опыт в области теории самоопределения, где раскрываются различные аспекты самоопределения: психологические основы самоопределения (К. А. Абульханова-Славская, Е. А. Климов, А. Н. Леонтьев, А. В. Петровский, С. Л. Рубинштейн, Л. И. Божович, И. С. Кон и др.), профессионального самоопределения (С. Н. Чистякова, Н. Ф. Гейжан, А. Л. Журкина, Е. А. Климов, Н. С. Пряжников и др.), философский аспект самоопределения (А. В. Грибакин, А. А. Гусейнов, Л. М. Архангельский, В. Г. Афанасьев, О. Г. Дробницкий, В. И. Никонов, В. Н. Бакштановская, Д. Ж. Валеев, А. Г. Здравомыслов, Н. Д. Зотов и др.), социального самоопределения (В. С. Собкин, Т. Н. Кухтевич и др.), основу самоопределяющейся личности отмечают Б. Г. Ананьев, В. А. Бодров, Е. И. Головаха, О. С. Газман и др. В последнее время появилось ряд исследований по формированию и подготовке профессионального самоопределения лиц с ограниченными физическими возможностями (С. В. Телешева, Е. О. Гордиевская и др.), психологические факторы преодоления жизненных трудностей инвалидами по зрению (Е. А. Иванова). Теоретическими и прикладными исследованиями использования компьютерных технологий как средства совершенствования системы специального образования занимаются ученые Института коррекционной педагогики (О. И. Кукушкина, Т. К. Королевская, Е. Л. Гончарова и др.). Вместе с тем исследований посвященных жизненному самоопределению инвалидов по зрению средствами ИКТ практически нет, за исключением работ узкого круга авторов статей о роли ИКТ в образовании, самообразовании, самореализации незрячих и слабовидящих. Также отсутствуют работы, посвященные вопросам научного обоснования и разработки практических средств, методов и форм жизненного самоопределения инвалидов по зрению, способствующих решению указанной проблемы. Малоизученным является вопрос о специфике жизненного самоопределения и включения в общественные отношения инвалидов по зрению средствами ИКТ.

Таким образом, проблема жизненного самоопределения молодых людей с инвалидностью по зрению, а также роли современных ИКТ в жизненном самоопределении инвалидов по зрению, не стали объектом специального исследования в педагогической науке.

Под жизненным самоопределением мы понимаем наличие собственных взглядов, установок и жизненной позиции личности, выбор того или иного образа

жизни. Это осознанное деятельное отношение человека к жизни с целью самосовершенствования и жизненного самопроявления. Под самоопределяющейся личностью понимается самостоятельный человек, самостоятельно и осознанно принимающий решения, находящий оптимальный путь решения жизненных проблем, способный самостоятельно ставить перед собой жизненные цели и достигать их решения, несмотря на физические ограничения. По мнению В. Д. Шадрикова, жизненное самоопределение характеризует человека как субъекта собственной жизни и собственного счастья и поэтому должно стоять на первом месте в структуре целей воспитания, выступая как этап самореализации человеком [9]. Н. С. Пряжников считает, что сущностью жизненного самоопределения является «самостоятельное и осознанное нахождение смыслов жизни и всей жизнедеятельности в конкретной культурно-исторической ситуации» [6, с. 23].

Благодаря работам О. С. Газмана, С. В. Бондаревской, В. В. Горшковой, В. В. Зайцева, А. В. Мудрика, А. Н. Тубельского, И. А. Колесникова, Н. Ф. Головановой, Б. М. Бим-Бада и многих других ученых, в рамках устанавливаемой концепции личностно-ориентированной модели образования указывается на самоопределение как ведущую ценность. Исследователь О. С. Газман считает, что самоопределение личности и связанные с ним процессы самореализации, самоорганизации и само-реабилитации являются главным предметом воспитательной деятельности педагога [2]. Интересна для развития теории жизненного самоопределения – развивающая социальная политика, где важным составляющим является «формирование готовности людей, находящихся в трудной жизненной ситуации, к современным продуктивным формам мобильности, прежде всего образовательной (как новое самоопределение в будущем социальном и профессиональном статусе) и социокультурной (самоопределение в будущем образе жизни)». Здесь (социальной программе открытого типа) предполагается формирование «базовых или сквозных компетенций, к которым относятся способности к коммуникации, к идентификации и способности к самоорганизации своего быта, жизнедеятельности, жизненных перспектив» [8, с. 45].

Одним из эффективных средств, по нашему мнению, формирования и усиления жизненного самоопределения являются ИКТ.

Распространение ИКТ обеспечивает людям, не способным видеть, невиданные ранее возможности доступа к информации и знаниям, открывает новые горизонты в познании других людей и окружающего мира, позволяет реализовывать свой потенциал и улучшить качество жизни, дает возможность общаться и работать.

Можно привести множество примеров достижений инвалидов в науке, бизнесе, культуре и других сферах деятельности с использованием ИКТ. В Москве живет и работает слепоглохой ученый, доктор психологических наук, профессор Университета Российской академии образования, действительный член академии информатизации при ООН, педагог, писатель, поэт, автор множества книг и публикаций Суворов Александр Васильевич. Благодаря компьютеру и

Интернет ведет активную научную и творческую жизнь. Во время его визита в Одессу, организованного Ассоциацией пользователей сетей телекоммуникаций «Сети без границ», в интервью он сказал, что для него компьютер – все, «с его помощью читаю, пишу книги, общаюсь, зарабатываю» [10]. И таких примеров можно привести множество.

В современных источниках ИКТ представляют собой различные устройства, механизмы, способы, алгоритмы обработки информации. Они характеризуются использованием компьютерной техники и телекоммуникационными средствами для реализации информационных процессов в целях поиска, сбора, создания, обработки, хранения, распространения информации и предоставления продуктов и услуг для удовлетворения информационных потребностей. К ним, прежде всего, относятся: персональный компьютер как универсальное устройство обработки информации; устройства для ввода/вывода информации; глобальная сеть Интернет; различные программные обеспечения прикладного и специализированного назначения и др.

Рассмотрим основные направления использования ИКТ инвалидами по зрению в жизнедеятельности и в формировании жизненного самоопределения.

Использование ИКТ как средства компенсации слепоты и слабовидения. Одним из главных условий в формировании жизненного самоопределения незрячих и слабовидящих является обеспечение информацией: об окружающем мире, о современном обществе, мире профессий, и одной из проблем, с которыми сталкиваются незрячие, это доступность информации и информационного взаимодействия. По мнению ученых, ведущую роль в процессе получения информации из окружающего мира принадлежит зрению. По разным статистическим данным, человек воспринимает с помощью зрения от 75 до 90 процентов получаемой информации. И поэтому легко представить, в какое тяжелое положение попадает человек, лишенный зрения в познании.

Расширение возможностей доступа к информации становится одним из ведущих механизмов социальной интеграции инвалидов по зрению, поскольку современный мир характеризуется возрастающей интенсификацией информационных процессов, требует от человека быстрой и адекватной ориентации в динамичных и многомерных информационных потоках [3].

ИКТ, совместно с альтернативными технологиями (специализированными аппаратными и программными средствами для незрячих), может выступать как эффективное средство самостоятельного доступа к информации, в том числе к информационным ресурсам всего мира, облегчают ее обработку, становясь важным средством компенсации слепоты. Также существует множество автоматизированных порталов для инвалидов России, созданные с учетом возможности его использования незрячими пользователями, применяющими в своей работе голосовые программы доступа, на них освещаются проблемы и пути реабилитации инвалидов, идет обмен опытом и полезными советами, в том числе и юридического характера, работают форумы.

Применение ИКТ для решения коммуникационных барьеров. Одним из основных обстоятельств, затрудняющих жизненное самоопределение незрячих и слабовидящих, являются трудности в общении с нормально видящими (В. З. Денискина, А. Г. Литвак, В. А. Бараш и др.). Интенсивность общения между собой намного выше, чем общение с «внешним миром». Ограниченные контакты с окружающими влекут за собой «замкнутость, некоммуникабельность, стремление уйти в свой внутренний мир» [5, с. 94]. Использование ИКТ снимает коммуникационные барьеры, облегчает и демократизирует коммуникацию, расширяет круг общения, выступает посредниками в процессе общения, позволяет найти друзей и единомышленников по интересам и жизненным установкам, а порой является единственным способом связи с внешним миром.

ИКТ как средство обеспечения доступности образования. Жизненное самоопределение в значительной мере зависит от образования и профессиональной готовности. Чтобы адаптироваться в современной жизни, быть востребованным на рынке труда, победить в конкуренции со зрячими, слепому и слабовидящему необходимо быть первоклассным специалистом, широко образованным и вполне самостоятельным человеком. Качественное профессиональное образование имеет высокий реабилитационный потенциал.

В последние годы в России отмечается заметный рост численности студентов-инвалидов, что обусловлено вниманием государственных, международных организаций к решению проблем в образовании людей с ограниченными возможностями. Тем не менее они на своем пути встречают множество трудностей, особенно жители с удаленных от центральных районов нашей страны. Также многие учебные заведения не готовы к обучению инвалидов, т. к. не создана безбарьерная среда, нет программного и аппаратного обеспечения, нет подготовленных кадров для работы с инвалидами и др. ИКТ значительно увеличивают шансы для людей с инвалидностью по зрению получить образование на всех уровнях путем дистанционного обучения и затем трудоустроиться. Применение ИКТ в образовании открывает новые «обходные пути» инвалидности, расширяя возможности для коррекционно-развивающей работы, усиливая личностно-развивающий потенциал образовательной среды, раздвигая границы информационно-образовательного пространства.

Многие исследователи (Н. С. Пряжников, Щедровицкий, Е. А. Климов и др.) связывают жизненное самоопределение с профессиональной деятельностью, и многие люди видят смысл жизни именно в трудовой деятельности. ИКТ дают возможность не только получать профессиональное образование, но и работать. Удаленная работа прочно входит в действительность современных социально - трудовых отношений, и она не является противопоставлением традиционной системе занятости. Виртуализация рабочих мест стала в мировой практике универсальным средством обеспечения занятости людей с инвалидностью (особенно тех из них, кто имеет ограниченные возможности в мобильности). Главная особенность удаленной работы или телеработы, выполнение профессиональных

обязанностей в удалении от места нахождения организации, в которой он работает посредством телекоммуникаций и компьютерной техники. Между работодателями и работниками устанавливаются виртуальные «дистанционные экономические отношения».

Таким образом, ИКТ для людей с ограниченными зрительными возможностями являются: а) эффективным средством в жизненном самоопределении; б) позволили создать благоприятные условия для получения профессионального образования и обеспечили полноценное участие незрячих и слабовидящих студентов в учебном процессе; в) благоприятствуют реализации целостности триединства самопознания, самообразования и самореализации, являющихся этапами индивидуальной стратегии жизненного самоопределения личности; г) дают возможность уравнивать возможности со зрячими, установить информационное равноправие в современном обществе; г) позволяют снять многие ограничения, в первую очередь, связанные со сложностями перемещения, физической недоступностью для них многих учреждений: образовательных, культурных, просветительских и т. п.

Литература

1. Закон РФ «Об образовании» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zakonrf.info/zakon-ob-obrazovanii/14>.
2. Газман, О. С. Самоопределение. Новые ценности образования: тезаурус для учителей и школьных психологов / О. С. Газман. – М.: Инноватор, 1995. – 227 с.
3. Королева, Н. Н. Роль информационных технологий в социально-психологической поддержке людей с глубокими нарушениями зрения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://koleso.most-info.ru/it/39801368>.
4. Лекарев, Г. Г. Инвалидность – это не безвыходная ситуация [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.minzdravsoc.ru/social/invaliddefence-/79>.
5. Литвак, А. Г. Психология слепых и слабовидящих: учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений / А. Г. Литвак. – СПб.: РГПУ, 2006. – 336 с.
6. Пряжников, Н. С. Теория и практика профессионального самоопределения / Н. С. Пряжников. – М.: МГППИ, 1999. – 108 с.
7. Солнцева, Л. И. Теоретические и практические проблемы современной тифлопсихологии и тифлопедагогики / Л. И. Солнцева. – М.: Логос ВОС, 2006. – 115 с.
8. Фурьева, Т. В. Профессиональное социальное образование в контексте политики развития человеческого потенциала / Т. В. Фурьева // Материалы третьей Всероссийской научно-практической конференции «Социальная реабилитация: социокультурные и психолого-педагогические ресурсы и практики». – Красноярск: ИПК КГПУ, 2011.
9. Шадриков, В. Д. Философия образования и образовательные политики / В. Д. Шадриков. – М.: Логос, 1993. – 181 с.

10. Персональный сайт. [Электронный ресурс]. – suvorov.htm.
 Режим доступа: <http://love-to-life.com/evahtm/>

УДК 159.942.3.072.4

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ АЛЕКСИТИМИИ В ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Е. Ю. Брель

THE PROBLEM OF STUDYING ALEXITHYMIA IN PSYCHOLOGICAL RESEARCH

E. Yu. Brel

В статье рассматривается проблема исследования основных направлений в изучении феномена алекситимии. Автор представляет краткую характеристику основных черт алекситимической личности.

Ключевые слова: алекситимия, концепции алекситимии, характеристика алекситимической личности

The problem of the main directions of research in studying the phenomenon alexithymia is discussed. The author presents a brief description of the main features of aleximic personality.

Keywords: alexithymia, concept of alexithymia, characteristics of aleximic personality.

Проблема изучения алекситимии в современной науке носит полидисциплинарный характер. Основные направления изучения данного феномена (клинический и психологический) не дают однозначной трактовки самого понятия, а также его природы, механизмов формирования и развития. Общим, на наш взгляд, является только постулирующееся авторами предположение о том, что алекситимию следует относить к неспецифическим факторам риска развития психосоматических заболеваний. Однако это утверждение получило бы фундаментальные основания при изучении данного свойства не только в структуре личности пациентов с выраженными психосоматическими заболеваниями, когда психологический статус индивида может быть изменен в результате объективного страдания, но и в структуре «практически здоровой» личности. Такой подход переводит феноменологию алекситимии в плоскость психологических исследований и создает основания для разработки превентивных мероприятий.

Исследовательский интерес к изучению данного феномена поддерживался благодаря первичной гипотезе об участии алекситимии в патогенезе психосоматических заболеваний.

Разработку концепции алекситимии проводили в нескольких направлениях:

1. Подтверждение факта существования феномена и выделение как можно более четких критериев его диагностики.
2. Верификация первоначальной гипотезы нозологической специфичности феномена для классических психосоматических заболеваний и его значимости в отношении тяжести и длительности течения расстройства.
3. Дифференциация понятия «алекситимия» как конституциональной личностной характеристики или приобретенного расстройства, которое развивается самостоятельно или сопровождается другим страданием.
4. Создание эффективных методов коррекции, апробация которых явилась бы своеобразным психо-

логическим экспериментом, подтверждающим или отрицающим некоторые гипотезы происхождения алекситимии [7].

Сегодня исследователи данной проблемы единодушны только в подтверждении факта существования алекситимии и повторяющихся описаниях характерных признаков феномена. Не отмечено какой-либо нозологической специфичности; практическое значение алекситимии, в первую очередь, определяется признанием того факта, что наличие алекситимических характеристик у пациента существенно затрудняет создание терапевтического альянса и является одной из причин отрицательного прогностического значения. Некоторое снижение интереса к данной проблематике в последние годы частично объясняется недостаточным арсеналом объективных методов исследования феномена. Кроме того, накопленные данные в пользу гипотезы, представляющей алекситимию в качестве результата нарушения межполушарных взаимодействий, требуют привлечения сложных нейрофизиологических методов исследования и одновременно позволяют считать алекситимию «необратимой конституциональной характеристикой» расстройств [4], что существенно сужает границы значимости феномена. В этом случае вопрос о возможности психологической коррекции алекситимии автоматически снимается.

Начало изучению алекситимии положили J. Nemiah и P. Sifneos в семидесятых годах двадцатого века. Термин «алекситимия» предложил P. Sifneos. Буквально он означает: «без слов для чувств» или в близком переводе – «нет слов для названия чувств» (от греч. А – отсутствие, lexis – слово, thymos – чувство). Сифнеос охарактеризовал им некоторые особенности пациентов психосоматических клиник. Эти особенности выражались в утилитарном способе мышления, тенденции к использованию действий в конфликтных и стрессовых ситуациях, обедненной фантазиями жизни, сужении аффективного опыта и особенно в трудностях подыскать подходящее слово

для описания своих чувств. Кроме того, он считал, что недостаточное осознание эмоций ведет к фокусированию эмоционального возбуждения на соматическом компоненте и развитию психосоматических расстройств.

Первоначально алекситимию, как неспособность человека воспринимать или выражать свои чувства, многие исследователи рассматривали в качестве специфического признака так называемой психосоматической личности [10]. Явление заключало в себе отличие структуры личности психосоматических индивидов от невротиков. Предполагаемую особенность обеспечивали обедненное воображение при последовательном функциональном способе мышления, тенденция к резкому разрешению конфликтных ситуаций, ограниченная способность испытывать чувства и трудность нахождения подходящих слов для описания собственных чувств в ряде случаев [2]. Оппоненты данной концепции обращали внимание на ограниченное число подтверждавших ее исследований. Они подчеркивали, что поиск однородной структуры личности для психосоматических нарушений противоречит клиническому опыту [8].

Термин подвергали критике, однако он прочно занял свое место в литературе, посвященной психосоматическим заболеваниям, а связанная с ним концепция алекситимии приобрела значительную популярность, что отражается в постоянно возрастающем количестве публикаций в разных странах. Разработке концепции алекситимии предшествовали более ранние наблюдения, установившие, что многие пациенты, страдающие классическими психосоматическими болезнями и характеризующиеся «инфантильной личностью», проявляют трудности в вербальном символическом выражении эмоций [5].

Большинство исследователей рассматривают алекситимию как совокупность признаков, характеризующих особый психический склад индивидов, создающий предрасположенность к заболеваниям психосоматического специфичности. Следует отметить, что в последние годы ее связывают с широким кругом расстройств (например, депрессии, вторичные психосоматические расстройства при хронических заболеваниях и др.). В этом случае речь идет о вторичной алекситимии, хотя сами авторы не всегда используют данную терминологию. В результате прогностическое значение этого феномена значительно нивелируется, актуальным становится вопрос о возможности классификации степени выраженности алекситимии или даже создания ее типологии.

Согласно имеющимся в литературе описаниям, лицам с алекситимией свойственно особое сочетание эмоциональных, когнитивных и личностных проявлений. Эмоциональная сфера этих индивидов отличается слабой дифференцированностью. Они обнаруживают неспособность к распознаванию и точному описанию собственного эмоционального состояния, а тем более, эмоционального состояния других людей. Для когнитивной сферы индивидов с выраженной алекситимией характерно недостаточно сформированное воображение, преобладание наглядно-действенного мышления над абстрактно-логическим, слабость функции символизации и категоризации в мышлении. Личностный профиль этих пациентов ха-

рактеризуется некоторой примитивностью жизненной направленности, инфантильностью и, что особенно существенно, – недостаточностью функции рефлексии. Совокупность перечисленных качеств приводит к чрезмерному прагматизму, невозможности целостного представления собственной жизни, дефициту творческого отношения к ней, а также трудностям и конфликтам в межличностных отношениях. Последнее усугубляется еще и тем, что на фоне низкой эмоциональной дифференцированности у них в ряде ситуаций с легкостью возникают кратковременные, но чрезвычайно резко выраженные в поведении аффективные срывы, причины которых плохо осознаются пациентами. Ограниченные возможности понимания себя, связанные с дефицитом рефлексии, формируют особый коммуникативный стиль поведения этих людей, который становится значительным препятствием в психотерапевтической работе с ними [4, с. 445 – 446].

В настоящее время алекситимию понимают как психологическую характеристику индивида, характеризующуюся затруднением или полной неспособностью человека точно описать собственные эмоциональные переживания и понять чувства другого человека, трудностями определения различий между чувствами и телесными ощущениями, фиксацией на внешних событиях в ущерб внутренним переживаниям [6, с. 25 – 27]. Алекситимичным людям свойственно бесконечное описание физических ощущений, часто не имеющих связи с определенным заболеванием. Пренебрежение к своему внутреннему психическому и физическому благополучию сочетается с ограниченной способностью к регуляции внутреннего состояния. Внутренние ощущения описываются как скука, пустота, усталость, напряжение, возбуждение. Главный дефект в области аффектов у алекситимиков – неспособность дифференцировать эмоции и ощущения неопределенного физиологического нарушения. Выделяют и такой признак, как ограниченное использование символов, о чем свидетельствует бедность фантазии и воображения. У алекситимичной личности перечисленные особенности могут проявляться в равной степени или может преобладать одна из них [6, с. 25 – 27].

Критерии диагностики алекситимии включают *поведенческие* (вербальные и невербальные) и *когнитивные* признаки [7, с. 18 – 24]. Для лиц с алекситимией характерно заметное нарушение образного мышления; их мышление утилитарно и тесно связано с деталями внешних событий (оперантное мышление). Мечты и фантазии отличаются простым содержанием, бедностью красок и отсутствием оригинальности. Лица с алекситимией часто кажутся хорошо адаптированными и демонстрируют высокий уровень социальной конформности, хотя это следует рассматривать как «псевдонормативность». Они механически проходят свой жизненный путь, как если бы жили по инструкции. У них описаны значительные нарушения способности к эмпатии, коммуникативные связи ограничены с тенденцией к выраженной зависимости или стремлением к одиночеству [9].

В основном все описания отдельных проявлений алекситимии представляют собой четыре ее основных

признака, с учетом их различной степени выраженности в каждом отдельном случае [1]:

1. Своеобразная ограниченность способности фантазировать. Человек испытывает трудности или просто не способен использовать символы. Как результат, следует рассматривать своеобразный тип мышления, который определяют как «механистический», «утилитарный», «конкретный». Речь идет о связанном с текущим моментом, ориентированном на конкретные реальные вещи мышлении, которое почти не затрагивает внутренние объекты. Оно лишено колоритности, в разговоре утомляет собеседника и часто производит впечатление настоящей тупости. Оно организовано прагматически технично и направлено на механическую, функциональную сторону описываемых событий и явлений.

2. Характерная неспособность выражать переживаемые чувства. Человек не способен связывать вербальные и жестовые символы с чувствами. Чувства описываются, если они вообще имеются, как нечто совершенно не структурируемое, непередаваемое словами. Часто их описывают через окружающих («Врач сказал...», «Моя жена сказала...») либо вместо чувств описывают соматическую реакцию.

3. Люди с высокой степенью выраженности алекситимии очень приспособлены к товарищеским отношениям, что часто определяют как «гипернормальность». Их связи с партнерами характеризуются своеобразной «пустотой отношений». Поскольку они не в состоянии разбираться в психологических структурах, то остаются на уровне «предметного» использования объектов.

4. Из-за задержки на симбиотическом уровне и связанного с этим недостатка дифференцировки субъект – объект следует неспособность к истинным отношениям с объектом и процессу переноса. Происходит тотальная идентификация с объектом, человек существует как бы с помощью и благодаря наличию другого человека (его «ключевой фигуры»).

Говоря о возможности типологизации алекситимии, следует отметить отсутствие единой позиции исследователей. В основном представленные в литературе попытки классификации данного феномена носят предположительный характер и не подкрепляются данными эмпирических исследований.

На наш взгляд, предложенная В. В. Соложенкиным и Е. С. Гузовой типология алекситимии является наиболее приемлемой, поскольку направлена на решение практических задач по организации эффективной психологической коррекции и психотерапевтической помощи. В данной классификации выделены некоторые варианты алекситимии в качестве «мишенной психотерапевтической коррекции» [7, с. 18 – 24].

1. Стабильные алекситимии. Алекситимические признаки являются постоянной характеристикой коммуникативного стиля, тем фактором, который определяет соматизированное направление адаптационных реакций на психологический дистресс.

– Конституциональная алекситимия (предположительно — результат нарушения межполушарных взаимодействий).

– Культуральная алекситимия отражает особенности коммуникативного стиля, характерного для определенной культуры.

2. Преходящие (адаптационные) алекситимии. Алекситимия является одной из адаптационных реакций на тревогу и рассматривается как форма проявлений аффективных нарушений:

– Защитная алекситимия. Она связана с нарушением аутокоммуникации, вызванным страхом перед содержанием эмоций и/или перед причинами, обусловившими эмоциональное реагирование. Этот вариант алекситимии аналогичен «вторичной» алекситимии, выделенной Fzeyberger Н. (1977), и ограничен временными рамками основного, первичного страдания (тяжелого депрессивного эпизода, который в этом случае примет соматизированную форму – «ларвированная» или «маскированная» депрессия в прежних классификациях; угрожающего жизни страдания). Вариантом защитной алекситимии выступает диссоциативная алекситимия. Отличительной ее особенностью является избирательное нарушение прочтения тех эмоций, которые лежат в зоне интрапсихического конфликта.

– Ситуативная алекситимия. Она выступает в качестве временного затруднения вербализации эмоций в условиях фрустрирующей ситуации.

При этом авторы отмечают, что группа преходящих (адаптационных) алекситимий может выступать как объект психологической коррекции, что наиболее значимо при организации психологического сопровождения «алекситимиков».

В литературе описаны различные возможности психологического воздействия на выраженность алекситимических черт в структуре личности, начиная с категоричного утверждения, что «алекситимия есть психотерапевтический тупик», до использования методов поведенческой терапии и групповой психотерапии.

Изучение всех представленных в литературе подходов к организации психологического сопровождения алекситимиков позволяет говорить о том, что общие принципы психологического воздействия должны включать:

1. Эмоциональную поддержку, обеспечивающую подготовку к вербальным способам взаимодействия.

2. Специальные приемы, создающие условия для осознания собственного внутреннего состояния.

3. Способы активного перевода скудной вербальной продукции на дифференцированный язык чувств.

4. Обязательную опору на невербальные средства взаимодействия.

Поскольку алекситимия может встречаться и у здоровых людей, и у больных с различными заболеваниями, то следует иметь в виду, что алекситимия – это не «мотивированное забывание», которое может объясняться простым вытеснением или отрицанием и которое можно обнаружить в оговорках и распознаваемом переносе. Ее следует отличать от такого рода психической нечувствительности, которая может развиваться как активный мотивированный процесс, развивающийся вследствие значительной психической травмы, угрожающей изоляцией, дезинтеграцией и депрессией. Необходимо отличать ее также от тех видов познавательной деятельности и экспрессии, которые характеризуют сходные виды таких психиатрических синдромов, как привычные аффективные нарушения при вялотекущей шизофрении. Важно, что это

и не тип операционального мышления, описанный Ж. Пиаже, который характерен для малограмотных или когнитивно неразвитых людей.

В рамках этой же теории интересен подход С. А. Кулакова, который связывает формирование алекситимических черт с особенностями семейного воспитания и внутрисемейного взаимодействия [3]. Он считает, что алекситимия появляется в семейной среде, где отсутствует искреннее выражение чувств, вызванных реальной жизнью. Эта позиция может затем закрепиться при многолетней установке на ригидное следование общественным нормам. Возможно, что именно такая природа алекситимии и приводит к развитию «псевдонормальности» алекситимических индивидов.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет адаптационный подход к проблеме формирования и развития алекситимии, позволяющий рассматривать этот феномен как одну из последовательных приспособительных реакций на тревогу, с одной стороны, и как фактор, предопределяющий возникновение соматизации – с другой. Такая позиция подразумевает вероятность существования нескольких вариантов существования алекситимии, за внешне однородными проявлениями которых скрываются разные психологические механизмы их формирования [7, с. 18 – 24].

Хотя алекситимия как проявление человеческого образа действий – явление бесспорное и постоянно наблюдается у значительного числа людей, гипотеза о том, что это типичная психосоматическая структура, сталкивается с контраргументами и до сих пор вызывает дискуссии. Самое важное возражение вызывает ее неспецифичность: несмотря на то, что алекситимию обнаруживают у многих (хотя и не у всех) психосоматических больных, она обнаруживается у значительного числа больных с неврозами и психически здоровых людей. Поэтому сегодня предпочтительнее говорить о том, что алекситимическое поведение представляет собой неспецифический фактор риска

при развитии психосоматических заболеваний, который может быть связан с другими важными факторами.

Литература

1. Бройтигам, В. Психосоматическая медицина / В. Бройтигам, П. Кристиан, М. Рад. – М.: ГЭОТАР МЕДИЦИНА, 1999. – 376 с.
2. Белокрылова, М. Ф. Алекситимия и соматизация: уровень алекситимии у больных с функциональными кардиоваскулярными расстройствами / М. Ф. Белокрылова, М. М. Мучник // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. – 2000. – №1.
3. Кулаков, С. А. Основы психосоматики / С. А. Кулаков. – СПб.: Речь, 2003. – 288 с.
4. Мосолов, С. Н. Клиническое применение современных антидепрессантов / С. Н. Мосолов. – СПб., 1995.
5. Попов, Ю. В. Современная клиническая психиатрия / Ю. В. Попов, В. Д. Вид. – СПб.: Речь, 2002. – 402 с.
6. Провоторов, В. М. Качество жизни больных, перенесших инфаркт миокарда / В. М. Провоторов, А. Я. Кравченко и др. // Клиническая медицина. – 1998. – № 11.
7. Соложенкин, В. В. Алекситимия (адаптационный подход) и психотерапевтическая модель коррекции / В. В. Соложенкин, Е. С. Гузова // Социальная и клиническая психиатрия. – 1992. – Т. 8. – Вып. 2.
8. Томэ, Х. Современный психоанализ. Т. 2: Практика: [пер. с англ.] / Х. Томэ, Х. Кэхеле; общ. ред. А. В. Казанской. – М.: Прогресс – Литера: Яхт-смен, 1996. – 547 с.
9. Apfel, R. Alexithymia: concept and measurement / R. Apfel, P. E. Sifneos // Psychother. Psychosom. – 1979.
10. Sifneos, P. E. Problems of patients with alexithymic characteristics and physical disease / P. E. Sifneos // Psychother. Psychosom. – 1973. – Vol. 26.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 491.71.0

СУПЕРМОРФЕМНЫЕ ФОРМАНТЫ И ИХ РОЛЬ В ДИАЛЕКТНОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ

А. Г. Антипов

SUPERMORPHEMIC FORMANTS AND THEIR RELEVANCE IN DIALECTAL WORD-FORMATION

A. G. Antipov

Статья посвящена исследованию семиотического аспекта русской деривационной морфологии. На материале одного из явлений русской диалектной морфологии показывается динамика и перспективы функционального рассмотрения этой сферы номинативной категоризации.

Ключевые слова: деривационная морфология, семиотические функции, категоризация, русские говоры.

The article is devoted to studying the semiotic aspect of the Russian derivative morphonology. The dynamics and perspectives of this functional aspect are shown in connection with the nominative categorization on the example of the Russian dialectal morphonology.

Keyword: derivative morphonology, semiotic functions, categorization, Russian dialects.

Разноаспектное изучение системы диалектного словообразования, особенностей её функционирования и организации привело во второй половине XX века к выделению различных разделов общей теории структуры диалектного производного слова. Некоторые из них, однако, всё ещё переживают своё становление. В частности, одной из актуальных задач исследования словообразования диалектной речи является описание морфологической вариативности её единиц. Связанная с этим проблема идентификации морфо-деривационной структуры диалектного слова выступает, разумеется, в качестве ключевой, какой бы аспект словообразовательной морфемики ни избирался в качестве ведущего при моделировании системы говора (ср., например, [2; 14]).

К ведущим направлениям описания морфологической модели русских диалектных формантов мы относим исследование синтагматических и парадигматических факторов фонологических изменений структуры производных лексем в посткорневой сфере реализации явлений морфемного шва, обусловленных взаимодействием словообразовательных морфем, их синтезом и сплавом, а также характером семантического функционирования. Системная типология морфологии русских говоров включает также анализ направлений морфологической динамики формантной структуры производного слова, связанных с процессами изменения морфемной членимости и словообразовательной мотивированности. В итоге описания системных функций морфологических моделей формантов, их роли в моделировании словообразовательной системы раскрываются особенности стратификации формальной структуры диалектного производного слова, системный потенциал морфологических моделей, степень их влияния на деривационное развитие лексико-семантических отношений, парадигматические изменения инвентаря словообразовательных морфем и структуры словообразовательных типов.

К основным формальным моделям деривации слова в русском диалектном словообразовании нами относятся схемы морфологической вариантности деривационных формантов, алломорфия которых по образцу редупликационных моделей выступает в качестве фактора системной поляризации дериватов в границах внутри- и межтиповых таксономий (словообразовательных типов и категорий) [1]. На этом основании ведущий аспект описания морфологических вариантов формантов – аспект их семантического функционирования, позволяющий определить значимость морфологической структуры форманта как парадигматического показателя членимости / мотивированности дериватов, как компонента внутренней формы производного слова.

По нашим данным, в процессе своего семантического функционирования морфологические варианты форманта отражают снижение действия фузионных правил словообразования как в области реализации морфологически релевантных позиций, так и в сфере своей лексико-грамматической и даже лексико-семантической дистрибуции.

Активность аналитических процессов приводит к тому, что в рамках тех или иных диалектных словообразовательных типов и категорий функционирует, как правило, система морфологических моделей, оформленных разными вариантами форманта. При этом в формальном и семантическом плане их круг более разнообразен, чем в литературном языке. Например, диалектный тип отсубстантивов с формантом *–ник* обобщает на эталонном уровне основных диалектных зон русского языка более 60 формантных вариантов (по сравнению с тремя алломорфами в подсистеме отсубстантивного словообразования литературного языка). Ср.: *болот-ник*, *болот-я/ник*; *молоч-ник*, *молоч-ан/ник*, *молоч-ав/ник*, *молоч-аж/ник*, *молоч-аль/ник*, *молоч-ит/ник*, *молоч-от/ник*; *овеч-ник*, *овч-ар/ник*; *коров-ник*, *коров-ят/ник*, *коров-е/ник*, *коров-ен/ник*, *коров-ин/ник*; *горох-ник*, *горох-ов/ник*, *горох-оль/ник*, *гороб-ель/ник*, *горох-ов/ин/ник*, *гороб-*

ов/ель/ник; баб-ник, баб-он/ник; рыб-ник, рыб-ош/ник; окон-ник, окон-еш/ник, окон-иш/ник; лапот-ник, лапот-оч/ник, лапт-эль/ник, лапт-ёж/ник; обед-ник, обед-еч/ник; вечер-ник, вечер-ыш/ник, вечер-ш/ник, вечер-ей/ник, вечер-ов/ан/ник, вечер-ин/оч/ник; кон-ник, кон-юш/ник, кон-ов/аль/ник, кон-юш/ен/ник; трав-ник, трав-уш/ник; налив-ник, налив-аш/ник, налив-ай/ник; круп-ник, круп-ей/ник; грабель-ник, грабел-ич/ник; ёль-ник, ел-уж/ник, ёл-ш/ник; арах-ник, арах-ач/ник; кож-ник, кож-ур/ай/ник; луч-ник, луч-в/ен/ник; дров-ник, дров-ёт/ник; мёд-ник, мёд-ун/оч/ник; кад-ник, кад-уль/ник и др. (О распределении морфонологических вариантов суффикса -ник в русских говорах и их эмпирической продуктивности см. в [1, с. 60 – 66].)

В диалектных микросистемах, естественно, круг вариантных моделей форманта сужается, однако тенденция сохраняется: и по структуре, и по функции вариантные формы оказываются более разнообразными, чем в литературном языке. Так, в системе кемеровского говора (Кемеровский район Кемеровской области) нами зафиксировано более 20 вариантов суффикса -ник (2 четырёхфонемных: -а/ник, -е/ник; 20 пятифонемных: -ат/ник, -ар/ник, -ов/ник, -ав/ник, -аж/ник, -аль/ник, -ан/ник, -ин/ник, -иш/ник, -ель/ник, -ен/ник, -ет/ник, -еч/ник, -еш/ник, -ин/ник, -иш/ник, -ор/ник, -оч/ник, -ош/ник, -уш/ник; 2 семифонемных: -ов/ен/ник, -ов/иш/ник). Ср.: картофель-ник, картофл-я/ник, картов-ник, картов-иш/ник; колб-ник, колб-я/ник, колб-ят/ник, колб-ов/ник, колб-иш/ник, колб-ов/иш/ник; кедр-е/ник, кедр-ов/ник; берест-ник, берест-ян/ник; кров-ник, кров-ав/ник; молоч-ник, молоч-ан/ник, молоч-ай/ник; горш-ник, горш-ов/ник, горш-ов/ён/ник; горш-ёч/ник, горш-ёш/ник, горш-ён/ник, горш-ёт/ник, горш-ов/ник; муравей-ник, мурав-ят/ник; кон-ник, кон-ят/ник, кон-ёв/ник, кон-ёв/ник; овёч-ник, овч-ар/ник, овч-ат/ник, овч-ин/ник, мат-ник, мат-оч/ник, мат-уш/ник; рой-ник, рой-эль/ник; смород-ник, смород-яж/ник, смород-иш/ник; литов-ник, литов-ош/ник; столь-ник, стол-ёш/ник; лапш-ён/ник; лос-ят/ник, лос-ин/ник; кочк-ор/ник и др.

Как компоненты вариантной внутренней формы слова, подобные формантные варианты функционируют при поддержке полимотивационной тенденции: по причине одновременной актуализации непосредственных и опосредствованных словообразовательных мотиваций они выступают в роли единого посткорневого деривационного форманта – «части основы мотивированного слова, отличной от корня» [13, с. 43]. Тем самым обуславливается взаимодействие и интерференция морфемной и словообразовательной структуры производного слова, а сами формантные варианты обретают статус суперморфов, поскольку с их морфонологическими формами нередко связаны различные компоненты семантики дериватов и дифференциация самих семантических структур производных лексем. Ср.: колб-ник 'тот, кто собирает, продаёт колбу (черемшу)', колб-ов/ник, колб-иш/ник '1) тот, кто собирает, продаёт колбу; 2) место в тайге, где растёт колба'; колб-ят/ник, колб-ов/иш/ник 'тот, кто собирает, продаёт колбу'.

Суперморфемный статус таких формантов, способных при фонематическом варьировании выражать разные значения [8, с. 95 – 96], отражает специфику

структуры русского производного знака: «её компонентами выступают не морфемы, а морфемные блоки» [5, с. 23]. А. А. Реформатский выделял образование таких своеобразных «сложных комплексов» (основ, формантов, сложных аффиксов) в качестве важнейшей характеристики русского языка, поскольку данный процесс деривации «подчиняется биному принципу сочетания основы и формообразующего элемента и адекватной членимости как в анализе, так и в синтезе (или наоборот) в силу “зеркальности” аспектов “того же”» [12, с. 13]. Этот диахронно-синхронный процесс объединения морфем (прежде всего – суффиксальных) в устойчивые сочетания, функционирующие как единые, хотя и сложные по своему составу аффиксы, отмечался исследователями в разные периоды развития русского языка и получил в науке достаточно разнообразное терминологическое обозначение. Ср.: «производные», «составные», «сложные», «двойные» суффиксы; суффиксальные «последовательности», «протяженности», «цепочки»; «наращения», «расширения», «левые расширения» суффиксов; суффиксальные «биморфемы», «полиморфемы», «полиморфемные конструктивные единства», «комплексы», «блоки» и др. (обзор основных концепций по этой проблеме русской морфемики, морфонологии и словообразования см. в [2, с. 21 и след.]). В своём исследовании диалектного словообразования мы останавливаемся на понятии «суперморфемы», поскольку, во-первых, этот научный концепт позволяет представить функциональную систему вариативности деривационных формантов и, во-вторых, в содержании данного понятия отражена главная закономерность функционирования вариантных морфемных форм русского языка – процесс грамматикализации (образования новых формантов и значений). Семантические функции суперморфемных формантов обусловлены как необходимостью преодоления дублетности форм на морфемном и лексическом уровнях словообразования, так и характером протекания морфонологических процессов. В результате действия морфонологического правила возможно не устранение сочетаний морфем, не характерных для структуры языка, а наоборот, усложнение фонемной структуры слова, приводящее к появлению нетипичных консонантных сочетаний (ср.: вечер/ник, вечер/оч/ник, вечер/ош/ник, вечер/ш/ник; ёль/ник, ёль/ш/ник; келёй-ник, келёй/ш/ник). Именно поэтому при поддержке бинарной структуры опосредствованных мотиваций в морфо-деривационной структуре слова формантные варианты вычлениваются и в условиях свободного распределения продолжают функционировать в качестве морфемных блоков или суперморфов. Не случайно, в экспериментах по восприятию лексем с вариантной внутренней формой параллельно с осознанием мотивирующей семантики отмечаются ассоциации с опорой на формантный компонент, идентифицируемый и в случае алломорфной модели либо как целостный формант, либо как некоторый морфемный комплекс. Ср.: свин/ятник – 'помещение для свиней, по аналогии с «курятник»', 'относится со словом «свинарник»'; слон/ятник – 'помещение для слонов', 'человек с большим носом, как у слона'; 'человек, который ухаживает в зоопарке за слонятами', 'слоняется, как слон' [2, с. 101 – 110].

В диахронии к новым аффиксам с более экспрессивным означающим приводит, как известно, переразложение морфемной структуры слова, а сами «производные аффиксы», претерпевая опрощение своей структуры, получают в языке переходный статус позиционно или непозиционно противопоставленных вариантов (алломорфов или фономорфов). В процессе функционирования данные единицы могут использоваться в качестве грамматических средств оформления результатов семантической деривации, приобретая новое «качество» – функцию и значение. Или как отмечал Н. В. Крушевский, «...фонетические изменения дают толчок новому распределению звуков между морфологическими единицами слова, ...вызывают морфологический процесс...» или свидетельствуют о том, что «...каждое понятие и каждый оттенок понятия имеют свое внешнее выражение» [Крушевский, 1998, с. 166]. Отсюда – дифференциация вариантных единиц структуры слова, при которой фонетически противопоставленные варианты морфемы «разветвляются на две и более при одном и том же значении» или – более того – «закрепляются» за тем или иным «особым оттенком значения» [3, с. 182, 191], «...когда фонетическое расщепление ассоциируется с психическим расщеплением» [4, с. 325]. Этот процесс «обрастания» фонетически противопоставленных вариантов морфем языковыми значениями – один из ведущих в истории языка [11]. В случае суперморфемных единиц «волнового синтеза» сигнализируют о семантической дифференциации морфонологических вариантов, что обосновывает семантические функции деривационной морфонологии в целом. Следовательно, в качестве синхронной закономерности регулярная тенденция формальной вариативности аффиксальных морфов отражает сохранение условий переразложения, провоцируя расширение системы средств морфологической деривации через формирование суперморфемных формантов внутри того или иного словообразовательного типа.

Образуя в синхронии, по разным оценкам, сочетания интерфиксов и/или субморфов и аффиксов [6], такие «производные аффиксы» составляют единство, влияющее на функционирование слова, т. е. суперформант, участвующий в функциональной дифференциации значений дериватов. В условиях усиления или нейтрализации значения предыдущего аффикса последующим эти морфемные блоки, часто сохраняющие членимость не только на морфонологическом уровне, выражают, тем не менее, единое словообразовательное значение, по которому в системе отождествляются новые модели деривации. Их формирование в русском языке определяется регулярными морфонологическими особенностями деривационного акта в русском языке: большей формальной выразительностью длинного морфа в сравнении с более коротким; фузионными процессами на морфемных швах; продуктивностью «вторичных» аффиксальных морфов, связанных с тенденциями к агглютинативности; уменьшением роли нелинейных средств сцепления морфем, по сравнению с линейными; большей наглядностью словообразовательных отношений у слов, формальная структура которых содержит субморфное наращение аффикса, т. е. «прозрачностью» словообразовательной структуры производного слова [10, с. 51 – 52]. Всё это

приводит к нестрогой дифференциации морфонологических позиций алломорфов в структуре русского производного слова, восполняемой развитием у них качества семантической регулярности – роли в стратификации определённых типов языковых значений, по которой многие алломорфы противопоставлены в области частных словообразовательных значений одного словообразовательного типа. Именно особая значимость функциональной дистрибуции позволяет обсуждать проблему семантических позиций алломорфов [10, с. 279 – 283], обусловленных категориально в границах словообразовательного типа грамматическими и лексическими причинами синхронной динамики: исключительной ролью полимотивационных факторов, межуровневого характера мотивационной типологии и системной абстракции формантной семантики.

Следует полагать, что через функционирование суперморфемных реализаций форманта раскрывается механизм морфонологической категоризации в его обусловленности процессом формирования семантических оппозиций у формальных вариантов слова. В зависимости от величины и глубины семантических расстояний, возникающих между морфонологическими вариантами, моделируются не только способы формальной организации межуровневых значений, но и сами единицы семантической стратификации, имеющие своё направление функционирования в актах номинативной деривации.

Предпочтительное закрепление одних формантных вариантов за функциональными номинациями лиц, других – за функциональными номинациями артефактов, третьих – за характеризующими номинациями биофактов [2, с. 116 – 141] показывает, что парадигматически морфонологические изменения аффиксальных морфов организованы в границах семантических микросистем (таксономий) словообразовательных типов и категорий.

В аспекте своей морфонологической формы структура дериватов предстаёт как последовательное повышение ранга семантической абстракции единиц стратификации словообразовательного значения: субморфная, варьирующаяся часть форманта является маркёром внутритиповой таксономии или «новой» ономазиологической категории, а его основной вариант (постоянный компонент морфонологической формы) – показателем словообразовательного типа, его общего деривационного значения и «старой» категории. Такая стратификация значений приводит к достаточно глубоким семантическим расстояниям между формальными структурами производных слов, что объясняется необходимостью дифференциации дублетов, формальная вариантность которых используется уже не в экспрессивной, а в номинативной функции.

В результате варианты форманта эксплицируют через субморфные наращения идиосемы семантической структуры дериватов, выступая в качестве средств категоризации – отождествления классов референтов в границах:

1) одной ономазиологической категории (или субкатегории): *налив-ник* ‘блин или оладья, намазанные сверху сметаной’, *налив-дй/ник* ‘пирог из чёрной муки, политый сверху жидкой начинкой (наливой)’,

налив-*áш/ник* 'ватрушка из пресного или кислого теста с жидкой начинкой';

2) частично противопоставленных ономаσιологических категорий: *мош-нiк* '1) тот, кто добывает и продаёт мох, 2) тетерев', *ми-áр/ник* '1) утеплённый мхом хлев, 2) болото';

3) полностью противопоставленных ономаσιологических категорий: *мош-нiк* в указанных значениях имен лиц и биофактов, *ми-áн/ник* '1) тёплый хлев для скота, 2) кладовая для хранения овощей, зимовки пчёл'.

Функционирование морфонологической структуры дериватов сводится в подобных случаях к преодолению формальной и семантической идиоматичности производного слова, поскольку благодаря алломорфии в границах словообразовательного типа противопоставляются ономаσιологические сферы, оформленные специализированными морфонологическими моделями, потенциально «готовыми» к системной поляризации в качестве новых словообразовательных типов. Поэтому, если морфонологическая структура форманта оказывается семантически релевантной, соответствующие формантные варианты либо уже функционируют в качестве самостоятельных средств номинативной деривации, либо ещё представляют собой переходные единицы, стоящие на грани формирования самостоятельных аффиксов.

В заключение нельзя не подчеркнуть, что на материале таких проявлений синхронной динамики языка, как суперморфемные форманты, приходится только поражаться «той части картины мира вообще, которая опосредована языковыми знаками или даже – шире – знанием языка, его единиц и правил и, главное, содержанием его форм» [8, с. 144].

Литература

1. Антипов, А. Г. Русская диалектная морфонология: проблемы описания / А. Г. Антипов. – Кемерово, 1997.
2. Антипов, А. Г. Алломорфное варьирование суффикса в словообразовательном типе (на материале русских говоров) / А. Г. Антипов. – Томск, 2001.

3. Богородицкий, В. А. Очерки по языковедению и русскому языку / В. А. Богородицкий. – М., 1939.

4. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – М., 1963. – Т. 1.

5. Касевич, В. Б. О месте словообразования в системе языка и лингвистике / В. Б. Касевич // Принцип деривации в истории языкознания и современной лингвистике. – Пермь, 1991.

6. Красильникова, Е. В. О формальной структуре слова / Е. В. Красильникова // Проблемы структурной лингвистики 1978. – М., 1981.

7. Крушевский, Н. В. Избранные работы по языкознанию / Н. В. Крушевский. – М., 1998.

8. Кубрякова, Е. С. Основы морфологического анализа (на материале германских языков) / Е. С. Кубрякова. – М., 1974.

9. Кубрякова, Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е. С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М., 1988.

10. Лопатин, В. В. Русская словообразовательная морфемика / В. В. Лопатин. – М., 1977.

11. Марков, В. М. Проблема формирования самостоятельных морфем на основе противопоставления фонетических вариантов / В. М. Марков // Вопросы грамматического строя русского языка. – Казань, 1970.

12. Реформатский, А. А. О членимости слова / А. А. Реформатский // Развитие современного русского языка 1972. Словообразование. Членимость слова. – М., 1975.

13. Улуханов, И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы её описания / И. С. Улуханов. – М., 1977.

14. Шаброва, Е. Н. Диалектное корневое гнездо: проблемы и принципы описания / Е. Н. Шаброва. – СПб.; Вологда, 2002.

УДК 811.111:81'42

НАРУШЕНИЕ ВНУТРЕННЕЙ ВАЛЕНТНОСТИ СЛОВА КАК МЕХАНИЗМ ОБРАЗОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ АНОМАЛИЙ (на материале произведений англоязычных писателей-постмодернистов)

Н. В. Джаманова

THE VIOLATION OF INTERIOR VALENCY OF WORDS AS A MECHANISM OF LANGUAGE ANOMALIES FORMATION (analysis of the material of postmodernist novels English)

N. V. Dzhamanova

В статье анализируются особенности нарушения двух видов внутренней валентности слова. Результатом такого рода нарушений является появление языковых аномалий, которые служат средством выражения авторского замысла. Подобные явления ориентированы на привлечение читательского внимания за счет своей повышенной экспрессивности. Анализ проводится на материале текстов англоязычных писателей-постмодернистов.

Ключевые слова: валентность, языковые аномалии, лингвокреативное мышление, словотворчество, постмодернизм.

The article studies the peculiarities of the violation of two types of interior valency of words. This process results in language anomalies that serve as means of expressing the author's ideas. The anomalies are aimed at attracting the readers' attention due to their high expressiveness. The analysis is carried out on the material of postmodernist novels in English.

Keywords: *valency, language anomalies, lingvo-creative thinking, word creation, postmodernism.*

Понятие «валентность» прочно вошло в лингвистическую науку. На сегодняшний день многие проблемы лингвистики изучаются с привлечением данного понятия, которое, как и понятие «сочетаемость», рассматривается как одно из ключевых свойств языковых единиц разных уровней. Однако до сих пор в лингвистической науке нет единого мнения относительно разграничения данных понятий, и вопрос, касающийся этих терминов, представляет интерес для специалистов самых разных направлений лингвистической науки.

Понятие «валентность» появилось в западном языкознании благодаря Л. Теньеру, который связывал его непосредственно с глаголом. В отечественную лингвистическую науку данное понятие было введено С. Д. Кацнельсоном, который понимал под валентностью «общую сочетательную способность слов», то есть трактовал валентность более широко. Между тем С. Д. Кацнельсон тесно связывал синтаксис и семантику грамматических форм, утверждая, что «под явными синтаксическими связями, выражаемыми синтаксической морфологией, скрываются, таким образом, глубинные, запрятанные в лексических значениях синтаксические связи» [3, с. 88]. Так, понятие «валентность» постепенно приобретало все более широкое толкование и начало изучаться не только с вербоцентрических позиций, но и относительно других частей речи и языковых единиц самых разных языковых уровней.

Многие выдающиеся отечественные языковеды внесли свой вклад в разработку теории валентности. К примеру, В. Д. Аракин предлагает различать более абстрактную грамматическую валентность и противостоящую ей более конкретную лексическую валентность слова [1, с. 9 – 10]. Далее, в рамках уже изучения лексической валентности, происходит подразделение ее на «внутреннюю» и «внешнюю», изучение нарушения которых и составляет цель данной статьи. Однако, прежде чем перейти непосредственно к характеристике типов валентности, следует отметить еще одну деталь. Как справедливо отмечает в своей монографии Н. В. Юдина (а ее работа является одной из самых последних по данной проблеме), «следует различать валентность *языковую*, которая представляет собой *потенциальную* способность языковой единицы сочетаться с другими, и валентность *речевую*, которая не всегда может соответствовать этим потенциальным способностям сочетающихся языковых единиц и даже – более того – нарушать традиционные закономерности соединения» [8, с. 29]. В качестве примера исследователь указывает на оксюмороны; однако в нашей работе мы рассмотрим не просто уровень словосочетаний, но и уровень морфемной организации слова, выстроенной с учетом авторского нарушения «внутренней» валентности слова.

Итак, выделение «внешней» и «внутренней» типов валентности связано с именем М. Д. Степановой,

которая в рамках «внутренней» валентности выделяет *формально-морфологическую* и *семантическую* валентности. Отмечая, что внутренняя валентность свойственна лишь некорневым словам, исследователь считает, что первый тип внутренней валентности выражается в том, что «те или иные аффиксы в составе той или иной части речи соединяются с основами определенных частей речи» [6, с. 18]. Так, к примеру, в английском языке многие наречия образуются добавлением суффикса – ly к адъективной основе (bright – brightly; dry – dryly и т. д.) Суффикс –у образует прилагательные от субстантивной основы, например: dirt – dirty; foam – foamy и т. д. Внутренняя семантическая валентность, по мнению Г. Хельбига, мнение которого цитируют многие отечественные ученые, «отражает тот факт, что слова (в качестве носителей валентности) требуют определенных контекстных партнеров с определенными семантическими признаками и исключают других контекстных партнеров с иными семантическими признаками» [цит. по: 8, с. 32]. Однако все описанное выше лежит в сфере нормы; в фокусе нашего внимания лежит выход за ее пределы, нарушение нормы в авторских целях.

Завершая свою статью, М. Д. Степанова говорит о «возможности окказиональных образований», которые «достаточно часто встречаются в произведениях художественной литературы» [6, с. 19]. О таких образованиях, в частности, мы говорим, когда ставим вопрос о *языковых аномалиях* в художественном тексте – понятие «языковая аномалия» понимается нами достаточно широко, оно включает в себя и окказиональные образования. Аномалии мы рассматриваем на всех языковых уровнях, даже на уровне текста; однако, будучи ограниченными в объеме, в данной статье сконцентрируемся лишь на аномалиях в рамках словотворчества, что, несомненно, представляет самый обширный класс аномалий в художественной речи. В целом же считаем, что исчерпывающее определение аномалий предложено Т. Б. Радбилем, который понимает под такими явлениями «разного рода семантические, стилистические, нарративные и прагматические отклонения и девиации на фоне стандартного языка, которые функционально нагружены, то есть являются средством выражения особой эстетической интенции автора и средством фиксации особой «картины мира» художника» [5, с. 309]. Как следует из определения, языковые аномалии – явление обширное и неоднородное, а следовательно, и механизмы создания таких явлений весьма разнообразны. Однако сосредоточенность на слове, его структуре и представлении о валентности дает нам возможность рассмотреть нарушение последней как фактор образования языковых аномалий в художественном тексте, обладающих огромным экспрессивным потенциалом и выражающих особое творческое задание автора.

Об отклонении от норм для создания особого колорита, дополнительных смыслов и значений пишут

многие авторитетные исследователи. К примеру, И. В. Арнольд говорит о нарушении валентностных связей как средстве реализации *транспозиции* [2, с. 93], а Р. А. Киселева, рассматривая особенности авторских неологизмов, видит в нарушении валентности ведущий механизм их образования: при аффиксации, словосложении эффект, который хотел произвести автор, «создается противоречием между привычностью морфем и непривычностью их сочетания» [4, с. 7]. Кстати, следует отметить, что именно наличие определенных моделей в языке помогает автору остаться понятным, поскольку необычное сочетание элементов активизирует в голове читателя привычную модель. К примеру, в отрывке “*All the “I love yous” with which I filled my letters to Francis...*” [10, p. 161] сочетание *I love yous* представляет собой аномалию, так как оно образовано с нарушением внутренней формально-морфологической валентности – морфема –s трактуется словарем как “*combining form used to form the plural of nouns*” [9, p. 1245]. В данном примере мы видим, как морфема, сочетающаяся с существительным в общепринятой норме, присоединена к местоимению; однако именно благодаря нормативной модели мы понимаем суть новообразования – героиня романа М. Дрэббл пишет многочисленные письма своему возлюбленному в Париж, уже даже не понимая толком, испытывает ли она романтические чувства к нему. Массовость бессмысленных признаний, написанных скорее по привычке, отражается в аномальном образовании, которое раскрывает читателю истинное содержание писем героини, ее чувств, эмоций, восприятия любви на расстоянии.

Принимая во внимание особенности нашего исследования, представляется возможным уточнить, что нарушение «внутренней» валентности слова является одним из механизмов создания языковых аномалий под действием лингвокреативного мышления отдельной творческой личности, направленного на привлечение читательского внимания, на более точную и экспрессивную форму выражения художественного задания, что способствует созданию эффекта «отстранения». Следует особо отметить, что именно постмодернистский дискурс изобилует разного рода аномалиями, что является отражением «постмодернистской чувствительности», пафоса отрицания и разрушения, пересмотра прошлого и иронии над традицией. Рассмотрим более подробно несколько примеров языковых аномалий из произведений одного из ярких представителей европейского постмодернизма Джона Фаулза; анализируемые аномалии созданы с нарушением внутренней валентности слова, что дает подчас весьма необычный результат.

Когда мы говорим о внутренней валентности, первый процесс, которого мы касаемся, – это, несомненно, аффиксация. Аффиксация является одним из самых продуктивных способов словообразования не только в общенациональном языке, но и в аномальном окказиональном словообразовании. Одним из самых продуктивных суффиксов является при этом суффикс –ness, нормой употребления которого является модель ADJ + ness = NOUN, причем существительное, которое образуется в результате такого соединения, носит абстрактный характер (обозначает состояние, качество, свойство). В авторском словооб-

разовании мы наблюдаем соединение данного субстантивного суффикса с самыми разными основами. К примеру, у Дж. Фаулза находим: “*I noticed the **two-ness** of the tea-table, and stood by the corner, embarrassed, aware of a trite English desire to sneak away*” [13, p. 78]. Образование *twoness* представляет собой пример нарушения внутренней валентности, поскольку субстантивный суффикс соединяется с основой числительного для образования существительного. Такая аномалия дает автору возможность емко, кратко выразить мысль; к тому же, внимание читателя слегка замедляется перед появлением Мориса Кончиса – одной из ключевых фигур романа «Волхв». Подобное образование находим и в «Кротовых норах»: “*... the early **oneness** with his mother that granted this ability to make the world mysteriously and deliciously change meaning and appearance*” [14, p. 139].

Не менее экспрессивны и образования, представляющие собой соединение данного суффикса с местоименной основой: “*... the cell we are all obliged to inhabit. Its walls are formed by **eachness** and ego, our difficult individuality*” [14, p. 347]. Следует отметить, что нарушение формально-морфологической валентности не может не затронуть семантическую структуру слова: в приведенном примере мы сталкиваемся, на наш взгляд, со случаем семантического рассогласования, когда в слове *eachness* совмещаются противоречащие семы, ведь *each* определяется словарем как “*every thing, person, etc. in a group of two or more, considered separately*” [9, p. 434], в то время как суффикс –ness выражает обобщающее значение качества или состояния. Таким образом, эффект аномалии только усиливается, а внимание читателя останавливается на столь необычном абстрактном существительном.

Одним из самых выразительных случаев аномального словообразования является присоединение суффикса к одной из форм глагола *to be*: “*A form of that “**isness**”, that present being, runs – however clumsily I expressed it – through The Magus*” [14, p. 63]. Аномальность данного образования состоит в том, что суффикс сочетается с вариантной глагольной основой, что ведет к следующей возможной интерпретации передаваемого смысла – речь идет о существовании как таковом, о бытии как состоянии, что подчеркивается одновременно семантикой основы и суффикса, в отличие, к примеру, от существования как процесса, что читается в аномалии *beingness* [14, p. 355]. К тому же, в данной аномалии присутствует своего рода указание на необычность явления, которое заключается в словах повествователя “*however clumsily I expressed it*”, что помогает читателю увидеть и осознать необычное образование. Подобную атрибуцию в чисто формальном виде можем наблюдать и в новообразовании в составе следующего предложения: “*They seemed almost parallel experiences; except that this had all the beauty of its immediacy, its uninducedness, its **being-now-ness***” [13, p. 259]. Написание, которое вскрывает сложную структуру слова, и является той атрибуцией, которая обращает внимание читателя на аномалию, останавливает взгляд, заставляет вдуматься в смысл необычного, нового, сложного, но вместе с тем привлекательного своей уникальностью. Данная аномалия образована с помощью

присоединения суффикса *-ness* к основе, представляющей собой сложнопроизводный компонент из герундиальной формы и наречия, что также представляет собой случай нарушения формально-морфологической внутренней валентности, в результате чего получается авторское, а потому более экспрессивное средство выражения мысли. Известно, что Дж. Фаулз, который написал эти строки, уделял особое внимание жизни «здесь и сейчас», стараясь избегать тщетных надежд и страхов за будущее. Образование *nowness* не раз повторяется во многих произведениях и имеет, вероятно, статус одного из ключевых концептов в концептуальной системе этого автора, который всегда призывал читателя жить настоящим – ведь будущее весьма иллюзорно и обманчиво.

Что касается нарушения внутренней семантической валентности, представляется справедливым отметить точку зрения на данную проблему С. Ю. Степановой, которая, анализируя окказионализмы В. Набокова, приходит к выводу, что нарушение семантической валентности является активным механизмом создания авторских новообразований. Мощный экспрессивный заряд появляется благодаря тому, что «в подобных образованиях наблюдается соединение основ, далеких по значению», и, как отмечает автор, «сближение несближаемых языковых элементов, необычная их комбинация не может пройти мимо читателя» [7, с. 100]. Подобные примеры мы можем наблюдать, в частности, и у Дж. Фаулза. В своем критико-аналитическом сборнике эссе “The Aristos”, рассуждая об артефактах, писатель говорит: “*An aged artefact is both what could not be created today and what still exists today; we admire in it the number of **nows** survived*” [11, p. 161]. Все предложение в целом носит несколько противоречивый характер; однако привлекает наше внимание нетипичное соединение *nows survived*, поскольку *now* трактуется словарем как “*the present moment or time*” [9, p. 956] (кстати, несмотря на то, что это существительное, множественное число здесь крайне нетипично), а *survived* (как форма *survive*) определяется как “*to continue to live or exist*” [9, p. 1470]. Получается, что мы сталкиваемся с некоторым противоречием, которое, вероятно, при более точном рассмотрении даже приближается к тавтологии: то, что существует сейчас, каким-то образом выжило, пережило прошлое и продолжает существовать. Так, сближение двух рассмотренных нами компонентов является нарушением внутренней семантической валентности *now*, что придает словосочетанию особую экспрессию, способствует эффекту «остранения», ведь пройти мимо такого образования, не осмыслив его, для внимательного читателя представляется просто невозможным.

Не менее интересным образованием является сочетание “*a richness of freedoms*”, где двум абстрактным существительным придается значение исчисляемости, множественности, что, естественно, нетипично для нормы языка. Нарушение семантической валентности состоит в факте присоединения показателя множественности к неисчисляемому абстрактному существительному *freedom*, которое одной своей семантикой (“*the condition or right of being able or allowed to do, say, think, etc. whatever you want to, without being controlled or limited*” [9, p. 562]) предпо-

лагает единичность, универсальность. И все же, что хочет сказать этим автор? Данное сочетание относится к рассуждениям о Франции, когда автор – Дж. Фаулз – говорит, почему эта страна так повлияла на него, оставила такой след в душе: “*If anything, it is a richness of freedoms, and even there not so much in allowing people to choose from such richness, as in making the choice available*” [14, p. 55]. Свобода выбора, возможность разного выбора – вот то, что восхищает Дж. Фаулза во Франции. Вероятно, в данном аномальном образовании можно усмотреть вполне нормативную базу – присоединение показателя множественности к неисчисляемому существительному для выражения разных видов, сортов и т. п. Однако именно сема абстрактности данного понятия создает неповторимый эмоциональный эффект, который так важен автору, чтобы более полно отразить свои взгляды на страну, сформировавшую в большой мере его личность как писателя и гражданина.

Наконец, нельзя не отметить, что многие языковые аномалии в текстах постмодерна носят иронический характер. Образования такого свойства также могут основываться на аффиксации при использовании непривычных основ. Как справедливо отмечает Р. А. Киселева, одним из самых необычных случаев является сочетание уже существующих аффиксов с именами собственными, «не имеющими словообразовательного гнезда». Исследователь приводит интересный пример: “*You’ve out-Barbaraed Barbara*”, и даже предлагает вариант перевода на русский язык: «Ты «перебарбарила» самое Барбару» [4, с. 7]. Подобный пример находим у Дж. Фаулза в сборнике рассказов «Башня из черного дерева», когда герои рассуждают о социализме: “*A bottle of Jolly, and you’ll out-Mao everyone else in sight*” [12, p. 265]. Существующий в языке префикс *out* соединяется с необычной основой – именем собственным, что дает довольно интересное образование, несущее в себе яркий иронический подтекст, особенно если учитывать общий иронический контекст диалога. В определенном смысле можно расценить данное образование как нарушение семантической валентности имени собственного, которое не предполагает богатого словообразования; именно соединение несоединимого и производит тот эффект, которого добивается автор произведения.

Итак, подводя итог, следует сказать, что нарушение внутренней валентности слов (как формально-морфологической, так и семантической) является одним из самых распространенных способов создания языковых аномалий на уровне словотворчества. Появление таких аномалий в тексте художественного произведения продиктовано способностью авторского лингвокреативного мышления к более точному, полному, эмоциональному выражению своей мысли, а также намерением вовлечь читателя в постмодернистскую игру, которая так свойственна всем представителям данного направления. Несомненно, в данной статье мы осветили лишь некоторые примеры данного явления, которое весьма многогранно и разнообразно. Исследования нарушения валентных связей могут проводиться и на более высоких уровнях организации языковой системы. Однако именно слово, являясь центральной единицей языка, чаще всего привлекает

внимание как исследователей, так и простых читателей. Разнообразие языковых аномалий, а также богатство передаваемых ими смыслов, вовлекает читателей в уникальный мир авторского воображения и языковых средств, которыми выражается авторский замысел. Это то, о чем Дж. Фаулз так метко сказал: *"Imagination is always ahead of the technique to express it; and one of the greatest pleasures of writing is trying to make the laggard catch up – just as how well and how variously the novelist attempts this is certainly one of the greatest pleasures of reading"* [14, p. 203]. «Воображение всегда обгоняет способ его выражения, и одно из величайших наслаждений творчества – попытка заставить отстающего нагнать ушедшего вперед; а то, насколько удачно или разнообразно автор пытается это сделать, несомненно, доставляет величайшее наслаждение при чтении» [пер. с англ. И. Бессмертной, И. То-гоевой]. И такое наслаждение читатель, несомненно, испытывает каждый раз при встрече с писателем на страницах его книг – фантастических, захватывающих историй, написанных языком настоящего художника слова.

Литература

1. Аракин, В. Д. О лексической сочетаемости / В. Д. Аракин // К проблеме лексической сочетаемости. – М., 1972.
2. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык / И. В. Арнольд. – М.: Флинта: Наука, 2002.
3. Кацнельсон, С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. – М.: Едиториал УРСС, 2002.
4. Киселева, Р. А. Структурные особенности авторских неологизмов и их стилистические функции / Р. А. Киселева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1970.
5. Радбиль, Т. Б. Концепт игры в аномальном художественном дискурсе / Т. Б. Радбиль // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры. – М.: Индик, 2006.
6. Степанова, М. Д. О «внешней» и «внутренней» валентности слова / М. Д. Степанова // Иностранные языки в школе. – 1967. – № 3.
7. Степанова, С. Ю. Словотворчество как нестандартная морфемная сочетаемость / С. Ю. Степанова // Актуальные проблемы семантики, лингвистической типологии и лингводидактики: мат. науч. конф. 26 – 28 марта 1998 г. – М.: МГПУ, 1998.
8. Юдина, Н. В. Сочетания «прилагательное + существительное» в лингвокогнитивном аспекте / Н. В. Юдина. – М.: Владимир: Ин-т языкознания РАН, ВГПУ, 2006.
9. Cambridge International Dictionary of English. – Cambridge University Press, 2000.
10. Drabble, M. A Summer Bird-Cage / M. Drabble. – London: Penguin Books, 1977.
11. Fowles, J. The Aristos / J. Fowles. – London: Vintage, 2001.
12. Fowles, J. The Ebony Tower / J. Fowles. – London: Vintage, 2006.
13. Fowles, J. The Magus / J. Fowles. – London: Vintage, 2004.
14. Fowles, J. The Wormholes / J. Fowles. – New York: Henry Holt and Company, Inc., 1998.

УДК 81.41

ОППОЗИЦИЯ ЗНАНИЯ И МНЕНИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТОЛОГИИ

А. А. Карагодин

THE OPPOSITION OF KNOWLEDGE AND OPINION IN LINGUISTICS AND LINGUISTIC EXPERTOLOGY

A. A. Karagodin

В статье рассматриваются теории знания и мнения с точки зрения их применимости в экспертном исследовании при разграничении утверждений о факте и оценочных суждений. В первой части статьи делается вывод о противоречивости, с гносеологической точки зрения, распространенного в лингвистике и в лингвистической экспертологии так называемого эпистемологического представления о знании и мнении. Выдвигается тезис о необходимости решения задачи разграничения утверждений о факте и оценочных суждений без обращения к эпистемологической теории в той ее интерпретации, которая сложилась в лингвистике и в экспертной практике. Во второй части статьи изучаются возможности концепции знания и мнения как ментальных состояний сознания человека для описания тех ситуаций общения, которые регулируются юридической нормой (статьей 152 ГК РФ).

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, утверждения о фактах, оценочные суждения, оппозиция знания и мнения, эпистемологическая теория, ментальные состояния сознания.

In the article the theories of knowledge and opinion are examined in the aspects of their using in expert research. They separate the statements of facts and estimated judgments. In the first part of the article the conclusion is drawn about contradiction of the epistemological understanding of knowledge and opinion from the gnosiological point of view which is widely spread in linguistics and linguistic expertology. A thesis is suggested proving the necessity to solve the problems of differentiation of statements of facts and estimated judgments without reference to the epistemological

theory in its interpretation existing in linguistics and expert practice. The second part of this article is the potential of conception of knowledge and opinion as the mental states of human consciousness for describing such situations of communication, which are regulated with a legal norm, is examined.

Keywords: *the forensic linguistic expert, the statements about a fact and the estimated judgments, the opposition of knowledge and opinion, an epistemological theory, the mental state of mind.*

Оппозиция знания и мнения относится к сфере эпистемологии, однако, как свидетельствует история отечественного языкознания, имеет непосредственное отношение и к лингвистике. В работах лингвистов Н. Д. Арутюновой, Ю. Д. Апресяна, Анны Зализняк, М. А. Дмитриевской описывается выражение в языке двух фундаментальных когнитивных установок – знания и мнения. Данные исследователи, изучая семантические, прагматические, синтагматические свойства предикатов класса «знать» и класса «считать», стремились расширить представление о концептах «знания» и «мнения». Анализ лингвоэкспертной практики по делам о диффамации показывает, что на сложившуюся в работах лингвистов оппозицию знания и мнения фактически ориентируются эксперты. В экспертных заключениях цитируются работы указанных выше исследователей, термины «знание», «мнение» употребляются как лингвистический аналог юридических терминов «утверждение о факте» и «оценочное суждение», а спорные высказывания нередко квалифицируются как знания либо мнения. Однако, как будет видно в дальнейшем изложении, следование лингвистической традиции разграничения знания и мнения в лингвоэкспертной практике создает ряд трудностей.

Как и в эпистемологии, восходящей к Пармениду и Платону, так и в лингвистике знание и мнение рассматриваются как определенные ступени изученности объекта познания. Мнение, в отличие от знания, не дает полного и точного описания объекта, оно «возникает в условиях неопределенности гносеологической ситуации, ... предполагает одновременное существование разных точек зрения на что-либо ...» [1, с. 7]. Данное представление дополняется рядом признаков, по которым разграничиваются знание и мнение.

Во-первых, считается, что «знание единственно, неизменно и не подлежит выбору: если кто-то знает, что Р, никакого другого знания на этот счет ни у кого быть не может» [2, с. 10]. Мнения, наоборот, «предполагают множественность оценок одного и того же предмета, допускают свободный выбор какой-то одной точки зрения из нескольких или многих возможных и подвержены изменению» [там же]. Во-вторых, указывается, что знание intersubjectively, это «общее достояние». Мнения, напротив, «представляют собой неотчуждаемую собственность индивида» [3, с. 9]. В-третьих, подчеркивается, что знание стремится уйти от человеческого фактора: «утверждение знания полностью исключает не только выражение неуверенности и указание на возможность ошибки или осуществления альтернативного положения дел, но и выражение уверенности» [4, с. 10]. В мнении человеческий фактор неизбежен, поэтому оно «легко соединяется с выражением уверенности, неуверенности и с указанием на возможность ошибки или осуществления альтернативного положения дел» [там же].

В-четвертых, мнение формируется актом воли конкретного человека, поэтому человек волен составить себе мнение о ком- или о чем-либо, изменить мнение, отказаться от мнения и т. д. [2, с. 10]. Знание же не формируется человеком, а получается из какого-то внешнего источника, и поэтому само возникновение знания с волей субъекта никак не связано [там же]. В-пятых, исследователями отмечается, что знание и мнение относятся к классу верифицируемых пропозиций, однако знание в отличие от мнения считается истинной, прошедшей верификацию пропозицией.

Если допустить, что в форме утверждения о факте выражается знание, а в форме оценочного суждения – мнение, в эпистемологическом понимании данных понятий, то следует признать, что в утверждении о факте может передаваться лишь верифицированная и признанная истинной информация, а в оценочном суждении – не прошедшая проверку на соответствие действительности субъективная информация. Причем мнение может выражаться как в утвердительном, так и неутвердительном высказывании (с маркерами предположения, возможности, вероятности). В повседневной жизни человек нередко становится свидетелем событий, о существовании которых никому, кроме него, неизвестно. Его информация о событиях, даже если она оформлена как утверждение, не будет считаться собственно знанием, поскольку она не является верифицированной и intersubjective. В данном случае это мнение конкретного человека, указывающее на начальный этап познания выбранного объекта действительности, на котором еще возможны различные точки зрения на его существование. Лишь верификация информации, установление и признание ее истинности способны «перевести» мнение в знание. (Об этом см. в исследовании Г. Ф. Гибатовой [1].) Одна и та же информация о мире может получать разный статус: быть верой (если принимается без доказательств), мнением (если для доказательства ее истинности приводятся определенные факты; но все же их недостаточно в силу субъективных и объективных причин), наконец, знанием (если в результате верификации признается истинность информации). Этапом знания, безусловно, является информация, полученная в результате научных исследований и экспериментов.

Как видим, формально-грамматические и семантические признаки высказывания при эпистемологическом подходе не могут быть критерием разграничения знания и мнения, а следовательно, и критерием разграничения утверждения о факте и оценочного суждения (в случае отождествления данных категорий). Лингвисту-эксперту, чтобы квалифицировать спорное высказывание как утверждение о факте в рамках рассматриваемой концепции знания и мнения, пришлось бы устанавливать истинность информации, ее общезвестность. Безусловно, лингвистическими методами это сделать невозможно. В экспертной практике дав-

но стало традицией считать не входящим в компетенцию лингвиста-эксперта вопрос о соответствии действительности высказывания. Он в ходе экспертного исследования при разграничении утверждений о факте и оценочных суждений может ориентироваться лишь на формально-грамматические, прагматические и семантические параметры высказывания.

Сформировавшееся в лингвистике так называемое эпистемологическое представление о знании и мнении не является полным, исчерпывающим. Экспертная практика по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, на наш взгляд, обнаруживает данную неполноту. Человек в своей повседневной жизни пользуется не только «готовым» знанием (засвидетельствованным несколькими людьми, верифицированным, соответствующим действительности), но и сам «получает» информацию о мире из различных источников. На каком-то этапе эта информация является его личным достоянием, она субъективна, однако это не означает, что такая информация не имеет никакого отношения к действительности, является всего лишь мнением о ней. Хотя в таком случае обычно говорят о том, что она соответствует не реальной действительности, а тем представлениям о мире, которые содержатся в сознании говорящего. Говорящий может утверждать в качестве истинного то, что он непосредственно видел, слышал, ощущал, к чему пришел в результате умозаключения. Впоследствии может оказаться, что в реальном мире дела на тот момент обстояли именно так, как о них сообщалось в высказывании; безусловно, вполне может оказаться обратное: говорящий мог ошибаться, хотя был абсолютно уверен в том, что утверждает истину.

Возможность допустить ошибку не лишает определенную информацию статуса информации о действительности, не переводит ее в разряд субъективных представлений говорящего. Однако из рассматриваемой эпистемологической теории знания и мнения следует как раз обратное, поскольку «знание единственно, неизменно» (ср.: *«Если я знаю, то я не могу ошибаться»*). Вероятность ошибки всегда достаточно велика, даже если для получения информации были использованы определенные методики и технологии. «Практически всегда возможно (по-человечески возможно) случится так, что я совершу ошибку или нарушу данное обещание, но сам по себе этот факт не является препятствием для употребления мной выражений «я знаю», «я обещаю», когда от нас этого требует ситуация» [5, с. 119]. Если говорящий уверен в том, что имеющаяся в его сознании информация об определенных событиях или явлениях действительности истинна, он вправе сообщать ее в такой форме, чтобы слушающим она воспринималась именно как знание, а не мнение. В противном случае говорящему, чтобы не вводить слушающего в заблуждение, следует выражать информацию в форме мнения.

Эпистемологическое представление о знании и мнении предполагает существование двух противоположных друг другу миров: внешнего, объективного мира, существующего независимо от человека, и внутреннего, субъективного мира, находящегося в сознании человека и представляющего собой отражение, интерпретацию объективного мира. Знание при-

надлежит объективному миру, мнение – субъективному.

Данное представление нашло практическое применение в экспертной практике при разграничении утверждений о факте и оценочных суждений. Оно было дополнено юридически значимыми представлениями о верифицируемости высказываний.

Обоснование квалификации спорного высказывания, как правило, включает указание на отнесение высказывания либо к объективной действительности, либо к субъективному внутреннему миру говорящего. (Либо, как предлагается в статье Г. С. Иваненко, опубликованной в сборнике «Юрислингвистика-10» [6], эксперту следует вычленять в спорном высказывании субъективную и объективную информацию). Делается это на основании анализа формально-семантической структуры высказывания. Прочитав в качестве примера фрагмент статьи С. В. Дорониной: «... присутствие того или иного оценочного компонента в структуре значения говорит не об объективных свойствах референта, а скорее об особенностях концептуальной системы индивида, высказывающего данное суждение» [7, с. 47]. Считается, что высказывание, лишенное субъективного компонента, оформленное как утверждение, способно передавать информацию о действительности; напротив, высказывание, содержащее субъективный компонент, сообщает не о самой действительности, а лишь о том, какое представление о действительности содержится у говорящего (приведем пример из экспертного заключения: «Форма этого высказывания по отношению к тому, как в нем проявляется личность познающего и говорящего субъекта, представляет собой ЗНАНИЕ, а не МНЕНИЕ, поскольку здесь отсутствуют показатели пропозитивной установки и субъективной модальности, словесно выявляющие субъектную сферу» [<http://www.rusexpert.ru/prim/pr012.htm>]).

Такое представление хорошо согласуется с тем, которое изложено в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 24 февраля 2005 г. «О судебной практике по делам о защите чести, достоинства, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»: «Следует различать имеющие место утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения..., которые, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия действительности». Под его влиянием лингвисты-эксперты стали отождествлять юридическую оппозицию утверждений о фактах и оценочных суждений с оппозицией 1) высказываний, сообщающих объективную информацию о действительности, не имеющих в своей структуре субъективно-модальных компонентов и, следовательно, верифицируемых, и 2) высказываний, выражающих субъективные представления говорящего о мире, оформленных как оценочные суждения, мнения или предположения, не соотносящихся с действительностью и, следовательно, неверифицируемых.

Предложенное в Постановлении Пленума Верховного суда разграничение утверждений о фактах и оценочных суждений является юридически и лингвистически значимым различием (о различии юридически и лингвистически значимых оппозиций см. в [9], [10]). Нам представля-

ется, что указанная выше оппозиция, сложившаяся под влиянием юридического противопоставления, является, с гносеологической точки зрения, противоречивой.

Во-первых, в свете концепции знания и мнения как ментальных состояний сознания (о данной концепции речь пойдет в следующей части статьи) очевидно, что выбор формы высказывания, соответствующей утверждению о факте или оценочному суждению, зависит от говорящего, а точнее, от оценки им своего внутреннего ментального состояния как знания либо мнения. Поэтому и утверждения о факте в этом смысле субъективны.

Во-вторых, так называемый субъективный компонент не может быть препятствием для соотнесения высказывания с действительностью. Несложно представить себе ситуацию, когда мнение какого-либо лица в результате верификации может оказаться истинным (или ложным, ошибочным). Приведем пример Б. Рассела: «Однажды я встретил странного прорицателя, который на основании Откровения Иоанна Богослова утверждал, что в Египте в скором времени произойдут беспорядки. Они действительно имели место» [8, с. 254]. На этом примере видно, что мнение не утрачивает связи с действительностью. Хотя такие высказывания, как, например, директивные на самом деле не соотносятся с действительностью.

В-третьих, высказывание может быть истинным, не иметь в своем составе маркеров субъективной модальности, однако для него может не быть адекватных способов проверки на соответствие действительности. Таковыми высказываниями являются универсальные высказывания, о которых точно мы никогда не знаем, истинны ли они. Считается, что универсальное высказывание истинно до тех пор, пока не будет найден хотя бы один отрицательный пример, свидетельствующий о его ложности.

С нашей точки зрения, лингвисту-эксперту при разграничении утверждений о факте и оценочных суждений вовсе не обязательно опираться на оппозицию верифицируемых и неверифицируемых, соотносимых с объективным и субъективным миром высказываний. Ему достаточно указать высказывания, для которых возможна истинностная оценка, и высказывания, для которых данная оценка принципиально невозможна. Трудность использования этого подхода заключается в том, что истинными и ложными могут быть не только высказывания, квалифицируемые как утверждения о факте, но и высказывания, квалифицируемые как оценочные суждения. Положительным, как мы считаем, моментом подхода является то, что лингвист-эксперт избавляется от необходимости квалифицировать спорные высказывания как утверждения о факте либо как оценочные суждения. Известно, что такая необходимость порождает множество трудностей, главная причина которых заключается в том, что объективно невозможно установить единый набор лингвистических признаков, позволяющих однозначно квалифицировать спорное высказывание. Вместе с тем лингвист-эксперт не уходит от решения поставленной перед ним задачи. В экспертном заключении он укажет высказывания, могущие быть истинными или ложными, а суд уже в отношении их примет соответствующие юридические решения. К примеру, в

отношении утвердительных высказываний о внутреннем психологическом состоянии («Я был рад встрече с ним» и подобные), истинных или ложных, суд откажет истцу в требовании на опровержение содержащейся в них информации, а автора данных высказываний освободит от необходимости доказывать соответствие действительности. Это будет сделано не на основании того, что такие высказывания являются оценочными суждениями, а на основании того, что каждый человек имеет право говорить о своем внутреннем психологическом состоянии.

Таким образом, используемое лингвистами эпистемологическое представление о знании и мнении противоречиво с гносеологической точки зрения. Сложившееся в экспертной практике на его основе и под влиянием юридической сферы противопоставление верифицируемых и неверифицируемых, соотносимых с объективным и субъективным миром высказываний также противоречиво с гносеологической точки зрения. Возможно и, с нашей точки зрения, более приемлемое решение задачи разграничения утверждений о факте и оценочных суждений без обращения к данному противопоставлению.

Уяснение того, что эпистемологическая теория знания и мнения не находит как такового практического применения в экспертном исследовании, вовсе не означает, что никакая другая концепция знания и мнения не может быть использована в лингвистической экспертологии.

В работах Л. Витгенштейна, Дж. Мура, Н. Малкольма, Х. Причарда знание и мнение рассматриваются в качестве определенного состояния сознания человека. А это означает, что не только мнение, но и знание непосредственно связано с его внутренним миром. Полагается, что человек способен с помощью «интроспективной интерпретации» (термин Н. Малкольма) определить состояние своего сознания, другими словами, решить, соответствует ли оно знанию или же соответствует оно мнению. «Надо признать, что, когда мы знаем что-либо, мы также знаем или, по крайней мере, можем точно определить, что мы имеем мнение, но не знание» (Х. Причард, цит. по [11, с. 252]). По-другому, акцент в данной концепции делается не на том, что есть знание или мнение в действительности, а на оценке говорящим своего внутреннего ментального состояния как знания или мнения.

Слабость данной идеи, по мнению самих же представителей данной концепции, заключается в том, что «человек путем размышления может определить, знает ли он что-либо или только имеет мнение, и результаты этой идентификации не могут быть ошибочными» [11, с. 253]. Без сомнения, человек может ошибаться относительно состояния своего сознания, а также смешивать не только знание с мнением, но и дескриптивную информацию с оценочной. К. Поппер в своей работе «Открытое общество и его враги» приводит примеры, когда нормы, вводимые и принимаемые человеком, рассматриваются как факты – законы природы. Так, древнегреческий поэт Пиндар утверждал, что право сильного поступать со слабейшим так, как ему угодно, является универсальным законом природы. В суждении Пиндара К. Поппер усматривает проявление биологического натурализма, согласно которому моральные законы и законы развития госу-

дарства выводятся из законов природы (современная судебная практика по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации также свидетельствует о том, что человек склонен смешивать два типа информации. Широко распространены случаи, когда тот или иной политик, общественный деятель или предприниматель обращается в суд с просьбой признать не соответствующей действительности оценочную информацию о нем. К примеру, потерпевший (известный в г. Новосибирске предприниматель) в исковом заявлении указывает: «В этой заметке газеты распространено не соответствующее действительности сведение о том, что я являюсь человеком несправедливым, непорядочным и не проявляющим участия к другим людям» [12, с. 39]. Оценочные характеристики своей личности (несправедливый, непорядочный, не проявляющий участия к другим людям) он воспринимает как фактические и настаивает на их ложности, хотя оценочные высказывания принципиально не могут быть истинными или ложными, но могут быть справедливыми или несправедливыми).

Не будет противоречить Х. Причарду и Н. Малкольму мысль о том, что результат интерпретации человеком состояния своего сознания повлияет на формально-грамматическую структуру высказывания. Если человек сомневается в истинности имеющейся в его сознании информации, то свое высказывание он оформит как мнение, предположение, включив в него соответствующие языковые средства. Безусловно, если у него нет намерения ввести слушающего в заблуждение. Если же человек уверен в том, что он собирается сообщить слушающему, искренен с ним, он построит свое высказывание в утвердительной форме, исключив из него средства субъективной модальности, оценочные слова.

При этом важно, чтобы говорящий не только был искренен со слушающим, но и мог так сформулировать свое высказывание, чтобы оно воспринималось слушающим необходимым образом: либо как мнение (предположение, оценочное суждение), выражающее отношение к событиям и явлениям действительности, либо как утверждение, сообщаемое о существовании в действительности определенных событий и явлений. В русском языке для этих целей есть необходимый набор самых разнообразных средств: лексических, грамматических, ритмомелодических и др. Эффективное употребление указанных средств в речи может быть достигнуто при соблюдении говорящим определенных правил. В качестве примера приведем некоторые правила, сформулированные Н. Д. Арутюновой для выражения факта. (Заметим, что это не единственные правила, важнейшие рекомендации по смысловой защите текста изложены в работах Г. П. Грайса и Дж. Лича (подробнее об этом см. в [14, с. 60 – 64]).

Как отмечает Н. Д. Арутюнова, главное правило заключается в том, чтобы исключить из высказывания, выражающего факт, субъективные оценки и эмоциональные коннотации, вводные слова и конструкции. «Будучи величиной объективной, «факт» должен «выбирать выражения», отбрасывая все то, что обнаруживает связь с личностью говорящего, – его оценки, комментарии, дополнения, разъяснения и т. п. – словом, все то, что затрудняет верификацию и вносит

побочные субъективно-предикатные связи» [13, с. 495]. Несоблюдение данного требования может привести к искажению факта. «Предложение *Наш простофиля женился на этой «штучке»*, если оно претендует на констатацию факта, должно быть переформулировано как *Иван женился на Изольде*» [13, с. 495]. Сообщение факта также требует, чтобы говорящий был внимателен к выбору лексики: она должна быть нейтральной и отвечать условию «прозрачности» [там же].

Говорящий должен быть уверен в истинности и в некоторой степени общеизвестности сообщаемой информации (о существовании в действительности определенных предметов и событий должно быть известно не только ему, но и другим говорящим, не обязательно тем, кому он ее сообщает; причем те, кому известна данная информация, также должны быть уверены в ее истинности). Если человек не уверен в том, является ли какое-либо событие фактом (истинным суждением о существовании данного события в действительности), ему следует говорить о нем в предположительной модальности.

Еще одно правило предполагает, что говорящий должен быть искренним перед слушающим и внимательным к той информации, которую он ему сообщает. Если в том источнике, из которого получена информация, она маркируется как чье-либо мнение или предположение, говорящий должен таким образом сформулировать свои высказывания, чтобы в них сохранилась исходная модальность (модальность мнения, предположения). В противном случае он исказит информацию. Приведем пример. Если кто-либо говорит о собственном мнении по поводу тех или иных фактов (скажем, «*Я считаю, что фильм был снят в Америке*»), то говорящий, если не желает ввести в заблуждение слушающего, не должен высказываться о нем как об утверждении по поводу фактов (не «*Н утверждает, что фильм был снят в Америке*», но «*Н считает, что фильм был снят в Америке*»).

Концепция знания и мнения как ментальных состояний сознания человека вполне согласуется с ситуацией общения, которая регулируется юридической нормой (ст. 152 ГК РФ). Предполагается, что говорящий может сознательно выбирать, каким образом ему преподнести определенную информацию (как знание или как мнение), способен строить свои высказывания так, чтобы они воспринимались слушающим соответствующим образом. Результат оценки внутреннего состояния определяется психологическими факторами: уверенностью в истинности имеющейся в сознании информации, в надежности источника получения данной информации и т. д. Укажем на возможные ситуации, возникающие в результате соотношения ментального состояния сознания говорящего (знания или мнения), формально-грамматической структуры высказывания и соответствия или несоответствия действительности.

Говорящий уверен в истинности имеющейся в его сознании информации, сообщает ее слушающему в утвердительной форме, без показателей субъективной модальности и оценочных слов, в действительности информация является истинной. Однако сообщение информации в утвердительной форме, без показателей субъективной модальности и оценочных слов

равным образом может как соответствовать действительности, так и не соответствовать ей. Наличие в сознании говорящего уверенности в истинности информации еще не делает высказывание, передающее данную информацию, истинным. Поэтому нередки случаи, когда говорящий, будучи уверенным в истинности, распространяет информацию о лице в утвердительной форме, а впоследствии оказывается, что данная информация о лице не соответствует действительности. Подобные случаи становятся предметом судебного разбирательства.

Следующая ситуация. Говорящий не уверен в истинности имеющейся информации, маркирует свое высказывание как мнение, предположение, распространенная информация может как соответствовать, так и не соответствовать действительности. В таком случае говорящий не подвергается правовой ответственности, даже если его высказывания являются ложными, поскольку он имеет полное право выражать свое мнение, предположение, убеждение.

Вполне возможны и такие ситуации, когда уже в ходе судебного разбирательства ответчик настаивает на том, что распространенная им информация о некотором лице является его мнением, субъективным представлением. Вместе с тем экспертное исследование высказываний показывает, что они имеют утвердительную форму, в их формально-семантической структуре нет средств субъективной модальности и оценочных слов. Даже если предположить, что ответчик искренен в своих заявлениях и не старается таким образом уйти от правовой ответственности, установленные экспертизой факты говорят против него. Суд вынесет решение не в его пользу, поскольку будет ориентироваться на очевидную для слушающего причинно-следственную связь между ментальным состоянием говорящего (конечно, при условии, что он искренен перед слушающим) и формально-грамматической организацией его высказываний. Если слушающий воспринимает высказывание в утвердительной форме, без маркеров субъективной модальности и оценочных слов, то он вправе думать, что говорящий оценивает свое ментальное состояние как знание, т. е. убежден в истинности имеющейся у него информации, и вправе воспринимать информацию как сообщение о реально произошедших в действительности событиях и явлениях, а в случае обнаружения лжести такой информации считать себя введенным в заблуждение, обманутым. Если же говорящий заявляет, что в данном высказывании он выразил всего лишь свое субъективное представление о действительности, то возможны, по крайней мере, два объяснения такому факту: либо говорящий таким образом стремится снять с себя всякую (и юридическую в том числе) ответственность, либо он просто не владеет приемами выражения мнения и невнимателен к своей речи (не замечает того, что вероятностную информацию сообщает в утвердительной форме; в таком случае речь идет о его низком коммуникативно-речевом профессионализме).

Следующие ситуации связаны с соотношением ментального состояния сознания говорящего (знания или мнения), формально-грамматической структуры высказывания и ментального состояния слушающего. «Событие выступает в сознании журналиста в виде

образа события. Образ события описывается им при помощи текста, причем конечная задача этого текста – создать аналогичный образ события у реципиента (читателя или зрителя). <...> В этом процессе могут возникать намеренные и ненамеренные деформации» [14, с. 52]. Останавливаться на данных ситуациях мы не станем, поскольку они достаточно подробно описаны в книге «Понятие чести, достоинства и деловой репутации». Лишь укажем на то, что полученные в данной книге результаты не противоречат основным положениям концепции знания и мнения как ментальных состояний сознания человека, которая рассматривается нами в аспекте ее использования в экспертной практике по делам о защите чести.

Концепция знания и мнения не является лингвистической теорией. Нам не известны лингвистические исследования, которые бы основывались на данной концепции, как в случае с эпистемологической концепцией знания и мнения. Однако ключевые идеи концепции знания и мнения как ментальных состояний перекликаются с положениями теории речевых актов. (Заметим, что теория речевых актов является основной теорией, с позиции которой в книге «Понятие чести достоинства и деловой репутации» рассматривается ситуация общения, регулируемая статьей 152 ГК РФ).

С позиции теории речевых актов, в отношении мнений и утверждений говорящий ведет себя неодинаковым образом. Утверждая определенное положение дел в мире, говорящий берет на себя ответственность за его истинность и выражает психологическое состояние убеждения. В случае мнения, предположения, сомнения ответственность с говорящего снимается. При этом состояние убеждения остается, но в меньшей степени (подробнее об этом см. в [15, с. 181 – 182]). В рамках данной теории признается сознательный выбор говорящего. Он может оформить свое высказывание как утверждение, выразив убеждение в истинности его содержания, но при этом должен понимать, что в таком случае берет на себя ответственность – морально-этическую и правовую. Выражая собственное мнение, предположение или сомнение, говорящий снимает с себя ответственность, и прежде всего правовую, поскольку высказывание мнений, предположений, сомнений гарантируется каждому человеку Конституцией РФ.

Литература

1. Гибатова, Г. Ф. Ментальные сферы русского языка: знание и мнение [Текст] / Г. Ф. Гибатова: автореф. дис. ...докт. филол. наук. – Уфа, 2011. – 43 с.
2. Апресян, Ю. Д. Системообразующие смыслы «знать» и «считать» в русском языке [Текст] / Ю. Д. Апресян // Русский язык в научном освещении. – 2001. – № 1.
3. Арутюнова, Н. Д. «Полагать» и «видеть» (к проблеме смешанных пропозициональных установок) [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Проблема интенциональных и прагматических контекстов: сб. научн. трудов / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1989.
4. Дмитриевская, М. А. Знание и мнение: образ мира, образ человека [Текст] / М. А. Дмитриевская // Ло-

гический анализ языка. Знание и мнение: сб. научн. трудов / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988.

5. Остин, Дж. Три способа пролить чернила. Философские работы [Текст] / Дж. Остин. – СПб.: Алетейя, 2006. – 335 с.

6. Юрислингвистика-10: лингвоконфликтология и юриспруденция: межвузовский сборник научных трудов [Текст] / под ред. Н. Д. Голева и Т. В. Чернышовой. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. – 510 с.

7. Доронина, С. В. Средства выражения эпистемологического значения и методологические основы лингвистической экспертизы [Текст] / С. В. Доронина // Филология и человек. – 2009. – № 3.

8. Рассел, Б. Исследование значения и истины [Текст] / Б. Рассел. – М.: Идея-Пресс, 1999. – 400 с.

9. Бринев, К. И. Методологические проблемы лингвистической экспертизы: определение сущности экстремизма, определение понятия «социальная группа». [Электронный ресурс] / К. И. Бринев // Библиотека сайта «Сибирская ассоциация лингвистов-экспертов». – Режим доступа: <http://siberia-expert.com/publ/3-1-0-96>.

10. Бринев, К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография

[Текст] / К. И. Бринев; под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул: АлтГПА, 2009. – 252 с.

11. Малкольм, Н. Мур и Витгенштейн о значении выражения «Я знаю ...» [Текст] / Н. Малкольм // Философия, логика, язык / сост. В. В. Петров. – М.: Прогресс, 1987. – 336 с.

12. Спорные тексты СМИ и судебные иски. Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарии лингвистов [Текст] / под ред. проф. М. В. Горбаневского. – М.: Престиж, 2005. – 200 с.

13. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – I-XV, 896 с.

14. Понятие чести, достоинства и деловой репутации: спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами [Текст] / под ред. А. К. Симонова и М. В. Горбаневского. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Медя, 2004. – 328 с.

15. Серль, Дж. Классификация иллокутивных актов [Текст] / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике: сборник / общ. ред. Б. Ю. Городецкого. – Вып. 17: Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986.

УДК 645.197

ПРЕСС-РЕЛИЗ ДЛЯ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ В СПОРТИВНОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ

К. В. Куур

PRESS-RELEASE FOR SOCIAL MEDIA AS A SOURCE OF INFORMATION IN SPORTS JOURNALISM

K. V. Kiuru

В статье рассматриваются особенности пресс-релиза для социальных медиа как результата трансформации традиционных жанров массовой коммуникации. Анализируются отличия контента и оформления пресс-релиза для социальных медиа от пресс-релиза на бумажных носителях. Приводится типология информационных поводов для пресс-релиза как источника информации в спортивной журналистике.

Ключевые слова: пресс-релиз, жанр, Интернет, информационный повод, спортивная журналистика.

This article discusses the features of press-release for social media as a result of transformation of the traditional genres of mass communication. The differences between content and presentation of the press release for the social media and press-release for printed media pure analyzed. An information typology of reasons for the press release as a source of information in sports journalism is provided.

Keywords: press release, genre, Internet, newsworthy, sports journalism.

Появление новых коммуникационных возможностей, перевод информации в цифровую форму и развитие Интернета находят свое отражение в новых текстах массовой коммуникации. Трансформация медиапространства вызвала эволюцию традиционных PR-текстов и появление новых. Одно из определений электронного PR-текста принадлежит О. Г. Филатовой, которая, взяв за основу определение традиционного PR-текста, сформулированного А. Д. Кривоноговым, пишет, что это «краткий, наполненный достаточным количеством ключевых слов текст, содержащий PR-информацию, инициированный базисным

субъектом PR, служащий целям формирования и приращения публичного капитала базисного PR-субъекта, адресованный определенному сегменту общественности, обладающий скрытым авторством, распространяемый в сети Интернет посредством размещения на корпоративном веб-сайте» [2, с. 111].

Тексты, предназначенные для Интернет, отличаются от традиционных бумажных текстов. Это обусловлено особенностями: техническими (отображение текста на экране), психологическими (поведение человека в Интернет), ситуационными (ситуация восприятия текста).

К контенту электронного текста предъявляются следующие требования:

- текстовое содержание ресурса должно быть грамотным, интересным и информативным,
- контент должен быть максимально лаконичным и доступно изложенным,
- текст должен содержать в себе достаточный процент ключевых слов или фраз с целью соответствия поисковому запросу,
- контент должен постоянно обновляться, чтобы не были утрачены завоеванные ранее высокие позиции в поисковых системах.

Можно выделить некоторые особенности электронного PR-текста. Во-первых, основным каналом распространения электронных PR-текстов выступает Интернет. Во-вторых, электронный текст – это гипертекст. Гипертекстуальность достигается переходом по ссылкам к дополнительной информации [3]. Это могут быть ссылки не только на корпоративный сайт данной компании, но и ссылки на любые другие Интернет-ресурсы (видеохостинги, аудиофайлы и т. д.). Вынесение всей дополнительной информации за пределы страницы позволяет быстрее донести суть сообщения. В-третьих, он должен содержать ключевые слова и фразы с целью соответствия поисковому запросу. Поисковая оптимизация является обязательной задачей при написании электронных PR-текстов. И, наконец, в-четвёртых, Интернет-тексты отличаются особенной, более подробной и специфической структурированностью [1]. В частности, в отличие от традиционных PR-текстов, которые рассылаются по традиционным каналам (прежде всего, в редакции печатных СМИ) и представляют собой целостный текст, электронный PR-текст членится на структурные блоки.

Остановимся подробнее на типовой структуре электронного пресс-релиза как гипертекста. В его основе – структура классического пресс-релиза: шапка, включающая логотип, название организации (базисного субъекта), название PR-структуры, контакты, дата распространения, жанровая принадлежность – «пресс-релиз», заголовок, лид-абзац, основной текст.

Структура пресс-релиза для социальных медиа включает разного рода гиперссылки: ссылки на последние сообщения в СМИ, касающиеся данного информационного повода, ссылки на корпоративные блоги и подкасты, ссылки на профиль компании, ссылки на видеоматериалы, информация о спикерах или VIP-персонах (например, ссылки на биографию, профиль деятельности персоны в «Facebook»), ссылки на фотографии, имеющие отношение к новостному поводу.

Для пресс-релиза в социальных медиа применяется общепринятая форма подачи материалов: сообщение начинается с существенного, опорного факта, который в дальнейшем конкретизируется. В связи с этим особую роль играет лид-абзац, который должен быть кратким, ясным и включать в себя сумму всех фактов, изложенных в тексте. На долю заголовка и лида приходится до 70 % общего смысла информации.

Объем текста пресс-релиза для социальных медиа не должен превышать 3000 знаков, длина абзацев – 3 – 5 предложений по 7 – 10 слов.

Примером пресс-релиза для социальных медиа может быть следующий текст:

Организаторами проекта являются члены Студенческого Правительства Дублёров Дмитрий Салихов и Роман Новиков, при поддержке Федерации Футбола Слепых и дирекции ФОК «Марьино роццо». В этом году турнир будет проводиться с привлечением большого числа команд-участников: играть будут 5 команд, сформированных из незрячих футболистов, многие из незрячих футболистов входят в состав сборной России по футболу слепых. Данный проект имеет двойную направленность: с одной стороны, позволит частично решить проблему с недостатком количества спортивных мероприятий по футболу для незрячих, а с другой – является мерой, в соответствии со «Стратегией повышения качества жизни инвалидов в городе Москве на период до 2020 г.» направленной на формирование толерантного отношения общества к инвалидам, как к равноправным членам городского сообщества, правильного понимания их проблем. Почётные гости:

- вице-президент ФФС (Федерация Футбола Слепых) Торопов Сергей Викторович;
- главный тренер сборной России по футболу слепых (категории В1) и тренер сборной команды по футболу слепых г. Москвы Береговой Николай Николаевич;
- 2-ой тренер сборной России по футболу слепых (категории В1) и тренер сборной команды по футболу слепых г.С.-Петербурга Агибалов Михаил Викторович;
- дублёр Префекта СВАО г. Москвы Тюпкина Екатерина Александровна;
- дублер руководителя Департамента физической культуры и спорта г. Москвы Салихов Дмитрий Альбертович.

Дата и время проведения турнира: 23 ноября 2011 года, торжественное открытие турнира в 11.00 часов.

Место проведения: ФОК «Марьино роццо» (3-ая улица Марьиной роццы дом 8).

Справка: автором идеи и организатором I-ого турнира по футболу слепых на кубок ГУ «Гражданская смена» в 2010 году был незрячий участник проекта «Гражданская смена» Роман Новиков - член кабинета дублёра руководителя Департамента социальной защиты населения г. Москвы, член ВОС. В прошлом году участие в турнире приняли три команды, состоящие из тотально слепых игроков. Суммарное количество участников турнира в прошлом году стало свыше 100 человек.

Физкультурно-оздоровительные мероприятия и спорт являются важнейшими и наиболее эффективными средствами реабилитации инвалидов, интеграции их в современное общество. Они создают мощные стимулы для возвращения инвалидов в активную, насыщенную жизнь, расширяют круг общения, способствуют появлению новых друзей и новых интересов, позволяют максимально раскрыть физические и духовные возможности инвалидов. Футбол является не только одним из самых популярных видов спорта, но и самым эффективным средством реабилитации инвалидов по зрению: приобретаются и совершенст-

вуются навыки пространственного ориентирования, что особенно важно для тотально слепых.

В настоящее время в Москве, несмотря на особую значимость для инвалидов по зрению и реабилитационную эффективность, проводится мало соревнований по футболу для категории В1. Поэтому необходимо проведение дополнительного спортивного мероприятия – матча по футболу для инвалидов. Необходима аккредитация (до 19.00 часов вторника (22.11)). Дополнительная информация и аккредитация по тел.: 8(495)912-32-41 доб.231; 8-906-077-73-48 Ольга Ефимцева

Источник:

http://grsmena.ru/test/event/new_mia/25618/.

Информационным поводом, который отражается в пресс-релизе и интересен спортивным СМИ, могут стать самые разнообразные события. Типологию спортивных информационных поводов можно представить следующим образом.

1. Спортивные соревнования

Спортивные соревнования имеют целью выявление сильнейших спортсменов и команд, высших спортивных достижений, совершенствование спортивного мастерства, пропаганду физической культуры и спорта.

Наибольший интерес у аудитории спортивных СМИ всегда вызывают международные, всемирные и национальные состязания. Также на заинтересованность аудитории влияет вид спорта и участие известных спортсменов в соревнованиях.

Также в спортивных соревнованиях можно выделить еще несколько самостоятельных информационных поводов, таких, как:

1.1. Результаты соревнований.

Поскольку результат спортивных соревнований непредсказуем, то наряду с самими соревнованиями их результат может стать информационным поводом.

1.2. Неадекватное поведение зрителей на соревнованиях.

Как болельщики, так и простые зрители во время спортивных соревнований под действием алкоголя или от переизбытка эмоций сами могут стать информационным поводом или совершить поступок, который может сдвинуть основной информационный повод на второй план.

1.3. Травмы спортсменов.

Также в качестве информационного повода могут выступать такие события, как травмы спортсменов во время соревнований или другие события (например, смерть в результате остановки сердца во время матча 19-летнего хоккеиста Алексея Черепанова).

1.4. Форс-мажорные ситуации.

Во время проведения спортивных соревнований могут произойти непредвиденные события, которые чаще всего возникают не по вине человека, а по случайности. Примером такого события может стать публикация об обрушении во время футбольного матча в Бразилии тридцатиметровой трибуны стадиона, на которой находилось несколько сотен человек.

1.5. Неспортивное поведение спортсменов.

Такие события происходят довольно часто из-за нарушения правил спортсменами, которые могут повлечь за собой травмы спортсменов или повлиять на результат игры.

1.6. Дисквалификация спортсменов.

За какие-либо нарушения правил проведения спортивных соревнований или использование допинга спортсмен может быть дисквалифицирован.

2. Спортивные пресс-конференции и брифинги

Пресс-конференция – мероприятие для СМИ, проводимое в случаях, когда есть общественно значимая новость, и организация или отдельная известная личность, непосредственно связанные с этой новостью, желают дать свои комментарии по этой новости, которые были бы интересны и важны для общественности.

3. Спортивные интервью

Интервью – это техника сбора информации, которая может быть опубликована или передана в эфир как новость или войти в сообщение, репортаж, комментарий. Интервью может быть как вспомогательной частью журналистской работы, так и вполне самостоятельным материалом.

Интервью подразделяется на два вида: интервью-сообщение, преследующее главным образом информационную цель, и интервью-мнение, комментирующее известные факты и события.

В интервью чаще всего принимают участие известные деятели спорта. Интервью у спортсмена можно взять по следующим поводам.

3.1. Интервью-мнение о планах на предстоящие соревнования.

В преддверии каких-либо соревнований каждый спортсмен обладает если не прогнозом на них, то планами, о которых журналисты могут написать статью. Так же как и спортсмены, такой информацией могут поделиться и тренеры клуба. Прогноз на предстоящие соревнования вызывает интерес у читателей.

3.2. Интервью-мнение после соревнований.

Так же, как и перед матчем, у спортсменов и тренеров есть свое мнение и комментарии по поводу прошедших соревнований, у них есть своя точка зрения о причинах победы или поражения.

3.3. Событие в личной жизни спортсменов (например, выход в свет книги, написанной спортсменом или тренером).

3.4. Награждение спортсменов за особые достижения.

Такой информационный повод, как награждение спортсменов за особые достижения возникает намного реже, чем спортивные соревнования, и вызывает большой интерес как у журналистов, так и у читателей (например, вручение Президентом РФ олимпийской чемпионке Елене Дементьевой ордена "За заслуги перед Отечеством" IV степени за большой вклад в развитие физической культуры и спорта).

Пресс-релиз 2.0 получил расширенные возможности распространения: на корпоративных сайтах, на сайтах-релизоприемниках (например: www.press-release.ru), на тематических новостных порталах (например: www.novoteka.ru), на сайтах партнеров, на сервисах электронных почтовых рассылок (например: www.subscribe.ru), в электронных средствах массовой информации (в электронных газетах и журналах).

Для того чтобы электронный PR-текст получил широкое распространение, его автору следует обратить внимание на адаптацию текста к условиям интернет-среды. Во-первых, это структурная адаптация,

о чём уже говорилось выше. Во-вторых, это насыщение текста ключевыми словами, которые определяют при помощи анализа статистики поисковых запросов в основных поисковых машинах (Google и Яндекс) [см. подробнее: 2].

Литература

1. Курганова, Е. Б. Композиционно-структурные особенности Интернет-релизов [Текст] / Е. Б. Курганова, А. Душкина // Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения. – СПб.: Роза мира, 2010.

2. Филатова, О. Г. Электронный PR-текст [Текст] // Интернет-технологии в связях с общественностью: учебное пособие / под ред. И. А. Быкова, О. Г. Филатовой. – СПб.: Роза мира, 2010.

3. Ширина, М. Г. Интернет-гипертекст общественных связей: характеристики, особенности, тенденции развития [Электронный ресурс] // Медиаскоп, 2010, № 2. – Режим доступа: <http://www.media-scope.ru/node/567>.

УДК 81'27

СУЩЕСТВУЮТ ЛИ ЖАНРЫ ПОХВАЛБЫ, ЛЕСТИ И Т. П.?

Л. А. Месеняшина

DO THE GENRES OF PRAISE, FLATTERY ETC. EXIST?

L. A. Mesenyshina

В статье рассматривается один из спорных вопросов современной теории речевых жанров – вопрос о возможности существования в жанровой системе языка таких жанров, в состав жанрообразующих признаков которых заложено нарушение определенных норм речевого поведения. В качестве решения вопроса предлагается, по аналогии с разграничением активной и пассивной грамматик, создание «активной и пассивной грамматики» для жанрового уровня языка.

Ключевые слова: речевой жанр; жанровая система языка; адресат, автор; текст; иллокуция, перлокуция, активная и пассивная грамматика.

The article covers at a disputable question of modern speech genre theory: can to such genres, whose genre characteristics are contrary to any speech behavior norms exist in the genre system of the language? As an answer to this question it is proposed to creat “active grammar” and “passive grammar” at the genre level of language, similar to Shcherba’s active and passive grammar.

Keywords: speech genre, genre system of the language, addressee, author, text, illocution, perlocution, active and passive grammar.

В современном речеведении до сих пор остается дискуссионным вопрос о том, существуют ли в жанровой системе речевые жанры (РЖ), заведомо нарушающие максимы речевого поведения, в частности, те из них, которые вытекают из принципа вежливости, а именно: 1) максима такта: “Своди до минимума усилия других”, “Старайся увеличить выгоду для других”; 2) максима великодушия: “Своди до минимума выгоду для себя”, “Бери на себя все усилия”; 3) максима одобрения: “Не хули других”; 4) максима скромности: “Своди до минимума похвалу в свой адрес”, “Хвали других”; 5) максима согласия: “Избегай разногласий”, “Стремись к согласию”; 6) максима симпатии: “Будь благожелательным” (Дж. Лич [13]). Так, А. Вежицка признает в качестве регулярного жанр похвалы и предполагает, что в формулу этого жанра входят следующие ментальные акты:

«Говорю: обо мне можно сказать нечто хорошее, чего нельзя сказать о других людях

Мне по этой причине приятно

Говорю это, потому, что хочу, чтобы ты был удивлен и завидовал мне» [3, с. 74]. Совершенно очевидно, что данный набор ментальных актов противоречит максиме такта (“Старайся увеличить выгоду для

других”), максиме великодушия (“Своди до минимума выгоду для себя”), максиме скромности (“Своди до минимума похвалу в свой адрес”) и, наконец, максиме симпатии (“Будь благожелательным”).

Именно на этом основании М. Ю. Федосюк сомневается в том, что жанровая система какого бы то ни было языка может допускать существование РЖ похвалы, так же, как жанра лести и нек. др., в состав которых входят смысловые единицы, по определению противоречащие важнейшим принципам коммуникативного поведения. Впрочем, М. Ю. Федосюк, отрицая возможность существования таких РЖ в составе жанровой системы, допускает возможность их существования в качестве узуального нарушения жанровой нормы [10], подобно узуальным отклонениям от нормы в произношении (*кофЭ, бассЭйн*) или грамматике (*ложит, красивая тюль* и т. п.).

Вопрос, таким образом, стоит шире: допускает ли жанровая система языка в принципе существование РЖ, в состав жанрообразующих признаков которых заложено нарушение той или иной нормы речевого поведения или высказывания, нарушающих эти нормы, представляют собой индивидуальные/групповые нарушения жанровых норм?

Задача настоящей статьи – предложить подход, позволяющий примирить диаметрально противоположные позиции по этому вопросу.

Прежде всего необходимо сделать ряд предварительных замечаний.

1. В настоящей работе обсуждается вопрос именно о жанрах речи, а не о жанрах общения, в противоположность подходу, принятому в жанроведении, определяющем РЖ как «вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей» [6, с. 6]. То, что принято в рамках данного направления называть жанрами общения, мы, вслед за В. Н. Волошиновым, называем «формами и типами речевого взаимодействия» [4, с. 105].

2. В настоящей работе мы исходим из того, что высказывание «ограничено сменой речевых субъектов» [2, с. 263] и существует в «устойчивых жанровых формах» [4, с. 270].

3. Мы не можем согласиться с тезисом В. В. Дементьева о том, что РЖ – это единицы «такого высокого уровня, когда стираются границы между речевым и языковым» [5, с. 53]. Разграничивая, вслед за М. М. Бахтиным, первичные и вторичные РЖ, первые мы, безусловно, относим к числу языковых единиц, образующих особый, а именно – жанровый уровень языка. Напомним, что к первичным РЖ М. М. Бахтин относит РЖ, непосредственно относящиеся к действительности и реальным чужим высказываниям, во-первых, и непроизводные, во-вторых [2]. Вопрос о языковом статусе вторичных жанров остается открытым.

4. Понятие РЖ в нашей работе не будет носить статичного характера, оно будет уточняться и углубляться по мере изучения вопроса.

Как указывалось ранее, появление электронных средств фиксации речи создает реальные предпосылки для радикального изменения жанровой системы языка точно так же, как много веков назад появление письменности создало условия для формирования двух принципиально разных путей развития культуры и языка: один – путь создания письменного языка и культуры на основе письменности, другой – путь бесписьменного развития языка и культуры. Электронные средства фиксации речи дали возможность фиксировать реальные диалоги полностью, буквально, что породило такие радио- и телевизионные формы РВ, как диалог в прямом эфире, ток-шоу, реалити-шоу и т. п. [8]. Независимо от того, как оценивать эти формы, мы видим в них именно попытку культурного (или, скорее, цивилизационного) освоения новых материальных условий РВ. Телевидение и радио прямо называют их жанрами, поскольку это действительно «типические формы высказывания», представляющие своего рода «реплику» в диалоге со зрителем (слушателем) и, как правило, рассчитанные на ответные высказывания массовой аудитории, причем ответные реплики слушателей (зрителей) зачастую являются композиционно предусмотренным элементом жанра.

На наш взгляд, этот феномен следует расценивать как серьезное реформирование жанровой системы языка, которое неизбежно должно повлечь за собой реформирование и самой теории РЖ. В результате такого реформирования в теории РЖ должно найтись как место для основ, заложенных М. М. Бахтиным,

так и непротиворечивое их развитие в связи с усложнением условий (и прежде всего материальных) РВ. Иными словами, требуется определение РЖ, не ограниченное признаком «смены речевых субъектов». Ведь, в понимании М. М. Бахтина, высказывание, являющееся речевой репрезентацией жанра, – это реплика в диалоге (неважно, какой длины реплика, – пусть хоть четыре тома), модусно непротиворечиво оформленная (хотя содержание модуса может быть при этом весьма сложным). Правда, в трудах М. М. Бахтина терминов – *модус*, *модусный*, – мы не встретим, но зато большое внимание уделяется категории экспрессивности, несомненно, являющейся важным компонентом модуса, при этом М. М. Бахтин подчеркивает, что в категорию экспрессивности он включает не только оценку данного конкретного высказывания, но и предыдущих реплик в диалоге и предвосхищение оценки речи автора со стороны адресата [2].

А новые жанровые формы в СМИ эту модусную противоречивость реплик в диалогах не только допускают, но и требуют ее именно по условиям жанра. Т. е. возникает прежде невозможный тип жанров, где сам феномен диалога – ценность более высокая, нежели ценность модусной непротиворечивости. Вместе с тем это не просто новые типы РВ – это именно новые РЖ, потому что, несмотря на потенциально неограниченное количество участников диалога, у этих жанров есть и автор, ответственный, именно по М. М. Бахтину, за речь как за поступок, – это ведущий. Однако в этом качестве он далеко не вполне совпадает с образом автора в традиционных вторичных жанрах печатной речи. У последнего есть возможность (и обязанность) отвечать если не за содержание, то за форму реплик, входящих в его текст. Ведущий же отвечает только за общую оценочную рамку состоявшегося диалога и его относительную композиционную завершенность.

Появление электронных средств фиксации речи вынуждает пересмотреть и определение текста. В изменившихся условиях для «неоднократного репродуцирования» (В. Г. Адмони [1]) могут быть использованы высказывания, первоначально вовсе не предназначенные для этого. Возможность или невозможность репродуцирования высказывания перестает зависеть от авторского замысла и начинает зависеть от технических возможностей любого из адресатов этого высказывания – и даже от тех, кто в состав адресатов этого высказывания по авторскому замыслу не входил и входить был не должен. В числе таких «текстов вопреки авторскому замыслу», в частности, могут оказаться любые записи диалогов, – в том числе записи на диктофон, записи, сделанные «скрытой камерой» и т. д.

Итак, появление текстов принципиально нового типа – налицо. Но каким же жанрам будут принадлежать эти тексты нового типа? У зафиксированного диалога нет никаких признаков текста – ни семантических (модально-оценочное единство), ни композиционных. Что же, неужели действительно новейшие условия РВ позволяют появиться текстам «никакого жанра», текстам, которые не создавались ни как тексты, ни как жанры?

Но парадокс состоит в том, что высказываний «никакого жанра» не существует ни в одном типе РВ. Все, что становится репликой в диалоге (а наши «новейшие тексты» могут быть такими репликами и становятся ими), должно работать как высказывание определенного жанра. Кто, каким образом, на основании каких критериев может определить жанровую принадлежность таких «текстов»? Вот тут-то уместно будет вспомнить то, что М. М. Бахтин говорил об активности адресата: «Всякое понимание живой речи, живого высказывания носит активно ответный характер» [2, с. 260]; «... всякое реальное целостное понимание активно ответно и является не чем иным, как начальной подготовительной стадией ответа» [2]. В таких случаях адресат сам выбирает, к какому жанру он отнесет данный текст, и отвечает на него в соответствии с теми жанровыми особенностями, которые в нем обнаруживает – или приписывает ему, – как, в сущности, он поступает в любом РВ (кроме «институционального дискурса», в терминологии В. И. Карасика [7], потому что только институциональный дискурс характеризуется относительно определенным набором жанров, определенной последовательностью их и достаточно четко определенной структурой каждого из жанров, что избавляет адресата от необходимости «угадывать» жанр того или иного высказывания).

Итак, оказывается, что диалог – не жанр (а тип РВ) для его участников, но жанр для тех, кто его воспринимает в «изъятии из непосредственного РВ виде». Для того, кто имеет возможность ознакомиться с зафиксированным таким образом текстом диалога, – это РЖ, потому что адресат в состоянии вычленить в нем (или приписать ему) определенную целеустановку и текст в полном смысле этого слова, потому что этот текст может репродуцироваться неоднократно. Признаки же композиционно-семантического единства этого текста будут приданы ему уже не автором, образ которого в этих условиях формален, а именно воспринимателем (одним из возможных, хотя и обязательно запланированных адресатов данного текста).

Итак, мы обнаруживаем феномен, на который до сих пор не обращалось должного внимания: 1) роль адресата в решении вопроса о жанровой принадлежности того или иного высказывания оказывается не менее значимой, чем роль автора; 2) решение адресатом вопроса о жанровой принадлежности того или иного высказывания может не совпадать с решением автора этого высказывания. Разумеется, на возможность такого несовпадения обращали внимание неоднократно. Однако несовпадения такого рода обычно расценивались как частный случай коммуникативной неудачи и объяснялись разными причинами, начиная от несовпадения апперцепционной базы коммуникантов и заканчивая низким уровнем речевой культуры автора. В крайнем случае, можно было бы говорить о полевой структуре жанровой системы [9] или о жанровой омонимии.

Однако вернемся к вопросу, с которого мы начали наш разговор. Скорее всего, то высказывание, которое адресат склонен расценивать как один из оценочных жанров, а именно – как жанр похвалы, автор считает разновидностью жанра информационного типа

(в классификации Т. В. Шмелевой [11]), а то высказывание, которое адресат расценивает как лесть, автор считает принадлежащим к классу оценочных жанров – жанру похвалы или комплимента. (Ведь только в русских былинах персонаж может говорить о себе «Я, собака Калин-царь, и т. д. ...», в обычной же жизни льстец не считает себя льстецом, хвастун – хвастуном и т. д.). Иначе говоря, одно и то же конкретное высказывание в глазах автора и адресата может принадлежать к разным жанрам. Но применительно к нашему случаю это несовпадение можно объяснить тем, что жанры похвалы и лести отсутствуют в авторских представлениях о жанровой системе и присутствуют в представлениях о жанровой системе, существующих у адресата.

И тут самое время вспомнить о том, что говорил Л. В. Щерба о необходимости параллельно достаточно тщательно разработанной на тот момент пассивной грамматики разработать активную грамматику. Пассивная грамматика – это грамматика адресата. Активная – грамматика автора [12]. На сегодняшний день эти две грамматики разработаны для всех уровней языка: от фонологического – до лексического и синтаксического. И мы знаем, как много проблем разграничение этих двух грамматик позволило решить. Остается разработать две разных «грамматики» для жанрового уровня языка. Тогда, возможно, и наши представления о системе речевых жанров удастся упорядочить гораздо в большей степени, нежели они упорядочены на сегодняшний день.

По всей видимости, «активная грамматика РЖ» должна строиться, исходя из категории иллокуции, а пассивная – из категории перлокуции. Предполагается, что отношения, выражающие противопоставления между РЖ, в обеих грамматиках будут практически инвариантны, что, впрочем, не означает полной их идентичности. Последовательно выстроенная «пассивная грамматика РЖ» позволит «вычислить» слабые позиции для тех или иных РЖ, приводящие к утрате тех или иных дифференциальных жанровых признаков, к нейтрализации оппозиций между ними.

В такой «двуграмматичной» жанровой системе найдется место и новейшим речевым жанрам, обусловленным появлением новых материально-технических средств коммуникации, т. е. жанрам, функционирование которых почти неизбежно связано с асимметрией иллокутивной цели и перлокутивного эффекта, и жанрам, которые опознаются адресатом как нарушения правил речевого поведения, подобно РЖ похвалы и лести. Возможно, последние распознаются подобно тому, как распознаются слушателем регулярные, социально маркированные нарушения грамматических и орфоэпических норм: *лОжит, звОнит* и т. д. Другое дело, что на уровне РЖ, возможно, стоит говорить не только о социально, но и о нравственно маркированных нормах.

С практической точки зрения особенно важным разграничение «активной» и «пассивной» грамматик в сфере РЖ будет, очевидно, для сфер деятельности, профессионально связанных с речевой коммуникацией. В эмпирическом плане в этом отношении показательно исследование И. П. Ромашовой [9]. В ее докладе, сделанном на пятой Международной научной конференции «Языки профессиональной коммуника-

ции» (Челябинск, 27 – 29 октября 2011 г.), приведены весьма показательные примеры работы корпораций по обучению персонала правилам речевого поведения, включающие в себя рекомендации по организации речевого взаимодействия с клиентом. В одной из таких рекомендаций пошагово описана структура институционального дискурса «Общение с клиентом», причем для каждого шага рекомендованы определенные последовательности действий, оптимальные локуции, сопровождающие эти действия, и отмечен перлокутивный эффект каждой из них. Например, для шага «Установление контакта с клиентом» рекомендуется совершить следующие действия: 1) *При появлении Клиента отложите свои дела;* 2) *Если не можете отвлечься, то извинитесь, назовите причины и время ожидания;* 3) *Посмотрите на Клиента, улыбнитесь и поприветствуйте его;* 4) *Извинитесь за ожидание* (так в оригинале рекомендации – Л. М.); 5) *Представьте и узнайте, как обращаться к Клиенту;* 6) *Уточните цель его визита и выразите готовность помочь.* Этот перечень действий дополнен перечнем высказываний, в которых последовательно рекомендуется выражать содержание предписанных действий:

1. *Добрый день!* 2. *Извините, что пришлось подождать.* 3. *Меня зовут Мария, как я могу к Вам обратиться?* 4. *Иван Иванович, чем я могу Вам помочь?* *Ожидаемый результат:* Клиент чувствует, что в нем заинтересованы и хотят помочь.

На первый взгляд, перед нами еще одна, более или менее эффективная, эмпирическая рекомендация. Вместе с тем, несмотря на заметные ее недостатки, как и многих других рекомендаций такого рода (как правило, при их составлении не учитывается мнение профессиональных лингвистов-русистов), посыл таких рекомендаций весьма характерен: их составители, пусть на чисто эмпирическом уровне, стремятся показать, какие высказывания исключают возникновение коммуникативных недоразумений, исключают для адресата возможность (риск) неоднозначно определить жанр полученного высказывания и, прежде всего, его иллокуцию.

Особенно показателен в этом отношении «Список запрещенных к употреблению фраз» (т. н. «стоп-фразы»): «*Вы меня, конечно, извините, но...*» (1); «*Что Вас еще не устраивает?*» (2); «*А зачем вы это сделали, если знали, что...?*» (3); «*Это ваша вина*» (4); «*Вообще-то, обычно люди заранее все делают*» (5); «*Я вам уже говорила*» (6); «*Я Вам ничего не могу обещать*» (7); «*Это от нас не зависит*» (8); «*Это же не я вас неправильно проконсультировала*» (9), также приведенный в указанном докладе И. П. Ромашовой.

Каждая из этих фраз для говорящего может выглядеть вполне «безобидно». Пример (1) – не более чем один из ритуальных жанров (здесь и далее – в терминологии Т. В. Шмелевой), а именно – извинение; (2) и (3) – информативный жанр вопроса; (4) – (9) – разнообразные информативные жанры, связанные с констатацией некоторого положения вещей, на что обычно и указывают лица, использующие эти фразы. Между тем для адресата (1) и (3) представляют собой не что иное, как жанр упрека; (4) и (5) – прямое обвинение; (2) – обвинение косвенное, намекающее на то,

что адресат вообще склочник; (6) – (9) – ритуальные жанры, направленные на прекращение контакта.

Совершенно очевидно, что задача «воспитывать клиента» не входит в функции персонала той или иной коммерческой структуры, точно так же, как не отвечает ее интересам стремление прекратить контакт с клиентом, поскольку это исключит из состава потенциальных клиентов не только данное лицо, но и более или менее многочисленных его знакомых, что также не служит интересам организации. Поэтому, чтобы не вдаваться в ненужное теоретизирование, авторы указанных практических рекомендаций просто накладывают запрет на их употребление.

Однако сам факт появления таких рекомендаций показывает нам, насколько практически востребована в обществе теория, которая позволила бы установить корреляции между локутивной стороной высказывания, иллокуцией его и перлокутивным эффектом, т. е., в сущности, согласующая активную и пассивную «жанровые грамматики». Кроме того, этот факт показывает, что наиболее благодарным объектом в этом отношении является институциональный дискурс. С планированием перлокутивного эффекта связана, в сущности, любая неспонтанная речь, но именно институциональный дискурс, с его фиксированным набором жанров, наиболее регламентированный как в отношении иллокуций, так и перлокуций, и, в значительной степени, в собственно локутивном плане предоставляет нам исключительные возможности для выстраивания регулярно противопоставленных ономаσιологического и семасиологического подходов к изучению жанровой системы. Это, в частности, позволит вывести обучение построению неспонтанного высказывания с надежно спланированным перлокутивным эффектом на подлинно научный, теоретически обоснованный уровень.

Литература

1. Адмони, В. Г. Система форм речевого высказывания [Текст] / В. Г. Адмони // РАН. Институт лингв. исследований. – СПб.: Наука, 1994.
2. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров [Текст] / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986.
3. Вежицка, А. Речевые жанры [в свете теории элементарных смысловых единиц] [Текст]: [пер. с польского В. В. Дементьева] / А. Вежицка // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. Монографическое издание / под общ. ред. проф. К. Ф. Седова. – М., 2007.
4. Волошинов, В. Н. Марксизм и философия языка [Текст] / В. Н. Волошинов. – М.: Лабиринт, 1993.
5. Дементьев, В. В. Изучение речевых жанров в России [Текст] / В. В. Дементьев // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – Саратов, 1998.
6. Дементьев, В. В. Социопрагматический аспект теории речевых жанров: учеб. пособие [Текст] / В. В. Дементьев, К. Ф. Седов. – Саратов: СГПУ, 1998. – 107 с.
7. Карасик, В. И. Структура институционального дискурса [Текст] / В. И. Карасик // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2000.

8. Месеняшина, Л. А. Диалогический жанр? [Текст] / Л. А. Месеняшина // Вестник Челябинского университета. Научный журнал. Филология. Искусствоведение. – Вып. 46. – 2010. – № 22(203).

9. Ромашова, И. П. Динамический аспект дискурсообразования (на примере корпоративного дискурса) [Текст] / И. П. Ромашова // Современная речевая коммуникация: новые дискурсивные практики / под ред. О. С. Иссерс. – Омск: Изд-во ОГУ, 2010.

10. Федосюк, М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров [Текст] / М. Ю. Федосюк // ВЯ. – 1997. – № 5.

11. Шмелева, Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация.

12. Щерба, Л. В. Преподавание иностранных языков в средней школе [Извлечения из книги] [Текст] / Л. В. Щерба // Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность. сб. трудов. – УРСС: Эдиториал, 2004.

13. Leech, Geoffrey. Principles of Pragmatics / Geoffrey Leech. – London; New York: Longman, 1983. – 257 p.

УДК 82-27Исаева.06

СОБЫТИЕ РАССКАЗЫВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МОНОДРАМЕ (на материале пьесы Е. Исаевой «Про мою маму и про меня»)

А. М. Павлов

THE TELLING EVENT IN THE MODERN RUSSIAN MONODRAMA (an analysis the of play «About my mum and about me» by E. Isayeva)

A. M. Pavlov

В предлагаемой статье на материале пьесы Е. Исаевой «Про мою маму и про меня» описывается поэтика и эстетика пьес «ухода в монолог» (П. Пави) в современной драме, которые рассматриваются как один из векторов развития монодрамы. Ведущее внимание уделяется прояснению позиции читателя/зрителя.

Ключевые слова: современная отечественная драма, читатель, зритель, кризис идентичности, неклассическая художественность.

In offered article on a material of the E.Isaeva's play «About my mum and about me» the poetics and an esthetics of plays «leaving in a monologue» (P.Pavi) in a modern drama which are considered as one of vectors of monodrama development is described. The leading attention is given to clearing of the reader/the spectator's position.

Keywords: modern domestic drama, the reader, the spectator, identity crisis, nonclassical artistry.

В теоретической поэтике драма традиционно относится к *ненарративному литературному роду*. По словам В. Е. Хализева, «развернутое повествовательное изображение в драме отсутствует» [11, с. 87], уступая место «миметической» «презентации референтных событий, которые не излагаются, а непосредственно демонстрируются, воспроизводятся без посреднической активности нарратора (субъекта повествования)» [10, с. 134]. В результате чего жизнь, в отличие от эпического произведения, в драме словно бы «говорит от своего собственного лица» [11, с. 88], «изображаясь воочию» (О. М. Фрейденберг). Вместе с тем в драматургии XX в. (в том числе в современной отечественной драме) появляется целый ряд произведений, в которых на первый план выходит не развертывающееся перед «взором» читателя/зрителя действие, а озвучиваемое со сцены высказывание субъекта о событиях собственной жизни, часто композиционно выстроенное как единый, цельный монолог персонажа (драматургия Е. Гришковца). В пьесах подобного типа завершающее событие драмы – событие «опубликования» частной жизни» (Н. Д. Тамарченко) – предстает в виде *события рассказывания* о ней со сцены драматическим субъектом. Не случайно в новейшей отечественной драме драматический субъект часто называется «рассказчиком» (к примеру,

в монодраме Е. Гришковца «Как я съел собаку»), а сами пьесы представляют собой сценические воплощения высказываний разных типов (как устных, так и письменных): «звуковое письмо» девушке («Дневник Шахида» А. Молчанова), дневниковые заметки («Бедные люди, блин» С. Решетникова), «записки» («Doc.top. Записки провинциального врача» Е. Исаевой), «школьное сочинение» (того же автора «Про мою маму и про меня») и т. д. Причем, в случае Е. Исаевой, названные формы письменного дискурса обозначены в качестве жанровых подзаголовков пьес.

Восходящие, по мнению П. Пави, к эпической литературе «потока сознания» пьесы «ухода в монолог» [9, с. 192], по-видимому, могут считаться одним из векторов развития монодрамы. Понятие «монодрама» было осмыслено теоретиком, режиссером и реформатором театра Серебряного века Н. Евреиновым в трактате «Введение в монодраму» (1909). Под монодрамой Н. Евреинов подразумевает «такого рода драматическое представление, которое, стремясь наиболее полно сообщить зрителю душевное состояние действующего, являет на сцене окружающий его мир таким, каким он воспринимается действующим в любой момент его сценического бытия» [6, с. 8]. В свою очередь, «принцип сценического тождества <...> с представлением действующего» «обуславливает пе-

реживание, заражающий характер которого, вызывая во мне сопереживание, обращает в момент сценического акта чуждую мне драму в “мою драму”» [6, с. 9].

Скорее всего, можно говорить о двух типах драматических произведений, ориентированных на художественную актуализацию на сцене события рассказывания. С одной стороны, тексты, в которых высказывание драматического субъекта обращено к другому персонажу, выступающему в роли слушателя, часто потенциального (как в пьесе «Дневник Шахида» А. Молчанова записанное на диктофон «звук-ное письмо» девушке) или воображаемого («Американка» Н. Коляды); слово может быть адресовано и самому себе как другому (в пьесе «Смерть Фирса» В. Леванова). В этом случае читатель/зритель занимает позицию «сообщника» и «подслушивающего» (П. Пави) изображенной на сцене чужой коммуникации. С другой стороны, – монопесны «прямого общения со зрителем» (П. Пави). В «Словаре театра» такого рода произведения относятся к «драматургии дискурса», поскольку, по словам исследователя, в них «весь текст “от и до” обращен непосредственно к публике или, точнее, “швыряется ей в лицо”», а сам дискурс «перестает быть языковым кодом, вписанным в изображение и сценическую речь (как в пьесах первого типа. – А. П.), становясь структурирующим началом всего театрального действия» [9, с. 193]. В качестве образцов произведений такого рода в современной литературе можно назвать монодрамы Е. Гришковца «Одновременно», «Дредноуты» и «Как я съел собаку», «Июль» И. Вырыпаева, а также пьесы-вербатим Е. Исаевой (пьесы документального театра, составленные «путем монтажа дословно записанной речи» [2, с. 103]), к примеру, «Про мою маму и про меня» и «Doc.top. Записки провинциального врача») и др.

Отмеченное выше тяготение современных драматургов к сценическому «опубликованию» события рассказывания приводит к возникновению определенных проблем как теоретического, так и рецептивного плана. Перечислим некоторые из них. Если в подобного рода произведениях показывание уступает место рассказыванию, то зачем вообще создавать их для театра и переносить на сцену? И чем тогда будет существенно отличаться рецепция эпического рассказа о событиях от его сценического «разыгрывания»? А также: в чем состоит художественно-смысловая значимость «ухода» драматического субъекта в слово в современных пьесах, и как это связано с другими особенностями их поэтики (спецификой конфликта, развития сюжета, соотношением слова и предметного мира и т. д.)? Решению этих проблем, которое позволит одновременно прояснить вопрос о художественно-рецептивных возможностях монодрамы в современной литературе, и будет посвящена предлагаемая статья. В качестве материала исследования нами выбирается (с нашей точки зрения, одна из наиболее иллюстративных в контексте наших рассуждений) пьеса Е. Исаевой «Про мою маму и про меня» с пунктирными отсылками к другим, названным выше, произведениям современной отечественной драмы. Анализ этого текста (принадлежащего ко второму из названных нами выше типов монодрам, в которых «репре-

зентация» событий уступает место рассказыванию о них), думается, позволит, с одной стороны, выявить не только черты поэтики пьес «прямого общения со зрителем», но и некоторые общие, типологические, признаки драматических произведений «ухода в монолог» (П. Пави).

Как уже говорилось выше, пьеса «Про мою маму и про меня» выстроена как сценическое «издание» сочинений главной героини (написанных по заданию учительницы – руководительницы литературного кружка) – филологически одаренной 16-летней девочки Лены. В них она излагает ряд событий собственной жизни (особый акцент делается на экзистенциально значимых для ее взросления этапах), начиная с 10-летнего возраста. Внутри озвучиваемых со сцены письменных работ Лены находятся два рассказа о своей жизни других персонажей – мамы и бабы Раи – то есть пьеса имеет «матрешечную» структуру (содержит «рассказы в рассказе»), о роли которой речь пойдет ниже. Драма Е. Исаевой построена таким образом, что в ней *слово* персонажа буквально «*порождает*» на глазах зрителя *сценическое бытие*. Все происходящее на сцене есть визуальное и, заметим, *достаточно условное* (когда многообразие конкретных предметов уступает место просто их обозначениям) «проигрывание» того, о чем героиня говорит. «Лена. После неудачи с музыкой я ринулась в спорт. У нас в классе самая стройная девочка была Ленка Леонова, потому что она занималась художественной гимнастикой. Она всегда ходила так прямо, как будто кол проглотила. (Демонстрирует.) Я попросила – Ленка взяла с собой на занятие» [7]. После высказывания героини следует ремарка: «Мужчина устанавливает магнитофон, вставляет туда кассету с какой-нибудь классикой, под которую можно заниматься, и включает. Женщина на глазах распрямляется, молодеет, даже худеет, – преобразается в тренера» [7]. Лена в пьесе приобретает функции, аналогичные функциям *первичного субъекта речи в эпическом произведении* (по терминологии Б. О. Кормана) – субъекта-посредника между изображенным на сцене миром и воспринимающим сознанием, на протяжении всей пьесы *вводя* также *речи других субъектов*. «Лена (прерывает песню на взлете). Она спрашивала: женщина (поправляя Лене постановку пальцев). – Как ты думаешь, если мы с ним видимся раз в неделю – это любовь?» [7]. Помимо Лены, центрального персонажа, и мамы, в пьесе появляются еще и другие герои: «мужчина, женщина, парень и баба Рая» [7]. Причем последние четверо показывают на сцене сразу нескольких персонажей с частым нарушением количественных и возрастных соответствий. К примеру, мужчина в одной из сцен отвечает за целый класс, в котором учится Лена («Лена. Класс с облегчением выдохнул и загалдел. Мужчина: Да вы что! Вы ее не знаете!» [7]), а баба Рая говорит за даму из министерства, вряд ли такого же пенсионного возраста, как она сама и т. д.

Подчеркнуто условный характер происходящего на сцене, минимизация подробностей обстановки позволяют в данном случае сделать вывод о том, что произведение Е. Исаевой, как и многие названные в начале монодраматические сочинения, восходит к традициям «бедного театра» Ежи Гротовского, в ко-

тором «крайняя экономия сценических средств» (П. Пави) «компенсируется» «огромной интенсивностью игры и углубленными отношениями между актером и зрителем» [9, с. 345]. Это совпадает с творческими установками *монодрамы*, призванной обеспечить, по Н. Евреинову, «равенство переживаний по обе стороны рамп», а потому требующей *неотрывной концентрации воспринимающего субъекта* на «внутренней драме» героя, воплощенной в его слове.

Сценическое «опубликование» сочинений героини пьесы «Про мою маму и про меня» определяет и соответствующую реакцию читателя/зрителя, которому отводится статус «собеседника». Причем эта роль, приписываемая реципиенту, *активно осознается* самой Леной. Не случайно в самом начале пьесы героиня «выходит на авансцену» и «говорит, обращаясь к зрителям, сразу приглашая их в собеседники» [7], разрушая тем самым *границу сцены и зрительного зала* (рассказы мамы и бабы Раи также характеризуются двоякой направленностью: с одной стороны, – Лене; с другой – зрителю). Собственное высказывание героини строит в «напряженном предвосхищении» (М. М. Бахтин) рецептивной реакции на собственные суждения, постоянно отчитываясь себе и другому («залу»), почему в тот или иной момент ею было произнесено то или иное слово.

Ценностно-смысловой «приоритет» слова («дискурса») над «зримым» миром обусловлен в данном случае главным предметом изображения в пьесе Е. Исаевой как одним из образов современной отечественной драматургии. По словам И. М. Болотян и С. П. Лавлинского, художественное внимание современной драмы направлено на осмысление «кризиса самоидентификации», который является культурно-историческим вариантом такого явления, как «кризис частной жизни», наиболее четко репрезентируемого именно драмой как литературным родом [3, с. 54]. По словам В. Хесле, сущность «кризиса идентичности» состоит в проблематичности отождествления «я» и «самости», «я-субъекта» и «я-объекта», «я»-наблюдающего и «я»-наблюдаемого [12, с. 115]. Продолжая эту мысль, можно сказать, что современный человек неизбежно «распадается» на «я» и «другого», поскольку «я»-объект («самость») – это не что иное, как другой во мне. Таким образом, проблема самоидентификации – это всегда проблема границ личности, то есть границ между «я» и «другим» (даже если этот «другой» – я сам).

Действительно, обретение идентичности (*кто я такой и чем я отличаюсь от других*) – главный предмет заботы и рефлексии Лены. Пьеса начинается с фразы «Каждый человек чего-то хочет от жизни. Когда мне исполнилось десять лет, я впервые задумалась – чего же хочу я...» [7]. Не случайно в качестве главного «субъекта действия» (Н. Евреинов) выбирается героиня подросткового возраста – биографической «эпохи» в жизни человека, когда проблема самоидентификации стоит наиболее остро. Отметим, что сама ситуация обращенности в прошлое (а названная монодрама, как и вышеперечисленные, является *монодрамой-воспоминанием*) оказывается продуктивной именно для изображения «кризиса идентичности». Временная (и одновременно ценностно-смысловая) дистанция между событием (свершившемся когда-то)

и словом о событии (развертывающимся в данный момент) в монодрамах-воспоминаниях обеспечивает возможность как постоянного соотнесения точек зрения «я-в-настоящем» персонажа и его «я-в-прошлом» (выступающего в качестве другого по отношению к «я-в-настоящему»), так и необходимого для рассказывающего субъекта ценностно-смыслового прояснения позиций «я-для-себя» и «я-для-другого» (монодрамы Е. Гришковца). Такая рефлексивно-оценивающая артикуляция фактов собственной жизни при постоянном присутствии другого (адресата – героя или зрителя) придает всему звучащему со сцены высказыванию *исповедальный характер*. Инвариантным событием (для героя и воспринимающего субъекта) в монодрамах рассказывания становится, таким образом, «встреча» (и одновременно испытание) с другим (реальным другим) и с самим собой как другим, что объясняет в данном случае «матрешечную» структуру пьесы Е. Исаевой. Действительно, становление сознания героини происходит благодаря взаимодействию с другим (чужим) сознанием. Вот почему героиня не только выступает как *субъект высказывания*, но и как *слушатель* чужих воспоминаний. Экзистенциальный опыт героини формируется таким образом, с одной стороны, путем непрестанного «вглядывания» в себя прошлого; с другой – рецептивно, из *восприятия и осознания чужого опыта*. Отметим, что обретение читателем/зрителем собственной идентичности происходит в таком случае также благодаря другому – в процессе встрече с другим, сопереживанию его жизненной драме.

Отмеченная выше стратегия «порождения» сценического действия словом у Е. Исаевой обусловлена тем, что в ее пьесе обретение драматическим субъектом самоидентичности происходит не в плоскости *события, о котором рассказывается*, а в плоскости *события самого рассказывания*. Решить вопрос о границах собственного «я» для героини в художественном мире названного произведения – значит *найти и сказать свое слово о мире, ответственно пробить ему дорогу сквозь «толщу» уже сказанных слов* (не случайно, по словам Лены, «я же как мучительно долго сочиняю!» [7]). Поэтому весьма символично, что, в силу разных причин, Лена отказывается от музыки, спорта, театра как способов обрести себя в этом мире и стать знаменитой и останавливает свой выбор на *литературном кружке*. Если спорт и театр требуют *«подражаний»* (часто механических, то есть не осмысленных, лично не пережитых) *опыту другого* (в кружке художественной гимнастики Лена «неуклюже» «двигается по залу в такт музыке, повторяя за тренершей одно гимнастическое упражнение за другим» [7]) и актерских *«перевоплощений»* (на занятиях в драмкружке ей предлагают «перевоплощаться» в месяц Январь – персонажа «Двенадцати месяцев»), то в сочинениях она *может остаться как раз сама собой, вне определенной, отметим, навязанной кем-то извне, жизненной роли* (по словам мамы, «Зато когда тебе уже будет что сказать – своего опытного, – ты уж скажешь, так скажешь!» [7]). Вот почему важными оказываются постоянные соотнесения Леной создаваемых ею сочинений с известными, теоретически осмысленными (готовыми) моделями письма (предлагаемыми руководительницей кружка) и литературными

ми образцами («У писателей в таких рассказах всегда бывает неожиданный финал. Не знаю уж, как у меня получилось» [7]). И как результат – экспликация «зазоров» между книжными рекомендациями для написания рассказов (отметим, что речь учительницы – руководительницы кружка, наполнена известными литературными штампами типа «у настоящего писателя душа должна болеть!» [7]) и тем, что выходит из-под руки героини. Регулярные наблюдения Лены над несоответствиями написанных сочинений традиционным образцам, частые нарушения «жанровой правильности» (В. Тюпа) текстов приводят к возникновению значимого противоречия в художественной структуре пьесы, – образно-смысловой оппозиции литературы и жизни, взятой в аспекте своей *непредсказуемости, событийности*, разрушающей читательские/зрительские ожидания («Скажите – так не бывает! А так было!» [7]) и не сводимой к готовым, завершающим этическим формулам. Момент *жизненной динамики* «ухватывается» самими заглавиями написанных Леной сочинений («Как я дарила куклу», «Как я стала Сирано де Бержераком»). Это слово вбирает индивидуальный экзистенциальный опыт взрослеющей девушки, буквально «прорастает» из него (*событие взросления как событие обретения слова о мире*). Вот почему создаваемое Леной слово менее всего может быть оценено в аспекте «деланности» (интересующем учительницу).

Проблема слова является центральной и для другой пьесы Е. Исаевой «Doc.tor» (римэйка «Записок юного врача» М. Булгакова), в которой она связывается с конфликтом произведения, фиксирующим, по В. Хесле, дисгармонию между «я» и социальным «я» как один из источников «кризиса идентичности». Социально-профессиональный опыт в контексте художественного целого пьесы Е. Исаевой расценивается как успешный только в случае «*абстрагирования*» от *конкретного человека*. Вот почему в пьесе противопоставлены *два типа слова*. С одной стороны, слово, с помощью которого главный герой-рассказчик – хирург Андрей Георгиевич – обменивается информацией с коллегами по врачебному «цеху» и общается с пациентами. Оно свидетельствует о том, что вписанность субъекта в сферу социально-профессиональных отношений приводит к редукции в нем индивидуально-личного начала. Так, финал произведения повторяет целиком и полностью диалог, с которого начинается пьеса, с одним отличием, что те же фразы, которые в начале произведения произносил Андрей Георгиевич, произносит другой, сменяющий его хирург. Тем самым на композиционно-речевом уровне пьесы создается эффект социального «клонирования» персонажей, выражающегося в тождестве их речевых портретов. В этом плане *слово о себе* и собственной жизни, создаваемое персонажем, может быть рассмотрено как один из *возможных способов сохранения личностной идентичности* в мире в противовес «тиражируемости социального опыта» (С. П. Лавлинский). Проблема слова очень остро стоит и в других пьесах «ухода в монолог», в том числе и в тех, в которых высказывание персонажа не адресовано зрителю непосредственно. В монопьесе В. Леванова «Смерть Фирса» переживаемая субъектом драма самоидентификации есть драма его языка. *Осознание героем «ус-*

кользания» его собственного «я» есть одновременно *осознание «ускользания»* собственного слова: понимание героем, того, что он произносит *не свои* слова. «Перегруженность» высказывания героя (драматического актёра) чужими словами (и даже языками) обусловлено множеством перемешавшихся в его сознании ролей, сыгранных за всю жизнь на сцене. В «Июле» И. Вырыпаева необходимость в произносимом слове связана, видимо, с присутствием в герое, как «носителя» уединенного сознания, живущем по принципу «кто сильнее, тот и прав», неистребимой «жажды» понимания, осознания важности присутствия другого для собственной самоидентификации («Поговорить с ней. Вдруг она возьмет, да и окажется первым в мире человеком, который способен понять меня от начала до конца» [4]). То, что персонаж пьесы «Июль» предстает перед читателем/зрителем как субъект, способный сказать собственное слово об этом мире, позволяет говорить о том, что он оказывается шире всех готовых определений, которые, казалось бы, напрашиваются у воспринимающего субъекта при чтении пьесы («маниак», «каннибал», «животное»). Особенности поэтики рассматриваемых произведений обуславливают и соответствующий тип их восприятия.

Прежде чем говорить о механизме актуализации рецептивной позиции адресата в пьесах такого рода, обратимся вначале к рассуждениям известного критика М. Липовецкого в статье «Театр насилия в обществе спектакля: философские фарсы Владимира и Олега Пресняковых», которые могут послужить толчком к нашим дальнейшим рассуждениям. М. Липовецкий отмечает следующую закономерность творчества Е. Гришкова, И. Вырыпаева, М. Курочкина, С. Решетникова, Е. Исаевой (отметим, тяготеющих так или иначе к монодраме: имеются в виду пьесы «Дредноуты», «Одновременно», «Как я съел собаку» Е. Гришкова, «Кислород» И. Вырыпаева, «Бедные люди, блин» С. Решетникова и т. д.): «Гришковец и работающие в сходной манере драматургии строят практически все свои монологи на столкновении двух противоположных концепций. Первая: у нас у всех один и тот же экзистенциальный опыт, одна и та же память вкусов, радостей, огорчений, бытовых ситуаций, мы все были в одном и том же детском садике, школе, институте, пили один и тот же портвейн в подъезде, нюхали одни и те же армейские портянки <...> Следовательно, идентичности автора и всех его зрителей оказываются родственными на бессознательном, полуавтоматическом и в то же время предельно интимном – “прустовском” – уровне...» [8, с. 246 – 247].

Пьеса «Про мою маму и про меня» также вписывается в эту линию, поскольку не стремится к изображению ситуаций, выходящих за пределы обычного течения бытия (традиционных для классической драмы), а наоборот, показывает ситуации, *жизненно знакомые* каждому (каждый человек когда-то впервые делал подарок своему другу (подруге), влюблялся и т. д.). Это, в свою очередь, позволяет прояснить роль в пьесе условно-визуальных «инсталляций» всего того, что артикулируется героем.

Действительно, часто демонстративная направленность слова субъекта высказывания в зал обеспечивает в данном случае необходимую для рецепции

драматического произведения *«непрерывную длительность восприятия»* (Н. Д. Тамарченко). Причем «прикованность» воспринимающего субъекта в данном случае достигается в том числе и за счет регулярного «наивно-иллюстративного» «проигрывания» на сцене всего того, о чем говорит героиня. Докажем этот тезис на примере двух ремарок пьесы Е. Исаевой. Так, когда Лена выбирает подарок своей подруге Ленке Домблянской, в тексте следует большая ремарка. «Все, присутствующие на сцене, начинают предлагать Лене что-нибудь, по их мнению, дорогое. Мужчина протягивает гитару, баба Рая – оставшиеся пирожные, Женщина – коньки, Парень отцепляет от футболки значок с любимым хоккеистом. Когда Лена отрицательно мотает головой, он удивленно пожимает плечами: “Третьяк же!” <...> Лена все отвергает, идет за мамин диван и оттуда вывозит игрушечную коляску с куклой, вынимает куклу из коляски» [7]. Аналогично, когда подруга Ленки Домблянской передает ее любовную записку Сереже, сказано: «Парень протягивает Женщине раскрытый дневник. Между его страниц она кладет записку. Парень дневник закрывает, некоторое время сидит неподвижно, потом, подождав, открывает дневник и, как бы случайно, натывается на записку. Разворачивает, читает, искоса оглядывает присутствующих – кто подбросил?» [7]. Подробная сценическая «конкретизация» таких, довольно объемных, ремарок пьесы приводит к возникновению *пауз*, тормозящих развертывание высказывания драматического субъекта (не только Лены; это касается и тех случаев, когда в качестве «рассказчиков» выступают баба Рая и мама). В это время на сцене царит молчание (эти ремарки не *во время* слов, а *после* слов). Это позволяет нам утверждать, что паузы (а они возникают в «узловых» для взросления героини эпизодах пьесы: первый выбор подарка подруге; первое любовное письмо и т. д.) связаны с выстраиванием определенной позиции воспринимающего. Повидимому, они выполняют функцию *катализаторов активности адресата* и «отстраняют» (и даже разрушают) инерцию «непричастного» восприятия происходящего на сцене как зрелища. Эти паузы дают возможность читателю/зрителю внимательно и напряженно «всмотреться» прежде всего в самого себя (как и Лена «всматривается» в себя прошлого). Сознательная творческая установка на изображение ситуаций, сущностно «родственных» каждому, требует от адресата прежде всего экзистенциальной «отзывчивости», непрерывно провоцируя его в паузах не только на актуализацию в своей памяти таких же этапов жизни, но и на ответственное соотнесение собственного опыта с опытом другого, а иногда даже на принятие определенных решений. Так, «нанизывание» предлагаемых всеми находящимися на сцене персонажами разных вариантов подарка на День Рождения друга стимулирует, видимо, на выдвижение собственной «версии» и читателя/зрителя. Последний пример доказывает, что, благодаря паузам зритель, оказывается в той же *самой жизненной ситуации*, в какой находится герой, и тогда, действительно, «жизненная драма» последнего становится «жизненной драмой» реципиента (к чему и стремится, собственно, монодрама, по Н. Евреинову). Замолкание слова на сцене, таким образом, обеспечивает необходимую для

пьес такого рода интенсивность и напряженность внутренней жизни самого воспринимающего субъекта. Любопытно, что после слов учительницы (руководительницы кружка) никаких пауз не возникает, что еще раз, видимо, свидетельствует о значимости в художественном мире пьесы образно-смысловой оппозиции «готового» слова и слова, нагруженного лично пережитым опытом. Стратегия, провоцирующая на регулярное соотнесение происходящего с героем с опытом читателя/зрителя, отчетливо выражена в драматургии Е. Гришковца. К примеру, в предисловии к монодраме «Как я съел собаку» сказано: «Текст можно дополнять собственными историями и наблюдениями» [5, с. 169]. Это предисловие стимулирует самого исполнителя к активной (прежде всего рецептивной) позиции по отношению к происходящему и такой же экзистенциальной «отзывчивости», аналогичной зрительской. Вот почему, видимо, оказывается необходимым сценическое «проигрывание» высказывания субъекта о собственной жизни.

Предельная условность, обобщенность визуального «оформления» происходящего в пьесе Е. Исаевой, видимо, необходимы как раз для *универсализации ее содержания*, обнаружения реципиентом за внешними различиями (социальными, возрастными, локализацией событий в разных временных – рассказы о жизни мамы и бабы Раи – планах) всеобщего, «родового» начала – того, что не разъединяет, а, наоборот, сближает людей. Думается, можно согласиться с позицией Татьяны Бек, охарактеризовавшей «сгущенные Исаевой до катарсиса устные исповеди» как «“вещдоки” наших бездн» [1]. Озвучиваемые со сцены «драмы дискурса» (П. Пави) являются, таким образом, своего рода *художественной провокацией на диалогический ответ со стороны читателя/зрителя*. Именно этим, кстати, объясняется событийный, а не «выводосодержащий» уклон как в заглавиях озвучиваемых со сцены сочинений, так и в них самих, и их тяготение к «сюжетности» даже в «исповедальном рассказе» и «сочинении-рассуждении» – жанрах, образцы которых предлагает создавать учительница ученикам.

Отмеченное Т. Бек «сгущение» до катарсиса достигается сближением (но не слиянием) точек зрения Лены и ее мамы. Так, Лена в финале уже не хочет «быть знаменитой» (что свидетельствует об изменении ее сознания в процессе рассказывания от начала к концу пьесы), актуальными для нее становятся более «земные» (опять же близкие каждому) ценности любви и простого женского счастья. Стремление к знаменитости оценивается ей как свойство людей, которые «не уверены в себе». Мама же не отказывается от своего желания, она хочет, чтобы дочь достигла и славы, и счастья («И на каком-нибудь концерте при полном аншлаге ты <...> споешь на бис, и из зала на сцену вдруг поднимется – красивый, ослепительно улыбающийся мужчина!» [7]). Финал пьесы оставляет возможность двойкой интерпретации, каждая из которых, видимо, не разрушает его катартического характера. С одной стороны, его можно истолковать как мечту, «фантазию» Лены (шестое задание учительницы – «выдуманный рассказ»), в которой присутствует отмеченная выше целостность бытия, – гармоническое соединение ценностей и славы, и любви («На последнем куплете к ней на сцену выходит Парень. Они

стоят и смотрят друг на друга» [7]). С другой – заключительный выход Парня позволяет понять финальное исполнение песни Леной и как «претворение» ее мечты в реальность. Воспринимающий субъект тем самым, как и герой, оказывается в ситуации «кризиса идентичности», и самоидентификация читателя/зрителя происходит благодаря *событию встречи с другим*. Причем от адресата в данном случае требуется не только *жизненно-этическая*, но и *эстетическая самоидентификация*, связанная с завершением судьбы героя пьесы.

Таким образом, пьесы «ухода в монолог» являются одним из способов художественного «проговаривания» современного понимания личности не как «монологического единства», а как драматического «двуединства: я – другой» (по определению С. Н. Бройзмана), что определяет особенности их поэтики и читательского/зрительского восприятия. Такая художественная стратегия обладает особым рода рецептивной провокативностью и направлена на активизацию творческой позиции воспринимающего, что совпадает с художественными и эстетическими задачами монодрамы, обозначенными Н. Евреиновым. Присутствующая в целом ряде пьес подобного типа непрерывная рефлексия над собственным словом обуславливает повышенную метатекстуальность драматического художественного письма и «нестационарный» (авторско-геройный) статус драматических субъектов, часто приводящий к возникновению неосинкретизма драматического («Дредноуты» Е. Гришкова; «Июль» И. Вырыпаева).

Литература

1. Бек, Т. Жизнь. Дос. / Т. Бек. – Режим доступа: http://exlibris.ng.ru/massolit/2004-01-15/6_life.html (дата обращения: 1.02.2011).

2. Болотян, И. М. *Вербатим* как теоретическое понятие (опыт разработки словарной статьи) / И. М. Болотян // Новейшая русская драма и культурный контекст: сборник научных статей. – Кемерово: ИНТ, 2010.

3. Болотян, И. М. Типология конфликтов в произведениях «новой драмы» / И. М. Болотян, С. П. Лавлинский // Новейшая русская драма и культурный контекст: сборник научных статей. – Кемерово: ИНТ, 2010.

4. Вырыпаев, И. Июль / И. Вырыпаев. – Режим доступа: <http://www.vurypaev.ru/piess/23.html> (дата обращения: 1.02.2011).

5. Гришковец, Е. Зима. Все пьесы / Е. Гришковец. – М.: Эксмо, 2005.

6. Евреинов, Н. Введение в монодраму / Н. Евреинов. – СПб., 1909.

7. Исаева, Е. Про мою маму и про меня / Е. Исаева. – Режим доступа. – <http://www.isaeva.ru/plays/-about.html> (дата обращения: 1.02. 2011).

8. Липовецкий, М. Театр насилия в обществе спектакля: философские фарсы Владимира и Олега Пресняковых / М. Липовецкий // Новое литературное обозрение. – 2005. – № 3.

9. Пави, П. Словарь театра / П. Пави. – М.: Прогресс, 1991.

10. Тюпа, В. И. Нарратив / В. И. Тюпа // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. – М.: «Intrada», 2008.

11. Хализев, В. Е. Драма / В. Е. Хализев // Введение в литературоведение / под ред. Л. В. Чернец. – М.: Академия, 2000.

12. Хесле, В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности / В. Хесле // Вопросы философии. – 1994. – № 10.

УДК 811.161.1

ЦЕТЕРА В СРЕДНЕОБСКИХ СЛОВАРЯХ

С. П. Петрунина

‘ET CETERA’ WORDS AND WORD COMBINATIONS IN THE MIDDLE OB AREA DICTIONARIES

S. P. Petrunina

Настоящая статья посвящена исследованию цетерных слов и выражений, являющихся последним, но не конечным членом сочинительного ряда, в среднеобских словарях. Рассмотрены проблемы адекватного описания заглавного слова, толкования значения и подачи иллюстративной части подобного рода фактов. Актуализирована проблема взаимодействия лексики, грамматики и лексикографии.

Ключевые слова: цетерные слова и выражения, сочинительный ряд, среднеобские словари.

The paper deals with the study of ‘et cetera’ words and word combinations – the last, but non-final members of the equipotent chain – and the ways they are fixed in the dictionaries of the Middle Ob dialects. The questions of adequate headword description, explication of meaning and correct representation of examples of such kind are considered. A special attention is given to the interaction between lexicology, grammar and lexicography.

Keywords: ‘et cetera’ words and word combinations, equipotent chain, Middle Ob area dictionaries.

Настоящая статья посвящена исследованию цетерных слов и выражений в среднеобских словарях, в частности, в "Словаре русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби" под редакцией

В. В. Палагиной (СРСГ 1964 – 1967) и двух его Дополнений: "Словаре русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби (Дополнение)"

(СРСГД 1975) и "Среднеобском словаре (Дополнение)" (СС 1983 – 1986).

Словарь дает следующие блоки анализируемых сочетаний:

1. *Али как* – 'или как-то иначе, или что-то другое, выражает предположение, исключающее сказанное в предыдущем члене предложения' (СРСГ I).

Али как ли – 'то же, что *али как*' (СРСГ I).

Али чего – 'то же, что *али как*' (СРСГ I).

Али чё – 'то же, что *али как*' (СРСГ I).

Али что – 'то же, что *али как*' (СРСГ I).

Али чего ли – 'или что-то' (СС I).

2. *Или как ли* – 'то же, что *или как*' (СРСГ I).

Или... чо ли – 'разделительный союз *или*' (СС I).

Иль чё – 'то же, что *или как ли*' (СРСГД I).

3. *Ли де ли* – 'где-то' (СС I).

Ли как – 'что ли' (СРСГД I).

Ли как ли – 'то же, что *ли как*' (СРСГД I).

Ли какой ли – 'видимо, наверно или какой другой' (СС I).

Ли кого ли – 'или еще что-нибудь' (СРСГД I).

Ли кого ль – 'или еще кого-нибудь' (СС I).

Ли кого ли там – 'то же, что *ли кого ли*' (СРСГД I).

Ли кто (кто) ли – 1. 'или кто другой'; 2. 'что ли' (СРСГД I).

Ли нет ли – 'может, наверно, кажется' (СС I).

Ли чё – 'что ли' (СРСГД I).

Ли чё ли – 'что ли' (СРСГД I).

Ли чего ли – 'что ли' (СРСГД I).

Ли что ли – 'что ли' (СРСГД I).

4. *Либо как* – 'что ли' (СРСГД I).

Либо ча – 'что ли' (СРСГД I).

Либо чё – 'что ли' (СРСГД I).

Либо что – 'что ли' (СРСГД I).

5. *Куда ли* – 'куда-нибудь' (СС I).

Включение сочетаний типа *али как ли* в Словарь ставит проблему взаимодействия лексики, грамматики и лексикографии, проблему адекватного описания заглавного слова, толкования значения и подачи иллюстративной части подобного рода фактов.

Заглавное слово

1. В Словаре не учтены возможности всех разделительных союзов. В противном случае следовало бы продолжить ряд *али как ли* – *или как ли* – *ли как ли* сочетаниями с другими разделительными союзами *либо*, *то ли*, *не то*, *то*: *либо как ли*, *то ли как ли*, *не то как ли*, *то как ли*; ряд *али чё* – *ли чё* – *либо чё* – сочетаниями *или чё*, *то ли чё*, *не то чё*, *то чё*; сочетание *ли какой ли* дополнить сочетаниями *али какой ли*, *или какой ли*, *либо какой ли*, *то ли какой ли*, *не то какой ли*, *то какой ли*, встречающимися в среднеобских говорах. См. наши записи диалектной речи:

В погреб самой надоть спускаться либо как ли; Кругом всё заиневело то ли как ли; Дрын, палка така или чё; Мимию (мумие) или чё ли отиципнёт мне; Простокишу квасили то ли чё ли; Обувку носили га-лоши вот четэээ (по месту их изготовления – Челябинский тракторный завод) али каки ли.

2. Непоследовательно фиксируется частица (не союз) *ли* в этих сочетаниях. В блоке 4 она отсутствует, а в блоках 1 – 3 присутствует, но избирательно. То

есть есть пара *али как* – *али как ли*, но нет, например, пары *али что* – *али что ли*.

3. Так же непоследовательно фиксируется частица *там*. В этом плане *ли кого ли там* противопоставлено всем другим зафиксированным в Словаре сочетаниям.

4. Избирательна подача местоимений и их форм в данных сочетаниях. Например, есть сочетание *куда ли* и нет сочетаний *где ли*, *как ли* и под.; есть сочетание *али чего* и нет *али чемуз...*, при наличии *ли кого ли* нет *ли комуз...* *ли*.

5. Различными являются учет и подача вариативности в анализируемых сочетаниях. Так, фонематические варианты частицы *ли* учтены только в паре *ли кого ли* – *ли кого ль*. Варианты же *там* – *тама* – *там-ка* – *тамо-ка* – *тамот-ка* – *тамкость* – *тамокость* – *тамоткот* – *тамотчка*, имеющиеся в Словаре, в рассматриваемых сочетаниях не учтены вовсе ("Полный словарь сибирского говора" (ПССГ 1995) фиксирует *или кто тама* в значении 'или кто другой': *Лён сеяли, посеют родители или хто тама, дёргать, выдергат его тогды*). При наличии сочетания *иль чё* нет исходного варианта *или чё*. По-разному даны в Словаре фонематические варианты некоторых местоимений: в составе одной вокабулы *ли кто (кто) ли* и в разных вокабулах: *либо ча*, *либо чё*, *либо что*, хотя одним из лексикографических принципов данного Словаря является принцип подачи фонетико-морфологических вариантов в отдельных словарных статьях.

Толкование значения

1. Аналогичные во многом сочетания толкуются не аналогичным образом: и через модальные слова 'видимо', 'навверно', и через разделительный союз 'или', и через модальную частицу 'что ли', и через неопределенное местоимение (*ли де ли* – 'где-то'), и развернутым описанием, учитывающим значение союза и местоимения (например, толкование *али как* – 'или как-то иначе, или что-то другое, выражает предположение, исключающее сказанное в предыдущем члене предложения').

2. Различна структура толкования аналогичных по значению сочетаний. Так, разделительный союз *или* в одних случаях вводится в толкование значения, в других – нет, так же, как частица *ещё* (ср. *ли кого ль* – 'или еще кого-нибудь' и *ли де ли* – 'где-то'). Местоимение сочетания толкуется и через неопределенные местоимения 'кто-нибудь', 'кто-то' и др., и как 'кто иной', 'кто другой' (ср. *ли кого ли* – 'или еще что-нибудь' и *ли кто (кто) ли* – 'или кто другой').

3. Многозначность отмечена лишь у сочетания *ли кто (кто) ли*. *Ли кто (кто) ли* – 1. 'или кто другой': *Там у них есть кучер – брат ли хто ли; Купец ли кто ли он был; Всё вместе – староста ли хто ли он.* 2. 'что ли': *Мать его то ли в домработницах ли хто ли жила; Сёдня Петров день ли кто ли* (СРСГД I). Думается, что многозначность характерна и для других сочетаний блоков 3 – 4. См., например, иллюстрацию *ли что ли*-частицы, допускающую двоякое толкование:

Иштан есть там далёко, где Никольско ли что ли (СРСГД I) (т. е. 1. ...где Никольское или какое-нибудь другое село; 2. ...где Никольское, что ли).

4. Многозначность *ли кто (кто) ли* подана традиционным образом, через два лексико-семантических

варианта, а многозначность *ли* какой *ли* по принципу "два в одном": *ли* какой *ли* – 'видимо, наверно или какой другой' (СС I).

Иллюстративная часть

1. В словарной статье на *или... чо* *ли* толкование дано через функциональную характеристику сочетания: 'разделительный союз *или*', а в качестве иллюстративного материала приведен следующий пример: *Или придёт или не придёт чо ли?* Очевидно, что средством связи сказуемых здесь является разделительный повторяющийся союз *или...или*, а *чо ли* – это модальная часто постпозитивная частица 'что *ли*' со значением неуверенности говорящего в сообщаемом. В противном случае речь должна идти о союзе *или... или чо ли*.

2. Анализируемые сочетания попали также в иллюстративный материал словарных статей на *ли... ли* – 'разделительный союз *или*' (почему не литературные '*или... или*' либо '*ли... или*'?) и *ли* – 'разделительный союз *или*'.

Повторяющийся союз *ли... ли* проиллюстрирован, с одной стороны, примерами *Годик ли два ли работал; Как дожж ли снег ли, озамы наденут; А товар носишь ли, возишь ли, пятнадцать копеек заплотят*, а с другой стороны, примерами *Куда она ушла? В огород ли куда ли?; Булхафтером ли кем ли он там* (СРСГД I), в которых *ли куда ли*, *ли кем ли* аналогичны *ли де ли*, *ли как ли*, *ли какой ли* и под.

В приводимых примерах различно синтагменное членение фразы: повторяющийся союз *ли... ли* со значением чередования, перечисления ряда событий, явлений входит, как правило, в две синтагмы фразы: *Товар носишь ли/ возишь ли/ пятнадцать копеек заплотят*. Примеры с анализируемыми сочетаниями предполагают иное членение фразы: *В огород/ ли куда ли?; Булхафтером/ ли кем ли он там*. В них средством связи является одиночный разделительный союз *ли* со значением взаимоисключения, второе *ли* – это частица. См. пунктуационное отражение интонационной стороны фразы в словарных иллюстрациях: *В Томске, ли де ли делали* (СС II); *Чё ты косу не плела? – Я не знаю поштой-то, ей-бо, обсекаются, либо что* (СРСГД II);

Словарные примеры одиночного разделительного союза *ли* также разнородны. Ср.: *Раньше казаки там были донски ли кубански и Жди уж таперь письма ли чего* (СРСГД I).

Разрешить лексикографические непоследовательности помогает анализ той синтаксической конструкции, в которую входят сочетания типа *али как ли*. Этой конструкцией является открытый сочинительный ряд, формируемый одиночными и повторяющимися разделительными союзами: *али, или, либо, ли, то, то ли, не то* (в литературном языке разделительные союзы *ли, то, то ли, не то* являются только повторяющимися); *али... али, или... или, либо... либо, может... может (может, може, можа, может, мо-гёт, можечки, мож быть, мобыть), ли...ли, то ли... то ли, то...то, не то... не то*. Например:

Мех лисицы. Лисицу знаете? Рыжие, чёрные потом. Таки бусы бывают лисицы. И эти шкуры продавали, пушнину вывозили её отселя: шить, может, там воротники из неё али чего ли (СС I); *Недель шесть или как ли, а потом соберёшь да на местечко*

(СРСГД I); *Чё ты косу не плела? – Я не знаю поштой-то, ей-бо, обсекаются, либо что* (СРСГД II); *Купец ли кто ли он был* (СРСГД I).

Кроме разделительного значения, открытый ряд может иметь соединительное значение, выражаемое соединительными союзами, также одиночными и повторяющимися: *и, да, ни* (последний в литературном языке только повторяющийся); *и...и, да...да, ни...ни*. Приведем примеры:

И пахали, и сеяли, и зверовали, и по домашности управлялись, и всяко; Добывали грибы, ягоду, рыба да всё; Ни Колька, ни младший, никто меня не навещат; Не хочу видеть ни даже Вальку, никого.

Хотя соединительные союзы, по замечанию В. А. Белошапковой, не являются абсолютно необходимым строевым элементом открытого сочинительного ряда (сложносочиненного предложения открытой структуры). Его типовое значение создается не союзами, а самим фактом открытости структуры и однотипностью ее частей, составляющей конститутивный признак открытого ряда, поэтому "отношения соединительного перечисления могут быть выражены как союзами, так и бессоюзно. Соединительные союзы в составе открытых структур лишь подчеркивают смысловую однотипность частей и цельность предложения" [2, с. 742].

Анализ союзного ряда предполагает рассмотрение не только средств связи между его компонентами, но и самих компонентов. Известной диалектной особенностью построения открытого сочинительного ряда является наличие местоименного обобщающего слова в его конце, которое, подчиняясь закономерностям однородных членов предложения, должно быть тем же членом предложения, что и предыдущий член (члены) ряда. Так оно нередко и происходит:

Кто это меня кусат? Блоха ли чё? (СРСГД I); *Булхафтером ли кем ли он там* (работает) (СРСГД I); *С хохлов ли какой ли* (СС II, с. 15); *В Томске, ли де ли делали* (СС II, с. 15).

Слова с предметным значением обобщаются чаще, слова со значением действия – реже. Заменителями глагола в цетере являются его местоименные распространители *как, всяко, разное, всяко-разное, всё такое* и отрицательный предикат *нет*. Например: *Исправится ли нет ли в этот месяц* (СС II, с. 15); *Вот танцуют либо как – вдруг замолк* (СРСГД I); *Надо квитанцию нести ли как* (СРСГД I); *Чё-нибудь она может прибавить, то ли прихваснуть, то ли как ли – ну, неправду сказать* (ПССГ IV, с. 130); *Коноплё жали, отливали и всё такое; Мужик у ей и пьёт, и бьёт, и всяко.*

Выражение последнего (но не конечного) члена соединительного и разделительного члена ряда местоимением – еще одно (наряду с союзами) свидетельство открытости ряда, так как значение обобщенности, универсальности, максимального охвата предметов и явлений, присущее местоимениям, в потенции требует своей конкретизации, представленности в частном, отдельном.

Для соединительного диалектного ряда характерно наличие определительных и отрицательных местоимений в его конце: *все, всё, всякий, всяко, разное, всяко-разное; никто, ничё, никакой, никак, нигде, никуда и др.* Разделительный ряд заканчивается вопроситель-

ными местоимениями *кто, чё, какой, как, где, куда* и др., которые по значению являются неопределёнными. Ср.: *В Томске, ли де ли делали* (СС II) (т. е. В Томске или где-нибудь еще делали); *Пушнину вывозили её отсюда: шить, может, там воротники из неё али чего ли* (СС I) (т. е. Шили воротники или еще что-нибудь).

В толковых словарях литературного языка эта черта отмечается как разговорная. Именно вопросительные местоимения в значении неопределённых, будучи опорными словами служебного сочетания, во многом определяют семантику неточности, предположения, неопределённости сочетания в целом.

Частица *ли* (ль) в рассматриваемых сочетаниях факультативна, хотя частота ее появления при последнем компоненте разделительного ряда безусловна. Положение *ли* в структуре ряда сродни аффиксам неопределённых местоимений: *кто ли* – *кто-либо*, *когда ли* – *когда-либо*, *как ли* – *как-либо* и т. д. Ср.: *Взяли его в плен или куда ли* (т. е. Взяли его в плен или куда-либо еще); *Везу им пряников или чего ли* (т. е. Везу им пряников или чего-либо еще).

Быть может, *ли* – формальный показатель неопределённости, который возмещает отсутствующий в сибирских говорах суффикс *-либо* в системе неопределённых местоимений? Так, В. Н. Сидоров, выводя частицы из предложения, считал, что по своей роли и грамматическому значению они сближаются со словообразовательными аффиксами – приставками и суффиксами, с помощью которых присоединяются дополнительные значения к значению самостоятельных слов [1, с. 224]. Впрочем, не лишена *ли* и свойственного ей вопросительного значения, в том числе и значения косвенного вопроса: *Куда она ушла? В огород ли куда ли?* (СРСГД I); *В бане она ей вправляла, вставляла ли как ли там, не знаю.*

Наряду с *ли* (ль) при последнем члене разделительного ряда могут быть частицы *ещё* (*еишо, еишио, еишчё*), *там* (*тама, там-ка, тамо-ка, тамот-ка, тамкость, тамокось, тамоткот, тамочка*). Частица *ещё* занимает позицию уточнителя, конкретизатора при союзе, имея значение повторности сообщаемого, его добавочного характера. *Ещё* – это повтор, но ‘по-другому, по иному’. Конструктивная роль частицы сводится к указанию на не первое место члена ряда в его структуре. Выполняет она и анафорическую функцию (вследствие значения ‘повторности’), отсылая к предыдущему члену ряда, обычно однофункциональному с последующим. Например: *Сыры грузди солим ли чё еишо; А бьют картошку тяпкой ли чем еишчё; Она или на работу заявила или как ещё.*

Что касается частицы *там*, сопровождающей слова не только пространственной семантики, то она вносит прагматический компонент в значение сочетаний типа *али как ли*. Благодаря коннотации удалённости, *там* ‘увеличивает дистанцию между говорящим и содержанием его речи, что смягчает высказывание, делая его ‘ненавязчивым’ [4, с. 161]. *Там* – это ‘не ручаюсь за точность и правильность сказанного’. Например: *Вот здесь жгёт или где там; Жбаны были таки деревянны, для творчества ли кого ли там, тышка у её така* (СРСГД I).

Разная конструктивная, содержательная и функционально-прагматическая нагруженность *ли, ещё,*

там позволяет им свободно сочетаться друг с другом: *ли там, ещё там, ещё ли, ли там ещё*. Например: *В Рубцовку уехали или куда ли там; Согра называют ли как ли ещё там.*

Таким образом, анализируемые сочетания представляют собой единство трех составляющих:

1) союза, разделительного и соединительного. При соединении ряд может быть бессоюзным, поэтому соединительный союз является факультативным элементом сочетания;

2) обобщающего местоимения (определяющего, отрицательного, вопросительного в значении неопределённого), повторяющего, как правило, синтаксическую позицию предыдущего члена (членов) ряда:

– *кто/кого₂, что/чего₂, чё/чё₂*; *никто/никого₂, ничё/ничего₂ (ничё₂)*; *всё/всего₂, все/всех₂ (всёв₂)*, занимающих субъектно-объектные позиции в предложении (являющихся подлежащим или дополнением на уровне членов предложения);

– *какой; никакой; всякий и как, куда, где, зачем; никак, никуда, нигде; всяко* в роли субъектно-объектных и предикатных определителей (определение или обстоятельство);

3) факультативных уточнителей при союзе в последнем члене разделительного ряда: *ли, ещё, там* и их свободных комбинаций.

Полагаем, что все три компонента данных сочетаний должны быть отражены – через литературные эквиваленты – в толковании их значений так, как это сделано, например, в толковании *али как ли* – ‘или как-то иначе’. Толкования унифицируются и через указание на синтаксическую структуру, характерную для сочетаний типа *али как ли*: ‘употребляется как обобщающий член открытого сочинительного ряда’. Возможно описательное толкование значения неуверенности, предположения, сомнения, выражаемого сочетанием, как это сделано с *али как* – ‘выражает предположение, исключаящее сказанное в предыдущем’. Толкование значения неуверенности, предположения через модальные слова ‘*кажется, может, наверно*’ и частицу ‘*что ли*’ в нашем случае невозможно. Оно характерно для другой структуры, омонимичной рассмотренной, с иным интонационным рисунком и синтагменным членением фразы. Ср.:

1. *Брать чё-нибудь будем? Молока/ ли чё ли?* (СРСГД I) (т. е. Будем брать молока или чего-нибудь еще?) – 2. *Брать чё-нибудь будем? Молока ли чё ли?* (т. е. Возьмем молока, что ли? Возьмем молока, может быть?)

См. также два значения *ли кто (хто) ли* – 1. ‘или кто другой’; 2. ‘что ли’ (СРСГД I).

В связи с омонимией синтаксических структур вновь возникает вопрос об адекватности диалектологического текста диалектному тексту, поставленный в [3, с. 130 – 140]; о структурно-содержательной и пунктуационной информативности контекста в иллюстративной части словарной статьи. См. использование пунктуационных возможностей, отражающих интонационное членение речи, в словарной статье на *ли де ли*:

Ли де ли. Где-то. – *В Томске, ли де ли делали* (СС II) (т. е. В Томске или где-нибудь еще делали) – или референтно непротиворечивый контекст с *ли что ли*-частицей, которому, правда, не хватает знаков

препинания, выделяющих вводно-модальный компонент, и содержательной развернутости:

Наталья Авдокимовна ли что ли Стариченкова (СРСГД I) (т. е. Наталья Авдокимовна Стариченкова, что ли).

Таким образом, знание закономерностей построения диалектного открытого сочинительного ряда позволяет:

- 1) вычленив все блоки анализируемых сочетаний для включения в словник;
- 2) определить компоненты сочетания, выделив среди них основные и факультативные;
- 3) унифицировать толкование значения через указание на каждый компонент сочетания, на синтаксическую структуру, обусловившую их появление, на общее значение неуверенности, предположения, неточности мысли, формы ее выражения (в случае раздельного ряда);
- 4) вести при необходимости прагматический компонент значения – указание на отстраненность говорящего от сообщаемого;
- 5) учитывать многозначность/функциональную омонимию сочетаний;
- 6) тщательнее отбирать иллюстративный материал;

7) решать вопрос о степени устойчивости служебных сочетаний, вызванной употреблением в одной и той же синтаксической конструкции.

Литература

1. Аванесов, Р. И. Очерк грамматики русского литературного языка / Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров. – М.: Учпедгиз, 1945. – Ч. 1: Фонетика и морфология. – 236 с.
2. Белошапкова, В. А. Синтаксис / В. А. Белошапкова // Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой. – М.: Высш. шк., 1989.
3. Лукьянова, Н. А. Понятия "язык", "речь", "текст" в диалектологических исследованиях / Н. А. Лукьянова, М. И. Черемисина // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования / отв. ред. К. А. Тимофеев. – Новосибирск: изд-во Новосибир. ун-та, 1974. – Вып. 3.
4. Разлогова, Е. Э. К вопросу о специфических употреблениях модальных слов: слова-паразиты в русской и французской речи / Е. Э. Разлогова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – 2003. – № 6.

УДК 811.111'25=161.1:821.111Gray

СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК ЭЛЕГИИ Т. ГРЕЯ “ELEGY WRITTEN IN A COUNTRY CHURCH-YARD”

А. Г. Строилова, О. П. Тукмакова

TRANSLATION STRATEGIES IN THE RUSSIAN TRANSLATION OF ELEGY WRITTEN IN A COUNTRY CHURCH-YARD BY THOMAS GRAY

A. G. Stroilova, O. P. Tukmakova

В статье анализируется история переводов стихотворения “Elegy Written in a Country Church-Yard” Т. Грея с точки зрения прагматики и межкультурной коммуникации. Рассмотрены различные этапы рецепции элегии в русской литературе: перевод фрагмента, буквальный перевод, перевод под влиянием масонской философии, вольный перевод. Знаменитый перевод Жуковского Элегии Т. Грея «Сельское кладбище» исследован в контексте общей истории восприятия этого произведения в России.

Ключевые слова: стратегии перевода, межкультурная коммуникация, сентиментализм, английская литература XVIII века.

The article analyzes the history of Thomas Gray’s «Elegy Written in a Country Church-Yard» translation in terms of pragmatics and intercultural communication. Several stages of elegy perception in the Russian literature have been reviewed: the translation of an abstract, literal (word-for-word) translation, translation influenced by masonic philosophy, liberal translation. Famous Zhukovsky’s «Selskoe kladbische (Country Church-Yard)» translation has been studied in the context of historical perception of this literary work in Russia.

Keywords: translation strategies, intercultural communication, sentimentalism, XVIIIth century English literature.

В настоящее время внимание современной филологии привлекает проблема перевода с точки зрения прагматики. В этом контексте важно изучение переводческих стратегий как «осознание конечной цели перевода и выбор в соответствии с этой целью определенной генеральной линии поведения — стратегии перевода, т. е. стратегии преобразования исходного текста» [4, с. 508]. Необходимо учитывать, что на определение цели перевода и, соответственно, на выбор

стратегии переводчиком влияют различные лингвистические, литературные и культурные факторы. Особенности культурного диалога эпохи, в которую выполнялся перевод, являются одним из самых значительных факторов, влияющих на выбор стратегий. XVIII – XIX в России характеризуется интенсивным развитием межкультурных связей, что привело к усилению потребности в переводе и появлению различных видов перевода художественной литературы.

Выбор стратегии в переводе мог повлиять на дальнейшую рецепцию того или иного произведения в русской литературе.

Рубеж XVIII – XIX вв. в России ознаменовался появлением и развитием нового литературного направления «сентиментализм». В истории сентиментализма в России особую роль сыграло стихотворение Т. Грея *“Elegy Written in a Country Church-Yard”* (1751). Первое обращение к нему датируется 1784 годом. С него началась история восприятия этой элегии в русской поэзии, последним этапом которой стали переводы В. А. Жуковского, сделанные в 1802 – 1839 гг. Представляет интерес рассмотреть более подробно рецепцию элегии Грея, на примере которой прослеживается становление поэтического перевода и освоение традиции английского сентиментализма в русской литературе конца XVIII – начала XIX вв.

Следует отметить, что в этот период в России английский язык не был широко распространен, и поэтому большинство первых русских переводов элегии Грея было сделано с помощью французского перевода П. Летурнера. Однако самый первый был выполнен с оригинала. Интересно, что после его опубликования в 1785 году прошло четыре года, прежде чем в 1789 году в журнале *«Беседующий гражданин»* появился следующий опыт перевода, созданный уже при помощи французского языка-посредника. Следующие варианты с промежутком в семь лет были напечатаны в журнале *«Полезное и приятное препровождение времени»* (1796), а затем в 1799 году в журнале *«Иппокрена, или Утехи любословия»* (1799) [11, с. 208]. Некоторое время элегия Грея не привлекала большого внимания русского читателя. Но с 1801 по 1803 годы были опубликованы сразу четыре разных перевода этого стихотворения, интерес к английскому поэту заметно возрос, и влияние его на развитие русской элегии становится достаточно заметным. Как же изменились стратегии перевода этого произведения с момента первого к нему обращения?

Изначально в России был переведен лишь отрывок из элегии Грея. Это была заключительная эпитафия, опубликованная в журнале *«Покоящийся трудолюбец»* в 1784 году под названием *«Эпитафия господина Грея самому себе»*. Автор перевода остается до настоящего времени неизвестным. Стратегия в выборе для перевода именно этой части стихотворения не была случайной, так как жанр эпитафии оформлял особое психологическое состояние, сочетавшее грусть от утраты и приятные воспоминания о том, каким был покойный при жизни. Это состояние приводило к размышлениям о жизни и смерти, к медитации и меланхолическому взгляду на жизнь вокруг. Подобные настроения и их эстетическое воплощение соответствовали формирующемуся в России комплексу культуры сентиментализма.

Название опубликованной эпитафии говорит о том, что переводчик воспринял в этом фрагменте образ молодого поэта из английской элегии как проекцию самого Грея. Таким образом, ему была придана форма автоэпитафии, которая в данном случае выполняет роль финальной исповеди героя.

Переводчик достаточно точно следует за оригиналом, сохраняя деление на три строфы, но делает все же некоторые изменения. В тексте перевода появляется

характерное обращение – *«Прохожий!»*. В своей статье *«Эпитафия-формульный жанр»* В. Веселова говорит о том, что оно *«сделалось своего рода знаком этого жанра»*. По ее словам, *«столь важное для жанра эпитафии обращение к путнику / прохожему... устанавливает связь мира мертвых с миром живых»* [3, с. 141]. Прохожий выступает в роли посредника между двумя мирами. Но отличие этой эпитафии заключается в том, что сама она не призывает прохожего задуматься над своей судьбой, как это было принято, а пытается привлечь его к судьбе героя-адресата, вызвать в нем сочувствие.

Показателен финал и оригинала, и перевода. В оригинале:

(There they alike in trembling hope repose)

The bosom of his Father and his God. [1, с. 43]

(Там они находятся в трепещущей надежде), у его отца и его Бога, [перевод наш. – А. С.]. В переводе:

Оне надеясь трепещут в сей юдоле,

Судьбы ждут своея от Бога своего! [12, с. 81].

В отличие от традиционной эпитафии, в которой почивший уже обрел вечный покой, здесь герой находится в состоянии ожидания, он надеется, то есть продолжает чувствовать, а значит, и жить. Таким образом, уже в первом переводе интерес русского автора вызывает появление нового героя.

Через год, в 1785, в этом же журнале появляется перевод всей элегии Грея. Автор перевода неизвестен. Этот первый перевод всего стихотворения был сделан с оригинала и был опубликован под названием *«Кладбище. Елегия Греева.»* В данном случае переводчик использует принцип транспозиции и переводит стихотворное произведение прозой, применяя распространенную в эту эпоху стратегию буквального перевода. Переводчик достаточно точно следует за оригиналом. В русле концепции буквалистского перевода, характерной для переводческой культуры XVIII века, в случае, если выбранное произведение воспринималось как образец, эстетический идеал, тогда оно переводилось с наибольшей точностью, в других случаях допускалось *«исправление»* оригинала. Стремясь сохранить текст Грея как образцовый, русский автор все же допускает некоторые изменения в тексте произведения.

Первый перевод элегии Грея означал еще только зарождающийся интерес к творчеству этого поэта. Русский переводчик, несомненно, был привлечен новыми художественными средствами, используемыми в оригинале, и, что еще более важно, новыми эстетическими и эстетическими идеями, которые были заявлены в элегии. В переводе была подчеркнута эмоциональная атмосфера. Настроение светлой печали оригинала было усилено при помощи особых акцентов на сентиментальном вечернем пейзаже. Однако стремление к точности перевода текста приводило к тому, что в некоторых случаях терялась образность, эмоциональность произведения, буквальность перевода некоторых фрагментов так ослабляла его художественные достоинства, что автор пытался исправить это за счет усиления эмоционального настроения.

Как и в переводе эпитафии, для автора было важно утвердить нового героя, поэтому он делает особый акцент на такие его качества, как чувствительность,

задумчивость. Мотив загробной жизни для русского переводчика не сопрягался со страхом (“dread abode” – страшное прибежище), как в оригинале, а воспринимался как почитаемое место, «до-стопочтенное их жилище» [12, с. 93], в котором герой находит покой.

После перевода эпитафии (1784) в течение следующих пятнадцати лет появилось еще четыре перевода элегии Грея. Все они были выполнены в прозе с французского посредника и не совершили больших изменений в восприятии этой элегии.

Следующий этап рецепции элегии начинается в первые годы XIX века, когда появляется сразу несколько переводов этого стихотворения. Автором одного из них был П. И. Голенищев-Кутузов. В отличие от предшественников, он переводит не одну эту элегию, а издает в 1803 году целый сборник переводов из Грея, но его переводы оцениваются и современниками и потомками достаточно скромно. И все-таки заслуга переводчика состояла в том, что он выполнил один из первых стихотворных переводов с оригинала, без помощи языка-посредника, то есть это был прямой контакт с английской культурой.

Одним из определяющих факторов, повлиявших не только на мировоззрение, но и на творчество П. И. Кутузова, является его принадлежность масонскому братству. Это повлияло на его переводческую деятельность. Философия масонства подразумевала использование особой символики, которая была понятна только избранным, то есть членам братства. Стратегия, которую Кутузов применяет в своем переводе, непосредственно связана с его принадлежностью масонству, так как при переводе он пытается внести дополнительный смысл, которого нет в оригинале.

В своем переводе элегии Грея Кутузов полностью сохраняет структуру и достаточно точно передает содержание оригинала. Замены, которые он делает в этом стихотворении, как и в других, на первый взгляд, незначительны, но они определенным образом меняют смысл. В некоторых случаях Кутузов совершенно по-своему развивает образы оригинала. Он вводит новые образы, основанные на масонской символике. Вместо “narrow cell” (узкая могила) был введен образ «гроба» [5, с. 111], который символизировал в масонской этике суетность, бренность земной жизни, напоминая о том, что всех ждет этот конец. В тексте перевода появился «храм». Как и для других масонов, для Кутузова строительство храма было метафорой пути духовного исправления и обретения новых истин. Таким образом, Кутузов вносил в эту элегию, как и в другие произведения Грея, новый тайный смысл, понятный лишь посвященным. Кутузов вводит мотив чувствительности. Чувствительность является в его переводе важнейшей чертой, которая объединяет поэта и слушателя, отделяет их от остальных. В спорах с Карамзиным Кутузов отрицал необходимость развития сентиментализма в отечественной литературе. Тем не менее переводы Грея говорят о привлекательности образа нового «чувствительного» героя для автора перевода.

Работа Кутузова интересна еще тем, что это была одна из немногих попыток перевода практически всего творчества иноязычного поэта, что не было характерно для переводческой практики XVIII века. В это

время делался перевод одного, наиболее известного произведения какого-либо автора, причем часто с языка-посредника, а не оригинала. Таким образом, Кутузов работает в направлении «погружения» в переводимого автора, это был принцип подхода, о котором гораздо позднее заговорил Белинский.

За два года до появления перевода П. И. Кутузова, элегию Грея перевел В. А. Жуковский. По некоторым данным, он начал работу над этим стихотворением еще во время своей учебы в Московском университетском пансионе в 1800 году [6, с. 433]. Как известно, Жуковский предложил свой первый перевод Карамзину для публикации в журнале «Вестник Европы», но Карамзин порекомендовал его доработать.

Каким же образом Жуковский первоначально воспринял эту элегию? И что он изменил в следующих своих редакциях?

Несомненно, первый перевод Жуковского можно назвать вольным. Жуковский увеличивает количество строк на тридцать семь, не использует деление на строфы, которое есть в оригинале. Можно сказать, что он допускает значительные изменения в своем переводе. Он меняет эмоциональную атмосферу элегии, усиливая все чувства героя, а также конкретизирует пейзаж. Присутствуют некоторые расхождения и в мировосприятии лирического героя.

Несмотря на то, что в переводе постоянно указывается на связь героя и мира природы, мы видим, что природа все же не дает ему утешения и спасения, герой оказывается чужд и этому миру тоже. Переживания, которыми переполнен герой, связаны не столько с его чувствительностью, со свойствами его сердца, сколько с его неудовлетворенностью жизнью, драматичным переживанием стремительности ее неостановимого бег. Последние строки эпитафии это отчетливо демонстрируют:

Прохожий! наша жизнь как молния летит!

Родись! – Страдай! – Умри! – вот все, что рок велит! [8, с. 49].

Из этого конфликта нет выхода в первом варианте перевода, даже смерть не приносит успокоения. Молодой поэт похоронен в «земле сырой», «он кончил трудный путь, путь зол и испытаний». После смерти поэт не приходит к Богу, как в оригинале. Последняя фраза утверждает бессмысленность жизни. С небесами в переводе связаны только поселяне, а сам поэт, хотя и не принадлежит к разряду знати, которой недоступно небесное, не получает утешения ни от земли, ни от неба.

Таким образом, как и в первом переводе, меняется жанровая специфика стихотворения. Медитация не приносит успокоения, наоборот, усиливает переживания героя.

В 1802 году Жуковский сделал новый вариант перевода элегии Грея. Перевод был одобрен Карамзиным и опубликован в «Вестнике Европы» в том же году. Именно эта редакция перевода элегии привлекла так много внимания. Ее появление исследователи связывают с развитием сентиментализма в творчестве поэта. В данном случае, благодаря выбору именно этой «вольной» переводческой стратегии Жуковским, его перевод становится источником обогащения русской поэзии.

В этой редакции перевода Жуковский сделал серьезные изменения, можно сказать, переписал стихотворение заново. Он разделил произведение на строфы, состоящие из четырех строк, как и в оригинале. Но в русском варианте строф оказалось на три больше, чем в английском тексте.

Образ молодого поэта терпит кардинальные изменения во второй редакции. Жуковский отказывается от замены “thee” (ты) на «я» [8, с. 56]. Он оставляет вариант оригинала “thee” (ты), и появляется проблема определения, кем же является молодой поэт. Нет сомнения, что его образ воплощает в себе все черты лирического героя, из первых переводов видно, что его воспринимали только как самого поэта. Но использование местоимения «ты» указывает на то, что это не совсем точно. Поэт не просто смотрит на себя со стороны, он создает собственную проекцию, и сам оказывается и в роли сочувствующего слушателя, и в роли страдающего героя. Создается совершенно новая модель общения героя и его воплощения в произведении. Кроме того, герой также оживает в рассказе старого поселенца.

Сам образ молодого поэта, как показали предыдущие примеры переводов, оказался необычайно важным для литературного процесса того времени. Он раскрывает свое эмоциональное состояние и свое настроение через обращение к природе. Это обращение он подчеркивает сравнением. «Сыны роскоши» никак не связаны с миром природы, а поселяне трудятся на ее лоне и пользуются ее благами, и только поэт воспринимает природу как своего слушателя.

Русский поэт вновь использует слово «мечта», которое уже прозвучало у него в первом переводе, но там этот мотив был отнесен к лирическому герою, а здесь он наделяет качеством «мечтательности» слушателя. Мечта в данном случае не просто “contemplation” (задумчивость), а состояние, связанное с творчеством, то есть можно предположить, что «чувствительный» также является поэтом.

В отличие от первой редакции, слушателем становится не близкий друг героя, а любой слушатель, читатель, наделенный «чувствительностью». Слушатель становится более абстрактным, это очень важно, так как им может быть и сам поэт. Эта концепция близка к оригиналу, не считая введения слова «чувствительный» вместо “kindred spirit” (дружественный дух), то есть Жуковский выделяет конкретное качество, которое должно роднить героя и слушателя.

Эпитафия также претерпела значительные изменения по сравнению с первой редакцией и стала гораздо ближе к оригиналу. Могила героя становится местом объединения человека и Бога. Вспомним, что в первой редакции эту функцию выполняла могила поселян. Могила называется «приютом от тревог», в отличие от оригинала, где она названа “dread abode” (страшное жилище), то есть в этой редакции перевода смерть становится утешающим началом, она помогает обрести покой. В третьей строке Жуковский говорит о том, что поэт оставил все греховное на земле, в то время как в оригинале при нем остались и грехи и добродетели.

Слова «Спаситель-Бог» в переводе означают, что именно в Боге спасение героя, а в оригинале Бог называется Отцом, то есть Создателем, или Творцом.

Если сравнить этот перевод с первой редакцией, то очевидно, что в данном случае конфликт между героем и жизнью стоит не так остро и разрешается после его смерти, когда он оставляет все греховное и приходит к Богу.

Таким образом, можно сделать вывод, что перевод элегии Грея, сделанный Жуковским в 1802 году, стал открытием для русской литературы по нескольким причинам. Это было произведение, которое впитало опыт переводов прошлых лет, и вместе с тем оно приближало к Грею, в нем автор сумел передать более точно особенности оригинала, его жанровую специфику. Перевод Жуковского получил всеобщее признание в России, и стал известен в Англии, войдя в «Российскую антологию», изданную в 1821 году Джозефом Бауригом [2, с. 575].

После несомненного успеха «Сельского кладбища» Жуковский еще раз обратился к переводу этой элегии, спустя почти сорок лет, когда в 1839 году посетил Англию и побывал на кладбище, описанном Греем в Элегии. Перевод был создан «под впечатлением от Греевой могилы, воспоминаниями об Андрее Тургеневе» и «глубокими раздумьями о путях развития европейской цивилизации, об истории и современности Англии, о соотношении буржуазного прагматизма и духовных ценностей, о своеобразии английской поэзии, открывшей мир человеческих чувств» [7, с. 719].

В новом варианте перевода Жуковский стремился как можно ближе и точнее передать оригинал, что, безусловно, ему удалось. Изменения, которые допустил теперь Жуковский, были минимальны. Но они очень хорошо подчеркивают, развивают и только немного меняют мотивы оригинала. Настроение лирического героя и его отношение к жизни уже не так близки молодому поэту, их единство здесь не так очевидно. Говоря о земной жизни, переводчик называет ее «эта земная, милая, смутная жизнь» [9, с. 316]. Можно сказать, это повзрослевший, зрелый человек, который философски смотрит на жизнь.

Разнообразие стратегий, применявшихся при переводе этого произведения, свидетельствует о том, насколько глубоко оно было воспринято русскими литераторами. Рецепция элегии Грея “Elegy Written in a Country Church-Yard” (1751) в русской поэзии была осуществлена несколькими поколениями переводчиков. Неослабевавший интерес к этому произведению был обусловлен нарастающим вниманием русской поэзии к «чувствительному» герою, близостью основных мотивов элегии английского поэта к новой концепции личности, которая развивается в русском сентиментализме.

Литература

1. Gray, Thomas. The complete poems of Thomas Gray English, Latin and Greek / T. Gray. – Oxford. 1966. – 200 p. Все цитаты из элегии “Elegy Written in a Country Church-Yard” приведены по этому изданию.
2. Астарова, К. Н. Комментарии / К. Н. Астарова, О. М. Савельева // Зарубежная поэзия в переводах В. А. Жуковского: в 2 т. – Т. 1. Сборник / сост. А. А. Гугнин. – М., 1985. – 608 с.
3. Веселова, В. Эпитафия – формульный жанр / В. Веселова // Вопросы литературы. – 2006. – № 2.

4. Гарбовский, Н. К. Теория перевода / Н. К. Гарбовский. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 544 с.
5. Голенищев-Кутузов, П. И. Стихотворения Грея /С английского языка переведенные Павлом Голенищевым-Кутузовым; с присовокуплением краткого известия о жизни и творениях Грея и многих исторических и баснословных примечаний. – М., 1803.
6. Жилиякова, Э. М. Сельское кладбище. Элегия. Второй перевод из Грея / Э. М. Жилиякова // Жуковский В. А. Примечания к текстам стихотворений. Т. 2. – М., 2000. – 839 с.
7. Жилиякова, Э. М. Сельское кладбище // Жуковский В. А. Примечания к текстам стихотворений. Т. 1. – М., 1999. – 759 с.

8. Жуковский, В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. / В. А. Жуковский; гл. редактор А. С. Янушкевич. – Т. 1: Стихотворения 1797 – 1814 гг. – М., 1999. – 759 с.
9. Жуковский, В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. / гл. редактор А. С. Янушкевич. – Т. 2: Стихотворения 1815 – 1852 гг. – М., 2000. – 839 с.
10. Кладбище / Елегия Греева // Покойщийся трудолюбец. – 1785. – Ч. 4.
11. Левин, Ю. Д. Восприятие английской литературы в России / Ю. Д. Левин. – Л., 1990.
12. Эпитафия господина Грея самому себе // Покойщийся трудолюбец. – 1784. – Ч. 1. – С. 81.

УДК 81'22

КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЯЗЫКА, ПОРОЖДАЕМЫЙ РАССОГЛАСОВАННОСТЬЮ В ПРОЯВЛЕНИИ «ТВОРЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ» ЗНАКОВЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ

Е. Б. Трофимова

COGNITIVE POTENCY OF LANGUAGE DUE TO MISMATCH IN REPRESENTATION OF "CREATIVE ACTIVITY" OF THE SIGN COMPONENTS

Е. Б. Trofimova

В статье, на примере слога и морфемы, ударения и просодической схемы слова, рассматривается степень участия единиц плана выражения и плана содержания в эволюционных преобразованиях языка.

Ключевые слова: *слог, морфема, ударение, просодическая схема слова, эволюция языка, языковой знак.*

The article deals with the degree of expression plan and content plan participation in the evolutionary language transformations on the material of syllable and morpheme, stress and prosodic scheme of a word.

Keywords: *syllable, morpheme, prosodic scheme of a word, language evolution, linguistic sign.*

Язык, как известно, принадлежит к числу самонастраивающихся сложных нелинейных систем. Его «самонастраиваемость» проявляется в том, что все изменения, происходящие в языке, не находятся в светлом поле человеческого сознания, хотя, безусловно, отражают потребности коммуникативной деятельности индивидов. Вполне вероятно, что любая сознательная перестройка языка привела бы к весьма плачевным результатам. Другое дело, что для лингвистов (а также философов и психологов) важно понять, как работает сам механизм языкового преобразования и каковы его универсальные принципы. Здесь я хочу остановиться лишь на одной проблеме, связанной с эволюцией в языке – асимметричной организации языкового знака.

Антиномия *симметрии/асимметрии* является одной из главных антиномий мироздания, определяя нерасторжимость единообразия и многообразия, соразмерности и несоразмерности в природе и обществе, а в мире научных идей может быть сопоставлена с редукционизмом и плюрализмом. В. Г. Гак в своей итоговой работе «Языковые преобразования» [4] посвятил целую главу исследованию феноменов *симметрии / асимметрии* в лингвистике. Он отмечает, что «асимметрия играет огромную роль в жизни языка и составляет одну из основных трудностей для

теоретического осмысления языковых фактов. Можно сказать без преувеличения, что если бы не было языковой асимметрии, то отпала бы в значительной степени потребность в теоретическом языкознании» [4, с. 106].

Считается, что асимметрический характер языковых знаков обеспечивает достаточно высокий уровень самостоятельности составляющих знака в процессе языкового эволюционирования. Однако до сих пор дискуссионным остается вопрос о степени участия плана выражения и плана содержания в языковых преобразованиях. Так, М. Б. Арапов полагает, что «процесс изменения означающих происходит на фоне сохранения означаемых, которые эволюционируют медленнее» [2, с. 104]. Диаметрально противоположную позицию занимает Л. Г. Зубкова, отмечая, что «явление непараллельности звучания и значения, введенное в абсолют, породило иллюзию большей, чем она есть, автономности плана выражения по отношению к плану содержания» [6, с. 482]. Позиция М. М. Маковского отражает плюралистический подход к данной проблеме: «В одних случаях те или иные фонетические комплексы «пропускают» любые значения, а в других – только определенные; в одних случаях одно и то же значение сочетается с разными

фонетическими комплексами, в других – только с определенными» [10, с. 112 – 113].

Итак, встает вопрос: что же дальше от стабильности – форма или содержание? На первый взгляд, безусловно, верным кажется следующее рассуждение: фонетические структуры более природны, ибо они – материя в чистом виде. Отсюда означающее синергичнее означаемого и, следовательно, оно активнее включено в эволюционный процесс. Однако это лежащее на поверхности умозаключение построено на ложных посылах, ибо свобода природной материи весьма условна, поскольку она неодинаково преобразуется в различных языках. Если подойти к решению данного вопроса с позиции «осуществленной реальности», то прав окажется М. М. Маковский: действительно, при одном означающем в языке наблюдаются разные означаемые (омонимия, многозначность), и наоборот, при одном означаемом имеют место быть разные означающие (например, дублетные формы лексем). Однако рассуждая таким образом, мы не решаем главной проблемы: почему происходят сами изменения? Поэтому предлагаю посмотреть на знаковую асимметрию с другой стороны: какой из «внутризнаковых» процессов обладает большей объяснительной силой – преобразование в области формы или же значения? Поскольку основное содержание статьи базируется на соотношении таких разноплановых единиц, как фонема, слог и морфема, то, прежде всего, необходимо сопоставить их статусные роли по отношению друг к другу.

Когда мы вторгаемся в новые области и пытаемся с их помощью решить старые проблемы, разумнее идти от простого к сложному, а не наоборот. Недаром же структуралисты так активно эксплуатировали фонетику, а в качестве единиц плана содержания для исследования брали морфемы. Последуем их примеру и обратимся к слогу. Считается, что структура CV представляет универсальный слог. Почему? Как известно, согласные – ртосмыкатели, гласные – ртораскрыватели [3, с. 161]. В результате сочетание *согласный плюс гласный* – это единство движения от $-1 < 0 < +1$. А. Н. Алексахин отмечает: «Что же объединяет ртосмыкание и рторазмыкание в единое целое? Это единство и неуничтожимость артикуляционного движения в рамках артикуляторно взаимосвязанных верхней и нижней челюстей, образующих различные растворы челюстного угла относительно индифферентного его состояния» [1, с. 74]. Исходя из вышесказанного, нельзя говорить о том, что слог состоит из фонем, более того, неверным будет сказать, что слог состоит из аллофонов. Аллофоны составляют морф, а фонемы входят в состав морфемы, но не слога. Слог первичен по отношению к фонемному составу морфемы, с языковой точки зрения, он – единица не членимая, первичная, а с диахронических позиций – природная. Можно сказать, что первоначально слог и морфема составляли единое целое, то есть не существовало двух изоморфных единиц – слога и морфемы (как, например, в современном китайском языке), а была примитивно семантизированная звуко-символическая синкретическая единица – слогоморфема.

Таким образом, слог континуален, а морфема дискретна. Может показаться, что континуальность слога делает его более лабильным, податливым к воз-

действию среды. Однако это не так. Для того, чтобы произошли изменения в такой устойчивой однообразной структуре, как слог, то есть для того, чтобы слог перестроился, нужен толчок извне.

Теперь можно перейти к решению проблемы, обозначенной в заглавии статьи. С целью дать ответ на вопрос о взаимоотношении формы и содержания, предлагаю рассмотреть несколько конкретных примеров, отражающих системную перестройку в языке, причем анализу будут подвергаться как синхронические, так и диахронические явления. Первый пример связан с падением редуцированных в древнерусском языке. Обычно данный процесс объясняют перестройкой слоговой структуры: коль скоро редуцированные фонемы исчезли, запрет на образование закрытых слогов перестал действовать. Полагаю, что причинно-следственная связь обозначена в данном случае неверно. Во-первых, слог – своеобразный мини-текст на уровне означающих языка, следовательно, в нем должен действовать закон сильных позиций – абсолютного начала и абсолютного конца, что и обеспечивает слоговую устойчивость. Во-вторых, результаты экспериментальных фонетических исследований показывают, что практически все слоги в слове, кроме завершающих, открытые, причем последний слог, даже если он оканчивается на согласный, имеет слабое примыкание [3, с. 22]. Практически те же результаты были получены в психолингвистическом эксперименте с детьми, еще не умеющими читать, и неграмотными взрослыми [15, с. 53 – 74]. В действительности, падение редуцированных было вызвано необходимостью усилить подвижность морфемы, повысить значимость составляющих ее элементов, в первую очередь, согласных, обладающих в русском языке большей, по сравнению с гласными, информативностью: комбинаторные возможности согласных в результате падения редуцированных резко возросли, поскольку количество информации обратно пропорционально встречаемости элемента. Следовательно, данный пример демонстрирует явную зависимость формы знака от ее содержания. Чтобы показать, что «драматические отношения» между слогом как элементом плана выражения и морфемой как единицей плана содержания касаются не только русского языка, рассмотрим соотношение этих реалий в китайском языке. Для китайского языка, сформированного по корневному принципу, «невыгодно» было освобождать морфему от «слоговых пут». Тем не менее абсолютно прав А. Н. Алексахин, противопоставляющий китайский слог и морфему по составу. Он отмечает, что китайский слог неподвижен, морфема же членится на отдельные фонемы [1, с. 72 – 78]. К сказанному могу добавить, что, по-видимому, окончанием синкретичности слогоморфемы в китайском варианте следует считать появление тонов. Китайские тоны не аналог русского ударения, а аналог комбинаторных перестроек в составе морфем. Таким образом, и в китайском, и в русском языках причина перестройки системы в данном случае одна и та же – потребность в расширении семантического пространства, хотя способы преодоления инертности физической материи различны (необходимо пояснить, что тоны в китайском языке семантизированы).

Обратимся теперь к анализу слога и морфемы, но не в аспекте системно-структурных диахронических отношений, а с позиции антропоцентрической синхронии. Именно в речевом функционировании, в которое постоянно вторгается лингвистическая деятельность, пусть самого наивного носителя, легко обнаруживаются особенности контактирования слога и морфемы. Если большинство фонетистов-экспериментаторов, как уже отмечалось выше, настаивают на преимущественно открытом характере слога в русском языке, то результаты психолингвистических экспериментов со взрослыми носителями русского языка свидетельствуют о том, что при возможности выбора между структурой открытого и закрытого слога приоритет отдается последнему: *шап-ка*, но не *шапка* [15, с. 35 – 53]. Реципиенты, разумеется, бессознательно, перестраивают слог по образу и подобию структуры корневой морфемы в русском языке (подавляющее число корней изоморфны закрытому слогу). Тем не менее на данный момент иная структура интуитивного слога по сравнению с фонетическим не приводит к перестройке объективно существующей слоговой системы языка: фонетический и интуитивный слоги мирно сосуществуют в системе разных языковых координат – физической и психической. Таким образом, слог как физическая единица обеспечивает стабильность, морфема как минимальная смысловая единица потенциально способна порождать при соединении с другими морфемами иные смыслы; интуитивный же слог, образуемый на уровне сознания носителя, представляет собой гибридную единицу, возникающую в результате бессознательного стремления преодолеть жесткую заданность слоговой структуры. Сам факт семантизации незнаковых единиц в сознании человека весьма показателен. Он демонстрирует, что любое языковое изменение, вероятнее всего, результат «заинтересованности» языка (не только в системной, но и в антропоцентрической его части) в расширении семантического пространства.

И наконец, последний пример, призванный показать разграничение функций плана выражения и плана содержания, относится к типологии словесного акцента. Природное ударение связано с формой языка, однако функционально оно обслуживает как форму, так и содержание. Поэтому условно это явление можно обозначить как формально-содержательное. Данный дуализм был снят Т. М. Николаевой, предложившей ввести более широкое, чем ударение, понятие – *просодическую схему языка*, под которой она понимает «модель распределения сильных и слабых точек реализации параметров просодии в пределах слова, независимо от места и способа реализации ударений» [12, с. 19]. Ударение рассматривается автором исключительно в перцептивном аспекте и определяется следующим образом: «Ударение есть то, что слышится как ударение» [12, с. 21]. Диахронически просодическая схема предшествует ударению, она ответственна за сохранение целостности слова и, по-видимому, может быть отнесена к числу универсальных языковых средств. Для большинства языков просодическая схема строится по принципу качественно неоднородной двувёршинной модели. Сильная точка интенсивности находится в начале слова, а сильная точка количественного параметра – в конце. Согласно гипотезе

Т. М. Николаевой, в процессе эволюции наблюдается постепенное усиление некоторых слогов, что и приводит к появлению ударения. «Если слоги усилить, то эта увеличенная «слышимость» пройдет через тот порог перцепции, после которого слог уже воспринимается как ударный [там же]. Таким образом, если просодическая схема выполняет роль объединителя слогов в слове, а в реальной речи в такте, причем объединителя, никак не соприкасающегося с семантической структурой языковой единицы и не ответственного за нее, то ударение, напротив, непосредственно направлено на семантику слова и даже в тех случаях (а для русского языка их большинство), когда оно не является единственным фонологическим средством, ударение играет роль различителя языковых единиц: «... Даже самое изощренное ухо слышит не то, что есть, а то, что привыкло слышать» [16, с. 118].

Когда и почему в процессе эволюции происходит становление такой единицы, как ударение? Думается, что это вызвано необходимостью получения дополнительного языкового пространства для реализации успешного функционирования языковых единиц. Развитие языка, увеличение его общей семантической массы приводит к дефициту сегментных языковых средств. Потребность в выражении новых смыслов вынуждает язык прибегать к использованию таких супraseгментных возможностей, как акцентирование или тонирование. Отсюда понятно, что должна быть определенная корреляция между типом акцента и особенностями сегментной структуры языковых единиц, поскольку в системе все взаимосвязано. «Любой язык есть система, все части которой органично согласуются и взаимосвязаны. Есть ощущение того, что это целое изменилось бы, если бы хотя бы одна из его составных частей отсутствовала или была другой» [14, с. 91]. Что касается места фиксированного ударения, то, скорее всего, его следует оценить как более высокую «вершину» просодической схемы. Любопытно, что, как правило, фиксированное ударение совпадает с одной из двух позиций просодической схемы, акцентируя первый или последний слог в слове. Полагаю, что неплохо было бы сопоставить начальный (динамический) и конечный (квантитативный) участки просодической схемы с начальным и конечным фиксированным ударением в условиях фонетического эксперимента. Если эксперимент подтвердит наличие такого рода соответствия, мое предположение о том, что фиксированное ударение есть лишь модификация просодической схемы, подтвердится. Во всяком случае, многие тюркологи отмечают, что, например, в современном узбекском языке значительное количество слов имеет ударение не на традиционном для него последнем слоге: «На современном этапе развития узбекского языка присутствие во многих словах ударения не на последнем слоге, и разноместность его во множестве вошедших в узбекский язык слов, заимствованных из русского языка, дает основание считать ударение в современном узбекском языке свободным, но имеющим тенденцию к фиксации на последнем слоге [11, с. 18].

Встает вопрос, какова роль ударения в изолирующих языках? В китайистике до сих пор проблема наличия/отсутствия словесного акцента остается неразрешенной. В литературе можно встретить прямо

противоположные мнения по этому поводу. Т. П. Задоевко пишет: «Более 90 % двусложных слов китайского языка имеют фонетическую структуру, характеризующуюся слогами полного образования, то есть слогами, содержащими не только полный тон (этимологический или комбинаторный), но и четко выраженное количество звукового состава» [5, с. 59]. Далее автор говорит о том, что такая структура китайского слова приводит к спорам относительно ударения в китайском языке: «...точки зрения авторов на ударение в китайском языке зачастую не только не совпадают, но и являются прямо противоположными. Одни из них считают, что «психологическую реальность для китайца представляют тоны. Он их воспринимает и может разметить. Ударение же китаец разметить не может» [13, с. 150]. Другие исследователи приходят к совершенно иным выводам. Е. Д. Поливанов настаивал на наличии ударения в китайском языке, но при этом он четко разграничивал акцент и тон [7, с. 39]. На той же позиции стоит и ряд современных исследователей [8, с. 159]. «Трудно согласиться с тем, что для китайца ударение на уровне слова фонологически не существенно, ибо ... ударение для китайского языка представляется единственным надежным признаком слова, манифестирующимся в языковой форме. Уже само положение тонов относительно друг друга создает эффект ударения» [14, с. 90].

Необходимо прояснить вопрос со статусом ударения в односложных словах, законность которого в языке почти никем не оспаривается: «Безударность не существует без ударности, а только лишь в противопоставлении последней, и одновременно в слове налицо и безударность и ударность. Но если нет безударности без ударности, то обратное неверно: ударность не предполагает с необходимостью безударности, сравни односложные слова» [9, с. 43]. Прав ли В. Б. Касевич «со товарищи»? Все зависит от того, с каких позиций рассматривать данное явление. Поскольку в мою задачу входило показать, как распределяются активные/пассивные роли между означаемым и означающим в процессе эволюционных преобразований, то исключительно с таких позиций я не вижу различий между словесным акцентом в словах с фиксированным ударением и в односложных единицах.

Подводя итоги всему вышеизложенному, хочу отметить следующее. Разная степень активности единиц плана выражения и плана содержания неизбежно порождает асимметрию составляющих любого языкового знака. Привлеченный к исследованию материал показал, что физическая сторона языка – гарант относительной стабильности, смысловая – источник перемен. Каждая система стремится к сохранению себя через равновесие, прочность отношений между своими членами, но парадокс состоит в том, что равновесие убивает систему, так как препятствует ее развитию. С другой стороны, если бы не содержание, а форма выступила бы в роли законодателя и диктатора языковых преобразований, то скорость изменений в

языке резко бы увеличилась, что пагубно отразилось бы на коммуникативной функции языка.

Выявленные нами тенденции во взаимоотношении простейших и значимых единиц, по-видимому, проявляются и на «верхних этажах» языка, но это еще предстоит выяснить. Например, интересно было бы проследить роль подвижности/стабильности содержания/формы применительно к грамматическим категориям.

Литература

1. Алексахин, А. Н. Структура слога китайского языка как проявление системообразующих свойств согласных и гласных / А. Н. Алексахин // Вопросы языкознания. – 1990. – № 1.
2. Арапов, М. В. Квантитативная лингвистика / М. В. Арапов. – М.: Наука, 1988.
3. Бондарко, Л. В. Слоговая структура речи и дифференциальные признаки фонем / Л. В. Бондарко: автореф. дис. ...д-ра филол. наук. – Л., 1969.
4. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М.: Языки русской культуры, 1998.
5. Задоевко, Т. П. Ритмическая организация потока китайской речи / Т. П. Задоевко. – М.: Наука, 1980.
6. Зубкова, Л. Г. Принцип знака в системе языка / Л. Г. Зубкова. – М.: Языки славянской культуры, 2010.
7. Иванов, А. И. Грамматика китайского языка / А. И. Иванов, Е. Д. Поливанов. – М.: URSS, 2007.
8. Карапетянц, А. М. Типология основных единиц китайского языка / А. М. Карапетянц: автореф. дис. ...д-ра филол. наук. – М., 1992.
9. Касевич, В. Б. Ударение и тон в речевой деятельности / В. Б. Касевич, Е. М. Шабельников, В. Б. Рыбин. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980.
10. Маковский, М. М. Лингвистическая комбинаторика. Опыт топологической стратификации языковых структур / М. М. Маковский. – М.: Наука, 1988.
11. Махмудов, А. Словесное ударение в узбекском языке / А. Махмудов. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1960.
12. Николаева, Т. М. Просодическая схема слова и ударение как акт фонологизации / Т. М. Николаева // Вопросы языкознания. – 1993. – № 2.
13. Румянцев, М. К. К проблеме ударения в современном китайском языке путунхуа / М. К. Румянцев // Вопросы китайской филологии. – М., 1974.
14. Солнцев, В. М. Введение в теорию изолирующих языков / В. М. Солнцев. – М.: Восточная литература РАН, 1995.
15. Трофимова, Е. Б. Очерк фонетического и интуитивного слогаделения / Е. Б. Трофимова: дис. ...канд. филол. наук. – Самарканд, 1972.
16. Щерба, Л. В. Фонетика французского языка / Л. В. Щерба. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1953.

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В АГРЕССИВНОМ РЕЧЕСИТУАТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ (по материалам экспериментального исследования)

А. Г. Фомин

GENDER DIFFERENCES IN AGGRESSIVE SPEECH BEHAVIOUR OF RUSSIAN AND AMERICAN NATIVE SPEAKERS (as revealed in an experimental study)

A. G. Fomin

Статья посвящена рассмотрению агрессии как определенной поведенческой реакции на фактор-стимул внешней среды, которая проявляется и в речевом поведении. Гендерные характеристики коммуникантов, являясь потенциальными катализаторами вербальной агрессии, обуславливают выбор определенных вербальных средств выражения агрессии, что подтверждают результаты экспериментального исследования с использованием методики стимульного текста.

Ключевые слова: агрессия, речевое поведение, гендерные характеристики, вербальные средства.

The article is devoted to studying aggression as a definite behavior reaction (including speech behavior) to the incentive of social environment. Communicants' gender characteristics being potential verbal aggression catalyst specify the choice of aggressive linguistic means, as proved by the results of the experimental study using scenario method.

Keywords: aggression, speech behavior, gender characteristics, linguistic means.

В современной научной парадигме агрессия определяется как форма поведения человека. Самое общее определение, принятое в психологии, описывает агрессию как «любую форму поведения, которая направлена на то, чтобы причинить кому-то физический или психологический ущерб» [1, с. 24]. В этом определении сформулирован мотив агрессивного поведения: нанесение ущерба или вреда. Именно наличие данного мотива у действия позволяет разграничить агрессию и внешне агрессивные действия, которые, по сути своей, не являются таковыми: проявление настойчивости и напористости человека без намерения причинить вред или боль, болезненные медицинские операции и процедуры, необходимые для исцеления человека и пр.

Данное определение агрессии как поведения подразумевает наличие *субъекта*, действующего с определенным мотивом, и *объекта* агрессивных действий. В современной социологии принято определение агрессии как «любой формы поведения, нацеленного на оскорбление или причинение вреда другому живому существу, не желающему подобного обращения» [2, с. 26].

Согласно фрустрационной теории Дж. Долларда, агрессия появляется вследствие фрустраций – преград, возникающих на пути человека. Дж. Доллард и его соавторы утверждали, что агрессивное поведение всегда предполагает наличие некоторых фрустраций как его первопричины и, в свою очередь, возникновение и существование фрустраций непременно приведет к агрессивной реакции на них [13, с. 8]. Под фрустрацией в данной теории понимается «блокирование происходящих в данное время целенаправленных реакций» [2, с. 126], т. е. возникновение препятствий на пути человека к достижению цели. Таким образом, речь идет об агрессии как определенной поведенческой реакции на фактор-стимул внешней среды, и предполагается, что агрессия является единственно возможным типом поведения в стимульной ситуации, не-

зависимо от того, была ли эта фрустрация, в свою очередь, обусловлена враждебными намерениями или нет.

Категоричность этого утверждения была подвергнута резкой критике ученых, однако сама теория агрессивного поведения Долларда получила большое распространение и легла в основу многих других психологических исследований агрессии с определенными изменениями. В частности, в теории социального научения А. Бандуры [9] агрессия рассматривается как форма социального поведения, которое усваивается посредством наблюдения, как и многие другие формы социального поведения. В этом ключе агрессия рассматривается полностью с позиций социальных установок, без учета биологического компонента. Суммируя результаты своих исследований, Бандура приходит к выводу о том, что агрессия является усваиваемой формой социального поведения и возникает только в тех случаях, когда модель агрессивного поведения принята в социуме и доступна для наблюдения. Дополняя выводами этой теории теорию фрустрации-агрессии, можно предположить, что агрессия является социально-обусловленной усваиваемой формой поведенческой реакции в определенных ситуациях. Опыт наблюдения за поведенческой реакцией окружающих на некоторую фрустрацию как стимульную ситуацию зачастую определяет дальнейшую стратегию поведения индивида в аналогичных ситуациях. Поведенческая реакция индивида проявляется и в его речи.

Речевое поведение носителя языка определяется рядом субъективных и объективных факторов, которые определяют отношение субъекта речевой деятельности к действительности [6, с. 18]. Среди характеристик субъекта общения нелингвистического характера, определяющих его речевую деятельность и коммуникативное поведение, можно выделить социальные (пол, возраст, образование, социальный статус, культура) и психологические (темперамент и чер-

ты характера). Коммуникативная ситуация предполагает наличие и объекта общения. Проявление агрессии в поведении одного из участников коммуникации свидетельствует о наличии фрустрации, препятствующей успешному общению. В качестве таких фрустраций могут рассматриваться ситуационные факторы, к которым относятся свойства (характеристики) личности собеседников, их поведение наряду с социальными ролями участников общения, степенью их знакомства и самой обстановкой речевого общения [8]. Вербальное агрессивное поведение может служить катализатором для ответной физической агрессии в том случае, если объект вербальной агрессии изначально настроен враждебно в силу личностных, социально обусловленных, либо ситуационных факторов [18]. Значимость личности собеседника как ситуационного фактора, провоцирующего агрессию, подтверждается также эмпирически.

Все эти факторы составляют экстралингвистический контекст коммуникации и обуславливают необходимость выбора определенных вербальных средств выражения (либо сознательного отказа от общения) как формы деятельности. Объектом нашего исследования являются гендерные характеристики субъекта и объекта общения как потенциальные катализаторы вербальной агрессии.

Обратимся к результатам многочисленных исследований письменного и устного речевого поведения мужчин и женщин с позиций интеракционизма и теории речевых актов, то есть целей высказывания, стратегий и тактик речевого поведения. В данных исследованиях, проводимых в русле лингвогендеристики, изучались не только различия в вербальном поведении лиц разного пола, но и особенности лиц одного и того же пола (множественность пола). Имеются пока немногочисленные исследования гендерной доминантности в общении, проявления вербальной агрессии в речеситуативном поведении, использования стратегий и тактик в ситуациях конфликта: изучается характер представления слова, различные возможности довести высказывание до конца, частота перебивания говорящими друг друга и т. д. Перечисленные проблемы в разной степени изучались и изучаются отечественной психолингвистикой.

В некоторых исследованиях [5; 7] нашел подтверждение тот факт, что ассоциативное и речеситуативное поведение личности определяется не биологическим полом, а гендерной принадлежностью, поэтому биологический пол – не точный критерий. Однако психологи отмечают, что довольно часто при усвоении социальных норм поведения представители разного пола получают информацию, в соответствии с которой то, что «прилично» женщине, является «неприличным» для мужчин и наоборот [4, с. 160 – 161].

Половая принадлежность индивида маркирует особенности его ситуативного и коммуникативного поведения. Многие исследователи приводят различные примеры влияния пола и гендера на общение в различных группах. Эти процессы, включая вербальное и невербальное поведение, наблюдались в однородных и разнородных гендерных группах. В целом мужчины считаются более сориентированными на цель, чем женщины [12; 19; 20; 27]. Они более склонны выражать эмоциональные реакции в общении та-

кими средствами, как приподнять резко подбородок или смотреть в глаза женщины при разговоре [11; 14]. Для женщин же характерно социально окрашенное поведение, им важнее общественный характер, они больше улыбаются, меньше реагируют на выпады и реплики, такие, как прямой взгляд или изменение мимики, смена позы [11].

Проанализировав выражение эмоций в речи, Таннен пришла к выводу, что существует очень много вариантов эмоциональной реакции на получение сочувствия, например: человек может чувствовать себя удобно либо быть раздраженным на внимание к себе. Например, при разговоре о проблемах женщины выражают сочувствие и ожидают сочувствия в ответ. Когда мужчины в ответ на проблему женщины дают совет, женщины склонны думать, что их чувства не поняты, их проблемы недооценены либо, что их партнер просто делает одолжение своим советом как покончить с проблемой. Наоборот, когда женщины проявляют сочувствие мужчине, то он склонен себя ощущать униженным в статусе и тем, кому делают одолжение [23].

Таким образом, говоря о различиях в эмоциональности между мужчинами и женщинами, представляется целесообразным их рассмотрение на нескольких уровнях. На одном уровне рассматривается способность понимать эмоциональные состояния других (эмпатия) и умение выразить это понимание (эмпатическая экспрессия). На другом – исследуется переживание самим человеком своих эмоций (эмоциональные переживания) и способы выражения этих эмоций (эмоциональная экспрессия).

Как показывают результаты исследований, мужчины не хуже женщин способны определять чувства других и внутренне сопереживать им, но они заинтересованы в том, чтобы окружающие никак не заметили этого по их поведению. Мужчины не желают, чтобы окружающие видели их эмпатичными, так как это не соответствует их гендерной роли. Мужчины часто оказываются в ситуациях, требующих от них проявления силы, независимости, власти, стремления к соревнованию – качеств, которые не сочетаются с эмпатийной отзывчивостью. Что касается переживания и выражения собственных эмоций, то, по данным исследований, мужчины и женщины обладают равной эмоциональностью, но выражают свои эмоции с *разной степенью интенсивности*. Эмоциональная жесткость считается одной из важнейших описательных характеристик «настоящего мужчины». Женщины больше выражают чувства, направленные на окружающих (проявление интереса к чувствам других, их потребностям, желаниям). Мужчины же, наоборот, проявляют больше эгоцентрических чувств (потребностей, желаний, собственных интересов). Женщинам более удобно выражать чувства страха и грусти, и вместе с тем люди не видят межполовых различий в способности испытывать эти чувства [16; 22].

В многочисленных исследованиях речевого поведения мужчины и женщины часто описываются как имеющие совершенно разные коммуникационные стили. Результаты данных исследований позволили зарубежным ученым сделать следующие выводы. Женщины более склонны не к конфликтной, а к гармонической коммуникации, во время которой, по их

мнению, следует оказывать и получать поддержку и одобрение, достигать согласия; мужчины же более склонны к конфликтной коммуникации. Речевое поведение «мужчина – женщина» более агрессивно, чем речевое поведение «женщина – женщина». Женщины предпочитают гармоничную коммуникацию, цель которой акцентировать общность позиций, проявить солидарность и оказывать поддержку. Конфликтные эмоции релевантны в основном для самообороны и поддержки товарища, но не для утверждения собственного имиджа. Мужчины значительно чаще, чем женщины, стремятся перевести конфликт с деловой на межличностную почву, выражая при этом спектр эмоций по шкале «хороший – плохой». Женщины в конфликтной коммуникации предпочитают диспут, в ходе которого идет поиск истины, или конфликтные переговоры, в ходе которых намечается план действий. Они, как правило, вербализуют эмоции в соответствии со шкалой «правда – ложь» или «правильный – ошибочный». В ходе диспута женщины предпочитают категоричное опровержение оппонента, а мужчины – более мягкое, частичное. В ходе конфликтных переговоров женщины чаще прибегают к наступательной тактике, а мужчины – к оборонительной. Речевое поведение женщин более прямолинейно, однозначно и открыто, как и положено в конструктивном диалоге равных по статусу. Видимая мягкость и благосклонность мужчин являются лишь проявлением покровительства «сильного» по отношению к «слабому» и подчеркивают статусное неравенство. В конфликтной коммуникации женщины практикуют, с одной стороны, более прямолинейный, жесткий, а с другой стороны, более деловой, продуктивный подход, способствующий успешному разрешению споров. Мужчины, персонифицируя политические разногласия, идут по пути эскалации конфликта, разжигания личной вражды, что уводит в сторону от решения проблем [17; 21; 24; 25; 26].

Склонность мужчин к проявлению агрессии можно объяснить тем фактом, что, в соответствии с концептуальными общественными нормами, агрессивное поведение мужчин кажется более адекватным [15]. Однако, в силу того, что физическая агрессия для женщин тем более недопустима, они чаще проявляют свою агрессивность именно в вербальной форме, следовательно, фактор пола должен быть учтен при анализе вербальной агрессии как явления. Наряду с этим исследователи отмечают, что женщины более сдержанны по сравнению с мужчинами, но в то же время более склонны к проявлению скрытой, косвенной агрессии [4].

Половозрастные особенности определяют проявление вербальной агрессии в коммуникативном поведении человека на протяжении всей его жизни, при этом особенность проявления агрессии у мужчин и женщин заключается не в количественном, а в качественном аспекте агрессивного поведения [10]. Однако ситуация в современном мире кардинально изменилась, в обществе происходит перераспределение гендерных ролей. Это заставляет задуматься и исследовать современные стереотипы агрессивного поведения мужчин и женщин, а также реальную си-

туацию. Изучение гендерной специфики агрессии также может рассматриваться в тесной взаимосвязи с актуальной сегодня проблемой домашнего насилия.

В виду того, что существующие в обществе стереотипы предписывают мужчинам и женщинам разные модели поведения, а также, поскольку отношение к проявлению агрессии мужчинами и женщинами также различно, в рамках данного исследования респонденты были разделены по признаку биологического пола. Раздельный анализ реакций мужчин и женщин позволяет выявить гендерные различия без определения гендерного типа личности с учетом того, что данные ситуации показывают проявление гендера как социального пола.

Участниками эксперимента, проведенного в 2009 г., являются российские и американские студенты. При отборе респондентов учитывались следующие критерии: все американцы являются носителями американского варианта английского языка, все российские респонденты – носителями русского языка. Все испытуемые являются студентами гуманитарных факультетов очной формы обучения. Всего в исследовании приняли участие 106 россиян (35 мужчин и 71 женщина) и 117 американцев (14 мужчин и 103 женщины).

В качестве одного из методов экспериментального исследования гендерных особенностей проявления агрессии нами была использована **методика незаконченного текста**. Методика незаконченного текста или незаконченных предложений получила широкое распространение в психологических и социологических исследованиях, однако она также эффективно может применяться в лингвистике.

В рамках данного исследования респондентам был предложен следующий текст:

Пожалуйста, окончите следующий текст в 25 – 40 словах:

Это был один из самых странных дней в моей жизни. Я знал этого человека много лет, но мое отношение к нему/к ней полностью изменилось в тот день, когда он(а)...

Please continue the following scenario with 25 – 40 words:

It was one of the strangest days of my life. I had known that person for ages but my attitude to him/her changed completely on that day as he/she..

Текст был смоделирован таким образом, чтобы у респондентов была возможность указать, в первую очередь, изменилось ли их отношение к другому человеку в положительную или отрицательную сторону. Однако анализ полученных ответов показал, что иногда респонденты затруднялись с оценкой этого изменения из-за крайней степени удивления.

Наряду с определением того, какой опыт (положительный или отрицательный) более ценен для респондентов (и, как следствие, вспоминается в первую очередь), данный вид исследования позволил также **определить важность личности собеседника в ситуации агрессии, в частности, его половой принадлежности**.

Таблица 1

Результаты исследования вербальной агрессии респондентов мужского пола с использованием методики стимульного текста

	Ответы россиян (n=35)				Ответы американцев (n=14)			
	<i>положительная оценка</i>	<i>отрицательная оценка</i>	<i>затруднились с оценкой</i>	<i>другое</i>	<i>положительная оценка</i>	<i>отрицательная оценка</i>	<i>затруднились с оценкой</i>	<i>другое</i>
По отношению к мужчине	2	14	3	-	-	8	-	-
По отношению к женщине	-	3	3	-	-	2	-	-
Пол не указан	-	1	-	1	-	3	1	-
ВСЕГО	2	18	6	1	-	13	1	-
Отказ от реакции	7				0			

Таблица 2

Результаты исследования вербальной агрессии респондентов женского пола с использованием методики стимульного текста

	Ответы россиянок (n=71)				Ответы американок (n=103)			
	<i>положительная оценка</i>	<i>отрицательная оценка</i>	<i>затруднились с оценкой</i>	<i>другое</i>	<i>положительная оценка</i>	<i>отрицательная оценка</i>	<i>затруднились с оценкой</i>	<i>другое</i>
По отношению к мужчине	3	14	13	-	1	13	8	-
По отношению к женщине	-	22	2	1	2	46	1	-
Пол не указан	1	1	-	1	-	23	2	-
ВСЕГО	4	37	15	2	3	82	11	-
Отказ от реакции	13				7			

Из результатов эксперимента (таблицы 1, 2) следует, **отрицательные воспоминания респондентов чаще всего связаны с человеком того же пола**. Как у российских, так и у американских респондентов отрицательные воспоминания чаще всего связаны с мужчинами – у мужчин, с женщинами – у женщин. Этот факт нашел свое подтверждение в исследовании Н. В. Вязигой. Анализируя особенности проявления вербальной агрессии у мужчин и женщин на материале судебных лингвистических экспертиз, автор приходит к выводу, что ситуации, в которых участники конфликта – лица одного пола, встречаются примерно в полтора раз чаще, чем ситуации, в которых участники конфликта – лица разного пола [Вязигина, 2010].

Анализ ответов респондентов женского пола также позволил определить, что чаще всего они затрудняются с определением оценки радикальных изменений в поведении представителей мужского пола.

Литература

1. Берковиц, Л. Агрессия: причины, последствия и контроль [Текст] / Л. Берковиц. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2002. – 512 с.
2. Бэрн, Р. Агрессия [Текст] / Р. Бэрн, Д. Ричардсон. – СПб: Питер, 2001. – 352 с.
3. Вязигина, Н. В. Особенности проявления вербальной агрессии у мужчин и женщин (на материале судебных лингвистических экспертиз по ст. 130 УК РФ «Оскорбление») [Электронный ресурс] / Н. В. Вязигина. – Режим доступа: <http://konference.->

siberia-expert.com/publ/konferencija_2010/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/vjazigina_n_v_quot_osobennosti_projavlenija_verbalnoj_agressii_u_muzhchin_i_zhenshhi_n_quot/2-1-0-26.

4. Ильин, Е. П. Пол и гендер [Текст] / И. П. Ильин. – СПб.: Питер, 2010. – 688 с.

5. Кирилина, А. В. Гендер: лингвистические аспекты [Текст] / А. В. Кирилина. – М.: Институт социологии РАН, 1999. – 189 с.

6. Леонтьев, А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания [Текст] / А. А. Леонтьев. – М.: КомКнига/URSS, 2007. – 312 с.

7. Фомин, А. Г. Психолингвистическая концепция гендерной языковой личности [Текст] / А. Г. Фомин. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. – 236 с.

8. Эрвин-Трипп, С. М. Язык. Тема. Слушатель. Анализ взаимодействия [Текст] / С. М. Эрвин-Трипп // Новое в лингвистике. – Вып. VII. Социолингвистика. – М., 1975.

9. Bandura, A. Social Learning Theory of Aggression [Text] / A. Bandura // Journal of communication. – № 28.

10. Björkqvist, K. Sex Differences in Covert Aggression Among Adults [Text] / K. Björkqvist, K. Österman, K. Lagerspetz // Aggressive Behaviour. – 1994. – 20 (194).

11. Carli, L. L. Gender, language and influence [Text] / L. L. Carli // Journal of Personality and Social Psychology. – 1990. – Vol. 59.

12. Craig, J. M. The effectiveness of men and women in problem-solving groups as a function of group gender composition [Text] / J. M. Craig and C. W. Sherif // Sex Roles. – 1986. – Vol. 14.

13. Dollard, J. Frustration and Aggression [Text] / J. Dollard, L. W. Doob, N. E. Miller, O. E. Maurer, R. R. Sears. – New Haven: Yale University Press, 1939.

14. Dovidio, J. F. The relationship of social power to visual displays of dominance between men and women [Text] / J. F. Dovidio, S. L. Ellyson, C. F. Keating, K. Heltman and C. E. Brown // Journal of personality and social psychology. – 1988. – Vol. 54.

15. Eagly, A. H. Gender and aggressive behaviour: A metaanalytic review of the social psychological litera-

ture [Text] / A. H. Eagley, V. J. Steffen // Psychological Bulletin. – № 100. – 1986.

16. Eisenberg et al. Sympathy and personal distress: Development gender differences, and interrelations of indexes [Text] / N. Eisenberg (Ed.) // Empathy and Related Emotional Responses: New Direction for Child. – Development, 1989. – Vol. 44.

17. Gray, J. Men are from Mars, women are from Venus: A practical guide for improving communication and getting what you want in your relationships [Text] / J. Gray. – New York: HarperCollins, 1993.

18. Infante, D. A. Test of an argumentative skill deficiency model of interspouse violence [Text] / D. A. Infante, T. A. Chandler, J. E. Rudd // Communication monographs. – № 56. – 1989.

19. Mabry, E. The effects of gender composition and task structure on small group interaction [Text] / E. Mabry // Small group behavior. – 1985. – Vol. 16.

20. Piliavin, J. A. The effects of the sex composition of groups on style of social interaction [Text] / J. A. Piliavin and R. R. Martin // Sex Roles. – 1978. – Vol. 4.

21. Samel, I. Einführung in die feministische Sprachwissenschaft [Text] / I. Samel. – Berlin, 1995.

22. Saurer, M. K. The Role of masculine gender role stress in expressivity and social support network factors [Text] / M. K. Saurer and R. M. Eisler // Sex roles. – 1990. – Vol. 23.

23. Tannen, D. You just don't understand [Text] / D. Tannen. – New York: Ballantine, 1990. – 176 p.

24. Tannen, D. Talking from 9 to 5 – Women and men in the workplace: Language, sex and power [Text] / D. Tannen. – New York: Avon Books, 1994.

25. Tromel-Plotz, S. Frauensprache: Sprache der Veränderung [Text] / S. Tromel-Plotz. – Frankfurt am Main, 1982.

26. Troemel-Ploetz, S. Review essay: selling the apolitical [Text] / S. Tromel-Plotz // Discourse and Society. – 1991. – Vol. 2.

27. Wood, W. Sex differences in interaction style as a product of perceived sex differences in competence [Text] / W. Wood and S. J. Karten // Journal of Social and Personal Relationships. – 1986. – Vol. 50.

СИНОНИМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ НОМИНАНТОВ КОНЦЕПТА *HANDY* В НЕМЕЦКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

С. П. Фоминская

SYNONYMOUS RELATIONS OF THE CONCEPT *HANDY* NOMINEES IN THE GERMAN LANGUAGE LINGUISTIC WORLD IMAGE

S. P. Fominskaya

*В статье анализируются парадигматические связи номинантов концепта *Handy*, а именно – отношения синонимии, отражающие различные аспекты концепта с точки зрения его содержательной и эмоционально-оценочной специфики.*

Ключевые слова: парадигматические отношения, синонимия, концепт.

*The article analyzes the paradigmatic relations of the concept *Handy* nominees, namely the relations of synonymy, reflecting different aspects of the concept in terms of its content and emotive specificity.*

Keywords: paradigmatic relations, synonymy, concept.

Парадигматические отношения отражают содержательные связи, существующие между явлениями действительности. В современной лингвистике парадигматические отношения понимаются как «соотношения между элементами языка, объединяемыми в сознании или памяти говорящего некими ассоциациями; они связывают эти элементы в силу общности либо их формы (напр., акустических образов), либо содержания, либо на основе сходства того и другого одновременно» [2, с. 366].

Важнейшим из парадигматических отношений, по мнению М. А. Кронгауза, является синонимия [1, с. 140]. Синонимия отражает различные грани, аспекты одного и того же концепта с точки зрения его содержательной и эмоционально-оценочной специфики.

Объектом настоящего исследования является концепт *Handy* в немецкой языковой картине мира. В настоящем исследовании концепт рассматривается в рамках лингвокультурологического подхода. С лингвокультурологических позиций под концептом, вслед за Ю. С. Степановым, мы понимаем «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [3, с. 40]. В современном немецком обществе мобильный телефон превращается в одну из социальных ценностей и базовых реалий. Поэтому в нашем исследовании концепт *Handy* рассматривается как одна из культурных доминант современной немецкой лингвокультуры.

Ключевым словом концепта является лексема *das Handy*. Интерес представляет тот факт, что лексема *das Handy* неоднозначно трактуется лингвистами с точки зрения ее происхождения в немецком языке. Внешняя форма слова, то есть его написание и произношение (händi), свидетельствует о том, что оно является англоязычным. Ведь, если бы это было немецкое слово, то писалось бы оно (согласно произношению) Händi. Вторая точка зрения заключается в том, что, несмотря на англоязычное написание и произношение, это слово является немецким по происхождению. В пользу этой позиции приводится ряд аргументов:

– во-первых, в качестве обозначения мобильного телефона это слово известно только в Германии;

– во-вторых, сторонники этой точки зрения считают, что лексема *das Handy* восходит к немецкому слову *die Hand* (рука), аргументируя это тем, что во время разговора мобильный телефон держат именно в руке;

– в-третьих, в других наименованиях мобильного телефона часто фигурирует компонент *die Hand*, ср.: *das Handgerät*, *das Handfunktelefon*, *das Handfunksprechgerät*. Поэтому возникновение лексемы *Handy* трактуется как сокращение указанных сложных слов до первого компонента.

В настоящем исследовании во внимание принимаются лексические единицы, имеющие как прямое, так и переносное значение, с различной стилистической окраской, характеризующиеся различными сферами функционирования (общеупотребительные слова, термины), исконно немецкие слова и заимствования из других языков, вербализующие концепт *Handy* в немецкой языковой картине мира.

Метод компонентного анализа, основанный на анализе словарных дефиниций, а также на учете синтагматических связей, позволил выделить следующие группы сем, характерных для языковых единиц, объективирующих концепт *Handy* в немецкой языковой картине мира: функции мобильных телефонов, пользователи мобильных телефонов, цели использования мобильных телефонов, компоненты мобильных телефонов, приборы, созданные на основе мобильного телефона, виды текстовых сообщений, звонки мобильных телефонов, пространство / зона действия мобильных телефонов, опасность мобильного телефона для окружающей среды, размер мобильного телефона, простота/сложность использования мобильного телефона, место размещения мобильного телефона, последствия использования мобильного телефона, программное обеспечение мобильного телефона.

Проведенное исследование показало, что данные синонимические ряды различаются по степени продуктивности. Наиболее продуктивный синонимический ряд «**функции мобильных телефонов**» формируется большим количеством идеографических синонимов, содержащих наименования имеющихся у мобильных телефонов дополнительных функций. Так,

для наименования мобильных телефонов, которые можно использовать для прослушивания музыкальных мелодий, используется слово *das Musikhandy*, ср.: *Apple versucht deshalb, den Markt für Musikhandys so klein wie möglich zu halten* (tagesspiegel.de, 17.10.2005). – Поэтому Apple пытается сохранить рынок музыкальных мобильных телефонов настолько маленьким, насколько это возможно.

Широкое распространение в Германии получили телефоны, одной из важнейших функций которых являются мобильные игры. К их числу можно отнести, например, так называемые *Daddel-Handys* (daddeln – играть в игральный автомат). Новый мобильный телефон, соединивший в себе и функции телефона, и игровую приставку, получил название *die Handy-console*.

Кроме того, ряд содержит параллельно существующие синонимические наименования мобильных телефонов, образованных от соответствующих корней в немецком и английском языках *das Gamehandy* и *das Spielenhandy*, ср.: *Dabei haben sie das Vorbild zunächst auf die halbe Größe geschrumpft, um bequemes Telefonieren zu ermöglichen – ein schlauer Zug angesichts der Häme, die Nokia für sein klobiges Game-Handy "N-Gage" ertragen musste* (spiegel.de, 29.11.2006). – При этом они сначала уменьшили модель наполовину, чтобы сделать общение по телефону более удобным – хитрый ход, принимая во внимание ту язвительность, которую Nokia пришлось вынести из-за своего бесформенного игрового телефона «N-Gage». *Nur einen Monat nach dem Verkaufsstart ist der Kopierschutz von Nokias neuem Spielehandy N-Gage geknackt worden* (spiegel.de, 13.11.2003). – Всего лишь через месяц после начала продаж была взломана защита от копирования нового игрового мобильного телефона от Nokia N-Gage.

В Германии, как и в других странах, на смену обычной почте пришла электронная. Но если раньше было возможным отправлять и получать письма только с использованием компьютера, то сейчас, с усовершенствованием мобильных телефонов, пользоваться электронной почтой, отправлять и получать электронные письма стало возможным и с их помощью. Так, мобильный телефон с услугой отправки и получения сообщений по электронной почте получил наименование *das EMS-Handy*. Синоним *das E-Mail-Handy* подчеркивает, что этот мобильный телефон поддерживает функцию электронной почты, ср.: *Mehr als 1,7 Millionen Menschen weltweit nutzen bereits das E-Mail-Handy* (spiegel.de, 08.11.2004). – Более 1,7 миллиона людей во всем мире уже используют мобильный телефон с функцией электронной почты.

Данный синонимический ряд формируется большим количеством синонимов, в семантической структуре которых актуализируется сема «работа в Интернете». К их числу следует отнести, прежде всего, лексему *das Internet-Handy*, ср.: *Wer die ganze Zeit damit beschäftigt ist, Informationen auf seinem Internet-Handy zu lesen, wird versäumen, Ereignisse in die Welt zu setzen, über die es sich lohnen würde, auf dem Internet-Handy zu lesen* (spiegel.de, 18.01.2010). – Тот, кто все время занят чтением информации из Интернета на своем мобильном телефоне, упустит возможность поучаствовать в событиях, о которых стоило бы

прочитать на телефоне. Основой для образования лексемы *das Surf-Handy* послужил глагол *surfen*, заимствованный из английского языка в значении «заниматься серфингом». Первоначально это слово имело достаточно узкую специализацию. Позднее значение данного глагола расширилось, и он переместился из разряда спортивных терминов в компьютерную лексику, где используется в словосочетании *im Internet surfen* (заниматься поиском информации в Интернете).

Вследствие того, что телевидение и мобильный телефон стали неотъемлемой частью жизни каждого немца, производители решили создать новую модель мобильного телефона, объединяющую в себе основные функции этих двух приборов – *das TV-Handy, das Fernsehhandy*, ср.: *Bald bringt Samsung auch in Deutschland ein TV-Handy auf den Markt* (spiegel.de, 09.03.2004). – Samsung скоро выпустит на рынок Германии мобильный телефон с функцией просмотра телепередач. Разговорная стилистическая окраска характерна для лексемы *die Handy-Glotze*, ср.: *Wer die Handy-Glotze als Einschlafhilfe gebraucht, wird sich über den Abschalt-Timer freuen* (spiegel.de, 09.03.2004). – Тот, кто пользуется мобильным телефоном-телевизором для того, чтобы быстрее заснуть, будет рад наличию таймера автоматического выключения.

Не менее объемным по количеству синонимов является синонимический ряд, конститuenty которого объединены семой «**пользователи мобильных телефонов**». Доминантой данного ряда является лексема *der Handynutzer*, имеющая нейтральную стилистическую окраску. Для данного синонимического ряда характерно наличие большого количества языковых единиц, имеющих разговорную стилистическую окраску. Синонимы *der Handykreischer* (kreischen, разг. – визжать, пронзительно кричать), *der Handybrüller* (brüllen, разг. – реветь, орать), *der Handymuffel* (der Muffel, разг. – бормотун) служат для наименования пользователей, громко разговаривающих по мобильному телефону в общественных местах, ср.: *Der eigentlich als Handymuffel bekannte SPD-Politiker kann nach eigenen Angaben inzwischen Merkels mobile Telefonnummer «aus dem Kopf aufsagen»* (spiegel.de, 30.11.2005). – Политик из СДПГ, известный своими громкими разговорами по мобильному телефону, может, по его словам, назвать по памяти номер мобильного телефона Меркель.

Для наименования людей, говорящих по мобильному телефону, используются лексемы *der Handyfonierer, der Handytelefonierer*, ср.: *Nirgendwo war man mehr sicher vor fanatischen Handyfonierern, weder in Kino, Café und öffentlichen Verkehrsmitteln noch in der freien Wildbahn* (gp-online.de, 03.02.2005). – Нигде больше нельзя спастись от иступленно разговаривающих по мобильному телефону: ни в кино, ни в кафе, ни в общественном транспорте, ни на лесной тропе.

Некоторые мобильные телефоны предназначены для использования определенной группой лиц, т. е. при их разработке учитывались потребности именно этих людей. Общим наименованием подобных мобильных телефонов является лексема *das Zielgruppen-Handy*, т. е. мобильный телефон, предназначенный для определенной целевой группы. К числу конститuenty

ентов данного синонимического ряда относятся прежде всего лексемы, в семантической структуре которых актуализируется сема «возраст». Лексема *das i-Kids-Handy* служит наименованием мобильных телефонов для совсем маленьких детей, которые в силу возраста еще не могут обращаться со «взрослым» телефоном, ср.: *Dazu gibt es zum Beispiel das i - Kids - Handy, sagt Melanie Storch von der Björn Steiger Stiftung Service GmbH, die das Handy vertreibt. Das bunte Gerät mit nur sieben Tasten können Kinder ab drei Jahren bedienen* (rp-online.de, 31.05.2007). – Кроме того, существует, например, телефон для малышей, говорит Мелани Шторх из Бьёрн Штифтунг Сервис, которая продает мобильные телефоны. Разноцветным прибором с семью кнопками могут пользоваться дети от трех лет. Наименования *das Rentnerhandy* и *das Senioren-Handy*, напротив, используются для обозначения мобильных телефонов, разработанных для людей пожилого возраста, ср.: *Andererseits könnte seine Firma dem Pensionär dankbar sein. Schließlich will die das Senioren-Handy demnächst auf den Markt bringen, in hohen Stückzahlen* (sueddeutsche.de, 26.07.2004). – С другой стороны, фирма должна быть благодарна пенсионерам. В конце концов, они хотят в скором времени выпустить на рынок крупные партии мобильных телефонов для пожилых людей.

Для наименования мобильных телефонов, имеющих яркий необычный дизайн корпуса, а также такие функции, как, например, подсчет калорий, используется лексема *das Damenhandy*, т. к. такие телефоны созданы специально для женщин, ср.: *«Damenhandy» rot wie Lippenstift und zählt Kalorien. Das perfekte Handy für weibliche Bedürfnisse glaubt der Elektronikhersteller Samsung entwickelt zu haben* (rp-online.de, 24.03.2001). – «Дамский мобильный телефон» красный, как губная помада, и подсчитывает калории. Как полагают, производитель электроники Samsung разработал превосходный мобильный телефон для женщин.

Большое внимание в Германии уделяется инвалидам. Для того чтобы хоть как-то облегчить им жизнь и обеспечить равные возможности со здоровыми людьми, в современном немецком обществе производители создали специальные мобильные телефоны для незрячих людей *das Blinden-Handy* и *das Braille-Handy*. Такие мобильные телефоны позволяют им самостоятельно читать и писать короткие текстовые сообщения, ср.: *Das offenbar weltweit erste Blinden-Handy ist am Samstag in Frankfurt vorgestellt worden. Mit dem Telefon können Menschen ohne oder mit geringer Sehkraft selbstständig SMS schreiben und lesen* (rp-online.de, 01.06.2003). – Очевидно, первый в мире мобильный телефон для слепых был представлен в субботу во Франкфурте. С помощью этого телефона слепые или люди с ослабленным зрением смогут самостоятельно писать и читать смс-сообщения.

Синонимический ряд «цели использования мобильного телефона» в значительной степени формируется языковыми единицами, являющимися обозначениями разнообразных служб и услуг, использование которых возможно теперь и при помощи мобильного телефона. Широкое распространение в Германии получили так называемые *Handy-Payments*, мобильные платежи, которые чаще всего используются

для оплаты мелодий, картинок и т. д., полученных на мобильный телефон, ср.: *Einschlägige Betreiber von Spielen, Horoskopen, Klingeltönen und Kochrezepten, aber auch von Referate- und Hausaufgabenseiten setzen seit einiger Zeit das Handy-Payment – also das Bezahlen mit dem Handy – als neue Abrechnungsmethode ein* (focus.de, 12.09.2005). – Операторы, предоставляющие игры, гороскопы, рингтоны и кулинарные рецепты, а также рефераты и домашние задания, используют с некоторого времени мобильные платежи – оплату через мобильный телефон – как новый метод расчетов.

Наряду с существительными, конституентом данного синонимического ряда является также прилагательное *handygestützt* (букв. – поддерживаемый мобильным телефоном), ср.: *Gewinn sollen vor allem handygestützte Orientierungshilfen wie elektronische Stadtpläne oder Nachrichtendienste rund um den Sport bringen* (spiegel.de, 2.03.2001). – Прибыль должны принести, прежде всего, такие поддерживаемые мобильным телефоном услуги, помогающие в ориентировке, как электронные карты города или информация о спортивных событиях.

Данный синонимический ряд формируется также языковыми единицами, значение которых тесно связано с основной целью их использования. Общим обозначением такого типа мобильных телефонов является лексема *das Spezialhandy*. Идеографический синоним *das Businesshandy*, в качестве словообразовательного компонента которого выступает заимствование из английского языка, подчеркивает, что данная модель создана специально для деловой жизни, ср.: *Das derzeit beste Businesshandy auf dem Markt ist dank Vollausstattung und Arbeitskomfort der Nokia E90 Communicator* (spiegel.de, 28.11.2007). – На данный момент лучшим деловым мобильным телефоном на рынке является, благодаря полному оснащению и удобству в работе, Nokia E90 Communicator.

Многие синонимические ряды содержат терминологические единицы, которые пришли в данную сферу из терминологических систем других сфер деятельности. Это явление можно продемонстрировать на примере синонимического ряда со значением «компоненты мобильного телефона», содержащего большое количество слов, заимствованных из компьютерной лексики. Так, слово *der Handy-Bildschirm* – *Leuchtschirm eines Fernsehgerätes, Monitors* [4, s. 260] – светящийся экран телевизора, монитора, первоначально относившееся к сфере телевидения, позднее пополнило компьютерную лексику, и уже из нее было заимствовано для наименования одного из основных компонентов мобильного телефона, ср.: *Mehrere Hersteller planen Handys mit druckempfindlichen Bildschirmen – und sind überzeugt: Die Technologie kann die Bedienung von Mobiltelefonen grundlegend verändern* (spiegel.de, 09.02.2010). – Многие производители планируют выпуск мобильных телефонов с сенсорным дисплеем, и они убеждены: технология может коренным образом изменить их обслуживание.

Слово *das Handymenü* обязано своему второму компоненту – лексике сферы питания, где оно употребляется в значении *Speisenfolge, aus mehreren Gängen bestehende Mahlzeit* [5, s. 492] – последовательность блюд, трапеза, состоящая из нескольких блюд. В компьютерной лексике это же слово получи-

ло значение auf dem Computer Bildschirm erscheinende Liste von Kommandos oder Darstellungen, die es dem Benutzer erlaubt den nächsten Schritt zu veranlassen [5, s. 492] – появляющийся на мониторе компьютера список команд или элементов изображений, позволяющий пользователю перейти к следующему шагу. Позднее с тем же значением оно перешло в сферу мобильного общения, ср.: *Wer bisher Schwierigkeiten hatte, sich die Pfade durch sein Handymenü zu merken, etwa auf der Suche nach SMS-Nachrichten, wird mit dem Smartphone schneller an sein Ziel gelangen* (ftd.de, 11.06.2001). – Тот, кому до сих пор было сложно запомнить, как найти в меню мобильного телефона, например, смс-сообщения, на смартфоне сможет быстрее достичь своей цели.

Синонимический ряд «**приборы, созданные на основе мобильного телефона**», включает большое количество сложных и производных существительных, появившихся в результате объединения мобильного телефона с другими приборами. Характерным для данного синонимического ряда является наличие сложных слов с компонентами *der Hybrid, die Kombi, der Mischling*, ср.: *An den PC-TV-Handy-Kombis ist demnach jeder dritte Mann (34 Prozent), aber nur jede fünfte Frau interessiert (21 Prozent)* (rp-online.de, 11.04.2002). – В приборах, скомбинированных из ПК, телевизора и мобильного телефона, заинтересован, таким образом, каждый третий мужчина (34 процента) и только каждая пятая женщина (21 процент). *Das Smartphone SX 45 von Siemens. Das Gerät ist ein PDA-Handy-Mischling* (rp-online.de, 15.03.2002). – Смартфон SX 45 от Сименс. Прибор является гибридом PDA и мобильного телефона.

У немцев, живущих в быстром темпе, постоянно занятых работой, остается все меньше времени, чтобы посидеть за компьютером дома или в офисе. Специально, в целях экономии времени, были разработаны мобильные телефоны, заменяющие портативный компьютер, для наименования которых из компьютерной лексики были заимствованы соответствующие языковые единицы. Кроме полных вариантов слов были заимствованы и их сокращенные аналоги, являющиеся иногда более употребительными, такие, как PC от Personalcomputer. Такие телефоны получили названия *das Computer-Handy, das Laptop-Handy, das Palm-Handy, das Organizer-Handy, der Handy-PC*, ср.: *Das Organizer-Handy mit großem, berührungsempfindlichem Schwarzweiß-Display ist GPRS- und WAPfähig* (spiegel.de, 01.06.2001). – Мобильный органайзер с большим сенсорным черно-белым дисплеем может работать с GPRS и WAP.

Одной из наиболее широко используемых функций мобильных телефонов является функция отправки и получения текстовых сообщений. Синонимический ряд со значением «**виды текстовых сообщений**» включает в себя ряд идеографических синонимов, таких, как *die Handymitteilung, die Handynachricht, die Handybotschaft*. Лексема *die Handy-E-Mail* конкретизирует, что данное сообщение было отправлено по электронной почте. Языковые единицы *die Handy-Minimalnachricht, der Handy-Kurztext, die Handy-Kurzmitteilung* подчеркивают, что по мобильному телефону можно отправить только очень короткие сообщения, ср.: *Damit seien die Handy-*

Kurztexte das „beliebteste Kommunikation-smittel“ für Grüße zum Jahreswechsel (rp-online.de, 30.12.2004). – Вместе с тем короткие тексты, отправляемые с мобильного телефона, – это «излюбленное средство» для поздравлений с Новым годом. Та же сема актуализируется и в наименовании этих сообщений *die Handy-SMS – über das Mobilfunknetz versandte Kurznachricht*, которое является аббревиатурой английских слов *Short Message Service* (служба коротких сообщений).

Одной из характеристик мобильного телефона является мелодия его звонка. Синонимический ряд «**звонки мобильных телефонов**» в равной степени представлен как языковыми единицами с нейтральной, так и лексемами с разговорной стилистической окраской. К первым относятся такие лексемы, как *die Handymelodie, der Handyton, der Handy-Klingelton, der Handysound*, ср.: *Wenn Geschäftsführer Jan Westerbarker angerufen wird, dudelt das Lied als Handyklingelton* (spiegel.de, 26.12.2009). – Когда руководителю предприятия Яну Вестербарки звонят, то вместо звонка звучит эта песня. Синоним *der Handy-Lärm* (*der Lärm «als störend und unangenehm empfundene Laute, durchdringliche Geräusche»* [4, s. 928] – мешающие и неприятные звуки, пронзительные шумы), являясь лексической единицей с нейтральной стилистической окраской, тем не менее имеет отрицательную коннотацию, ср.: *Handy-Lärm: Es gibt zu wenig handyfreie Räume. Der Krach stört* (zeit.de, 14.12.2000). – Шум мобильного телефона: есть слишком мало помещений, свободных от мобильных телефонов. Громкие звонки мешают. Отрицательная коннотация характерна и для такого обозначения телефонных звонков, как *das Handy-Gedudel – Gedudel (dauerndes) Dudeln* [4, s. 569] – продолжительное гудение, ср.: *Eine ganze Reihe von Künstlern hätte einem EMI-Sprecher zufolge moniert, ihre Stücke seien nicht dafür komponiert, als nerviges Handy-Gedudel zu erschallen* (spiegel.de, 11.12.2001). – Целый ряд артистов высказали бы недовольство, по словам представителя EMI, их песни сочинены не для того, чтобы звучать как нервное гудение мобильного телефона. Разговорную стилистическую окраску имеет и синоним *das Handy-Gebimmel*, ср.: *Was die Konzentration stört, ist das permanente Handy-Gebimmel: Andauernd springt einer auf und redet in die Muschel, als gäbe es kein Morgen* (spiegel.de, 16.07.2007). – Что мешает концентрации, так это постоянный трезвон мобильного телефона: все время кто-то вскакивает и говорит в телефонную трубку, как будто не будет завтрашнего дня.

В качестве конституента синонимического ряда «**пространство/зона действия мобильных телефонов**» выступает лексема *handyfrei* (досл. – свободный от мобильных телефонов), которой обозначают пространство или помещение, где запрещено разговаривать по мобильному телефону, ср.: *Queen Elizabeths Palast soll handyfrei werden* (sueddeutsche.de, 14.11.2000). – Во дворце королевы Елизаветы не должно быть мобильных телефонов. Аналогичное значение имеет также существительное *die Handy-Verbotszone*, ср.: *Mehrheit der Deutschen für Handy-Verbotshzonen Hamburg* (rp-online.de, 17.03.2001). – Большинство немцев за создание в Гамбурге зон, где будет запрещено использование мобильных телефонов. В данный синонимический ряд входят также па-

раллельно существующие синонимичные наименования домашней зоны действия мобильного телефона *der Heimbereich, die Handy-Homezone*, ср.: *Die Möglichkeiten, seine Telefonbedürfnisse zu befriedigen, werden zahlreicher. Internettelefonie, Festnetz-Flatrates und Handy-Homezones locken mit Spezialtarifen und Sonderpreisen* (spiegel.de, 08.10.2005). – Возможностей удовлетворить свои потребности в телефоне становится все больше. Интернет-телефония, использование стационарной телефонной сети для доступа в Интернет, домашняя сеть мобильного телефона привлекают специальными тарифами и льготными ценами.

Много внимания в Германии уделяют защите окружающей среды. Большую опасность представляет огромное количество мобильных телефонов, попадающих в мусор. Немцы считают, что решить эту проблему хотя бы частично может их повторное использование, поэтому для многих конституентов синонимического ряда «**опасность мобильного телефона для окружающей среды**» характерно наличие в качестве одного из компонентов лексемы *Recycling*, обозначающей вторичное использование чего-либо, ср.: *Auf Funktionsfähigkeit und komplettes Innenleben getestet; das verschrammte Plastikgehäuse mit einem Spezialspray für Schultafeln auf Hochglanz poliert; versehen mit einem neuen Ladegerät finden die Recycling-Handys von deutschen Mobilkunden dort massenhaft Abnehmer* (spiegel.de, 07.12.2003). – Проведен тест на исправность и полный внутренний осмотр; поцарапанный пластиковый корпус отполирован до зеркального блеска специальным спреем для школьных досок; снабженные новыми аккумуляторами, мобильные телефоны для вторичного использования находят большое количество покупателей среди клиентов немецкого мобильного рынка. «*Es gibt einen großen Bedarf an Handy-Recycling*», *urteilt Jürgen von Kuczowski, Vorsitzender der Vodafone-Geschäftsführung* (spiegel.de, 07.12.2003). – «Существует большая потребность во вторичном использовании мобильных телефонов», – утверждает Юрген фон Куцковский, председатель правления компании Vodafone. *Für rund «zehn Euro pro Gerät», so Greener Solutions, sei das Mobilfunk-Recycling kostendeckend zu betreiben* (spiegel.de, 07.12.2003). – Примерно «десять евро за аппарат», таким образом, считают в Greener Solutions, можно покрыть издержки, используя мобильные телефоны вторично.

Второй путь решения проблемы – это разработка экологически чистых мобильных телефонов, которые либо не содержат в своем составе вредных веществ, либо пригодны для переработки, ср.: *Im November vergangenen Jahres stellte die Firma den Prototyp eines Öko-Handys vor, das ohne Blei auskommt* (spiegel.de, 19.03.2001). – В ноябре прошлого года фирма представила прототип экологически чистого мобильного телефона, который не содержит свинца. *Öko-Mobilfunk: Samsung versucht sich an Biohandys* (spiegel.de, 17.06.2008). – Экологически чистая мобильная связь: Samsung пытается создать биотелефоны. *Das Kompost-Handy soll sich in erster Linie an umweltbewusste Käufer richten* (spiegel.de, 30.11.2004) – Компостируемый мобильный телефон должен быть

предназначен, в первую очередь, для экологически сознательных покупателей.

К числу конституентов синонимического ряда со значением «**размер мобильного телефона**» относятся лексемы *das Kleingerät, der Mini, das Mini-Handy*, которые характеризуют мобильный телефон как маленький прибор, ср.: *Das Mini-Handy lässt sich bequem in der Brusttasche eines Sakkos oder Hemdes verstauen, dürfte aber vor allem in der Damenwelt Anklang finden* (rp-online.de, 12.04.2001). – Мини-телефон, который можно удобно разместить в нагрудном кармане пиджака или рубашки, мог бы, однако, прежде всего, иметь успех у женщин. Эта же сема реализуется в обозначении с разговорной стилистической окраской *das Handy-Kleinvieh (das Kleinvieh – мелкий скот)*, ср.: *Bereits jetzt kassiert die Gema für jede eingespeicherte Melodie auf dem Mobiltelefon fünf Pfennig. Das Handy-Kleinvieh macht dabei auch Mist: Handelsübliche Mobiltelefone werden derzeit mit rund vierzig Melodien ausgeliefert* (rp-online.de, 26.10.2000). – Уже сейчас Гемма за каждую записанную на мобильный телефон мелодию получает пять пфеннигов. Маленький мобильный телефон при этом также приносит прибыль: на выпускаемые сейчас стандартные мобильные телефоны записано примерно сорок мелодий.

Развитие индустрии мобильных телефонов привело к появлению моделей с обширным набором функций, что заметно усложняет их использование. При этом целый ряд пользователей предпочитают простые, но при этом удобные в обращении мобильные телефоны. Синонимический ряд «**простота/сложность использования мобильного телефона**» включает в себя такие языковые единицы, как *das Einfach-Handy, das Elementar-Handy*, служащие для обозначения наиболее простых моделей. Как правило, эти телефоны имеют только несколько клавиш, большой дисплей и ограниченное количество функций. Чаще всего с их помощью можно только звонить, и только в некоторых телефонах присутствует также функция отправки и получения смс-сообщений, поэтому пользоваться ими очень просто, ср.: *Ein Test zeigt, dass sich das Einfach-Handy durchaus zum Telefonieren eignet – aber auch nicht viel mehr* (spiegel.de, 12.11.2008). – Тест показывает, что простейший мобильный телефон вполне подходит для звонков – но не больше. Лексема *das Minimalhandy* подчеркивает, что данный вид мобильных телефонов имеет минимальный набор функций, ср.: *Wer sich eines der einfachen Minimalhandys kaufen will, muss sich zwischen schwarz und weiß entscheiden* (spiegel.de, 10.11.2008). – Тот, кто хочет приобрести себе мобильный телефон с минимальным набором функций, должен выбирать между черным и белым.

Существительное *die Handyschule* подчеркивает, что пользователи мобильных телефонов должны иметь определенные знания и навыки обращения с мобильными телефонами, т. к. современные модели достаточно сложны из-за наличия большого количества дополнительных функций, ср.: *Die erste deutsche Handyschule lehrt, wie man das Mobiltelefon bedient – und bringt so Enkel und Großeltern einander näher* (zeit.de, 18.01.2001). – Первая немецкая школа, которая учит, как обращаться с мобильным телефоном,

сближает, таким образом, внуков с бабушками и дедушками.

В немецком языке существует синонимический ряд наименований мобильных телефонов, в семантической структуре которых актуализируется сема «**место размещения мобильного телефона**». Так, в наименовании *das Taschentelefon* имеется в виду карман, в котором можно носить мобильный телефон, а в названии *das Handtaschentelefon* – сумка, ср.: *Und ein Taschentelefon schrillt hinein in Chopins Werk* (berlinonline.de, 13.02.2005). – И чей-то мобильный телефон звонит и врывается в музыку Шопена. Эта же сема реализуется в значении лексемы *das Gürteltelefon* (телефон, который носят на поясе брюк) и *das Handgelenk-Handy* (телефон, который носят на запястье), ср.: *Ab dem 7. Mai wird das Wristomö genannt Handgelenk-Handy von NTT DoCoMo zunächst in Japan für umgerechnet 320 Euro erhältlich sein* (heise.de, 02.05.2003). – С 7 мая в Японии в продаже появится телефон-наручные часы Wristomo от NTT DoCoMo. Его цена в пересчете составит 320 евро.

Результаты современных научных исследований свидетельствуют, что частое использование мобильного телефона является причиной возникновения определенных заболеваний. Вследствие этого, синонимический ряд «**последствия использования мобильного телефона**» формируется лексемами, являющимися обозначениями физических и психических заболеваний, которые могут появиться в результате его использования. К сфере психических расстройств можно отнести заболевание, получившее в немецком языке наименование *die Handy-Sucht*, ср.: *Wenn man sieht, wie zwanghaft einige Zeitgenossen mit ihrem Mobiltelefon umgehen, scheint die Diagnose Handy-Sucht nicht abwegig* (spiegel.de, 22.01.2007). – Когда видишь, как одержимо некоторые современники носят со своими мобильными телефонами, кажется, что диагноз «зависимость от мобильного телефона» не является необоснованным.

Вследствие того, что мобильный телефон может вызвать и физические недуги, в немецком языке появились такие наименования, как *die Handyalergie* – вид аллергии, которую могут вызывать вещества, содержащиеся в корпусе мобильного телефона, *der Handyarm* – заболевание руки, возникающее у любителей длительных телефонных разговоров вследствие того, что им приходится долго держать руку в напряженном, согнутом положении, ср.: *Doch es gibt tatsächlich eine Handyalergie, die durch das in den verchromten Gehäusen erhaltene Kaliumdichromat ausgelöst wird* (tp-online.de, 10.08.2003). – Однако ал-

лергия на мобильный телефон, которую вызывает содержащийся в хромированном корпусе бихромат калия, действительно существует. *So leiden Vieltelefonierer verstärkt am Handyarm und selbst der heimische Haushalt ist zu einer wahren Gefahrenquelle mutiert* (spiegel.de, 11.06.2009). – Таким образом, люди, много разговаривающие по телефону, сильно страдают от болей в руке, и даже родное домашнее хозяйство превратилось в настоящий источник опасности.

Одной из главных характеристик синонимического ряда «**программное обеспечение мобильного телефона**» является использование в качестве компонентов сложных слов терминологических единиц, заимствованных из компьютерной лексики, в частности, лексемы *die Software* – *die zum Betrieb einer Datenverarbeitungsanlage erforderlichen nichtapparativen Funktionsbestandteile* [5, S. 726] – необходимые для функционирования устройства переработки данных неаппаратные функциональные компоненты, ср.: *Dem US-Softwarehersteller Microsoft fällt es offensichtlich schwer, ernst zu nehmende Käufer für seine Handysoftware zu finden* (ftd.de, 8.06.2001). – Американскому производителю программного обеспечения Microsoft, очевидно, с трудом удается найти покупателей программного обеспечения для мобильного телефона, которые принимали бы его всерьез.

Таким образом, различные типы языковых единиц, включенных в синонимические ряды, позволяют рассмотреть вербализацию концепта как динамический процесс, связанный с изменениями, происходящими в немецкой культуре, и отражающий познание различных аспектов использования мобильного телефона.

Литература

1. Кронгауз, М. А. Семантика [Текст] / М. А. Кронгауз. – М.: Академия, 2005. – 352 с.
2. Кубрякова, Е. С. Парадигматика [Текст] / Е. С. Кубрякова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990.
3. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования [Текст] / Ю. С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
4. Duden Deutsches Universalwörterbuch. – Mannheim; Leipzig; Zürich; Wien: Dudenverlag, 1989.
5. Der Duden in 10 Bänden; das Standardwerk zur deutschen Sprache. Band 5. Duden Fremdwörterbuch. – Mannheim; Leipzig; Zürich; Wien: Dudenverlag, 1990.

МОТИВИРУЮЩИЕ И ПОНЯТИЙНЫЕ ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТА *PRESIDENT*

А. В. Хренова

MOTIVATING AND SEMANTIC FEATURES OF THE CONCEPT *PRESIDENT*

A. V. Khrenova

В статье рассматривается вопрос о происхождении заимствованного концепта *president*, исследуются особенности мотивирующих и понятийных признаков на материале латинского и современного английского языков.

Ключевые слова: концептуальная система, структура концепта, мотивирующие и понятийные признаки, президент.

The article examines the problem of origin of the adopted concept *president*, peculiarities of its motivating and semantic features in the Latin and modern English languages.

Keywords: conceptual system, concept structure, motivating and semantic features, president.

Целью данной работы является рассмотрение мотивирующих и понятийных признаков концепта *president* на системном уровне. Анализ концепта проводится с использованием методологии, разработанной в рамках Кемеровской научной школы концептуальных исследований.

Как пишет проф. М. В. Пименова, в концептуальной системе можно разграничить два пласта знаний о мире: базовый и надстроечный. К базовому пласту относятся знания о мироустройстве, объективированные исконной лексикой, к надстроечному – знания, пришедшие из других систем и объективируемые заимствованной лексикой. Для заимствованных концептов характерно наличие слабо развитой структуры, т. е. «даже при наличии многочисленных признаков они плохо группируются, что свидетельствует о малом времени, затраченном на осознание различных сторон этого концепта и внедрение его признаков в языковую практику» [6, с. 98].

Концепт *president* является заимствованным и относительно молодым – вошедшим в английскую концептуальную систему в среднеанглийский период (XI – XIV вв.) [13]. Если взять для сравнения такие базовые исконные концепты, как *love*, *life*, *soul*, *heart*, *moon*, подробно описанные в работах Е. Ю. Балашовой [1], М. В. Пименовой [7, 8], Н. П. Сидоровой [9], С. А. Власовой [4] и др., то можно обнаружить, что все они пришли в английский язык из диалектов германских племен в ходе англо-саксонских завоеваний Британии (V – VI вв.) и представлены в письменных источниках древнеанглийского периода (V – XI вв.) [13]: ... *settun wið me yfel fore godum & laeðdu fore lufan minre* (Vespasian Psalter (ок. 825 г.)). *Pa he of life gewat* (Beowulf (ок. 1000 г.)). ... *laet reocan swiþ betweoh þa þeoh up under þæ se mon swæte swiþe* (Bald's Leechbook). *He ne spearede from deaðe sawlum heara* (Vespasian Psalter (ок. 825 г.)). *Gif þin heorte ace* (Anglo-Saxon Leechdoms (ок. 1000 г.)). *Se mona & ealle steorran underfoð leoht of ðære micclan sunnan* (Ælfric (1000 г.)). Также для концепта *president* свойственна слабо развитая, неустойчивая концептуальная структура. Например, в ходе всего исторического развития концепта появляются и выходят из употребления понятийные, образные, символические признаки, также

довольно сложно оформить все найденные признаки в стройную структуру [10].

Отправной точкой наших поисков мотивирующих признаков послужило исследование этимологии слова *president*. В соответствии с Oxford English Dictionary Online, этимон слова имеет латинское происхождение и образовано от глагола *praesideo*: *praesident-* (глагол настоящего времени, 3-е лицо, мн. ч.), *praesidēns* (причастие настоящего времени, ед. ч.) [13]. В английский язык было заимствовано из англонормандского (романская группа языков) и впервые встречается в тексте перевода Библии с латинского языка, выполненного Джоном Уиклифом: *Per camen of preestis & of leuytis & of presidentis [lat. praesidentibus] after þe townes to þe eldres þat hadden seen þe raper hous* (1382 г.). *Make þe ready iumentis, or hors, that thei puttinge Poule vpon, schulden lede him saf to Felix, president [lat. praesidem]* (1384 г.) [13].

В латинско-русском словаре И. Х. Дворецкого дается указание на то, что, помимо субстантивированного существительного *praesidēns* (м.р.), имеется существительное, также образованное от глагола *praesideo* – это *praeses* (м. р., ж. р.) [5, с. 611]. Рассмотрим значения этих слов.

Praesidēns – «председательствующий, глава» [5, с. 611]. Однако в корпусе латинского языка, представленного на сайте электронной библиотеки Университета Тафта, США, и являющегося на сегодняшний день одним из наиболее полных собраний произведений классической латинской литературы, слово *praesidēns* в качестве субстантивированного существительного не употребляется, например [14]: *Quod praesidens certamini Neroneo cupientem inter citharoedos contendere nec quamuis flagitantibus cunctis promittere audentem ideoque egressum theatro reuocauerat* (Suetonius Tranquillus. Vitellius). [Нерон руководил играми, которые он сам учредил, хотя он и очень хотел играть на арфе, его скромность не позволила ему, несмотря на то, что люди просили его об этом]. Или: *Dein Gotarzes morbo obiit, accitusque in regnum Vonones Medos tum praesidens* (Cornelius Tacitus. Annals). [После этого Готарз заболел и умер, а Вонон, правящий Мидией, был посажен на трон] и т. д. В подтверждение этому в словаре Century Dictio-

nary and Cyclopaedia 1889 года издания имеется указание на использование слова *president* в качестве прилагательного, архаичного на сегодняшний день, со значением «правлящий, управляющий, направляющий, занимающий главное место или должность»: *They [Israel] would be left in the same condition with other Gentile nations, who must therefore be supposed to be under the immediate conduct of president angels* [16].

Латинско-английский словарь A Latin Dictionary (1879 г.) дает такие определения слова *praeses*: 1) Хранитель, покровитель, защитник. *Senatum rei publicae custodem, praesidem, propugnatorem conlocaverunt* (Tullius Cicero. Pro P. Sestio oratio). [Они учредили сенат в качестве стража, хранителя и защитника государства]. 2) Тот, кто правит – богиня (бог), наместник, начальник, глава, правитель: *“Armipotens, praeses belli, Tritonia virgo, frange manu telum Phrygii praedonis et ipsum...”* (Publius Vergilius. Aeneid). [Воинственная Дева Минерва, богиня войны! Сломай копье фригийских разбойников...]; *hac nuntiata excubias per urbem indixit, ne quis tumultus existeret, et praesidibus prouinciarum propagauit imperium...* (Suetonius Tranquillus. Divus Augustus). [Он распорядился, чтобы за городом внимательно наблюдали, дабы не допустить любое нарушение общественного порядка, и продлил сроки службы перфектов провинций...] [12].

Вышеперечисленные словарные дефиниции дают нам возможность получить следующие признаки концепта, зафиксированные в работах древнеримских философов, политиков и поэтов: *praeses* – ‘хранитель / покровитель / защитник’, ‘высшее божественное существо в политеизме’, ‘правитель / глава’, ‘наместник / губернатор’. Однако данные признаки являются понятийными, а отнюдь не мотивирующими, и входили в состав когнитивной структуры соответствующего концепта во времена Древнего Рима.

Ключевым словом для понимания концепта *president* и выделения его мотивирующих признаков является глагол *praesideo*, а не существительное *praeses*. Также, если рассматривать *praeses* как сумму значений глагола *sedeo* и приставки *prae-*, получаем «впереди сидящий», что вовсе не объясняет употребление глагола *praesideo* в таких значениях, как: 1) председательствовать, стоять во главе (в переносном значении), руководить, управлять (*praesideo rebus urbanis* – ведать городскими делами; *praesideo exercitum* – командовать армией; *praesideo Pannoniam* – командовать войсками Паннонии; *praesideo ad iudicandum* – заседать в суде), в императорскую эпоху председательствовать в сенате (*praesideo in senatu*); 2) защищать, охранять, оборонять (*praesideo agros suos, urbi, rei publicae* – защищать свою деревню, город, государство) [11].

Дело в том, что в Древнем Риме существовала особая категория государственных служащих, относящихся к исполнительной ветви власти – *magistratus curules*. На заседаниях сената, центуриатных и трибутных комициях (*comitia* – собрание граждан), проходивших в специальных сенатских помещениях, куриях или храмах, председательствовать и руководить прениями было позволено исключительно курульным магистратам. В пространственном отношении они занимали места на трибунале в курульных креслах (*sella*

curulis) [15]. Курульное кресло являлось сакральным символом власти и занимаемой высокой должности. Любой человек, которому выпадала честь сидеть в этом кресле, получал право действовать в интересах всей Римской Империи [18]. Конструкция кресла позволяла его легко складывать, и зачастую слуги носили кресло за магистратами, которые могли сесть в него в любой момент [12]: *secundum uero paucissimis horis... cum mane pro aede Capitolini Iouis paululum curuli sella praesedisset, honore abiit suffecto alio in locum suum* (Suetonius Tranquillus. Divus Augustus). [Утром... посидев некоторое время в курульном кресле перед Храмом Юпитера Капитолийского, он назначил другого на свое место].

В число курульных магистратов входили консулы, цензоры, преторы, эдилы, выполнявшие следующие функции [2]:

- консулы (лат. *consules*) обеспечивали внешнюю и внутреннюю безопасность республики, защищали от военной угрозы, назначали большую часть офицеров и возглавляли армию, осуществляли надзор за остальными магистратами, проводили их выборы, руководили заседаниями сената и народного собрания, выдвигали проекты законов;

- цензоры (лат. *censor*, от *censeo* – делать опись, оценивать) занимались переписью римских граждан, производили оценку их имущества и распределение по имущественным классам и трибам, проводили смотр всадников и запись их во всадническое сословие, составляли списки сенаторов, разрабатывали государственный бюджет на пять лет, заключали финансовые сделки и договора от имени государства;

- преторы (лат. *praetores*, от *praeitor* – идущий впереди, предводитель, градоправитель) ведали судопроизводством по гражданским делам. После появления римских провинций, назначались их наместниками;

- эдилы (лат. *aedils*, букв. храмовники) первоначально были помощниками народных трибунов, хранителями плебейского архива и казны в храме Цереры. Главные обязанности эдилов – организация народных зрелищ и игр, городское благоустройство, контроль за чистотой улиц, состоянием храмов и общественных сооружений, надзор за рыночными ценами и мерами веса, полицейский надзор и регулирование продовольственного снабжения.

Таким образом, представляется возможным выделить три мотивирующих признака, на основе которых были образованы представленные выше понятийные признаки концепта *praeses* в латинском языке – это ‘сидеть впереди’, ‘править’ и ‘защищать’. Правом «восседать впереди» обладали люди, наделенные властью и особыми полномочиями, при этом многие виды деятельности, входившие в их должностные обязанности, получили обозначение при помощи глагола *praesideo*. В дальнейшем данный глагол теряет привязку к курульным магистратам:

- защита территории – функция консула: *...me – testor et vos et populum Romanum et omnis deos qui huic urbi praesident* (Tullius Cicero. Philippicae orationes). [...я призываю вас, римлян и богов, охраняющих город, в свидетели...]; *Gallia que quae semper praesidet at que praesedit huic imperio libertati que communi merito vereque laudetur, quod se suasque uir non*

tradidit, opposuit Antonio (Tullius Cicero. Philippicae orationes). [Галлия, которая всегда защищала и защищает эту империю и свободу, заслуживает похвалы за то, что не сдается Антонию, а сопротивляется ему];

– управление провинцией – функция претора: *Scriptisque Palpellio Histro, qui Pannoniam praesidebat, legionem ipsa que...* (Cornelius Tacitus. Annals). [Он написал указания для Публия Ателлия Хистер, который управлял Паннонией...];

– руководство играми – функция эдила: *Praesedit et asticis ludis et Troiam circensibus lusit ductor turmae puerorum maiorum (Suetonius Tranquillus. Tiberius).* [Подобным образом он руководил играми, которые проводились в честь этой победы; и в троянских играх, смешанных с цирковыми, он командовал отрядом самых старших мальчиков].

Теперь определим понятийные признаки современного концепта *president* и соотнесем их с признаками древнеримского концепта *praeses*. Данные словарей Oxford English Dictionary Online, Century Dictionary and Cyclopedia, БЭС позволяют выделить следующие значения слова *president*, зафиксированные на протяжении всего периода развития данного концепта в английском языке:

I. Тот кто управляет, руководит и контролирует поступки других [16]:

1) правитель:

*A charge we bear i' the war,
And, as the president of my kingdom, will
Appear there for a man.*

(W. Shakespeare. Antony and Cleopatra)

2) господствующий дух (приведение), бог (богиня): *The Nymphes are sayed to bee presedents or dieties of the fountaines* (H. Crooke. Микрокосмография (1615 г.)); *In polytheism that conception is necessarily obscured, showing itself dimly either in the Prytanis, or President of the Immortals, such as Zeus; or in Fate* (A. Lang. Making Religion ((1898 г.)); *Mrs. Cordle's outburst was at once an expression of complete mystification and a personal protest to the President of the immortals* (R. Barnard. Bodies (1986 г.)).

II. Должностное лицо, выбранное или назначенное председательствовать и контролировать действия других [13]:

1) Назначенный губернатор или лейтенант провинции, части страны, колонии, города и т. д.: *Ponce Pylat, the precedent, Said to thame, I am Innocent of the Iust Blude, of Christ Iesus* (D. Lindsay. Dialog Experience & Courteour (1554 г.)). *The government was a close oligarchy, the supreme council being formed by the heads of the tribes, of whom one was chosen annually to be the President of the city* (E. Abbott. Pericles & Golden Age Athens (1891 г.)).

2) Должностное лицо, председательствующее на собраниях, съездах различных обществ: *Their Chief Officer, is the President; to whom it belongs to call, and dissolve their meetings;... to regulate the Proceedings* (T. Sprat. History of Royal Society (1667 г.)).

3) Руководитель корпорации, компании, банка: *In England... we never, I think, give it [the title] to the head of a purely commercial body. But in America we find the President of a railroad and the President of a bank that is, what we should call by the simpler name of Chairman* (E. Freeman. Some Impressions of U.S. (1883 г.)).

4) Управляющий колледжем, университетом: *This indenture made... between master Andrew Dokett, president of the Quene college of seynt Margret and seynt Barnard... and John Veyse* (Communications of Cambridge Antiquarian Society (1448 г.)).

5) Глава (обычно избранный) республиканского государства, одновременно выполняющий обязанности главы государства и правительства; глава государства с парламентской формой правления, обладающий ограниченными политическими полномочиями. Впервые было использовано в США применительно к офицеру, председательствующему на революционных конгрессах отдельных штатов, проводимых с 1774 г.: *On Monday last the Hon. Elias Boudinot, Esq; was elected President of the United States in Congress assembled* (Pennsylvania Gazette, 6 Nov., 1782).

6) Человек, возглавляющий капитул кафедральной или коллегиальной церкви (редкое): *Elfworde, bisshop of Londoun and somtyme abbot of Evesham... wolde have bene president [лат. praesidere] at Evesham* (R. Higden. Polychron. (перевод J. Trevisa (1387 г.)). *In Methodism we are never without a President. Like the monarchy 'the President is dead, long live the President'* (Methodist Recorder, 10 June, 1990).

7) Выборный председатель литературного, научного общества или академии: *To the Right Honourable Lord Brunckhord, Viscount Lyons in Ireland, President of the Royal Society of Phylosophers Meeting at Gresham Colledg* (B. Gerbier. Counsel to Builders (1664 г.)).

8) Глава определенных консультативных и административных советов, правительственных министерств:

*Daughter to that good earl, once President
Of England's council and her treasury...*

(J. Milton. Sonnet X)

9) Священник, руководящий каким-либо обрядом или церемонией: *The building now consecrated, the Eucharist began, with the Bishop of Oxford as president, and the Bishop of Reading, the Archdeacon of Berkshire, the Vicar and the Curate ... as concelebrants* (Oxford Diocesan Magazine, 17 Aug., 1977).

10) Рефери или должностное лицо, ответственное за проведение спортивных мероприятий: *President, the senior judge in a group, as required at international show jumping competitions* (F. Avis. Sportsman's Glossary (1961 г.)).

11) Верховный главнокомандующий – «высший руководитель вооруженных сил государства» [3]. *The President shall be Commander in Chief of the Army and Navy of the United States, and of the Militia of the several States, when called into the actual Service of the United States* (Конституция США) [17].

III. Защитник, покровитель, хранитель (вышедшее из употребления): *O blyssyt moder of the Goddis ... be thou in battall now my president* (Publius Vergilius Maro. Aeneid (пер. G. Douglas (1522 г.)); *Just Apollo, president of verse* (E. Waller (1606-1687 гг.). At Penshurst) [16].

IV. Ткань с узорами, используемая для обивки (вышедшее из употребления): *President a kind of damask of silk, or silk and wool, used for upholstery* [16].

Проанализировав вышеперечисленные значения, получаем следующие группы понятийных признаков в структуре концепта *president*: 1) 'тот кто управляет,

руководит и контролирует поступки других': 'правитель', 'господствующий дух' (приведение), 'высшее божественное существо в политеизме'; 2) 'должностное лицо, выбранное или назначенное председательствовать и контролировать действия других': 'глава административно-территориального образования', 'председатель собрания', 'руководитель коммерческого объединения', 'руководитель высшего учебного заведения', 'глава государства', 'глава религиозной общины, церкви', 'председатель некоммерческого

общества', 'глава государственных органов власти', 'священнослужитель', 'спортивный рефери', 'Верховный главнокомандующий'; 3) 'защитник', 'покровитель'; 4) 'разновидность ткани'.

Представим полученные данные в виде таблицы и, как было сказано выше, поскольку не было найдено ни одного случая употребления слова *praesidēs* в качестве субстантивированного существительного, его значения, указанные в словарях, приниматься во внимание не будут.

Таблица

Понятийные признаки концептов *praeses* и *president*

Понятийные признаки	<i>praeses</i> (лат.)	<i>president</i> (англ.)
1) 'хранитель / покровитель / защитник'	+	+
2) 'тот кто управляет, руководит и контролирует поступки других'	+	+
'правитель'	+	+
'господствующий дух (приведение)'	+	+
'высшее божественное существо в политеизме'	+	+
3) 'должностное лицо, выбранное или назначенное председательствовать и контролировать действия других'	+	+
'глава административно-территориального образования'	+	+
'председатель собрания'	-	+
'руководитель коммерческого объединения'	-	+
'руководитель высшего учебного заведения'	-	+
'глава государства'	-	+
'глава религиозной общины, церкви'	-	+
'председатель некоммерческого общества'	-	+
'глава государственных органов власти'	-	+
'священнослужитель'	-	+
'спортивный рефери'	-	+
'Верховный главнокомандующий'	-	+
4) 'разновидность ткани'	-	+

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, вероятнее всего, слово *president* произошло от латинского *praeses*, а не от слов *praesident-* или *praesidēs*, как указывается в словарях. Это подтверждает анализ понятийных признаков в когнитивной структуре соответствующих концептов *praeses* в латинском языке и *president* в английском – концепт *president* вобрал в себя все понятийные признаки, свойственные латинскому концепту *praeses*.

Что касается мотивирующих признаков, то они полностью не исчезают, а сохраняются в виде стертых метафор, в виде понятийных признаков [8, с. 19] или могут быть обнаружены в контекстах [6, с. 99]. Особенно продуктивным оказался мотивирующий признак 'править', который сохраняется и обнаруживается в группе понятийных признаков 'должностное лицо, выбранное или назначенное председательствовать и контролировать действия других', которая в ходе исторического развития пополняется новыми понятийными признаками, связанными с развивающейся системой административного управления и появлением новых реалий: 'председатель некоммерческого общества', 'руководитель коммерческого объединения', 'глава церкви', 'руководитель высшего учебного заведения', 'спортивный рефери'. Мотивирующий признак 'защищать' перешел в понятийный признак 'хранитель / покровитель / защитник'; при-

знак 'сидеть впереди' можно обнаружить в следующих контекстах, например: "But a few minutes later, as the class was reading "The Pet Goat", Chief of Staff Andrew Card walked over to the president, who sat in front of the class" ("The Tampa Tribune" 6.09.2011 г.); или "Traditionally, the president and executive managers would sit in a row at the front of the room, and other participants were assigned to particular seats according to their ranks at long tables facing them" ("International Herald Tribune / Asahi Shimbun" 15.04.2004 г.) и т. д.

Литература

1. Балашова, Е. Ю. Концепты «любовь» и «ненависть» в русском и американском языковых сознаниях / Е. Ю. Балашова: дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2004.
2. Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия. М.: NMG, 2010. – 1 DVD-ROM.
3. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/86762>.
4. Власова, С. А. Концепт "LIFE" в современной англоязычной культуре / С. А. Власова: дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2003.
5. Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь [Текст] / И. Х. Дворецкий. – М.: Русский язык, 1996. – 846 с.

6. Колесов, В. В. Языковые основы русской ментальности: учебное пособие [Текст] / В. В. Колесов, М. В. Пименова. Серия Концептуальные исследования / отв. ред. М. В. Пименова. – 2-е изд., исп. и доп. – Кемерово: КеМГУКИ, 2011. – Вып. 14. – 136 с.
7. Пименова, М. В. Душа и жизнь: особенности концептуализации // Филологический сборник / отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово: Графика, 2002.
8. Пименова, М. В. Концепт *сердце*: образ, понятие, символ: монография / М. В. Пименова. – Кемерово, 2007. – 500 с.
9. Сидорова, Н. П. Сопоставительный анализ структур и способов актуализации русского и английского концептов луна и moon / Н. П. Сидорова: дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2010.
10. Хренова, А. В. Историко-этимологический анализ концептов *президент* и *president* [Текст] / А. В. Хренова // Серия Славянский мир / отв. ред. М. В. Пименова. – Севастополь: Рибэст, 2009. – Вып. 4.
11. Электронный словарь Abbyu Lingvo 12. ABBYY software, 2006. – 1 CD-ROM.
12. A Latin Dictionary: Founded on Andrews' Edition of Freund's Latin Dictionary / Edited by C.T. Lewis, C. Short. – Oxford: Clarendon Press, 1879. [Электрон-

ный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.perseus-tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus:text:1999.04.0059>.

13. Oxford English Dictionary Online. – Oxford University Press, 2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oed.com>.

14. Presus Didigital Library [сайт] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper>.

15. Taylor, L. Seating Space in the Roman Senate and the Senatores Pedarii [Text] / L. Taylor, R. Scott // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. – The Johns Hopkins University Press, 1969. – Vol. 100.

16. The Century Dictionary and Cyclopedia: in 10 volumes / Edited by W.D. Whitney. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.global-language.com/CENTURY/>.

17. The Constitution of the United States. Article II Section II. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.usconstitution.net/const.html#A2Sec2>.

18. Weinstock, S. The Image and the Chair of Germanicus [Text] / S. Weinstock // The Journal of Roman Studies. – Society for the Promotion of Roman Studies. 1957. – Vol. 47. – No. 1/2.

УДК 82

РОЛЬ ГРАММАТИКИ В ОПИСАНИИ ОБРАЗА МИРА (в аспекте преподавания русского языка как иностранного) **О. И. Шарафутдинова**

THE ROLE OF GRAMMAR IN DESCRIBING THE LINGUISTIC WORLD IMAGE (in aspect of teaching Russian as a foreign language) **O. I. Sharafutdinova**

В статье ставится вопрос о возможности описания образа мира, отраженного в языке через грамматические категории данного языка. Специфика грамматических категорий и их функционирования обнаруживается в тех ошибках, которые допускают в своей речи иностранцы. Данный подход позволит наметить новые пути как анализа ошибок в речи иностранцев, изучающих русский язык, так и их преодоления.

Ключевые слова: образ мира, грамматика, грамматические категории, типы ошибок.

The article arises the question of describing world image by the way of grammatical categories of the language. The specific character of grammatical categories and their functioning is revealed in grammar mistakes of foreign students. This method gives new ways to analyse grammar mistakes and to eliminate errors in the speech.

Keywords: world image, grammar, grammatical categories, typical mistakes.

Человека всегда интересовала проблема отношений языка и мира, языка и мышления. Перед исследователем рано или поздно встает вопрос, какую роль играет язык в освоении мира «человеком говорящим». В этом плане весьма показательны слова К. Леви-Стросса: «Я думаю, что всегда всё дело в языке. Язык представляется мне фактом культуры по преимуществу ... язык – наиболее совершенное из всех явлений культурного порядка, которые образуют (в том или ином виде) системы, и если мы хотим понять, что такое искусство, религия, право, может быть даже кухня и правила вежливости, мы должны рассматривать их

как коды, формируемые сочетанием знаков по образцу языковой коммуникации» [Цит. по: 13. с. 24].

Однако речь можно вести не только о языке вообще, но и о каждом конкретном языке, предлагающем своему носителю вариант освоения и познания мира. В связи с этим различают грамматические универсалии и национальную специфику языков, отражающую не только бытовые представления о мире, но зачастую и научные, лингвистические. Согласно закономерности, намеченной в исследовании Е. В. Падучевой и А. А. Зализняка, металингвистическое описание зависит от родного языка исследователя [5].

В современной лингвистике исследование национальной специфики языка, ментальности, как правило, связано с изучением концептов, языковой картины мира, с лексикой и семантикой языковых единиц, их сочетаемостью. Однако менталитет проявляется и в грамматических категориальных формах (см., например, [11]). В каждом языке имеется система взаимосвязанных грамматических категорий, которые разнообразны по своему характеру и объему. В грамматическом строе выражаются наиболее общие связи и отношения между предметами и явлениями объективной реальности, поэтому количество грамматических категорий в системе языка относительно невелико, но каждая категория оказывает свое организующее действие на большое количество слов [11].

Грамматика задает определенную модель описания мира в языке, создает своеобразную «кристаллическую решетку», без знания которой носитель/пользователь языка не сможет осознать в полной мере ни законы существования языка, ни законы его функционирования и, как следствие, не сможет создать грамотное высказывание. Наличие подобной «грамматической решетки» подтверждается тем фактом, что любая лексическая единица существует только в ее грамматической оболочке. Такова знаковая природа языка: нет содержания без формы, означаемого без означающего.

Таким образом, изучение национальной специфики языка, элементы которой складываются в некий образ мира, имеющийся у носителей данного языка, предполагает и системное описание грамматических явлений. Между тем грамматические категории, как правило, воспринимаются носителями языка как данность: среднестатистический носитель русского языка как родного задумывается, например, о значении слова, специфике употребления того или иного выражения, но не о категориях рода, числа, падежа и пр., реализующих употребленную им языковую единицу [14]. Иная ситуация наблюдается в речи иностранцев, которым нужно разрушать собственную грамматическую модель, чтобы увидеть мир в категориях другого языка, или приспособлять собственное грамматическое членение образа мира к категориям изучаемого языка.

Следовательно, изучение элементов образа мира, отраженных в категориях грамматики, имеет как теоретическое, так и прикладное значение. В первом случае речь идет об описании связи языка и мышления, процессов познания окружающей действительности. Во втором – о проблемах и трудностях, возникающих при усвоении иностранного языка. Не случайно в современной лингвистике и лингводидактике большое внимание уделяется разработке теории лингвистической ошибки, классификации типов ошибок (в том числе грамматических) в речи и иностранцев, и носителей русского языка как родного.

Рассмотрим основные аспекты изучения национальной специфики языка. Как правило, большой интерес исследователей вызывает *содержательный компонент национальной специфики*, заключающийся в совокупности тех идей, которые этнос счел настолько важными для себя, что принудил к их регулярному воспроизведению в мышлении и речевом поведении. Например, авторы книги «Ключевые идеи русской

языковой картины мира» (вслед за А. Вежицкой) называют несколько фундаментальных свойств, формирующих «семантический универсум» русского языка: эмоциональность, иррациональность, неагентивность. «Русская грамматика располагает множеством конструкций, представляющих положение дел в действительности как противоречащее или, по крайней мере, не зависящее от воли и желания человека». И далее: «Русский язык предоставляет говорящему на нем массу возможностей снять с себя ответственность за собственные действия» [4, с. 162]. Речь идет о таких конструкциях, как глагол с дательным падежом субъекта ((мне) удалось, привелось, пришлось) или глагол с предложом «у» и родительным падежом ((у меня) получилось, сложилось) и т. д.

Кроме того, содержательной спецификой характеризуются и отдельные грамматические категории. В данном аспекте показательны, прежде всего, те категории, которые отражают формальное устройство языковой системы и не имеют четкой логической связи с явлениями реального мира. В русском языке к таковым можно отнести, например, категорию рода (для неодушевленных существительных), падежа и т. д.

Для выявления национальной специфики грамматической системы выделяется несколько принципов, на основании которых обозначаются различия в способах представления того или иного содержания в грамматиках языков. В этом заключается т. н. *интерпретационный компонент* национальной специфики грамматики [8]. В рамках данного подхода изучается, во-первых, количество членов грамматической категории. Например, категория падежа: в падежной системе отражаются типичные отношения между адресатом, инструментом, местом и пр. При этом существуют варианты распределения падежных значений (каждому типу отношений соответствует отдельная форма, как в финно-угорских языках; за одной формой закрепляется несколько значений на основе обобщения, как в русском языке; категория отражает общее противопоставление субъекта и всех остальных участников событий, как в английском языке). С одной стороны, важным оказывается принцип объединения значений в одну падежную форму. Например, характерное для русского языка выражение субъекта косвенными падежами («мне нравится», «мне больно», «у меня есть») может свидетельствовать о некоторой ослабленности выражения субъекта. С другой стороны, степень расчлененности значений и закрепление их за определенной формой указывают на релевантность оснований для такого закрепления в сознании носителей языка. Ярким примером здесь является совокупность значений предложного падежа в русском языке: объединение значений места и косвенного объекта при глаголах мысли или речи, то есть сочетание внешней пространственной характеристики и объекта мыслительной или речевой деятельности.

Важным критерием для интерпретации национальной специфики грамматики, во-вторых, является наличие / отсутствие грамматической категории в языке. Как уже было сказано, существование грамматической категории – показатель релевантности данного значения в лингвокультуре и обязательности его выражения. Например, отсутствие в русском языке артикля, категоризирующего предмет по признаку

определенности /неопределенности, усиливает значение указательных местоимений, позволяющих лексическими средствами выделить один предмет из множества подобных: «Мне нравится этот костюм (эта сумка, это пальто, эти часы)». Примечательно, что иностранцам – не славянам, начинающим изучать русский язык (элементарный уровень владения), сложно различать значение и употребление указательного местоимения в конструкциях типа «это (= вот) стол» и «этот стол».

В-третьих, в рамках интерпретационного подхода внимание привлекает разное соотношение грамматических категорий. Речь идет, в первую очередь, о тенденции описывать предмет, признак и пр. синкретично или аналитично (т. е. с указанием на самостоятельность и важность каждого параметра). Для носителя языка как неродного трудность зачастую связана с осознанием того, что употребляемая им единица не только имеет лексическое значение, но выражает целый ряд грамматических характеристик. Отсюда и распространенность ошибок такого типа: «я вижу красивый девушку», «вчера вечером я читаю» и т. п. Если говорить о конкретных категориях, то для русского языка, пожалуй, самыми сложными по соотносимости с категориями других языков являются категории вида и времени, осложняемые функционально-семантическими категориями аспектуальности, темпоральности и временной локализованности. Поскольку вид является постоянной характеристикой глагола, он определяет количество временных форм (три формы времени у глаголов несовершенного вида, и только две формы – у глаголов совершенного вида). Кроме того, грамматической категории времени нет в формах сослагательного, повелительного наклонений, в инфинитиве. Таким образом, категория вида доминирует над категорией времени. Абстрактность данной категории, отсутствие формальных показателей и ее отсутствие во многих неславянских языках приводит к многочисленным ошибкам в речи иностранцев: «он будет купить», «я буду узнать», «он будет пойти» или «он будет прочитает», «он будет купит» и т. п.

Таким образом, анализ национального своеобразие языка, закрепленного в его грамматической системе, позволяет описать представления о мире отдельного этноса, то есть образ мира, характерный для той или иной культуры. Кроме того, сопоставление различных грамматических структур позволит обнаружить их «столкновение» в речи иностранца, использующего неродной язык. В этом плане весьма продуктивным является изучение лингвистической ошибки, которая находится в центре внимания различных лингвистических и смежных с ними дисциплин. Однако цель описания и систематизации ошибок в речи учащихся в рамках данных дисциплин различна. Если лингводидактика и методика преподавания русского языка направлены на выработку методических приемов и технологий, обеспечивающих создание корректных и нормативных высказываний (прикладной аспект), то, например, психолингвистика описывает механизм порождения речи, процессы функционирования языка у пользующегося им человека и ту «смену» регистра, которая приводит к появлению ошибки (теоретическое осмысление).

Типы ошибок, специфика их возникновения изучались на материале речи и русскоязычных, и иноязычных учащихся. Многочисленные попытки создать единую классификацию ошибок объясняются рядом причин: нечеткое разграничение основных видов ошибок в существующих классификациях; выведение из классификаций логических ошибок; отсутствие в классификациях целого ряда коммуникативно значимых нарушений и т. п. [2].

Как правило, ошибки систематизируют по уровням (аспектам) языка. Однако осознается необходимость создания классификации, отвечающей современному пониманию теории коммуникации. Так, например, Л. О. Бутакова предлагает свою классификацию ошибок, основанную на единицах языкового яруса, нормы образования, написания, функционирования которых нарушаются. Автор различает речевые ошибки на разных уровнях – слова, словосочетания, предложения, текста (полную классификацию [2]).

Исследование речевых ошибок ведется по разным направлениям и включает сбор и анализ ошибок как в связи с обучением иностранным языкам, так и для выявления специфики процессов овладения родным или вторым языком в детском возрасте (см., например, работы С. Н. Цейтлин). А. А. Залевская отмечает, что «динамика трактовки ошибки сводится к переходу от рассмотрения ее как интересного казуса и / или недопустимого нарушения прескриптивного правила к признанию естественности речевых ошибок и важности анализа механизмов ошибки как инструмента научного исследования процессов и механизмов ... продуцирования и понимания речи, организации языковых явлений в готовности к их применению в речемыслительной деятельности» [3, с. 6]. А. А. Пойменова также указывает на ошибку как на важное вспомогательное средство овладения иностранным языком: «Именно они [ошибки], а не правильные высказывания, показывают, что учащийся усвоил, а что – нет, имитирует ли он услышанное или активно перерабатывает его. Ошибки дают ключ к пониманию механизма овладения языком, ибо они обеспечивают убедительные косвенные данные о функционировании когнитивных систем, посредством которых перерабатывается воспринимаемый языковой материал» [3, с. 14]. Для многих современных психолингвистов становится очевидной необходимость разработки «интегративной теории ошибок, важной для объяснения механизмов речемыслительных процессов, правильных и ошибочных речевых действий с учетом концепции языка как достояния индивида» [3, с. 18].

При всем сходстве типологии ошибок в речи носителей русского языка как родного и как иностранного отмечается ряд различий. Наиболее распространенным в современной лингводидактической практике основанием для классификации ошибок в речи иностранных учащихся также являются аспекты языка (тогда речь идет о фонетических, грамматических, лексических ошибках) и аспекты речи [1, с. 354]. Возникающие речевые ошибки делят на типичные, систематические и окказиональные.

Однако изучение типов ошибок в речи иностранцев, в отличие от речи носителей русского языка как родного, предполагает учет явления интерференции – межъязыковой и внутриязыковой. Межъязыковой ин-

терференций называется «...замена языковых единиц и правил обращения с ними... единицами и правилами, близкими или общими контактирующим языкам» [9, с. 12], а внутриязыковая интерференция – это замена языковых единиц и правил обращения с ними внутри одного (в данном случае, изучаемого) языка, приводящая к ошибке.

Следовательно, ошибки в речи иностранцев – и лексические, и грамматические – представляют интерес и с точки зрения столкновения образов мира, воплощенных в разных языках. В связи с этим встает вопрос о таких принципах классификации грамматических ошибок в речи иностранцев, которые позволили бы отразить систему представлений о мире, не укладывающихся в грамматическую структуру, модель изучаемого языка. Однако до сих пор общепринятой считается традиционная классификация – аспектная (уровневая) и «тематическая»: ошибки, связанные с неверным употреблением и образованием падежных, видовых, временных форм и т. п.

Грамматические ошибки, возникающие при построении высказывания на неродном языке, указывают в ряде случаев на несоответствие грамматических категорий в родном и неродном языках, сложность для говорящего установить эквивалентные в смысловом плане замены, поскольку между грамматическими категориями разных языков возможны такие отношения, как полное совпадение, частичное несовпадение, отсутствие категории в одном из языков. «Если то или иное грамматическое значение является обязательным для выражения во втором языке, но не было обязательным в первом, то человек, овладевающий новым языком, неминуемо сталкивается с проблемами, с которыми ему бывает нелегко справиться» [12, с. 46]. Перевод (в том числе во внутренней речи), связанный с механической заменой грамматических форм родного языка формами, например, русского языка, неосуществим, поскольку такая автоматическая подстановка может исказить смысл высказывания или привести к грамматическим ошибкам. Как отмечает С. Н. Цейтлин, «овладение морфологической категорией предполагает освоение ее как в плане содержания, так и в плане выражения. Освоенность плана содержания заключается во владении всем набором семантических и структурных функций, который закреплен за каждой из составляющих ее граммем, освоенность плана выражения предполагает умение построить нужную морфологическую форму, точнее – перейти от одной формы к другой тем способом, который принят в языке» [12, с. 46]. Сложность освоения морфологических форм заключается в «нерасторжимом единстве плана содержания и плана выражения» [12, с. 46].

Однако при анализе примеров, содержащих грамматические ошибки, исследователь сталкивается с рядом трудностей. Так, возникает необходимость отделить, во-первых, индивидуальные нарушения языковых норм от типичных нарушений, характерных для многих носителей данного языка; во-вторых, влияние родного для студента языка от методических ошибок преподавателя; в-третьих, процесс речепорождения и создания формы от репродуцирования формы, например, при создании текста на основе предложенного.

Рассмотрим некоторые типичные ошибки, возникающие в речи студентов-китайцев при изучении русского глагола, в сравнении с соответствующими характеристиками китайского языка.

1. Образование формы будущего времени. Очень часто образуется составная форма будущего времени со связкой «быть» и глаголом совершенного вида, что является нарушением нормы русского языка. Например: *будет пойти, будет купить*. Данная тенденция отражает стремление передать грамматическое значение будущего времени с помощью специального средства. В китайском языке категория времени передается с помощью служебных слов, которые, как правило, восходят к знаменательным единицам [10].

2. Спряжение глагола: *каждый год много вывести; каждый день я помочь маме работать; они не работают*. Будучи аморфным, китайский язык лишен словоизменения. Это означает, что в нем отсутствуют морфологические средства выражения категорий «время», «аспект», «лицо» и т. д. Информация о пространственно-временной организации действительности, отраженной в языке, передается не словоформами и не в обязательном порядке [10]. Здесь действуют совершенно иные, чем в русском языке, механизмы кодирования и декодирования. В русском языке глаголы имеют грамматическую категорию лица, выделяются личные и безличные глаголы. В китайском языке данная категория отсутствует, один китайский глагол соответствует двум русским глаголам: личному и безличному. Например: *xiang – хотеть, хотеться; xiangxin – верить, верить; renwei – думать, думаться* [7].

3. Употребление инфинитива в составе составного глагольного сказуемого: *я люблю слушаю музыку; любят путешествуют; я хочу поступаю на филологический*. Возникает избыточность при выражении значения лица.

4. Употребление совершенного / несовершенного вида: *не сможет от этой жизни уходить; и он потом умирает* (вместо «умрёт»); *это я не узнала* (вместо «знала»); *я начала найти работу; потом я открывала свой талант* (вместо «открыла»).

В русском языке основу грамматической категории вида составляет система противопоставленных друг другу рядов форм – совершенного и несовершенного вида. Большая часть русских глаголов образует видовую корреляцию (видовую пару). В китайском языке данная категория не представлена как морфологическая категория глагола, а выражается в предложении зависимыми от глагола членами, на лексическом уровне русскому глаголу совершенного и несовершенного вида соответствует один китайский глагол: *mai – купить, покупать; jixi – продолжить, продолжать* [7].

5. Употребление глаголов движения: *она часто пойдёт в детском доме; она ходила на маршрутке*. При характеристике данного типа ошибок можно сослаться на объяснение нарушений в использовании глаголов совершенного / несовершенного вида, поскольку механизм действия здесь очень схож. Глаголы движения вступают в оппозицию по признаку односторонности/разносторонности действия, однако в китайском языке и одностороннему и разностороннему действию соответствует один

глагол, например: *zou* - идти, ходить; *gan* - знать, гонять [7].

Более того, в русском языке разным частям речи присущи определённые морфологические показатели, а в китайском языке таких показателей практически нет. Поэтому одно и то же китайское слово может быть одновременно адекватным в русском языке и существительному, и прилагательному, и глаголу, обозначая и предмет, и признак, и действие: *neng* – мочь, можно; *gaoxing* – радость, рад, радоваться; *tongyi* – согласие, согласный, согласиться [7].

Формально-структурные характеристики русского и китайского языков обусловлены синтетическим и аналитическим строем этих языков и обуславливают, в свою очередь, типологически значимые различия и в лексике, и в грамматике. Такие сущностные различия в грамматических системах языков предопределяют типичные грамматические ошибки в речи китайских студентов, изучающих русский язык.

Классификация грамматических ошибок, учитывающая специфику отражения образа мира в грамматике и созданная с учетом достижений как психолингвистики, так и этнометодики, позволит наметить эффективные пути преодоления таких ошибок в речи иностранных учащихся.

Литература

1. Балыхина, Т. М. Методика преподавания русского языка как неродного (нового) / Т. М. Балыхина. – М.: РУДН, 2007.
2. Бутакова, Л. О. Опыт классификации ошибок, свойственных письменной речи / Л. О. Бутакова // Вестн. Омского ун-та. – 1998. – Вып. 2.
3. Залевская, А. А. Речевая ошибка как инструмент научного исследования / А. А. Залевская // Вопр. психолингвистики. – 2009. – № 9.
4. Зализняк, А. А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – М.: Яз. славян. культуры, 2005.

5. Иванов, Вяч. Вс. Грамматические универсалии. Глагол и имя // Вяч. Вс. Иванов. Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему. – М., 2004.

6. Курдюмов, В. А. Курс китайского языка: теоретическая грамматика / В. А. Курдюмов. – М., 2006.

7. Ли, Сяндун. Языковые различия и их отражение в лексической семантике китайского и русского языков / Ли Сяндун // Вопр. филологии. – 2003. – № 2 (14).

8. Радбиль, Т. Б. Основы изучения языкового менталитета / Т. Б. Радбиль. – М.: Флинта, 2010.

9. Рогозная, Н. Н. Лингвистический атлас нарушений в русской речи иностранцев / Н. Н. Рогозная. – Иркутск, 2001. – 332 с.

10. Тань Аошуан. Методическая концепция преподавания языка изолирующего строя / Тань Аошуан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.iaas.msu.ru/dep_r/dep4/res_r.html.

11. Флакман, А. А. Немецкий язык как отражение ментальности его носителей / А. А. Флакман: дис. ... канд. филол. наук. 10.02.04. Германские языки. – Нижний Новгород, 2005.

12. Цейтлин, С. Н. Грамматические ошибки в освоении русского языка как первого и второго / С. Н. Цейтлин // Вопр. психолингвистики. – 2009. – № 9.

13. Цивьян, Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы / Т. В. Цивьян. – М., 2009.

14. Шарафутдинова, О. И. Специфика изучения русского языка как родного и иностранного (нормативный аспект) / О. И. Шарафутдинова // Вестн. Челябинск. гос. ун-та. Сер. Филология. Искусствоведение. – 2011. – № 33. – Вып. 60.

15. Яхонтов, С. Е. Категория глагола в китайском языке / С. Е. Яхонтов. – Л., 1957.

УДК 811.161.1

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ И ПРОБЛЕМЫ СИНОНИМИИ

М. Г. Шкуропатская, Н. В. Цепелева

THE SEMANTIC FIELD AND THE PROBLEM OF SYNONYMY

M. G. Shkuropatskaya, N. V. Tsepeleva

В статье охарактеризованы теоретические подходы и методология полевого описания синонимических отношений в лексической подсистеме языка. Предлагаются варианты анализа полевых структур синонимов в русском языке, выработанные на теоретической основе полевого моделирования системы языка.

Ключевые слова: *полевая модель, семантическое поле, синонимы, синонимическая сеть.*

The article reveals the theoretical approaches and methodology of field descriptions of synonymic relations relations in the lexical system of the language. Variants of the analysis of the field structures of synonyms in the Russian language, elaborated on the theoretical basis of the field modeling of the language system of are provided.

Keywords: *field model, semantic field, synonyms and synonymic network.*

В последнее время в лингвистической литературе большое распространение получила полевая модель

системы языка, которая имеет разнообразные интерпретации и применения. Предмет исследования в тео-

рии поля в современной лингвистике составляют группировки языковых единиц, объединяемых на основе общности выражаемых ими значений (семантический принцип) или по общности выполняемых ими функций (функциональный принцип), или на основе комбинации двух признаков (функционально-семантический принцип). «В современном языкознании **семантическое поле** определяется как совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [7, с. 99].

Выделяемые на основе этих признаков группировки – поля – представляют собой системные образования с характерными для любой системы связями и отношениями и вместе с тем обладающие собственными специфическими чертами. Семантическое поле характеризуется следующими основными свойствами.

Поле имеет особую структуру – **ядро и периферия** – для которой характерна максимальная концентрация полеобразующих признаков в ядре и неполный набор признаков поля или возможное ослабление их интенсивности на периферии.

Специфика поля как способа существования объекта характеризуется явлением **аттракции**, которое заключается в том, что, «благодаря существованию данной группы элементов с общим признаком в него включаются новые элементы с таким же признаком» [16, с. 101].

Другой важной характеристикой поля служит возможность пересечения отдельных полей, которое приводит к образованию общих сегментов, зон семантического перехода. Переход от ядра к периферии также осуществляется постепенно, вычленяется ряд периферийных зон, в разной степени удаленных от ядра [11, с. 41 – 59].

Семантическая однородность единиц семантического поля вместе с тем не исключает возможности их грамматической разнооформленности. Поле может объединять в своем составе разнородные языковые средства, принадлежащие к различным грамматическим классам и уровням языка. «Лексико-семантическое поле – это объединение слов разных частей речи, которые на уровне своих лексических значений имеют хотя бы одну общую (интегральную) сему» [14, с. 59]. В теории семантического поля, в зависимости от природы исходной единицы, определяющей семантическую и словообразовательную деривацию его элементов и его частеречный состав, выделяются такие категориальные типы полей, как процессуальные (с доминантой глаголом), предметные (с доминантой именем существительным), признаковые (с доминантой именем прилагательным). Учет типологии семантических полей позволяет выявить для каждого из них детерминанту, как главное свойство, определяющее состав единиц поля и категориальный характер их семантики. В одних доминируют глаголы, а другие члены производны, вторичны, периферийны, во вторых – существительные, в третьих – прилагательные. Межуровневость является специфической характеристикой функционально-семантических и грамматико-лексических полей [5, с. 17].

Как всякое системно-структурное объединение, поле имеет определенную структуру. Понятие «струк-

тура поля» подразумевает существование определенных группировок элементов внутри данного множества, пересечение отношений в его структуре, наложение связей. Поле может иметь в своем составе несколько микрополей, обладающих относительной самостоятельностью.

При изучении отношений между элементами поля до недавнего времени основное внимание уделялось оппозитивным отношениям. «При описании семантических противопоставлений в рамках поля удобно использовать семантические компоненты, описанные выше (*речь идет об интегральных и дифференциальных семантических признаках*), в частности, бинарные признаки» [8, с. 132]. Вместе с тем признак связности значений между собой по определенному числу однозначных противопоставлений кладется в основу определения замкнутых групп слов, в лексической семантике называемых **лексико-семантической парадигмой**. Однако «под понятие парадигмы, накладывающее строгие ограничения на характер связей между словами, подводится лишь небольшая часть группировок слов, объединяемых на основе общности их значений» [7, с. 98]. Общим понятием, применимым к более широкому кругу парадигматических отношений, является семантическое поле. Частями семантического поля являются группа синонимических корреляций, родо-видовые корреляции, корреляции несовместимости, корреляции «часть – целое», антонимические корреляции, конверсивные корреляции, корреляции семантической производности [7, с. 99 – 108]. Изучение семантических корреляций поля позволило установить типы структурных связей, которые формируют все перечисленные группировки – вхождение, схождение и расхождение [6, с. 34 – 40]. Вхождение включает гиперо-гипонимическую связь, пересечение, синонимическую, градуальную и партитивную связь. Схождение включает фазовую связь, тяготение, темпоральную, локальную, инструментальную и реминисцентную связь. Расхождение объединяет антонимическую связь, несовместимость и противодействие.

Полевая модель утверждает представление о языке как системе систем, между которыми происходит взаимодействие и взаимопроникновение. При этой модели язык предстает как функциональная система, в которой происходят постоянные перестройки элементов и отношений между ними. «Между различными лексическими группировками (*в семантическом поле*) существуют зоны переходов, наличие которых обусловлено такими типами связей, как вхождение и схождение. В пределах одной полевой структуры преимущественно наблюдаются зоны интенсивного перехода (наложения) подгрупп, что основано на вхождении. Между разными лексико-семантическими группами наблюдаются зоны постепенного перехода, основанные на схождении. Если при вхождении элементов проявляются обязательные сильные связи, то при схождении обнаруживаются связи слабые, факультативные» [11, с. 182]. На основании представленной трактовки отношений между словами, составляющими семантическое поле, можно говорить о взаимозависимости и взаимоопределяемости лексических единиц, а также о непрерывности обозначения его смыслового пространства, взаимосвязи семанти-

ческих полей в пределах всей лексической системы. Таким образом, исследования системы языка на основе полевой модели являются важным и уже достаточно сформировавшимся направлением современной лингвистики, позволяющим по-новому взглянуть на традиционно выделяемые парадигматические отношения.

В данной статье термин «полевая структура» применяется по отношению к синонимическим группировкам слов. Особым видом синонимии в лексической системе русского языка являются синонимы с диффузной семантикой, которые характеризуются семантической размытостью и отсутствием четких семантических границ между отдельными лексическими единицами, входящими в синонимическую группировку. Синонимы с диффузной семантикой представляют собой группу слов, в семантике которых описание сходств и различий представляет особую проблему. Ее решение предполагает поиск адекватных описаний языковой системы. Наиболее плодотворным в этом отношении представляется полевой подход к изучению и описанию семантики слов-синонимов. Называя слова, связываемые синонимической корреляцией, полем, мы тем самым постулируем, что они имеют полевую организацию, то есть характеризуются основными признаками поля, перечисленными выше, организованы по полемому принципу, имеют полевое устройство.

Описывая конкретный языковой материал (синонимические группировки слов) в категориях полевой модели, мы ставим перед собой задачу выяснить, какими характеристиками обладают синонимические корреляции в рамках семантического поля, какие дополнительные возможности предоставляет полевая модель для уточнения и развития представлений о данном типе отношений в лексической системе русского языка.

Приступая к описанию материала в заданном аспекте, прежде всего хотелось бы обратить внимание на языковую интерпретацию синонимических отношений (и их структурно-семантическую организацию), получившую отражение в словарях синонимов. Первым серьезным опытом такого рода в нашей стране является «Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений» Н. Абрамова (1-е изд. – 1915 г.; 6-е изд. – 1996 г.) [1], который, по словам Ю. Д. Апресяна, «не был понят современниками и не оказал существенного влияния на формирование концепции русского синонимического словаря. Между тем он во многих отношениях опередил свою эпоху и предвосхитил некоторые идеи, сложившиеся и воплощенные в мировой лексикографии лишь в самое последнее время» [4, с. III]. В названии словаря содержится не только термин «синонимы», но и термин «сходные по смыслу выражения», которые Н. Абрамов понимал очень широко, включая в их состав следующие синонимические средства русского языка:

- 1) аналоги (*тематически близкие слова*);
- 2) когипонимы (*названия одного из видов того рода, к которому относится исходное слово, например шахи и шахматы*);
- 3) гиперонимы (*слова с родовым значением по отношению к исходному*);

4) гипонимы (*слова с видовым значением по отношению к исходному*);

5) названия частей того, что обозначено ключевым словом;

6) конверсивы (*У меня есть = Я имею*);

7) перифразы ключевого слова (обычно глагола), в которых участвуют его актантные и синтаксические дериваты (*помогать, оказывать помощь, подавать помощь*);

8) фразеологические синонимы (*ошибаться – сбиваться с пути, впасть в ошибку, дать промах, дать маху*);

9) синонимы, различающиеся сочетаемостью (*Война: внутренняя, газетная, кровопролитная, сухопутная, морская, партизанская, таможенная, наступательная, оборонительная. Вспыхнула война. Война ... не знает перемирий.*);

10) слова, выражающие тот же или похожий смысл вне зависимости от способа его выражения (*очень, весьма, безгранично, бесконечно, крайне, сильно, страшно, ужасно, адски, донельзя, больно, на диво, на чем свет стоит, из рук вон (плохо), тыс.у раз (прав), беда как (умен), ужас как (скуп), давным-давно, полным-полно, черным-черно*);

11) лексико-синтаксические конструкции (*приблизительно; лет так через двадцать*).

Приведем в качестве иллюстрации словарную статью с заглавным словом

Важный: значительный, многозначительный, многозначный, первенствующий, знаменательный, великий, капитальный, крупный, достопамятный, достопримечательный; видный, высокий, сановитый, сановный, серьезный, существенный, веский (прот. *Легкий, Шуточный, Водевильный*). Тяжкое преступление, капитальная ошибка. Событие, богатое (чреватое) последствиями, роковое. Прот. *Мизерный, Неважный. Ср. Главный, Величавый, Влиятельный.*

Стремление к более широкому охвату лексики превратило «Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений» в словарь лексических синонимических средств языка идеографического типа. Идея создания синонимического словаря такого типа оказалась удивительно созвучной современной лексикографической идеологии «активных словарей» и современным теоретическим представлениям. Однако в середине XX века лексикографы вернулись к более традиционной концепции синонимического словаря, которая в наиболее полной форме была сформулирована в работах А. П. Евгеньевой. Как пишет ученый, «лингвисты расходятся в определении и трактовке синонимов: одни из них признают синонимами лишь слова, полностью совпадающие в своем значении, слова тождественные, другие считают синонимами также и слова, близкие по значению. Понимание близости значения часто сильно расширяется, и в число синонимов включается не только слова, обозначающие одно понятие, но также и слова, которые обозначают разные понятия, хотя и близкие между собой. Например, в словарях синонимов можно найти при слове *жилище* такой ряд синонимов: *жилище, дом, квартира, жилплощадь, пристанище, приют, угол, гнездо, крыша (над головой)* и подобные. В словарях синонимов до последнего времени было обычным именно такое расширенное понимание близости зна-

чения, дававшее основание включать в число синонимов слова, обозначающие смежные, аналогические понятия. Между тем именно тождество понятий является наиболее надежным критерием при установлении и разграничении синонимов и синонимических групп» [12; с. 3]. Такое понимание синонимов, которое можно было бы назвать узким, приводило к тому, что взгляд исследователей устремлялся не в ширь, а в глубь лексических значений слов-синонимов, что в конечном итоге привело к выделению среди синонимов трех групп, различающихся тончайшими оттенками значения – смысловых, экспрессивных и стилистических. Составители словарей-синонимов как раз и видели свою задачу в том, чтобы представить эти группы и дать характеристику синонимов, раскрывая их особенности путем истолкования смысловых оттенков, указывая стилистические ограничения в употреблении при помощи различных помет.

Проиллюстрируем сказанное примером из Словаря синонимов русского языка [12]. Слово

1. Важный (имеющий большое значение, заслуживающий особого внимания) – важное сообщение; **Значительный** – значительное событие; **Существенный** – существенный вопрос.

2. Важный (о человеке: держащийся с достоинством и важностью), **Величественный**, **Величавый**, **Царственный** || (об осанке, манерах, жестах и т. д.). Важные манеры. Величавая речь. Царственная осанка.

Вместе с тем следует отметить, что в России не прерывалась традиция составления словарей-синонимов с широтой охвата языкового материала, сближающей их с тематическими словарями. Такие словари носили в основном практикоориентированный характер. Например, З. Е. Александрова в «Словаре синонимов русского языка» [3], преследуя практические цели – дать в каждом синонимическом ряду определенный набор синонимов, из которых пишущий, в зависимости от целей своей работы, может выбрать нужный, наиболее подходящий для точного и яркого выражения мысли, часто использует краткие пояснения и пометы к отдельным синонимам или их группам, указывающие на возможную сочетаемость, дифференциацию значений, экспрессивно-стилистическую окраску, сферу употребления и т. п.

В качестве синонимов в словаре помещаются:

а) отдельные слова, как однокорневые, так и разнокорневые;

б) сочетания служебных и знаменательных слов, выступающие в той же синтаксической роли, что и главное слово ряда (*беспрепятственно* – *без помех*);

в) лексикализованные сочетания, обозначающие единое понятие (*авиация* – *воздушный флот*; *глазник* – *глазной врач*);

г) фразеологизмы (*бездельничать* – *бить баклуши*, *гонять лодыря (или собак)*, *плевать в потолок*);

д) словосочетания дублетного или перифрастического характера, обычно включающие в свой состав слова с ослабленным лексическим значением или слова с фразеологически связанным значением (*беднеть* – *впадать в бедность*);

е) в отдельных случаях синонимизируются сложносокращенные слова и соответствующие им полные наименования (*авторучка* – *автоматическая ручка*).

Таким образом, автор Словаря при построении рядов синонимов многообразно использует синонимические ресурсы лексической системы русского языка. Приведем пример из Словаря [3]:

Важный 1. Имеющий важное (или большое, принципиальное) значение, существенный, значительный, значимый, весомый / о событии, проблеме, свойстве: немаловажный / о роли, задаче: первостепенный, первостепенной (или большой) важности / о событии, моменте, высказывании: знаменательный, многозначительный, многознаменательный, исторический; эпохальный, эпохиальный (книж.).

2. см. влиятельный **3. см.** высокомерный **4. см.** хороший.

Стремясь провести границу между синонимическим словарем и тематическим словарем-тезаурусом, З. Е. Александрова не включает в состав своего Словаря слов, связанных друг с другом отношениями «род – вид». Вместе с тем в данном словаре отчетливо просматриваются признаки полевой организации синонимических групп. Об этом свидетельствуют, например, следующие наблюдения автора: «нередко синонимический ряд имеет тенденцию неудержимо расти, удаляясь от доминанты такими постепенными и незаметными переходами, что его приходится где-то обрывать». В результате в Словаре можно найти ряды, весьма близкие по значению» [3, с. 16]. Все слова подобных рядов в известной степени тяготеют друг к другу, так что их можно назвать смежными. «Вообще же слова связаны друг с другом настолько сложными и многосторонними связями, – отмечает автор Словаря, – что любая группировка их по значениям в виде того или иного ряда неизбежно является не единственно возможной» [3, с. 17]. В данных характеристиках, на наш взгляд, прочитываются следующие отличительные признаки поля: наличие ядра и периферии поля; консолидация ядра вокруг компонента-доминанты; зонная организация периферии; нечеткость, размытость границ между ядром и периферией, а также между отдельными зонами периферии; наложение отдельных полей друг на друга и образование зон постепенного перехода.

Изменение научной парадигмы со структурализма на функционализм в современной семасиологии было связано с актуализацией интегрального подхода к семантике, предполагающего максимальное раздвижение ее функциональных границ. В связи с этим развитие семасиологии пошло по пути исследования все более глубоких слоев семантики, что, в свою очередь, меняло представление о самой структуре лексического значения.

В теоретической синонимологии в связи с этим также произошли существенные сдвиги, что получило отражение в лексикографической практике при создании словарей синонимов принципиально нового типа. Речь идет о Новом объяснительном словаре синонимов русского языка (под общ. ред. проф. Ю. Д. Апресяна) [10] и Словаре-тезаурусе синонимов русского языка (под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко) [13]. В Новом объяснительном словаре синонимов русского языка, как известно, реализуется «установка на детальное лингвистическое портретирование», «стремление возможно более полно согласовать словарную статью с грамматическими и иными правилами рус-

ского языка» [10, с. V]. Особенность идеографического словаря синонимов «заключается в том, что его структурной основой служит иерархическая система понятий, которая и формирует соответственно идеографические группы разного ранга» [13, с. 18].

Если исследовательские методики Московской семантической школы направлены на скрупулезный анализ мельчайших элементов структуры значения слова, то создатели идеографического словаря синонимов в большей степени нацелены на полноту охвата лексического состава языка. В количественном расширении синонимических рядов словаря нашло отражение активное использование в современной русской устной и письменной речи разнотилевого лексики; процессы, связанные с возрождением старых, забытых реалий и их номинаций, а также появление новых слов, связанных с отражением новых реалий, с потоком лексических заимствований, прежде всего англицизмов. Кроме того, в словарную зону синонимического ряда в данном словаре вошли также фонетические и словообразовательные варианты, однокоренные синонимы, относящиеся к разным частям речи. Таким образом, современные словари синонимов стремятся показать все богатство и особенности синонимической системы русского языка. Это сближает их со словарями синонимов, опубликованными в России в начале XX века.

Однако примечательно то, что составители синонимических словарей разных эпох встретились с однотипными трудностями и проблемами. Эти трудности были обусловлены семантической сложностью некоторых синонимических рядов, пересекаемостью идеографических классов слов, имеющей разные причины. Во-первых, это связано с многозначностью слова; во-вторых, пересекаемость групп обусловлена сложностью отдельных лексических значений, допускающих их включение в различные семантические группы. «Слова, отличающиеся подобной семантикой, отображают взаимодействие, совмещение, склеивание ментальных пространств, что может быть обусловлено разными причинами» [13]. Например, это может быть обусловлено реальной взаимосвязью, соотношенностью фактов и явлений действительности. В подобных случаях синонимические ряды, состоящие из слов со сложной композиционной семантикой, передают в совмещенном виде семантические идеи разных лексико-семантических множеств. Кроме того, часть русских синонимов наряду с основной функцией номинации объектов реального мира выполняют оценочную, интерпретационную функцию, вследствие этого обнаруживается совмещение естественной категоризации мира с оценочной категоризацией, что также создает трудности семантического описания синонимов. В естественной категоризации первичны сами объекты мира действительности, среди которых выделяются типичные образцы; в оценочной категоризации основную роль играет человеческий фактор в языке. Значимость интерпретационной, в том числе оценочной, функции синонимов антропологически обусловлена, что также приводит к трудностям однозначной классификации подобных слов.

Перечисленные моменты обусловлены, на наш взгляд, как онтологической сложностью самого объекта (его полевой организацией), так и проблемами

гносеологического порядка (трудностями создания методики для адекватного описания такого рода структур). В самом общем виде их можно сформулировать следующим образом. Поскольку в основе синонимии лежит прежде всего денотативно-сигнификативная и сочетаемостная общность лексических единиц, синонимический ряд относится, очевидно, к таким группировкам лексики, для которых характерно изоморфное или близкое к таковому по своей структуре соотношение внеязыковых и внутриязыковых связей между лексемами. Иными словами, синонимические группировки ориентированы одновременно на языковые и внеязыковые связи элементов данной микросистемы и представляют собой нелинейные полевые структуры, включающие значительное количество языковых элементов.

Из известных нам методик описания полевой организации лексических синонимических группировок наиболее адекватной, на наш взгляд, является методика денотативно-фреймового анализа семантики слов-синонимов, предложенная А. И. Акимовой [2]. Описанное ею семантическое поле глагольных синонимов представляет собой нелинейную многомерную структуру с разноплановыми внутренними связями. Значительный интерес представляет собой вопрос о том, как образуется такая многомерность и нелинейность семантического поля синонимов. Приведем фрагмент конкретного анализа слов *мошенничать*, *грабить*, *заискивать*, *кривляться*, *доносить* и др. из диссертации А. И. Акимовой:

1. Каждый вычленяемый фрагмент действительности структурно устроен по принципу микрополя, входящего в качестве составляющего элемента в общее макрополе суффиксальных дериватов.

2. При всем многообразии выявленных фреймов можно вычленить некий *инвариант*, интегральный компонент [ИК], в качестве которого выступает сема «извлечение выгоды, преследуемой Субъектом-1, и, как следствие, нанесение ущерба, вреда Субъекту-2», т. е. интенции С-1 предопределяют тип ситуации взаимодействия с Субъектом-2. Данная сема может варьироваться в ту или иную сторону, т. е. нанесенный ущерб, как и извлеченная (предполагаемая) выгода могут иметь различную степень градации. Варьирование, в свою очередь, предопределяет появление дифференциальных компонентов [ДК].

3. Дифференциальные компоненты детерминируют появление семантических различий в дериватах, отражающих некий фрагмент действительности: предполагаемая выгода может быть ожидаема в различных формах: материальной, моральной; ущерб, нанесенный Субъекту-2, может быть физическим, материальным, психоэмоциональным, а также различной степени тяжести; наряду с общим ИК, направленным на извлечение выгоды Субъектом-1, существуют различные способы достижения цели, выступающие в роли ДК: а) насильственное физическое воздействие (*разбойничать*); б) нанесение материального ущерба (*воровать*); в) психологическое воздействие на эмоциональное состояние (*притворствоваться*); г) психологическое воздействие на сознание человека (*обманывать*); д) привлечение на свою сторону закона (*сутяжничать*).

Каждый из способов, исходя из намерений Субъекта-1, может использоваться как самостоятельный или в совокупности с другими, что и происходит чаще всего (ср.: *мошенничать* – психологическое воздействие плюс нанесение материального ущерба). В качестве ДК можно рассматривать и *направленность действий* Субъекта-1: они могут быть направлены по отношению к одному субъекту или на группу субъектов (*подхалимничать, разбойничать*); на большую группу субъектов (*пиратствовать*) [2, с. 46 – 47].

Семантическое варьирование системообразующего компонента и приращение дифференциальных компонентов на определенном этапе приводит к разрыву синонимических отношений между глаголами внутри одного фрейма и возникновению отношений нового типа – антонимических: *барствовать – нищенствовать; нахальничать – скромничать* [2, с. 51].

К аналогичным выводам приходит и А. А. Шумилова, выполнившая исследования на материале синонимических рядов, произвольно выбранных из словарей синонимов русского языка: «самостоятельные ряды синонимов сливаются между собой, образуя вместо ряда сеть ... данная сеть распахнута в систему всего языка по принципу постепенного добавления новых сем, при подключении новых ценностей, связанных с рассмотренными; данная сеть может бесконечно расширяться до объемов лексикона языка» [15, с. 80 – 81].

В своем исследовании при описании синонимических отношений в лексической системе мы также пользуемся термином «синонимическая сеть», вкладывая в него следующее содержание: это совокупность синонимов, образующая различные группы, организованные по полемому принципу. Синонимическая сеть характеризуется семантической нечеткостью, диффузностью границ, способностью пересекаться в различных компонентах лексического значения. Объединение слов в синонимические группы происходит по их лексическим значениям и называется лексической категоризацией. В основе лексической категоризации лежит тематический принцип группировки лексикона в синонимические ряды. Поскольку лексические значения отражают наши знания о свойствах предметов и явлениях окружающего мира, то и лексическая категоризация отражает принципы объединения этих предметов и явлений в естественные категории, то есть категории естественных объектов. Соответственно синонимические лексические группы собственно языковыми категориями не являются. Они передают не столько наши знания о законах функционирования языка, сколько принципы формирования естественных категорий в нашем сознании. В то же время

именно за счет лексической категоризации язык выполняет одну из своих важнейших функций – функцию отражения и хранения знаний. Иначе говоря, в основе формирования лексических синонимических групп лежат те или иные структуры знания о мире.

Рассмотрим особенности полевой организации слов-синонимов, основанной на естественной категоризации свойств, предметов, явлений мира, отраженных в сознании человека и языке, на конкретном примере синонимической сети «откровенность – чистосердечность – искренность». В самом общем виде методика описания языкового материала включает в себя следующие этапы. На первом этапе происходит отбор лексем, образующих синонимическую сеть, из различных толковых и синонимических словарей. На втором этапе формируются микрополя, каждое из которых, с учетом входящих в синонимическую сеть лексем, получает свое обозначение и включает лексемы с семантически сходными в сравнении с данным микрополем компонентами. На следующем этапе происходит выделение интегральных и дифференциальных семантических признаков каждой лексемы, входящей в синонимическую сеть. Заключительный этап включает представление их толкования. Делаются выводы.

Методом сплошной выборки из словарей синонимов под редакцией А. П. Евгеньевой [12], З. Е. Александровой [3], Н. Абрамова [1], электронных словарей были отобраны синонимы, образовавшие синонимическую сеть «откровенность – чистосердечность – искренность». Результаты этого этапа анализа представлены в схеме № 1 в виде СП трех лексем. Подчеркнутые горизонтальной линией слова взяты из толковых словарей. Курсивом выделены лексемы, пересекающиеся в рамках различных микрополей СП синонимической сети «откровенность – чистосердечность – искренность».

На данной схеме четко видно, что синонимическая сеть представляет собой СП, имеющее общую нетривиальную часть «качества человека», которая включает такие характерные для человека черты, как *правдивость, прямодушие, прямолинейность, прямота, честность* и *чистосердечие*. По данным вышеназванных словарей синонимов, а также толковых словарей В. И. Даля, Д. Н. Ушакова, С. И. Ожегова свойство «бесхитростности», «открытости», «нелицемерности» семантически сближает между собой лексемы «откровенность» и «искренность». Свойство «простосердечие» делает более сближенными лексемы «чистосердечность» и «искренность». Это общие свойства трех лексем.

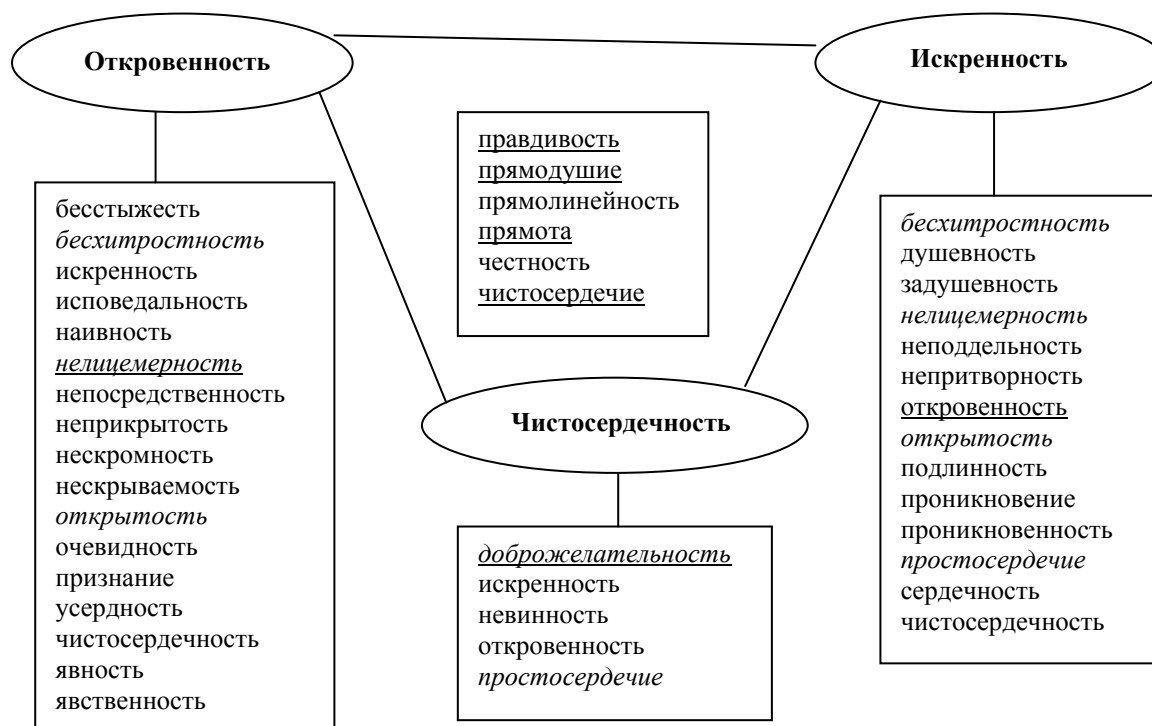

Схема 1. Семантические поля слов-синонимов
«откровенность», «чистосердечность», «искренность»

Вокруг СП «ОТКРОВЕННОСТЬ» образуются следующие семантические микрополя:

- 1) «бесстыжность»;
- 2) «исповедальность», «признание»;
- 3) «бесхитрость», «наивность», «непосредственность»;
- 4) «неприкрытость», «нескромность», «нескрываемость», «открытость», «очевидность», «явность», «явственность»;
- 5) «нелицемерность».

Разнообразие условно выделенных семантических микрополей лексемы «откровенность» подчеркивает многозначную структуру лексического значения данного слова. Соответственно, вокруг СП «ЧИСТОСЕРДЕЧНОСТЬ» образуются семантические микрополя:

- 1) «доброжелательность»;
- 2) «невинность»;
- 3) «простосердечие».

СП «ИСКРЕННОСТЬ» включает семантические микрополя:

- 1) «бесхитрость», «чистосердечность»;
- 2) «задушевность», «проникновение», «проникновенность»;
- 3) «душевность», «сердечность»;
- 4) «нелицемерность», «неподдельность», «непритворность», «подлинность», «откровенность», «открытость»;
- 5) «простосердечие», «простосердечность».

Анализ данных толковых словарей, а также словарей синонимов русского языка позволил выйти на уровень исследования интегральных и дифференциальных семантических признаков, образующих синонимическую сеть лексем. Под интегральным семантическим признаком в настоящем исследовании

понимается минимальный компонент значения, имеющийся в значении каждого члена поля и выражаемый лексикой с наиболее общим значением. По отношению к смежным полям данный признак выступает как дифференциальный.

Интегральные семантические признаки лексемы «откровенность»:

- 1) наглость, без стыда, противоречие установленным нормам и правилам;
- 2) намеренное сообщение о своих действиях, поступках, которые могут быть порой глубоко личными;
- 3) простодушность с оттенком доброты, неприужденность, неопытность;
- 4) лишенный стыдливости, нескрываемый;
- 5) добродетельность, непритворность, добрые намерения.

Интегральные семантические признаки лексемы «чистосердечность»:

- 1) готовность содействовать благополучию других;
- 2) простота, неопытность;
- 3) с доброй душой.

Интегральные семантические признаки лексемы «искренность»:

- 1) простота, добродушность, нецеремонность;
- 2) глубокая искренность, проникнутость внутренним убеждением;
- 3) дружелюбие, доброта;
- 4) естественность, лишенность притворства, самый настоящий;
- 5) с доброй душой.

В рамках обозначенных интегральных семантических признаков отчетливо наблюдается сближение лексем «чистосердечность – искренность» по признакам «простота», «с доброй душой». Для СП указанных

лексем они выступают как интегральные семантические признаки. Соответственно для СП других лексем они оказываются дифференциальными.

В итоге синонимическая сеть «откровенность – чистосердечность – искренность» обозначает целый круг свойств, состояний, чувств. Это и сообщение правды, и признание в чем-либо. «Искренность» есть отсутствие противоречий между реальными чувствами и намерениями говорящего и слушающего и тем, как эти чувства и намерения преподносятся ему на словах. «Искренний» – такой, в котором нет фальши, притворства. «Откровенность» в положительном смысле этого слова – сообщение об интимных, обычно скрываемых аспектах своей жизни. «Откровенность», значит, «непритворность», «непринужденность», это признак чести, доверия, связанный с добрыми намерениями. «Чистосердечность» – простодушность, простота, неопытность, готовность содействовать благополучию других. Свойство «чистосердечности» близко человеку с доброй душой.

Исследование семантических отношений между элементами синонимической сети позволило прийти к выводу о том, что синонимическая сеть представляет собой многомерную полевую структуру, состоящую из нескольких микрополей. В состав синонимической сети могут входить когипонимы, гиперонимы, гипонимы и другие семантические разряды. Все слова взаимосвязаны между собой, что дает дополнительные возможности для описания их семантики с опорой на интегральные и дифференциальные признаки. При этом слова с денотативным и сигнификативным типом семантики опираются на различные процедурные методики описания их семантического состава.

Каждая из лексем, входящая в синонимическую сеть, обозначает сходные предметы и явления окружающего мира. Поэтому они имеют общую часть в толковании, которая на одном из уровней синонимической сети представлена наиболее ярко, а на другом выражена менее ярко. Как отдельные лексемы, так и микрополя всех слов, входящих в состав синонимической группировки, обладают свойством пересечения, что позволяет элементам синонимической сети непрерывно взаимодействовать друг с другом, расширяя и усложняя в целом полевою структуру. Актуализация каких-либо семантических компонентов у лексем приводит к появлению новых микрополей и синонимических сетей. Поскольку каждое слово десятками или даже сотнями «нитей» связано со значением многих других слов, синонимическая сеть способна расширяться до утраты семантической связи между сходными лексемами.

Литература

1. Абрамов, Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений [Текст] / Н. Абрамов. – 6-е изд., стереотип. – М.: Русские словари, 1996. – 502 с.

2. Акимов, А. И. Лексическая и словообразовательная синонимия (на материале суффиксальных отсубстантивных глаголов) [Текст] / А. И. Акимов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Бийск, 2002.

3. Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка [Текст] / З. Е. Александрова; под ред. Л. А. Чешко. – 4-е изд., репродуцированное. – М.: Русский язык, 1975. – 600 с.

4. Апресян, Ю. Д. Предисловие [Текст] / Ю. Д. Апресян // Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. – 6 изд., стереотип. – М.: Русские словари, 1996. – 502 с.

5. Бондарко, А. В. Полевые структуры в системе функциональной грамматики [Текст] / А. В. Бондарко // Проблемы функциональной грамматики (полевые структуры). – Санкт-Петербург: Наука, 2005.

6. Гольдберг, В. Б. Типы связей в лексических полевых структурах [Текст] / В. Г. Гольдберг, Н. А. Шехтман // Полевые структуры в системе языка: коллективная монография / науч. ред. З. Д. Попова. – Воронеж: ВГУ, 1989. – 200 с.

7. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика: учебник для вузов / И. М. Кобозева. – 3-е изд. – М.: КомКнига, 2007. – 352 с.

8. Кронгауз, М. А. Семантика: учеб. для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений [Текст] / М. А. Кронгауз. – М.: Академия, 2005. – 352 с.

10. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка [Текст]. – Первый выпуск, 2-е изд., испр. / Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина, Е. В. Урысон, М. Я. Гловинская, Т. В. Крылова; под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. – М.: Языки русской культуры, 1997.

11. Полевые структуры в системе языка [Текст]: коллективная монография / науч. ред. З. Д. Попова. – Воронеж: ВГУ, 1989. – 200 с.

12. Словарь синонимов русского языка [Текст] / ИЛИ РАН; под ред. А. П. Евгеньевой – М.: Астрель: АСТ, 2001. – 648 с.

13. Словарь 2007 – Словарь-тезаурус синонимов русской речи [Текст] / под общ. ред проф. Л. Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007.

14. Солодуб, Ю. П. Современный русский язык. Лексика и фразеология (сопоставительный аспект): учеб. для студ. филол. фак. и фак. ин. яз. / Ю. П. Солодуб, Ф. Б. Альбрехт. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 264 с.

15. Шумилова, А. А. Синонимия как ментально-языковая категория (на примере лексической и словообразовательной синонимии русского языка) [Текст] / А. А. Шумилова: дис... канд. филол. наук: 10.02.01. – Кемерово, 2009.

16. Щур, Г. С. Теории поля в лингвистике [Текст] / Г. С. Щур: монография. – М., 1974.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 29(470+571)

ФОРМИРОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ЛАНДШАФТА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМА ДЕФИНИЦИЙ

Е. О. Гаврилов

FORMATION OF THE RELIGIOUS LANDSCAPE OF MODERN RUSSIA: THE PROBLEM OF DEFINITIONS

E. O. Gavrilov

В статье исследуются проблемы использования религиоведческих понятий в условиях религиозного плюрализма современной России. Определяются границы практического применения этих языковых единиц в целях научного познания, а также в рамках повседневной вербальной практики.

Ключевые слова: религиозный плюрализм, нетрадиционная религия, секта, культ, проблема дефиниций.

In article problems of using concepts of religious studies in the conditions of religious pluralism of modern Russia are investigated. Borders of practical application of these language units with a view of scientific knowledge, and also within the limits of daily verbal practice are defined.

Keywords: religious pluralism, nonconventional religion, sect, cult, problem of definitions.

Процессы секуляризации, «обмирщения» общества, в той или иной степени, затронули большинство стран современной цивилизации. Сегодня люди в своей массе уже не являются активными субъектами религиозной жизни. Религиозность в обществе часто принимает латентные формы, перетекая в область интимно-личностных переживаний. Их открытая демонстрация нередко воспринимается как признак нарушения норм этикета. Однако во всем мире и в России, в частности, постоянно происходят события, в своей драматической обостренности говорящие, что религия, как и раньше, остается важнейшим компонентом социальной динамики. А как это показывает жизнь, пренебрежение знанием о происходящем в области религиозных отношений чревато значительными проблемами.

Сегодня поле субъектов религиозного творчества своей пестротой напоминает мозаику. В ней можно разглядеть крупные, веками существующие общности: монотеистические или политеистические, радикально активные или умиротворенные. Перечень можно продолжать. На их фоне все более заметно проявляют себя многочисленные, по историческим меркам недавно появившиеся религиозные образования. Их отношение к сложившейся социокультурной традиции неоднозначно, а роль в социальных процессах остается предметом горячих дискуссий.

Одним из важных аспектов спора о характере и перспективах генезиса института религии является проблема определения тех организационных форм, которыми представлена в настоящее время сфера религиозных отношений. Она особенно актуальна для тех государств, история которых содержит периоды насильственного ограничения религиозных проявлений, открытого давления на все стороны религиозной жизни граждан. Россия относится именно к таким странам. Еще недавно содержание общественного

сознания в ней определялось господствовавшей коммунистической идеологией. Религия воспринималась в лучшем случае как рудимент прошлого, в худшем – как вредное для общества явление. В 90-е ситуация кардинально изменилась. Одним из результатов демократических реформ явилось законодательное закрепление права на свободу совести и вероисповедания, идеологическое разнообразие, равноправие субъектов религиозных отношений. К 2010 году количество зарегистрированных религиозных объединений перевалило за отметку 23 тыс.и [1]. Страна, в которой длительное время насаждался атеизм, и религиозность в которой была нормой, вдруг столкнулась с обилием весьма экзотических религиозных образований. Конечно, этот факт не уникален, но только страны, где религия не испытывала прежде жестких административных ограничений, столкнулись с интенсивным религиозным взрывом гораздо раньше.

В настоящее время мы видим, что выработанная религиоведами терминология подвергается испытанию, она требует взвешенной оценки и определения границ применения. В России решение этих задач осложняется тем, что ситуация религиозного плюрализма породила ожесточенную борьбу между религиозными объединениями, вызвала конкуренцию за умы россиян, лишенных прежнего идеологического основания. Определение и самоопределение религиозных объединений стали фактором активизации информационной борьбы между ними, утверждения своего социального статуса. Можно сказать, что проблема дефиниций приобрела не только теоретический, но и практический, жизненно значимый характер. Налицо определенный методологический кризис, порожденный новыми социальными тенденциями. Следствием этого кризиса становится формирование различных конкурирующих друг с другом методологических

подходов к проблеме дефиниций и типологизации современных религиозных объединений.

Наибольшую трудность представляет собой выбор адекватного обозначения прежде всего для новых субъектов религиозных отношений, поскольку их появление существенно меняет сложившуюся систему религиозных отношений, свидетельствует о масштабных социальных преобразованиях, требующих взвешенного анализа. В связи с этим основная задача исследования видится в том, чтобы осуществить фило-софско-лингвистическую экспертизу глоссария, используемого в обозначении организационных форм субъектов религиозных отношений, с тем, чтобы определить те языковые единицы, которые в наибольшей степени соответствуют социальной практике и интересам научного познания.

Прежде всего обратимся к тем дефинициям, которые призваны зафиксировать новые формы религиозных образований. В настоящее время они номинируются в понятиях секты, тоталитарной секты, культа, странного культа, деструктивного культа, нетрадиционного культа, альтернативного культа, ереси, неорелигии, новой религии, нового религиозного движения, жестко организованного нетрадиционного религиозного движения, нетрадиционной религии, возникающей религии, внеконфессионального или неканонического верования, нью-эйдж и др.

Можно возразить, что многочисленность религиозных объединений не создает оснований для пересмотра имеющегося у религиоведов арсенала дефиниций, и уж тем более, не является причиной для создания новых. Как известно, религиозная жизнь всегда отличалась своей пестротой и полиморфизмом. Достаточно вспомнить, что общее количество ересей, существовавших в первые века христианства, церковный историк конца IV в. Филастрий определяет цифрой 156 [2, с. 142 – 143]. На наш взгляд, сегодня ситуация, сложившаяся в сфере религиозных отношений, носит принципиально иной характер. Если раньше религиозное творчество проявляло себя в основном в границах сакральных знаков единой идейной матрицы, то сейчас его результаты выплескиваются далеко за рамки догматического и культового фундамента современной религиозной культуры. Этот процесс обусловлен новыми социальными факторами. Так, фактор глобализации сделал возможным взаимопроникновение культур и привел к размыванию границ идентичности. Другой важный фактор – светское общество, узаконившее равенство религий и свободу вероисповедания. Это привело к формированию своего рода «рынка религий» [3, с. 47], где возможности религиозного творчества реализуются в соответствии с социальным заказом «потребителей» духовных благ, не скованных рамками религиозной традиции.

В приведенном перечне обозначений религиозных новообразований обращает на себя внимание использование таких терминов, которые уже давно вошли в языковую практику, а также и тех, которые еще не приобрели характер вербальной повседневности. Это терминологическое разнообразие, на наш взгляд, далеко не всегда обусловлено доктринальной и организационной спецификой религиозных субъектов. В большей степени оно отражает процесс поиска такого

названия, которое было бы адекватно потребностям пользователей приведенных языковых инструментов.

Начнем с наиболее часто употребляемого понятия – «секта». Его значения подчас расходятся уже на уровне этимологии. С латинского языка секта переводится – «следую», «отрезанная», «отделенная», «отколовшаяся», «школа», «учение», «направление» [4]. Семантическая нечеткость связана с возможностью прочтения исходного слова как «sectare», что означает отсекасть, разделять, либо от «sequi», имеющего значение следовать за кем-либо, повиноваться, быть в услужении. Каждый из этих переводов несет специфическую смысловую нагрузку. Этим обусловлены основные подходы к его применению. Так, на уровне богословских споров, преимущественно в границах христианской традиции, понятие «секта» зачастую отождествляется с ересью или попросту с иноверием, чье учение отличается от принятого церковью [5, с. 2032]. В России в прошлом это позволяло отнести к сектантской любую не православную конфессию: католицизм, протестантизм, старообрядцев. В рамках же научного понимания, заложенного М. Вебером и Э. Трёльчем, оно используется для обозначения идеального типа всех сравнительно небольших религиозных объединений, которые формируются вокруг одного или нескольких лидеров. Одной из характерных черт этих общностей является приоритет внутригрупповых связей и ценностей перед общественными, что проявляется в более или менее враждебном отношении к церкви, государству и окружающей социальной действительности [6, 7]. В переносном, нерелигиозном смысле, понятие «секта» интерпретируется как группа лиц, замкнувшихся в своих узких интересах. Как видно, содержание этой дефиниции лишено смысловой однозначности.

Феномен секты в определенной степени раскрывается через противопоставление церкви, так как понятия «церковь» и «секта» по своему содержанию могут рассматриваться как противоположные. Однако результаты сравнения часто подвергаются искажению уже тем, что осуществлению этой познавательной процедуры предшествует оценочная заданность: социальный статус секты не только в рамках «общественного мнения», но и в определениях некоторых специалистов относительно низок. По мнению И. Я. Канterова слово «секта» включает в себе исторически обусловленный подтекст и в русском языке часто носит уничижительный оттенок. Производные от этого термина слова «сектант», «сектантство» и «сектантский» вызывают негативные ассоциации и обычно используется полемически или уничижительно [8]. Такая отрицательная коннотация секты характерна в кругах конфессионально ориентированных авторов.

Однако использование дихотомии «церковь – секта» в сугубо научных целях также встречает некоторые препятствия. Дело в том, что, используя в теории понятия «церковь» и «секта» в качестве идеальных типов, на практике мы сталкиваемся с тем, что в некоторых случаях провести корректное разделение между ними не представляется возможным. Напомним, что в христианской культуре секта рассматривается в качестве некой группировки, которая «откололась» от основного религиозного направления и

подвергает ревизии его догматические положения. Этот критерий деления будет вполне оправданным, если речь идет о крупных централизованных организациях вроде Русской православной церкви или Католической церкви и об «отколовшихся» от них мелких разрозненных религиозных объединениях. Однако при таком подходе трудно однозначно определить место протестантских организаций, подчас не имеющих единого центра. Так, в России протестанты представлены общинами лютеран, баптистов, пятидесятников, адвентистов, пресвитериан, меннонитов, реформаторов, методистов и рядом других менее крупных объединений. И в некоторых случаях все эти течения именуются именно как секты, в то время как многие из них по характеру своей деятельности и многочисленности сторонников уже не вписываются в классический образец секты (напомним основные черты: враждебное отношение к обществу, фиксированное членство, отсутствие института священства. К ним добавляют и другие признаки: закрытость, малочисленность, приверженность идеям избранничества и духовного преображения. Количество приписываемых черт неуклонно растет, подчиняясь потребности четче определить изучаемый феномен, а также, в полемических целях например, создать целостный образ «врага», которого нужно суметь распознать и изобличить).

Что касается ислама, то одной из его существенных организационных характеристик исследователи считают отсутствие Церкви. По словам А. А. Гусейнова, «принадлежность к организационно и культово оформленной общине не является условием спасения для мусульманина» [9, с. 209 – 210]. Исходя из этого, автор говорит об отсутствии посредника между человеком и Богом в исламе, где, по его мнению, духовенство не наделяется особой благодатью. На этих же основаниях можно говорить и об отсутствии церкви в иудаизме, где нет института рукоположенного духовенства, нет жестких иерархических институтов.

Смысл понятия «секта» существенно отличается в сочинениях по буддизму, где оно является лишь маркером самостоятельных течений, аналогом термина «школа» и соответственно обычно оказывается лишним негативного оттенка. Любая школа, несмотря на специфичность идейного и обрядового содержания, признается полностью буддийской, если только она принимает истинность основной доктрины Четырех благородных истин. Поэтому деление на церковь и секту в буддизме оказывается затруднительным. Интеллектуальная свобода, присущая буддизму, позволяет трактовать религиозную доктрину и йогический опыт в очень широких рамках. А те течения, которые не разделяют Четыре благородные истины, буддийскими и не считаются [10, с. 48 – 52].

Заметно, что смысловая пара церковь – секта аутична, прежде всего, христианству. Однако в ходе исторического развития многие оппозиционные христианские объединения стали массовыми и уважаемыми, утратив тем самым черты секты. Что же касается нехристианских религий, имеющих самобытную организацию и вероучение, то их невозможно отождествить ни с церковью ни с сектой. Для обозначения такого рода религиозных образований было предложено понятие «деноминация», под которой по-

нималась как умиротворенная секта, так и деградировавшая церковь (Р. Нибур) [11, с. 10], либо самостоятельный организационный тип, присущий некоторым религиям изначально (Д. Мартин) [12]. В конечном счете деноминация превратилась в промежуточное звено между сектой и церковью. Занимаемая ниша характеризует деноминацию как нечто производное, вторичное. Если для прежних христианских сект такое наименование есть признание повышения их социального статуса, то для нехристианских религий это знак их второстепенности, неявный намек на то, что в своем развитии они до церкви так и «не доросли». Можно констатировать, что деноминация органична христианству, но распространение этой дефиниции на иные религии «приводит к игнорированию их важных генетических, структурных и организационных различий» [11, с. 25].

Напрашивается вывод, что понятие «секта» в качестве инвариантного познавательного средства и универсального оператора практической активности не может быть принято. Негативный оттенок, закрепившийся за этим понятием в России, дополняется определенной смысловой нечеткостью. А это открывает перспективы произвольного его применения к любому децентрализованному объединению. В качестве полемического орудия оно используется, пожалуй, так же часто, как и в целях научного познания. Сугубо научное понимание дефиниции раскрывает свой эвристический потенциал только в рамках оппозиции с церковью, что не всегда оказывается продуктивным при исследовании религиозных новообразований.

Данное заключение еще в большей степени касается дефиниции «тоталитарная секта». Оно было предложено А. Л. Дворкиным и по сей день не имеет статуса научного, то есть теоретически и эмпирически обоснованного определения, что не мешает при этом его активному тиражированию и произвольному использованию. Сам автор раскрывает его так: «Тоталитарная секта – это авторитарная организация, лидеры которой, стремясь к власти над своими последователями и их дальнейшей эксплуатации, скрывают свои намерения под разными прикрытиями – религиозными, политико-религиозными, образовательными, оздоровительными, экологическими» [13, с. 34]. Критика подхода А. Л. Дворкина включает в себя два аспекта.

Во-первых, отметим, что терминологическое наполнение предлагаемого понятия позаимствовано из словаря тех наук, предметом которых выступают формы и закономерности функционирования государства. Видимо, автор рассуждал по аналогии: если тоталитарный политический режим обладает рядом признаков [14, с. 230 – 231] (известный исследователь политических режимов французский социолог и политолог Р. Арон выделяет пять основных признаков тоталитаризма: монополизм в деятельности определенной группы; претензия на обладание абсолютной истиной; исключительное право на распространение информации; контроль над всеми видами активности подчиненных; идеологизация всех возможных прегрешений отдельного человека и, как заключительный аккорд, террор [14, с. 230 – 231]), которые наблюдаются и у некоторых негосударственных обра-

зований, в данном случае религиозных, то почему последние также нельзя называть тоталитарными?

Формулируя свое определение, автор отождествляет тоталитарное с авторитарным. Можно согласиться с тем, что определение тоталитарности через признак авторитарности с некоторыми оговорками допустимо. При таком подходе тоталитаризм — крайняя форма авторитаризма. Однако не следует забывать, что это — две самостоятельные разновидности недемократического государственно-правового режима. То есть, эвристический потенциал данных понятий раскрывается не только в оппозиции с понятием демократии, но при сопоставлении их друг с другом как не совпадающих государственно-правовых форм. В связи с этим такой способ определения понятия нельзя признать достаточно корректным. Тем более, что автор в дальнейшем игнорирует смысловые оттенки данных понятий.

Следует добавить, что, если наличие такого рода терминологии в арсенале политологического дискурса или идеологической борьбы оказывается вполне уместным, то для решения задач, стоящих перед учеными-религиоведами, является неприемлемым. Если подойти беспристрастно, то под определение тоталитарной секты вполне обоснованно подпадают не только маргинальные сообщества, но и вполне уважаемые конфессии. Ведь признаки тоталитарности, в том числе — соблюдение строгой дисциплины, особые диеты, конспиративность, жесткая регламентация всей жизни верующего, строжайшая субординация присущи практически всем религиозным институтам [15, с. 97]. Да и не только религиозным.

Во-вторых, под определение А. Л. Дворкина, постулирующего наличие у лидеров «тоталитарных сект» таких намерений, которые оказываются далеко не всегда связанными с религиозными интересами, подпадает очень широкий спектр организаций самой различной направленности. Признаки, названные А. Л. Дворкиным, позволяют относить к тоталитарным сектам даже некоторые коммерческие организации («Гербалайф») или психологические центры (тренинг-центр «Синтон»), а также политические радикальные группы («Красные бригады») [13, с. 64]. Несоразмерное, слишком широкое определение тоталитарной секты может переместить предмет исследования из сферы религии в сферу экономики, образования, досуга и пр. В результате подобной расширительной трактовки религиозному объединению приписываются черты коммерческой, политической или иной организации, а названным организациям — черты религиозного объединения. Кажется, что автор ставит перед собой задачу изобличения тоталитаризма как такового, в любых его формах и тем самым выходит за рамки религиоведческого анализа. Можно констатировать некоторую подмену понятий, где религиозное понятие «секта» раскрывается как аналогия политического тоталитарного режима и как псевдо-религия. Таким образом, использование понятия «тоталитарная секта» в исследовании феноменов религиозной жизни является некорректным.

Обращает на себя внимание и понятие «религиозный культ», также включенное в вербальную практику субъектов коммуникации. Понятие «культ» происходит от латинского слова *cultus*, производного от

глагола *colere* — «поклоняться или воздавать почести божеству». Как видно, при использовании исходного смысла термина под него подпадает любая религиозная группа людей, любое религиозное учение. Именно такой широкий смысл вкладывается в понятие «служитель культа», «предмет культа», «культ предков» и т. п. Поэтому для исследовательских задач названный термин не всегда подходит. Его значение слишком широко, оно порождает множество различных толкований. Это заметно, в частности, в сравнении социологического, психологического и богословского подходов.

Основу для определения культа в рамках социологического подхода составляет образ жизни, методы привлечения новых членов, стиль руководства. На второй план отходят особенности вероучения или какие-либо критерии ортодоксии [15, с. 16 — 17]. Это направление исследований берет начало в работах М. Вебера и приобретает законченный вид в трудах Э. Трельча, который и ввел в употребление это понятие. Его типология включает в себя три элемента: церковь, секта и мистицизм. Последнее он описывал как проявление антиобщественного индивидуализма, который не приводит к возникновению религиозных организаций в их обычном понимании, но может стать почвой для возникновения мелких, неформальных и недолговечных групп. Эта идея была подхвачена и развита Г. П. Беккером, который для обозначения подобного рода объединений активно использует понятие «культ» [16, с. 222 — 223]. Культ — это не секта, хотя по некоторым характеристикам очень напоминает ее (например, отсутствие полного соответствия доминирующим в обществе культурным ценностям), это — особый, аморфный или слабоконсолидированный тип религиозных объединений, самостоятельная организационная форма мистицизма.

Еще одно существенное отличие культа от секты состоит в том, что он может и не иметь исторических связей с какими-либо из ранее существовавших в данном обществе церквями. Э. Трельча, разрабатывая понятие «мистицизм», признавал возможность его существования в качестве независимого религиозного феномена, который порывает с религиозной традицией. В исследованиях Г. П. Беккера культ рассматривается как религиозное нововведение, либо импортированное из какой-то другой культуры, либо самостоятельно развившееся внутри данной культуры. Образование культов, появление живых, энергичных сект изнутри устаревших традиционных церквей и последующее превращение сект в церкви на протяжении нескольких поколений верующих — это, с точки зрения представителей социологического подхода, нормальный процесс общественно-религиозной жизни. Как видно, одно из основных приложений понятия культа в рамках социологического подхода состоит в указании на момент становления, на одну из стадий роста определенных религиозных институтов.

Однако модальность данного понятия существенно меняется, когда оно становится элементом информационного взаимодействия представителей психологического подхода. Здесь ему часто придают уничижительную, дискриминирующую окраску. Так, М. Т. Сингер, трактуя специфику религиозного культа через определение характера культовых взаимоотно-

шений, отмечает: «Культовые взаимоотношения — это взаимоотношения, в процессе которых один человек намеренно склоняет других к полной или почти полной зависимости от него в практически всех основных жизненных решениях и порождает в этих людях веру в то, что он обладает каким-то особым талантом, даром или знанием» [17, с. 7].

Легко заметить, что приведенное определение применимо не только к религиозным, но и к политическим, этническим и экономическим тоталитарным сообществам. Следовательно, для многих современных психологов проблема культов является лишь частным случаем более широкой проблемы тоталитаризма. Особенно это заметно в случае использования дефиниции «деструктивный культ», содержащей отчетливо негативную коннотацию. Ее применение ставит акцент на воздействии, которое опасно для человеческой психики и социальных связей, и предполагает убеждение, что культы, как и секты, насильственно изменяют мышление человека, что любой человек, при определенных условиях, может стать жертвой такого влияния.

Эвристическое и практическое значение психологического подхода — несомненно, так как исследования, осуществляемые в его русле, помогают понять внутренний мир представителей религиозных культов и предлагают действенные методики общения с ними. Однако главным недостатком психологического подхода является ненадежность используемых им критериев. В своей оценке деструктивности или тоталитаризма психологи нередко исходят из своих нерелигиозных представлений о норме (показателем в этом отношении опыт депрограммирования членов некоторых религиозных культов в США, инициаторами которого стали Джо Александер и Тед Патрик. Депрограммирование состояло в том, чтобы дать человеку объективную информацию о культе и помочь увидеть, что культ лишил его способности самостоятельно мыслить. Александер утверждает, что в 1970 — 1975 годах он депрограммировал 600 человек. За тот же период Патрик депрограммировал около тыс. человек. С 1972 года эта практика получает общественное признание. Однако депрограммирование членов культов почти всегда совершалось против их воли — человека похищали, насильственно удерживали под замком и психологически обрабатывали до тех пор, пока он не «осознавал», что был вовлечен в культ обманом. По сути, депрограммисты применяли к своим «пациентам» ту же тактику «промывки» мозгов, только с противоположной целью. В результате психика многих людей была искалечена, а некоторые депрограммисты, например Тед Патрик, оказались за решеткой [18]). Отчасти именно поэтому психологический подход открывает возможности и для избличения культа в качестве деструктивного, и для причисления любого религиозного течения к культу, невзирая на численность его приверженцев, организационные формы и отношение к обществу.

Богословский подход к определению культа основан на понятии христианской ортодоксии или исторического христианства. Несмотря на то, что между христианскими конфессиями существуют давние и серьезные разногласия по ряду вероучительных моментов, можно выделить несколько учений, отрица-

ние которых выводит человека за пределы христианской традиции в любом ее толковании. Минимальным воплощением этих учений являются Вселенские символы веры: Апостольский, Никео-Цареградский, Афанасьевский и Халкидонское определение. Соответственно, называя некое религиозное объединение культом, богословский подход подчеркивает его внебиблейский источник авторитета, отрицание оправдания благодатью, принижение роли Иисуса Христа, восприятие группы как единственного канала спасения, представление о центральной роли группы в событиях последних времен [18].

Завершая анализ исследовательской и богословской практики применения понятия «культ», обратим внимание на два момента.

Во-первых, его содержание лишено необходимой степени универсальности, что снижает эффективность использования в сферах познания и вербального общения.

Во-вторых, оно нередко оказывается перенасыщенным отрицательным оценочным смыслом, привнесенным из языка обыденного общения или идеологических дискуссий, что, безусловно, тоже снижает его ценность как познавательного средства и существенно ограничивает диапазон его практического применения.

Заслуживает внимания еще одно обозначение, интересующих нас религиозных феноменов — «новые религиозные движения» или НРД. Этот эмоционально нейтральный, но лишенный единого значения термин, является перифразом New Religious Movement (англ. — новые религиозные движения). Он вошел в научный обиход во второй половине XX в. благодаря трудам английского социолога профессора А. Баркер, и в настоящее время применяется для характеристики религиозных групп, зародившихся сравнительно недавно или ещё не получивших общественного признания в качестве деноминации или церкви [19].

Однако понятие «новые религиозные движения» не охватывает всего разнообразия новых религиозных феноменов и лишено необходимой точности в их обозначении. Строго говоря, понятие «религиозные движения» относится только к неформальным религиозным манифестациям, то есть к группам, еще не имеющим четкой организационной структуры, к еще не сложившимся религиозным институтам. Поэтому его использование при анализе картины современной религиозности исключает из рассмотрения большое количество явлений — культы, секты, ордена, братства, ашрамы, монастыри. В этой связи Е. Г. Балагушкин предлагает, вместо понятия «новые религиозные движения», использовать — «новые религии», которое, с его точки зрения, является более полным и адекватным [20, с. 96 — 97].

Однако можно заметить, что оба этих понятия оказываются лишенными необходимой смысловой четкости, так как темпоральное основание выделения данных феноменов не содержит хронологической однозначности. Пытаясь преодолеть эту трудность, Е. Г. Балагушкин утверждает, что смысловая нагрузка понятия «новые религии» раскрывается только в логической оппозиции к понятию «старые», то есть «традиционные религии» [20, с. 96]. Как можно заметить, при таком понимании «новизны» акцент смеща-

ется не на саму новизну, а на «нетрадиционность» религии. Грань между новыми религиями и нетрадиционными религиями практически стирается. Противостояние новых и старых религий, по сути, оказывается тождественным противостоянию традиционных и нетрадиционных религий. Другими словами, «новизна» понята буквально выражает только хронологическое измерение религии (в качестве синонима словосочетания «новые религии» широко употребляется термин «нью-эйдж» – «религии нового века». Это обозначение объединяет в основном движения, ориентированные на наступающую астрологическую эпоху – «эру Водолея», которая, по мнению их приверженцев, должна ознаменоваться эпохальным скачком в духовном развитии человечества. Данное понятие объединяет множество, порой малосовместимых, учений, практик и концепций в единое целое. Однако идея «нового века» оказывается неподходящей для многих новых религий, не связывающих свою деятельность с наступлением новой эры. Поэтому она не может быть использована в качестве индекса, фиксирующего своеобразие ряда современных религиозных учений). «Нетрадиционность» в этом случае является более емким понятием, поскольку к хронологическому аспекту добавляет признак культурной инаковости, противоположности религиозной традиции.

По сравнению с рассмотренными выше дефинициями секты и культа, а также с их производными, предлагаемые понятия кажутся более нейтральными. Однако придирчивый критик может усмотреть наличие негативного оценочного подтекста даже в самом делении религий на новые и старые, так как при определенном желании временной критерий может быть использован в качестве способа дифференциации всех религий на современные и несовременные. Другими словами, – на отсталые, изжившие себя, и продвинутые – устремленные в будущее. Именно поэтому такое обозначение может явно или скрыто направляться уже против религий «старых», то есть имеющих глубокие культурно-исторические корни.

Сегодня в оценке некоторых явлений современной религиозной ситуации, как было замечено выше, используется еще одна конструкция – «нетрадиционная религия».

Во-первых, ее содержание раскрывается в смысловой оппозиции мистических учений и религиозных сообществ, с одной стороны, возникающих на почве национальной культуры, то есть связанных с традицией, и, с другой стороны, ее лишенных. «Нетрадиционность» религии здесь подразумевает определенную смысловую или культурную чуждость сложившемуся социальному укладу, нормам и традициям, а в некоторых случаях и противопоставление религиозному истеблишменту.

Во-вторых, это понятие является результатом деления, в основе которого лежит временной критерий. В этом аспекте можно говорить о религиях, которые в течение столетий развиваются на территории того или иного государства, оказываются тесно связанными с его историей, и их вклад в достижения материальной и духовной культуры представляется весьма весомым, и тех религиях, которые заявили о себе по историческим меркам сравнительно недавно.

Однако следует помнить, что динамика социальных процессов иногда подчиняется закономерности, в результате действия которой некоторые религиозные верования в разное время, в силу разных обстоятельств угасали, скрывались в глубинах национальной культуры и человеческой психики, а потом вдруг пробуждались, оживали. К примеру, те религиозные конфессии, которые сегодня называются традиционными, в обозримом прошлом на стадии своего становления были по отношению к существующей тогда религиозной традиции оппозиционными образованиями. В этой борьбе они победили. Но от имени побежденных сегодня пытается говорить отнюдь не один человек. Так, известно, что на территории России исходной формой религиозного сознания было язычество. В этом отношении православие, пришедшее на Русь в 988 году, может рассматриваться в качестве нетрадиционной религии и, более того, духовного агрессора. А заявления о себе неоязыческие сообщества, с формальной точки зрения, оказываются преемниками исходной русской традиции – что, собственно, они и декларируют. Безусловно, нынешнее язычество, точнее, неоязычество по своему содержанию зачастую не совпадает с древним язычеством славян. Однако это не мешает его представителям проводить параллели своих учений с верованиями древних.

Таким образом, понятие «нетрадиционная религиозность» также не лишено недостатков. И все-таки при всем при этом, на наш взгляд, именно оно (с небольшими оговорками) может претендовать на роль понятийно-терминологического оператора, охватывающего весь массив разнородного доктринального и организационного множества в сфере религиозных отношений. То есть, оно достаточно универсально. Кроме того, понятие «нетрадиционная религия» в аспекте оценочной насыщенности представляется достаточно нейтральным, что можно рассматривать как необходимое условие исследовательской практики.

В качестве постскрипума всему тому, что было сформулировано выше, скажем несколько слов о соотношении политкорректности и научной корректности. Наверное можно согласиться, что в определенном отношении задачи данного исследования связаны с обеспечением в сфере религии принципов политкорректности, если понимать последнюю как такой стиль общественной коммуникации и государственного устройства, при котором надлежащим образом обеспечиваются права меньшинств на равноправное развитие и участие в жизни общества.

Но мы не столь наивны, чтобы не понимать – всегда были и будут люди, желающие использовать духовный и материальный потенциал верующих в своих корыстных целях под прикрытием разного рода иллюзий. Вряд ли стоит спорить о том, что эксплуатация психических и физических сил приверженцев какой-либо религиозной идеи нередко оборачивается серьезной угрозой их свободе, здоровью и даже жизни. Критика понятий, например тоталитарной секты и деструктивного культа, отнюдь не означает отрицания того факта, что ряд движений религиозного характера действительно имеет разрушительную направленность для личности и для общества в целом. Нельзя спорить и с тем, что религия может использоваться в

качестве ширмы для криминальной, политической или экономической деятельности.

Поэтому для нас приоритетными все-таки оказываются нормы не политической, а научной корректности. Выбор должного понятия и наполнение его адекватным содержанием является неперенным условием аутентичного понимания феномена, предвидения перспектив его динамики, а также деятельности государственных органов, общественных организаций, в сфере религиозных отношений согласующейся с правом. Распространение понятий, не прошедших процедуру научной рефлексии в той степени, в какой это необходимо, на широкий круг организаций как религиозной, так и нерелигиозной направленности, на наш взгляд, является опасным. А введение их в официальный оборот и, тем более, в юридическую практику может иметь такие же последствия, какие в свое время имело использование формулировки «враг народа» карательными органами власти для расправы с политическими оппонентами и инакомыслящими. К сожалению, пока жизнь изобилует фактами, которые демонстрируют, как терминологический произвол в сфере религиозных отношений легко превращается в средство идеологического давления, основание для административных ограничений, ущемления прав и свобод личности.

Литература

1. Число религиозных организаций, зарегистрированных в Российской Федерации, на 1 января 2010 г. // Федеральная служба государственной статистики: Россия в цифрах – 2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/blO_11/Main.htm
2. Кривелев, И. А. История религий. Очерки: в 2 т. – Т. 1. / И. А. Кривелев. – М.: Мысль, 1975.
3. Finke, R. Religious Economies and Sacred Canopies: religious mobilization in American cities [Text] / R. Finke, R. Stark // American Sociological Review. – 1988. – Vol. 53(1).
4. Секта // Большой Энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.slovopedia.com/2/209/260895.html>.
5. Сектанство // Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. – Т. 2. [Текст]. – М.: Возрождение, 1992.
6. Вебер, М. Социология религии / М. Вебер // Избранное. Образ общества. – М.: Юрист, 1994.
7. Трельч, Э. Церковь и секта / Э. Трельч // Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии / сост. В. И. Гараджа, Е. Д. Руткевич. – М.: Аспект-Пресс, 1996.
8. Кантеров, И. Я. Порочная методология и ее плоды / И. Я. Кантеров // Независимый психиатрический журнал. – 2005. – № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.npar.ru/journal/2005/3/methodology.htm>.
9. Гусейнов, А. А. История этических учений: учебник [Текст] / А. А. Гусейнов. – М.: Гардарики, 2003. – 911 с.
10. Ермакова, Т. В. Классический буддизм. Серия: Мир Востока [Текст] / Т. В. Ермакова, Е. П. Островская. – СПб.: Петербургское Востоковедение: Азбука-классика, 2004. – 256 с.
11. Васильева, Е. Н. Типология «церковь-секта» Вебера – Трельча и ее развитие в западном религиозоведении / Е. Н. Васильева: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 09.00.13. [Текст]. – М., 2008. – 32 с.
12. Martin, D. The Denomination [Text] / D. Martin // British Journal of Sociology. – 1962. – V. 13. – № 1.
13. Дворкин, А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования [Текст] / А. Л. Дворкин. – Нижний Новгород: Христианская библиотека, 2002. – 549 с.
14. Арон, Р. Демократия и тоталитаризм [Текст] / Р. Арон. – М.: Текст, 1993. – 303 с.
15. Tucker, R. Another Gospel: Cults, Alternative Religions, and the New Age Movement [Text] / R. Tucker. – Zondervan: Grand Rapids; Michigan: Academic Books, 1989. – 462 p.
16. Гараджа, В. И. Социология религии: учебное пособие для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей [Текст] / В. И. Гараджа. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 348 с.
17. Singer, M. T. Cults in Our Midst [Text] / M. T. Singer, J. Lalich. – San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 1995. – 381 p.
18. Розетт, Д. Определения и признаки культа / Д. Розетт // Центр Апологетических Исследований [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.apologetika.ru/win/index.php3?razd=l&idl=41>.
19. Баркер, А. Новые религиозные движения. [Текст] / А. Баркер. – СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1997. – 650 с.
20. Балагушкин, Е. Г. Новые религии как социокультурный и идеологический феномен [Текст] / Е. Г. Балагушкин // Общественные науки и современность. – 1996. – № 5.

О ФИЛОСОФИИ СВОБОДЫ

В. М. Золотухин, А. А. Овчаров

ON THE PHILOSOPHY OF FREEDOM

V. M. Zolotukhin, A. A. Ovcharov

В статье рассматривается онтология свободы в контексте интуитивистской философии. Социальная онтология понимается как органическое целое, включающее в себя идеальный, реальный и конкретно-идеальный уровни бытия. Социальное бытие есть система взаимодействия субъектов социальной деятельности или субстанциальных деятелей.

Ключевые слова: свобода, социальное бытие, интуитивизм, органическое целое, уровень бытия, субъект социальной деятельности, субстанциальный деятель.

The article deals with the ontology of freedom in the context of intuitivistic philosophy. The social ontology is understood as an organic whole, which includes the ideal, real and concrete-ideal levels of existence. Social being is a system of interaction between the subjects of social activity or substantial figures.

Keywords: freedom, social being, intuitivism, an organic whole, level of being, social actor, substantial figure.

Рассмотрим интуитивистское решение природы социальной деятельности или практики. Общество (социальное бытие) должно быть деятельным, то есть, культивирующим практику, чтобы располагать статусом реальности или конкретности. Иначе in abstracto оно будет только достоянием идеального бытия (как вымышленный, возможный мир, например в сознании мифолога). Следовательно, реализация субъектов в социальном мире есть определенная практика.

Практика, таким образом, является взаимодействием субъектов или социальных субстанций, их гносеологической координацией в форме социальных отношений по процессам становления социальной системы. Практика здесь выступает как условие и способ триединства социального становления – субъективности, интерсубъективности и системы социальной деятельности. Поскольку деятельность определяет существование общества, то необходимо затронуть ее источник. Для интуитивизма или идеального реализма это вопрос о *динамической причинности*.

Для понимания динамической причинности необходимо произвести обзор практики в витках восхождения от конкретного к абстрактному и обратно. Чисто эмпирически деятельность есть воздействие одного факта реального бытия (тела, вещи) на другое. Н. О. Лосский называет подобное воздействие механистическим, подразумевая, что деятельность, обусловленная механистической причинностью складывается из представлений о том, что она есть.

Во-первых, это материальная причинная связь, обусловленная кинетическими обстоятельствами, данными во временном измерении ("толчок, выводящий тело из покоя").

Во-вторых, эта причинность суть само воздействие одного тела, одной вещи на другую вещь.

Наконец, в-третьих, механическое действие стохастично или нецелесообразно. Точнее, механические воздействия сами по себе либо являются производными от человеческого усилия, либо [2, с. 449 – 450] осуществляются гипотетическими субстанциями (в интуитивизме это "субстанциальные деятели". –

А. О.), не относящимися к человеческому роду (так называемое "психоидное бытие" субстанций, образующих человеческие организмы, или синергетическая процессия).

В самом деле, в повседневности легко наблюдать действие как преобразование человеком вещи в производстве, умственное усилие, деятельность артефактов (машинная деятельность). Однако механистичность деятельности далеко не однозначна даже в эмпирическом отношении, действительно, в действии всегда присутствуют такие контрагенты, как действующее начало и объект воздействия. Поэтому отношение их с неизбежностью является прямым или опосредованным отношением субъекта и объекта. Как констатирует К. Х. Момджян, "в каждом социальном действии – независимо от его характера и направленности – могут быть выделены два обязательных структурных компонента, а именно – субъект действия и объект действия, или тот, кто действует, и то, на что направлена его деятельная способность" [4, с. 241].

Практика, таким образом, в структурном смысле выступает субъект-объектным отношением. В связи с этим А. П. Огурцов и Э. Г. Юдин описывают понятие "деятельность" как специфически человеческую форму активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение и преобразование в интересах людей. "Деятельность человека предполагает определенное противопоставление субъекта и объекта деятельности: человек противопоставляет себе объект деятельности как материал, который должен получить новую форму и свойства, превратиться из материала в предмет и продукт труда" [5, с. 160].

Итак, практически является субъект-объектное отношение. Возможно дополнить это обстоятельство уточнением: деятельность есть субъект-субъектное отношение постольку, поскольку каждая социальная субстанция объективна в том значении, что действительно существует и в плане собственного реального бытия. В этом качестве она выступает участником со-

циальных взаимоотношений. При этом практика связана с целестремительностью.

В самом деле, для того, чтобы произвести воздействие на объект, субъекту необходимо стремиться к этому воздействию, знать о нем, обладать информацией о цели. Субъект в элементарном смысле есть человеческий индивид, действительная личность, носитель сознания. Согласно Н. О. Лосскому, жизнь действительной личности ("я") состоит из волевых актов: "человек стремится достигать тех или иных целей, именно творить какие-либо блага или устранять какое-либо зло. Таким образом, все деятельности личности имеют целестремительный характер" [4, с. 23]. Волевой акт является интенциональным постольку, поскольку в его произведении, помимо реального бытия деятеля, задействовано идеальное бытие последнего. Поэтому феноменологическая дескрипция практики связана с усмотрением эйдетических сущностей деятельности актов. В самом действии можно усмотреть: интенцию, побуждающую деятельный акт, сам источник этой интенции, объект интенции, встречную интенцию (сопротивление, прямое или косвенное, оказываемое деятелем, выступающим в значении объекта действия) и т. д.

Итак, имеются субъекты, производящие акты практики, и объекты, подвергающиеся воздействию этих актов. Данные воздействия проходят вследствие открытости бытия деятелей друг к другу (гносеологической координации). В то же время все социальные взаимоотношения интересубъективны. Связано это с тем, что все бытие имеет субстанциально-субъектное основание. Как следствие, в основании любого факта находится определенная монада, субстанциальный деятель. При этом любое действие может быть расценено как субъективное, если носителю действия дается "имя" субъекта. Так, можно утверждать, что "обстановка дома воздействует на меня" – субъективируя тем самым окружающую человека материальную среду.

В обществе все оказывается субъективным в том отношении, что конкретными субъектами оказываются либо действительные личности, либо личности потенциальные, представляющие собой или будущих действительных участников социальной жизни (дети, лица с психическим заболеванием, поддающимся лечению, интеллектуальные артефакты, etc.), либо опредмеченные практики. Как следствие, можно предположить фактическое наличие своеобразного интересубъективного поля практики. Это поле включает в себя:

- во-первых, субъектов как активных начал практики,
- во-вторых, отношения между ними в ходе актов практики,
- в-третьих, уже самих субъектов как объектов практики.

Все, что ни происходит в сфере социальных отношений, конкретного богатства жизни и деятельности людей, независимо от времени, места, этнокультурной специфики; – все это подпадает под определение "практики". Поэтому рассмотрение онтологии практики, выделение ее источника сопряжено с построением таких изоморфов или концептуальных паттернов социальной реальности, которые наиболее

представительно характеризуют структурно-функциональные связи социальных событий и явлений, тождественные их генетическим связям.

Это означает, что если под "генетическими связями" социального бытия следует интуитивно понимать общество как реальность с присущими ей закономерностями, фактом эволюции как ее временного развития, то знание об онтологии социального бытия сразу же отмечает обусловленность этого бытия пространственными изменениями или действиями. Действительно, общество как живое бытие постоянно пребывает в деятельности. Вне ее оно просто немыслимо как живое бытие, мыслится в качестве "раритета" или археологического памятника. То есть, общество складывается как всеобщность из особенностей, или подсистем, имя которых союзные субъекты практики. Это социальные группы, конкретная классификация которых детерминируется выбором основания ее как признака логического деления в процессе социального анализа. Сами же они строятся на основе единичностей – элементарных субъектов практики или человеческих индивидов.

Поэтому "анатомия" практики состоит в установлении конкретной деятельности людей. Соответственно диалектика социальной деятельности оказывается диалектикой субъекта как "социально-атомарной" единицы. Практика является *имманентным проявлением человеческого бытия*. В рамках персоналистской природы социальной субстанции деятельность оказывается атрибутом человеческого существования.

В понятии «субстанция – субъект» функционально заложена способность к действию, имманентно вытекающая из интенционального, целеполагаемого характера сознания персоны. Именно поэтому субстанция в интуитивизме трактуется как "субстанциальный деятель". Это означает *имманентность субстанции и практики*. Что же придает субъекту способность к деятельности? Можно предположить, что практика основывается на творческой свободе субстанциальных деятелей: "Человеческая личность, поскольку мы имеем в виду само «я» человека, творящее свою жизнь во времени и пространстве, есть субстанциальный деятель" [3, с. 19 – 20]. Для интуитивистского понимания практики здесь важны три обстоятельства:

- во-первых, деятельность имманентна онтологии человека, его бытию;
- во-вторых, деятельность вызывается творческой свободой человеческого "я";
- в-третьих, деятельность имеет отношение к интенциональной жизни сознания, поскольку в ней задействовано это "я".

Для полного представления об интенциональном характере человеческих действий и социальной деятельности в целом, необходимо обратиться к онтологии триединства социальной субстанции. Она дана в трех типах бытия: материи, сознании и конкретно-идеальной сущности. Интуитивизм не выдвигает абсолютного примата этих онтологических типов. Они выступают в виде "соборного единства" или конкретного всеединства природы субстанции-субъекта. Действительно, сознание обладает активностью. Эта активность обладает трансцендентальным статусом, так как ее генезис неопределим во времени. Более того,

идеальное содержание сознания сверхвременно и сверхпространственно, исток ее коренится в самом происхождении мира.

Однако сознание остается чистой абстракцией, если не располагает носителем. Более того, сам носитель не может не быть конкретным, не может не иметь материальных обстоятельств. Как следствие, без материи как субстрата изменений идеальное просто-напросто будет сокрытым и не проявленным в реальном социальном бытии. То есть, для того, чтобы помыслы отдельного человека были воплощены в действительность, необходимы: во-первых, сам человек, его "я", во-вторых, его тело, его материальность, способная взаимодействовать с другими видами субстрата социальных изменений. Иными словами, реальное и идеальное бытие выступают в онтологически единой связке. Медиатором ее является "я" – конкретно-идеальная социальная сущность. В науке, философии, религии существуют различные определения "я". Для интуитивизма, помимо констатации конкретно-абстрактного единства природы субстанции-субъекта, важен еще момент интенциональной жизни сознания.

Это не просто компонент онтологии общества, его идеальное содержание. Сознание располагает логической развертываемостью как формальной, непротиворечивой, так и диалектической, фиксирующей противоречия, взаимоотношение которых суть взаимное преодоление через действие. Иными словами, жизнь сознания сопряжена с интенциональными актами внимания, различения, отождествления, выбора и в конечном счете – last but not least, воли. В акте «я создаю», «я анализирую», «я стремлюсь что-то произвести» (познавательное или практическое) содержится мотив устремленности, момент диалектической подвижности идеального бытия. Конкретно-идеальная социальная сущность, таким образом, неизбежно оказывается *полем встречи* идеального бытия и реально-го или материального. Субъект выступает в онтологии как конкретный процесс объективации смыслов, то есть рождения и развития вещей.

Иными словами, субъект объективно выглядит трансцендентным предметом, сознаваемым другими субъектами как субстанциями в силу взаимной с ними имманентности в сознании, в мире невременных и непространственных идей. В то же время субстанции оказываются трансцендентны в материальном отношении, они различны как вещи или конкретное. Формальные социальные идеи присутствуют везде и во всем как программы практики; конкретно-идеальные социальные сущности оказываются проводниками данных программ.

Теперь возможно предварительно утверждать, что ключевым моментом в деятельности является *овеществление и развеществление*. Это видно на следующих примерах. Если мастер по дереву путем обработки добывается получения из последнего некоторого изделия, скажем, статуэтки, то перед нами случай создания одной вещи из другой. Не забудем при этом, что само "дерево" является продуктом природной эволюции, в которой задействованы субстанции, конкретно не принадлежащие к социальному бытию. В то же время "кусочек дерева" уже является определенным артефактом, объектом, испытавшим человеческое воз-

действие. То же можно отнести к интеллектуальному труду. Написанная книга или картина также суть вещи. Выражение "мастер изготовил, написал, нарисовал вещь" относится к данному случаю. В интеллектуальном труде формальные идеи (блага, прекрасного, человечности, трудолюбия etc.) используются для того, чтобы быть образцами определенной социальной деятельности: создания теоретической конструкции, описания вымышленной ситуации и т. д. Таким же образом происходит и рождение в уме субъекта самых различных возможных миров. Интеллектуальная вещь интуитивно обладает максимальным статусом достоверности, если она изоморфно, системно-генетически отображает реальную действительность, самое само социального бытия. Относительно материальной вещи возможно утверждать то же самое с учетом того, что, в отличие от интеллектуального факта, материальный факт доступен всестороннему и непосредственному эмпирическому восприятию, то есть самоочевиден.

Что же касается субстанции или субъекта как вещи, то здесь можно сказать следующее:

- во-первых, каждый субъект объективен, то есть является трансцендентным предметом, или имманентным материалом знания, доступным познанию (интерсубъективной сореференции);

- во-вторых, каждый субъект может испытывать как прямое воздействие со стороны другой личности, так и опосредованное (например, со стороны третьих лиц или суммы сложившихся прямых и косвенных обстоятельств).

Следовательно, его бытие – реальное, идеальное и конкретно-идеальное – находится в развитии, в том числе и под интерсубъективным влиянием. Его биография не является лейбницеанской монадой, а открыта миру вследствие гносеологической координации и имманентности всего всему в идеальном бытии, в сознании.

Теперь вспомним, что сознание содержит знание, идеальное, то есть включает в себя информацию, сведения о формальных и материальных идеях или о "прототипах" и "инвариантах" различных вещей. "Я" субъекта способно направлять интенциональные акты по отношению к конкретному идеальному. Происходит интеллигибельное "сканирование", демонстрирующее как активность сознания и самосознания, так и то, что активность эта осуществляется в сверхвременно и сверхпространственном бытии, то есть в сознании конкретно-идеальных социальных сущностей. Это в итоге означает, что *аспект практики имманентен структурно-функциональному составу триединства социальной субстанции*.

В ходе интеллигибельной практики происходит трансцендирование смыслов как ценностей бытия. Формальные идеи овеществляются из трансцендентального в иное состояние. Они входят в практику субъектов в качестве "путеводителей". Благодаря материи как субстрату изменений, трансцендирование идеального переходит рано или поздно (во временном измерении) в его овеществление.

Подведем итог. Итак, практика имеет онтологическое происхождение, так как связана с самим существованием субъектов социальной деятельности. Далее, она имманентна интенциональной жизни сознания и

гносеологической координации, что означает ее присутствие в элементарных формах проявления жизни субъектов. Помимо этого, практика не является чисто субъективным достоянием, а, по определению, располагает социальным значением: так, любые деятельные акты происходят в сфере человеческого и социального (интерсубъективного) бытия. Наконец, деятельность неразрывно связана с процессами овеществления и развеществления, что придает социальным действиям не абстрактное, а конкретное значение, способствуя реальному становлению системы социальной деятельности.

Теперь же, собственно, о соотношении свободы и практики. Как известно, человеку свойственно творить разного рода свершения. Агрессивны ли они, миролюбивы, или вообще не подвоимы под однозначное определение – в любом случае необходимо оговорить аспект свободы в практике. Интуитивизм, например, различает в онтологии практики *формальную* и *материальную свободы*. Согласно Н. О. Лосскому, "формальная свобода состоит в том, что деятель в каждом данном случае может воздержаться от какого-либо определенного проявления и заменить его другим. Эта свобода не утрачивается ни при каких условиях. Материальная свобода выражается в том, что способен творить деятель, какой степенью творческой мощи он обладает" [3, с. 40]. Иными словами, практика не есть только возможность материального события (так, строительство дороги, вероятно, при наличии финансирования, наличии технического ресурса, рабочей силы, организации труда etc.).

Практика является привнесением субстанциальной (субъектной) воли в социальную материю. Без нее материальные возможности, находясь в потенциальном состоянии, окажутся либо не востребованными, либо социальный процесс приобретет хаотический характер. Строго говоря, он станет просто невозможен, если из деятельности исключить прямое или опосредованное "авторство" (реализованное и/реализуемое право собственности) определенных субъектов. Более того, поскольку конкретно-идеальное бытие активно, то оно привносит в субстрат социальных изменений, или материю, абстракции как образцы, схемы конкретных вещей. При этом материальная причинность связывается с обоими видами свободы. Во-первых, на практику накладывается формальная, возможность субъектов совершать или не совершать волевые акты (например, субъект может желать заниматься политикой или нет, оказать добро знакомому человеку или нет, целенаправленно рефлексировать или нет etc.). Во-вторых, материальная свобода представляет собой конкретные или практически мыслимые и полагаемые условия творческого процесса (принципиальную возможность перемещаться в известном направлении или нет, произносить речь или нет, строить фабрику или нет etc.).

Рассматривая возможности свободы человеческой воли (индетерминистский потенциал субъекта практики), стоит выделить ее следующие формы:

- (а) свободу человека от внешнего мира;
- (b) свободу человека от своего тела;
- (с) свободу человека от своего характера;
- (d) свободу человека от своего прошлого;

(е) свободу человека от законов, определяющих содержание временного процесса;

(f) свободу человека от Бога [2, с. 531 – 576].

Свобода субъекта от внешнего мира означает, что субъект противостоит окружающему миру как инобытию. Все, что вне его, другое (или Другой). Это задает возможность избирательной практики на основе принципа формальной свободы. Субъект формально способен избегать деятельности, абстрагироваться от конкретного. Отношения материальной причинности хотя и влияют на человека, однако это происходит достаточно избирательно, особенно в социальном плане.

Естественно, что индивид не может быть свободен от потребности в пище. В то же время он способен избирать общение с другими персонами. Разумеется, человеческая личность не может существовать совершенно независимо от требований социокультурной традиции, в которой она пребывает. Однако возможность воздержания от действия в плане свободы от внешнего мира является необходимым условием социальной автономии субъекта, устраняющей из социального бытия простой автоматизм событий. Уровень автономности может меняться в пространственно-временном процессе, но уникальное культурное варьирование свободы и связанности остается в рамках достижения согласованности в удовлетворении различных потребностей и интересов социального бытия.

Далее, *свобода человека от тела* есть подчеркивание различия между реальным и идеальным бытием, сопряженными в конкретно-идеальной сущности субстанции-субъекта практики. Конечно, организм оказывает на человеческое бытие приоритетное влияние. Без него, как конкретного факта, существование личности было бы только мыслимым, интеллигибельным (персонаж романа). Более того, состояние здоровья, потребность в обмене веществ, дыхании (при воздействии промышленных выбросов в атмосферу!), продолжении рода, различного типа релаксации (просто отдыха, различного рода экзистенциальных переживаниях) существенно определяют деятельность субъектов. Тем не менее принципиальная возможность воздержания, избирательного действия сохраняется, создавая данный тип индетерминации (например, осознанный отказ от отдыха в пользу необходимого практического дела).

В отношении *свободы человека от своего характера* необходимо отметить, что психические состояния субъекта суть достояние социальной материи, его образующей. Человек способен формировать свою личность, осознавать ценности и соответственно изменять свое личное бытие; преодолевать вредные привычки, сосредоточиваться на необходимой работе, тренировать себя физически, вступать в новое общение etc. Иными словами, интенции субъектов могут вести к широкому спектру своего проявления – от агрессии до терпимости, как возможности толерантного сотрудничества и сосуществования.

Это приводит к проявлению в человеке чувственности, когда жизнь сознания соотносится с эмотивно-волевым потенциалом психики (душевной жизни), реакции которой, как правило, обуславливаются различными случаями материального раздраже-

ния (гнев, радость, голод, довольство, экстаз etc.). Возникающие отсюда комплексы симпатии и антипатии побуждают субъектов к деятельности, не всегда согласующейся с абсолютными ценностями и долженствованием. Это эгоистическая, зачастую агрессивная, насильственная мотивация деятельности. Стремление к материальной наживе, к мести по отношению к неприятным личностям, к удовлетворению различных позывов чувственности существенно воздействуют на природу человека и общества. Более того, общеизвестны исторические прецеденты, когда материальные интересы доминируют над высшими ценностями. Л. Н. Гумилев называет такие периоды в истории человеческих сообществ (локальных социальных систем) "обскурантными"; их характеризует как раз преобладание "субпассионарного", материально-детерминированного стиля поведения и деятельности над другими [1, с. 205 – 224].

Формальная свобода человека в этом случае состоит как раз в возможности встать над материальными потребностями собственной душевной жизни, своей чувственности. Жизнь сознания выше чувственности не только в плане того, что она трансцендентна материальной природе субъекта, то есть сверхвременная и сверхпространственная; интенциональность мышления способна актуализировать внимание субъекта на преодолении зависимости от своего характера как субстрата собственной судьбы.

Относительно *свободы человека от своего прошлого* можно высказать следующие замечания. Необходимо отметить, что для теории интуиции данное положение имеет принципиальное значение. Действительно, свобода воли, возможность суверенной деятельности, обусловленной независимым, творческим усилием субъекта, его конкретным интенциональным актом является возможной при принципиальном допущении свободы "я" субъекта от прошлого, то есть от предшествующих во временном отношении практик.

В самом деле, поскольку "я" есть начало сверхвременное, следовательно, нет ничего временного, что, предшествуя ему во времени, произвело бы его. Именно это сверхкачественное "я" как носитель творческой бескачественной силы, вступая во временный процесс своими действиями, есть подлинная причина, порождающая данные практики. Что же касается истории этого "я", его прошлого опыта и прошлых переживаний, они, как и все, что находится вне творческой силы, служат лишь поводами для свершения практики. Таким образом, "я" в принципе свободно от событий, происшедших ранее во времени. Так, можно представить ситуацию, когда индивид способен вполне абстрагироваться от позиции в конкретном вопросе, которую он занимал несколько дней или месяцев назад.

В то же время субъект не независим совершенно от паутины архаики. Так, производственные отношения в обществе конкретного времени способны задавать воспроизводство трудового и социально-бытового стиля действия. Отметим, что образ жизни египетских феллахов совпадает с жизнью своих древнеегипетских предшественников. Также факты социокультурной традиции, овеществленные в социальных институтах, в артефактах знания (письменная,

архитектурная и иная традиция), наконец, в коллективном бессознательном (архетипах последнего) воздействуют на актуальное бытие субъектов. На деятельности субъектов также сказываются и обстоятельства их индивидуального прошлого. И это не только материальная причинность: генетическая наследственность, последствия физического труда на состоянии тела etc. Как представляется, к факторам материальной детерминации могут быть добавлены обстоятельства того, что можно обозначить в качестве *биографической логики деятельности* или судьбы. Что можно подразумевать под биографической логикой практики? Посмотрим на такие факты. В жизни людей нередко встречаются последовательности событий, логика которых выглядит как реализация своеобразного плана действий как бы изначально заложенного в биографию деятеля.

В культурной и философской традиции данный феномен истолковывается в символике "судьбы" (западная традиция) и "кармы" (восточная традиция). Интуитивизм полагает, что эта обусловленность вызывается, во-первых, ролью конкретной онтологии субстанции-субъекта в составе более общей онтологии универсума (и не только социального), то есть теми формальными идеями, которые образуют «программную» сущность субъекта. Онтологически, она не исчерпывает свое существование существованием конкретного материального носителя. Иными словами, субъект как субстанциальный деятель, будучи сверхвременной и сверхпространственной сущностью, в принципе проявляет себя в пространстве и времени неоднократно [3, с. 47 – 85].

Указанная способность субстанциальных деятелей является источником эволюции как природной, так и социальной. При этом генезис субстанциальной субъектности в предельном метафизическом смысле есть исходное "рождение" деятелей во время возникновения нашего мира. С точки зрения спекулятивной, данная проблема неактуальна по причине того, что в отношении металоогического бытия, пребывающего, по сущности, вне времени и пространства и лишь участвующего в пространственно-временных процессах, рассуждение о конкретном способе, условиях и времени его возникновения лишено смысла. Субстанции имеют место как трансцендентально-генетическая и эмпирически или феноменально воспринимаемая данность.

Следствием этого, интуитивно можно предположить, что, кроме формальных идей, биографии субъектов определяются также материальными идеями, которые насыщают конкретное бытие формами. Иными словами, субъекты в процессе практики дополняют свое априорное "я" нюансами, примесями, наслоениями, памятью от конкретных действий. Последние как раз и создают условие и возможность устранения абсолютной свободы и порождения практического детерминизма.

В самом деле, если человек в процессе своей жизни переживает определенное обстоятельство, например, свершение заведомо позитивных поступков, несущих благо окружающим, то материальные идеи, во-первых, определяют воспроизведение (в принципе) аналогичных действий в будущем; интенциональность сознания, таким образом, настраивается на оп-

ределенную каузальность. Далее возможна встречная интенциональность других деятелей соответствующего рода; образ жизни святого человека, субъекта с позитивной харизмой и его восприятие другими людьми etc. И, напротив, совершение субъектом негативных действий, например, насилие над другими субъектами, отказ и искажение ценностей, составляющих основу социокультурной традиции вводит в состав его конкретно-идеальной сущности нигилистические материальные идеи. Данные эйдола как бы "программируют" субъективность на отяжеленное существование в будущем. Судьба, так сказать, имеет два рога.

В конкретно-идеальной сущности субъекта практики содержатся как идеальная детерминация со стороны материальных идей прошлого, так и формальная свобода, дающая возможность бифуркации и, как следствие, избежания автоматизма в социальной деятельности. Именно это определяет такой факт формальной свободы, как *свободу человека от временных процессов*. В самом деле, материальная причинность определяет социальное действие силой давления предшествующих обстоятельств. Однако это давление не универсально однозначно.

Так, воздействие экстремального обстоятельства (например стихийного бедствия на жизнь страны) способно существенно изменить существование многих субъектов; тем не менее данное событие не меняет в корне слагаемые субстанциальных биографий, а является крайним и тяжелым испытанием, проявлением потенций конкретно-идеальной сущности в условиях "вызова-ответа" на окружающие обстоятельства.

Далее, идеальная причинность хотя и задает некоторые параметры конститутивной деятельности сознания, но тем не менее сохраняется возможность отказа или коррекции указанных параметров. Данные новации определяют в эволюцию и саму возможность обновления. Субстанции, как раз в силу свободы воли, способны вставать над законами природы.

Это относится как к применению законов природы в практическом созидании новой вещественной реальности, так и для сохранения, удержания исходных данностей. В первом случае, в качестве примера, можно указать на создание новых технологий; во втором случае – на усилия медицины по сохранению здоровья и жизни человека и целых социальных групп.

Кроме этого, даже в тех категорических случаях, когда законы природы диктуют неизбежность взмений (умирание психофизических организмов, изнашивание и разрушение в силу долготы существования артефактов, смена стереотипов социального поведения); даже в этих обстоятельствах свобода воли состоит в способности субъектов к интенсификации деятельности, к своей объективации в продуктах труда. Все это позволяет определить социальную субстанцию как *фактор социального бытия с имманентной функцией к коррекции своей природы и продуктов практики*. Пределами этой коррекции являются следующие уровни: во-первых, это способность деятелей к перманентным трансформациям социального бытия, к нескончаемому феноменальному генезису, порождающему новые социальные факты и соответствующие материальные идеи. Это видно на

примере создания новых технологий, появления и развития новых этносоциальных общностей, рождения новых типов социокультурной традиции; во-вторых это возможность "противотечения". Под этим мы подразумеваем явления разрыва с прошлым, с традицией, ситуацию "спора" и/или конфликта субъектов с бытием. Это как рефлексия над ним, так и стремление к преодолению, к отталкиванию от негативного, угнетающего, устаревшего. Максимальная степень выражения данной ситуации – социальный протест. Последнее возможно при сосуществовании и признании равной меры свободы всех носителей субъективности для углубления и актуализации ситуаций "противоречивости" реального бытия.

И наконец, поговорим немного о *свободе человека от Бога*. Разумеется, что рефлексия над проблематикой веры всегда строго спекулятивна. Поэтому высказанное далее имеет чисто гипотетический смысл. В политеистических учениях свобода практики всегда относительна, всегда программирована "кармой", "Ананке", просто судьбой, наконец. Иначе дело обстоит в авраамическом монотеизме. Хотя (и кальвинизм нам свидетель) и здесь все в руке Божией, однако религии единобожия упорно указывают на совершенную свободу практики: свободу как добродетели, так и греха. Возможной онтологической причиной данной милости Абсолюта по отношению к человеческой свободе может быть усмотрено следующее рассуждение. Бог желает быть не просто услышанным своим творением (это в состоянии сделать любое существо, здесь налицо тема чувственности и автоматизма), напротив, он стремится быть познанным. А это может сделать только разум, наделенный свободой воли или привилегией выбора. Агрессии или толерантности. Чего угодно. Только неоднозначность решений задает интерес онтологической игре.

Продемонстрированные выше примеры и виды формальной свободы в социальной деятельности показывают возможность индетерминизма в практике и в социальном бытии в целом. Однако человек, будучи формально свободным, практически ограничен материальными условиями. Данное противоречие между духом и плотью суть такой перекресток бытия, который вновь и вновь задает диалектику воли и рока в природе человека.

Литература

1. Гумилев, Л. Н. География этноса в исторический период / Л. Н. Гумилев. – Л.: Наука, 1990. – 253 с.
2. Лосский, Н. О. Избранное / Н. О. Лосский. – М.: Правда, 1990. – 647 с.
3. Лосский, Н. О. Учение о перевоплощении; интуитивизм / Н. О. Лосский. – М. Прогресс, 1992. – 207 с.
4. Момджян, К. Х. Введение в социальную философию: учеб. пособие / К. Х. Момджян. – М.: Высш. шк.: Университет, 1997. – 448 с.
5. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 840 с. (статья "Деятельность").

ДУША КАК РЕАЛЬНОСТЬ
Е. Ф. Казаков, В. П. Щенников

THE SOUL AS THE REALITY
E. F. Kazakov, V. P. Shchennikov

В статье авторы рассматривают душу как целостность. Для этого душа соотносится с душевной жизнью, телесным, духовным и плотским. При этом авторы опираются на идеи представителей «философии жизни». История предстаёт как инобытие «души культуры» в её непрерывной процессуальности.

Ключевые слова: душа культуры, философия жизни, история, сверхвременное, временное, отчуждённое и первозданное, духовное, телесное, плотское, логическое и историческое.

In article the authors consider the soul as an integrity. For this the soul is correlated with spiritual life, corporal, spiritual and carnal. Thus the authors rely on ideas of the representatives of «life philosophy». History appears as otherness of "the soul of culture" in its continuous processuality.

Keywords: the soul of culture, life philosophy, history, superatemporal, temporal, aloof and protogenic, spiritual, corporal, carnal, logical and historical.

Жизнь – первичная реальность, органическая целостность и творческая динамика бытия. Она предстаёт как непрерывный поток; ей свойственно постоянное самовыражение, осуществление внутренних возможностей, стремление к самой себе. Жизнь как способ бытия человека истолковывается не биологически, а как культурно-историческая реальность. Жизнь предстаёт историческим процессом, реализующимся в образах культуры. Жизнь "творит из самой себя" биологические и религиозные, душевные и метафизические "значения". Жизнь стремится превозмочь собственную ограниченность, "трансцендируя", возвышаясь всеобщим раскрытием до степени духа. Жизнь творит из себя дух и находится в неразрывной органической связи с ним. Жизнь "создала религию как одну из своих форм. Жизнь реализуется в самоограничении посредством ею же самой создаваемых форм и только в этом ограничении себя осуществляет. Жизнь как "непрерывная текучесть" стремится полностью проявить себя в своей непосредственности вне всяких форм. Тем самым жизнь является собой некую противоположность форме. Возникает противоречие любой формы с самим существом жизни.

Понятие "душа" в "философии жизни" выводится "по вертикали" из родовой категории "жизнь", а "по горизонтали" отдифференцируется относительно категории "мир". Гносеологически их возможно различить посредством понятий "внутреннее – внешнее": категорией "душа" обозначается внутреннее бытие человека, в отличие от его внешнего бытия (обозначаемого категорией "мир"). То есть то, что составляет внутренний мир человека, отличая, отграничивая его от внешнего мира, и есть душа. Душа – "свой мир" человека, "субъективный мир"; нетождественный внешнему, достаточно автономный (а не как продолжение, либо только отображение внешнего). Мир – "иное", объективное, существующее "за границами" внутренней жизни человека. Отдифференциация, в генетическом аспекте, души от мира и знаменует собой рождение собственно человеческого бытия.

Если относительно мира душа предстает как "иное"; то относительно жизни она выступает как сущностное. Душа есть не внешняя, а внутренняя сторона жизненного потока, "внутренняя жизнь": есть сущность человеческой жизни, "самое сокровенное", активное, направляющее начало жизни как "вечного становления". Душа и жизнь соотносятся как "сущность" и "осуществление"; как целеположенность (то, что подлежит осуществлению, "будущее") и целеустремление (процесс достижения цели, "настоящее"). Жизнь выступает как "выражение души", ее проявление. Все человеческие творения вытекают из душевной жизни и её связи с внешним миром. Жизненный поток предстает как процесс осуществления, стремясь ко всё более полному адекватному выражению душевного. В ходе его осуществления происходит "исчерпывание" поверхностных, конечных, несущественных состояний (уровней) душевной жизни.

С античности душа понимается как начало, несущее в себе существо жизни, определяющее её функционирование и направление эволюции (так, Аристотель пишет, что, в отличие от питания и роста, свойственного животным, дело человека – некая жизнь, а жизнь эта – деятельность души. В произведении "О душе" он определяет душу как *принцип жизни и развития*. Опираясь на данный подход, Ф. Аквинский пишет, что *душой называют первичное начало жизни*. Категория "жизнь" предстаёт родовой, относительно понятия "душа", – исходной для её выведения. "Жизнь" понимается как "сущность" мира и в то же время как орган его познания. Для неё характерна целостность, непрерывность, неопределённость, имманентность, постоянное становление. Она предстаёт самосозидающимся, самопорождающимся единым потоком, через который проходит связь души с Абсолютом. "Волны", "напряжённости" данного потока связаны воедино, но не каузальной, а телеологической связью. Целью жизни является стремление полностью проявить себя в своей непосредственности.

"Волны" жизненного потока выступают "поднявшимися наружу", достигшими определённости, объёмности.

ективированности, формами, в которые облекается жизнь. Между жизнью (как непрерывным становлением) и формами жизни (как остановленностью, прерывностью) возникает противоречие. Суть последнего в том, что "метафизическая сущность жизни", лежащий в её глубочайшей основе дух не могут в полной степени выразить себя в какой-либо форме (показывающей через какое-то время свою "чуждость"), преодолевая её и порождая вновь.

Таким образом, "поток жизни" отличается как связностью, непрерывностью, так и внутренней различённостью (одним из проявлений которой и выступает противоречие жизни и форм жизни). В жизни различаются внешняя и внутренняя стороны, соотносящиеся как явление и сущность. Понятие "внутренняя жизнь" включает в себя наряду с собственно душевными те проявления активности, которые (включаясь в понятие "психика") являются специальным предметом исследования психологии (ощущения, побуждения, восприятия, впечатления, желания и т. п.).

а) душа и душевная жизнь

"Центром действующих и формирующих сил" душевной жизни: её направляющим, целестремительным началом, "действующим единством", "субъектом", носителем знаний предстаёт душа. Душа не есть какая-либо вещь или субстанция, она есть формирующая энергия самой душевной жизни, действующая изнутри. Таким образом, душа понимается как часть душевной жизни, её ядро, сущность, "мотор". Понятие "душевная жизнь" шире понятия "душа" за счёт вхождения в него "стихий душевной жизни". "Философы жизни" подчёркивают свойственную душе целостность, стремление к непрерывному творчеству; взаимосвязь с телесной и трансцендентной реальностью; существование её как однородного процесса внутренне различённого и взаимосвязанного. Душа – предельное, далее неразложимое начало человека, выражающее своеобразие человеческой жизни в наиболее концентрированном виде (интегрирующее её в единое целое); поэтому то, что делается в душе, и есть мы сами.

Существо человеческой души в том, что именно в ней сфокусирована связь необъятной бесконечности, полноты, актуальной прозрачности и единства абсолютного бытия с ограниченностью, темнотой, разобщённостью и изменчивостью эмпирического бытия. Выполняющая данную миссию душа есть не только образ мира, но и образ Бога, чистый свет разума, хотя и преломлённый в стихии душевной жизни и субъективно преобразованный. Являясь особым родом бытия объективной вселенной и субъективным её "зеркалом", жизнь души не абсолютно прозрачна, но и не абсолютно непроницаема. Это обстоятельство делает возможным познание души, в то же время указывая на его пределы. Будучи единством центральной духовно-формирующей инстанции душевного бытия с формируемой ею стихией душевности, душа предстаёт *субъектом* не только относительно телесной жизни, но и относительно самой душевной жизни (а именно – её "стихийного", потенциального бытия), выступающего в данном случае *объектом*. Субъектом жизни душа является и в функциональном, и в генетическом аспекте её существования.

Душа есть единство многих состояний душевной жизни, различающихся как по содержательным, так и по временным характеристикам. Все "напряжённости", внутренние различия души выступают проявлениями отрицания и самоотрицания лежащего в её основе единства. В каждом единичном душевном явлении присутствует жизнь души как целое. Отсюда и "недушевное", противостоящее душевной жизни, дано нам только в душевном и через него. Выражая сущность душевной жизни, жизнь души охватывает её как целое, проявляя, оформляя, идентифицируя неопределённости стихии душевной жизни; представляя "дирижёром оркестра душевных переживаний".

б) душевное и телесное

Предыдущие рассуждения показали, что душа – это душевная жизнь человека в своём сфокусированном, "чистом", целеустремлённом виде. Движение познания от "душевной жизни" к "жизни души" предстаёт, таким образом, "нисхождением" к сущности самого глубокого порядка. Лишь сконцентрировав в этом движении душевную жизнь до уровня души (как субъекта, сущности), мы можем принципиально отличить её от телесной жизни, от тела как инобытия души. Как отмечалось выше, душевная жизнь взаимосвязана (вплоть до взаимопроникновения) с телесной жизнью. По этой причине она обладает рядом тех же самых характеристик, которые свойственны для тела (деформированность, экстенсивность, бесформенность, пассивность и т. п.).

Определённой своей стороной душа испытывает влияние тела, оказывает воздействие на него, входя в чуждый ей предметно-телесный, конечно-временной мир. Если влияние тела на душу становится существенным, это приводит к трансформации её природы. Тело способно оказать деформирующее влияние на душу, втянув её в разобщённость, в потенциальное состояние. В результате телесная часть души предстаёт как инобытие души, как отчуждённая от неё, конечная сторона. Телесный характер может обрести и душа в целом. Сторону души, испытывающую существенное влияние телесной жизни, правомерно определить как *"телесную энтелехию души"*. Последняя, будучи стороной души, отличается от стихии душевной жизни оформленностью, определённой, субъектностью, то есть целенаправленным служением телу. Телесная энтелехия схожа со стихией душевной жизни своей потенциальностью, "тьмой"; отдалённостью от духовного. Телесная энтелехия является частью телесной жизни, стороной тела, в той степени, в какой телесная жизнь, тело выступает жизнью души. Телесная энтелехия предстаёт направляющей стороной телесной жизни, её субъектом.

Будучи взаимосвязанным единством, целостностью, душа – своими высшими духовными планами – также способна оказывать преобразующее, одухотворяющее воздействие на тело, телесную жизнь в целом, возвышая, трансформируя телесную энтелехию. Единство души и тела начинает преобладать над их различием в результате подчинения последнего, его служения душе. Телесный мир оказывается последним пределом бесформенности, экстенсивности и потенциальности жизни души. О теле правомерно говорить как о внутреннем моменте жизни души (душа

оказывается "больше" тела, о чём писали ещё византийские мыслители Немесий Эмесский и Максим Исповедник), отличающемся лишь меньшей степенью одухотворённости. Уровень душевной жизни, который определяется духовными устремлениями, правомочно определить понятием "духовная энтелехия".

Однако и при первой, и при второй субординации души и тела между ними сохраняется ряд непреходящих различий, в которых, собственно, и заключается их отличие друг от друга. Душа отличается от тела уровнем взаимосвязанности, единства, определённости. Душа – более живая, чем тело (так как более одухотворена). Душа соотносится с телом как внутреннее и внешнее, как высшее и низшее, как непрерывность и разобщённость, оформленное и бесформенно-экстенсивное, как актуальность и потенциальность, кажимость. Душе свойственна жизнь действительная, истинная в своём раскрывшемся, ставшем виде, телу – лишь потенциально способная к этому жизнь, только становящаяся актом. О. Шпенглер обозначает их соответственно как "возможное" и "действительное", имея в виду то, что тело есть ставшее, ограниченное, преходящее выражение души. И в первом, и во втором случаях душа является субъектом относительно тела как объекта (*влияние тела на душу предстаёт как влияние души на саму себя через посредство тела*).

Душа и тело связаны в нерасторжимое (в земной жизни человека) единство; однако, если вся телесная жизнь является выражением жизни души, то далеко не все уровни последней испытывают влияние тела. Стороны тела имеют разную степень "прозрачности" относительно жизни души (в зависимости от разной степени её концентрации; издревле преимущество здесь отдавалось голове и сердцу). Тело живо, пока соединено с душой; смерть – их разлучение. Душа человека – пока он сохраняет собственно человеческий облик – не может не нести в себе духовное начало, более или менее актуализированное. Тело как внешнее души не может не нести в своём облике отпечаток её жизни, анализ которого и позволяет сформировать представление о её характере. Всегда остающееся, впрочем, неполным, в силу как включённости души в бесконечность, непроявленности ряда её состояний, ограниченности возможностей телесного для выражения бестелесного.

Однако самопроявление жизни души сдерживается не только телесным миром, но и стихией душевной жизни, вносящей сумбур и "игру теней", а также – историческим характером выражения субъектности души, несущим отпечаток своего времени. Взаимодействие души и тела находится в развитии, проходя соответствующие стадии: детство, отрочество, зрелость и старость. Таким образом, понятие "душа" может использоваться как в широком значении, для обозначения жизни человека в целом, так и в узком – для обозначения важнейшей её стороны. В этом случае душа, трактуемая в последнем значении, будет представлять часть души, понимаемой в первом значении.

в) душевное и духовное

Если дух (духовная энтелехия) является внутренней стороной душевной жизни, то Дух ("трансцендентное", "абсолютное") объемлет и его (дух), и душу

как формы своего проявления и самоотрицания, то есть как свои внутренние различия, стороны. Таким образом, душа предстаёт частью Духовного абсолютного, высшей своей ипостасью (духом) сливаясь с ним, низшей – отчуждаясь от него вплоть до противостояния, противоборства. Духовное в душе – "луч идеального света", образующий субстанциональную основу самого бытия души; все уровни души – производные этого первичного связующего единства, задающего его непрерывность и целостность. Дух – наивысшее, сверхвременное, внепространственное (как актуальность бесконечного бытия), идеально-разумное начало ("чистое" бытие), направляющая сила. Если душа переживает настоящее, то дух постигает сущее. Поэтому духу свойственно достаточно автономное, имманентное себе бытие. Дух – это высший голос, веление абсолютной идеи в нас, переживание нравственного порядка, находящееся выше "хочу" и "должен". Человек, живущий духом, движим не долгом, не волей, не расчётом, не чувством, а Верой (являющейся единственно живым знанием, самым реальным существом души), надеждой и смирением, любовью.

В основе духовной ипостаси человека лежат религиозные силы, "религиозный жизненный процесс". Религиозная вера не просто отражает высшую реальность, а сама является реальностью, той частью трансцендентного, бытие которого (именно *бытие*, в его непрерывности, непосредственности, а не *обладание*) разворачивается со стороны души. Трансцендентное, таким образом, имманентно жизни. Духовное – это *первозданная*, целостная душевная энергия; абсолютное, относительно которого жизнь души предстаёт потенциалом.

Через освобождение от внешнего, чужеродного душевное развитие и предстаёт как движение от себя (затемнённого, отчуждённого) к себе как "чистому" бытию. Религиозная вера даёт прояснённый образ данного бытия, очищенный от всяких неясностей и путаницы. Единственно возможным является не умственное постижение Бога, а "сердечное единение с ним".

г) душа и плоть

"Если понятие "душа" соотносится с понятием "тело", то понятие "дух" – с понятием "плоть". Это объясняется тем, что дух – высшая часть души, а плоть – низшая часть тела. Отношение "дух – плоть" есть отношение "душа – тело" на уровне поляризации "полюсов" души. Лишь поднявшись на высоту духа, мы можем выявить плоть со всей определённой, идентифицировать характер её функционирования и развития. Выше мы отмечали, что тело само по себе нейтрально, его характер зависит от того, какой душевной энтелехии оно служит. Тело, служащее духовной энтелехии (тело как потенция души, одухотворяемое тело), и определяется как "храм души" (в этом случае тело подчиняется центростремительным силам). Тело же, подчиняющее себе жизнь души, являющееся проводником центробежной силы, определяется понятием "плоть" (она – "тюрьма", "могила" души). Та энтелехия души, которая начинает жить плотской жизнью (выступая при этом не столько пассивной, сколько активной её стороной), определяется

понятием "плотская энтелехия души" ("низменно-вожделеющей" называет ее С. Франк).

Если дух – это свет ("лик", по П. Флоренскому), то плоть – непроглядная тьма ("личина"); если дух есть "Град Божий" в душе человека (основывающийся на "любви к Богу, доведённой до презрения к себе"), то плоть – "град земной" (в основании которого "любовь к себе, доведённая до презрения к Богу"); если для плоти характерно существование по принципу "хочу", то бытие духа – выше "хочу" и "должен". Если дух существует в сверхвременной и сверхпространственной реальности, то плоть полностью погружена в "здесь-и-сейчас" (а потому непрерывно оказывается в прошлом). Если дух устремлён к Абсолютному (к Истине, Добру и Красоте), ведомый на этом пути Верой, Надеждой и Любовью, обнаруживая себя в чувствах стыда, жалости, благоговения и совести, то плоть тонет в суетном, тленном; её существование относительно духа предстаёт небытием. Если в духе душа человека открыта бесконечному, то во плоти – эгоистически ограничена (отсюда тенденция к полной отграниченности, замкнутости на себе), поверхностно однообразна, конечна.

Итак, на исходной (логической) ступени исследования жизни души формируется представление о ней как внутренне не различенном абстрактном тождестве. Для этого осуществляется отличие души от иного, внешнего, высшего и низшего. Содержание поня-

тия "душа" при этом соотносится с содержанием понятий "мир", "культура", "жизнь", "душевная жизнь", "дух", "тело", "плоть". Если понятием "мир" обозначается внешнее бытие человека, то понятием "душа" – внутреннее. Под культурой понимается рефлексия над жизнью души, выраженная в образе и символе; то есть душа относительно культуры – первичное, причина. Относительно жизни душа выступает как сущностное, целеполагающее начало. Относительно тела душа предстает нематериальной, активной. Дух понимается как высший уровень душевной жизни, взаимодействующий с трансцендентным. Плоть понимается как отчужденное начало телесного бытия, выступающее наиболее полярной оппозицией души.

Произведенные отличия, отграничения души позволяют с достаточной определенностью сформировать представление о ней как абстрактном тождестве. Душа – это внутренняя нетелесная исходная причина, сущность, движущее, открытое взаимодействию с трансцендентным и телесным, целеполагающее, нравственное начало человеческой жизни. Душа является главной, центральной частью душевной жизни, в которой её сущностные характеристики выражены со всей определенностью, энтелехии достигли своих актуальных форм. Потенциальной неоформленной частью душевной жизни является стихия душевной жизни.

УДК 141.2

ТВОРЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ В СИСТЕМЕ КООРДИНАТ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ КАРТИНЫ МИРА

В. Л. Филиппов

CREATIVE THINKING IN THE COORDINATION SYSTEM OF WORLD IMAGE SENSE REALIZATION

V. L. Filippov

Творческое мышление создает большой диапазон его трактовки и прикладного использования, из чего рождается необходимость верного понимания того, как и почему трансформируются с его помощью смыслообразующие факторы в картине мира. Несмотря на имеющийся философский материал, непосредственно в обозначенном нами аспекте данная тема ранее раскрыта не была.

Ключевые слова: философия, культура, смысл, картина мира, личность, кризис культуры, общество.

The complicity of processes happening in the contemporary world requires their proper interpretation, and, first of all, it is necessary to understand why the modern culture becomes the concentration of the senses of XX century. Despite the existing philosophic knowledge, the topic was not studied in the denoted aspect.

Keywords: philosophy, culture, sense, world view, personality, crisis of culture, society.

Данная статья посвящена анализу творческого мышления как одного из способов смыслообразования в картине мира, в том числе мистификации, которая может происходить как в рамках чьей-то личной истории жизни, так и всей истории или культуры в целом. Примером может служить картина «Прекрасная жизнь» (1998) японского режиссера Хирокадзу Корээда, которая отсылает зрителя к шедевру режиссера Френка Капры «Жизнь чудесна» (1946), которого

классик американского кино считает своим самым любимым послевоенным фильмом.

Неомифология способна стать одним из путей смыслообразования, предлагая мифических персонажей в неожиданной интерпретации, объясняет их новый смысл. Так, в картине Л. и Э. Вачовски «Матрица» (1999) герои фильма, Морфеус, Нео и Тринити, предстают в виде аллегорической троицы – Морфеус (Бог Отец), Нео (Сын) и Тринити (Святой дух), все они служат доброму началу, которое противостоит

Матрице, генератору искусственного мира и виртуальной реальности, реализующей идею автора – невидимого зла – управлять миром.

В результате столкновения двух сил и двух всеенских смыслов бытия поверхность планеты Земля уничтожена, но существует подземный город Сеин, который в фильме представлен как реальный мир, где люди еще находятся в сознательном состоянии, живут по законам бытия и осознают, что отсутствие на поверхности Земли города бытия означает Апокалипсис. Название города Сеин ассоциируется с работой М. Хайдеггера «Бытие и время». Сеин обозначает бытие, то есть город бытия, именно из этого реального мира, подземного города Сеин, и посылает тревогу Морфеус о сути Матрицы, о влиянии на сознание людей, находящихся по воле автора Матрицы в бессознательном, виртуальном состоянии.

Таким образом, используя смысл мифологических образов, героев и антигероев, братья Вачовски раскрывают основной смысл фильма – поиск спасения человечества, нивелирования кризиса цивилизации и культуры. Отметим также, что «Матрица» отсылает зрителя к антиутопии Д. Бурмена «Зардоз» (1973), которая трансформировалась в фантастическую историю, однако сама «Матрица» является синтезом истинных смыслов из Евангелия, сюжетных ходов триллера и поисков смыслов бытия фантастической утопии.

Безусловно, вечная тема борьбы добра и зла, тема спасения человечества всегда остается основной, определяющей иные смыслы и их образование. Так, в «Матрице» поверхность планеты Земля уничтожена, ее «населяют» зомби, выполняющие волю Матрицы. В картине Бурмена действие происходит в 2293 году, это время, когда люди технократического будущего оказываются марионетками в руках неведомых злых сил, навязывающих сверхрациональный образ жизни. В обеих картинах люди – рабы злой силы.

Подытоживая значение интертекст как смыслообразующего фактора в картине мира, отметим, что интертекстуальные ассоциации и интертекстовая реминисценция активно принимают участие в формировании смыслового поля всей культуры, то есть способствуют смыслопониманию и процессу смыслопорождения, который является одним из путей преодоления кризиса культуры. Работа с интертекстом важна не только для создателя произведений культуры, но и тех, кто воспринимает последние, поскольку дает возможность прочтения новых смыслов бытия с последующей их коррекцией в картине мира каждого индивида.

Все это позволяет нам прийти к заключению, согласно которому интертекст оказался предваряющим феноменом гипертекстуальности, что является формой организации такого материала, единицы которого представлялись не линейной последовательностью, а системой переходов к иным возможным элементам и новым связям. Исходя из этого, культурный текст становится доступен для восприятия в любом порядке, поскольку образует разные нелинейные тексты. Одним словом, в эпоху постмодернизма интертекст в

лучших произведениях культуры, решенных в эстетике постмодернизма, принял форму гипертекста.

Остановив наше внимание на понятии «гипертекст», отметим, что нас интересует в данной связи, опять-таки его роль как смыслообразующего фактора в картине мира. Известно, что феномен гипертекста приобрел свое законное место в художественной структуре произведений культуры именно в эпоху постмодернизма. Гипертекст, то есть сверхтекст, по сути, представляет собой некую иерархию текстов, является своего рода отсылкой к другим текстам, одновременно составляющим единство и множество текстов. Гипертекст можно читать по-разному: от одного текста к другой, игнорируя или не игнорируя гипертекстовые отсылки, или же пуститься в гипертекстовый лабиринт, в котором существуют в свободном порядке разные смыслы, и не имеет значения очередность и порядок их формообразования.

Поскольку понятие «гипертекст» пришло в нон-классику из внехудожественного компьютерного опыта организации текстового пространства, то оно невольно оказывается созвучным структуралистски ориентированной культурологии, философии, эстетике. Суть его в гуманитарных науках состоит в том, что культура в целом, как и все его фрагменты, включая и обычные вербальные тексты, рассматриваются в качестве некой целостной структуры, складывающейся из совокупности текстов, определенным образом внутренне и (или) внешне коррелирующих между собой. Часто эти связи трудно вербализуемы, но они ощущаются исследователем, сумевшим проникнуть в суть данного гипертекста и найти некий шифр для его прочтения.

Безусловно, наиболее активно понятие гипертекста работает применительно к философии, культуре, искусству XX века, в первую очередь, к литературе и кинематографу, многие произведения которых сознательно создаются в рамках гипертекста, ибо этот тип текста наиболее адекватен ситуации XX века, в которой причудливая смесь элементов культуры и посткультуры сама представляет собой супергипертекст. Именно по этой причине мы рассматриваем в рамках настоящей статьи некоторые примеры формирования смыслов в картине мира на примере анализа некоторых фильмов, отражающих наглядно не только процессы, происходящие в мировой культуре и философии, но и личную картину мира практически каждого зрителя, данные фильмы воспринимающего.

Остановимся вкратце на этом понятии, которое было введено в науку в 1960 – 1980-е годы Т. Нельсоном. Ученый определил гипертекст как нелинейный развертывающийся текст, позволяющий читателю самому выбирать маршрут движения по его фрагментам, то есть путь чтения. Структуралисты, постмодернисты, а затем теоретики сетевой литературы довели определение гипертекста почти до строгой формулы, которая сводится к тому, что гипертекст – это многоуровневая система информационных (вербальных или каких-либо иных) блоков (или гнезд), в которой реципиент волен свободно нелинейным образом прокладывать себе путь считывания информации.

Все это позволяет нам рассматривать гипертекст как формообразование смыслов, основу которого составляют многоуровневая разветвленность и обилие перекрестных ссылок, программно предполагает возможность свободного входа в текст в любом его месте и произвольное странствие по его лабиринту, состоящему из, как правило, самодостаточных фрагментов-симулякров, размытость функции автора, множественность авторов, активизацию реципиента (или читателя) до уровня полноправного автора, самостоятельно выбирающего, например, линию развития сюжета. На этих принципах построены гипертексты компьютерных романов (понятие «гипертекст» тесно связано с компьютерными виртуальными реальностями). Миру известны компьютерные романы «Полдень» М. Джойса, «Виртуальный свет» У. Гибсона и др.

Впоследствии новое понятие, видоизменяясь и обрастая новыми смыслами, привело Ж. Бодрийара к обоснованию теории гиперреальности, причем для его понимания надо отождествить смыслы реальности со смыслами текстов. Мыслитель считает, что люди живут в гиперреальности, которую создают массмедиа, бесконечные пересекающие потоки информации, причем данное пространство обладает тенденцией нивелировать смыслы и стирать ценность бытия, порождая как внутренние личностные кризисы, так и всеобщий кризис культуры.

Согласно концепции М. Фуко, гиперреальность выражает принципиальный отказ от идей линейности в пользу идеи скачкообразного чередования эпистем. Феномены истины, адекватности, реальности перестают восприниматься в качестве онтологически фундированных и воспринимаются в качестве феноменов символического порядка. Гиперреальность оценивается как реакция культуры на собственную тотальную симуляционность: американские восковые панорамы исторических событий в натуральную величину, Диснейленд и др., как новая идеология, создающая собственную мифологию.

Данная логика размышлений приводит нас к тому, что текст культуры надо построить как гипертекст и в результате получится гиперреальность. Д. Лион отмечает, что идея гиперреальности оценивается постмодернистской рефлексией в качестве одной из фундаментальных. Безусловно, гипертекст в эпоху постмодернизма стал в кинематографе гораздо более выражен, чем в литературе, он оказался гибким приспособлением, своеобразным лабиринтом, в образе которого погружался зритель в нелинейность, наполненную многообразием смыслов.

Анализируя смыслообразующие факторы в картине мира, остановимся на исследованных Ж. Дерридой, отцом постструктуралистской доктрины, который утверждал, что язык, как литературный, так и научный, всегда художественен, иными словами, существует и развивается по законам риторики, метафоры и бесконечных метаморфоз образования и интерпретации смыслов, которые он несет.

Ж.-Ф. Лиотар рассматривал мир смыслов в качестве литературного дискурса, для чего им была предложена теория нарратива, согласно которой основным

сознательным способом освоения мира является повествовательный вымысел, придуманная история. Изначальная установка на мир как некую совокупность игры смыслов в определенной степени сглаживает кризисное состояние сознания и помогает преодолеть кризис культуры в целом.

Отметим также, что концепция поэтического мышления может быть взята за систему координат, в рамках которой создается модель реальности как текста, подверженного метаморфозам, калейдоскопически фрагментарного и иррационального. Принцип методологического сомнения в истинности того или иного смысла по отношению ко всем предлагаемым сознанию установкам, убеждениям и искусственно внедряемым истинам становится предпосылкой мифологичности научного мышления постструктуралистов, одной из черт которого является допущение нескольких одновременно различных концепций и представлений, фантомов и мифологем.

Данное состояние сознания получило в науке наименование «постмодернистской чувствительности», которая И. Ильиным описывалась так: «Специфическое видение мира как хаоса, лишённого причинно-следственных связей и ценностных ориентиров, мира децентрированного, предстающего сознанию лишь в виде иерархически неупорядоченных фрагментов, и получило название «постмодернистской чувствительности» как ключевого понятия постмодернизма» [1].

Данный подход значительно менял картину мира, стирая определенность и точность любого смысла и предлагая иной способ освоения мира и создания собственной поэтической реальности. Многообразие смыслов, нарушение четких логических связей, ассоциативность, образность, метафоричность и мифологичность, свойственные поэтическому мышлению, распространяются не только на область художественного творчества, но и философии, культуры, научного познания.

Представители постмодернизма наглядно доказали, что логический аппарат немошен по сравнению с интуицией, откровения которой способны воссоздать новый поэтический мир смыслов и построить новую вселенную. Последнее открытие породило к жизни желающих пойти этим путем, в числе которых можно перечислить имена Д. Лоджа, Д. Фоккема, Д. Хеймана, их труды были нацелены на создание «фрагментированного дискурса».

Отметим, что в результате данного дискурса оказались выявленными «повествовательные стратегии» постмодернистского письма, которые отражали условный характер любого творчества и любого смысла как такового. Согласно мнению Хеймана, именно эти техники осуществили своего рода ревизию стереотипов смыслов, базирующуюся на реалистических традициях и логических концепциях [2].

Представители постмодернизма обратились к феномену, лежащему на стыке литературы, критики, философии, лингвистики и культурологии, – поэтическому мышлению. Основными творческими приемами этого феномена являются: «техника намека», суть которой – в восстановлении подлинного смысла слова или образа путем игры ассоциаций, мифологических

образов; «сказывание» – создание в художественном произведении мира как аутентичной целостности, которая существует вне времени и пространства.

Понятие «метарассказ» предложено Ж.-Ф. Лиотаром, который под этим словом подразумевает все объяснительные системы, способствующие благополучию буржуазного общества, так или иначе оправдывающие. Религия, наука, история, философия беспощадно относятся им к оправдывающим недо-статки общества, структурам, которые рожают смыслы, «заказанные» обществом и культурой.

Если следовать логике Лиотара, то придем к заключению, согласно которому любая форма «узаконенного знания» – специфический тип дискурса-повествования. Цель любого оформления знания – формулирование метадискурса о нем. По словам И. Ильина, для Лиотара «век постмодерна» в целом характеризуется эрозией веры в великие «метаповествования», в «метарассказы», легитимирующие, объединяющие и «тотализирующие» представления о современности. Сегодня, как пишет Лиотар, мы являемся свидетелями раздробления, расщепления великих историй и появления множества более простых, мелких, локальных историй-рассказов. Значение этих крайне парадоксальных по своей природе повествований не в том, чтобы узаконить, легитимировать знание, а в том, чтобы «драматизировать наше понимание кризиса детерминизма» [3].

По мнению Лиотара, способом от наваждения «метарассказов» может стать эклектизм: «Эклектизм является нулевой степенью общей культуры: по радио слушают реггей, в кино смотрят вестерн, на ленч идут в закусочную Макдональдс, на обед – в ресторан с местной кухней, употребляют парижские духи в Токио и носят одежду в стиле ретро в Гонконге... Становясь китчем, искусство способствует неразборчивости вкуса меценатов. Художники, владельцы картинных галерей, критика и публика толпой стекаются туда, где «что-то происходит». Однако истинная реальность «что-то происходит» – это реальность денег: при отсутствии эстетических критериев оказывается возможным и полезным определять ценность произведений искусства по той прибыли, которую они дают. Подобная реальность примиряет все, даже самые противоречивые тенденции в искусстве, при условии, что эти тенденции и потребности обладают покупательной способностью» [3].

Соглашаясь с ученым в том, что порождаемые обществом смыслы имеют одну цель – его стабилизацию, отметим, что средства массовой информации также способствуют гедонистическому отношению к жизни, а также потребительскому отношению к искусству, что противоречит позитивному развитию культуры и неизбежно приводит ее к кризису. Выводом из этой ситуации представляется воображаемая деконструкция так называемой «политики языковых игр», которая является способом освобождения от навязанной обществом игры смыслами.

В данной связи уместно привести мнение Д. Бартелми: «Проблема смысла текста сегодня переходит с уровня объективного мифа, функционирующего по правилам метаповествований истории, рели-

гии, художественной и литературной традиции или какого-либо другого метаповествования, внешнего по отношению как к произведению, так и к воспринимающему его индивиду, на уровень чисто личностного восприятия» [4, с. 223].

Т. Дан, вторя этой мысли, пишет о системе «двойного кодирования смысла», называя его основным художественным приемом постмодернизма. С одной стороны, практики постмодернизма используют современные технологии и тематику средств массовой информации, но с другой – их произведения обладают привлекательностью: «В этом отношении постмодернизм может быть шагом вперед к подлинно общественному искусству в том смысле, что он обращен в одно и то же время, хотя и по разным причинам, к различным «интерпретативным сообществам» [4, с. 226].

Отметим также, что попытка реализовать в культуре «двойное кодирование смыслами» была свойственна для русской прозы: А. Цветков-младший, И. Бражников, Д. Давидов и другие пытались писать на языке разных смыслов одновременно, строя свои произведения как гипертекст.

Литературный опыт построения гипертекста позволяет сказать, что текст, обладающий многообразием смыслов, является формой гипернарратива, который представляет собой повествование, которое может быть истолковано принципиально шире, чем это позволяют наличные смысловые элементы текста [5].

Поскольку во второй половине XX века жизнь была постоянно насыщена опасностью, необычностью конфликтов между государствами, человечество стояло перед лицом третьей мировой войны. Яркие произведения отечественной и мировой культуры противостояли ядерному безумию, изображая ужас и состояние человечества в случае ядерной войны. Убежденность в неизбежной гибели мира в случае термоядерной войны объединила художников различных политических взглядов, сторонников различных философских систем, которые условно объединились с целью спасения общества и культуры.

Данное состояние породило один из основных смыслов, вокруг которого строились многие художественные произведения того времени, – апокалипсис. Этот смысл позволил объединить вокруг себя и подчинить себе иные смыслы, и стал центральным формообразующим смыслом для многих произведений культуры того времени. Таким образом, мы приходим к тому, что смыслообразующим фактором в картине мира нередко становятся не только мистификация, но и некие универсальные темы, представляющие собой реальную угрозу катастрофы, полного разрушения общества и культуры, одним словом, всего того, что так или иначе отражает современный кризис культуры.

Литература

1. Ильин, И. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа / И. Ильин. – М., 1998. – 256 с.
2. Hauman, D. Re-forming the narrative / D. Hauman. – Urbana, 1987.

3. Liotard, J. Answering question / J. Liotard. – Madison, 1984.

4. Barthelme, D. Unspeakable practices, unnatural act / D. Barthelme. – N. Y., 1968.

5. Kristeva, J. La revolution du langage poetique: l'avantgarde a la fin du XIXe siecle: Lautreamont et Mallarme / J. Kristeva. – P., 1976.

ЭКОНОМИКА

УДК 332.14:519.862.6

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭКОНОМЕТРИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ДЛЯ ОЦЕНКИ ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОГО ПОДХОДА В РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ (на примере Кемеровской области)

Т. А. Алабина, Е. А. Федулова

USING ECONOMETRIC METHODS FOR ASSESSING THE TARGET-ORIENTED METHOD IN REGIONAL ECONOMIC POLICY (the example of Kemerovo region)

T. A. Alabina, E. A. Fedulova

В статье на примере Кемеровской области показана возможность применения эконометрических методов для оценки программно-целевого подхода в региональной экономической политике. Описаны изменения объемов ВРП, федеральных и региональных целевых программ субъекта Федерации. Установлены расчётные значения объемов финансирования по федеральным и региональным целевым программам, необходимые для достижения плановых величин ВРП Кемеровской области, указанных в Стратегии развития Кемеровской области на период до 2025 г.

Ключевые слова: программно-целевой подход, целевые программы развития региона, эконометрическое моделирование, стратегия развития субъекта Федерации, прогноз финансирования программных мероприятий.

The article shows the possibility of using econometric methods for assessing the target-oriented method in regional economic policy on the example of Kemerovo region. Also the changes in volumes of Gross Region Product, changes in federal and regional purpose-oriented programme of development in the region are described in the article. Estimated rates of funding in federal and regional purpose-oriented programmes, which are necessary for reaching the planned Gross Region Product of Kemerovo region, specified in the Strategy of development of Kemerovo region till 2025 has been calculated.

Keywords: target-oriented method, purpose-oriented programme of development in the region, econometric modeling, development strategy of the subject of Federation, forecast of funding of programmed activities.

В условиях нестабильной экономики прогноз возможных вариантов развития событий может оказаться весьма приблизительным. Поэтому важно определить результат от использования государственных средств для широкого диапазона значений изменяемых параметров. Для каждого конкретного случая эксперту необходимо самостоятельно определять форму взаимосвязи показателей эффективности и изменяемых параметров. Такие расчеты весьма объемны и требуют больших затрат времени. Поэтому целесообразно использовать *методы моделирования*, позволяющие установить в общем виде взаимосвязь между показателями эффективности использования государственных средств и изменяемыми параметрами экономики страны или региона, учесть в расчетах эффективности вложений специфические особенности потоков платежей и иных характеристик конкретных видов государственных вложений [1]. Эта мето-

дика позволяет оценивать результат от использования государственных средств на разных этапах: при предварительной разработке проектов, на стадии планирования, а также на стадии реализации проектов.

Для оценки результатов реализации региональной экономической политики посредством программно-целевого подхода предлагается использовать эконометрическое моделирование, проводимое при помощи информационных технологий. Для проведения количественной оценки влияния федеральных и региональных целевых программ на экономику Кемеровской области использован метод корреляционно-регрессионного анализа. В качестве обобщающего показателя, характеризующего масштабы экономики региона, выбран валовой региональный продукт (рис. 1). Во-первых, ВРП является основным показателем, характеризующим экономический рост региона и его устойчивое развитие; во-вторых, максималь-

но отражает добавленную стоимость практически всех отраслей экономики региона [2, с. 7]. Объемы освоенных финансовых средств, поступивших по федеральным и региональным целевым программам (ФЦП и РЦП), реализуемым на территории Кемеровской области в 1993 – 2008 гг., использованы в качестве двух факторов осуществления программно-целевого подхода.

За 1993 – 2008 гг. как величина ВРП в текущих ценах, так и объёмы финансирования по федеральным

и региональным целевым программам, реализуемым на территории Кемеровской области, носили циклический характер. За этот период объём ВРП Кузбасса в текущих ценах вырос более чем в 150 раз: с 3,7 млрд руб. в 1993 г. до 575,9 млрд руб. в 2008 г. Падение объёмов показателя к 1998 г. можно объяснить сменой политико-экономического курса региона, а также макроэкономической конъюнктурой в стране.

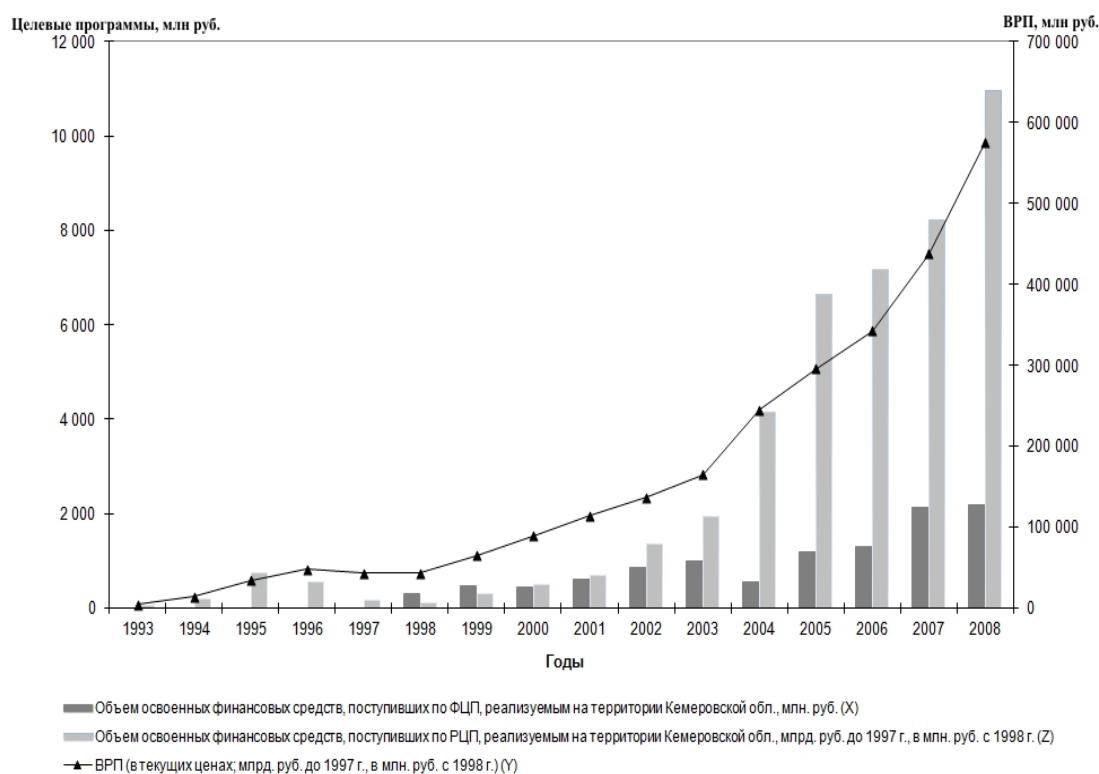

Рис. 1. Динамика объемов ВРП, федеральных и региональных целевых программ Кемеровской области за 1993 – 2008 гг.

Для Кемеровской области объем освоенных финансовых средств по федеральным целевым программам увеличился более чем в 7 раз, а также расширился перечень финансируемых федеральных программ и их подпрограмм в 1,8 раза (с 20 федеральных целевых программ объемом 301 млн руб. в 1998 г. до 36 программ объемом 2178 млн руб. в 2008 г.). Это является следствием роста социально-значимых программ. По федеральным программам в период 1998 – 2008 гг. проблемными были 2000 г. (с объемом финансирования 443,571 млн руб. из федерального бюджета) и 2004 г. (539,18 млн руб.).

Объем освоенных финансовых средств по региональным целевым программам за период 1993 – 2008 гг. практически повторяет график ВРП: также выделяется 1998 г. (объем финансирования 90,796 млн руб. из регионального бюджета). До 1995 г. включительно наблюдается рост объемов освоенных средств по региональным программам области (1995 г. был исключением в негативно складывающейся тенденции развития экономики Кузбасса в первый период её развития).

Из общего тренда выделяется 2004 г. (рис. 1), связанный с резким ростом объемов ВРП при снижении объемов финансирования по федеральным программам. На наш взгляд, основную роль сыграл в эти годы политический фактор, когда основное внимание федеральных властей было сосредоточено на выборах Президента России, а основная нагрузка по финансированию целевых программ легла на регион. Рост объемов финансирования из регионального бюджета по региональным программам в 2004 г. составил в 2,15 раза по сравнению с 2003 г. Рост ВРП объясняется увеличением средств из регионального бюджета. С 2004 г. в финансировании целевых программ области происходит перераспределение. С этого года основным источником финансирования является региональный бюджет.

В ходе исследования мультиколлинеарности факторов сделан вывод о сильной межфакторной связи между ВРП в текущих ценах и объемом освоенных финансовых средств по региональным целевым программам в сравнении с влиянием объемов федеральных целевых программ Кемеровской области за рас-

смаатриваемый период. Это объясняется тем, что зачастую в регионе виднее, в какую сферу экономики необходимо направлять бюджетные средства для её устойчивого комплексного развития. Часть финансирования по федеральным программам может доходить до региона в натуральном виде (например, высокотехнологичное диагностическое оборудование для больниц или поликлиник), а следовательно, в ходе освоения таких средств регион не получает никакой отдачи, т. к. финансовые средства, фактически потраченные на закупку оборудования, израсходованы не на его территории. В отличие от этого, большая часть освоенных средств по региональным целевым программам остаётся у экономических субъектов региона, непосредственно финансируя региональный бизнес, поддерживая или создавая ему рабочие места. Кроме того, корреляционная связь может быть результатом воздействия на экономику региона собственных бюджетных средств, собранных на данной территории в качестве различных налогов, сборов и т. д. с различных категорий налогоплательщиков.

Наличие интеркорреляции факторов является как положительным, так и отрицательным явлением. С одной стороны, она является доказательством того, что различные виды целевых программ на территории Кузбасса за исследуемый период взаимодействуют друг с другом: власти Кемеровской области при реализации программных мероприятий опираются на разработанные и реализуемые федеральные программы как средство реализации региональной экономической политики государства, в основе которой лежит стратегия развития государства на долгосрочный период. С другой стороны, интеркорреляция не позволяет оценить совокупное влияние целевых программ и ответить на вопрос: как будет меняться объём ВРП Кузбасса в случае их нулевого финансирования из федерального и регионального бюджетов.

В работе построены две независимые эконометрические модели:

1) влияние объема освоенных финансовых средств по федеральным целевым программам, реализуемым на территории Кемеровской области, на ВРП региона за период 1998 – 2008 гг. (1);

2) влияние объема освоенных финансовых средств по региональным целевым программам, реализуемым на территории Кемеровской области, на ВРП региона за период 1993 – 2008 гг. (2).

Проанализировав 15 уравнений зависимостей (линейная, логарифмическая, полиномиальная, степенная и др.) и их параметров, в общем виде первая модель выглядит следующим образом:

$$Y = 92744,754 + 0,092 X^2, \quad (1)$$

где Y – ВРП региона в текущих ценах (млрд руб. до 1997 г., в млн руб. с 1998 г.);

X – объем освоенных финансовых средств по федеральным целевым программам, реализуемым на территории Кемеровской области (млрд руб. до 1997 г., в млн руб. с 1998 г.).

Проанализировав 13 уравнений зависимостей (линейная, логарифмическая, полиномиальная, степенная и др.) и их параметров, в общем виде вторая модель выглядит следующим образом:

$$Y = 38333,25 + 46,844Z, \quad (2)$$

где Y – ВРП региона в текущих ценах (млрд руб. до 1997 г., в млн руб. с 1998 г.);

Z – объем освоенных финансовых средств по региональным целевым программам, реализуемым на территории Кемеровской области (млрд руб. до 1997 г., в млн руб. с 1998 г.).

С ростом величины объема освоенных финансовых средств, поступивших по региональным программам, реализуемым на территории Кемеровской области, на 1 млн руб. величина ВРП за исследуемый период увеличивалась в текущих ценах в среднем на 46,844 млн руб. ежегодно. Это своего рода эмпирический норматив приростной эффективности финансирования по региональным программам для Кемеровской области. Если увеличение финансирования по новым программам приведет к меньшему росту ВРП региона, то их принятие и внедрение не является целесообразным. Положительная величина свободного члена (38333,25) уравнения означает, что область существования признака Y включает нулевое значение признака Z , что в принципе объяснимо: Кузбасс может обойтись без самофинансирования по региональным программам (нулевое значение Z). Однако при отсутствии такого финансирования среднегодовое значение величины ВРП региона будет достаточно низко – лишь на уровне 1996 – 1998 гг.

Программно-целевой подход оказывает существенное влияние на экономику Кемеровской области, т. к. обе построенные модели объясняют свыше 86 % общих дисперсий величины ВРП в текущих ценах. Следовательно, развитие экономики региона сильно зависит от правильно выбранных целевых программ развития. Связь величины ВРП региона с объемом финансирования региональных целевых программ теснее, чем с объемом финансирования по федеральным (значения показателей соответственно равны для второй модели 0,964183 и для первой модели 0,866819). Это подтверждает вывод, сделанный на основе анализа коэффициентов корреляции: региональным властям лучше видны направления вложения финансовых средств.

Расчёты коэффициентов эластичности построенных уравнений (1) и (2) показали:

увеличение объемов финансирования федеральных целевых программ, реализуемых на территории Кемеровской области, на 1 % от их среднего уровня приводит к увеличению величины ВРП региона на 0,853 %;

увеличение объемов финансирования региональных целевых программ, реализуемых на территории Кузбасса, на 1 % от их среднего уровня увеличивает ВРП области на 0,769 %;

Вложение финансовых средств в федеральные программы приносит большую отдачу для экономики региона, чем объем освоенных финансовых средств по региональным. Это можно объяснить масштабом реализации федеральных программ, которые, как правило, распространяются на ряд регионов страны (макроэкономический эффект). Поэтому реализация региональной экономической политики может обойтись без вливания финансовых средств субъекта Федерации (Кемеровской области), но не может реализовываться в масштабах экономики страны без финансовых средств федерального бюджета.

В Кемеровской области существует система актов, обеспечивающих стратегическое и оперативное управление социально-экономическим развитием региона, в т. ч. разработана Комплексная программа социально-экономического развития Кемеровской области до 2025 г., состоящая из Стратегии развития области на период до 2025 г. [3] и Схемы территориального планирования региона. Социально-экономическое развитие Кемеровской области на долгосрочную перспективу имеет два сценария: инерционный сценарий предполагает рост экономики за счет усиления сырьевой специализации региона, базовый (целевой) сценарий – это достижение конкурентоспособности в опоре на рост технологий и человеческого капитала, диверсификация экономики, расширение ядра базового сектора как в направлении глубины переработки добываемого сырья, так и в направлении включения в него новых видов (отраслей, секторов) производственной деятельности. В результате реализации мероприятий Стратегии развития региона до 2025 г. предполагается обеспечить среднегодовой темп роста ВРП на уровне 5,44 п.п. (в целевом варианте, в инерционном варианте развития этот показатель составит не более 4,35 п.п.). Такие темпы роста увеличат объем ВРП Кемеровской области к 2025 г. в 2,3 – 2,9 раза больше уровня 2005 г. (в пределах 721,2 – 886,1 млрд руб. в ценах 2005 г.).

Установлены и обоснованы по моделям (1) и (2) расчётные значения объемов финансирования по фе-

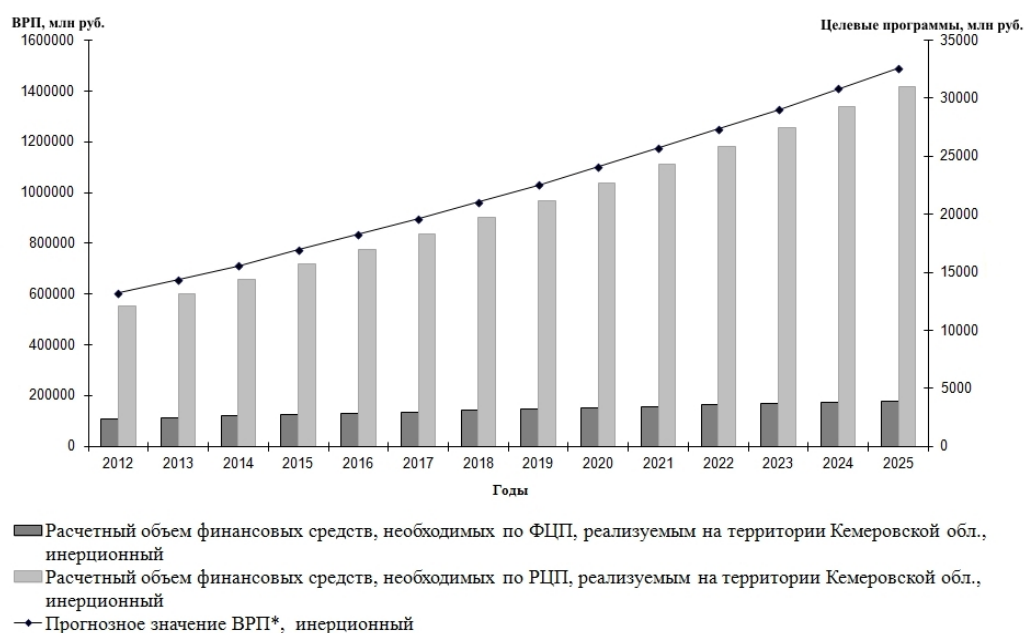
деральным и региональным целевым программам, необходимые для достижения плановых величин ВРП Кемеровской области, указанных в Стратегии развития Кемеровской области на период до 2025 г. Обоснованием такого расчёта стали следующие причины:

1) Заявленные в Стратегии развития Кемеровской области до 2025 года внедрение в государственное и муниципальное управление в регионе программно-проектного подхода и переход к программно-целевому бюджету, в т. ч. формирование программно-целевого бюджета на основе областных целевых и ведомственных программ.

2) Отсутствие в Стратегии развития региона объёмов финансирования целевых программ из федерального и регионального бюджетов.

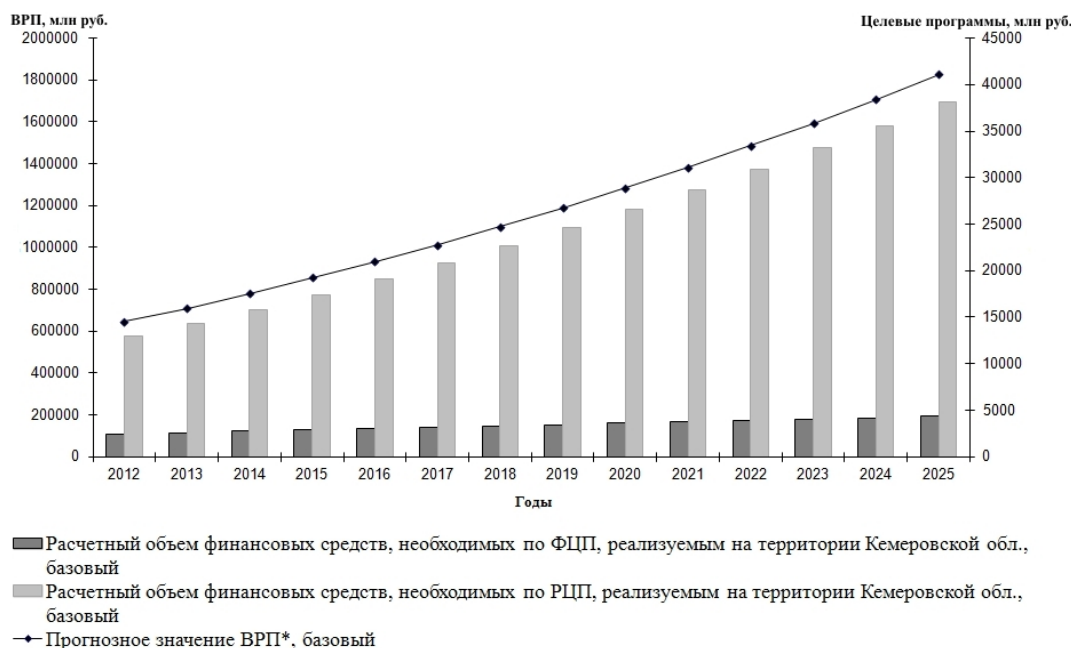
3) Инвестирование в экономику региона в базовом и инерционном сценариях реализации Стратегии представлено в общем виде объёмами инвестиций в основной капитал без структурирования по отраслям и сферам деятельности, а также возможных источников финансирования.

Для достижения прогнозируемого уровня развития региона по инерционному сценарию (рис. 2) к 2025 г. необходимый объём финансирования из федерального бюджета должен составить 3,9 млрд руб., из регионального бюджета – 31 млрд руб.

* Источник: Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области на долгосрочную перспективу.

Рис. 2. Динамика прогнозных значений ВРП, расчетных объемов финансирования по федеральным и региональным целевым программам Кемеровской области до 2025 г., необходимых для реализации стратегии регионального развития по инерционному сценарию

* Источник: Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области на долгосрочную перспективу.

Рис. 3. Динамика прогнозных значений ВРП, расчетных объемов финансирования по федеральным и региональным целевым программам Кемеровской области до 2025 г., необходимых для реализации стратегии регионального развития по базовому сценарию

Для базового сценария (рис. 3) достижение прогнозируемого уровня развития региона к 2025 г. потребует 4,3 млрд руб. финансирования из федерального бюджета. Большая часть инвестиционной нагрузки придется на региональный бюджет – до 38,1 млрд руб. к 2025 г.

Расчеты показали, что самофинансирование региона за отдельные годы должно до 8,8 раз превышать федеральные поступления для базового сценария развития и до 8 раз – для инерционного. Рост федеральных инвестиций в экономику Кемеровской области в зависимости от сценария развития прогнозируется на уровне 585 – 740 млн руб. за каждые 5 лет. Однако рост объемов самофинансирования за тот же период должен составить 7 – 11,6 млрд руб. Таким образом, к 2025 г. предполагается значительное увеличение расходной части регионального бюджета Кемеровской области по финансированию целевых программ.

При разработке и реализации разного уровня целевых программ необходимо делать ставку на четкое выделение приоритетов и эффективное расходование средств: каждый государственный рубль должен быть нацелен на конечный результат, т. е. соответствовать целям экономического роста. Приоритет должен быть отдан целевым программам в сфере высоких технологий и инноваций, образования и здравоохранения. Одной из задач стратегии социально-экономического развития региона является создание инновационного задела для роста новых секторов производства.

Оценка реализации программно-целевого подхода в региональной экономической политике Кемеровской области эконометрическими методами показала, что важное место занимают целевые программы развития. Анализ осуществления федеральных и региональных целевых программ на территории Кемеровской области в 1993 – 2008 гг. показал их существенное влияние. Кроме того, наибольший макроэкономический эффект наблюдался от реализации федеральных программ, хотя более точно (адресно) реализовались региональные.

Литература

1. Васильева, М. В. Оценка эффективности использования государственных средств [Электронный ресурс] / М. В. Васильева. – Режим доступа: http://www.cfin.ru/management/controlling/productivity_of_public_funds.shtml – дата обращения: 27.05.2009.
2. Государственные финансы Кемеровской области в 2007-2009 гг.: статистический сборник [Текст] // Федеральная служба государственной статистики: Территориальный орган по Кемеровской области. – Кемерово, 2010. – 69 с.
3. Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области на долгосрочную перспективу [Текст] / под руководством В. Н. Княгинина. – СПб: Центр стратегических разработок «Северо-Запад», 2007. – 183 с.

РИСК-МЕНЕДЖМЕНТ КАК НЕОБХОДИМЫЙ КОМПОНЕНТ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ БИЗНЕСА, ФУНКЦИОНИРУЮЩЕГО В НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ И ИЗМЕНЧИВЫХ УСЛОВИЯХ РЫНОЧНОЙ СРЕДЫ

О. Ю. Козырев, Ю. Т. Рубаник, В. В. Михальченко

RISK MANAGEMENT AS A CORPORATE PERFORMANCE MANAGEMENT SYSTEM COMPONENT FOR UNCERTAIN AND TURBULENT MARKET ENVIRONMENT

O. Yu. Kozyrev, Yu. T. Rubanik, V. V. Mikhachenko

Рассмотрена природа рисков, возникающих при функционировании производственных систем в неопределенных и изменчивых условиях рыночной среды, и методические подходы к управлению рисками.

Ключевые слова: *управление эффективностью и рисками, рыночная среда, неопределенность, изменчивость.*

The manufacturing systems sources of risks for uncertain and turbulent market environment as well as risk management methodology are considered.

Keywords: *performance and risk management, market environment uncertainty and turbulence*

В современной управленческой литературе риск трактуется как возможность нежелательного отклонения от цели, к которой стремится субъект управления и ради достижения которой он вкладывает в бизнес ресурсы [1; 2; 3; 4; 5].

Соответственно, один из наиболее распространенных на практике подходов к классификации рисков связан с указанием на вид отклонения от поставленной цели управления (табл.).

Таблица

Классификация основных видов рисков, возникающих в деятельности организации, по критерию возможности недостижения целей управления (по данным [3])

Целевая характеристика (требование)	Тип и формы проявления риска
Выполнение производственного плана (план-проекта) по срокам, затратам, показателям качества и др.	Производственный риск – возможность невыполнения запланированных объемов работ, выход за рамки бюджета, недостижение заданных функциональных показателей.
Выполнение инвестиционного плана по срокам, эффективности, рискам.	Инвестиционный риск – возможность возникновения потерь из-за использования нерациональной схемы инвестирования.
Реализация стратегического плана с точки зрения достижения необходимой конкурентной позиции.	Рыночный риск – возможность недостижения (потеря) запланированной доли рынка, позиционирование относительно конкурентов и т. п.
Достижение устойчивой репутации, надежной социально-политической поддержки в социуме, органах власти.	Политический риск – возможность потери репутации в глазах профессионального сообщества, социума, утрата доверия, политической поддержки органов власти.
Обеспечение финансовой стабильности в ходе реализации проекта.	Финансовый риск – возможность потери финансовой стабильности, риск банкротства.
Достижение необходимого уровня экономической эффективности.	Экономический риск – возможность недостижения заданного уровня прибыльности, рентабельности.

С понятием «риск» тесно связано понятие «неопределенность». Неопределенность трактуется как неполнота знаний о факторах, влияющих на возможность достижения цели. В данной трактовке неопределенность выступает как причинный фактор, как предпосылка, обуславливающая появление риска. Или, если воспользоваться образным определением, неопределенность есть среда обитания для риска [3]. Совершенно очевидно, чем выше уровень изменчивости параметров экономической среды, тем выше и неопределенность.

С точки зрения современных концепций управления эффективностью, для интерпретации категории риска можно воспользоваться логической схемой

цикла PDCA: Plan – Do – Check – Act [6]. Данная концепция описывает логику действия субъекта управления в условиях неопределенности.

На стадии Plan разрабатывается план действий. Трудность формирования этого плана и принятия решения на данной стадии связана с неопределенностью, т. е. с недостатком знаний, позволяющих прогнозировать последствия принимаемых и закладываемых в программу действий решений, с точки зрения их соответствия целевым (желательным) исходам. Указанная неопределенность является источником риска, т. е. возможности отклонения характеристик и показателей результата от целевых значений.

Чтобы минимизировать указанные риски и связанные с ними потери, субъект управления начинает с пробного шага – Do, реализуя запланированные действия в ограниченном масштабе, только в какой-то малой части управляемой системы (пробует).

Во многих случаях фаза пробной реализации плана осуществляется «виртуально», с использованием различного рода моделей объекта управления (математических, компьютерных, физических, деловых игр, имитаций и др.).

По результатам реализации пробной стадии Do, на стадии Check (контроль) субъект управления не просто корректирует способ действия, предусмотренный планом, но, что существенно более важно, он корректирует исходные предпосылки, т. е. знания, положенные в основу планирования. По результатам пробной стадии данные знания могут быть подтверждены. Тогда осуществление плана – Act продолжается в ситуации меньшей неопределенности, т. е. большего знания, большей степени субъективной уверенности в положительном исходе реализации плана, т. е. с меньшей степенью риска. В противном случае, субъект управления корректирует предпосылки, заложенные в основу плана, и вновь повторяет пробный цикл, вновь анализирует соответствие результатов и предпосылок плану и т. д. В результате повторной реализации данного цикла осуществляется непрерывный процесс накопления знаний, снижение риска, повышение качества управленческих решений – возрастание эффективности управления.

Наиболее часто цикл PDCA интерпретируют именно как логическую концепцию и инструмент накопления знаний, необходимых для достижения целей управления максимально эффективным образом. В этом смысле концепция цикла находится в самой сердцевине современного подхода к управлению эффективностью. Однако в контексте настоящего рассмотрения существует возможность расширения данной интерпретации, и цикл PDCA можно рассматривать как концепцию снижения неопределенности и риска в процессе управления. Ценность такой расширенной интерпретации заключается в возможности рассмотрения процессов управления рисками и управления результативностью и эффективностью в ходе функционирования системы управления с точки зрения единых методологических позиций. Соответственно, большой объем наработок в такой зрелой области исследования, как управление эффективностью, может быть перенесен в относительно молодую дисциплину управления рисками – рискологию.

В частности, на основе информационных моделей, развитых в рамках теории современного менеджмента, можно осуществлять количественную оценку меры неопределенности в тех или иных ситуациях и, следовательно, оценку потенциального риска для этих ситуаций.

На рис. 1 приведена концептуальная модель изменения уровня неопределенности в процессе принятия управленческого решения.

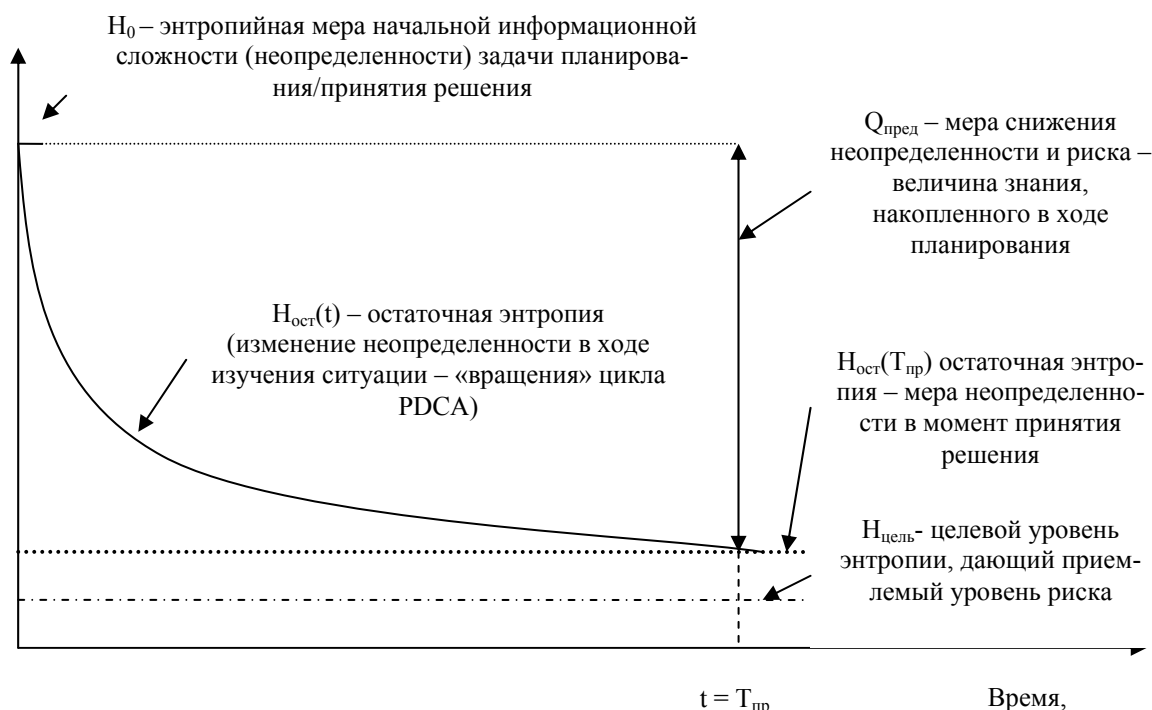

Рис. 1. Концептуальная модель изменения неопределенности и риска в результате накопления знаний при подготовке управленческого решения

В качестве меры неопределенности среды и, соответственно, сложности принятия управленческого решения удобно использовать меру, введенную Хартли [7]. Данная мера характеризует неопределенность

логарифмом числа потенциально возможных вариантов выбора данного решения.

$$H = \log_2 N_i, \quad (1.1)$$

где N_i – число возможных вариантов выбора при принятии решения.

Введенная таким образом мера по своему смыслу аналогична широко используемой в современной науке универсальной мере неопределенности – энтропии. Поэтому данная мера получила название «энтропии выбора». Ее размерность – бит информации. Сложностью в один бит характеризуется самый простой выбор – одного из двух возможных вариантов ($H = 1$). Все другие выборы будут характеризоваться большей неопределенностью/сложностью, т. е. большим числом бит [7].

В момент начала принятия решения число возможных вариантов и, следовательно, неопределенность выбора максимальны. Соответственно исходная (априорная) энтропия выбора максимальна:

$$H = H_0.$$

Если лицо, принимающее решение (ЛПР), сделает выбор в пользу определенного варианта в этот момент, то возможность принятия правильного, оптимального решения будет очень мала, т. е. риск принятия неверного решения будет максимальным и очень значимым.

Именно для того, чтобы уменьшить этот риск, ЛПР осуществляет действия, направленные на получение дополнительных знаний («реализует цикл PDCA»). Полученные дополнительные знания позволяют сократить число рассматриваемых вариантов и сужают область выбора, т. е. неопределенность уменьшается, так что остаточная энтропия снижается до величины $H_{ост}(t)$. Для описания динамики изменения неопределенности, характеризуемой величиной остаточной энтропии, по мере вращения цикла PDCA, может быть использована экспоненциальная временная аппроксимация:

$$H_{ост}(t) = H_0 \cdot \exp(-t / \tau_0). \quad (1.2)$$

В выражении (1.2) множитель при t в экспоненциальной функции есть характерное время τ_0 , которое количественно характеризует скорость накопления знаний, необходимых для сокращения числа вариантов выбора в процессе подготовки управленческого решения.

При этом характерное время обратно пропорционально коэффициенту γ , характеризующему скорость принятия типовых управленческих решений (решение/время):

$$\tau_{np} = \frac{1}{\gamma - \nu}. \quad (1.3)$$

В выражении (1.3) для характерного времени дополнительно введен параметр ν , учитывающий качество принимаемых решений. Качество решения характеризуется долей решений, которые значимо отклоняются от оптимального. Если цикл обучения PDCA реализуется неправильно, неэффективно [6], т. е. большая часть промежуточных решений, принятых в ходе планирования, оказываются неверными, тогда $\nu \rightarrow \gamma$ и, следовательно, τ_0 очень быстро возрастает, т. е. процесс снижения неопределенности сильно замедляется.

Параметр ν можно также интерпретировать как скорость старения знаний о состоянии системы управ-

ления. Если условия в окружающей среде и самой управляемой системе меняются очень быстро, то при фиксированной скорости обучения значительная часть решений будут оказываться неэффективными, так как они уже не соответствуют новой ситуации. Именно поэтому в организациях постиндустриальной эпохи, действующих в высокотурбулентной среде, такое внимание уделяется повышению скорости обучения, т. е. росту «числа оборотов цикла PDCA», совершаемых за определенный период.

В принципе, если время планирования и подготовки управленческого решения не ограничено, то неопределенность, характеризуемая остаточной энтропией и, соответственно, риски принятия неверного решения могут быть снижены до любого, наперед заданного значения. Однако в реальной жизни время, доступное для принятия решения, всегда ограничено. Если решение принимается в момент $t = T_{пр}$, то ему будет соответствовать определенный уровень остаточной энтропии, определяемый соотношениями (1.2) и (1.3). В этот момент лицо, принимающее решение, должно принять на себя ответственность за разрешение оставшейся неопределенности выбора. Согласно [7], если уровень остаточной энтропии, рассчитываемый по соотношению (1.2), не превышает величину порядка 3,0 – 3,3 бит (число вариантов выбора не превышает 8 – 10), то качество решения может быть весьма высоким, т. е. риск принятия неверного решения низкий. Однако если величина остаточной энтропии существенно превышает это пороговое значение, то ЛПР воспринимает данное решение как чрезмерно сложное. Принятие решения в этом случае будет подобно действиям наугад, т. е. возможность принятия неверного решения очень велика и, таким образом, риск ошибки с негативными последствиями весьма значим.

Если уровень сложности принимаемого решения и возникающий при этом риск неверного решения представляются чрезмерными, тогда, в соответствии с рассматриваемой математической моделью, существует три основных направления действий: уменьшить исходную неопределенность; повысить скорость принятия решений; повысить качество принимаемых решений.

Снизить исходную (априорную) сложность принятия решений возможно в том случае, если система управления имеет исходный запас знаний, относящихся к принятию данного типа решений. Для того чтобы создать запас указанных знаний, система должна обладать памятью, т. е. способностью фиксировать опыт удачных решений, с тем, чтобы повторно использовать его по мере возникновения сходных управленческих ситуаций. Традиционная организация фиксирует накопленный опыт в формализованной форме, т. е. стандартах различного вида (организационные регламенты, политики, процессы, процедуры и т. д.), а также в неформализованной форме – в личном накопленном опыте своих сотрудников [8].

Следует отметить, что доля знаний, необходимых для принятия эффективных управленческих решений, содержащихся в неформализованном виде в реальных организациях, практически всегда превышает объем знаний, содержащихся в формализованном виде. Особо это верно в турбулентной, динамически изме-

нящейся среде, характерной для постиндустриальной экономики. Известно, что для повышения эффективности фиксации и повторного использования знаний современные организации переходят к целенаправленному управлению данным процессом, создавая специальные организационные механизмы, реализующие процесс «управления знаниями» [9; 10].

Скорость принятия управленческих решений в контексте данной модели, т. е. число решений, относящихся к определенной проблемной ситуации и принимаемых за некоторое фиксированное время, можно рассматривать как характеристику производительности специфических организационных процессов. Так же, как и любой другой вид организационной деятельности, эффективность данного специфического вида человеческой деятельности определяется возможностью выработки навыка, сосредоточения на данном виде работы, использования наработанных стандартов (алгоритмы), специальных приспособлений (информационные базы данных и знаний), людей, обладающих предрасположенностью к этому виду деятельности [8].

Опыт современных передовых организаций, и прежде всего «Тойоты», ориентирует нас на интенсивное использование всех указанных факторов обеспечения эффективности процесса накопления организационного знания [11].

В рамках, например, организационных систем Кайдзен [12] и Хошин [13] выявление и решение проблем превращается в регулярную деятельность на всех организационных уровнях, что позволяет вырабатывать необходимые устойчивые интеллектуальные навыки.

В распорядке рабочего времени специально выделяются значимые временные промежутки, в рамках которых работники всех уровней имеют возможность сосредоточиться на выявлении, анализе и решении проблем. Это может быть реализовано, например, в виде работы так называемых «кружков качества».

Процессы выявления и решения проблем стандартизируются, так же, как и процессы фиксации полученного организационного знания и его последующего распространения, в результате оно превращается в коллективно используемый ресурс.

Для поддержки процессов анализа и принятия решений используются стандартные инструменты, например, «7 простых инструментов качества» [12], а также компьютеризованные информационные базы данных и знаний.

Существенным фактором, определяющим результирующую скорость принятия решений в организации, является количество людей в организации, участвующих в принятии решений (имеющих право принять решение!). Именно поэтому в современных успешных организациях наблюдается стремление максимально повысить вовлеченность работников в принятие решений, делегировать право принятия решений на те организационные уровни, где находятся люди, обладающие наибольшей исходной информацией, позволяющей принять правильное решение. Последнее обстоятельство, безусловно, является критичным как с точки зрения

скорости, так и качества принимаемых решений. Эффективность процесса массового вовлечения людей в интеллектуальную деятельность обеспечивается соответствующими организационными политиками в области подбора и обучения персонала [14; 15; 16; 17].

Таким образом, на основе изложенного выше, можно утверждать об общности природы управления и рисками, и эффективностью, поскольку в основе и того, и другого лежит один и тот же фундаментальный процесс – уменьшение неопределенности на основе получения знаний. Невозможно объективно говорить об эффективности определенного проекта или бизнеса в целом, если наряду с оценкой привлекательности экономических результатов данного проекта не осуществляется оценка его рисков. Таким образом, риск является одним из значимых показателей эффективности человеческой деятельности. Эффективность – это векторная величина, разные ее аспекты отражают цели и интересы различных социальных групп. Но одновременно это означает, что с каждым аспектом эффективности (достижения соответствующих целей) связана и соответствующая возможность частичного или полного недостижения указанных целей, т. е. соответствующий риск.

В теории управления при поиске оптимальных решений принято выделять цели и ограничения. В формальной постановке задача поиска оптимального (эффективного) решения сводится к тому, что субъект управления стремится одновременно максимизировать главные критерии, характеризующие достижение целей управления, и при этом достичь уровня достаточности относительно ограничений [18]. Процесс же минимизации рисков есть часть процесса управления, направленного на удовлетворение необходимых ограничений. Поэтому фундаментально эти два процесса едины, управление рисками не имеет никакого смысла вне рассмотрения процесса управления для достижения намеченной цели. Процесс управления эффективностью – главный, смысловой. Процесс управления рисками – подчиненный, вспомогательный по отношению к главному процессу.

В то же время, отмечая общность природы процесса управления эффективностью и управления рисками, важно подчеркнуть специфику управления рисками.

Управление эффективностью концентрирует внимание на причинно-следственных закономерностях и связях, направлено на выявление возможностей по повышению результативности и качества организационных выходов в ходе реализации экономической деятельности.

Менеджмент риска (риск-менеджмент) фокусирует свое внимание на проблеме идентификации, оценке рисков, возникающих в ходе реализации данной деятельности, с тем, чтобы дать возможность использовать эту информацию при выборе вариантов повышения эффективности.

На рисунке 2 приведена схема процесса управления рисками, адаптированная на основе модели, представленной в работе [3].

Рис. 2. Логическая схема процесса риск-менеджмента как составного элемента системы управления эффективностью организации

Как в любой системе управления, исходным моментом в описании риск-менеджмента является определение целей. В данной системе цели управления – производные от общих целей системы.

В реальной практике далеко не все цели, которые ставит перед собой система управления, четко идентифицированы. Так, например, в деловых организациях в восприятии членов организации понимание цели управления зачастую чрезмерно сужено и отождествляется с экономическими целями («цель нашей организации – извлечение прибыли!»). На самом деле цели любой организации должны отражать цели всех социальных групп (стейкхолдеров), участие которых важно для жизнедеятельности организации: потребителей, работников, управленцев, поставщиков, местных сообществ – властей на территории, где осуществляется деятельность организации и т. д. [19]. Каждая из этих групп имеет свою точку зрения на смысл и цели существования организации. Каждая социальная группа вносит свой вклад, расходует свои специфические ресурсы для обеспечения работы организации. Соответственно, каждая группа по-своему, относительно своих специфических критериев оценивает эффективность работы организации. Игнорирование целей любой из указанных социальных групп может привести к конфликтам интересов различной остроты, в результате которых может быть подорвана жизнеспособность организации.

Цель риск-менеджмента состоит в анализе целей и вложений, осуществляемых различными социальными группами, выделении тех из них (т. н. целей риска), при достижении которых потенциально могут возникнуть значимые конфликты, негативно сказывающиеся на эффективности организации в широком смысле этого слова.

Очевидно, что такое выделение может быть осуществлено только в контексте понимания стратегических целей, ценностей и приоритетов организации. Так, например, в организации, в состав ценностей которой входят не только цели достижения высоких экономических результатов, но и достижение социальной гармонии, гармонии с окружающей природной средой, помимо рисков недостижения экономических целей значимыми будут также возможные конфликты с работниками организации и местными сообществами в связи с угрозой нарушения экологического равновесия.

Соответственно в составе рисков, анализируемых и контролируемых системой риск-менеджмента, появятся риски трудовых конфликтов, потери уровня сотрудничества с работниками, возникновения значимого загрязнения окружающей среды. И, напротив, в «чисто коммерчески ориентированных» организациях такого типа конфликты могут рассматриваться как «несущественные», они не будут анализироваться, оцениваться и предотвращаться.

На этапе анализа риска решаются две основные задачи: выделение рисков и их оценка (ранжирование). Каждый тип конфликта критериев может порождать различные негативные эффекты, нежелательные отклонения от нормального функционирования организации (дисфункции). Задача риск-менеджмента по возможности полно идентифицировать потенциально возможные виды дисфункций, оценить возможность проявления соответствующих негативных последствий, величину возможного ущерба (стоимость риска).

Следующий этап связан с ранжированием рисков с точки зрения их значимости, трудности обнаружения, парирования, предотвращения. Принципиально важно подчеркнуть «селективную» направленность данного этапа, позволяющего сконцентрировать ресурсы системы управления на небольшом числе действительно значимых дисфункций, рисков и причин их появления. Если такая селекция не проводится, ресурсы организации могут быть рассредоточены по слишком большому числу контролируемых переменных. В результате эффективность системы риск-менеджмента окажется низкой, затраты ресурсов не будут сопровождаться соответствующей отдачей с точки зрения снижения действительно значимых рисков. Основным критерием для выделения рисков на данном этапе является отношение потерь от проявления риска (стоимости риска) к вложениям в его контроль и предотвращение. Для рисков, признанных значимыми, осуществляется анализ причинных факторов их появления и проявления, разрабатываются и оцениваются альтернативные варианты воздействия на данные риски.

Результаты анализа рисков фиксируются и включаются как необходимый компонент в общую базу знаний компании. Тем самым решается задача повышения исходного уровня знаний, с которым система подходит к решению последующих задач управления, повышается скорость и качество принимаемых управленческих решений. В свою очередь, меры контроля и предотвращения рисков становятся одним из элементов общей системы контроля и управления эффективностью организационной системы.

С точки зрения оценки возможности воздействия на риски, их удобно классифицировать на внешние и внутренние по отношению к организационной системе.

В соответствии с [3], применительно к проектной деятельности к внешним рискам относятся риски, связанные:

- с нестабильностью экономического законодательства, условиями инвестирования и использования прибыли;
- изменениями условий торговли с зарубежными странами (закрытие границ, изменение таможенных ставок и др.);
- неблагоприятными социально-экономическими изменениями в стране, влияющими на условия хозяйственной деятельности;
- возможностью проявления неблагоприятных погодных-климатических условий;
- изменениями общей экономической конъюнктуры, валютных курсов и т. п.;
- колебаниями спроса, цен, в том числе в результате действий конкурентов и др.

К числу внутренних рисков в проектной деятельности, относятся риски, связанные:

- с неполнотой или неточностью проектной документации, включая оценки плановых затрат, плановых сроков реализации проекта, достигаемых технико-экономических параметров;
- неполнотой или неточностью информации о финансовых возможностях и деловой репутации участников, поставщиков по проекту;

- неполнотой информации о состоянии и производительности технических средств, задействованных в реализации проекта;

- неполнотой информации об уровне квалификации и производительности рабочей силы, задействованной в проекте и др.

Во всех отмеченных видах внутренних рисков классификация осуществляется по отношению к возможным нежелательным отклонениям от некоторого оптимального (правильного) выполнения функций систем управления и процессов в бизнес-системах. В современной теории управления эффективностью для всех отклонений такого рода введен общий термин «вариабельность» [6]. Существенно в определении термина вариабельности то обстоятельство, что речь идет об изменчивости «рукотворной», т. е. связанной с функционированием созданных человеком целенаправленных систем. Изменчивость, связанная с проявлением естественных, природных факторов, обозначается термином «разнообразие». Смысл от введения данной терминологии состоит в том, что она позволяет правильно выбирать стратегию управления эффективностью и снижения рисков.

Наибольший потенциал повышения эффективности заключается в воздействии на источники этих рисков – факторы, порождающие вариабельность. В этом случае одновременно достигается как повышение эффективности, так и снижение рисков, важных для всех групп влияния. Такого рода глобальный эффект от вводимых улучшений один из столпов современного менеджмента У. Деминг называл «системной оптимизацией бизнеса» [20]. Он считал основным признаком современного стиля менеджмента именно нацеленность на достижение системной оптимизации.

Часть факторов, порождающих внешние риски, также могут быть определены как источники вариабельности, поскольку ответственность за их появление несут соответствующие органы регионального и государственного управления. Часть факторов связана с проявлением естественных свойств природы и социума. В частности, циклические колебания макроэкономической конъюнктуры можно рассматривать как пример проявления естественного («природного») разнообразия и динамичности глобальной рыночной среды. В тех случаях, когда мы сталкиваемся с проявлениями разнообразия и динамичности среды, наши защитные действия в основном носят пассивно-защитный характер, т. е. мы можем только или принимать эти риски, или передавать (страховать) их. Отметим, что принятие риска в общем случае предполагает создание определенных защитных механизмов, а именно – создание систем контроля для заблаговременного предвидения и обнаружения проявлений факторов риска, создание запасов, резервов средств для того, чтобы пережить период проявления этих факторов, и т. п. Однако предотвратить само проявление факторов внешних естественных рисков мы не в силах. Реализация мер защиты от данной категории рисков всегда сопровождается ростом затрат. Эти затраты можно рассматривать как неизбежную плату за минимизацию рисков и еще больших экономических и других видов потерь.

Для того чтобы перейти к практическим шагам решения проблемы эффективности бизнеса, необходимо прежде всего достичь необходимого уровня теоретического понимания истоков конфликта «эффективность – риск», понять основные закономерности его проявления. Углубленный теоретический анализ конкретной ситуации и сопоставление результатов этого анализа с практикой дадут возможность проверить предпосылки, положенные в основу теоретических построений. Понимание того, как можно воздействовать на некоторые виды риска, позволит разработать конкретные предложения по организации системы риск-менеджмента. Такой пошаговый подход к построению данной системы, когда она последовательно вбирает в себя опыт теоретического анализа и практического воздействия на определенные виды рисков, – единственно рациональный путь, согласующийся с главной целью – повышением эффективности управляемой бизнес-системы.

Литература

1. Балабанов, И. Т. Риск-менеджмент / И. Т. Балабанов. – М.: Финансы и статистика, 1996. – 289 с.
2. Буянов, В. П. Рискология (управление рисками): учеб. пособ. / В. П. Буянов, К. А. Кирсанов, Л. М. Михайлов. – М.: Экзамен, 2002. – 2-е изд., исправ. и доп. – 345 с.
3. Васин, С. М. Управление рисками на предприятии: учебное пособие / С. М. Васин, В. С. Шутов. – М.: КНОРУС, 2010. – 304 с.
4. Найт, Ф. Понятие риска и неопределенности / Ф. Найт // Альманах: теория и история экономических и социальных институтов и систем. – М., 1994. – Вып. 5.
5. Риски в современном бизнесе / П. Г. Грабовой, С. Н. Петрова, С. И. Полтавцев и др. – М.: Аланс, 1994. – 344 с.
6. Нив, Г. Организация как система. Принципы построения устойчивого бизнеса Эдвардса Деминга: [пер. англ.] / Г. Нив. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. – 370 с.
7. Федулов, А. Введение в теорию статистически ненадежных решений / А. Федулов, Ю. Федулов, А. Цыгичко. – М.: URSS Books, 2011. – Изд. 4. – 280 с.
8. Минцберг, Г. Структура в кулаке. Создание эффективной организации: [пер. с англ.] / Г. Минцберг. – СПб.: Питер, 2011. – 512 с.
9. Букович, У. Управление знаниями. Руководство к действию: [пер. с англ.] / У. Букович, Р. Уилльямс. – М.: Инфра-М, 2002.
10. Управление знаниями в корпорациях / Б. З. Мильнер, З. П. Румянцева, В. Г. Смирнова и др. – М.: Дело, 2006. – 304 с. – (Серия: Управление корпорацией).
11. Нонака, К. Компания – создатель знания. Зарождение и развитие инноваций в японских фирмах / К. Нонака, Х. Takeuchi // The Knowledge – Creating Company: How Japanese Companies Create the Dynamics of Innovation. – М.: Олимп-Бизнес, 2011. – 384 с.
12. Кайдзен для рабочих. Группа разработчиков издательства Productivity Press: [пер. с англ.]/ – М.: Институт комплексных стратегических исследований, 2007. – 152 с.
13. Джексон, Т. Хошин канри: как заставить стратегию работать: [пер. с англ.] / Т. Джексон. – М.: Институт комплексных стратегических исследований, 2008. – 248 с.
14. Вумек, Д. Машина, которая изменила мир: [пер. с англ.] / Д. Вумек, Д. Джонс. – М.: Попурри, 2007. – 384 с.
15. Лайкер, Д. Дао Toyota: 14 принципов менеджмента ведущей компании мира: [пер. с англ.] / Д. Лайкер. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. – 402 с.
16. Монден, Я. Система менеджмента Тойоты: [пер. с англ.]/ – М.: Институт комплексных стратегических исследований, 2007. – 216 с.
17. Оно, Т. Производственная система Тойоты. Уходя от массового производства: [пер. с англ.]/ – М.: Институт комплексных стратегических исследований, 2005. – 192 с. Сенги, П. Пятая дисциплина: [пер. с англ.]. – М.: Олимп-Бизнес, 2003. – 408 с.
18. Беллман, Р. Принятие решений в расплывчатых условиях / Р. Беллман, Л. Заде. – М.: Мир, 1976. – 102 с.
19. Мескон, М. Основы менеджмента / М. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури. – М.: Дело, 1997. – 493 с.
20. Деминг, У. Новая экономика: [пер. с англ.]. – М.: Эксмо, 2006. – 208 с.

УДК 338.242.2

СТРАТЕГИЯ ВЫВОДА ПРЕДПРИЯТИЙ НА ТРАЕКТОРИЮ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ВЫСОКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ ВНЕШНЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СРЕДЫ

О. Ю. Козырев, Ю. Т. Рубаник, В. В. Михальченко

SUSTAINABLE DEVELOPMENT PATH STRATEGY FOR HIGHLY TURBULENT ECONOMICAL ENVIRONMENT

O. Yu. Kozыrev, Yu. T. Rubanik, V. V. Mikhalychenko

Работа выполнена в ФГБОУ ВПО «Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева».

Рассмотрены базовые принципы обеспечения эффективности бизнеса в условиях перехода мировой экономики от индустриальной к постиндустриальной формации. Проанализированы возможные стратегии вывода предприятий на траекторию устойчивого развития в новых экономических условиях.

Ключевые слова: управление эффективностью, риск, постиндустриальная рыночная среда, изменчивость.

Basic principles for business performance management for transition of world economy from industrial to postindustrial stage are considered. Possible strategies for sustainable development path development in a new economical environment are analyzed.

Keywords: performance management, risk, postindustrial market economy, market turbulence.

Глобальная экономика живет в условиях перехода от индустриальной к постиндустриальной формации, основанной на инновациях [1]. Согласно современным представлениям о характере данной фазы развития социума, для постиндустриальной экономики характерны быстрые и глубокие социальные, экономические и политические изменения. Движущей пружиной этих изменений являются структурные преобразования в способе производства, включающем в себя совокупность средств производства и производственных отношений. В свою очередь, причиной глубоких сдвигов в способе производства являются как достижения научно-технического прогресса, так и значительные изменения потребительских приоритетов и поведения потребителей на насыщенных, принявших глобальный характер рынках. В постиндустриальной экономике абсолютным приоритетом для компаний, стремящихся обеспечить долговременную конкурентоспособность, является способность к адаптивному, творческому поведению. Такой тип рыночного поведения, безусловно, связан с принятием на себя значительных рисков.

Различные отрасли в разной степени подвержены постиндустриальному вызову.

«Традиционные» отрасли промышленности, выпускающие слабо дифференцируемую по качеству продукцию (сырьевые товары, энергетическое производство, массовые потребляемые продукты питания и т. п.), испытывают постиндустриальное давление в относительно небольшой степени. Для этих отраслей промышленности продолжают сохраняться классические принципы обеспечения эффективности, основанные на использовании эффектов специализации и экономии масштаба [2].

С наибольшей скоростью постиндустриальные изменения протекают в отраслях промышленности, непосредственно обслуживающих потребительский рынок. Для постиндустриальной экономики характерна высокая степень фрагментации традиционных массовых рынков, т. е. их распад на большую совокупность рыночных сегментов, в каждом из которых наблюдаются существенные различия потребительских предпочтений. Высокий уровень ассортиментного разнообразия, потребность в создании индивидуализированных продуктов порождают ярко выраженный конфликт между уровнем разнообразия продукции и уровнем дополнительных затрат, которые производители должны нести для того, чтобы обеспечить этот широкий выбор продуктов и услуг.

Успешное разрешение указанного конфликта и вывод бизнеса на траекторию устойчивого развития требует осознанного понимания базовых принципов

обеспечения эффективности в новых экономических условиях. Как представляется, для того чтобы сделать первые шаги в направлении детализации обозначенной проблемы, необходимо прежде всего углубить понимание модели базового конфликта: «эффективность – турбулентность рынка» «прибыльность – уровень риска». До последнего времени понимание особенностей возникновения и проявления данного конфликта остается чисто качественным, концептуальным. С научно-методической точки зрения, представляется правильным прежде всего исследовать данный конфликт на некотором частном примере.

Рассмотрим влияние степени воздействия постиндустриального давления на выбор стратегии вывода предприятия на траекторию устойчивого развития на примере строительной отрасли. Очевидно, что разные секторы данной отрасли испытывают это давление в разной степени. Так, например, в производстве строительных материалов (производство цемента, кирпича, других массовых и стандартных элементов строительных конструкций) по-прежнему сохраняют свою актуальность принципы индустриального производства. В то же время компании строительной отрасли, и прежде всего компании, действующие на рынке жилья, в сильнейшей степени подвержены отмеченным выше факторам изменений. В управленческих исследованиях для характеристики степени воздействия постиндустриальных изменений на различные отрасли и секторы рынка применяется так называемый индекс турбулентности. Данный индекс рассчитывается как среднее значение результатов экспертной оценки по шкале от 0 до 100 баллов степени выраженности 17 признаков состояния рыночной среды, по которым можно судить о характере продвижения конкретного рынка к постиндустриальной стадии. Такой анализ позволяет сделать не только количественную оценку индекса, но также провести структурированный качественный анализ отраслевой ситуации, выделяя сферы, в которых происходят наиболее быстрые изменения и, следовательно, преимущественно разворачивается конкуренция.

В таблице представлены результаты экспертной оценки рынка жилищного строительства, характеризующие изменение значимости каждого из 17 признаков рыночной среды с 2001 по 2011 гг. При получении оценок эксперты рассматривали ситуацию на рынке жилищного строительства Кемеровской области. Колонки 2001 г. и 2011 г. характеризуют степень проявленности каждого признака на данном рынке в 2001 и 2011 гг. соответственно.

Индекс турбулентности – показатель степени проявления признаков постиндустриального развития для сферы жилищного строительства (по результатам опроса экспертов в Кемеровской области)

Факторы турбулентности	2001г.	2011г.	Прирост
Рыночная сила покупателя	30	60	30
Длинный/короткий цикл продукта	40	70	30
Низкий/высокий уровень насыщения	60	90	30
Ценовая конкуренция/дифференциация	46	75	29
Скорость изменения нужд и потребностей	36	63	27
Интенсивность конкуренции	15	40	25
Скорость изменения технологии	40	65	25
Однородность/неоднородность нужд	40	65	25
Чувствительность к качеству	65	90	25
Низкое/высокое влияние моды	65	90	25
Уровень обслуживания	60	80	20
Зависимость от экономических циклов	70	90	20
Легко определяемые/трудно определяемые нужды	35	50	15
Внимание к цене	80	90	10
Стабильность/нестабильность спроса	25	30	5
Чувствительность к заменителям	10	10	0
Утилитарный/люксовый	40	25	-15
Среднее значение	44,5	63,7	19,2

Согласно данным таблицы, индекс турбулентности изменился за прошедшие 10 лет с 45 до 64. Такой характер изменений присущ отраслям, уже вошедшим в область постиндустриальных изменений.

Концептуально можно охарактеризовать сущность вызова, стоящего перед современными предприятиями, действующими на турбулентных рынках, включая рынок жилищного строительства, в виде модели конфликта «прибыльность – уровень риска» (см. рисунок 1).

По мере возрастания уровня турбулентности среды неизбежно увеличиваются конкурентные и экономические риски (кривая «Риск» на рисунке). При этом рентабельность бизнеса (OR) может быть различной и существенно зависит от принятой стратегии действия предприятия в условиях высокой турбулентности рыночной среды.

Рассмотрим три потенциально возможных вида стратегии поведения предприятия в указанных условиях.

Первая – активная стратегия. Теоретически область динамического развития всегда дает дополнительные возможности для развития и повышения эффективности бизнеса. Вызов, кризис, риск, помимо возможного ущерба, потенциально содержат в себе и возможность для продвижения вперед. Активная стратегия предполагает, что фирма осуществляет эффективный риск-менеджмент, прогнозирует и оценивает риски и целеустремленно ищет возможности для таких изменений в поведении и/или структуре, кото-

рые обеспечивают возможность опережающего роста эффективности. Потенциальный рост уровня рентабельности в случае использования активной стратегии при входе в зону турбулентности иллюстрирует соответствующая зависимость на рисунке (OR – активная стратегия).

Вторая стратегия – консервативная. Фирма прогнозирует и контролирует риски, но при этом избегает ситуаций высокой неопределенности, с опозданием внедряет новые технологии и передовые практики. В этом случае фирма, по сути, отказывается от использования большей части возникающих возможностей – «сливки» с этих возможностей снимают конкуренты, готовые к изменениям и реализующие активную стратегию.

Можно сравнить использование активной и консервативной стратегий со стилем игры шахматистов М. Талья и Т. Петросяна. М. Таль не избегал и часто сознательно шел на обострение в игре, рассчитывая на то, что в ситуации полной неопределенности его дар находить выигрышные комбинации поможет ему взять верх над более медленными, менее креативными соперниками. Стратегия же игры Петросяна была более осторожной и заключалась в стремлении не делать ошибок. В результате такой стратегии он мог побеждать тех соперников, кто хуже просчитывал риски. Однако в выигранных им матчах подавляющее большинство партий сводилось вничью.

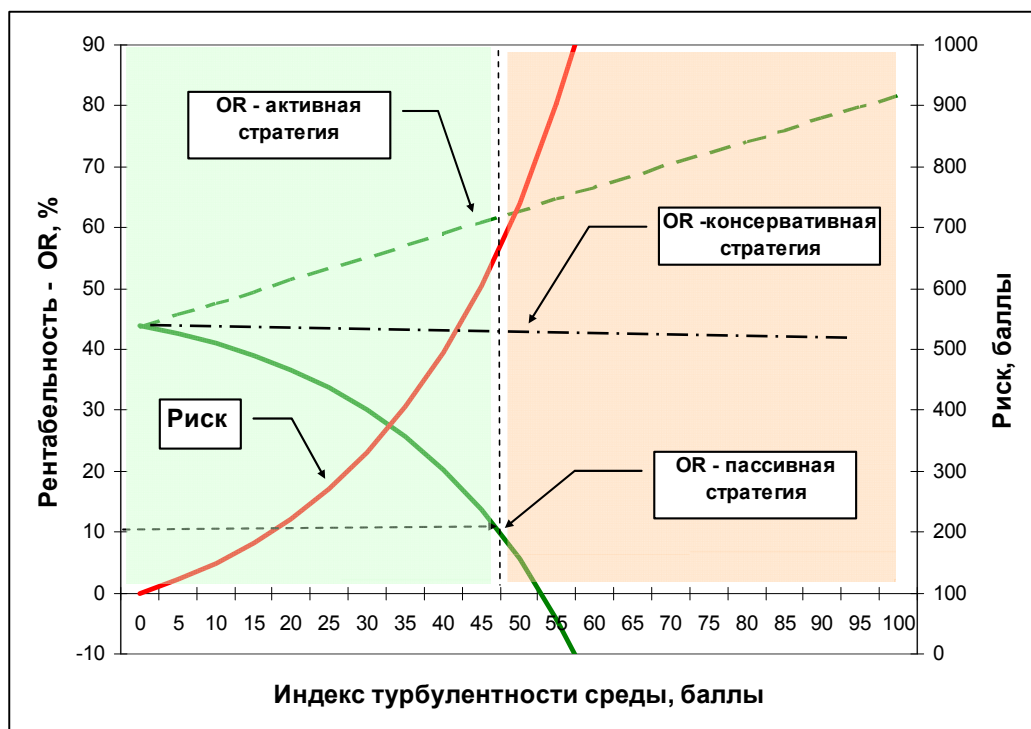

Рис. 1. Концептуальная модель конфликта «экономическая эффективность – риск» при входе строительной отрасли в область высокой турбулентности рынка

Таким образом, в случае использования консервативной стратегии в среде с высокой турбулентностью уровень рентабельности будет оставаться примерно постоянным или несколько уменьшаться (см. рисунок 1: OR – консервативная стратегия).

Безусловно, негативный сценарий развития ожидает те фирмы, которые реализуют третий вариант стратегии – пассивную. В этом случае фирма опирается на использование «традиционных» методов организации и управления. Данные методы являлись достаточно адекватными в условиях плановой системы производства, низкого уровня значимости экономической эффективности. Избыток ресурсов, гарантированный сбыт, стабильные макроэкономические условия позволяли компенсировать высокий уровень вариативности и изменчивости, характерные для условий работы строительной отрасли.

Однако в ситуации рыночной среды к факторам вариативности, характерным для производственной системы, добавляются новые, связанные с неоднородностью, вариативностью и высокой степенью неопределенности рыночной среды. Результатом является возникновение значительных рисков. Эти дополнительные риски появляются практически во всех ключевых сферах бизнеса: экономической, финансово-инвестиционной, производственной, кадровой и др. Пытаясь обеспечить определенную защиту от указанных рисков, руководство крупных строительных компаний вынуждено придерживаться консервативной политики: избегать решений, связанных с потенциальным риском, закладывать кадровую и производственную избыточность, создавать материальные и временные резервы. Такой подход к управлению рисками, безусловно, может быть оправдан в каких-то

конкретных ситуациях. Но как целостная стратегия данный подход, очевидно, представляет собой типовый вариант развития. Проблема не только в том, что такой путь является затратным – снижение риска «покупается» ценой возрастания затрат, снижением и потерей возможной прибыли. Но концентрация внимания и усилий только на парировании, страховании рисков означает занятие заведомо проигрышной стратегической позиции (см. рисунок: OR – пассивная стратегия).

Однако для того, чтобы реализовать активную стратегию, оборачивающую динамичность и неопределенность рыночной среды себе на пользу, необходимо дать ответ на вопрос: как разрешить противоречие между стремлением достигать высокого уровня прибыльности и стремлением обеспечивать функционирование с приемлемым уровнем рисков, за счет чего может быть разрешен данный конфликт? Какие изменения должны осуществить компании, какие базовые принципы они должны реализовать, чтобы сделать указанную стратегию возможной и естественной?

Очевидно, что система прогнозирования, оценки рисков и выбора адекватных способов реакции на них (риск-менеджмент) должна стать постоянным компонентом системы управления фирм, действующих в рыночной среде с высоким уровнем турбулентности. Однако само по себе создание формальной системы анализа и выработки реакции на риски не означает достижения необходимого качества управления. Возможность реализации активной стратегии в турбулентной деловой среде предполагает не только наличие эффективной системы выделения рисков, но

также способность фирмы адекватным образом реагировать на выделенные риски.

Анализ современных теоретических источников и опыта передовых стран и компаний позволяет утверждать, что для успешной реализации активной стратегии необходимо целенаправленно формировать две ключевые компетенции.

Первая компетенция – компетенция непрерывного совершенствования [3]. Суть ее состоит в признании ограниченности знаний субъекта управления о реальной сложности среды и объекта управления. Достижение совершенства и эффективности поэтому не может быть разовым событием, а должно рассматриваться как непрерывный процесс. Можно утверждать, что концепция непрерывного совершенствования лежит в основе большинства корпоративных подходов к построению систем управления эффективностью. Она берет свое начало в цикле PDCA, предложенном У. Шухартом и У. Демингом [4, 5]. В дальнейшем, усилиями прежде всего японских специалистов и практиков, эта концепция получила свое яркое воплощение в таких дополняющих друг друга организационных системах, как Кайдзен [6] и Хошин [7]. Основная задача первой из них – формирование организационных механизмов, позволяющих включить в поиск резервов повышения эффективности на своих рабочих местах всех работников предприятия. Существо системы Хошин – фокусирование и интеграция внимания организации на ключевых стратегических задачах. Важно подчеркнуть, что организационные механизмы и системы Кайдзен, и системы Хошин обеспечивают не только эффективное выявление рисков и возможностей во внешней и внутренней среде организации, но и выработку рациональной и эффективной реакции на выделенные риски и возможности.

Вторая компетенция – компетенция адаптивности. Необходимость наличия этой компетенции вытекает, во-первых, из признания того факта, что внешняя среда характеризуется неустранимой вариативностью и неопределенностью, а во-вторых, из понимания того, что пассивная, «защитительная» стратегия обладает очень ограниченной возможностью обеспечить требуемый в жесткой конкурентной среде уровень эффективности. Концептуально наличие свойства адаптивности означает, что система управления и объект управления могут изменять свои параметры и структуру с темпом большим, чем скорость изменения параметров внешней среды. Такая трактовка адаптивности вытекает из фундаментального положения кибернетики – принципа необходимого разнообразия Эшби [8]. По словам известного теоретика в области корпоративной стратегии Кеничи Омае, «...единственный надежный способ обеспечить конкурентоспособность в среде с высокой степенью неопределенности и изменчивости – сделать эту изменчивость образом жизни» [9].

В конструктивном плане это означает, что бизнес-система на всех уровнях управления и этапах производства должна обладать степенью гибкости эквивалентной изменчивости среды, что обеспечивает ей возможность чувствовать себя по отношению к данному виду неопределенности буквально «как рыба в воде».

Использование указанного подхода, например, при построении производственных систем угледобычи, как показали исследования [10], обеспечивает значительное повышение эффективности угледобывающих предприятий, функционирующих в условиях высокой неопределенности и изменчивости параметров экономической среды.

С точки зрения реализации данной концепции на практике, наиболее близким является подход, основанный на создании так называемых «гибких производственных систем» (agile manufacturing) [11]. Термин «гибкое производство» характеризует организации, бизнес-системы которых содержат процессы, инструменты (машины) и систему подготовки персонала, позволяющие быстро реагировать на изменения запросов потребителей, тенденций на рынке и тем не менее обеспечивать производство без существенного повышения затрат или снижения качества. Концепция гибкого производства базируется на успехах в создании рабочих центров и гибких автоматизированных производственных систем, с одной стороны, и распределенных компьютерных информационных систем, обеспечивающих совместный доступ к единой базе данных о частях, продуктах, рынке, всех функциональных службах организации, включая маркетинговых, дизайнеров, проектировщиков, разработчиков, производителей, службы снабжения – с другой.

Система гибкого производства рассматривается многими исследователями как дальнейший шаг в развитии производственных систем после лин (lean)-производства и производственной системы Тойота (TPS). Ключевое различие в рассматриваемых системах – это доступное потребителю время ожидания выполнения заказа. Если время выполнения заказа, включая время получения материалов и полуфабрикатов от поставщиков, меньше, чем максимально возможное время ожидания заказа потребителем, то эффективно использовать производственные системы, построенные на лин-принципах. Если же потребитель не может ждать, пока сработает вся производственно-логистическая цепь, тогда выгодно закладывать определенную функциональную избыточность в производственную систему, что позволяет быстро и без высоких затрат перестроить производственный процесс, т. е. реализовать принципы «гибкого производства» для выпуска требуемой потребителем модели или типа продукции.

Рассмотренные подходы к разрешению конфликта «риск – экономическая эффективность», апробированные в различных отраслях промышленности и услуг, безусловно, могут быть адаптированы и в сфере строительного производства. В западной литературе опубликованы как результаты теоретических исследований, так и анализ опыта применения принципов лин-производства в сфере строительства [12]. Соответственно появился и термин lean construction (лин – бережливое строительство). В указанных исследованиях отмечается значительная специфичность структуры строительного производства по сравнению со структурой производственных систем в обрабатывающих и перерабатывающих отраслях промышленности. В то же время уже накоплен определенный положительный опыт [12], показывающий, что, несмотря на указанную специфику, применение базовых

принципов обеспечения эффективности, на которых базируется лин-производство, в полной мере возможно и в сфере строительства.

Очевидно, что изучение и апробация передового мирового опыта лин-производства в российских условиях займут достаточно длительный период и потребуют как значительных усилий исследователей, так и чисто практических действий, экспериментирования в части использования передовых методов организации и управления. Однако понимание и реализация базовых принципов обеспечения эффективности будут способствовать максимально быстрому выводу предприятий, в том числе и строительной отрасли, на траекторию устойчивого развития в новых экономических условиях.

Литература

1. Тофлер, Э. Третья волна / Э. Тофлер: [пер. с англ.]. – М.: АСТ, 2010. – 784 с.
2. Минцберг, Г. Структура в кулаке. Создание эффективной организации / Г. Минцберг: [пер. с англ.]. – СПб.: Питер, 2011. – 512 с.
3. Коленсо, М. Стратегия Кайдзен для успешных организационных перемен / М. Коленсо: [пер. с англ.]. – М.: ИНФРА-М, 2002. – XIV. – 175 с.
4. Деминг, Э. Выход из кризиса: новая парадигма управления людьми, системами и процессами / Э. Деминг: [пер. с англ.]. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. – 370 с.
5. Нив, Г. Организация как система. Принципы построения устойчивого бизнеса Эдвардса Деминга / Г. Нив: [пер. англ.]. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. – 370 с.
6. Имаи, М. Кайдзен: ключ к успеху японских компаний / М. Имаи: [пер. с англ.]. – 2-е изд. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. – 274 с.
7. Джексон, Т. Хошин канри: как заставить стратегию работать / Т. Джексон: [пер. с англ.]. – М.: Институт комплексных стратегических исследований, 2008. – 248 с.
8. Эшби, У. Введение в кибернетику / У. Эшби, У. Росс: [пер. с англ.]. – 3-е изд, стереот. – М.: URSS, 2006. – 432 с.
9. Омае, К. Мышление стратега. Искусство бизнеса по-японски / К. Омае. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. – 224 с.
10. Михальченко, В. В. Организационно-экономические основы формирования адаптивных систем угледобычи / В. В. Михальченко: автореф. дис. ... докт. экон. наук. – Челябинск, 2002. – 35 с.
11. Вумек, Д. Бережливое производство: как избавиться от потерь и добиться процветания вашей компании: [пер. с англ.] / Д. Вумек, Д. Джонс. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. – 473 с. – (Серия «Модели менеджмента ведущих корпораций»).
12. Koskela, L. Application of new production theory to construction / L. Koskela // CIFE Technical Report / Stanford University. – 1992. – № 72, September.

УДК 336.221.4

НАЛОГОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК ОСНОВА ПОВЫШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

П. Д. Косинский, Н. С. Бондарев

TAX MODELLING AS THE BASIS OF INCREASE OF ECONOMIC STABILITY OF AN AGRICULTURAL ENTERPRISE

P. D. Kosinskiy, N. S. Bondarev

В данной статье рассмотрено налоговое моделирование для сельскохозяйственных предприятий при применении специального режима налогообложения: единого сельскохозяйственного налога и применения общей системы налогообложения.

Ключевые слова: *единый сельскохозяйственный налог, общая система налогообложения, математическая модель, налоговое моделирование.*

In the article tax modeling for the agricultural enterprises with application of a special mode of the taxation the uniform agricultural tax and application of the general system of the taxation is considered.

Keywords: *the uniform agricultural tax, the general system of the taxation, mathematical model, tax modeling*

Экономическая устойчивость сельскохозяйственного предприятия – очень труднодостижимая цель и практически во всем мире без дотаций не осуществима. Это связано с целым рядом факторов, основной из которых – природные явления и другие риски, которые не подвергаются прогнозу (товары-заменители, генно-модифицированная продукция, ценовые факторы смежных отраслей, к примеру, стоимость горюче-смазочных материалов).

Однако и преодолев эти неблагоприятные факторы, мы встречаемся с внутренними проблемами, одной из самых серьезных – это налоговое бремя.

Если нет прибыли, все равно остаются налоги и сборы, которые сельскохозяйственное предприятие обязано уплачивать – НДС, взносы во внебюджетные фонды, местные налоги.

Величина налоговой нагрузки на сельскохозяйственное предприятие зависит от разных причин, в том числе и от выбранного режима налогообложения.

В соответствии с Налоговым кодексом (гл. 26) для сельскохозяйственных предприятий существует возможность применения специального режима налогообложения в виде единого сельскохозяйственного налога (ЕСХН).

Основная цель применения специального налогового режима в виде единого сельскохозяйственного налога для сельскохозяйственных товаропроизводителей – это снижение налоговой нагрузки на предприятии и увеличение его прибыльности, так как существует выбор – можно находиться на общем режиме налогообложения.

В то же время законодательством продлено действие нулевой ставки налога на прибыль при общем режиме налогообложения.

В то же время и внутри самого специального режима налогообложения можно выявить ресурсы для снижения налоговой нагрузки.

Прежде всего, данные ресурсы необходимы собственнику предприятия, его учредителю, включая и главу крестьянско-фермерского хозяйства.

Как правило, на сегодняшний день учредитель в целях всестороннего контроля над деятельностью фирмы, является и ее работником в должности директора (генерального директора, главы и т. п.) и его собственником.

Заинтересованность учредителя-директора сводится к получению дивидендов от деятельности предприятия, при этом он получает заработную плату.

Чтобы показать возможности использования вышеуказанных ресурсов, рассмотрим только случай, когда предприятие является юридическим лицом.

Целью данной статьи является построение модели налогообложения доходов учредителей при применении единого сельскохозяйственного налога и общей системы налогообложения юридических лиц. Для этого рассмотрим варианты налогообложения: а) заработной платы как дохода; б) налогообложение дивидендов.

На основании этого построим модели налогообложения и сравним, в каком случае учредитель-директор получит максимальный доход.

Как отмечалось выше, мы рассматриваем учредителя одновременно и в качестве работника предприятия, который будет иметь два источника дохода: 1 источник – заработная плата; 2 источник – доходы от предпринимательской деятельности.

В общем виде схема получения дохода учредителя при применении единого сельскохозяйственного налога будет выглядеть следующим образом:

$$D - P = D_y, \quad (1)$$

где D – доходы при применении единого сельскохозяйственного налога;

P – расходы при применении единого сельскохозяйственного налога, включая уплату самого налога;

D_y – доходы учредителя от предпринимательской деятельности.

Расходы при применении единого сельскохозяйственного налога можно выразить формулой:

$$P = P_0 + ЕСХН, \quad (2)$$

где P_0 – расходы предприятия без включения ЕСХН;

ЕСХН – единый сельскохозяйственный налог.

В свою очередь, ЕСХН будет рассчитываться как:

$$ЕСХН = (D - P_0) \times 6 \%. \quad (3)$$

Расходы предприятия, применяющего ЕСХН, можно подразделить на 4 группы и представить их в виде:

$$P_0 = M + 3П + ВФ + пр, \quad (4)$$

где M – материальные расходы при УСНО;

$3П$ – расходы на заработную плату;

$ВФ$ – взносы во внебюджетные фонды от величины заработной платы;

$пр$ – прочие расходы.

Подставив все данные уравнения в первоначальное, получим:

$$ЕСХН = (D - (M + 3П + ВФ + пр)) \times 6 \%, \quad (5)$$

$$P = (M + 3П + ВФ + пр) + (D - (M + 3П + ВФ + пр)) \times 6 \%, \quad (6)$$

$$D - (M + 3П + ВФ + пр) + (D - (M + 3П + ВФ + пр)) \times 6 \% = D_y. \quad (7)$$

Раскрыв скобки, получаем итоговое уравнение:

$$D - M - 3П - ВФ - пр = \frac{D_y}{1,06}. \quad (8)$$

Учредитель-директор может воздействовать на увеличение доходов от предпринимательской деятельности только с помощью уменьшения или увеличения своей заработной платы, все остальные показатели изменить нельзя – это постоянные показатели: если их уменьшить, то это может повлечь изменения деятельности предприятия: возможно сокращение работников, уменьшение выручки и других показателей.

В связи с тем, что в данном уравнении $3П$ – общая заработная плата и $ВФ$ – общие, необходимо их разделить:

$$3П = 3П_p + 3П_y, \quad (9)$$

где $3П_p$ – зарплата работников;

$3П_y$ – зарплата учредителя.

$$ВФ = ВФ_p + ВФ_y, \quad (10)$$

где $ВФ_p$ – отчисления во внебюджетные фонды за работников;

$ВФ_y$ – отчисления во внебюджетные фонды за учредителя.

Так как отчисления во внебюджетные фонды, например в пенсионный фонд, зависят от зарплаты (26 % в 2012 году), эту статью можно заменить как:

$$ВФ = 0,26 \times 3П. \quad (11)$$

С учётом всех предложенных изменений уравнение примет вид:

$$D - M - 1,26(3П_p + 3П_y) - пр = \frac{D_y}{1,06}. \quad (12)$$

В целях моделирования доходов принимаем, что либо $3П_y$ должна равняться 0, либо D_y должны равняться 0. Однако Трудовой кодекс устанавливает, что заработная плата не может быть меньше прожиточно-

го минимума, который на сегодняшний день в Кузбассе составляет для трудоспособного населения 5575 рублей по состоянию на третий квартал 2011 года.

Остаётся решить данные уравнения и определить, в каком случае (с учётом данных предприятия) достигаются максимальные доходы.

В нашем случае уравнение моделирования доходов сельскохозяйственного предприятия, применяющего ЕСХН, примет следующий вид:

$$D - M - 1,26(3П_p + 3П_y) - np - \frac{D_y}{1,06} \Rightarrow \max. \quad (13)$$

$D; M; np = const.$
 $3П_y; D_y \in [0...∞).$

Ежеквартально после начисления дивидендов, используя данную математическую модель, учредитель-директор сможет повысить доходы, при этом увеличит экономическую устойчивость сельскохозяйственного предприятия.

Для определения выгодного варианта налогообложения сельскохозяйственного предприятия рассмотрим его при общей системе налогообложения.

Как и в вышеприведенном примере, учредитель будет являться одновременно работником предприятия, который будет иметь два источника дохода:

- 1 – заработная плата;
- 2 – доходы от предпринимательской деятельности.

В общем виде схема получения дохода учредителем будет выглядеть следующим образом:

$$D - P = D_y. \quad (14)$$

где D – доходы при применении общей системы налогообложения, без налога на добавленную стоимость;

P – расходы при общей системе налогообложения, включая налог на прибыль;

D_y – доходы учредителя от предпринимательской деятельности.

Расходы при ОСН можно выразить формулой:

$$P = P_0 + НП, \quad (15)$$

где P_0 – расходы предприятия без включения налога на прибыль;

$НП$ – налог на прибыль;

В свою очередь, налог на прибыль, после переходного периода, будет равняться 20 %, тогда он будет рассчитываться как:

$$НП = (D - P_0) \times 20 \%. \quad (16)$$

Расходы предприятия, применяющего ОСН, можно подразделить на 5 групп и представить в виде:

$$P_0 = M + 3П + ВФ + A_{oc} + np, \quad (17)$$

где M – материальные расходы;

$3П$ – расходы на заработную плату;

$ВФ$ – отчисления во внебюджетные фонды;

A_{oc} – амортизация основных средств;

np – прочие расходы.

Подставив все данные уравнения в первоначальное уравнение, получим:

$$D - M - 3П - ВФ - A_{oc} - np = \frac{D_y}{1,2}. \quad (18)$$

Следует обратить внимание, что в нашем случае все показатели, кроме заработной платы, являются постоянными величинами. В связи с тем, что в данном уравнении $3П$ – общая заработная плата и $ВФ$ – общие, необходимо их разделить:

$$3П = 3П_p + 3П_y, \quad (19)$$

где $3П_p$ – зарплата работников;

$3П_y$ – зарплата учредителя.

$$ВФ = ВФ_p + ВФ_y, \quad (20)$$

где $ВФ_p$ – взносы во внебюджетные фонды за работников;

$ВФ_y$ – взносы во внебюджетные фонды за учредителя.

Так как взносы во внебюджетные фонды зависят от величины заработной платы (34 %), этот показатель можно представить как:

$$ВФ = 0,34 \times 3П. \quad (21)$$

С учётом всех выявленных изменений уравнение примет следующий вид:

$$D - M - 1,34(3П_p + 3П_y) - A_{oc} - np = \frac{D_y}{1,2}. \quad (22)$$

В целях моделирования доходов учредителей, либо заработная плата должна равняться 0, либо доходы учредителя должны равняться 0. Ограничимточный минимум ранее обозначенной величиной – 5575 рублей.

Решая данные уравнения, мы определяем, в каком случае (с учётом данных предприятия) достигаются максимальные доходы.

Запишем уравнение для общей системы налогообложения в виде модели:

$$D - M - 1,34(3П_p + 3П_y) - A_{oc} - np - \frac{D_y}{1,2} \Rightarrow \max. \quad (23)$$

$$D; M; A_{oc}; np = const.$$

$$3П_y; D_y \in [0...∞).$$

Данную модель лучше всего использовать ежемесячно, до сдачи налоговых деклараций, так как руководитель сам вправе начислять себе любую зарплату, чем сможет повысить собственные доходы. При этом изменения не коснутся других статей доходов и расходов, которые не связаны с налогообложением.

Таким образом, предлагаемые нами модели применения различных систем налогообложения позволят сельскохозяйственному предприятию выбрать наиболее выгодный режим и повысить устойчивость аграрного предприятия.

**КЛАСТЕРНЫЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ
ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА**
П. Д. Косинский, Г. С. Бондарева

**CLUSTERS APPROACH TO FORMATION
OF FOOD SECURITY OF THE POPULATION OF REGION**
P. D. Kosinskiy, G. S. Bondareva

В статье исследованы теоретические основы формирования агропромышленных кластеров в России. Выявлены проблемы продовольственного обеспечения населения региона и предложен механизм их решения на основе формирования агропромышленного кластера.

Ключевые слова: кластерный подход, агропромышленный комплекс, продовольственное обеспечение, интегрированные структуры, синергетический эффект.

In the article the theoretical bases of forming agroindustrial clusters in Russia are investigated. Problems of food security of the population are revealed and the mechanism of their solution on the basis of formation of the agroindustrial cluster is offered.

Keywords: clusters approach, agriculture, food security, the integrated structures, synergistic effect.

Важное стратегическое значение в современных условиях имеет обеспечение продовольствием населения как отдельного региона, так и страны в целом. От его наличия, качества и доступности зависит уровень удовлетворения одной из важнейших потребностей человека, которые в значительной степени формируют социальные настроения и качество жизни населения.

Для достижения обеспечения населения продовольствием необходимо развитие системы собственного производства в регионах страны, формирование и применение новых подходов к решению данной проблемы. Особенно это актуально для регионов с выраженной промышленной специализацией, где присутствует ряд факторов, сдерживающих развитие сельского хозяйства (ограниченные земельные ресурсы, высокие издержки производства, ограниченность природных условий) как основного источника производства продовольствия. В то же время агроклиматические условия многих промышленно развитых регионов, например Кемеровская область, позволяют иметь развитое сельское хозяйство, способное полностью обеспечить население региона основными продуктами питания (молоко, мясо, яйцо, картофель, овощи и др.).

Кемеровская область является крупнейшим индустриально развитым регионом Российской Федерации. Основу промышленного производства составляют: добыча полезных ископаемых, черная и цветная металлургия, машиностроение, химическая промышленность. В структуре валового регионального продукта (ВРП) области промышленность занимает более 50 %. Доля сельского хозяйства в структуре ВРП региона составляет 3,2 %.

Промышленная ориентация региона, сокращение объемов собственного производства сельскохозяйственной продукции, развитие конкуренции на рынке продовольственных товаров приводят к обострению проблем продовольственного обеспечения населения региона.

Сельское хозяйство является той отраслью экономики региона, которая не оказывает значительного влияния на конечные экономические результаты. Кроме того, область относится к зоне рискованного земледелия с нередкими засухами или продолжительными осадками в период вегетации растений и уборки урожая. Тем не менее сельское хозяйство играет существенную роль в социально-экономическом развитии региона, прежде всего в обеспеченности населения области основными видами продовольствия.

Необходимо отметить, что в области высокая нагрузка городского населения на сельского жителя и составляет 35 человек, тогда как аналогичная цифра в среднем по стране колеблется на уровне 10 человек.

Характеризуя в целом состояние производства основных видов сельскохозяйственной продукции (табл. 1), следует отметить, что за последние пять лет наблюдается рост объемов производства который составил 1,6 к уровню 2006 года в стоимостном выражении. Следует отметить, что в Сибирском Федеральном округе более высокие темпы роста имеют Новосибирская область и Республика Алтай.

Увеличение производства продукции сельского хозяйства обусловлено главным образом ростом производства продукции растениеводства (табл. 1).

Таблица 1

**Продукция сельского хозяйства по всем категориям хозяйств
(в фактически действовавших ценах), млн рублей**

<i>Показатели</i>	<i>2006</i>	<i>2007</i>	<i>2008</i>	<i>2009</i>	<i>2010</i>	<i>2010 в % к 2006</i>
Сельское хозяйство, млн рублей	20040,0	24712,0	33156,0	32314,0	32118,0	1,6 раза
В т. ч. растениеводство, млн рублей	9926,2	12684,0	18387,0	17194,0	16018,0	1,6 раза
Животноводство, млн рублей	10112,0	12028,0	14769,0	15119,0	16100,0	159,6

Таблица 2

**Производство основных видов продукции сельского хозяйства в 2006 – 2010 гг.
в хозяйствах всех категорий, тыс. тонн**

<i>Годы</i>	<i>Зерно</i>	<i>Картофель</i>	<i>Овощи</i>	<i>Молоко</i>	<i>Скот и птица на убой</i>	<i>Яйцо, млн шт.</i>
2006	1108,9	765,5	171,3	415,0	88,9	674,4
2007	1455,3	507,3	184,3	432,4	101,5	728,8
2008	1467,5	656,8	222,1	440,0	106,2	745,8
2009	1570,9	673,7	224,9	423,8	114,7	686,2
2010	1180,0	676,6	213,7	395,7	124,7	664,3

Таблица 3

Характеристика уровня потребления основных продуктов питания (кг., на душу населения в год)

<i>Показатели</i>	<i>Рекомендуемые нормы потребления продуктов питания [1]</i>	<i>Динамика фактического потребления</i>					<i>2010 в % к норме</i>
		<i>2006</i>	<i>2007</i>	<i>2008</i>	<i>2009</i>	<i>2010</i>	
Мясо и мясопродукты (в пересчете на мясо)	70 – 75	54	58	61	63	64	85,3
Молоко и молокопродукты (в пересчете на молоко)	320 – 340	214	219	227	226	227	66,8
Яйца, штук	260	235	238	240	250	258	99,2
Рыба и рыбопродукты	18 – 22	13	13	14	14	13	59,1
Сахар	24 – 28	33	34	33	33	33	117,9
Масло растительное	10 – 12кг	10,5	10,8	10,5	10,5	10,7	89,2
Картофель	95 – 100	119	122	131	131	130	130,0
Овощи и бахчевые	120 – 140	67	76	80	76	73	52,1
Фрукты и ягоды	90 – 100	37	41	47	47	47	47,0
Хлебобулочные и макаронные изделия (в пересчете на муку)	95 – 105	143	140	134	133	132	125,7

Последние пять лет в области производится более одного миллиона тонн зерна. В 2010 году валовой сбор зерновых и зернобобовых культур составил 1180,0 тыс. тонн – 106,4 % к уровню 2006 года. Несмотря на положительные тенденции в развитии сельскохозяйственного производства как составной части агропромышленного комплекса региона, обеспечения продовольствием населения области не соответствует установленным нормам.

Как видно из таблицы, потребление населением жизненно необходимых продуктов питания намного ниже минимально рекомендуемых норм. Хотя в последние годы прослеживается тенденция к увеличению потребления населением основных продуктов

питания, исключением является лишь потребление хлебобулочных и макаронных изделий, где снижение потребления за рассматриваемый период составило 7,7 %, тем не менее потребление в данных объемах значительно превосходит рекомендуемые нормы.

Проанализировав отклонения от рекомендуемых Министерством здравоохранения и социального развития РФ рациональных норм потребления пищевых продуктов, отвечающим современным требованиям здорового питания, нами выявлено, что население Кузбасса имеет недостаток в потреблении таких продуктов, как: мясо и мясопродукты (6 кг), молоко и молокопродукты (83 кг), яйца (2 шт.), рыба и рыбопродукты (5 кг), овощи и бахчевые (47 кг), фрукты и

ягоды (включая виноград) (43 кг). При этом по хлебопродуктам достигнутый уровень превышает рекомендуемые нормы на 23,4 %, по сахару, маслу растительному и картофелю – 37,5 %, 7 % и 36,8 %. Необходимо отметить, что такая структура потребления характеризуется неравномерностью и зависит от места проживания, численности населения, состава семьи и уровня доходов населения.

Анализ существующего положения предприятий агропромышленного комплекса в целом и сельскохозяйственного производства в частности показывает, что назрела необходимость повышения эффективности деятельности агропромышленного комплекса, наиболее полного использования имеющегося потенциала, формирования более конкурентоспособной региональной модели аграрного сектора.

На современном этапе идет поиск эффективных путей развития форм хозяйствования по отраслевому признаку, их месторасположению, что положительно отразится на динамике экономического роста, устойчивости экономического развития, конкурентоспособности отраслей агропромышленного комплекса региона.

Отечественный опыт деятельности агропромышленного комплекса показывает, что наиболее экономически целесообразными являются такие формы организации, как интегрированные структуры, которые позволят повысить не только конкурентные преимущества, но и получить синергетический эффект.

Одним из видов интеграции региональных экономических систем являются кластеры. В научных трудах М. Портер обозначил, что кластер – это группа географически содействующих взаимосвязанных компонентов (производители, поставщики и др.) и связанных с ними организаций (образовательные заведения, органы государственного управления, инфраструктурные комплексы), действующих в определенной сфере и взаимодополняющих друг друга [2].

В российской практике кластеры принято классифицировать по трем видам:

- региональные (территориальные);
- вертикальные производственные структуры;
- крупные объединения относительно какой-либо основной отрасли (агропромышленный комплекс).

Согласно теории М. Портера [3, с. 283], кластеры могут оказывать влияние на конкурентоспособность предприятий, так как:

- 1) повышают производительность фирм и отраслей;
- 2) создают возможности для инновационного и производственного роста;
- 3) стимулируют и облегчают формирование нового бизнеса, поддерживающего инновации и расширение кластера.

По нашему мнению, применение кластерного подхода в регионе может быть применено для развития сельского хозяйства, перерабатывающей промышленности и повышения продовольственного обеспечения его населения в виде регионального хозяйственного комплекса.

Использование кластерного подхода в значительной степени соответствует требованиям, предъявляемым к продовольственному обеспечению населения региона, и позволит значительно повысить качество продуктов питания.

Агропромышленный кластер нами рассматривается как хозяйственный комплекс производителей сельскохозяйственной продукции, ее переработки и реализации потребителям, взаимосвязанных в процессе создания добавочной стоимости (рисунок).

Данный подход основывается на использовании положительных синергетических эффектов региональной агломерации, т. е. максимальной приближенности производителей сельскохозяйственной продукции и потребителей.

Среди основных преимуществ использования агропромышленного кластера в управлении аграрным сектором региона можно обозначить:

- 1) увеличение налогооблагаемой базы;
- 2) создание новых рабочих мест в сельскохозяйственной сфере;
- 3) развитие инфраструктуры сельских населенных пунктов;
- 4) реструктуризация убыточных сельскохозяйственных предприятий;
- 5) более эффективное использование финансовых ресурсов;
- 6) рациональное использование земельных ресурсов;
- 7) увеличение инвестиционной привлекательности сельскохозяйственных предприятий;
- 8) повышение потенциальных возможностей внедрения новых прогрессивных наукоемких технологий.

Рис. Рекомендуемая организационная структура агропромышленного кластера региона

На наш взгляд, инициаторами создания агропромышленного кластера в регионе могли бы выступить как региональные органы государственной власти, так и субъекты агропромышленного комплекса. Это позволит более активно осуществлять эффективную государственную поддержку агропромышленного комплекса и решать значимые социально-экономические проблемы сельских территорий региона.

К субъектам агропродовольственного кластера можно отнести:

1. Сельскохозяйственные товаропроизводители – поставщики сырья (первичные сельскохозяйственные товаропроизводители: крестьянско-фермерские хозяйства, коллективные хозяйства, личные подсобные хозяйства).

2. Производители сельскохозяйственного машиностроения – поставщики оборудования.

3. Предприятия, осуществляющие переработку сельскохозяйственного сырья – пищевой сектор.

4. Организации рыночной инфраструктуры АПК.

Из всех исследуемых классификаций рыночных инфраструктур наиболее приемлемую, на наш взгляд, приводит В. Ф. Стукач [4].

1. Предприятия, осуществляющие производственное и научно-техническое обслуживание АПК.

2. Посреднические и торгово-сбытовые организации.

3. Финансово-кредитные организации.

4. Организации, осуществляющие переподготовку кадров, трудоустройство, социальную защиту населения.

5. Организации, осуществляющие информационное сопровождение процесса функционирования предприятий АПК.

6. Организации, осуществляющие юридическое обслуживание предприятий АПК.

Кластерный подход позволит придать новый импульс консолидации усилий государственных, частных и корпоративных структур на основе получения конкурентных преимуществ и за счет получения синергетического эффекта.

Агропромышленные кластеры могут стать одним из инструментов создания высокоэффективных производств для обеспечения населения продовольствием и устойчивого развития агропромышленного сектора региона.

Формирование агропромышленного кластера в регионе – достаточно сложный и многофакторный процесс. Объединение усилий предприятий сервиса, консалтинговых служб, научных и образовательных учреждений, поставщиков технологического оборудования, находящихся в структуре кластера, позволит сократить издержки и повысить конкурентоспособность интегрированной структуры.

Такого рода объединения окажут положительное влияние не только на экономику отдельно взятых предприятий интегрированной структуры, но и на экономику региона в целом, так как кластер преду-

смаатривает взаимодействие таких секторов, как бизнес, институты, власть [5].

Необходимо отметить, что эффективное развитие агропромышленного кластера невозможно без научного сопровождения. В качестве научного обеспечения формирования продовольственного обеспечения населения региона на основе создания агропромышленного кластера могут выступить научно-исследовательские институты сельского хозяйства совместно с аграрными высшими учебными заведениями, техникумами, училищами, лицеями. Вышеперечисленные участники агропромышленного кластера будут являться связующим звеном между теоретическими научными разработками и их практической реализацией, источником генерирования новых идей и технологий, а также научной базой обеспечения конкурентоспособности предлагаемого агропромышленного кластера.

Таким образом, формирование агропромышленных кластеров может стать одним из перспективных направлений как в решении стратегических задач в агропродовольственной сфере, так и в повышении устойчивости экономического развития региона.

Кластерный подход предполагает максимальное использование уже имеющегося производственного потенциала предприятий, связанных с производством продуктов питания, повышает возможности модернизации и рациональное размещение предприятий агропродовольственной сферы, а также эффективное их финансирование.

Кроме того, кластерный подход может стать основой для решения многих социальных, экологических и региональных проблем в сфере обеспечения населения региона продуктами питания.

Литература

1. Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающим современным требованиям здорового питания [Текст] // Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации (Минздравсоцразвития России) от 2 августа 2010 г. № 593н г. Москва // Российская газета. – 2010. – № 5313 (234). – 15 октября
2. Портер, М. Конкуренция: учебное пособие / М. Портер: [пер. с англ.]. – М.: Вильямс, 2000. – 495 с.
3. Кайгородцев, А. А. Экономическая и продовольственная безопасность Казахстана (вопросы теории, методологии, практики) / А. А. Кайгородцев: монография. – Усть-Каменогорск: Изд-во ВКГУ им. С. Аманжолова, 2006.
4. Стукач, В. Ф. Проблемы формирования инфраструктуры АПК в условиях развития рыночных отношений / В. Ф. Стукач: автореф. дис. ...д-ра экон. наук. – Акмола, 1997. – 36 с.
5. Цихан, Т. В. Кластерная теория экономического развития [Текст] / Т. В. Цихан // Теория и практика управления. – 2003. – №5.

УДК 338.49

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕНЕДЖМЕНТА И МАРКЕТИНГА В ФОРМИРОВАНИИ РЫНОЧНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ РЕГИОНА

А. М. Лавров, Л. А. Поликарпова

MANAGEMENT AND MARKETING USE IN THE FORMATION OF THE MARKET-FOCUSED MODEL OF REGION DEVELOPMENT MANAGEMENT

A. M. Lavrov, L. A. Polikarpova

В статье рассматриваются проблемы использования менеджмента и маркетинга в формировании рыночно-ориентированной модели управления развитием региона. Показано влияние менеджмента и маркетинга на промышленную, финансовую и социальную политику, определена роль инвестиций в обеспечении саморазвития экономики региона.

Ключевые слова: менеджмент, региональный маркетинг, инвестиции, экономика региона, диверсификация.

The article deals with the problems of management and marketing use in the formation of the market-focused model of region development management. The influence of management and marketing on industrial, financial and social policy is shown. The role of investments in maintenance of self-development of a region's economy is defined.

Keywords: management, regional marketing, investments, region economy, diversification.

В дорыночный период в управлении развитием регионов традиционно преобладали следующие функционалы:

- а) в управлении реальным сектором экономики – промышленная политика (ПП);
- б) в управлении социальной сферой – социальная политика (СП);

в) в управлении бюджетно-финансовой сферой – финансовая политика (ФП);

г) в управлении экономикой региона – планирование и прогнозирование социально-экономического развития (ППРР).

При переходе к рыночным отношениям три первых функционала из старой системы экономических

отношений продолжили свое приоритетное существование, но натолкнулись на серьезные препятствия, вызванные отсутствием ориентиров развития региона.

Сформировалась благоприятная внутренняя среда, резко повышающая потребность в новых подходах к планированию и прогнозированию регионального развития в рыночных условиях.

Одним из эффективных методов в решении этой проблемы признан региональный маркетинг (РМ). Но в переходный к рыночным отношениям период, являясь объективным продуктом становления и развития рыночных отношений, он еще не формируется как действительно полноценный продукт, поскольку нет еще и действительно полноценного развитого рынка.

Однако, не успев стать полноценным продуктом развития рыночных отношений, региональный маркетинг представляет собой важнейшее и необходимое условие реформирования экономической системы на региональном уровне и проявляется на первом этапе в новых подходах к планированию и прогнозированию регионального развития. Это обусловлено необходимостью для региональных органов власти и управления формировать самостоятельно в рыночных условиях:

- 1) вектор и приоритетные направления развития региона;
- 2) рациональную структуру собственности;
- 3) новые секторы экономики региона;
- 4) рыночную инфраструктуру;

5) условия для развития межрегиональных и международных экономических отношений;

6) благоприятную среду для привлечения инвестиций, в том числе иностранных.

Суть первого этапа становления РМ состоит в повышении уровня и значимости новых подходов к планированию и прогнозированию регионального развития до уровня и значимости функционалов, реализующих ПП, СП, ФП. Всего можно выделить четыре этапа становления и развития регионального маркетинга в системе управления развитием региона (рис. 1).

На втором этапе происходит качественное изменение. Функционал ППРР заменяется на качественно новый функционал: региональный маркетинг. При этом он остается равноправным по отношению к функционалам ПП, СП, ФП, но перемещается на первое место в системе управления и становится основой для разработки в регионе трех других базовых функционалов.

На третьем этапе происходит диверсификация РМ во все другие базовые функционалы. Он начинает занимать доминирующую, координирующую роль.

И наконец, на четвертом этапе, может быть реализован целевой региональный маркетинг-микс. В этом случае региональный маркетинг не только координирует все другие базовые функционалы, но и «замешивает» для каждого сегмента инвесторов свою «смесь» РМ.

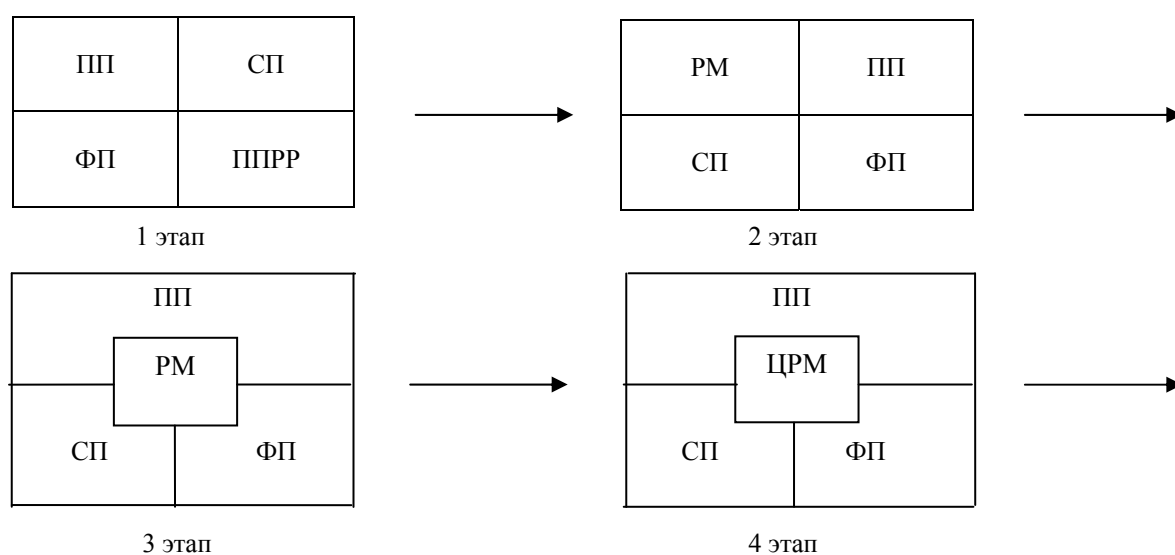

Рис. 1. Этапы развития рыночно-ориентированной модели управления развитием региона

Эта «смесь» регионального маркетинга включает четыре основные компоненты (рис. 2): товарный продукт региона; ценовые параметры региона; позиционирование региона; организация процессов управления развитием региона.

Товарный продукт региона – это конкурентные позиции региона (КПР). Их качественная и количественная оценки, сравнение с конкурентными позициями других регионов, проведение анализа внешней среды дают возможность сформировать инвестиционные предложения региона (ИП).

Ценовые параметры региона – это стоимостные оценки инвестиционных предложений с учетом инфраструктурной подготовленности региональных площадок для минимизации затрат по привязке инвестиционных предложений.

Позиционирование региона – это комплекс мер по позиционированию и продвижению инвестиционных предложений, организации интегрированных коммуникаций с потенциальными инвесторами.

В рыночно-ориентированной модели управления развитием региона можно выделить четыре основных процесса:

1) процесс управления (менеджмент) конкурентными позициями региона;

- 2) процесс взаимодействия с инвесторами;
- 3) процесс согласования и лоббирования интересов региона;
- 4) процесс саморазвития системы.

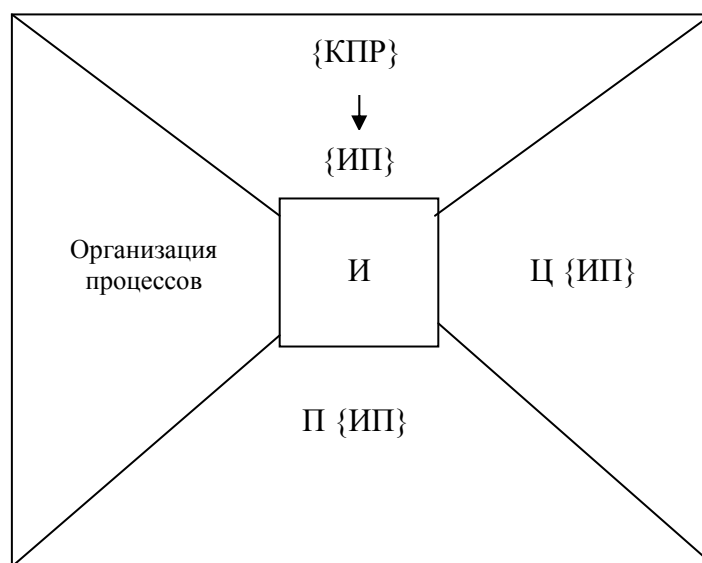

Рис. 2. Комплекс регионального маркетинга

В первом процессе реализуются механизмы управления конкурентными позициями региона, включающие:

- а) маркетинговые исследования и оценку конкурентных позиций региона;
- б) формирование на их основе инвестиционных предложений для развития региона;
- в) формирование благоприятной экономической среды для привлечения инвестиций и повышения конкурентных позиций региона.

Во втором процессе реализуются механизмы взаимодействия с инвесторами (внешними и внутренними) включающие:

- а) стоимостную оценку инвестиционных предложений;
- б) позиционирование инвестиционного предложения;
- в) организацию коммуникаций с инвесторами.

В третьем процессе реализуются механизмы согласования и лоббирования интересов региона:

- а) с микроуровнем управления (предприятиями и организациями на территории региона);
- б) с мезоуровнем управления (федеральным округом и муниципальными образованиями в регионе);
- в) с макроуровнем (РФ в целом).

В четвертом процессе реализуются механизмы саморазвития системы, включающие:

- а) постоянный мониторинг отечественного и зарубежного опыта организации процессов регионального маркетинга (бенчмаркинг);
- б) диверсификацию регионального маркетинга (этапы внедрения, рассмотренные выше);
- в) повышение квалификации персонала органов государственной власти и управления в области регионального маркетинга.

«Смесь» регионального маркетинга разрабатывается для каждой целевой группы или даже отдельного потенциального инвестора с учетом его особенностей и потребностей. Если органы государственной власти и управления, используя менеджмент, намерены развивать и повышать конкурентоспособность региона, то они должны осознавать, что необходимые для этого ресурсы им придется искать самим, активно и самостоятельно, а не ждать указаний и соответствующих распоряжений «сверху». Администрация региона должна овладеть методами и приемами менеджмента, подавать регион для инвесторов как площадку для реализации наиболее перспективных инвестиционных предложений. Необходимо научиться позиционировать регион как территорию, куда выгодно вкладывать инвестиции, куда перспективно переезжать, жить и вести бизнес.

В этой связи представляется целесообразным произвести классификацию регионов и объединить их в определенные группы (типы) по выбранной органами власти и управления позиции, степени применения предлагаемых методов менеджмента и маркетинга, оценки социально-экономической ситуации в регионе и общей световой оценки (красный, желтый, зеленый).

По этим параметрам можно выделить четыре типа регионов:

- 1) проблемные регионы;
- 2) депрессивные, отстающие регионы;
- 3) относительно благоприятные регионы;
- 4) пионерные, лидирующие регионы.

Краткая характеристика этих типов приведена в табл. 1.

Предложенные методы менеджмента и маркетинга могут быть внедрены только в регионах 3 и 4 ти-

пов, то есть в тех регионах, где региональные органы власти и управления занимают активную позицию. Их полномасштабное внедрение позволяет избежать грубых ошибок, формировать регион как социально и

экономически стабильный, правильно определять приоритетные направления реформирования и развития экономики региона.

Таблица 1

Типы регионов

Типы регионов	Позиция органов власти и управления	Степень применения современного менеджмента и маркетинга	Оценка социально-экономической ситуации в регионе	Общая светофорная оценка: низкая – красный цвет; средняя – желтый цвет; высокая – зеленый цвет
Проблемные	Пассивная	Крайне низкая	Сложная и имеющая тенденцию к ухудшению социально-экономическая ситуация	Красный мигающий
Депрессивные, отстающие	Пассивная	Низкая	Сложная социально-экономическая ситуация	Красный
Относительно благоприятные	Активная	Средняя	Относительно благоприятная социально-экономическая ситуация	Желтый
Пионерные, лидирующие	Активная	Высокая	Благоприятная и имеющая тенденцию к улучшению социально-экономическая ситуация	Зеленый

По выбранным приоритетным направлениям развития относительно благоприятные и лидирующие регионы можно разбить на следующие группы:

1 – регионы, субъекты управления которыми делают главную ставку в реформировании на индустриальные преобразования, реализацию в новых условиях имеющегося значительного производственного и научно-технического потенциала. В таких регионах органы власти и управления стремятся осуществить быструю приватизацию в промышленном секторе экономики. Произвести здесь финансовое оздоровление, а при невозможности – банкротство ряда предприятий, создать новые рыночные структуры, совместные предприятия, сформировать благоприятные условия для привлечения иностранных инвестиций и внедрения наукоемких инновационных технологий.

2 – регионы, субъекты управления которыми делают главную ставку в реформировании на развитие аграрного сектора. Для таких регионов характерно целенаправленное формирование со стороны региональных органов власти и управления благоприятных

условий в начале для местных сельхозтоваропроизводителей. Затем, уже по мере их становления и укрепления, – для всего агропромышленного комплекса, реализующего модель «от поля до прилавка».

3 – регионы, субъекты управления которыми делают главную ставку в реформировании на развитие добывающих отраслей промышленности. Они активно стремятся организовать взаимодействие с регионами первого и второго типа и обеспечить динамичное развитие в рыночных условиях.

4 – регионы, субъекты управления которыми делают главную ставку в реформировании на разведку и разработку новых природных ресурсов, получение прав на реализацию экономического эффекта от их использования.

5 – регионы, субъекты управления которыми делают ставку в реформировании на развитие торговли и финансово-кредитное обслуживание. Такие регионы становятся центрами биржевой, оптовой, розничной торговли и финансово-кредитных учреждений.

РОЛЬ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ В ФОРМИРОВАНИИ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

А. Д. Леванов

THE ROLE OF HISTORICAL-CULTURAL KNOWLEDGE
IN THE FORMATION OF ECONOMIC THINKING

A. D. Levanov

В статье анализируются некоторые исторические и социокультурные особенности формирования экономической науки. Рассматриваются закономерности формирования экономического мышления видных учёных-экономистов и условия развития экономических знаний.

Ключевые слова: экономическое мышление, историко-культурные знания, компетенции, история экономических учений.

The article analyzes some historical and social particular features of the formation of economic science. Also, the article analyzes the regularity of forming of the economic thinking of well-known economics scientists and the condition of economics knowledge development.

Keywords: economic thinking, historical-cultural knowledge, competence, history of economics doctrines.

Переход высшей школы на Государственные стандарты третьего поколения предусматривает формирование у студентов не только сугубо профессиональных, но и общекультурных компетенций. Такую позицию, безусловно, надо признать положительной и весьма своевременной. Особо значимыми культурные компетенции являются в отношении будущих организаторов производства, бизнеса, управленцев различных уровней.

Не стоит доказывать необходимость и важность экономического мышления. Мы затронем лишь некоторые аспекты его формирования, связанные с необходимостью приобщения студентов-экономистов к знаниям истории и культурно-гуманистических ценностей.

Экономическое мышление возникает и развивается под влиянием различных факторов и условий. Многочисленные проявления окружающей действительности уже с детского возраста человека заставляют его задумываться над ответами на вопросы о соотношении выгод и затрат для их получения, о выборе покупок и т. д. Но главным здесь всё-таки является целенаправленно организованный учебный процесс как в средней, так и в высшей школе.

Структура и наполнение учебной работы на всех направлениях по экономике охватывают различные области знаний: от сферы производства до сферы обмена и потребления. Общий перечень экономических дисциплин порой превышает два десятка наименований. Казалось бы, что такая разносторонность автоматически позволяет рассчитывать на формирование всесторонне грамотного и творческого экономиста. Однако в действительности наполнение профилей подготовки и специализация дальнейшей деятельности ограничивают круг интересов специалиста. Он нередко «замыкается» на решении конкретно-прикладных задач, происходящие вокруг процессы становятся малозначимыми, а события культурно-нравственной жизни отодвигаются на второстепенный план.

Общепризнанно, однако, что современный мир, включая экономику, становится всё более взаимоувязанным. Видение мира сегодня усложнилось. Всеми принято положение, что экономика развивается циклически. Однако для многих экономистов-профессионалов и политиков стал неожиданным разразившийся в 2008 – 2010 годах финансово-экономический кризис. Почему? По-видимому, потому, что долго не обращалось внимания на многообразие функциональных зависимостей в сфере финансов, на наличие неявных микро- и макро- взаимодействий. Поиски путей выхода из кризиса заставили обратиться к возрождению отношений доверия и уважения в партнёрских отношениях, соблюдению норм ответственности, т. е. гуманистических принципов. Но почему-то они до поры до времени были мало востребованы. Вероятно, слабым был и общекультурный фон, на основе которого осуществлялась экономическая политика.

В связи с этим отметим ещё одно немаловажное обстоятельство: высокий эффект дают, как показывает практика, междисциплинарные исследования, которые, добавим, проводятся культурными, творческими исполнителями. Не случайно современный исследователь М. Кастельс назвал свой интересный научный труд «Информационная эпоха: экономика, общество и культура».

Поэтому, не умаляя роли специализации деятельности, считаем, что учёному сообществу необходимо стремиться к универсализации мыслительной деятельности, повышению роли предсказательной силы интеллекта. Компетентностная ориентация в преподавании, повторим, позволяет целенаправленно решать эту задачу.

Заявленная в статье тема не является совершенно новой. Она так или иначе присутствует в монографических исследованиях по проблемам усвоения экономических знаний и воспитания у членов общества экономической культуры. Решению этой задачи призваны способствовать и имеющиеся по указанному направлению учебные пособия для средних учебных

заведений. В вузах приобщение к тематике экономической культуры наиболее эффективно, на наш взгляд, можно осуществлять через такие дисциплины как история экономических учений, экономическая теория и частично посредством дисциплин управленческого цикла.

Не вдаваясь в детальное обсуждение содержания экономической культуры, её форм и специфики, отметим лишь те дискуссионные вопросы, которые пока таковыми остаются.

Наша школа во всех её звеньях руководствуется в целом правильным, но недостаточным принципом обучения – преобладанием заучивания и запоминания материала. В соответствии с таким подходом первоначально разрабатывался ЕГЭ, излагался материал в учебниках. Нормативный метод преподавания экономической науки преобладал в школах советского образца и оказался весьма инерционным. Так, в одном из современных учебников для старшеклассников в качестве рекомендуемой литературы указывается книга Л. Н. Пономарёва, В. Д. Попова, В. П. Чичканова «Экономическая культура: (сущность, направления развития)». Но книга была издана в 1987 году и отражала марксистско-ленинские, коммунистические мировоззренческие позиции в оценке рассматриваемого предмета. Кстати, второй монографией советского периода, которая была посвящена этой же теме, стала книга В. Ф. Щербины «Культура экономики», вышедшая годом раньше, но также посвященная социалистическому устройству общества и соответственно социалистической культуре.

Попытки разнообразить учебный процесс, поощрять активный поиск новых знаний самими обучающимися были в прошлом, предпринимаются они и сейчас. Так, в своё время актуальным было проблемное обучение, обучение с обратной связью. Ныне они находят отражение в совершенствовании содержания и методики ЕГЭ, в ряде других направлений.

Изучение истории экономических учений позволяет отыскать дополнительные приёмы приобщения будущих специалистов к культуре экономического мышления. Почему? Эта дисциплина в состоянии обогатить ценностно-моральные мотивы поведения людей. Она, во-первых, способствует осмыслению связи возникновения и развития экономической мысли с историческим процессом – событиями не только экономического порядка, но и политического, социокультурного, идеологического. Во-вторых, позволяет уяснить диалектику изменений в самой экономической науке: понять причины и условия возникновения учений, их теоретическое и практическое значение, понять сильные и слабые стороны той или иной теории и соотнести их со своими, современными знаниями. Немаловажно, полагаем, здесь и выяснение субъективно-лично-стных обстоятельств становления учёного как экономиста, и выбор направления в его исследованиях. Фигура экономиста тем колоритнее, чем разностороннее его дарования. Убедителен в этом отношении пример жизни и деятельности Дж. М. Кейнса (1818 – 1946). Получив почти одновременно два образования – математическое и экономическое, Кейнс проявил себя и как государственный деятель, и как преподаватель, и как знаток биржевых сделок. В его биографии и деятельность в качестве

редактора журнала «Экономист», сотрудничество с рядом финансовых компаний. Известно также, что он был знатоком искусства. Отмечен факт увлечения его альпинизмом. Личность и профессиональная деятельность Дж. М. Кейнса являются примером синтеза экономического мышления и общекультурного развития. В качестве другого примера можно использовать творчество родоначальника неоклассической школы А. Маршалла (1842 – 1924). Преподаватель математики он становится экономистом лишь в зрелом возрасте. Этому способствовало чтение книг Дж. С. Милля, Э. Канта, Г. Гегеля, В. Рошера, проведение в студенческой аудитории занятий по этике. В своей основополагающей работе «Принципы экономики» он часто обращается к историческим иллюстрациям, к описанию национальных особенностей, к примерам из повседневной жизни. Говоря словами Кейнса, А. Маршалл был наделён «самыми важными и фундаментальными талантами, необходимыми для экономиста, – он был одновременно выдающимся знатоком истории и математики, искусным мастером в познании частного и общего, преходящего и вечного».[3, с. 12]. Обширные познания и у основоположников марксистского экономического учения. И К. Маркс, и Ф. Энгельс известны как философы, историки, социологи. Правоммерно сделать вывод, что каждый из прошлых и ныне здравствующих учёных, ставших родоначальниками нового направления, обладал и обладает интеллектом, порожденным совокупностью внутренних и внешних обстоятельств.

Исторический в широком смысле аспект формирования экономических знаний приобщает специалистов к ретроспективному видению прошлого. На этой основе получаемые знания получают фактологическое сопровождение и определённую причинную обусловленность. Периодизация истории экономических отношений может строиться на нескольких принципах, но несомненно одно: научные изыскания рождаются не на пустом месте. Все экономические научные школы порождались запросами развивающейся хозяйственной деятельности. Так, например, классическая политическая экономия возникла в том числе и потому, что были созданы, а потом и реализованы условия промышленного прогресса: промышленного переворота. Одна из важнейших смитовских идей о первостепенной значимости разделения труда возникла, несомненно, под влиянием прогресса научно-технической мысли и развития производства.

Знания общей и экономической истории высоко ценились учёными Германии. Разделяли и разделяют их ныне отдельные представители российской экономической мысли. Такая позиция заслуживает внимания. Несмотря на некоторые крайности, так называемая историческая школа справедливо предлагала изучать факты хозяйственной жизни, поведение людей, национальные особенности, традиции. Становление экономической культуры без историко-культурного наследия весьма и весьма затруднительно.

Историко-общественные знания способствуют возникновению нового видения проблем и поиска путей их решения. Адам Смит, будучи по первоначальному образованию философом, с позиций нравственных отношений нашел ответы на многие конкретно-экономические вопросы и заложил основы теоретиче-

ской системы экономических знаний. Известен факт, что большинство лауреатов Нобелевской премии по экономике – представители американской экономической науки. Но известно также, что у многих из них основная научная подготовка – философия (доктора философских наук М. Фридмен, Дж. К. Гэлбрейт и другие). Врач и музыкант У. Петти (XVII в.) стал первопроходцем в теории и практике формирования налоговой системы и государственной статистики. Врач Ф. Кенэ (XVIII в.) поднялся до высот первоначального макроанализа. Химик Д. И. Менделеев (конец XIX в.) активно участвовал в обсуждении вопросов таможенных тарифов и развития промышленности России. Можно привести несколько примеров, когда люди практики посредством самоподготовки становились аналитиками-экономистами (Д. Рикардо, Ж. Б. Сэй). В XX веке стали известны своими экономическими исследованиями инженеры-практики В. Парето и А. Филлипс. Перечень имен, имеющих «непрофильную» профессиональную подготовку, но оставившие след в экономической мысли, можно продолжить. Чем объяснить указанную ситуацию?

Наиболее точным, полагаем, ответом будет вывод о том, что появление новых, «сторонних» представителей экономической мысли обусловлено новыми реалиями в общественной жизни – событиями социокультурного, исторического характера и способностью людей обобщать их. Естественные, технические, математические знания, дополненные знанием о реальном положении дел в экономике, в развитии гуманитарных наук, могут сформировать высокий уровень экономической культуры.

В качестве гипотезы, полагаем, можно предположить, что в ситуации, когда экономисты стали воспроизводить экономистов, появление научных школ замедлилось. Уже в XX веке развитие экономической мысли, по сути, приняло форму обновления и дополнения предшествующих экономических учений. На это указывают приставка «нео»: нео-классика, новая неоклассика, неолиберализм, нео-институционализм, неомарксизм. Время всегда разнообразит практику, выявляет несоответствие её с теоретическими обобщениями. Естественно, что современные представители экономической мысли стремятся устранить этот пробел и тем самым обновляют те или иные учения.

Решению задачи преодоления ограниченности подготовки современного экономиста может способствовать органическое взаимодополнение изучения возникновения и развития экономической науки, общей и экономической истории, этики и, добавим, литературы. Сочетание знаний из указанных направлений общественнознания явится тем основанием, которое позволяет называть экономические исследования подобием искусства. Такую неожиданную оценку этой отрасли знаний мы можем встретить у М. Блауга, известного современного историка экономической науки. В частности, он считает, что экономическая методология одновременно является и описательной, и предписывающей. Но, поскольку она «не дает механического алгоритма ни для построения, ни для обоснования теорий, ... она больше напоминает искусство, нежели науку» [1, с. 19].

В общих чертах понятно назначение этики. Этика (с греч. – обычай, характер) как система норм нравст-

венного поведения как человека, так и профессиональной группы, важна как необходимая составляющая поведения практически каждого субъекта экономических отношений. Как правило, экономическое определение этики сводится к поведению предпринимателей. В этом случае действиям предпринимателя-бизнесмена предписывается открытость поведения, честность и так далее. Но совершенно справедливо мнение, что этика в экономике непосредственно связана с ответственностью. А это означает, что принципы этики распространяются на всех членов общества. Так или иначе ответственны производители перед потребителями, продавцы перед покупателями, руководители перед исполнителями. Ответственными являются и экономисты – аналитики, учёные, преподаватели – все, кто имеет отношение к формированию экономических знаний, их изучению и распространению. Неэтично излагать непроверенные факты, искажать последовательность событий, давать только одностороннюю оценку какого-либо учения. О неэтичном изучении экономики свидетельствует опыт советского времени. Тогда, как известно, преобладала исключительно марксистско-ленинская трактовка экономических учений. О наличии других, зарубежных теорий, мы узнавали, главным образом, из монографий и статей периодики с названием «Критика буржуазных теорий». Но также неэтично замалчивать о научных достижениях марксистской науки. «Изгнание» из многих учебников по экономической теории выводов К. Маркса о прибавочном продукте, формах безработицы, процессах накопления капитала, денежного обращения и других снижает объективность познания. Очень неэтично замалчивание всеми западными учебниками по экономике того факта, что более чем за полвека до макроэкономического равенства американца Фишера ($MV = PQ$) К. Маркс предложил свою формулу определения количества денег, находящихся в обращении.

Может возникнуть вопрос об отношении к формированию экономического мышления изучение литературы. Полагаем, что самое непосредственное. Для доказательства этого укажем на то обстоятельство, что внешне наблюдаемые хозяйственно-экономические отношения являются довольно распространённым предметом оценки и описания во многих литературных произведениях. Вспомним роман Т. Драйзера «Финансист». Последствия галопирующей инфляции описал Эрих Мария Ремарк в романе «Чёрный обелиск». Экономические мотивы поведения прогрессивного помещика описал Л. Н. Толстой в романе «Анна Каренина». Экономические отношения лежат в основе повести Н. В. Гоголя «Мёртвые души». Художественный образ, восприятие жизни позволяет глубже осознать суть экономики, осмыслить множество эмпирических данных. По признанию англичан, одним из талантливых учеником А. Смита стал гений русской литературы – А. С. Пушкин. Его герой – Е. Онегин, был «известный эконом». Да и сам А. С. Пушкин хорошо ориентировался в тонкостях кредита, купли-продажи недвижимости. Напрашивается вывод: знакомство с трудами экономистов повышает авторитет писателя, делает его труды известными. По-видимому, аналогично значению литературной эрудиции экономиста. Знание литературных

источников позволит профессиональному экономисту соотносить теорию и практику, получить их оценку со стороны, а тем самым уточнить и свои позиции.

Литературная подготовка экономиста-исследователя позволяет ему в доступной для многих читателей форме излагать свои наработки. Полагаем, не случайно один из классиков политической экономии – француз Ж. Б. Сэй, свою основополагающую работу озаглавил следующим образом: «Трактат политической экономии, или простое изложение того, как производятся, распределяются и потребляются богатства» (1803 г.). Работа А. Маршалла «Принципы экономической науки» стала учебником, поскольку изложению и организации материала автор придавал большое значение. На страницах всех пяти книг, из которых состоит указанная монография, большое значение отводится полям. На полях автор располагает сжатые выводы-резюме и комментарии ко всем значимым научным положениям. Монография содержит подробно конкретизированные параграфами главы, развёрнутые сноски и тринадцать приложений. Примечательно, что математик А. Маршалл счёл возможным уделить математическому приложению менее тридцати страниц, поместив его последним по счёту из общего числа приложений!

А. Маршалл не стал лауреатом Нобелевской премии. Поэтому нет и его лекции-выступления на церемонии вручения премии. Но есть основания полагать, что эта лекция выгодно бы отличалась от многих других: чтение большинства современных выступлений доставляет немалые трудности для восприятия.

Положительным моментом в формировании экономического мышления является стремление «оживить и разнообразить язык учебников как по истории экономических учений, так и по экономической теории».

Очевидно, что возникла также необходимость подготовить учебники, синтезирующие историю экономики и историю экономической мысли. Пока немногочисленные, но такие попытки уже предпринимались. Здесь назовём учебное пособие И. Н. Ковалёва «История экономики и экономических учений», вышедшее в 1999 году в Ростовском издательстве «Феникс», и учебник «Экономическая история. История экономических учений», авторы которого – Р. М. Гусейнов и В. А. Семенихина. (Учебник издан в 2006 г. издательством «Омега-Л», г. Москва).

Однако вариант синтеза историй экономики и экономических учений представлен лишь в первой работе. Вторая же под одной обложкой содержит две самостоятельные, пусть и интересно изложенные дисциплины. Учебное пособие И. Н. Ковалёва объясняет возникновение и развитие всех ведущих экономических концепций как зарубежных, так и отечественных учёных с учетом процессов в экономике, в науке, в политике. Много внимания автор уделяет вы-

яснению логики формирования взглядов экономистов, отмечает новаторство вновь возникающих учений. Нельзя не согласиться с мнением автора этого пособия, что «экономика как наука полиструктурна, в ней органически взаимосвязаны исторические, психологические, политические, технические и математические аспекты» [2, с. 4]. Автор цитаты почему-то не назвал такую важную составляющую экономических знаний, как культура. А включить её, полагаем, необходимо.

Прочтение названных учебников показывает, что решение задачи найти рациональное, эффективное для понимания историко-экономического материала сочетание идей из различных областей знания, в принципе, решается. Процесс решения открывает необычайно интересные перспективы видения игры интеллекта учёных – мыслителей, выдвижения различных гипотез, разнообразия вариантов возникновения и развития экономической мысли. Полагаем, что появление таких учебников – дело времени.

Так что же должно лежать в основе мышления экономиста? Чему следует учить его? Ответ напрашивается из определения качеств экономиста, которое было дано в своё время Дж. М. Кейнсом: «...Экономист высшей пробы должен обладать редким сочетанием множества способностей. Он должен обладать громадным объемом знаний в самых разных областях ... Он должен – в известной мере – одновременно быть математиком, историком, государствоведом, философом. Он должен понимать язык знаков, символов и уметь выражать свои понятия и концепции словами. ...Ни одну сторону природы человека и его институтов экономист не должен полностью оставлять без своего внимания [3, с. 11]. Эти способности, несомненно, позволят систематизировать факты, устанавливать причинно-следственные связи, использовать различные источники информации и давать свою аргументированную оценку событиям. Другого в процессах формирования экономического мышления не дано.

Литература

1. Блауг, М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют [Текст] / М. Блауг: [пер. с англ.]; науч. ред. и вступ. ст. В. С. Автономова. – М., 2004.
2. Ковалев, И. Н. История экономики и экономических учений [Текст] / И. Н. Ковалев // Серия Учебники, учебные пособия. – Ростов н/Д., 1999.
3. Цит. по кн.: Маршалл, А. Принципы экономической науки [Текст]: [пер. с англ.]: в 3 т. / А. Маршалл. – М., 1993. – Т. 1.
4. Хейне, П. Экономический образ мышления [Текст] / П. Хейне: [пер. с англ.]. – 2-е изд. – М., 1992.

РОЛЬ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ*А. И. Литвак, Е. В. Толстых***ROLE OF THE INVESTMENT POTENTIAL IN THE SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF KEMEROVO REGION***A. I. Litvak, E. V. Tolstykh*

В статье анализируется отраслевая структура инвестиций в экономику Кемеровской области и ее место в инвестиционном рейтинге страны. Дается обзор основных приоритетных инвестиционных проектов, реализуемых в разных сферах экономики региона.

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционный потенциал, инвестиционный проект, регион, социально-экономическое развитие.

In the article the branch structure of investments in economy of the Kemerovo region and its place in the country's investment rating are analyzed. A survey of the priority investment projects in different branches of the economy of the region is also presented.

Keywords: investments, investment potential, investment project, region, social and economic development.

Национальная экономика любой страны для осуществления воспроизводственного процесса требует определенного объема инвестиционных ресурсов. В условиях рыночной экономики многообразие форм собственности предопределяет различие подходов к поиску и использованию инвестиций в соответствии с целями и задачами государственной экономической политики. При этом инвестиционная политика как составная часть государственной экономической политики должна базироваться на определении ее экономической сущности, структуры, форм осуществления и определения возможностей эффективного инвестирования в соответствии с поставленными целями. Разработка инвестиционной политики во многом предопределяется макроэкономическим состоянием национальной экономики страны и, конечно, размерами инвестиционных ресурсов, т. е. инвестиционным потенциалом.

Современная Кемеровская область – крупный территориально-производственный комплекс Российской Федерации. Уникальные ресурсы предопределили индустриальное развитие региона и его роль в хозяйственном комплексе страны.

В настоящее время Кузбасс является одним из наиболее стабильных и динамично развивающихся регионов с широкими инвестиционными возможностями, обусловленными мощным промышленным потенциалом.

Высокие темпы инвестиционных вложений в экономику региона, наблюдающиеся в последние годы, подтверждают выводы экспертов о значительном инвестиционном потенциале региона. В 2009 году объем инвестиций в основной капитал составил 109434 млн рублей, к предыдущему периоду – 71 %. Наибольший объем инвестиций направляется в развитие базовых видов экономической деятельности – добыча топливно-энергетических полезных ископаемых, производство электроэнергии и металлургической продукции (рис. 1).

По итогам 2009 года наибольший удельный вес инвестиций пришелся на добычу полезных ископае-

мых – 47,8 %, при этом на протяжении последних трех лет данный показатель носит стабильный характер и находится на уровне 44 – 48 %. Наименьший удельный вес инвестиций приходится на такие отрасли экономики, как строительство (0,6 %) и гостиничный и ресторанный бизнес (0,1 %).

В 2009 году в Кузбассе введены в строй три новые угольные шахты: «Южная» (Кемеровский район), «Талдинская Южная» (Новокузнецкий район) и «Байкаимская» (Беловский район). Также построены две обогатительные фабрики: «Барзасское Товарищество» (Кемеровский район) и «Щедрухинская» (г. Новокузнецк). В этом же году запущены новые производства на Абагурской обогатительной фабрике, на заводе «Кузнецкие ферросплавы» (г. Новокузнецк). Продолжается строительство Яйского нефтеперерабатывающего завода (Яйский район).

На освоение марганцевого месторождения «Селезень», расположенного в Таштагольском районе области, в 2009 году было вложено 600 млн рублей. В 2011 году запущена первая очередь обогатительной фабрики Шалымской геологоразведочной экспедиции. Здесь будут добывать и обогащать марганцевую руду. Ее годовая мощность составит 124 тыс. тонн концентрата при объеме добычи 600 тыс. тонн руды в год.

По состоянию на 2009 год преобладающей является частная форма собственности на инвестиции (64 %, 48,8 млрд. руб.). На чистые иностранные и совместные, иностранные и российские, инвестиции приходится 11 %, 8 млрд. руб. (рис. 2). Объем иностранных инвестиций в экономику области в 2009 г. составил 606,8 млн долл., что почти в 2 раза меньше, чем в 2008 г. (1119,8 млн руб.).

Рис. 1. Отраслевая структура инвестиций, %

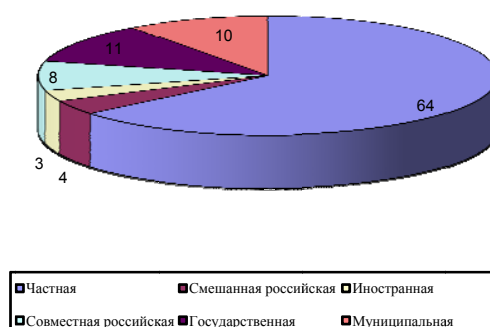

Рис. 2. Структура инвестиций по формам собственности, %

Среди видов экономической деятельности наибольшей привлекательностью для вложения иностранного капитала стали организации, осуществляющие добычу полезных ископаемых и деятельность по операциям с недвижимым имуществом, аренде и предоставлению услуг. Основными иностранными инвесторами являются Швейцария, Канада, Кипр, Виргинские острова (Великобритания). Согласно экспертным оценкам, в рейтинге инвестиционной привлекательности российских регионов Кемеровская область находится в группе регионов со средним потенциалом и умеренным риском.

По показателю инвестиционного потенциала Кемеровская область входит в двадчатку лучших регионов страны и занимает 11 место в России и 1 место в Сибирском Федеральном округе (по данным на 2006 год).

Консорциум «Эксперт РА – АК&М», производящий оценку инвестиционного потенциала российских регионов, присвоил Кемеровской области рейтинг кредитоспособности по национальной шкале «А» со стабильными перспективами. Первый раз рейтинг кредитоспособности по национальной шкале на уровне «А» был присвоен Кемеровской области в 2007 году и подтвержден в 2008 году.

Рейтинг «А» со стабильными перспективами означает, что Кемеровская область относится к категории заемщиков, имеющих высокий уровень надежности. Риск несвоевременного выполнения обязательств низкий. В течение срока действия рейтинга уровень кредитоспособности, вероятнее всего, останется на прежнем уровне.

Ограничивает рейтинговую оценку региона невысокий уровень диверсификации экономики. Экономика Кемеровской области характеризуется ярко выра-

женной промышленной ориентированностью. В настоящее время ведется активная работа органов исполнительной власти Кемеровской области, направленная на развитие обрабатывающих производств и сферы услуг, что ведет к повышению уровня диверсификации экономики и снижению данного риска. Для реализации этих целей в Кузбассе создан Совет по инвестиционной и инновационной деятельности при губернаторе Кемеровской области, который занимается вопросами развития и государственной поддержки инвестиционной и инновационной деятельности в области.

В качестве форм государственной поддержки инвесторам предлагается:

- установление льгот по налогам и сборам;
- изменение срока уплаты налогов и сборов в форме отсрочки, рассрочки, инвестиционного налогового кредита;
- предоставление государственных гарантий Кемеровской области в качестве обеспечения исполнения обязательств субъектами инвестиционной деятельности, возникающих в процессе реализации приоритетных инвестиционных проектов;
- предоставление за счет средств областного бюджета субсидий для компенсации части процентной ставки по банковским кредитам, полученным субъектами инвестиционной деятельности;
- участие Кемеровской области в открытых акционерных обществах;
- предоставление субъектам инвестиционной деятельности нефинансовых мер государственной поддержки, в том числе оказание организационной, информационно-консультационной помощи;
- разработка и (или) экспертиза приоритетных инвестиционных проектов.

Влияние мирового финансового кризиса негативно отразилось на большинстве макроэкономических показателей Кемеровской области. Однако во второй половине 2009 года положение дел в промышленности региона стало стабилизироваться. Ведущие отрасли Кузбасса: металлургическая, угольная и химическая вышли на докризисные объемы производства.

Главным фактором, который привел к стабилизации ситуации в экономике региона, стали антикризисная программа Правительства РФ и те меры, которые предпринимались властями региона по поддержке системообразующих предприятий. В целях повышения устойчивости экономики и оказания поддержки бизнесу на государственном уровне 16 крупнейших компаний (105 предприятий) Кузбасса вошли в федеральный перечень системообразующих организаций, утвержденный Правительственной комиссией по повышению устойчивости развития российской экономики. Помимо этого, 19 предприятий и организаций Кемеровской области вошли еще в один федеральный перечень предприятий регионального значения, сформированный Минэкономразвития РФ. 125 предприятий включены в региональный перечень системообразующих, градо-образующих и социально значимых предприятий.

Другим направлением работы по поддержке предприятий реального сектора стало предоставление государственных гарантий по кредитам. Всего на предоставление госгарантий в бюджете Кузбасса на

2009 год было предусмотрено 726,5 млн рублей. С 1 января 2009 года региональная ставка налога на прибыль снижена до 13,5 % для предприятий обрабатывающей промышленности, строительства, сельского хозяйства. Предприятия, которые вкладывают инвестиции в новые конкурентоспособные технологии, полностью освобождены от налога на имущество. В результате оказания государственной поддержки субъектам бизнеса в виде содействия в привлечении кредитных ресурсов, погашения дебиторской и кредиторской задолженности, предоставления государственных гарантий, налоговых льгот, которую получили 338 предприятий, удалось стабилизировать ситуацию в промышленном комплексе и остановить падение объемов промышленного производства.

Для решения актуальных для региона задач по диверсификации экономики и создания новых видов экономической деятельности в Кузбассе реализуются многочисленные инвестиционные проекты по следующим основным направлениям: добывающая промышленность, строительство, энергетика и социальная сфера.

Примерами новых видов экономической деятельности, благодаря которым принципиально изменится структура экономики Кемеровской области, являются:

- добыча метана из угольных пластов для обеспечения Кузбасса собственным газом и поставки в регионы юго-западной Сибири. Для долгосрочного развития Сибирского Федерального округа и Кемеровской области в частности проект добычи метана и его дальнейшей переработки (в моторное топливо, электроэнергию) является дополнительным фактором развития энергетической системы;
- создание технопарка с целью формирования симбиоза науки, производства и бизнеса в качестве инструмента построения инновационной экономики в Кемеровской области. Кузбасский технопарк призван обеспечить устойчивость региональной экономики, создать качественно новые условия для реализации трудового и творческого потенциала населения региона. Основным направлением деятельности технопарка станет инновационная деятельность в угольной промышленности. Также технопарк будет специализироваться на выпуске высокотехнологичной продукции в области информационных технологий, угольного машиностроения и углехимии;
- создание туристско-рекреационных объектов на территории Кемеровской области с целью освоения нового вида экономической деятельности, формирования рекреационного потенциала региона, развития малого и среднего предпринимательства, смежных отраслей экономики, а также улучшение социально-экономического состояния Таштагольского муниципального района.

По данным на 2010 год, в Кемеровской области реализуются 244 инвестиционных проекта, часть из которых являются приоритетными для региона и включены в «Стратегию развития Сибири 2020» (табл. 1).

Анализ инвестиционного паспорта Кемеровской области за 2010 год показал, что реализация проектов в сфере добывающей промышленности осуществляется в Беловском, Ленинск-Кузнецком, Прокопьев-

ском Гурьевском, Промышленновском и Таштагольском районах области.

Проекты в сфере жилищного строительства, строительство и реконструкция производственно-бытовых объектов реализуются практически во всех районах Кемеровской области.

Активно осуществляются проекты в социальной сфере, здравоохранении, образовании и культуре

(гг. Анжеро-Судженск, Березовский, Кемерово, Прокопьевск и др.).

Развитие нового для региона вида экономической деятельности – туристско-рекреационной – ускоренными темпами осуществляется в Таштагольском, Промышленновском и Гурьевском районах Кузбасса.

Таблица 1

Приоритетные инвестиционные проекты региона

<i>№ п/п</i>	<i>Наименование проекта</i>	<i>Место нахождение</i>	<i>Срок реализации</i>	<i>Стои- мость проекта (млрд руб.)</i>	<i>Объем ин- вестиций (млрд руб.)</i>	<i>Инвесторы</i>
1	Строительство нефтеперерабатывающих заводов.	Яйский район	2006 – 2012	37,0	20,0	ООО «НефтеХимСервис»; ООО «Анжерская нефтегазовая компания»; ООО НПЗ «Северный Кузбасс».
2	Добыча метана из угольных пластов (Талдинское месторождение).	Новокузнецкий район	2008 – 2020	57,31	23,2	ООО «Газпром добыча Кузнецк».
3	Проект развития Уропско-Караканского угольного района.	Беловский район	2009 – 2020	30,0	30,0	ЗАО «Шахта «Беловская», ОАО ХК «СДС-уголь».
4	Проект развития Соколовско-Ерунаковского месторождения.	Прокопьевский район	2009 – 2020	36,0	36,0	ХК «Кузбассразрез-уголь», ЗАО «Шахта «Беловская», ОАО ОУК «Южкузбасс-уголь», ОАО «Южный Кузбасс», ОАО ХК «СДС-уголь» – ЗАО «Салек», ЗАО «Белон», ОАО «НЛМК».
5	Строительство и эксплуатация угледобывающего и энергетического комплекса (Менчереппское месторождение).	Беловский район	2009-2015	70,0	70,0	
6	Освоение марганцевых ресурсов (Селезенское месторождение).	Таштагольский район		1,44	1,44	ООО «УК Сибирская Горно-металлургическая компания», ООО «Регионстрой».
7	Энерготехнологический комплекс «Серафимовский».	Промышленновский район	2009 - 2018	61,73	61,73	ООО «Технопарк-вест – Кузбасс».
8	Строительство города-спутника «Лесная поляна».	г. Кемерово	2007-2016	52,0	52,0	ООО «Промстрой – ТП».
9	Строительство Учунского цементного завода.	Таштагольский район	2008 – 2011	7,91	5,2	ООО «УК Сибирская Горнометаллургическая компания».

Продолжение таблицы 1

10	Строительство Губернского центра горнолыжного спорта и сноуборда на горе Туманная.	Таштагольский район	2007 – 2014	0,92	0,92	Администрация Кемеровской области, Фонд содействия зимним видам спорта.
11	Туристический комплекс «Шереш».	Таштагольский район	2009 – 2018	3,88	3,88	ООО «Рестфор».
12	Горнолыжный туристический комплекс «Танай».	Промышленновский район	2007 – 2011	1,41	1,41	ЗАО «ХК СДС» ООО «Танай».
13	Строительство областного перинатального центра.	г. Кемерово	2008 – 2009	2,4	2,4	Администрация Кемеровской области, софинансирование из федерального бюджета.
14	Кузбасский технопарк в сфере высоких технологий.	г. Кемерово	2008 – 2011	8,7	8,7	Администрация Кемеровской области.
15	Создание Кузбасского федерального университета.	г. Кемерово	2009 – 2020	6,0	6,0	Администрация Кемеровской области, софинансирование из федерального бюджета и средства частных инвесторов.

Параллельно с реализацией основных инвестиционных проектов формируются генеральные планы застройки территории каждого муниципального образования, определяющие назначение территорий, исходя из совокупности социальных, экономических, экологических и иных факторов, – в целях обеспечения устойчивого развития территорий, развития инженерной, транспортной и социальной инфраструктур.

Кемеровская область – динамично развивающийся регион с широкими инвестиционными возможностями, обусловленными мощным промышленным потенциалом и низкими инвестиционными рисками. Ежегодно в экономику области направляется порядка 100 млрд рублей инвестиций с постоянной тенденцией к увеличению.

Значительный рост инвестиций в основной капитал связан не только с наличием на территории области привлекательных объектов для инвестирования, но и, в значительной мере, активной инвестиционной политикой со стороны администрации Кемеровской области, обеспечивающей формирование благоприятного инвестиционного климата в регионе. Инвесторам

предоставляются гарантии и государственная поддержка.

Основной стратегической целью Кемеровской области на долгосрочную перспективу является повышение конкурентоспособности региона и рост на этой базе благосостояния жителей региона.

Литература

1. Базы данных. Регионы. Кемеровская область // Рейтинговое агентство «Эксперт РА» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.raexpert.ru/database/regions/kemerovo/.

2. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.kemrovostat.ru.

3. Ресурсная карта Кемеровской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.sibir.r42.su.

4. Инвестиционный паспорт Кемеровской области 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ako.ru.

РЕПРОДУКТИВНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Е. Ю. Попова

RUSSIAN ECONOMY REPRODUCTIVE MODERNIZATION

Е. Yu. Popova

В статье анализируются основные стратегии модернизации, к которым относятся «институциональная модернизация», «модернизация на основе стимулирования экономического роста», «интерактивная модернизация», и предложена собственная концепция под названием «репродуктивная модернизация» под ведущим руководством государства.

Ключевые слова: модернизация, стратегия, государство, группы интересов, институты.

In this article the main modernization strategies including «institutional modernization», «modernization based on economic growth» and «interactive modernization» are considered; the author's conception of «reproductive modernization» under the leading direction of the state is introduced.

Keywords: modernization, strategy, state, groups of interests, institutions.

Термин «модернизация» является одним из наиболее популярных в настоящее время. Модернизация имеет судьбоносное значение для выживания России в современном мире. Она должна способствовать формированию конкурентоспособного общества, которое будет в состоянии выйти на передовые позиции в мире и обеспечить высокие показатели благосостояния граждан. Для этого должна быть построена социально-экономическая система, способная к саморазвитию и качественному росту.

В настоящее время экономика России характеризуется следующими параметрами: активное использование сырьевых потребностей внешнего мира; основными субъектами экономики выступают государство и сверхкрупные корпорации; отсутствие у предприятий стимулов к инновациям; отсутствие системной структурной политики у государства; внутренний рынок характеризуется низким уровнем конкуренции; социальная сфера находится полностью на обеспечении государства; социальное расслоение и социальная пассивность основной части общества.

Среди основных рисков, с которыми может столкнуться в обозримом будущем Россия, в Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года называются следующие [1]: утрата научного и технологического потенциала; ослабление геополитических позиций; закрепление сырьевого характера экономики; низкие темпы экономического роста.

Последние два пункта означают, что дальнейшее сохранение доминирования сырьевой отрасли в структуре экономики России сделает невозможным развитие более высокотехнологических отраслей. Помимо прочего, это повлечет за собой деградацию человеческого капитала, регрессивные явления в таких сферах, как образование, наука и т. д. Что касается сугубо экономических последствий, то уже сейчас многие эксперты подчеркивают, что к настоящему времени пределы роста в рамках сырьевого сценария развития достигнуты: ежегодно добыча нефти на месторождениях, например Западной Сибири, сокращается на 4 – 5 % [5, с. 74].

Очевидной становится необходимость в совершенствовании экономического курса страны. Одним из вариантов такого совершенствования может стать дополнительная концентрация ресурсов (финансовых, трудовых, производственных) на строго обозначенных направлениях развития; конечным результатом этого должно стать достижение определенных показателей: темпов роста ВВП и отдельных отраслей, уровня инвестиций, показателей доходов населения. Однако достижение этих целей возможно и при имеющемся в данный момент в стране уровне развития производства и сложившейся системе институтов. Кроме того, наращивание объемов ресурсов, направляемых в развитие тех или иных сфер, может происходить за счет сокращения вливаний в другие, менее приоритетные сферы. Другим вариантом реформирования экономической политики является модернизация. Ее мы определим как согласованный процесс реализации мер субъектов экономических отношений по совершенствованию механизмов производства, распределения, обмена и потребления благ и их расширенного воспроизводства на основе разработанных экспертным путем кратко- и долгосрочных стратегий развития в соответствии с общими принципами гражданского общества и социального государства.

В настоящее время в российском научном сообществе имеются следующие фундаментальные точки зрения на стратегию российской модернизации – «институциональная модернизация» (стратегия преобразования институциональной среды), «проектный подход» (стратегия модернизации экономики путем стимулирования экономического роста), «интерактивная модернизация» [6].

К «институциональной модернизации» можно отнести, по сути, любые попытки рассмотреть модернизацию не только как чисто экономическое явление, а более широко – в рамках общественно-исторического и политического контекста, обосновать некие группы интересов, участвующие в ее процессе, которые сразу выводят к институциональной парадигме. Ее сторонники полагают, что вмешательство неквалифицированной и коррумпированной бюрократии может только навредить экономике. Эта стратегия предус-

матривает использование именно эффективных институтов, способных стать важнейшим источником модернизации экономики. Необходимо проводить институциональные реформы, направленные на улучшение государственного управления и судебной системы, искоренение коррупции, устранение административных барьеров, мешающих работе бизнеса и жизнедеятельности общества, совершенствование человеческого капитала и т. д.. Главным условием повышения производительности труда считается гибкость трудового законодательства [7]. Представители институционального направления модернизации, в свою очередь, делятся на представителей либерального направления, настаивающих на том, что государство должно проводить институциональные реформы в судебной системе, законодательстве и т. д., и в условиях оптимизации административных барьеров рынок сам способен вывести экономику на траекторию модернизации (к такому относятся В. Мау, Е. Ясин); сторонники же наиболее радикального направления институциональной модернизации настаивают на вмешательстве государства в реформирование экономических институтов, в частности, в области перераспределения ресурсов.

Сторонники «проектного подхода» считают, что в условиях низкой эффективности российской экономики попытки по созданию рыночных институтов не принесут должных результатов. Следовательно, в настоящее время необходимо максимально использовать все конкурентные преимущества, которыми обладает Россия на мировом рынке. Полученные в результате доходы необходимо направлять на последующую модернизацию остальных отраслей экономики. Мероприятия по внедрению и совершенствованию институтов следует проводить только после достижения определенных благоприятных показателей экономического роста.

При осуществлении обоих планов по модернизации ведущая роль отдается государству, т. е. речь идет о «модернизации сверху» [6, с. 16]. Вместе с тем сторонники обоих подходов признают, что для успеха любой стратегии следует обеспечить диалог государства, бизнеса и общества.

Стратегия интерактивной модернизации была разработана профессором В. М. Полтеровичем [6]. Суть ее заключается в следующих двух аспектах:

1. Индикативное планирование, которое активно применялось во многих странах (прежде всего восточно-азиатских странах, также в Испании, Португалии, Франции), достигших за последние 60 лет успехов в экономическом развитии. Значение системы индикативного планирования состояло не только в ориентировочных показателях развития, но также и в том, что она представляла собой регулярный механизм взаимодействия представителей государства, бизнеса, общественных коалиций, профсоюзов, что вело к достижению консенсуса и установлению взаимного доверия.

В. Полтерович справедливо отмечал, что политическое поле на момент его исследования (2008 г.) было закрыто; в настоящее время ситуация начинает немного меняться после выборов в Государственную думу в декабре 2011 г. Однако о реальных последствиях политических процессов говорить пока рано.

В экономическом поле уже сформировались коалиции: отраслевые ассоциации, объединения предпринимателей и потребителей, профсоюзы. В условиях современной России объединения участников модернизационных процессов, по Полтеровичу, должны создаваться прежде всего на основе именно экономических интересов, поскольку в таких условиях заинтересованы и бизнес, и общество, и – до некоторой степени – власти. Чтобы добиться «экономического чуда» в России, он предлагает создать институциональную систему для выработки стратегий экономического развития, совместимую с имеющимися культурными, политическими и институциональными ограничениями – систему интер-активного управления ростом (СИУР). Ее функционирование должно опираться на такие группы интересов, которые в нынешней ситуации имеют шансы стать группами действия.

2. Преимущество отсталости – возможность заимствования уже созданных развитыми странами институтов, методов управления и технологий производства [6, с. 14]. В этом случае технологически отставшая страна может использовать это преимущество во всех отраслях, осуществив тем самым масштабную модернизацию. Это подтверждает успешный опыт Японии, которая начала делать ставку на инновации только в 1980-е гг., когда по уровню душевого ВВП она сравнялась с европейскими странами; до этого же страна развивалась преимущественно за счет заимствования западных технологий [6, с. 14].

Преждевременная ориентация на инновационное развитие может привести, помимо прочего, к неэффективному расходованию средств. В задаче заимствования цель определена более четко по сравнению с инновационным развитием (которое до сих пор воспринимается значительной частью населения как нечто абстрактное). Некоторые страны (Италия, Финляндия, Норвегия, Ирландия) сумели совершить «рывок» уже будучи на довольно высокой стадии развития [6, с. 16]. Япония и страны Юго-Восточной Азии смогли подняться на качественно новый уровень социально-экономического развития, потому, что в свое время сделали упор на внедрение и развитие отраслей четвертого технологического уклада, заключающихся в использовании энергии углеводородов, на изобретении и применении двигателя внутреннего сгорания, электродвигателя и развитии на этой основе автомобилестроения с дальнейшим использованием энергетики нефтепродуктов, изобретении синтетических материалов, и в своевременном включении (примерно с начала 1980-х гг.) в развитие отраслей пятого уклада – электронной и атомной энергетики, инновациях в области микроэлектроники, информационных технологий, генной инженерии, биотехнологий, приведших к освоению космического пространства, появлению спутниковой связи и других возможностей человека.

В России происходит инерционное продолжение сложившегося ранее сценария, характеризующегося преобладанием дирижистских методов экономической политики (ввиду отсутствия более или менее внятного алгоритма ее развития). Такая ситуация наблюдалась в России как в течение экономического роста до 2008 года, так и при проведении антикризисных ме-

роприятий и по настоящее время. Наблюдалась и до сих пор наблюдается массированная закачка средств в госкорпорации либо в отдельные отрасли и предприятия (в особенности это заметно по ситуации с российским автопромом). Другими словами, финансовый аспект экономической политики, бесспорно, доминирует над институциональным.

Исследования показывают, что большинство мер экономической политики имеют «пороговый» характер: они дают положительный эффект при достаточно высоком качестве институтов и не приносят результатов (или дают отрицательный эффект) при низком [2, с. 10]. Вопросы о связи экономического роста и качестве институтов поднимались российскими исследователями и без привязки к модернизации; связано это со следующим. Как известно, 2007 год считался наиболее удачным для российской экономики до начала кризиса. Темп роста ВВП в 2007 г. составил 8,1 % и являлся одним из самых высоких за период после 1998 г. (выше был показатель 2000 г – 10 %, однако нельзя не принимать во внимание восстановительный характер экономики). В. Мау назвал тот период переходом к инвестиционной модели роста [4, с. 4].

Ни для кого не секрет, что высокие темпы экономического роста должны обеспечиваться структурными сдвигами. Без диверсификации экономики и повышения ее конкурентоспособности даже при максимально возможном росте ВВП не будет устойчивости. Если в предкризисный период до 40 % прироста ВВП РФ обеспечивалось увеличением контрактных цен и физических объемов топливно-сырьевого комплекса, а сам экспортно-ориентированный сектор генерировал основные доходы в экономике, включая более половины поступлений консолидированного бюджета страны, то в условиях обвала международных товарных рынков, значительного сокращения валютной выручки и сжатия внешнего спроса, экспортная сфера стала мощным катализатором негативных процессов в национальном хозяйстве. В этом смысле демонстрируемое благополучие российской экономики выглядело весьма условно.

Стратегия модернизации, основанная на стимулировании экономического роста, сталкивается со значительными трудностями, главное из которых – высокая степень неопределенности, не позволяющая оценить результаты с достаточной точностью. Поскольку реализация любой программы может происходить с какими-либо сбоями и не вести автоматически к росту благосостояния, то население может потерять веру в целесообразность реформ. В условиях российской действительности при составлении экономико-математических моделей следует ожидать весьма высокой погрешности вследствие относительно быстрых институциональных изменений, сильной зависимости от внешних цен на энергоресурсы и низкого качества статистического учета. Для количественного прогноза показателей роста серьезное препятствие представляют возможные институциональные реформы. В этом смысле представляется разумным обоснование Стратегии развития России до 2020 года как долгосрочной.

Возможен и другой сценарий реализации «проектного подхода» – в условиях максимальной свободы рыночных субъектов, в надежде, что рынок сам

выведет страну на правильный путь развития. Такой сценарий реализовывался в России в 1990-е гг., и сказано об этом уже было немало.

В пользу институциональной модели модернизации говорит ряд фактов. Например, В. Рустамов ссылается на исследование, проведенное в 2008 году Комиссией по росту и развитию (Всемирный банк), в котором рассмотрена динамика развития 13 стран за 25 лет со среднегодовым темпом роста ВВП не ниже 8 %, выявило дополнительный фактор: наличие национального консенсуса по поводу долгосрочных задач экономического развития [9, с. 94]. Из 13 стран, которые достигли такого результата, большинство не имеют признанных демократических институтов, посредством которых устанавливается национальный консенсус. Это означает, что модернизацию может осуществить страна с различными институциональными условиями, но для этого важно наличие акторов с долгосрочными интересами и существование работающих механизмов обратной связи государства и общества.

К сожалению, быстрое совершенствование институциональных условий затруднено в краткосрочной перспективе. Если коррупция распространена повсеместно, что мы наблюдаем в России, то консолидация отдельных субъектов с целью отказа от коррупционной модели поведения становится невозможной в силу неразвитости политической системы и гражданского общества. Аналогично, коррумпированная бюрократия не станет проводить административную реформу, тем самым еще более усугубляя коррупционный характер системы.

Банальное наращивание финансирования отдельных направлений хозяйствования в современных российских условиях может привести к ухудшению качества жизни основной части населения, деградации отдельных отраслей при условии наращивания конкурентоспособности в сферах, способных создать преимущества на мировом рынке. Такой сценарий требует масштабного вмешательства государства в микро-общественную жизнь страны, которое без должных институциональных реформ в современных условиях способен привести лишь к колоссальному росту бюрократического аппарата: при неразвитости коалиций, способных воздействовать на государственные решения и их реализацию, государство, по сути, останется единственным регулятором, каждая новая возникающая проблемная ситуация потребует создания новой структуры.

В сложившихся условиях неразвитой институциональной системы и непрозрачности информации усилия отдельных предприятий по диверсификации производства или внедрению самых новейших разработок не способны кардинально изменить структуру российской экономики. Если сравнивать институциональное направление модернизации и стратегию экономического роста, можно заметить еще одну интересную особенность: сторонники институционального направления, скорее, представляют желаемую картину будущего, т. е. какой страна должна быть после завершения процесса модернизации; в то же время сторонники проектного подхода больше концентрируют внимание на текущей тактике практических действий,

при этом желаемые ориентиры модернизации остаются весьма расплывчатыми.

В то же время Россия характеризуется такими параметрами, которыми в течение исторического развития не обладала ни одна страна – значительная географическая протяженность и в связи с этим существенная региональная дифференциация, сочетание значительных наработок в развитии отдельных отраслей промышленности и науки (в отдельные периоды – опережающих по сравнению с показателями стран Запада) и низкого уровня жизни населения. Сырьевая экономика востребует лишь часть трудовых ресурсов, и ее потребности в квалифицированном труде ничтожны по сравнению с общей численностью населения. Причем социально-экономическая структура российского общества сформировалась таким образом, что значительную часть пресловутого «среднего класса» составляют не инженеры, врачи, работники образования и науки, мелкие и средние предприниматели, высококвалифицированные рабочие, а работники сферы обслуживания, развлекательных услуг, чиновники и др.

Опираясь на такие рассуждения, некоторые исследователи ставят под сомнение возможность осуществления «модернизации сверху», и в особенности институциональной модернизации. Ее защитники, описывая институциональные реформы, достижение консенсуса в обществе и т. д., не отвечают на вопрос о месте взаимодействия коалиций, ответственных за их проведение – либо это будут независимые научные и общественные объединения, политические партии, или роль таких коалиций возьмут на себя представители бизнеса. Возможно, их рассуждения представляются чересчур теоретизированными и лишенными конкретных рекомендаций. Проблема состоит в том, что формирование таких коалиций и групп интересов способно радикально изменить картину социально-общественной и экономической жизни страны, однако очень трудно хотя бы приблизительно прогнозировать момент их создания, первые результаты их функционирования и время появления положительных результатов. Население страны, уставшее от постоянных реформ и неопределенности, которую они влекут, быстро разочаровывается в реформе, если только она не принесет в краткосрочном периоде конкретных результатов. Однако осуществления модернизации на основе проектного подхода (любого из вариантов) представляется еще более проблематичной. Приведенные выше определения модернизации в большинстве своем не учитывают в полной мере уровень социально-экономического развития России. Как показывает зарубежный опыт, многие страны, достигшие успеха в своем экономическом развитии в XX веке, начинали в условиях коррупции, слабой судебной и законодательной системы (например, Франция и Германия после Второй мировой войны). Еще более показателен пример послевоенной Японии, где многие традиционные предприятия были преобразованы в акционерные общества по американскому типу. В первые годы таких реформ многие эксперты тех лет объясняли невозможность реформирования японской экономики японским национальным характером. Спустя 20 лет японское экономическое чудо также объясняли японским национальным характером.

Фактически, на наш взгляд, в России реализовывались по сей день стратегия экономического роста (путем максимального использования конкурентных преимуществ России в виде запасов минерального сырья и сокращения доли государства в экономике) и стратегия интерактивной модернизации – в той ее части, которая предполагает создание системы планирования на основе взаимодействия государства, бизнеса и общества – путем создания специализированных институтов развития по западному образцу. Т. е. при определении приоритетов развития составлялись планы по их реализации, определялись цели достижения, ответственные субъекты, и под эти задачи формировалось необходимое институциональное окружение. Создавались специальные «институты развития», призванные сформировать специальные условия для секторов, предпочтительных с позиций государства. Под ведущую роль государства выстраивалась институциональная система, включая проблемы собственности, банкротства, внешнеэкономическую деятельность и т. д.

Подобная стратегия на определенном этапе способна обеспечить высокие темпы экономического роста, особенно при наличии мощного потока финансовых ресурсов, поступающих в госбюджет. Однако проблема этой стратегии заключается в низкой результативности, что связано с неэффективностью принимаемых решений относительно приоритетов инвестирования, либо с банальной неэффективностью составления смет инвестиционных проектов.

Главная опасность интерактивной модернизации состоит в следующем. Как верно указал В. Полтерович, политическая конкуренция не достигла еще уровня развития, характерного для развитых стран (и это преподносится как само собой разумеющийся факт), а общественные коалиции, способные собрать значительные слои населения, не сформированы. В «РБК daily» от 24.01.2011 приводятся неутешительные подсчеты Ассоциации независимых центров экономического анализа: 70 % российского общества не готово поддержать модернизацию, а политическая элита и вовсе относится к модернизации прохладно. «Элита к любым проектам готова приступить лишь тогда, когда она уверена, что это решение не подорвет ее власть», – отмечает профессор НИУ ВШЭ Леонид Григорьев [3]. Поскольку модернизация, в том числе политическая, подразумевает перемены не только в экономике, но и во властных рядах, то политэлите выгоднее «законсервировать» свое положение», – говорится в статье. Следовательно, экономическая коалиция является единственно способной стать движущей силой модернизации, поскольку заинтересована в создании более благоприятных условий для ведения своей деятельности. Однако подавляющая часть экономической власти сосредоточена в руках представителей сырьевой промышленности и финансового сектора, а также отдельных представителей олигархической прослойки. Такого рода «элита» прямо заинтересована в сохранении текущего положения дел. Соответственно она будет лоббировать у государства ту политику, которая будет и далее консервировать текущее положение дел. Скажем также пару слов об этимологии слова «интерактивный». Изначально под этим словом подразумевался «диалоговый», связанный с коммуникацией и общением, сейчас же, в связи

с поступательным развитием IT-технологий, под этим словом все больше понимается «виртуальный», «относящийся к компьютеру», тем самым словно бы подчеркивается игровой, симуляционный, виртуальный вариант предлагаемой модернизации.

Основной чертой современной российской элиты (как политической, так и экономической) является неконтролируемая возможность определять размеры собственной заработной платы. В дореформенный период высокое служебное положение обеспечивало возможность контроля над собственностью и право на привилегии, а на сегодняшний день — присвоение собственности и доходов [8]. Вопрос об их готовности взять на себя ответственность за модернизационные процессы является риторическим.

Из вышесказанного видно, что в настоящее время необходимая России стратегия модернизации должна лежать на стыке экономического роста и формирования специальных институтов; интерактивная модернизация представляет собой попытку синтеза двух указанных стратегий, однако, как уже было показано, не в полной мере учитывает реалии российской экономики. Мы предлагаем следующее: траекторию модернизации необходимо разбить на два условных этапа; целью первого является создание такого институционального базиса, который на втором этапе станет основой для высококачественного экономического роста: речь идет о репродуктивной (самовоспроизводящейся) модернизации.

Мы полагаем, что в процессе модернизации государству принадлежит **определяющая роль** как на первом, так и на втором этапе, и главным его инструментом в процессе модернизации должна стать структурная политика, направленная на реформирование как социально-экономической, так и институциональной систем страны. Однако для этого должна быть оптимизирована система государственного управления — проблема оптимизации государственного управления:

– во-первых, с точки зрения повышения качества принимаемых решений (прежде всего стратегиче-

ских), что тесно связано с набором и объемом полномочий (функциями, границами) государства;

– во-вторых, совершенствования административно-управленческих процессов исполнения стратегических решений и государственных функций.

В понимании роли государства в процессе модернизации состоит различие между репродуктивной стратегией и ее институциональным вариантом: если первый делает акцент на необходимости создания соответствующих институциональных условий, при которых впоследствии рынок сам способен выйти на инновационный путь развития, то во втором случае ясно, что государство берет на себя определяющую роль по согласованию и корреляции действий отдельных субъектов на обоих этапах. К сожалению, приходится констатировать, что любая концепция развития, даже ориентированная на достижение результатов, максимально благоприятных для каждой из групп интересов, сама по себе не способна скоординировать действия отдельных экономических субъектов. Однако без должных экономических реформ такая модернизация может превратиться в обычное наращивание финансирования, о чем уже было сказано выше.

Итак, репродуктивная модернизация — это модернизация, основанная на определяющей роли в ней государства, ключевой целью которой является формирование институциональных условий, способных стать основой для высококачественного экономического роста.

В таблице 1 приведены основные характеристики всех четырех рассмотренных типов модернизации.

Обязательным условием успешного проведения любой модернизации является наличие устойчивого спроса на нее — как со стороны бизнес-сообщества, так и со стороны общества и государства. Предъявляемый в настоящее время спрос низок ввиду сложившейся динамики социального-экономического развития, а также сильной фрагментированности и разобщенности общества. Именно действия государства должны стать толчком для роста спроса на модернизацию со стороны остальных акторов и стимулом для роста коалиции за модернизацию.

Таблица 1

Характеристики основных стратегий модернизации

	Институциональная	На основе экономического роста	Интерактивная	Репродуктивная
Цель	Преобразование социально-экономической системы общества, с точки зрения формирования коалиций, преимущественно по образцу развитых стран.	Достижение максимально благоприятных показателей экономического роста, пригодных для преобразования институциональной системы по выбранному образцу.	Одновременное преобразование всех сфер социально-экономической жизни с целью достижения совместно договоренных показателей развития.	Создание таких условий для инновационного типа хозяйствования, при которых дальнейшая модернизация становится самостоятельным процессом.
Основной инструмент	Развитие гражданского самосознания, формирование институтов гражданского общества.	Любые меры по стимулированию экономического роста.	Развитие переговорного механизма, максимальное использование зарубежного опыта.	Включает все указанные меры.

	Институциональная	На основе экономического роста	Интерактивная	Репродуктивная
Субъекты реализации	Не определены; недостаточно четко прописан механизм того, как должны сформироваться коалиции.	Производительные единицы.	Все субъекты, задействованные в социально-экономической жизни, но упор предполагается сделать на экономические объединения.	Равноправное участие государства, бизнеса и общества.
Глубина преобразований	Зависит от сформировавшихся коалиций.	Зависит от сложившихся экономических пропорций.	Зависит от доминирования той или иной группы в процессе переговоров.	В соответствии с заданной целью модернизации.

Литература

1. Инновационная Россия – 2020 (Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/news/news/3467/proekt_strategii_innovacionnogo_razvitiya_rossii_do_2020_g.
2. Кудрин, А. Последствия кризиса и перспективы социально-экономического развития России / А. Кудрин, О. Сергиенко // Вопросы экономики. – 2011. – № 3.
3. Литвинова, А. Политическая элита только делает вид, что готова к модернизации / А. Литвинова // РБК daily – 2011, 24 января [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rbcdaily.ru/2011/01/24/focus/562949979589816>.
4. Мау, В. Экономическая политика 2007 года: успехи и риски / В. Мау // Вопросы экономики. – 2008. – № 2.
5. Модернизация экономики России: кардинальное улучшение инвестиционного климата (эко-

номический доклад Общероссийской общественной организации «Деловая Россия») // Вопросы экономики. – 2010. – № 10.

6. Полтерович, В. Стратегии модернизации, институты и коалиции / В. Полтерович // Вопросы экономики. – 2008. – № 4.

7. Родионов, К. Рост после кризиса: к новой повестке дня / К. Родионов // Независимая газета – 2010, 28 июля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ng.ru/ideas/2010-07-28/6_crisis.html.

8. Рудакова, О. Высокообеспеченные слои российского общества: численность и механизм формирования доходов / О. Рудакова, Е. Харитоновна // Управление персоналом. – 2008. – № 5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.top-personal.ru/issue.html?1506>.

9. Рустамов, Э. Принципы эволюционной модернизации переходных экономик / Э. Рустамов // Вопросы экономики. – 2009. – № 7.

УДК 332.12:332.14

НЕОБХОДИМОСТЬ ОРГАНИЧЕСКОЙ ВЗАИМОСВЯЗИ ПРОЦЕССОВ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И ЕЕ СТРУКТУРНОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ

В. С. Сурнин

THE NECESSITY OF ORGANIC INTERRELATION OF ECONOMY'S INNOVATIVE DEVELOPMENT PROCESSES AND ITS STRUCTURAL REORGANIZATION

V. S. Surnin

Выявлены основные проблемы осуществления структурно-инновационных преобразований в Кемеровской области. Показаны качественные сдвиги в экономике страны и региона, основанные на инновационном развитии, которые позволяют преодолеть тренд структурно-технологической деградации и остановить снижение качества жизни населения.

Ключевые слова: структурные сдвиги, инновационное развитие, диверсификация, региональные аспекты.

The basic problems of realization of structural and innovational transformations in Kemerovo region are revealed. Qualitative shifts in national and regional economy, based on innovative development which will allow to overcome the trend of structural and technological degradation and to stop decrease in quality of population life are shown.

Keywords: structural shifts, innovative development, diversification, regional aspects.

С точки зрения эволюционной экономики, каждая точка траектории экономического развития определяется всей предысторией эволюции и «естественного отбора» популяции хозяйствующих субъектов, действующих в условиях соответствующего экономического окружения. Как и в неоклассической теории, в теории эволюционной экономики макроэкономическая динамика выводится из микроэкономического поведения хозяйствующих субъектов, последнее представляется в ней более сложным и соответствующим наблюдаемой реальности. В частности, в эволюционной экономике непосредственно учитывается сложность поведения хозяйствующих субъектов, неопределенность множества производственных возможностей. Поведение фирм рассматривается не просто как рациональный выбор из множества производственных возможностей, а как переменная, определяемая указанным множеством наряду со сложившимися процедурами принятия решений и условиями экономического окружения [1].

В соответствии с охарактеризованными выше закономерностями технологических изменений, формирование технологического уклада начинается с внедрения соответствующего кластера базисных нововведений, диффузия которых сопровождается формированием базисных технологических совокупностей. Они формируют ядро нового технологического уклада. В результате распространения этих нововведений, после соответствующих институциональных изменений и структурной перестройки экономики, происходит повышение общего уровня эффективности производства по сравнению с тем, который считался нормальным в течение предшествующего этапа технико-экономического развития. Достигается это посредством расширения несущих производств, технологически сопряженных с ядром технологического уклада и передающих исходящие из него импульсы технологических изменений в окружающую социально-экономическую среду.

Что касается России, то экспертная оценка современных структурных сдвигов в ее экономике показывает, что шестой технологический уклад у нас практически не формируется, доля технологий пятого уклада (в военно-космической технике, средствах связи) составляет примерно 8 – 10 %, четвертого – свыше 40 – 50 % (по разным расчетам), третьего (который имел место в развитых странах в 20 – 30 годы XX века) – около 30 %, реликтовых укладов – почти 20 %. Отсюда следует, что Россия отстает от промышленных стран на целые поколения техники.

С нашей точки зрения, процесс структурной перестройки экономики неправомерно, видимо, рассматривать только как процесс ее оптимизации. Весь этот сложный процесс следует интерпретировать не как оптимизацию уже сложившейся структуры экономики, а как оптимизацию в контексте формирования и развития V и VI технологических укладов, то есть как некую переменную, определяемую существующим множеством, наряду со сложившимися процедурами принятия решений и условиями экономического окружения.

Главный критерий структурной перестройки экономики – качество жизни населения и уровень самореализации личности. Такой критерий обуславливает

решение задачи номер один – выхода страны на качественно иной уровень индустриального развития. Основа указанного выхода на качественно иной уровень индустриального развития – это точно-акцентированное внедрение новейших технологий, то есть их внедрение прежде всего в приоритетные отрасли народного хозяйства – в угольную промышленность и металлургию. Например, с 2000 года в Кузбассе проведена большая работа по модернизации угледобычи и, по сути, создана новая современная угольная шахта и разрезов, 16 угольных фабрик). Производительность труда выросла в 2,5 раза. Впервые за 100-летнюю историю ежегодный объем добычи угля в Кузбассе, начиная с 2007 года, составляет более 180 млн тонн. В результате в 2011 году создано более 3,7 тыс. и новых рабочих мест и произведен рекордный объем добычи угля – 190 млн тонн.

В металлургической области построено 17 новых и реконструировано 13 действующих металлургических агрегатов. Создано более 5 тыс. рабочих мест. Проведено техническое перевооружение практически всех предприятий отрасли. В результате принятых мер, металлургические компании Кузбасса вошли в число российских и мировых лидеров по производству металлопродукции.

Создан технопарк в сфере высоких технологий. В его базе более 130 инвестиционных проектов. В апреле 2011 года открыт Бизнес-инкубатор – один из самых крупных в России и самый большой за Уралом. Здесь могут работать до 100 инновационных и сервисных компаний.

Появились совершенно новые отрасли. Запущен в эксплуатацию метанугольный промысел Кузбасса (2010 г.) – совершенно новое направление в экономике области и страны в целом. Проект не имеет аналогов в России. Будет создано 1800 новых рабочих мест. Уже действует 18 скважин по добыче газа. В 2011 году добыто 4,8 млн куб.м. метана.

Введен в эксплуатацию новый завод «Хендай-Кузбасс-Авто» (Ленинск-Кузнецкий район, 2010). Это первое за Уралом автосборочное предприятие. К концу 2011 года было собрано 115 автобусов и 267 грузовых автомобилей.

Что касается алгоритма осуществления сдвигов в экономической структуре региона, то прежде всего нужно развивать науку и образование. Развитие не вообще науки, а развитие, в первую очередь, тех научных направлений, которые способны реализовать те или иные отраслевые приоритеты. Развитие опять же не вообще образования, а прежде всего тех его сфер, которые осуществляют подготовку специалистов для новой структуры экономики. А далее следует развивать такие отрасли и производства, которые обладают наибольшим эффектом мультипликатора и высоким коэффициентом корреляции по сравнению с другими отраслями экономики. Это, прежде всего, легкая промышленность, пищевая, химическая, нефтехимия, топливная промышленность, машиностроение и металлообработка [2].

Что касается причин, противоречий и механизма структурных сдвигов в экономике, то по этому поводу можно сказать следующее. Главной причиной, на наш взгляд, является развитие структуры общественных потребностей. Основным противоречием структурных

сдвигов в экономике выступает противоречие между неравномерной динамикой развития различных элементов в структуре самой экономики. В таком контексте исходным противоречием этого процесса является противоречие между динамикой отдельных составляющих структуры общественных потребностей. В этом плане весьма целесообразно поставить вопрос и о производных противоречиях структурных сдвигов в экономике, к которым можно отнести противоречие между сдвигами в натурально-вещественной и стоимостной структуре экономики, противоречие между внешними и внутренними структурными сдвигами, а также между разнонаправленными сдвигами в рамках определенной экономической системы. Что касается механизма структурных сдвигов, то он представляет собой механизм перераспределения капитальных и финансовых ресурсов между различными элементами экономической структуры, опять же в целях удовлетворения общественных потребностей.

Структурная перестройка экономики того или иного региона органически взаимосвязана с региональной экономической действительностью. Мало того, ее содержательная сторона всегда, в той или иной степени, обуславливается этой самой действительностью. Отсюда основополагающим методологическим принципом исследования структурных преобразований экономики региона можно полагать принцип обусловленности содержания структурной перестройки экономики региона региональной экономической действительностью, вытекающей из объективной взаимозависимости между какими-либо экономическими результатами и реальной экономической действительностью. Сама же логическая взаимосвязь экономической действительности и экономических результатов может быть представлена следующим образом: региональная экономическая действительность – потребности – интересы – цель – программа (план) действий – механизм реализации цели – конкретные действия субъективного фактора – результат.

Каким же образом, используя данную цепь-последовательность, можно вывести и обосновать на ее основе основные направления процесса структурных преобразований экономики региона?

Для этого необходимо, во-первых, определить в данном конкретном случае центральное звено этой цепи. Определив его, мы определим тем самым и объективную основу главного вектора структурных изменений в экономике региона. Почему? Да потому, что категориальная содержательность центрального (основного) звена и будет, естественно, являться главным фактором, обуславливающим те или иные изменения в структуре региональной экономики.

Применение звеньев указанной выше цепи логической взаимосвязи для раскрытия содержательной стороны процесса структурной перестройки экономики региона "делает" указанные звенья, превращает их в своего рода принципы исследования структурных преобразований экономики региона. То есть, звенья-категории, входящие в цепь логического развертывания региональной экономической действительности, становятся уже категориями-принципами. А точнее, становятся принципами как бы второго порядка, обусловленными основополагающим методологическим

принципом исследования структурных преобразований экономики региона – принципом обусловленности содержания структурной перестройки экономики региона региональной экономической действительностью.

Основной принцип второго порядка – это принцип формирования объективных потребностей региона на основе региональной экономической действительности (под региональной экономической действительностью понимается прежде всего географическое положение региона, его минерально-сырьевые ресурсы и вытекающие отсюда специализация региона в экономическом пространстве страны и соответственно степень его участия в межрегиональной интеграции). Данный принцип тесно взаимосвязан с основным принципом, вытекает из него и определяется в значительной степени последним.

Следующий принцип – это принцип вычленения основных экономических интересов региона. Региональные интересы являются в этом аспекте ступенью конкретизации региональных потребностей, они вырастают из потребностей региона и представляют собой своего рода концентрированную форму выражения объективных потребностей региона.

Третий принцип – принцип взаимосвязи основных целевых установок региона с системой его экономических интересов. Если эта взаимосвязь не будет реализовываться, если целевые установки региона не будут "завязаны" на интересах региона, если они будут оторваны от региональных экономических интересов, то навряд ли может оказаться эффективным процесс достижения основных целей регионального характера.

Все указанные принципы, раскрывающие и дополняющие основной методологический принцип исследования структурной перестройки экономики региона, тесно взаимосвязаны друг с другом, взаимопереплетены и взаимозависимы друг от друга. Нельзя не заметить также того факта, что сердцевинной, стягивающим стержнем этой своеобразной цепи развертывания экономической действительности, ведущего к практическим результатам, являются, конечно же, интересы. Именно интересы, в первую очередь, объективно обусловлены региональной экономической действительностью и соответствующими региональными потребностями. Региональные интересы, впитав в себя и то, и другое, затем, в свою очередь, передают импульс объективного в последующие звенья – цель, механизмы ее реализации, комплекс действий субъективного фактора, результат.

Опять же именно через них, через систему региональных экономических интересов идет обратная связь от результата к объективной региональной действительности, которая постепенно изменяется в итоге действий субъективного фактора, находящих выражение в том или ином совокупном региональном результате.

Все те же самые региональные экономические интересы находятся как раз на стыке объективного и субъективного в этом процессе развертывания экономической действительности, что еще раз подчеркивает их центральное место в данной системе. Одним словом, система региональных экономических интересов, объективно обусловленная региональной эко-

номической действительностью, детерминирует, в свою очередь, содержание и основные направления структурных преобразований экономики региона [3].

Литература

1. Управление социально-экономическим развитием России: концепция, цели, механизмы. – М.: Экономика, 2002.

2. Красильников, О. Ю. Структурные сдвиги в экономике современной России / О. Ю. Красильников. – Саратов: Научная книга, 2000.

3. Кислюк, М. Б. Кузбасская модель реформирования экономики / М. Б. Кислюк, В. С. Сурнин. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1995.

УДК 622.014.2:331.6:658.155:622.33(57117)

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ И МЕТОДИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К РАЗРАБОТКЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПЛАНОВ НА УГЛЕДОБЫВАЮЩИХ ПРЕДПРИЯТИЯХ КУЗБАССА

Г. С. Трушина, М. С. Щипачев

IMPROVEMENT OF METHODOLOGICAL AND METHODICAL APPROACHES TO DEVELOPING STRATEGIC PLANS FOR THE COAL-MINING ENTERPRISES OF KUZBASS

G. S. Trushina, M. S. Shchipachev

В статье рассмотрены специфические особенности стратегического планирования в угольной промышленности, предложены этапы разработки стратегических планов шахт и разрезов Кузбасса на современном этапе, а также методические подходы к оценке стратегических планов.

Ключевые слова: стратегические планы, этапы, методы, конкурентоспособность, оценка, угольная промышленность.

This article contains specific features of strategic planning in the coal industry, the proposed steps for developing strategic plans for the mines of Kuzbass in the modern era, as well as methodical approaches to the evaluation of strategic plans.

Keywords: strategic plans, stages, methods, competitiveness, score, the coal industry.

В 2010 г. добыча угля в РФ составила 324 млн т. На внутренний рынок было отгружено 190 млн т, на экспорт – 116 млн т или более 34,8 % от объема всех поставок. В настоящий период угольная промышленность является экспортно-ориентированной. Это объясняется тем, что на внутреннем рынке в последние десятилетия уголь как энергетический источник вытесняется газом. Газ в настоящее время из-за диспропорции в ценообразовании, является в России более выгодным и экологически чистым энергетическим ресурсом. Поэтому в настоящий период выбор стратегии предприятий угольной промышленности зависит во многом от спроса на российский уголь на мировом угольном рынке, который резко уменьшается в периоды мировых финансово-экономических кризисов. В перспективе в энергетике РФ спрос на энергетические угли будет возрастать. В ЭС-30 РФ на период до 2030 г. предусмотрено увеличение производства электроэнергии к 2030 г. со 1037 в 2008 г. до 1800 – 2210 млрд кВт.ч или на 174 – 213 % , в том числе за счет использования угля и прочего твердого топлива в объеме 131 – 185 млн т у. т. (на 165 – 234 % больше уровня 2008 г.). Объем добычи угля предусмотрено увеличить по оптимальному сценарию до 459 млн т. В долгосрочной Программе развития угольной промышленности России на период до 2030 года в качестве приоритетной задачи обозначено создание дополнительных мощностей для увеличения экспортных

поставок угля, особенно в азиатско-тихоокеанском направлении. Предусмотрены следующие направления развития угольной промышленности: развитие сырьевой базы угольной промышленности и рациональное недропользование; развитие производственного потенциала существующих мощностей по добыче и переработке угля и освоение новых угольных месторождений; завершение реструктуризации угольной промышленности; развитие внутреннего рынка угольной продукции и укрепление позиций России на мировом рынке угля; технологическое развитие отрасли и укрепление научно-технической базы компаний и научных центров; обеспечение промышленной и экологической безопасности, охраны труда в угольной отрасли; развитие трудовых отношений и корпоративной социальной ответственности угольных компаний; совершенствование системы профессиональной подготовки кадров для угольной промышленности [1]. В Кузбассе добыча угля составила в 2011 г. 188,4 млн т, к 2030 г. предусмотрено увеличение добычи угля на 100 млн т [2].

Эффективность и конкурентоспособность угледобывающих предприятий на внешнем и внутренних рынках во многом зависят от разработанных стратегических планов, на основе которых принимаются управленческие решения в области развития технологии ведения горных работ, механизации основных и вспомогательных процессов, организации производ-

ства и труда, формирования квалифицированного персонала, природоохранных мероприятий, повышения конкурентоспособности угля и улучшения финансового состояния предприятия. Достоверность, объективность и оптимальность стратегических планов зависят от применяемых методических и методологических подходов к процессу их разработки, формулированию цели, анализу внешней и внутренней среды и экономической оценке планов. Однако в научной литературе в настоящий период нет единого мнения относительно последовательности этапов разработки стратегического плана, методических подходов к анализу внешней и внутренней среды, оценке потенциала предприятия и выбору оптимального варианта стратегического плана угледобывающего предприятия.

Изучение опыта стратегического планирования в различных отраслях показывает, что при планировании необходимо прежде всего учитывать специфику отраслей, влияющей на эффективность работы предприятий. Особенностью горно-добывающего производства, в отличие от других отраслей промышленности, является то, что жизненный цикл предприятия зависит от наличия балансовых запасов угля, производственной мощности предприятия и периода отработки запасов. В зависимости от стадии жизненного цикла – при планировании на долгосрочную перспективу – цели предприятия могут меняться. Поэтому предварительным этапом перед формулированием целей должен быть этап «Анализ жизненного цикла предприятия».

При разработке стратегических планов следует учитывать то, что в зависимости от влияния внешней среды в угольной промышленности возникают различные проблемы, сдерживающие эффективность работы предприятий. В связи с этим при стратегическом планировании последовательность и этапы выполнения работ в различные периоды могут существенно отличаться.

Так, на предприятиях угольной промышленности Кузбасса в настоящий период наблюдается проблема с формированием квалифицированных кадров. Для уменьшения текучести кадров и создания имиджа привлекательности рабочих мест на угольных предприятиях на рынке труда, целесообразно при разработке стратегических планов и Положений по оплате труда учитывать рейтинг предприятия среди предприятий-конкурентов по интегральному показателю возможности привлечения квалифицированных кадров, учитывающему комплекс факторов привлекательности рабочих мест и степень напряженности на рынке труда. Необходимость учета напряженности на рынке труда объясняется тем, что в Кузбассе, из-за недостатка квалифицированных кадров по месту нахождения предприятий, наблюдается повсеместно доставка работников из разных городов Кузбасса. Для отбора факторов привлекательности рабочих мест были учтены результаты анкетирования рабочих и наличие официальной статистической отчетности.

Интегральный показатель возможностей формирования штата предприятия квалифицированными кадрами (J к.) предлагаем учитывать по формуле:

$$J к. = (Jп.р.м.) * (Jн.р. * q6), \quad (1)$$

где Jп.р.м. – интегральный показатель конкурентоспособности угледобывающего предприятия по привлекательности рабочих мест.

Он рассчитывается по формуле:

$$Jп.р.м. = Jз.п.*q1 + Jз.п.о.*q2 + Jт.с.*q3 + Jу.п.*q4, \quad (2)$$

где Jз.п. – единичный показатель конкурентоспособности угледобывающего предприятия по среднемесячной заработной плате работника на предприятиях угольной промышленности;

Jз.п.о. – единичный показатель конкурентоспособности угледобывающего предприятия по относительному показателю среднемесячной заработной платы к уровню среднемесячной заработной платы одного работника в других отраслях промышленности соответствующего географического сегмента рынка труда (город, поселок);

Jт.с. – единичный показатель конкурентоспособности предприятий по наличию тарифного соглашения, предусматривающего социальные гарантии работникам предприятий;

Jу.п. – единичный показатель конкурентоспособности по наличию учебных пунктов;

J н. р. – показатель степени напряженности на рынке труда по городам географического сегмента концентрации угледобывающих предприятий.

Единичные показатели конкурентоспособности предприятий по привлекательности рабочих мест и показатель степени напряженности на географическом сегменте рынка труда определяются по формуле:

$$J_i = \frac{K_i}{K_{ij}}, \quad (3)$$

где K_i – абсолютная величина i-го единичного показателя исследуемого предприятия;

K_{ij} – величина лучшего единичного показателя, принятого за эталон.

Если за эталон принимается не максимальное, а минимальное значение, то J_i рассматривается как обратная величина. Значимость единичных показателей (q) определена экспертным методом путем опроса ведущих специалистов предприятий отрасли. Более конкурентоспособным предприятием по возможности формирования штата работников квалифицированными кадрами является то, у которого значение интегрального показателя (Jк.) будет выше, чем у других предприятий.

Одной из проблем, сдерживающих увеличение добычи угля, является сложная экологическая обстановка, обусловленная выбросами в атмосферу газа – метана, истреблением пахотных земель, образованием провалов, загрязнением водоемов и образованием пожароопасных отвалов. С целью соблюдения нормативов по природоохранной деятельности, предлагаем на угольных предприятиях внедрять интегрированную систему менеджмента, анализ показателей результативности которой позволяет разрабатывать упреждающие действия и включать в планы организационно-технические мероприятия по улучшению менеджмента качества и охраны окружающей среды по каждому процессу предприятия.

При определении эффективного варианта стратегии предприятия обычно применяют сравнительный

анализ частных показателей, не учитывающих комплексную оценку деятельности предприятия, функционирующего в условиях рыночной экономики. В качестве комплексной оценки считаем целесообразным применять интегральный показатель конкурентоспособности потенциала предприятия, учитывающий конкурентоспособность производственного потенциала, конкурентоспособность угля, конкурентоспособность финансового состояния, конкурентоспособность по возможности формирования квалифицированного кадрового потенциала. Однако, учитывая особенности функционирования угледобывающих предприятий на современном этапе, показатель конкурентоспособности потенциала предприятия можно использовать для оценки только угольных компаний. Это объясняется тем, что на современном этапе большинство предприятий реализуют уголь головной компании по внутренним ценам, устанавливаемым компанией, и получить объективную оценку конкурентоспособности добываемого угля, с учетом качества и цены на уголь, не представляется возможным. В данном случае, по нашему мнению, более объективную оценку конкурентоспособности добываемого (без переработки) угля можно получить по комплексной оценке качественных характеристик угля. Например, для коксующегося угля основными показателями принято считать зольность, влажность и пластометрию угля.

Показатель конкурентоспособности по финансовому состоянию предприятия, определяемому по еди-

ничным показателям конкурентоспособности финансовых результатов и финансового состояния предприятия (рентабельности продукции, соотношения дебиторской и кредиторской задолженности, коэффициента текущей ликвидности), на современном периоде можно также применять лишь для общего анализа конкурентоспособности угольных компаний. Для шахт и разрезов, не имеющих самостоятельности и входящих в состав компаний, выручка и прибыль формируются по внутренним ценам, что не позволяет получить объективную оценку конкурентоспособности угледобывающих предприятий по финансовому состоянию.

Для экономической оценки стратегических планов и выбора наиболее оптимального варианта плана, предлагаем использовать интегральный показатель конкурентоспособности потенциала производственных ресурсов, учитывающий комплексную оценку конкурентоспособности производственного потенциала, конкурентоспособности качества угля и конкурентоспособности предприятия по привлекательности рабочих мест.

Таким образом, учитывая специфические особенности развития угольной промышленности на современном этапе, считаем, что при стратегическом планировании шахт и разрезов Кузбасса необходимо выполнять этапы работ, отраженные на рис.

Рис. Этапы разработки стратегических планов для шахт и разрезов Кузбасса

Интегральный показатель конкурентоспособности потенциала производственных ресурсов угледобывающих предприятий предлагаем рассчитывать по формуле:

$$J_n = J_{\text{ин}} \times J_y \times J_{\text{п.р.м.}}, \quad (4)$$

где $J_{\text{ин}}$ – показатель конкурентоспособности производственного потенциала;

J_y – показатель конкурентоспособности качества угля;

$J_{\text{п.р.м.}}$ – показатель конкурентоспособности по привлекательности рабочих мест.

В качестве оценочных единичных показателей конкурентоспособности производственного потенциала предлагаются: общая добыча угля; добыча коксующихся углей (для сегмента рынка “коксование”) или добыча энергетических углей (для сегмента рынка “энергетика”); производительность труда рабочего по добыче угля; себестоимость добычи 1 т угля; выполнение плана подготовительных работ (по шахтам – объема проведения подготовительных выработок, по разрезам – вскрышных работ).

Показатель конкурентоспособности угля предлагается определять по единичным показателям, учитывающим качественные параметры угля (для коксующегося угля – зольность, влажность, пластометрия; для энергетического – зольность, влажность, выход летучих, тепловой эквивалент).

Показатель конкурентоспособности по привлекательности рабочих мест предлагается определять аналогично формуле 2. Анализ рейтингов единичных показателей конкурентоспособности позволит выявить слабые и сильные стороны деятельности предприятия относительно предприятий-конкурентов и предусмотреть в разрабатываемых стратегических планах наиболее эффективные организационно-технические мероприятия, позволяющие повысить уровень конкурентоспособности шахт и разрезов на внешнем и внутреннем рынках.

Литература

1. www.bigpowernews.ru/news/document30616.phtml).
2. REGNUM»: www.regnum.ru/news/1491364, 14:00 24.01.2012).

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УДК 172.1 : 342.72/.73

ВЗАИМОСВЯЗЬ ИНСТИТУТА РОССИЙСКИХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА С ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Н. А. Волков

THE RELATIONSHIP OF RUSSIAN INSTITUTE OF COMMISSIONERS FOR HUMAN RIGHTS WITH PUBLIC AUTHORITIES

N. A. Volkov

В статье на основе анализа большого фактического материала рассматривается генетическая взаимосвязь нового для политической системы современной России элемента – института уполномоченных по правам человека с законодательными и исполнительными органами государственной власти. Этот институт, возникший в Российской Федерации чуть более полутора десятилетий назад, в последнее время стал играть важную роль во взаимодействии государства и гражданского общества, в защите прав российских граждан.

Ключевые слова: уполномоченный по правам человека, институт, органы государственной власти, гражданское общество, правозащитная деятельность.

In this article, based on analysis of a large factual material, the genetic relationship of the new element of political system of modern Russia – Institute of Commissioners for Human Rights with legislative authorities and executive bodies of State authority is considered. This institution, which appeared in the Russian Federation just over one and a half decades ago, began to play an important role in the interaction of state and civil society and in protecting the rights of Russian citizens in the recent years.

Keywords: Commissioner for Human Rights, Institute, public authorities, civil society, human rights activities.

На рубеже XX – XXI вв. в политико-правовой системе современного российского общества появился новый государственный правозащитный механизм – институт уполномоченных по правам человека. Яв-

ляясь государственным органом и будучи тесно связанным с другими органами государственной власти, контролируя соблюдение и защиту ими конституционных прав человека и гражданина, этот механизм

является связующим звеном между органами власти и элементами гражданского общества. На наш взгляд, анализируя взаимосвязь и взаимодействие института уполномоченных по правам человека в Российской Федерации с органами государственной власти и местного самоуправления, необходимо выделить генетический и функциональный аспекты.

В генетическом плане определенный интерес представляет социально-философский анализ предшествующей работы уполномоченных по правам человека в органах государственной власти до их назначения государственными правозащитниками. Именно там будущие омбудсмены познавали специфику их работы, тонкости взаимоотношений органов власти и граждан, приобретали конкретный опыт работы по защите прав человека.

В настоящее время (на 1 января 2012 года) институт российских уполномоченных по правам человека представляют уполномоченный по правам человека в Российской Федерации (федеральный уполномоченный) и 64 уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации (региональные уполномоченные). Кроме того, за всю очень короткую историю существования этого правозащитного института в политико-правовой системе России – с января 1994 года, т. е. с момента назначения Государственной думой РФ С. А. Ковалева первым федеральным российским омбудсманом и с декабря 1996 года – с момента назначения Государственным собранием Республики Башкортостан Ч. Б. Газизова первым российским региональным уполномоченным по правам человека два федеральных и двадцать девять региональных уполномоченных представляли этот институт, однако в силу ряда причин оставили эту деятельность.

Таким образом, институт российских уполномоченных по правам человека насчитывает 96 человек: 3 федеральных (один действующий и два бывших) и 93 региональных (64 действующих и 29 бывших).

Основы конституционно-правового статуса омбудсманов (уполномоченных по правам человека) досконально хорошо раскрыты в работе уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 1998 – 2004 гг. О. О. Миронова «Очерки государственного правозащитника» [2].

В соответствии с Конституцией Российской Федерации система органов государственной власти в России представляет собой органы законодательной власти, органы исполнительной власти и органы судебной власти [1]. По мнению ряда исследователей, на деятельность уполномоченных по правам человека существенное влияние оказывает их предшествующий профессиональный опыт. При этом многие из уполномоченных до назначения государственными правозащитниками работали именно в органах государственной власти. Поэтому, например А. Ю. Сунгуров, в своем исследовании «Влияние предыдущего профессионального опыта на деятельность уполномоченных по правам человека в субъектах РФ» выделяет для анализа три группы уполномоченных по правам человека – бывшие депутаты, бывшие сотрудники администрации и бывшие сотрудники прокуратуры и МВД [3, с. 230 – 243]. Мы же в своем исследовании остановимся на анализе только первых двух групп.

Поскольку наиболее распространенной моделью этого института в мире в целом, да и в России в частности, является модель «парламентского омбудсмена», представляется целесообразным начать анализ предшествующей деятельности российских уполномоченных по правам человека с их работы в органах законодательной (представительной) власти. Прежде всего, это деятельность уполномоченного по правам человека в Российской Федерации В. П. Лукина, являвшегося до назначения на эту должность депутатом Государственной думы Федерального собрания РФ I, II и III созывов [4], и уполномоченного по правам человека в Кировской области В. В. Климова, являвшегося депутатом Государственной думы ФС РФ III и IV созывов [5].

Значительная часть уполномоченных являлись депутатами высших законодательных органов власти субъектов России. Так, например, уполномоченный по правам человека в Республике Коми Л. В. Завьялова избиралась депутатом Государственного Совета Республики Коми второго созыва (1999 – 2003 гг.), где возглавляла Комитет ГС РК по законодательству и местному самоуправлению. Уполномоченный по правам человека в Республике Саха (Якутия) Ф. Н. Захарова в декабре 1997 г. была избрана депутатом Палаты представителей Государственного собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия), где была заместителем председателя комитета по законности, органам государственной власти и местному самоуправлению и заместителем председателя Комиссии по конституционному законодательству. Уполномоченный по правам человека в Кабардино-Балкарской Республике Б. М. Зумакулов избирался депутатом Верховного Совета КБ АССР 6 созыва. Уполномоченный по правам человека в Удмуртской Республике М. К. Кокорин 26 марта 1995 г. был избран депутатом Государственного Совета Удмуртской Республики, являлся членом депутатских комиссий по защите прав обманутых вкладчиков и анализу состояния нефтяной области республики, председателем комиссии по устранению незаконной деятельности в Удмуртской производственной корпорации. 4 апреля 1999 г. избран депутатом Госсовета УР второго созыва, где являлся Председателем постоянной комиссии ГС УР по законности, общественной безопасности, правам граждан.

Уполномоченный по правам человека в Республике Адыгея А. Я. Осокин в 1991 – 1996 гг. избирался депутатом Верховного Совета Республики Адыгея, 4 марта 2001 г. вновь был избран депутатом Совета Республики Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея третьего созыва, являлся председателем комитета по законодательству, законности и вопросам местного самоуправления. Уполномоченный по правам человека в Карачаево-Черкесской республике В. В. Титаренко в июне 1995 г. был избран депутатом Народного собрания КЧР, где возглавлял комитет по законодательству, законности и местному самоуправлению. Уполномоченный по правам человека в Республике Алтай С. С. Шефер с 2002 г. по 2007 г. являлся депутатом Государственного собрания – Эл Курултай Республики Алтай, где возглавлял комитет по правовой политике и местному самоуправлению. И, наконец, Уполномоченный по правам человека в

Республике Карелия В. А. Шмыков в 1990 – 1993 гг. являлся депутатом Верховного Совета Карельской АССР [5].

Многие из уполномоченных до назначения их на эту должность являлись депутатами областных законодательных (представительных) органов. Так, например, Л. В. Анисимова с декабря 2004 г. по декабрь 2008 г. являлась депутатом Архангельского областного Собрания депутатов, заместителем председателя комитета по инвестициям, собственности и предпринимательству, Н. А. Волков с апреля 1999 г. по июнь 2001 г. являлся депутатом Совета народных депутатов Кемеровской области, председателем комитета по вопросам государственного устройства, местного самоуправления и правоохранительной деятельности. Н. Д. Ефремов в 1996 г. был избран депутатом Курской областной думы. Являлся депутатом II и III созывов, работал председателем Комиссии по законодательству и правополитике, а позднее заместителем председателя областной думы.

А. Е. Жаров с 1990 г. по 1993 г. избирался депутатом Московского областного Совета народных депутатов, членом малого Совета. В 1997 – 2001 гг. являлся Председателем Московской областной думы, членом Совета Федерации Федерального собрания РФ. В декабре 2001 г. он повторно избирается депутатом Московской областной думы, где является заместителем председателя Комитета по законности, вопросам власти и общественных связей, а также членом Комитета по труду и социальным вопросам. И. З. Зелент избирался депутатом Иркутского областного Совета. В октябре 1991 г. – декабре 1993 г. являлся заместителем, первым заместителем председателя Иркутского областного Совета народных депутатов. В марте 1994 г. он был избран депутатом Законодательного собрания Иркутской области. В июне 1996 г. вновь избран депутатом Законодательного собрания области, а затем и его председателем. С января 1996 г. по март 2001 г. по должности входил в Совет Федерации РФ, был членом Комитета по делам Федерации, Федеративному договору и региональной политике.

Уполномоченный по правам человека в Калужской области Ю. И. Зельников в 1996 – 2000 гг. избирался депутатом Законодательного собрания Калужской области II созыва, где являлся председателем Комиссии по контролю и депутатской этике и заместителем председателя Комитета по комплексному развитию и промышленности, а в 2000 – 2003 гг. – депутатом областного Законодательного собрания III созыва, где являлся председателем Комитета по законодательству. В. В. Иванов в 2002 г. был избран депутатом Псковского областного собрания, являлся членом Комитета по экономической политике. В марте 2007 г. он снова был избран депутатом Псковского областного собрания депутатов, где являлся заместителем председателя Комитета по агропромышленному комплексу и природопользованию. Народным депутатом Ивановского областного Совета в 1990 – 1994 гг. являлся А. Ю. Кабанов. Депутатом Кировской областной думы в 1996 – 1999 гг. был В. В. Климов. Депутатом областной думы Законодательного собрания Свердловской области в 1996 – 2000 гг. из-

биралась Т. Г. Мерзлякова, где в 1998 – 2000 гг. являлась заместителем председателя Комитета по социальной политике.

В. А. Никитин в 1994, 1996, 2000, и 2006 гг. избирался депутатом Калининградской областной думы 1, 2, 3 и 4 созывов. В 1998 г. он перешел на работу в областную думу на постоянной профессиональной основе заместителем председателя Комитета по государственному строительству и местному самоуправлению. В 2000 – 2006 гг. являлся председателем Калининградской областной думы, в 2006 – 2011 гг. – председателем Комитета по безопасности и правополитике думы.

В декабре 2001 г. депутатом Совета народных депутатов Камчатской области была избрана И. Л. Орлова. В 2002 г. она избрана депутатом регионального законодательного собрания. С 2002 г. по 2007 г. являлась заместителем председателя Комитета по социальной политике и правам граждан, с 2007 г. по 2010 г. – председателем Комитета по социальной политике, экологической безопасности и защите прав граждан. А. Л. Сидоров до назначения уполномоченным по правам человека неоднократно избирался депутатом окружного и областного Советов народных депутатов, депутатом думы Ханты-Мансийского автономного округа. В 2001 г. он был избран депутатом Тюменской областной думы, где работал председателем постоянной Комиссии по государственному строительству и местному самоуправлению. Л. С. Хашева с 1994 г. по 1997 г. являлась депутатом, заместителем председателя Амурского областного Совета народных депутатов.

Таким образом, из 65 действующих на 1 января 2012 г. российских уполномоченных по правам человека 23 до их назначения уполномоченными являлись депутатами законодательных (представительных) органов государственной власти различного уровня, в том числе 2 депутата Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации (федеральный уполномоченный по правам человека В. П. Лукин и уполномоченный по правам человека в Кировской области В. В. Климов), 2 члена Совета Федерации ФС РФ (уполномоченный по правам человека в Московской области А. Е. Жаров и уполномоченный по правам человека в Иркутской области И. З. Зелент), 3 председателя региональных законодательных органов государственной власти (А. Е. Жаров, И. З. Зелент и уполномоченный по правам человека в Калининградской области В. А. Никитин), 2 заместителя председателя этих органов (уполномоченный по правам человека в Курской области Н. Д. Ефремов и уполномоченный по правам человека в Амурской области Л. С. Хашева).

Одиннадцать человек работали в законодательных органах субъектов Федерации председателями различных комитетов и постоянных комиссий (Л. В. Завьялова, М. К. Кокорин, А. Я. Осокин, В. В. Титаренко, С. С. Шефер, Н. А. Волков, Н. Д. Ефремов, Ю. И. Зельников, В. А. Никитин, И. Л. Орлова, А. Л. Сидоров). Восемь человек в разное время являлись заместителями руководителей комитетов и комиссий в этих органах (Ф. Н. Захарова, Л. В. Анисимова, А. Е. Жаров, Ю. И. Зельников, В. В. Иванов, Т. Г. Мерзлякова, В. А. Никитин, И. Л. Орлова).

Огромное значение для будущей профессиональной деятельности в качестве уполномоченных по правам человека имеет предшествующий опыт работы на различных должностях и в органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Это заместители, советники и помощники президентов республик в составе РФ, губернаторов и глав администраций регионов, члены правительства республик и ряда областей, начальники департаментов, управлений и комитетов в исполнительных органах субъектов.

Так, например, уполномоченный по правам человека в Архангельской области Л. В. Анисимова ранее работала заместителем директора, а позднее директором экспертно-аналитического координационного Совета при главе администрации области, была первым начальником отдела науки областной администрации. Уполномоченный по правам человека в Алтайском крае Ю. А. Вислогузов до назначения на должность в 2003 году с декабря 1996 г. по февраль 2003 г. являлся заместителем главы администрации Алтайского края по социальным вопросам. Уполномоченный по правам человека в Красноярском крае М. Г. Денисов в 2000 – 2005 гг. являлся председателем Комитета администрации края по делам национальностей, религий и общественных объединений, в 2005 – 2006 гг. – начальником Управления общественных связей Совета администрации Красноярского края, а в 2006 – 2008 гг. – советником губернатора Красноярского края.

С 2006 г. заместителем руководителя службы по вопросам мировой юстиции Республики Калмыкия работал Е. В. Емельяненко. Уполномоченный по правам человека в Липецкой области Н. И. Загнойко с 2002 г. по 2006 г. работал вице-губернатором Липецкой области. При этом он курировал печать, телерадиовещание и средства массовых коммуникаций, пресс-службу и связи с общественностью. С 1992 г. по 1997 г. заместителем начальника Главного управления Администрации Президента Республики Саха (Якутия), директора – министра Департамента Правительства по работе с территориями и кадрами являлась Ф. Н. Захарова. С марта 2002 г. по март 2003 г. она работала руководителем Департамента по государственно-правовым вопросам, заместителем руководителя Администрации Президента и Правительства Республики Саха (Якутия).

С 1992 г. по 2001 г. министром труда и социального развития Кабардино-Балкарской Республики являлся Б. М. Зумакулов, будущий республиканский омбудсман. Уполномоченный по правам человека в Ивановской области А. Ю. Кабанов в 2000 – 2004 гг. являлся председателем Комитета по вопросам экономики, экономическим советником губернатора Ивановской области, в 2007 – 2009 гг. – общественным советником Губернатора по вопросам лесного хозяйства и лесопользования и в 2009 – 2011 гг. – заместителем председателя Комитета Ивановской области по лесному хозяйству. Уполномоченный по правам человека в Смоленской области А. М. Капустин до назначения на эту должность в 1986 – 1995 гг. работал на различных руководящих должностях в системе образования области. С 1995 г. по 2002 г. он являлся заместителем председателя Комитета, председателем Комитета, заместителем начальника Главного управ-

ления в органах исполнительной власти Смоленской области по вопросам региональной политики, местного самоуправления и государственной службы. С 2003 г. А. М. Капустин возглавлял Департамент, а затем Главное управление записи актов гражданского состояния Смоленской области. В январе 2008 г. он был назначен начальником Департамента Смоленской области по вопросам административно-территориального устройства и развития местного самоуправления, а в апреле того же года начальником Департамента по вопросам государственной службы и местного самоуправления.

С августа 1998 года работал в администрации Читинской области будущий уполномоченный по правам человека в Забайкальском крае Н. Н. Каргин, где сначала занимал пост начальника Управления по взаимодействию с общественными объединениями и СМИ, а затем был советником главы администрации региона. В последнее время перед назначением уполномоченным он работал начальником управления государственной службы и кадровой политики в администрации губернатора. С 2006 г. по 2009 г. Председателем Комитета по дорожному хозяйству и транспорту Ленинградской области работал М. Ю. Козьминых. С 1991 г. работала в администрации Томской области Н. С. Кречетова, сначала советником губернатора, начальником Департамента по информационной политике, а с июля 2006 г. начальником Департамента международных и региональных связей администрации Томской области. С декабря 2003 г. по июль 2006 г. она являлась заместителем главы администрации (губернатора) Томской области по информационной политике, международным и общественным связям.

С 2000 г. по 2005 г. заместителем губернатора Пермской области по вопросам социальной политики, образования, культуры, молодежной политики и защиты прав детей являлась Т. И. Марголина. С 2002 г. по 2005 г. заместителем главы администрации Новгородской области по вопросам демографической политики, правам человека и общественным организациям, руководителем Департамента культуры, спорта, по делам молодежи, женщин и ветеранов работала Г. С. Матвеева. Уполномоченный по правам человека в Свердловской области Т. Г. Мерзлякова с мая 2000 г. по май 2001 г. являлась советником Председателя Правительства Свердловской области по социальным вопросам.

С 1990 г. по 2004 г. в органах исполнительной власти г. Москвы работал А. И. Музыкантский. При этом с 1990 г. по 1991 г. он являлся заместителем председателя исполкома Московского городского Совета, начальником отдела по связям с Советами, средствами массовой информации, общественными организациями и населением города, с 1992 г. по 1996 г. – заместителем премьер-министра Правительства г. Москвы, префектом Центрального административного округа (ЦАО) города, с 1996 г. по 2000 г. – Министром Правительства г. Москвы, префектом ЦАО, с 2000 г. по 2004 г. – Министром правительства г. Москвы по вопросам информации и общественно-политическим связям.

В 2002 – 2004 гг. начальником Управления по обеспечению деятельности спецпредставителя Прези-

дента Российской Федерации в Чеченской Республике являлся Н. С. Нухажиев. С 2004 г. он работал председателем Комиссии Правительства ЧР по обеспечению конституционных прав граждан РФ на территории Чечни, а с 2005 г. по 2006 г. – начальником Управления Президента ЧР по обеспечению конституционных прав граждан в Республике. В разные годы работал в министерстве труда и социального развития, а затем в министерстве экономики Республики Ингушетия уполномоченный по правам человека Д. Э. Оздоев.

С 2007 г. по 2009 г. первым вице-премьером Республики Дагестан работала У. А. Омарова. Уполномоченный по правам человека в Республике Татарстан С. Х. Сабурская в 1988 – 1993 гг. работала заведующей зеленодольским РОНО. С 1993 г. по 2001 г. она являлась заместителем главы администрации Зеленодольского района и г. Зеленодольска по социальным и национальным вопросам, руководителем аппарата администрации, а с 2001 г. по 2010 г. – начальником отдела социального развития аппарата Кабинета министров Республики Татарстан.

С июля 1999 г. по ноябрь 2002 г. сначала главным специалистом, затем начальником отдела медицинской помощи взрослому населению, а позднее и. о. руководителя Департамента здравоохранения администрации Приморского края работал уполномоченный по правам человека в Приморском крае В. Г. Ушаков. С ноября 2002 г. по январь 2009 г. он был назначен руководителем Департамента здравоохранения администрации края, а затем директором Департамента здравоохранения Приморского края. Уполномоченный по правам человека в Амурской области Л. С. Хашева в 1993 – 1994 годах являлась заместителем главы администрации г. Зея, с 2003 г. по 2006 г. работала начальником отдела по взаимодействию с общественными организациями и политическими партиями, а позднее – начальником Управления общественных связей аппарата губернатора области. Уполномоченный по правам человека в Ульяновской области Г. А. Эдварс в 1995 – 2005 годах работала начальником отдела образования Заволжского района г. Ульяновска. В 2005 – 2007 гг. она являлась заместителем директора, а затем директором Департамента образования Ульяновской области. В 2008 г. была назначена директором Департамента дошкольного общего и дополнительного образования Министерства образования области. В этом же году назначена помощником губернатора Ульяновской области по правам человека.

Таким образом, из 64 ныне действующих региональных уполномоченных по правам человека в своей предыдущей профессиональной деятельности 23 че-

ловека работали в органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации. При этом 5 человек являлись заместителями губернатора или главы администрации региона (Ю. А. Вислогузов, Н. И. Загнойко, Н. С. Кречетова, Т. И. Марголина, Г. С. Матвеева), 4 человека являлись советниками губернаторов (М. Г. Денисов, А. Ю. Кабанов, Н. Н. Каргин, Н. С. Кречетова) и 1 человек – советником Председателя Правительства области (Т. Г. Мерзлякова), 1 человек – помощником губернатора (Г. А. Эдварс).

Кроме того, первым вице-премьером республики работал 1 человек (У. А. Омарова), министром труда и социального развития республики 1 человек (Б. М. Зумакулов), начальниками департаментов в администрации или правительстве субъектов РФ 5 человек (Ф. Н. Захарова, Н. С. Кречетова, Г. С. Матвеева, В. Г. Ушаков, Г. А. Эдварс), руководителями различных управлений, комитетов и служб в органах исполнительной власти 10 человек (М. Г. Денисов, Е. В. Емельяненко, Ф. Н. Захарова, А. Ю. Кабанов, А. М. Капустин, Н. Н. Каргин, М. Ю. Козьминых, Н. С. Нухажиев, В. Г. Ушаков, Л. С. Хашева). Все это свидетельствует о достаточно высоком профессиональном уровне института российских Уполномоченных по правам человека, высоком статусном положении уполномоченных в их предшествующей профессиональной деятельности, большом опыте их работы в государственных органах исполнительной власти, а также о тесной генетической взаимосвязи этого института с органами государственной власти в целом. Эта взаимосвязь оказывает существенное влияние и на функциональный аспект взаимодействия Уполномоченных по правам человека с органами государственной власти в защите прав граждан.

Литература

1. Конституция Российской Федерации. Официальное издание. – М.: Юрид. лит., 2000.
2. Миронов, О. О. Очерки государственного правозащитника / О. О. Миронов. – М.: Изд-во СГУ. – 2009. – 518 с.
3. Сунгуров, А. Ю. Влияние предыдущего профессионального опыта на деятельность уполномоченных по правам человека в РФ / А. Ю. Сунгуров // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – СПб.: СПбГУ. – 2009. – № 3.
4. Официальный сайт уполномоченного по правам человека в Российской Федерации <http://www.omбудsmanrf.ru>.
5. Web-сайт Санкт-Петербургского гуманитарно-политологического центра «Стратегия»-региональный омбудсман. – Режим доступа: <http://www.ombu.ru>.

УДК 343.977

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЫЯВЛЕНИЯ, ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ, ПРЕСЕЧЕНИЯ И РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

М. В. Кондратьев

THEORETICAL ASPECTS OF OPERATIONAL-SEARCH SUPPORT OF DETECTION, PREVENTION, SUPPRESSION AND SOLUTION OF CRIMES

M. V. Kondratjev

В статье анализируются теоретические аспекты борьбы с преступностью путём использования сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности. Рассматриваются понятия и основные теоретические положения оперативно-розыскного обеспечения выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскное обеспечение, борьба с преступностью, выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений.

In this article the author analyses theoretical aspects of struggle against crime by using forces, means and methods of operational-search activities. Concepts and main theoretical points of detection, prevention, suppression and solution of crimes are considered.

Keywords: operational-search activity, investigation and search providing, struggle against crime, detection, prevention, suppression and solution of crimes.

Преступность в современных условиях превращается в глобальную общечеловеческую проблему, требующую дальнейшего теоретически-правового научного прогноза и анализа. Это негативное антисоциальное явление причиняет значительный ущерб общественным отношениям в сфере собственности, экономической деятельности, государственной власти, общественной безопасности и общественного порядка, а также наносит вред свободе, чести, достоинству, жизни и здоровью человека, нарушает конституционные права и свободы граждан.

Значительная часть противоправных деяний совершается в условиях латентности, поэтому их выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие является достаточно сложным и трудоёмким процессом, требующим умелого комплексного использования сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности.

Выявление и раскрытие большинства преступлений с помощью только одних предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством средств крайне затруднительно, а в большинстве случаев и невозможно. Именно это обстоятельство и вызывает необходимость в процессе осуществления борьбы с преступностью в полной мере использовать весь комплекс оперативно-розыскных возможностей, предусмотренных действующим законодательством.

Оперативно-розыскная деятельность представляет собой особого рода правоохранительную функцию, основным содержанием и характерной чертой которой является её разведывательно-поисковая сущность. Особенность этой функции состоит главным образом в том, что она носит преимущественно негласный характер и направлена на получение информации, использующейся в основном в выявлении, предупреждении, пресечении и раскрытии преступлений, выявлении и установлении лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, а также в розыске лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда,

уклоняющихся от отбывания уголовного наказания и без вести пропавших.

Еще на одном из первоначальных этапов законодательного закрепления основ осуществления оперативно-розыскной деятельности Е. А. Доля отмечал, что защита личности, общества и государства от преступных проявлений, использующих специальные приемы и методы, технические средства, специалистов для подготовки, совершения и сокрытия преступлений, без активного использования в уголовном процессе результатов оперативно-розыскной деятельности весьма и весьма затруднительна, а зачастую и невозможна [5, с. 3]. Думается, что данное высказывание в полной мере применимо ко многим видам противоправной деятельности.

Именно Е. А. Доля первым в оперативно-розыскной науке ввел в научный оборот термин «оперативное доказывание», под которым предложил понимать частный случай применения теории познания в интересах достижения целей и решения задач оперативно-розыскной деятельности. По мнению указанного учёного, именно оперативное доказывание и составляет всю основу оперативно-розыскной деятельности [5, с. 5 – 6], с чем трудно не согласиться.

Иные представители оперативно-розыскной науки также полагают, что в современных условиях традиционные процессуальные меры гласного характера «пробуксовывают» и не позволяют эффективно решать проблемы правоприменительной практики, что, в свою очередь, значительно актуализирует роль оперативно-розыскного обеспечения борьбы с преступностью [10, с. 3].

В свою очередь, А. Ю. Шумилов считает, что использование в воздействии на преступность негласных оперативно-розыскных средств и методов наряду с гласными является вынужденной, защитной мерой общества и государства. Общество и государство не только одобрили применение против общественно опасных деяний лиц, совершающих преступления,

систему законных оперативно-розыскных мероприятий, но и обязали своих представителей (оперативников и др.) осуществлять такого рода деятельность [17, с. 10].

Оперативно-розыскная деятельность правоохранительных органов должна быть ориентирована не на любые противоправные деяния, а только на тайно совершаемые. Цели любой деятельности определяют специфику применения методов и средств их достижения.

Тайный характер противоправных деяний диктует объективную потребность применения соответствующих негласных (конспиративных) мер, без которых невозможно достичь намеченной цели. Следовательно, функциональная сущность оперативно-розыскной деятельности определяется системой методов и средств конспирации [12, с. 10].

Трудно не согласиться с Н. П. Водько, что ни один вид правоохранительной деятельности не имеет таких исключительных возможностей в предупреждении замышляемых и подготавливаемых преступлений, а также их пресечении, как оперативно-розыскная деятельность, что предопределяет высокий уровень её социально-правовой значимости [3, с. 22].

Поскольку преступность как продукт социального поведения людей является вечной категорией любого из известных ранее человеческих обществ и, несомненно, будет присутствовать во всех новых общественно-экономических формациях, то государство и общество всегда будут испытывать потребность в использовании оперативно-розыскной деятельности в интересах защиты государства и его граждан.

В том числе, абсолютно справедливо отмечает М. П. Поляков, что без средств и методов оперативно-розыскной деятельности современному уголовному судопроизводству не под силу подобраться к большинству серьёзных преступлений и, в первую очередь, к организованной преступности, полагая при этом, что данный вид деятельности представляет собой полноценную информационную технологию — фрагмент производственной цепочки обеспечения социальной справедливости [6, с. 7].

Вместе с тем нельзя согласиться с утверждениями Д. И. Беднякова о том, что процесс познания обстоятельств преступления путём непосредственного восприятия соответствующих сведений о них осуществляется в стадиях: возбуждения уголовного дела, предварительного расследования и судебного следствия [7, с. 30]. Очевидно, что кримкогнитивная деятельность сотрудников оперативно-розыскных органов берёт своё начало ещё до возбуждения уголовного дела — с момента получения сведений о признаках подготавливаемых, совершаемых или совершённых противоправных деяний, а также о лицах, их подготавливающих, совершающих или совершивших.

Из данных суждений следует, что процесс выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений без его полноценного и всестороннего оперативно-розыскного обеспечения теряет свою эффективность и минимизирует возможность достижения положительных результатов.

На понятие и сущность оперативно-розыскного обеспечения учёные-исследователи данной области научных знаний имеют разносторонние взгляды. Без-

условно, передовое место среди них занимают труды профессора В. К. Зникина, который закрепил основные научно-теоретические положения оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования преступлений с учётом системного подхода к существующей проблематике.

По мнению этого учёного, одной из основных причин неполноценной реализации правоприменительного потенциала оперативно-розыскных и следственных органов в борьбе с преступностью является отсутствие реального восприятия соотношения и взаимосвязи уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности [7, с. 4]. Иными словами, это можно интерпретировать как проявление недостатков в организации взаимодействия следователей, органов дознания, субъектов оперативно-розыскной деятельности и несистемный обмен оперативной и доказательственной информацией между ними.

Именно использование специфических сил, средств и методов работы субъектами оперативно-розыскной деятельности является одним из важнейших, неотъемлемых компонентов успешной работы для решения задач по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений. Поэтому адекватное правовое реагирование на криминальные проявления посредством совершенствования уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности есть необходимое условие выживания, условие преодоления ситуации, целесообразности и разумности действий общества и государства в борьбе с преступностью.

В своей работе В. К. Зникин пришел к выводу, что основным средством обнаружения проявлений криминальных элементов и организованных преступных групп, а также выявления их противоправной деятельности, для оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования преступлений является оперативно-розыскная деятельность соответствующих оперативных подразделений государственных органов, уполномоченных на то законодательством, результатом чего является добывание необходимой разноплановой фактической оперативной информации для нужд уголовного процесса и собственных нужд [7, с. 29]. С данными утверждениями нельзя не согласиться, но мы также полагаем, что они могут быть распространены не только на раскрытие и расследование преступлений, а также на процесс их выявления, предупреждения и пресечения.

Рассматривая сущность оперативно-розыскного обеспечения деятельности следователя, В. П. Хомколов указывает, что это такая организационная форма, которая представляет собой самостоятельную систему в структуре взаимодействия следователя и органов дознания и определяет ее как комплекс правовых и организационно тактических мер, обуславливающих взаимосвязь и взаимовлияние следователя и оперативно-розыскных аппаратов органов внутренних дел в целях всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела [13, с. 13].

Кроме того, В. П. Хомколов полагает, что процесс оперативно-розыскного обеспечения начинается с момента реализации оперативных материалов и возбуждения уголовного дела, по которому неизвестно лицо, совершившее преступление. Думается, что дан-

ное утверждение наиболее подходит к процессу оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования преступлений, а также судебного разбирательства уголовного дела. На процесс выявления, предупреждения и пресечения преступлений оперативно-розыскными мерами данное положение распространяться не может, поскольку его течение, в большинстве случаев, осуществляется до возбуждения уголовного дела.

Определённые сомнения в справедливости суждений В. П. Хомколова высказывают В. Ф. Луговик, С. И. Давыдов и О. Н. Пономаренко, позиция которых основана на том, что при осуществлении оперативно-розыскного обеспечения государственного обвинения значительный объём его задач решается без участия заинтересованных сторон уголовного процесса, когда решение о комплексном использовании оперативно-розыскных сил, средств и методов принимает оперативный работник самостоятельно. Основное же отличие взаимодействия и государственного обвинения заключается в том, что процесс осуществления последнего не ограничивается только согласованной по месту, времени деятельности оперативного сотрудника и прокурора, направленной на решение задач уголовного процесса, а является самостоятельным направлением оперативно-розыскной деятельности, в результате которого комплексно используются её силы, средства и методы в целях поддержания позиции обвинения, а также полного, объективного и всестороннего рассмотрения уголовного дела в суде.

Проведя исследование сущностных черт оперативно-розыскного обеспечения государственного обвинения, эти указанные авторы пришли к выводу, что данный процесс является самостоятельной формой оперативно-розыскной деятельности, на что указывает специфика целей и особенности решаемых задач. В свою очередь, основным критерием разграничения рассматриваемой формы от иных форм оперативно-розыскной деятельности является направление использования оперативно-розыскных возможностей [12, с. 15 – 16].

Исходя из вышеперечисленных доводов, В. Ф. Луговик, С. И. Давыдов и О. Н. Пономаренко под оперативно-розыскным обеспечением государственного обвинения понимают комплекс оперативно-розыскных мер, осуществляемых субъектами оперативно-розыскной деятельности, как правило, во взаимодействии с должностными лицами прокуратуры, направленными на создание оптимальных условий для осуществления уголовно-процессуальной функции государственного обвинения путём выявления и фиксации фактических данных, которые могут быть использованы при доказывании в суде; обнаружения сведений, которые позволят усилить систему аргументов, подтверждающих позицию обвинения в процессе осуществления досудебного производства и судебного разбирательства; осуществления оперативно-розыскного контроля за поведением обвиняемых, подозреваемых и иных лиц, а также исполнения функции защиты уголовного судопроизводства [9, с. 22].

А. Ю. Шумилов определяет оперативно-розыскное обеспечение уголовного процесса (предварительного расследования и судебного разбирательства) как комплекс поступков сыскных и других мероприятий

оперативно-розыскного свойства, совершаемых и принимаемых оперативно-розыскными органами (оперативниками и др.) по установлению фактов и обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, источников информации о них, лиц, противодействующих уголовному процессу, в целях обеспечения предварительного расследования и судебного разбирательства, необходимыми сведениями, а также защиты участников уголовного процесса [15, с. 93].

Рассматривая два вышеприведённых определения, можно констатировать, что особое внимание в научных исследованиях уделяется оперативно-розыскному обеспечению стадий судебного разбирательства уголовных дел, что также играет немаловажную роль в борьбе с преступностью, как и выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие противоправных деяний путем осуществления оперативно-розыскной деятельности с момента получения информации о них.

Довольно схожее и не менее широкое по объёму определение даёт вышеупомянутый нами В. К. Зинкин, который под оперативно-розыскным обеспечением уголовного судопроизводства понимает систему мер, реализуемых субъектами оперативно-розыскной деятельности в ходе оперативно-розыскного процесса в интересах создания необходимых и достаточных условий для осуществления полного и объективного процесса доказывания, пресечения и нейтрализации противодействия криминальной среды, исполнению функций уголовного преследования и правосудия, безопасности участников уголовного судопроизводства и достижения цели неотвратимости наказания лиц, виновных за совершение преступного деяния [8, с. 53].

Кроме этого, авторское понятие оперативно-розыскного обеспечения уголовного судопроизводства было сформулировано В. Э. Гаджиевым, который определил его как систему знаний, а также основанных на них навыков и умений, направленных на использование сотрудниками органов – субъектов оперативно-розыскной деятельности – во взаимодействии с должностными лицами органов предварительного расследования и прокуратуры научных рекомендаций по применению комплекса оперативно-розыскных мер в целях создания оптимальных условий для осуществления уголовно-процессуальных функций обвинения по делам о конкретных преступлениях [4, с. 534].

Так же, как и В. Ф. Луговик, С. И. Давыдов и О. Н. Пономаренко, вышеуказанный автор в своей работе акцентирует внимание на оперативно-розыскном обеспечении государственного обвинения, которое, по его мнению, должно стать частью системы оперативно-розыскного обеспечения уголовного судопроизводства (предварительного расследования и судебного разбирательства).

Как видно из дефиниции, В. Э. Гаджиев предлагает рассматривать категорию «оперативно-розыскное обеспечение» в двух значениях: в традиционном – как одну из форм оперативно-розыскной деятельности, а значит, как деятельность, а также через категории «знания» и «рекомендации».

Мы же пытаемся представить оперативно-розыскное обеспечение выявления, предупреждения,

пресечения и раскрытия преступлений не как одну из форм оперативно-розыскной деятельности, а как совокупность необходимых действий по использованию её сил, средств и методов в борьбе с преступностью в определённых условиях и различных оперативно-розыскных ситуациях.

О понятии оперативно-розыскного обеспечения деятельности по раскрытию и расследованию преступлений также высказывается Е. С. Дубоносов, который считает, что данная деятельность неразрывно связана с принципом наступательности (оперативности) в оперативно-розыскной деятельности и направлена, с одной стороны, на создание условий постоянной профессиональной готовности субъектов раскрытия и расследования преступлений к использованию в этих целях оперативно-розыскных сил, средств и методов, а с другой – на практическую реализацию таких условий в каждом конкретном случае раскрытия и расследования конкретных преступлений [6, с. 80].

Следует подчеркнуть, что аналогичные доводы были несколько ранее приведены в научных трудах профессора В. К. Зникина, так же, как и определение оперативно-розыскного обеспечения, представленное Е. С. Дубоносовым.

В. А. Бодренков под оперативно-розыскным обеспечением предупреждения преступлений понимает систему мер (процедур), реализуемых субъектами оперативно-розыскной деятельности в оперативно-розыском процессе в интересах создания необходимых и достаточных условий для принятия своевременного упреждающего решения по предотвращению, пресечению и профилактике криминального проявления.

Кроме того, В. А. Бодренков выделяет следующие основные элементы оперативно-розыскного обеспечения предупреждения преступлений: 1) оперативно-розыскное предотвращение замышляемых или подготавливаемых преступлений; 2) оперативно-розыскное пресечение начатых преступлений (на стадии покушения на них или оконченого преступления; пресечение длящихся и серийных преступлений сразу после их совершения) [2, с. 102].

Также нельзя не упомянуть о твёрдом убеждении Я. М. Мазунина в том, что современные устойчивые негативные тенденции в развитии преступности требуют принципиально новых решений и подходов к организации оперативно-розыскного обеспечения при раскрытии и расследовании преступлений, эффективного использования при этом достижений науки и техники, в том числе специальной, что позволит своевременно выявлять и доказывать вину членов преступных групп [10, с. 29].

Однако, признавая авторитет Якова Маркиановича, позволим себе не согласиться с его суждениями о том, что в процесс оперативно-розыскного обеспечения оперативные аппараты включаются с момента выявления преступления и возбуждения уголовного дела. На наш взгляд, это возможно при осуществлении оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования преступлений, но к оперативно-розыскному обеспечению их выявления, предупреждения и пресечения – не применимо.

Обобщая вышеприведённые понятия, нами разработана дефиниция оперативно-розыскного обеспечения выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, под которой мы понимаем законодательно урегулированную, активную и целенаправленную деятельность сотрудников оперативно-розыскных органов, осуществляемую посредством проведения оперативно-розыскных, оперативно-поисковых и оперативно-технических мероприятий, агентурной и информационно-аналитической работы, а также осуществления иных мер и действий, направленную на решение задач оперативно-розыскной деятельности по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений.

Сопоставляя данное понятие и взгляды других авторов, приведенные в настоящей статье, можно конкретизировать, что субъектами оперативно-розыскного обеспечения, выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений могут являться исключительно сотрудники органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Оперативно-розыскное обеспечение – это вполне возможная, действительная, реально выполняемая, наделённая в нужном количестве необходимыми ресурсами и материальными средствами, осуществляемая в наступательном характере деятельность по собиранию улик путём использования сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности. Кроме того, оперативно-розыскное обеспечение и взаимодействие следователя с оперативным сотрудником не могут являться тождественными категориями, поскольку первая имеет определённую специфику действий и правоотношений.

Оперативно-розыскное обеспечение выявления предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений имеет существенные отличия от оперативно-розыскного обеспечения расследования уголовных дел и оперативно-розыскного обеспечения судебного разбирательства (государственного обвинения). Наиболее ярко оперативно-розыскное обеспечение выявления предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений как научно-практическая категория проявляется в таких организационно-тактических формах оперативно-розыскной деятельности, как оперативная проверка и оперативная разработка.

В заключение хотелось бы отметить, что без оперативно-розыскного обеспечения правоохранительной деятельности, а также использования сил и средств оперативно-розыскной деятельности в борьбе с преступными проявлениями любых форм, сотрудникам правоохранительных органов становится трудно достигнуть наиболее ожидаемых ими положительных результатов. Оперативно-розыскная деятельность объективна и существует, по своей сути, вне зависимости от нашего сознания, а тем более желания или воли государства и общества. Кроме того, деятельность данного вида исстари сопутствует правосудию на всём протяжении его истории. Поэтому даже самому демократическому, высокоразвитому и преуспевающему государству не обойтись без применения компетентными субъектами специфических и особенных разведывательно-поисковых методов в искоренении такого социально-негативного явления, как преступность.

Литература

1. Бедняков, Д. И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений [Текст] / Д. И. Бедняков. – М.: Юридическая литература, 1991. – 208 с.
2. Бодренков, В. А. Проблемы оперативно-розыскного обеспечения предупреждения совершения преступлений [Текст] / В. А. Бодренков: монография; под ред. В. К. Зникина, А. Г. Халиулина, А. Ю. Шумилова. – М.: Издательский дом Шумиловой И. И., 2009. – 256 с.
3. Водько, Н. П. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» в системе Российского законодательства: проблемы и решения [Текст] / Н. П. Водько: монография. – М.: Издательский дом Шумиловой И. И., 2007. – 131 с.
4. Теоретические проблемы оперативно-розыскного обеспечения уголовного судопроизводства [Текст] / В. Э. Гаджиев // Актуальные вопросы криминалистического обеспечения уголовного судопроизводства: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Иркутск: БГУ экономики и права, 2010.
5. Доля, Е. А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности [Текст]: монография / Е. А. Доля. – М.: СПАРК, 1996. – 111 с.
6. Дубоносов, Е. С. Основы оперативно-розыскной деятельности: учебное пособие [Текст] / Е. С. Дубоносов; под ред. проф. Г. К. Синилова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2011. – 350 с.
7. Зникин, В. К. Научные основы оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования преступлений [Текст] / Зникин В. К.: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. – Нижний Новгород, 2006. – 55 с.

8. Зникин, В. К. Теоретические и прикладные основы оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования преступлений: учебное пособие [Текст] / В. К. Зникин. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – 191 с.
9. Луговик, В. Ф. Оперативно-розыскное обеспечение государственного обвинения [Текст] / В. Ф. Луговик, С. И. Давыдов, О. Н. Пономаренко: монография. – Барнаул: Юридический институт МВД России, 2007. – 152 с.
10. Мазунин, Я. М. Оперативно-розыскное обеспечение предварительного расследования по групповым преступлениям [Текст]: лекция / Я. М. Мазунин. – Омск: Юридический институт МВД России, 1999. – 31 с.
11. О правовой природе гласных мер, осуществляемых милицией, и об их соотношении с оперативно-розыскной деятельностью [Текст] / Б. Я. Нагиленко // Оперативник (сыщик). – 2005. – № 4 (5).
12. Поляков, М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности [Текст] / М. П. Поляков: монография; под ред. проф. В. Т. Томина. – Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001. – 262 с.
13. Хомколов, В. П. Организация управления оперативно-розыскной деятельностью: системный подход [Текст] / В. П. Хомколов. – М.: Закон и право: ЮНИТИ, 1999. – 191 с.
14. Шумилов, А. Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности: учебник для вузов [Текст] / А. Ю. Шумилов. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Издательский дом Шумиловой И. И., 2007. – 375 с.
15. Шумилов, А. Ю. Оперативно-розыскной словарь [Текст] / А. Ю. Шумилов. – М.: Издательский дом Шумиловой И. И., 2008. – 175 с.

УДК 316.334.3:343.8

СОВРЕМЕННЫЕ ВИДЫ (ФОРМЫ) КОНТРОЛЯ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ПЕРИОД РЕФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

В. Ф. Лелюх

MODERN TYPES (FORMS) OF CONTROL OVER THE ACTIVITIES OF CORRECTIONAL INSTITUTIONS AT THE TIME OF THE PENAL SYSTEM REFORM IN RUSSIA

V. F. Lelyukh

В статье рассматриваются современные виды (формы) контроля за деятельностью исправительных учреждений ФСИН России в период проводимых в стране реформ. Особое внимание уделяется контролю общественных объединений и организаций; президентскому контролю, совершенствованию деятельности УИС, эффективному достижению целей наказания, укреплению порядка и оптимизации условий его исполнения и отбывания, обеспечению должного правового положения осужденных, улучшению организации их труда и быта, созданию необходимых предпосылок для эффективной работы персонала исправительных учреждений, защите прав и законных интересов работников уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: *формы контроля, функции контроля, разграничение компетенции, структуры, эффективность социального контроля, ведомственный, общественный, надведомственный, президентский контроль, жалобы и заявления осужденных, персонал учреждения.*

This article explores the modern types (forms) of control over the activities of Federal Correctional institutions during the period of the reform taking place in the country. Special attention is paid to monitoring public associations and organizations, Presidential control, improvement of the penal correction system, effective attainment of the objec-

tives of the punishment, order reinforcement and optimization of conditions for the service of a sentence ensuring that the legal status of the convicted, improving their working and living conditions, creating the necessary conditions for the effective performance of the staff of the correctional institution, the protection of the rights and legitimate interests of workers of the penal correction system.

Keywords: *forms of control, control functions, differentiation of competence, structure, the effectiveness of social control, departmental, public, supra departmental, presidential control, complaints and claims of the convicted, institution staff.*

В российских публикациях социальный контроль рассматривается как совокупность процессов, обеспечивающих устойчивость системы и возможность управления ею. Но, с другой стороны, это целостная система различных регуляторов поведения: государственных и общественных институтов, норм права, морали, обычаев, традиций, установок.

По мнению ряда авторов, социальный контроль в сфере противоправного поведения предполагает:

- определение оптимального соотношения общих и специальных мер предупреждения преступности;
- реализацию целевых программ в различных областях с учетом криминологического прогнозирования;
- криминологический мониторинг;
- контроль адекватности мер воздействия тенденциям в структуре, состоянии и динамике общественных процессов.

Функция контроля выступает связующим звеном между управленческим решением и его исполнением. Соответственно контроль представляет собой систему наблюдения и проверки процесса функционирования объекта. Цель контроля – устранить отклонения от заданных параметров. Механизмами контроля служат методы, формы, меры и средства, отдельные технологии, регулирующие общественные отношения путем создания, поддержания и воспроизведения стандартов, образцов поведения, определяющих права и обязанности индивида.

При определении результативности охраны прав и законных интересов личности следует различать: цели, систему действий, направленных на достижение целей, информацию о достижении целей, которая содержала бы сведения о первоначальном, достигнутом и желаемом результатах деятельности суда, прокурора, адвоката, потерпевшего, обвиняемого, подсудимого, осужденного; выработку и передачу корректирующих сигналов, с тем, чтобы деятельность указанных субъектов максимально приближалась к достижению заданной цели. Конечная цель различных видов контроля – выявление и устранение допущенных персоналом учреждения нарушений, привлечение к ответственности виновных, восстановление

справедливости на основе законности, соблюдение прав и свобод человека в соответствии с Конституцией Российской Федерации.

Система субъективных прав и система процессуальных гарантий прав и законных интересов личности, механизм осуществления их охраны неразрывно связаны с целями правоприменительной деятельности суда, прокурора, органов предварительного расследования, адвокатуры, персонала ФСИН России и др. Эта деятельность может быть более или менее эффективной и при неполном достижении такой цели, как обеспечение охраны прав и интересов личности, поскольку цель не имеет степеней, а эффективность деятельности их имеет. Поэтому важно определить критерии, посредством которых можно отличить эффективную деятельность от неэффективной.

Критерий результативности – это мерило эффективности целенаправленной деятельности, отражающее качественную сторону результата, а количественная сторона последнего определяется с помощью показателей эффективности.

Идеальными точками отсчета эффективности социального контроля в данном направлении можно считать состояние, при котором, с одной стороны, невиновные не привлекаются к ответственности, не осуждаются и не наказываются и, соответственно, невиновные при осуществлении правосудия оправдываются и реабилитируются судом, а с другой – в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел не допускается нарушений прав и законных интересов потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и подозреваемого.

На рис. 1 представлены существующие сегодня виды (формы) контроля над пенитенциарной системой в России. Контроль осуществляется по управленческой линии, вышестоящими управленческими органами и должностными лицами, специально созданными структурами, другие формы контроля относятся к взаимодействию региональных и местных органов власти с уголовно-исполнительной системой и ее учреждениями.

Рис. 1. Контроль над деятельностью учреждений и органов ФСИН МЮ РФ

Формы ведомственного, межведомственного и надведомственного контроля, введенные на законодательном уровне, необходимы: для устранения случаев нарушения законности в деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания; для искоренения фактов злоупотреблений по службе и незаконных связей персонала учреждений с осужденными и арестованными; для выявления фактов злоупотреблений и хищений при осуществлении финансово-хозяйственной и производственной деятельности; для выявления и устранения нарушений режима при исполнении наказаний; во избежание ухудшения жилищно-бытовых и медико-санитарных условий; для реагирования на жалобы осужденных, персонала учреждений и граждан, их посещающих; для устранения причин и условий, способствующих написанию обоснованных жалоб.

В этих целях Законом предусмотрен контроль со стороны: органов государственной власти; судебных органов; вышестоящих органов управления и их должностных лиц; органов прокуратуры; общественных объединений.

Контроль органов государственной власти и органов местного самоуправления. Федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, а также органы местного самоуправления осуществляют контроль над деятельностью расположенных на их территориях учреждений и органов, исполняющих наказания. Порядок осуществления контроля регулируется законодательством Российской Федерации. Органы и учреждения, исполняющие наказания, являются частью правоохранительных органов и тем самым входят в систему государственного аппарата России. Принцип соблюдения законности важен в работе государственного аппарата. Его реализация в деятельности указанных органов и учреждений означает точное соблюдение законов и нормативных актов при исполнении приговоров в отношении осужденных.

Формы контроля со стороны субъектов государственной власти могут быть самыми разнообразными, а его содержание иметь различную направленность. Как правило, контроль посвящен комплексному выяснению состояния уголовно-исполнительной системы и ее элементов, что позволяет определить дальнейшие пути совершенствования деятельности. Фор-

мы и содержание контроля подчинены эффективному достижению целей наказания, укреплению порядка и оптимизации условий его исполнения и отбывания, обеспечению должного правового положения осужденных, улучшению организации их труда и быта, созданию необходимых предпосылок для эффективной работы персонала исправительных учреждений, защите прав и законных интересов работников уголовно-исполнительной системы.

Органы местного самоуправления (институт мэров, городские и районные администрации, муниципалитеты, префектуры и т. д.) обладают рядом властных полномочий в решении экономических, социальных, хозяйственных, коммунальных, экологических и многих других вопросов местного значения. Осуществляя функции борьбы с преступностью и охраны общественного порядка на своей территории, органы местного самоуправления активно участвуют в деятельности правоохранительных органов и учреждений, исполняющих наказания. Одновременно они вправе проверять соблюдение законов в их работе, в том числе и администрацией исправительных учреждений, а также осужденными, отбывающими наказания.

По результатам таких проверок с посещением исправительных учреждений представителями местных органов власти проводятся заседания специальных комиссий или сессий этих органов с заслушиванием отчетов в администрации соответствующих органов и учреждений, исполняющих наказания. По ним принимаются решения с оценкой выявленных недостатков, определяются меры по оказанию помощи данным учреждениям в целях строгого соблюдения ими законности при исполнении наказаний.

Взаимодействие учреждений и органов, исполняющих наказания, с органами расследования. Расследование преступлений, изобличение виновных лиц и исполнение уголовного наказания представляют, на первый взгляд, два малосвязанных этапа борьбы с преступностью. Однако в своей практической деятельности органы дознания и следствия, учреждения и органы, исполняющие наказания, тесно связаны между собой и активно содействуют друг другу в выполнении поставленных перед ними задач. Особенно это относится к взаимодействию органов следствия и уголовно-исполнительных учреждений.

Уголовно-процессуальным законом на органы следствия возложено не только раскрытие преступления и изобличение преступника, но и установление причин и условий, способствующих совершению этого преступления, а также принятие мер по устранению причин и условий, способствовавших его совершению. Данное положение имеет принципиальное значение для предупреждения преступлений, в частности, для выявления и устранения причин и условий, способствующих совершению преступлений лицами, отбывающими наказание. Например, следователь может выявить недостатки в организации и деятельности исполнительного учреждения. Руководствуясь нормой уголовно-процессуального закона (ст. 21 УПК РФ), вносит администрации учреждения представление об устранении установленных им в процессе следствия недостатков, способствовавших совершению осужденными преступлений в местах лишения свободы. Представления следователей в адрес начальников колоний содействуют улучшению работы этих подразделений, укреплению дисциплины среди осужденных, повышению качества воспитательного процесса, соблюдению норм законности и правопорядка.

Судебный контроль. Это действенная форма поддержания и укрепления законности при исполнении наказаний. Его основами являются нормы уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права. Судебная система Российской Федерации – различные федеральные суды, конституционные (уставные) суды и мировые судьи – при рассмотрении дел, связанных с участием в них учреждений и органов, исполняющих наказания, могут и должны осуществлять судебный надзор за их деятельностью. Выносимые в адрес этих правоохранительных органов постановления, определения и другие, вступившие в законную силу судебные решения, являются обязательными для всех без исключения физических и юридических лиц и подлежат неукоснительному исполнению.

В Уголовно-исполнительном кодексе определено: «Суд контролирует исполнение наказаний при решении вопросов об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, об освобождении от наказания в связи с болезнью осужденного, об отсрочке отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до восьми лет, а также об изменении вида исправительного учреждения».

Рассматривая дела по применению институтов досрочного освобождения от наказания, его замены более мягким, отсрочки отбывания наказания или изменения осужденному вида исправительного учреждения, суд, учитывая указанные в законе признаки и условия, создающие возможность применения таких мер, тщательно изучает и проверяет деятельность соответствующего исправительного учреждения. При этом суд может с позиций требований закона объективно оценить состояние процессов исполнения и отбывания наказаний в данном учреждении. В случае обнаружения недостатков и нарушений закона в его работе суд в различной форме, в том числе путем вынесения частного определения, ставит в известность о

них соответствующие органы управления уголовно-исполнительной системы и предлагает принять меры к устранению допущенных нарушений. Исполнение таких представлений (предложений) контролируется судом в установленные законом сроки.

Суду предоставляется право рассматривать жалобы осужденных и иных лиц на действия администрации и органов, исполняющих наказания. Располагая гарантированными правами и свободами граждан Российской Федерации с изъятиями и ограничениями, установленными законодательством, осужденные имеют право обращаться с предложениями, заявлениями и жалобами во все властные, управленческие, судебные, общественные и иные структурные подразделения государства, в том числе с жалобами на действия администрации учреждений и органов, исполняющих наказания (ст. 12 УИК РФ).

Суд не вправе отклонить жалобы или иные заявления осужденных под предлогом неподсудности категории дел с участием лиц, отбывающих наказание, так как это противоречит правовому положению осужденных. В то же время администрация исправительных учреждений обязана проводить разъяснительную работу среди осужденных. Им разъясняется, что учреждения и вышестоящие органы уголовно-исполнительной системы располагают всеми возможностями и условиями для соблюдения порядка исполнения наказания в точном соответствии с требованиями законов и любое отклонение от этих требований может быть решено по месту отбывания наказания или вышестоящими органами управления.

Уменьшению численности жалоб и заявлений, поступающих в суды от осужденных, способствует посещение исправительных учреждений работниками суда для разъяснения ими персоналу и осужденным сути организации и функциональной деятельности судебных органов, процессуального порядка оформления и рассмотрения дел в суде и т. п.

В процессе рассмотрения жалоб осужденных суды изучают различные стороны деятельности исправительных учреждений и органов, исполняющих наказания, а также их вышестоящими органами управления. Тем самым создается возможность для реализации функций судебного контроля.

Согласно части 3 ст. 20 УИК РФ, учреждения и органы, исполняющие наказания, обязаны уведомлять суд, вынесший приговор, о начале и месте отбывания наказания осужденными. Уведомление направляется за подписью начальника (должностного лица) того учреждения или органа, на которое возложено исполнение наказания (см. комментарий к ст. 17 УИК РФ). Такие уведомления необходимы судам для контроля реального исполнения выносимых ими приговоров в виде штрафа, лишения занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград, обязательных работ, исправительных работ, ограничения по воинской службе.

Контроль вышестоящих органов управления и их должностных лиц (ведомственный контроль). В требованиях статьи 21 УИК РФ записано: «За деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания, осуществляется ведомственный контроль со стороны

вышестоящих органов и их должностных лиц. Порядок осуществления ведомственного контроля определяется нормативными правовыми актами». Ведомственный контроль по проверке исполнения законов и иных нормативных правовых актов и принятых на их основе решений учреждениями и органами, исполняющими наказания, осуществляется министерствами внутренних дел, юстиции, обороны Российской Федерации, исходя из их правового положения, установленного Конституцией РФ. Их аппараты, руководя деятельностью соответствующих органов, учреждений, предприятий, контролируют все направления по реализации требований законов и иных нормативных правовых актов относительно процесса исполнения наказания (режима, организации труда осужденных, их трудовой занятости, проведения с ними воспитательной работы, их общеобразовательного и профессионального обучения и т. д.) в течение всего периода отбывания осужденными наказания.

Цель ведомственного контроля – изучение реального положения дел в исправительных учреждениях и иных органах, исполняющих наказания, проверка соблюдения законности в их деятельности, уяснение эффективности и результативности работы с осужденными. Ведомственный контроль необходим для оказания своевременной помощи нуждающимся в ней подразделениям этих учреждений и органов. Повышение эффективности их деятельности, укрепление организованности и дисциплины в работе во многом достигается путем преодоления обнаруженных в ходе ведомственного контроля недостатков.

Важным моментом в организации ведомственных проверок является то обстоятельство, что эти органы в настоящее время опираются на принцип гласности, доводят результаты проверок до сведения всего персонала учреждений и органов, исполняющих наказания, а если необходимо для укрепления законности, то и до сведения осужденных при одновременном проведении разъяснительной работы, организационных выводов, кадровых перестановок и перемещений. В необходимых случаях они возбуждают уголовные дела против лиц, допустивших злоупотребления по службе, либо совершивших иные преступления.

Формы ведомственного контроля могут быть самыми разнообразными, поскольку зависят от целей и условий его проведения. Основными из них являются:

- комплексные инспекторские проверки по всем направлениям деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания;
- проверка отдельных направлений работы этих учреждений и органов;
- личная проверка и контроль со стороны руководителей органов управления различного уровня;
- проверка деятельности отдельных служб и частей;
- проверка фактов нарушения законности и отдельных недостатков по письмам, жалобам и заявлениям;
- проверка плановой и отчетной документации, различных донесений, обзоров, информационных справок, актов и т. п.

Реагирование по результатам ведомственного контроля имеет разнообразные формы. Оно выража-

ется в принятии необходимых решений вышестоящими органами управления, издании итоговых приказов в отчетах руководителей проверяемых органов и учреждений, проведении специальных совещаний, собраний по итогам проверки, составлении планов по устранению выявленных недостатков в работе, проведении контрольных проверок с этой же целью.

Надо признать, что ведомственный контроль является сегодня основным организационно-правовым средством обеспечения и укрепления законности в государственной деятельности Федеральной службы исполнения наказаний РФ.

Прокурорский надзор (контроль). Этот надзор за соблюдением законности в деятельности органов и учреждений, исполняющих наказания, осуществляет прокуратура Российской Федерации в лице Генерального прокурора и единой системы органов прокуратуры, действующих во всех административно-территориальных образованиях государства.

Прокуратура есть единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за исполнением действующих на ее территории законов. Законами на прокуратуру возлагается задача осуществлять в пределах ее полномочий надзор за соблюдением учреждениями и органами, исполняющими наказания, установленного законом и иными нормативными актами порядка содержания осужденных и отбывания ими наказания, а также контроль за выполнением правовых норм, регулирующих режим содержания, охрану, организацию труда осужденных, порядок проводимой с ними воспитательной работы, их общеобразовательного и профессионального обучения, реагирования на их обращения и жалобы.

В процессе надзора за соблюдением законности в деятельности исправительных учреждений и при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных, прокурор имеет право и обязан в пределах своей компетенции посещать в любое время учреждения и органы, исполняющие наказания, проверять соблюдение ими законов о содержании осужденных, непосредственно знакомиться с документами, являющимися основанием отбывания наказания осужденными, производить опросы осужденных. Он контролирует соответствие приказов, распоряжений, постановлений, регулирующих порядок и условия отбывания наказания, требованиям соответствующих законов, немедленно освобождает лиц, незаконно содержащихся в местах заключения, проверяет и утверждает законность в работе с предложениями, заявлениями и жалобами осужденных, рассматривает их, если они адресованы прокурору, в сроки, установленные законом.

К формам реагирования прокуроров на выявленные нарушения законов относятся: протесты по противоречащим закону нормативным актам (приказам, правилам, инструкциям и т. п.), издаваемым органами управления структурами, исполняющими наказания; внесение в учреждения и общественные организации представлений о выявленных прокурором нарушениях законов и причинах, способствующих этим нарушениям; принятие необходимых мер по привлечению к ответственности нарушителей закона; вынесение постановлений и внесение предложений в различные

служебные инстанции по результатам проверок деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания.

Выполнение постановлений и предложений прокуроров по соблюдению установленных уголовно-исполнительным законодательством правил содержания осужденных и обращения с ними, является обязательным для всех учреждений и органов, исполняющих наказания. При этом прокурорский надзор выступает действенным средством утверждения законности в их деятельности.

Контроль общественных объединений. Существенным признаком демократизации уголовно-исполнительной системы является повышение ее открытости, обеспечение доступа к ней со стороны представителей общественности. Открытости способствуют не только приемы по личным вопросам, работа информационных служб, но и организация контроля со стороны органов власти и общества в целом.

В последние годы активнее стали использоваться формы социального контроля, идущего от общественности, неправительственных организаций, от формирующегося в России гражданского общества. Но между начинающими действовать в стране различными общественными организациями, ставящими своей целью защитить интересы граждан, находящихся в местах лишения свободы или освобожденных оттуда, и государственными структурами, призванными осуществлять те же задачи, чаще наблюдается противостояние, чем партнерство.

На наш взгляд, сегодня возможно перераспределение некоторых превентивных мер от формализованных социальных институтов, призванных решать проблему, самоуправляющимся общественным организациям с передачей им соответствующих материальных средств и легитимных полномочий. Деятельность этих общественных организаций (ассоциаций, комитетов, фондов, центров) должна быть дифференцирована с учетом особенностей и интересов различных категорий ранее судимых (молодежи, женщин, инвалидов и т. д.). (Основной целью таких организаций должны быть не столько учет и жесткий контроль, сколько помощь конкретным людям, поиск и создание рабочих мест, взаимодействие со структурами власти, формирование материальных фондов и др. По-видимому, целесообразно использовать в этой работе опыт постпенитенциарной практики, сложившейся в 1920-х годах в России (комитет помощи заключенным и освободившимся из мест заключения, институт социальных работников, патронажные службы и т. д.).

В соответствии со статьей 23 УИК РФ закон предусматривает два основных направления участия общественных объединений в работе учреждений и органов, исполняющих наказания: содействие целям исправления осужденных; оказание посредством контроля помощи указанным государственным структурам в решении многочисленных административно-хозяйственных проблем обеспечения их нормального функционирования.

Организационные формы участия общественных объединений в работе с осужденными, сложившиеся на практике, самые различные. К ним можно отнести: шефские формирования трудовых коллективов и

учебных заведений; попечительские советы; советы общественности воспитательных колоний (ВК); советы воспитательных отрядов и т. д.

Особо следует отметить деятельность правозащитных организаций, состоящих преимущественно из лиц, ранее бывших осужденными, и их родственников. Они оказывают помощь осужденным, содержащимся в местах лишения свободы, добиваются улучшения их положения, расширения их прав, помогают им в трудовом и бытовом устройстве после освобождения и т. д. Значительное влияние на осужденных оказывают различные религиозные организации, получившие доступ в места лишения свободы. Они ставят перед собой самые разнообразные задачи. Например, оказать учреждениям и органам, исполняющим наказания, экономическую помощь, содействовать организации воспитательной работы, производственной деятельности и трудоустройству осужденных, помогать им в устройстве жизни после освобождения из мест лишения свободы. Общественные объединения проводят правовую пропаганду, организуют индивидуальное шефство над трудновоспитуемыми осужденными, привлекают осужденных к участию в культурно-массовых и спортивных мероприятиях, оказывают им помощь в общеобразовательном и профессиональном обучении.

В уголовно-исполнительном законодательстве содержится норма о возможности осуществления общественными объединениями контроля над деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания. Этим правом общественные организации наделяются специальными положениями, принятие которых относится к компетенции полномочных на то федеральных органов власти.

Активная работа общественных объединений по указанным выше направлениям представляет собой важную форму социального контроля над деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания.

Социально значимый путь реформирования пенитенциарной системы – это расширение ее открытости для социального контроля и социального сопровождения. Сейчас в данной системе действуют пресс-службы, деятельность освещается информационными структурами ведомств. Но доступ в учреждения ФСИН является строго регламентированным. Для осуществления контроля над деятельностью учреждения и органов, исполняющих наказания, оказания содействия администрации общественными объединениями в исправлении осужденных, а также гласности в деятельности указанных учреждений и органов УИК РФ определен порядок их посещения. Так, согласно ст. 24 УИК РФ, без специального на то разрешения посещать места отбывания наказания могут:

- Президент и Председатель Правительства, члены Совета Федерации и депутаты Государственной думы, Федерального собрания Российской Федерации;

- президенты и главы правительств субъектов Российской Федерации – в пределах соответствующих территорий;

- главы органов местного самоуправления – в пределах соответствующих территорий;

– Генеральный прокурор и прокуроры субъектов Российской Федерации, а также подчиненные им прокуроры, непосредственно осуществляющие надзор за исполнением наказания на соответствующих территориях;

– должностные лица вышестоящих органов уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции;

– судьи судов, осуществляющие судопроизводство на территориях дислокации учреждений и органов, исполняющих наказания;

– депутаты и члены комиссий, осуществляющих контроль над деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания, – в пределах соответствующих территорий.

По специальному разрешению администрации учреждений и органов, исполняющих наказания, либо вышестоящих органов могут посещать данные учреждения и органы представители средств массовой информации, зарегистрированных в Министерстве печати и информации, и иные лица, например, священнослужители, научные работники и др. При этом кино-, фото- и видеосъемки осужденных, а также их интервьюирование осуществляются только с письменного согласия самих осужденных.

Представители средств массовой информации могут получать соответствующую информацию о деятельности данных учреждений и органов, встречаться с осужденными, рассматривать их предложения, жалобы и заявления.

Надведомственный контроль

Контроль Федерального собрания Российской Федерации

Этот вид контроля реализуется Федеральным собранием путем изучения состояния исполнения законов, касающихся работы ФСИН России. Контроль осуществляется на стадии разработки соответствующих законов, а также при проработке и принятии решений о внесении изменений и дополнений в законодательство, касающиеся ФСИН РФ, позволяет оценить общую ситуацию правового обеспечения деятельности системы.

Парламентарии вправе принимать или отклонять законопроекты, внесенные в установленном порядке по линии службы исполнения наказаний. Контроль может осуществляться в ходе работы с избирателями, заслушивания информации руководителей ФСИН Минюста России на заседаниях Федерального собрания (Совета Федерации и Государственной думы), их комитетов и комиссий. Кроме того, законодательный орган страны через Счетную палату правомочен контролировать законность и обоснованность расходования финансовых средств, выделенных из государственного бюджета или внебюджетных фондов для ФСИН России. Счетная палата РФ является постоянно действующим органом государственного финансового контроля, образуемого Федеральным собранием. В соответствии с Федеральным законом «О Счетной палате» данный орган представляет парламенту страны ежегодный отчет о результатах проведенной контрольно-ревизионной работы.

Контроль Правительства Российской Федерации

В соответствии с Конституцией РФ, федеральными конституционными, федеральными законами руководит деятельностью таких федеральных органов исполнительной власти, как Министерство иностранных дел, ФСБ, Минобороны, МЧС, МВД, Минюста.

По представлению Председателя Правительства РФ Президент утверждает положения о них и назначает их руководителей, а также осуществляет иные полномочия, как Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами РФ и Председатель Совета Безопасности РФ. Правительство же координирует деятельность перечисленных федеральных органов исполнительной власти. Данные полномочия Президента распространяются и на Минюст РФ, и на УИС, преобразованную в октябре 2004 года в Федеральную службу исполнения наказаний. Руководство деятельностью Минюста России осуществляет Президент Российской Федерации. Правительство Российской Федерации координирует деятельность Минюста РФ и ФСИН России.

Полномочия Правительства, кроме Конституции, определены, в частности, специальным Федеральным конституционным законом от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации». Функции контроля Правительства за деятельностью ФСИН России в основном реализуются в процессе анализа информации, имеющейся в ее распоряжении, заслушивания докладов и отчетов на его заседаниях руководителей как ФСИН России, так и Минюста РФ. Одним из направлений контрольной деятельности Правительства в этой связи может быть проверка соответствия ведомственных актов, принятых министерством и его структурными подразделениями, Конституции, Федеральному законодательству, соответствующим постановлениям, распоряжениям Правительства, а также получения отчетов о реализации требований законов, указов и распоряжений Президента, постановлений, распоряжений Правительства РФ.

Контроль Президента Российской Федерации

Институт президентского контроля имеет особое значение на современном этапе развития государственности, когда еще продолжается формирование системы государственного управления страной, совершенствуются властные структуры.

В силу особого конституционного статуса главы государства, данный контроль в той или иной степени охватывает практически все стратегические направления деятельности федеральных органов исполнительной власти, включая деятельность Минюста и ФСИН России.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации, Президент не только персонифицирует государственную власть, он олицетворяет ее единство, в том числе путем возложения на него обязанности быть «гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина» (ст. 80).

Следует напомнить также, что Конституция РФ провозгласила высшей ценностью человека его права и свободы (ст. 2). Она исходит из универсальной обя-

занности государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина. Эта обязанность распространяется и на сферу деятельности ФСИН России, и в целом на всю исполнительную деятельность. Особенно в части, касающейся осуществления уголовного, уголовно-исполнительного, гражданского права и процесса, оперативно-розыскной деятельности.

В соответствии со ст. 38 Федерального закона от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (в последней редакции), контроль над деятельностью уголовно-исполнительной системы осуществляют: Федеральное собрание РФ, Президент РФ, Правительство РФ.

Целый ряд указов главы государства посвящен объявлению положений о правоохранительных министерствах и ведомствах, определению вопросов их деятельности. Подобные указы определяют задачи, функции, структуру, штатную численность силовых министерств и ведомств. Так, например, Указом Президента № 1314 от 14 октября 2004 г. ГУИН Минюста России преобразован в Федеральную службу исполнения наказаний (ФСИН России).

Указом Президента от 16 марта 1996 г. № 383 с изменениями и дополнениями, внесенными Указом Президента от 27 июня 2000 г. № 1192, утверждено Положение о создании новой структуры – Главном контрольном управлении Президента России.

Установлено, что Главное контрольное управление (ГКУ) Президента РФ является самостоятельным структурным подразделением Администрации Президента, которое в своей деятельности руководствуется Конституцией, федеральными законами, указами и распоряжениями Президента, а также Положением о ГКУ. Оно выполняет задачи рабочего органа Президента по организации контроля и проверки выполнения федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, их должностными лицами, организациями федеральных законов, указов и распоряжений Президента РФ, а также контроля и проверки исполнения поручений Президента и руководителя Администрации Президента РФ. Главное контрольное управление организует контроль и проверку деятельности всей вертикали исполнительной государственной власти.

Материалы проверки могут служить основой для принятия Президентом РФ соответствующего указа, распоряжения, поручения или постановления, распоряжения, поручения Правительству. Возможна практика направления, в том числе в порядке информации, материалов по наиболее значительным проверкам и их результатам руководителям палат Федерального собрания РФ.

Становление, развитие и совершенствование данного вида контроля не только исключительно важная, но во многом и новая для теории и практики государственного строительства России проблема.

Создание надежной и высокоэффективной системы президентского контроля позволит России успешнее проводить начатые преобразования. Эффективный президентский контроль над деятельностью ФСИН России ускорит ее реформирование, укрепит

законность и правопорядок как в Службе, так и в стране в целом, снизит преступность.

Таким образом, государственно-силовой институт исполнения наказаний, располагающий соответствующими исправительными учреждениями, независимо от смены их ведомственной принадлежности, иерархического соподчинения, сформировал несколько видов контроля, призванного компенсировать обществу вынужденную закрытость специальных функций и отдельных сторон внутренней жизни этих учреждений. Высокоэффективный, надежный, объективный контроль общества, государства, его высших должностных лиц над деятельностью ФСИН России, ее учреждений, непосредственно исполняющих уголовные наказания, позволит успешнее решать проблемы, связанные с улучшением ее деятельности по исправлению осужденных, соблюдения их прав и свобод.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7 – ФКЗ) // Российская газета. – № 7 21.01.2009.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации (по состоянию на 20 января 2012 года). Комментарии к изменениям, принятым в 2011 – 2012 гг. – Новосибирск: Норматика, 2012. – 176 с.
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации 8 января 1997 года №1 – ФЗ (в ред. от 06.11.2011). – Консультант, 2012.
4. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 07.12.2011) (с изменениями и дополнениями, вступающими в силу с 12.01.2012 г.). – Консультант, 2012.
5. Закон РФ от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (ред. от 03.11.2010). – Консультант, 2010.
6. Калинин, Ю. И. Дальнейшее реформирование системы невозможно без участия общественности / Ю. И. Калинин // Преступление и наказание. – 2003. – № 12.
7. Лелюх, В. Ф. Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с неправительственными социальными институтами и организациями / В. Ф. Лелюх // Вестник Кузбасского государственного технического университета. – 2005. – № 5 (50).
8. Лелюх, В. Ф. Правовое положение лиц, отбывающих наказания / В. Ф. Лелюх. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1997. – 26 с.
9. Лелюх, В. Ф. Реформирование российской уголовно-исполнительной системы: использование международного опыта в пенитенциарной практике / В. Ф. Лелюх // Вестник Кузбасского государственного технического университета. – 2005. – № 5 (50).
10. Лелюх, В. Ф. Социальная природа и функции уголовно-исполнительной системы России (социально-теоретическое исследование) / В. Ф. Лелюх. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1999. – 24 с.
11. Лелюх, В. Ф. Теория, практика и социальная направленность международных пенитенциарных норм и правил (социально-теоретическое исследова-

ние) / В. Ф. Лелюх. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2000. – 80 с.

12. Лелюх, В. Ф. Система учреждений и органов государства, исполняющих наказания / В. Ф. Лелюх. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1997. – 46 с.

13. Матвеев, А. П. Зарождение института общественного воздействия на исполнение наказания в период становления российской пенитенциарии / А. П. Матвеев // Право: теория и практика. – 2004. – № 6.

14. Матвеев, А. П. Организация контроля общественных формирований за деятельностью уголовно-исполнительной системы / А. П. Матвеев // Право: теория и практика. – 2004. – № 16.

15. Путин, В. Реформируя УИС, мы преобразуем общество / В. Путин // Преступление и наказание. – 2000. – № 1.

16. Путин, В. Состояние УИС отражает степень цивилизованности страны / В. Путин // Преступление и наказание. – 2000. – № 3.

УДК 332.1

О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ

Т. Т. Сазанакова

TO THE QUESTION OF LAW REGULATION OF STATE PROTECTION OF THE RIGHTS OF NATIVE MINORITIES OF SIBERIA

T. T. Sazanakova

Исследование осуществлено при поддержке Федеральной целевой программы "Научные и научно-педагогические кадры инновационной России" на 2009 – 2013 гг. (государственный контракт 02.740.11.0585).

Статья раскрывает различные проблемы защиты прав коренных малочисленных народов Российской Федерации в сфере защиты их прав.

Ключевые слова: закон, народ, защита коренных малочисленных народов.

The article reveals various issues of protecting rights of native minorities in Russia and the Russian national policy in this sphere of protection.

Keywords: law, people, protection of the rights of native minorities.

Основы правового статуса коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации составляют положения Конституции Российской Федерации (ст. 9, 69, п. «м» ст. 72), Федеральный закон от 30 апреля 1999 года № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (ред. от 05.04.2009), Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации, утвержденный Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 марта 2000 года № 255 (ред. от 02.09.2010), а также Перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, утвержденный Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 апреля 2006 года № 536-р (ред. от 18.05.2010).

Конституция Российской Федерации гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации, а защита их исконной среды обитания и традиционного образа жизни находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

В развитие конституционных положений в Российской Федерации принято 3 специальных федеральных закона о правах коренных малочисленных народов, а также более 10 федеральных законов содержат отдельные статьи или группы статей. К их числу следует отнести Федеральный закон от 30 апреля 1999 года № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», Федеральный закон от 20 июля 2000 года № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», Федеральный закон от 7 мая 2001 года № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации».

Действующим законодательством Российской Федерации предусматривается ряд льгот и приоритетов для коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в местах их традиционного проживания и хозяйственной деятельности (образование общин и территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; установление особого правового режима ис-

пользования земель, особенностей водо- и лесопользования в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; обеспечение их приоритетного доступа к промысловым угодьям; получение налоговых льгот, лимитов на использование объектов животного мира и квот на вылов объектов водных биологических ресурсов; безвозмездное пользование земельными участками и так далее.

В то же время принятие названных законов не обеспечило полную и эффективную защиту прав коренных малочисленных народов. Правовое регулирование общественных отношений с участием данных народов все еще остается фрагментарным; в законодательстве содержится значительное количество пробелов, а также правовых коллизий.

Несмотря на то, что положения федеральных законов и иных нормативно-правовых актов создают определенную правовую основу для защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов, для эффективного обеспечения прав этих народов она явно недостаточна, нередко страдает существенными противоречиями и нуждается в значительном обновлении.

Сегодня законодательство о коренных малочисленных народах составляют три базовых федеральных закона, специальные правовые нормы, касающиеся коренных малочисленных народов, закреплены в Лесном, Земельном, Налоговом кодексах Российской Федерации и федеральных законах о культуре, о языках, о животном мире, о недрах, об особо охраняемых природных территориях и иные. На уровне субъектов Российской Федерации приняты нормативные правовые акты, направленные на обеспечение интересов коренных малочисленных народов.

Но многие нормы федеральных законов, направленные на обеспечение прав коренных народов, либо имеют декларативный характер, либо требуют детализации в подзаконных актах, либо отменены (в 2004 году был отменен Федеральный закон «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации») что, по сути, означает отказ государства от проведения особой, «северной», политики, учитывающей специфические особенности районов Севера, что особенно коснулось коренных малочисленных народов.

С сожалением должна констатировать, что последние годы отмечаются изъятием из федерального законодательства норм, обеспечивавших на практике реальную защиту конституционных прав аборигенов Севера. Это и принятие небезызвестных 122-го и 131-го («Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации») законов, не содержащих нормы, специально обязывающей органы местного самоуправления защищать права и законные интересы коренных малочисленных народов.

Закреплявшаяся ранее в Федеральном законе «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» система представительства коренных малочисленных народов (через установление квот в законодательных органах государственной власти субъектов Федерации и органах местного самоуправления) не была совершенна, поскольку во многом не была подкреплена достаточными юридиче-

скими механизмами ее реализации на федеральном уровне. Однако полное исключение из указанного федерального закона положений, касающихся установления квот представительства коренных малочисленных народов в законодательных органах государственной власти субъектов Федерации и представительных органах местного самоуправления, во многом снижает уровень гарантий обеспечения прав малочисленных народов.

Отсутствуют также гарантии участия представителей коренных малочисленных народов в работе исполнительных органов власти. В результате нет предпосылок для выполнения принятой Генеральной Ассамблеей ООН Декларации тысячелетия, призывающей государства обеспечить участие коренных малочисленных народов в принятии решений по насущным для них вопросам. Таким образом, наблюдается несоответствие законодательства Российской Федерации общемировым тенденциям в данной области. Существующая зарубежная практика также свидетельствует не только о допустимости, но и о принципиальной значимости установления подобных гарантий малочисленным народам. Данные пробелы российского законодательства следует устранить.

Фактически не работает принятый в 2001 году Федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». Правительством Российской Федерации не разработано типовое положение о правовом режиме таких территорий, что является постоянной темой обсуждения на любом уровне. На практике общины коренных малочисленных народов не могут закрепить за собой земельные участки с охотничье-промысловыми угодьями, оленьими пастбищами и рыбопромысловыми участками на территориях традиционного природопользования. Не имея документов на право пользования землей на указанных территориях, представители и общины коренных малочисленных народов, осуществляющие такое традиционное природопользование, не имеют возможности получить долгосрочные лицензии на право пользования объектами животного мира, разовые лицензии на промысел пушного зверя, а также квоты на вылов рыбы. Это наносит серьезный удар по жизнеспособности коренных малочисленных народов, поскольку само существование данных народов как самостоятельных этносов без традиционного природопользования едва ли возможно.

Реальная угроза для коренных народов – потери исторических земель, мест проживания и территорий традиционного природопользования: оленьих пастбищ, охотничьих угодий, рыболовных участков и участков сбора дикоросов. Земельный кодекс Российской Федерации допускает только аренду земельных участков, а это – непосильное финансовое бремя для коренных народов, даже при символических ставках арендных платежей. Попытки Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, Государственной думы Ямало-Ненецкого автономного округа, а также представителей некоторых комитетов Государственной думы и Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации добиться принятия попра-

вок, предусматривающих для коренных малочисленных народов право безвозмездного использования всех категорий земельных участков для ведения традиционного природопользования в рамках парламентских слушаний, «круглых столов», проводимых комитетами и комиссиями палат Федерального собрания Российской Федерации, пока не принесли успеха. Многочисленные обращения по данному поводу федеральных органов законодательной власти, органов государственной власти северных регионов, общественных организаций в Правительство Российской Федерации остаются без внимания.

Как заявил С. Хаючи на парламентских слушаниях «О состоянии и проблемах правового регулирования традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», проведенных 28 апреля 2011 г. Комитетом Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов, действующее федеральное законодательство, предусматривающее право пользования любыми природными ресурсами на основании результатов конкурсов и аукционов, не учитывает особых прав коренных народов, установленных нормами федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», – заявил парламентарий. Особенно остро это затрагивает область землепользования и использования объектов для охоты и рыболовства и практически сводит к нулю предусмотренные законодательством привилегии при осуществлении традиционного природопользования. Федеральный закон необходимо дополнить положениями о совершенствовании порядка образования территорий традиционного природопользования, а также ускорить разработку и принятие подзаконных нормативных правовых актов.

Поскольку подавляющее большинство земель, на которых проживают северные коренные малочисленные народы, находится в ведении Российской Федерации, весь процесс образования территорий традиционного природопользования в нашей стране оказался замороженным. Пользуясь бедственным положением коренных малочисленных народов, финансовой несостоятельностью, исторические места традиционного природопользования аборигенов, рыбохозяйственные и охотничьи угодья передают в долгосрочную аренду ресурсодобывающим, в том числе рыболовным, и другим промышленным и туристическим компаниям. С утратой земель неизбежно наступает утрата ресурсов, которые всегда составляли основу жизни аборигенов, а в настоящее время представляют интерес для бизнеса: рыба, объекты охотничьего промысла, дикоросы. Аборигены лишаются также возможности осваивать новые виды ресурсов, такие, как, например, рекреационные, составляющие основу этно- и экотуризма. В ряде случаев получившие земли аборигенов новые хозяева на кабальных условиях, за гроши принимают на работу тех же аборигенов, находящихся в безвыходном положении, становясь хозяевами их судьбы.

К потере или резкому ухудшению состояния традиционных для занятий аборигенов ресурсов ведут строительство дорог, гидроэлектростанций (они еще и лишают аборигенов мест проживания), трубопрово-

дов, использование экологически вредных транспортных средств и строительной техники различного назначения, другие виды техногенного воздействия на природу.

Упомянутый закон установил, что в случае изъятия участков, отнесенных к территориям традиционного природопользования, их прежним пользователям предоставляются равноценные земельные участки и другие природные объекты, а также возмещаются убытки, причиненные таким изъятием. А права на получение компенсации за неблагоприятное воздействие на традиционный жизненный уклад, негативные последствия для жизни и жизнедеятельности сообществ коренных народов только провозглашены, но не оформлены должным образом – нет механизма, законодательно не установлено право на получение выгод от проектов, реализуемых на их землях.

Следствием неисполнения федерального закона о территориях традиционного природопользования является то, что совершенно необходимые для самого существования малочисленных народов земли под предлогом отсутствия механизма реализации закона изымаются из ведения малочисленных народов и передаются для хозяйственного использования лицам, не имеющим отношения к коренным народам.

Все усилия в первую очередь должны быть направлены на максимально возможное предотвращение любых неблагоприятных последствий от реализуемых проектов для местного населения либо, при невозможности, необходимо принять надлежащие меры для сведения таких последствий к минимуму, их смягчения или компенсации. Определяющим при этом должно быть не возмещение материального ущерба, а сохранение вытесняемого с обычной для его проживания территории этноса. Это вопросы законодателя.

К сказанному добавим, что отсутствие правового механизма исполнения федерального закона о территориях традиционного природопользования иногда практически ставит под вопрос возможность исполнения и других законов, определяющих правовое положение северных коренных малочисленных народов. Так, общины коренных малочисленных народов, как определено Федеральным законом «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», создаются в целях защиты исконной среды обитания, традиционного образа жизни, прав и законных интересов коренных малочисленных народов. Но каждому понятно, что эти цели в полной мере не могут быть достигнуты, если общины не имеют в своем ведении соответствующих земель.

Следует также отметить, что некоторые законы, касающиеся прав коренных малочисленных народов Севера, содержат различно толкуемые понятия, при этом используется один и тот же термин; иногда положения противоречат друг другу.

Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», являющийся основой российского законодательства о правах этих народов, к сожалению, имеет существенные недостатки: в законе отсутствует однозначное и четкое определение понятия коренных малочислен-

ных народов и, по существу, общепринятого определения понятия «коренные народы» не содержится.

Противоречивостью отличаются нормы федерального земельного законодательства в области традиционного природопользования. Требуется уточнения правовое положение территорий традиционного природопользования. Статья 95 Земельного кодекса Российской Федерации относит территории традиционного природопользования к землям особо охраняемых природных территорий. В то же время статья 7 Земельного кодекса устанавливает, что в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов в случаях, предусмотренных законодательством, может быть установлен особый режим использования земель различных категорий. Таким образом, в Земельном кодексе Российской Федерации в одной статье устанавливается, что территории традиционного природопользования относятся к землям определенной категории (особо охраняемых природных территорий), в другой статье говорится о возможности их формирования на землях различных категорий. В то же время Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» только в национальных парках, расположенных в районах проживания коренного населения, допускает выделение зон традиционного экстенсивного природопользования и традиционную хозяйственную деятельность, кустарные и народные промыслы, а также связанные с ними виды пользования природными ресурсами по согласованию с дирекциями национальных парков, а на территориях государственных природных заказников, где проживают малочисленные этнические общности, допускается использование природных ресурсов в формах, обеспечивающих защиту исконной среды обитания указанных этнических общностей и сохранение традиционного образа жизни.

Статьей 8 Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» установлено, что малочисленные народы, объединения малочисленных народов в целях защиты их исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов имеют право «безвозмездно пользоваться в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов землями различных категорий, необходимыми для осуществления традиционного хозяйствования и занятия традиционными промыслами, и общераспространенными полезными ископаемыми в порядке, установленном федеральным законодательством и законодательством субъектов Российской Федерации». Лица, относящиеся к малочисленным народам, в тех же целях имеют право безвозмездно пользоваться в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов землями в порядке, установленном федеральным законодательством и законодательством субъектов Российской Федерации.

В федеральном законе о территориях традиционного природопользования содержится иная формулировка: «Использование природных ресурсов, находящихся на территориях традиционного природопользования, для жизнеобеспечения традиционного образа жизни осуществляется лицами, относящимися

к малочисленным народам, и общинами малочисленных народов в соответствии с законодательством Российской Федерации, а также обычаями малочисленных народов». В Земельном кодексе Российской Федерации по этому поводу сказано, что правила предоставления участков малочисленным народам «устанавливаются федеральным законом об обороте земель сельскохозяйственного назначения».

В федеральных законах более позднего периода, касающихся права малочисленных народов безвозмездно пользоваться землей, не упоминается, что на практике означает сокращение объема прав, а следовательно, и гарантий прав коренных малочисленных народов России. Это нарушает обязанности Российского государства как государства социального, которое не должно издавать законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина.

Поскольку нормы Земельного кодекса Российской Федерации, прямо указывающие на право малочисленных народов безвозмездно пользоваться землей, отсутствуют, представляется необходимым привести нормы кодекса в соответствие с нормами ранее принятых законов, устанавливающими право коренных народов на безвозмездное пользование землей, что соответствует нормам международного права; кроме того, необходимо устранить в земельном законодательстве противоречия относительно прав северных коренных малочисленных народов на землю.

Правовая неопределенность приводит к недопониманию установленных законом государственных гарантий и противоречиям, создает возможность свободной интерпретации правовых норм.

Литература

1. Конституция Российской Федерации // КонсультантПлюс
2. Федеральный закон от 20.07.2000 N 104-ФЗ "Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации"// КонсультантПлюс
3. Федеральный закон от 30.04.1999 N 82-ФЗ "О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации"// КонсультантПлюс
4. Федеральный закон от 07.05.2001 N 49-ФЗ "О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации"// КонсультантПлюс
5. Федеральный закон от 24.04.1995 N 52-ФЗ "О животном мире"// КонсультантПлюс
6. Федеральный закон от 14.03.1995 N 33-ФЗ "Об особо охраняемых природных территориях"// КонсультантПлюс
7. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации"// КонсультантПлюс.
8. Федеральный закон от 04.12.2006 N 200-ФЗ "Лесной кодекс Российской Федерации"// КонсультантПлюс
9. Федеральный закон от 25.10.2001 N 136-ФЗ "Земельный кодекс Российской Федерации" // КонсультантПлюс

10. Федеральный закон от 31.07.1998 N 146-ФЗ "Налоговый кодекс Российской Федерации // КонсультантПлюс

11. Федеральный закон от 19.06.1996 N 78-ФЗ "Об основах государственного регулирования социально - экономического развития Севера Российской Федерации" утратил силу с 01.01.2005 // КонсультантПлюс

12. Закон Российской Федерации от 25.10.1991 N 1807-1 "О языках народов Российской Федерации"// КонсультантПлюс

13. Закон Российской Федерации от 21.02.1992 N 2395-1 "О недрах"// КонсультантПлюс

14. Постановление Правительства Российской Федерации от 24.03.2000 N 255 "О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации"// КонсультантПлюс

15. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.04.2006 N 536-р «Об утверждении перечня коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // КонсультантПлюс.

16. <http://www.council.gov.ru/>.

АВТОРЫ ВЫПУСКА

- Алабина Татьяна Александровна** – ассистент кафедры «Финансы и кредит» КемГУ. 8-903-941-23-73, isv74@mail.ru
- Alabina Tatiana Alexandrovna** – Assistant at the Department of Finance and Credit of KemSU.
- Андреев Андрей Владимирович** – аспирант кафедры политических наук, КемГУ. 8-902-984-92-92, andreev@gtmk.kuzbass.net
- Andreev Andrey Vladimirovich** – post-graduate student at the Department of Political Sciences of KemSU.
- Анохина Наталья Васильевна** – старший преподаватель факультета романо-германской филологии Прокопьевского филиала КемГУ, соискатель кафедры общей и вузовской педагогики КемГУ. nanohina@bk.ru
- Anokhina Natalia Vasilievna** – Senior Lecturer of the Faculty of Romance and Germanic Philology of Prokopyevsk branch of KemSU, post-graduate student at the Department of General and University Pedagogy of KemSU.
- Антипов Александр Геннадьевич** – доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики и риторики, КемГУ. 8(384-2) 58-27-45
- Antipov Aleksandr Gennadyevich** – Doctor of Philology, Professor at the Department of Stylistics and Rhetoric of KemSU.
- Аракелова Александра Олеговна** – кандидат искусствоведения, доцент, заместитель директора Департамента науки и образования Минкультуры России, заслуженный работник культуры РФ. 8(495) 628-22-31, info@mkrf.ru
- Arakelova Alexander Olegovna** – Candidate of Art Criticism, Associate Professor, Deputy Director of the Department of Science and Education of the Ministry of Culture of Russia, honoured cultural worker of the Russian Federation.
- Астапенко Софья Сергеевна** – студентка 5 курса ФИИМО, КемГУ. 8 923 516 15 05, sofya_astapenko@mail.ru
- Astapenko Sofia Sergeevna** – 5th-years student of the Faculty of History and International Relations of KemSU.
- Ахнашева Инна Борисовна** – старший преподаватель, аспирант Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 8-926-214-17-46, iahpasheva@mail.ru
- Akhpasheva Inna Borisovna** – Senior lecturer, post-graduate student of N. F. Katanov Khakas State University.
- Баев Олег Валериевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории КемГУ. 8-904-375-88-96, baev@history.kemsu.ru
- Baev Oleg Valerievich** – Candidate of History, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Russian History of KemSU.
- Белянин Дмитрий Николаевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной истории, теории и истории культуры Кузбасского государственного технического университета. 8(384-2)35-32-81, kafedra.kem@mail.ru
- Belyanin Dmitry Nikolaevich** – Candidate of History, senior lecturer at the Department of Russian History, Theory and History of Culture of Kuzbass State Technical University.
- Блинов Алексей Владимирович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, КемГУ. 8(384-2)58-06-01, blinov_alexey_vlad@mail.ru
- Blinov Aleksey Vladimirovich** – Candidate of History, Associate Professor at the Department of Russian History of KemSU.
- Бобриков Валерий Николаевич** – доктор педагогических наук, профессор, декан факультета экономики и сервиса Кузбасского государственного технического университета. 8 (3842) 58-54-74, bvn@kuzstu.ru
- Bobrikov Valery Nikolaevich** – Doctor of Pedagogics, Professor, Dean of the Faculty of Economics and Service of Kuzbass State Technical University.
- Бондарев Николай Сергеевич** – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой «Информационные системы в экономике» Кемеровского государственного сельскохозяйственного института. 8(3842) 75-46-69, 05bns09@mail.ru
- Bondarev Nikolay Sergeevich** – Candidat of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Information Systems in Economy of Kemerovo State Agricultural Institute.

- Бондарева Галина Сергеевна** – аспирант кафедры экономической теории и правовых отношений Кемеровского государственного сельскохозяйственного института. 8(923) 600-80-20, galina0205@mail.ru
- Bondareva Galina Sergeevna** – post-graduate student at the Department of Economic Theory and Legal Relations of Kemerovo State Agricultural Institute.
- Борисенко Елена Николаевна** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков КемГУ. 8-905-069-48-38, ana995@yandex.ru
- Borisenko Elena Nikolaevna** – Candidate of Pedagogics, Assistant Professor at the Department of Foreign Languages of KemSU.
- Брель Елена Юрьевна** – кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления Кузбасского государственного технического университета. 8-905-960-52-07, brelelena@mail.ru
- Brel Elena Yurievna** – Candidate of Psychology, Associate Professor, Head of the Department of State and Municipal Management of Kuzbass State Technical University.
- Волков Николай Алексеевич** – кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления КузГТУ. 8(3842) 75-43-29, ombudsman@mail.ru
- Volkov Nikolay Alekseevich** – Candidate of Philosophy, Assistant Professor, Professor at the Department of State and Municipal Management of Kuzbass State Technical University
- Волчек Владимир Алексеевич** – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории факультета истории и международных отношений, КемГУ. 8 (384-2) 45-04-57, VolchekSND@mail.ru
- Volchek Vladimir Alekseevich** – Doctor of History, Professor at the Department of Russian History of KemSU.
- Гаврилов Евгений Олегович** – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний РФ (г. Новокузнецк). 8-9089594682 Gavrilich@yandex.ru
- Gavrilov Evgeniy Olegovich** – Candidate of Philosophy, senior lecturer at the Department of Public Law Disciplines of Kuzbass Institute of the Russian Federation Federal service of Execution of Punishment (Novokuznetsk).
- Генина Елена Сергеевна** – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новейшей отечественной истории, КемГУ. 8(384-2)58-40-16, whitesiberia@narod.ru
- Genina Elena Sergeevna** – Doctor of History, Associate Professor, Professor at the Department of Modern Russian History of KemSU.
- Гизей Юлия Юрьевна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, КемГУ. 8(3842)58-33-97, gizey@kemsu.ru
- Gizej Yuliya Yurievna** – Candidate of History, Associate Professor at the Department of Russian History of KemSU.
- Данилов Николай Николаевич** – доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой математической кибернетики, декан математического факультета КемГУ 8(3842) 543418, danilovnn@kemsu.ru
- Danilov Nikolay Nikolaevich** – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Dean of the Mathematical Faculty, Head of the Department of Mathematical Cybernetics of KemSU.
- Джаманова Наталья Владимировна** – аспирант Алтайской государственной педагогической академии, кафедра английской филологии (г. Барнаул), ст. преподаватель кафедры иностранных языков Новосибирской государственной академии водного транспорта. 8-913-713-51-04, livetolive@rambler.ru
- Dzhamanova Natalia Vladimirovna** – post-graduate student at the Department of English Philology of Altai State Pedagogical Academy (Barnaul), Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages of Novosibirsk State Academy of Water Transport.
- Дорофеев Михаил Васильевич** – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и методики преподавания истории Кузбасской государственной педагогической академии. 8-961-706-53-01, natdor13@mail.ru
- Dorofeev Mikhail Vasilyevich** – Doctor of History, Professor at the Department of Russian History and Methods of Teaching History of Kuzbass State Pedagogical Academy.
- Егле Людмила Юрьевна** – кандидат культурологии, начальник научного управления, доцент кафедры теории и истории народной художественной культуры КемГУКИ.
- Egle Ludmila Yurievna** – Candidate of Culturology, Head of Scientific Department, Associate Professor of the Department of Theory and History of Folk Art Culture of Kemerovo State University of Culture and Arts.

- Ерёмин Виталий Валерьевич** – старший преподаватель кафедры иностранных языков факультета романо-германской филологии КемГУ.
Eremin Vitaly Valerievich – Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages of the Faculty of Romance and Germanic Philology of KemSU.
 8-906-922-90-67,
Eremin_06@mail.ru
- Ермолаев Алексей Николаевич** – кандидат исторических наук, доцент КемГУ; старший научный сотрудник Института экологии человека СО РАН.
Yermolaev Alexei Nikolaevich – Candidate of history, Associate Professor of KemSU; senior researcher at the Institute for Human Ecology of the Siberian Branch of the RAS.
 8-903-946-21-20,
al-ermolaev@yandex.ru
- Жигалова Ирина Александровна** – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления Кузбасского государственного технического университета.
Zhigalova Irina Aleksandrovna – Doctor of Pedagogis, Professor, Head at the Department of State and Municipal Management of Kuzbass State Technical University.
 8 (3842) 39-63-03,
zhigalova_irina@mail.ru
- Жуков Родион Сергеевич** – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретических основ физической культуры КемГУ.
Zhukov Rodion Sergeevich – Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Head at the Department of Theoretical Foundations of Physical Education of KemSU.
 3842-58-23-56,
tofk@kemsu.ru
- Заушиницна Александра Васильевна** – доктор биологических наук, профессор кафедры ботаники, КемГУ.
Zaushintsena Alexandra Vasilevna – Doctor of Biology, Professor at the Department of Botany of KemSU.
 8-923-606-38-85,
alexaz58@yandex.ru
- Звягин Сергей Павлович** – доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории, КемГУ.
Zvyagin Sergey Pavlovich – Doctor of History, Professor at the Department of Modern Russian History of KemSU.
 8-384-2-58-40-16,
whitesibera@narod.ru
- Зеленин Алексей Анатольевич** – доктор политических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории, КемГУ.
Zelenin Alexey Anatolievich – Doctor of Political Science, Professor at the Department of Modern Russian History of KemSU.
 8(384-2) 58-21-53,
zelenin@kemsu.ru
- Зеренкова Наталья Борисовна** – аспирант биологического факультета, КемГУ.
Zerenkova Natalja Borisovna – post-graduate student at the Faculty of Boilogy of KemSU.
 8-904- 375-59-12,
alexaz58@yandex.ru
- Зинякова Валентина Михайловна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, КемГУ.
Zinyakova Valentina Mikhailovna – Candidate of History, Associate Professor at the Department of Russian History of KemSU.
 8(3842) 51-52-64,
valentinam52@mail.ru
- Золотухин Владимир Михайлович** – доктор философских наук, доцент, зав. кафедрой социологии, политических отношений права, КузГТУ.
Zolotukhin Vladimir Mikhaylovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of Department of Sociology, Political Relations and the law of Kuzbass State Technical University.
 8-905-067-16-63,
zvm64@mail.ru
- Ильяшенко Вадим Борисович** – кандидат биологических наук, доцент кафедры зоологии и экологии, КемГУ.
Ilyashenko Vadim Borisovich – Candidate of Biology, Associate Professor at the Department of Zoology and Ecology of KemSU.
 8(3842)58-07-46,
vadilj@kemsu.ru
- Исакова Екатерина Геннадьевна** – аспирант кафедры отечественной истории, КемГУ.
Isakova Ekaterina Gennadievna –post-graduate student at the Department of Russian History of KemSU.
 8-951-572-96-14,
katrinisakova@yandex.ru
- Казаков Евгений Фёдорович** – доктор культурологии, профессор кафедры филологии, КемГУ.
Kazakov Evgeni Fedorovich – Doctor of Cultural Studies, Professor at the Department of Philosophy of KemSU.
 8(3842) 64-63-08?
kemcitykazakov@mail.ru
- Карагодин Александр Александрович** – аспирант кафедры общего и русского языкознания Алтайской государственной педагогической академии.
Karagodin Alexander Alexandrovich – post-graduate student at the Department of General and Russian Linguistics of Altai State Pedagogical Academy .
 8-923-718-33-67,
Karago.S@yandex.ru
- Карпинец Алексей Юрьевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории, КемГУ.
Karpinets Alexiyy Jurevich – Candidate of History, Associate Professor at the Department of Modern Pussian History of KemSU.
 8(384 2) 58 40 16,
naukarpinets@mail.ru

- Киуру Константин Валерьевич** – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной коммуникации Уральского государственного университета физической культуры. 8-912-891-37-14, kkiuru@mail.ru
- Kiuru Konstantin Valerievich** – Doctor of Philology, Professor, Head at the Department of Social Communication of Ural State University of Physical Culture.
- Ковалевский Александр Викторович** – аспирант кафедры зоологии и экологии КемГУ, инженер биостанции «Ажendarovo». 8(3842)58-07-46, passer125@yandex.ru
- Kovalevsky Alexander Viktorovich** – post-graduate student at the Department of Zoology and Ecology of KemSU, engineer at the "Azhendarovo" biological station.
- Козырев Олег Юрьевич** – соискатель кафедры экономической теории, КузГТУ им. Т.Ф. Горбачева. (3842) 25-49-90
- Kozyrev Oleg Yurievich** – post-graduate student at the Department of Economic Theory of T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University.
- Кондратьев Максим Валерьевич** – аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики, КемГУ. 8-913-286-99-23, kondratev_83@mail.ru
- Kondratiev Maksim Valerievich** – post-graduate student at the Department of Criminal Process and Criminalistics of KemSU.
- Косинский Петр Дмитриевич** – доктор экономических наук, заведующий кафедрой налогообложения, предпринимательства и права, КемГУ. 8(3842) 58-08-92, krishtof1948@mail.ru
- Kosinskiy Pete Dmitrievich** – Doctor of Economics, Head at the Department of Taxation, Business and Law of KemSU.
- Курачев Олег Валерьевич** – кандидат философских наук, Москва. ovkurachev@mail.ru
- Kurachev Oleg Valerievich** – Candidate of philosophy (Moscow).
- Лавров Александр Михайлович** – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой маркетинга, КемГУ. 8-384-2-36-85-02, lavrov@kemsu.ru
- Lavrov Alexander Mikhailovich** – Doctor of Economics, Professor, Head at the Department of Marketing of KemSU
- Леванов Анатолий Дмитриевич** – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории экономического факультета, КемГУ. 8(3842) 58-17-35, bash@kemsu.ru
- Levanov Anatoly Dmitrievich** – Doctor of Economics, Professor at the Department of Economic Theory of KemSU.
- Лелюх Владимир Федорович** – доктор социологических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса Кемеровского института (филиала) РГТЭУ. 8-903-071-67-75
- Lelyukh Vladimir Fedorovich** – Doctor of Sociology, Professor at the Department of Criminal Law and procedure of Kemerovo Branch of Russian State University of Trade and Economics.
- Леухова Мария Геннадьевна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории, КемГУ. 8(384-2) 58-39-39, cno@kemsu.ru
- Leukhova Maria Gennadievna** – Candidate of History, Associate Professor at the Department of Modern Russian History of KemSU.
- Литвак Анна Игоревна** – кандидат экономических наук, ассистент кафедры общей и региональной экономики, КемГУ.
- Litvak Anna Igorevna** – Candidate of Economics, Assistant at the Department of General and Regional Economy of KemSU.
- Макаrchuk Сергей Владимирович** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культуры России, КемГУ. 8-384-2-31-14-16, makar@kemsu.ru
- Makarchuk Sergey Vladimirovich** – Doctor of History, Professor at the Department of History and Culture of Russia of KemSU.
- Малахов Илья Сергеевич** – аспирант кафедры политических наук, КемГУ. 8-909-620-85-70
- Malakhov Ilya Sergeevich** – post-graduate student at the Department of Political Sciences of KemSU.
- Мартынов Анатолий Иванович** – доктор исторических наук, профессор кафедры музейного дела Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 8 (3842) 35-94-07, prof_martynov@mail.ru
- Martynov Anatoly Ivanovich** – Doctor of History, Professor at the Department of Museology of Kemerovo State University for Culture and Arts.
- Месеняшина Людмила Александровна** – кандидат филологических наук, доктор педагогических наук, профессор кафедры русского языка Челябинского государственного университета. (351) 264-12-68, imesenyashina@mail.ru
- Mesenyashina Ludmila Alexandrovna** – Candidate of Philology, Doctor of Pedagogic, Professor at the Department of Russian Language of Chelyabinsk State University.

- Михайлов Юрий Иннокентьевич** – профессор кафедры истории и культуры России, КемГУ. 8(3842) 58-05-87, hiscult@mail.ru
- Mikhailov Yuri Innokentievich** – Professor at the Department of History and Culture of Russia of KemsU.
- Михальченко Вадим Владимирович** – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической теории, КузГТУ им. Т. Ф. Горбачева. 8-923-610-63-28, v.mikhalchenko@mail.ru
- Mikhalchenko Vadim Vladimirovich** – Doctor of Economics, Associate Professor, Professor at the Department of Economic Theory of T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University.
- Морозов Николай Михайлович** – кандидат исторических наук, ведущий инженер лаборатории истории Южной Сибири, Институт экологии человека СО РАН, г. Кемерово. 8-905-969-57-74, oven.777@mail.ru
- Morozov Nikolai Mikhailovich** – Candidate of History, Senior Engineer at the Laboratory of South Siberia History of the Institute of Human Ecology Siberian Branch of the RAS (Kemerovo).
- Насонов Александр Александрович** – заведующий сектором научных программ и инновационных проектов научного управления, преподаватель кафедры музейного дела Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 8 (3842) 35-94-07, nas-alex-alex@rambler.ru
- Nasonov Alexander Alexandrovich** – Head of the Sector of Science programmes and Innovation Projects of the Scientific Department, Lecturer at the Department of museology of Kemerovo State University for Culture and Arts.
- Невзоров Борис Павлович** – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой современного естествознания, КемГУ. nevzorov@kemsu.ru
- Nevzorov Boris Pavlovich** – Doctor of Pedadocis, Professor, Head at the Department of Modern Natural Science of KemsU.
- Овчаров Александр Андреевич** – доктор философских наук, профессор кафедры философии, КемГУ. 8(3842) 73-62-19? AlexOvc2001@yandex.ru
- Ovcharov Alexander Andreevich** – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophy of KemsU.
- Осипова Светлана Ивановна** – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой высшей математики Сибирского федерального университета. 8(391)206-37-45, osisi@yandex.ru
- Osipova Svetlana Ivanovna** – Doctor of Pedagogics, Professor, Head at the Department of Higher Mathematics of Siberian Federal University.
- Павлов Андрей Михайлович** – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории литературы и зарубежных литератур, КемГУ. 8(3842) 36-62-21, 12312@rambler.ru
- Pavlov Andrey Mikhailovich** – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Theory of the Literature and Foreign Literatures of KemsU.
- Петрунина Светлана Петровна** – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и литературы Кузбасской государственной педагогической академии. 8(3843) 76-25-29, nad514@yandex.ru
- Petrulina Svetlana Petrovna** – Doctor of Philology, Professor, Head at the Department of Russian language and Literature of Kuzbass State Pedagogical Academy.
- Поликарпова Лада Александровна** – кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга, КемГУ. 8-384-2-36-85-02, lavrov@kemsu.ru
- Polikarpova Lada Alexandrovna** – Candidate of Economics, Associate Professor at the Department of Marketing of KemsU.
- Попова Елена Юрьевна** – аспирант, ассистент кафедры экономической теории, КемГУ. 8-913-430-05-79, svetlena-eternal@mail.ru
- Popova Elena Yurievna** – post-graduate student, Assistant at the Department of Economic Theory of KemsU.
- Пьянкова Людмила Алексеевна** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин филиала Кузбасского государственного технического университета в г. Новокузнецке. duby.ludmila@yandex.ru
- Piankov Lyudmila Alekseevna** – Candidate of Pedagogics, Associate Professor at the Department of Humanities and Social Sciences of Novokuznetsk Branch of Kuzbass State Technical University.
- Ратушная Яна Юрьевна** – соискатель кафедры истории и культуры России, КемГУ. 8(3842) 58-23-56, yana_27.09_ratushnaya@mail.ru
- Ratushnaya Yana Yurievna** – post-graduate student at the Department of History and Culture of Russia of KemsU.

- Рубаник Юрий Тимофеевич** – доктор технических наук, старший научный сотрудник, профессор кафедры государственного и муниципального управления, КузГТУ им. Т. Ф. Горбачева. 8(3842) 39-63-03, rubanik@nm.ru.
- Rubanik Yury Timofeevich** – Doctor of Technical Sciences, Senior Researcher, Professor at the Department of Government and Municipal Management of T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University.
- Сазанакова Татьяна Терентьевна** – аспирант Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, специалист 1 разряда юридического отдела Управления Федерального казначейства по Красноярскому краю. 8-913-541-25-79, Tanya-ts2511@ya.ru
- Sazanakova Tatyana Terentevna** – post-graduate student at N. F. Katanov Khakas State University, 1st-rank specialist of the Legal Department of the Federal Treasury in Krasnoyarsk.
- Семиколонов Максим Владимирович** – аспирант Кузбасской государственной педагогической академии. 8-913-335-37-40, semicole-nov.max.ru2010@yandex.ru.
- Semikolenov Maksim Vladimirovich** – post-graduate student at Kuzbass State Pedagogical Academy.
- Скалон Николай Васильевич** – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой зоологии и экологии, КемГУ. 8(3842) 58-07-46, nskalon@kemsu.ru
- Skalon Nikolay Vasilievich** – Doctor of Pedagogics, Professor, Head at the Department of Zoology and Ecology of KemSU.
- Скалон Татьяна Николаевна** – магистрант кафедры физиологии человека и животных и валеологии, КемГУ. 8(3842) 58-07-46, bios@kemsu.ru
- Skalon Tatiana Nikolaevna** – Master Degree student at the Department of Human and Animal Physiology and Valeology of KemSU.
- Строилова Алевтина Георгиевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода факультета романо-германской филологии, КемГУ. +7 913 288 4688, 310061@mail.ru
- Stroilova Alevtina Georgievna** – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Interpretation of Translation of KemSU.
- Сурнин Владимир Сергеевич** – доктор экономических наук, профессор кафедры общей и региональной экономики, КемГУ. 8(3842) 75-47-26, region@kemsu.ru
- Surnin Vladimir Sergeevich** – Doctor of Economics, Professor at the Department of General and Regional Economy of KemSU.
- Терехов Олег Эдуардович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений, КемГУ. 8-384-2-58-06-01, terehov1968@mail.ru
- Terekhov Oleg Eduardovich** – Candidate of History, Associate Professor at the Department of Modern and Contemporary History and International Relations of KemSU.
- Толстых Елена Викторовна** – старший преподаватель кафедры социально-культурный сервис и туризм КузГТУ, соискатель кафедры общей и региональной экономики КемГУ.
- Tolstykh Elena Viktorovna** – Senior Lecturer at the Department of Socio-Cultural Service and Tourism of Kuzbass State Technical University, post-graduate student at the Department of General and Regional Economy of KemSU.
- Трофимова Елена Борисовна** – доктор филологических наук, профессор кафедры восточных языков и методики преподавания иностранных языков ФГБОУ ВПО «Алтайская государственная академия образования им. В. М. Шукшина». eltrofimova@mail.ru
- Trofimova Elena Borisovna** – Doctor of Philology, Professor at the Department of Oriental Languages and Methods of Teaching Foreign Languages of V. M. Shukshin Altay State Educational University.
- Трушина Галина Семеновна** – доктор экономических наук, профессор кафедры отраслевой экономики, КузГТУ. 8-905-969-98-53, lilia.au@mail.ru
- Trushina Galina Semenovna** – Doctor of Economics, Professor at the Department of Industrial Economics of Kuzbass State Technical University.
- Тукмакова Оксана Петровна** – старший преподаватель кафедры теории и практики перевода факультета романо-германской филологии, КемГУ. +7 913 299 1930? otukmakova@yahoo.com
- Tukmakova Oksana Petrovna** – Senior Lecturer at the Department of Interpretation and Translation of KemSU.
- Усачев Василий Анатольевич** – аспирант межвузовской кафедры общей и вузовской педагогики, КемГУ. 3842-72-41-92, anatolich678@mail.ru
- Usachev Vasily Anatolievich** – post-graduate student at the Department of General and University Pedagogy of KemSU.

Ултурсгашева Надежда Торжуевна – доктор культурологии, профессор, заслуженный работник культуры Тывы, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры КемГУКИ.

Ulturgasheva Nadezhda Torzhuevna – Doctor of Culturology, Professor, Honored Worker of Culture of Tyva, Head of the Department of Theory and History of Folk Art Culture of Kemerovo State University of Culture and Arts.

Федулова Елена Анатольевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита, КемГУ.

8-904-372-06-99,
fedulovaea@mail.ru

Fedulova Elena Anatolievna – Candidate of Economics, Associate Professor at the Department of Finance and credit of KemSU.

Филиппов Валерий Леонидович – кандидат педагогических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, ректор Луганского государственного института культуры и искусств.

8 (0642) 59-02-62,
lugiki@ua.fm

Filippov Valery Leonidovich – Candidate of Pedagogic, Professor at the Department of Socio-Humanitarian Disciplines, Rector of Lugansk State Institute for Culture and Arts.

Фомин Андрей Геннадьевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики перевода, КемГУ.

8-903-993-34-44,
andfomin67@mail.ru

Fomin Andrey Gennadyevich – Doctor of Philology, Professor, Head at the Department of Interpretation and Translation of KemSU.

Фоминская Светлана Петровна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Кемеровского государственного сельскохозяйственного института.

8-913-304-63-50,
ana@kuzbass.net

Fominskaya Svetlana Petrovna – Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages of Kemerovo State Agricultural Institute.

Халяпина Людмила Петровна – доктор педагогических наук, профессор кафедры английской филологии № 1, КемГУ.

8(384-2)58-62-62,
lhalapina@bk.ru

Khalyapina Ludmila Petrovna – Doctor of Pedagogic, Professor at the Department of English Philology No. 1 of KemSU.

Хренова Анна Викторовна – преподаватель кафедры иностранных языков, СибГИУ.

8(3843) 78-43-97,
nvkz-anna@rambler.ru

Khrenova Anna Viktorovna – lecturer at the Department of Foreign Languages of Siberian State Industrial University

Цепелева Наталья Викторовна – кандидат филологических наук, корректор ЗАО "Алтайвитамины".

natali8885@mail.ru

Tsepeleva Natalia Viktorovna – Candidate of philology, proofreader at the Limited Liability Company «Altaivitaminy».

Шарафутдинова Олеся Ильясовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка, Челябинский государственный университет.

8-905-838-79-65,
gadkie_lebedi@mail.ru

Sharafutdinova Olesya Ilyasovna – Candidate of Philology, Senior Lecturer at the Department of Russian Language of Chelyabinsk State University.

Шкуропацкая Марина Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Алтайской государственной академии образования имени В. М. Шукшина.

marina-shkuropac@mail.ru

Shkuropatskaya Marina Gennadiyevna – Doctor of Philology, Professor, Professor at the Department of Russian Language of V. M. Shukshin Altai State Education Academy.

Щенников Владимир Петрович – доктор философских наук, профессор кафедры философии, КемГУ.

8(3842) 31-14-20,
logos@mail.ru

Shchennikov Vladimir Petrovich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophy of KemSU.

Щипачев Михаил Сергеевич – соискатель кафедры отраслевой экономики, КузГТУ.

lilia.au@mail.ru

Shchipachev Mikhail Sergeevich – post-graduate student at the Department of Industrial Economics of Kuzbass State Technical University.

Янченко Инна Валериевна – аспирант, ассистент кафедры математических и естественно-научных дисциплин Хакасского технического института – филиала СФУ.

8(983)262-94-48,
inna-wind@mail.ru

Yanchenko Inna Valerievna – post-graduate student, assistant at the Department of Mathematical and Natural Sciences of Khakas Technical Institute –Branch of Siberian Federal University.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Для публикации в журнале «Вестник КемГУ» принимаются статьи, в которых отражаются результаты актуальных фундаментальных и прикладных научных исследований, передовых наукоемких технологий, научных и научно-методических работ, посвященных проблемам высшего образования, развитию науки в высшей школе и соответствующие тематике журнала.

Со второго полугодия 2004 г. производится подписка на журнал (индекс 42150 по каталогу «Пресса России», 51944 по каталогу российской прессы «Почта России»). Электронная версия журнала представлена на сайте <http://www.kemsu.ru/science/bulletin.htm>. С 2008 г. полнотекстовая версия журнала в открытом доступе представлена в Научной электронной библиотеке (eLIBRARY.RU) и включена в реферативную базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА В РЕДАКЦИЮ

1. Текст статьи представляется в редакцию на русском языке, на электронном носителе, проверенном на отсутствие вирусов, в виде файла с расширением .doc, построенного средствами Microsoft Word 97-2003 или последующих версий, и одного печатного экземпляра на стандартных листах формата 210x297 мм. Иногородние авторы могут представлять указанные материалы по электронной почте gos@kemsu.ru. Электронная версия должна быть идентична распечатанному тексту, в случае расхождения за основу берется печатный вариант.

2. Авторам материалов естественнонаучного направления необходимо дополнительно предоставить экспертное заключение о возможности опубликования в открытой печати. Бланк экспертного заключения для авторов, являющихся сотрудниками КемГУ, представлен в приложении 1 на сайте.

3. Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование, где анализируются актуальность темы, научная новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала и публикуются по решению редакционного совета журнала.

4. Редакция имеет право проводить сокращения и редакционные изменения текста рукописей.

5. Работы общественно-публицистического характера к рассмотрению и публикации не принимаются.

6. Представленные статьи могут быть возвращены автору на доработку или отклонены из-за несоответствия профилю журнала, неприемлемого объема, отрицательного итога экспертизы или несоблюдения правил оформления. Рукописи, не принятые к публикации, авторам не высылаются. Гонорар за опубликованные статьи не выплачивается.

7. Не допускается свыше двух публикаций одного автора в одном номере журнала.

8. Статьи аспирантов печатаются в журнале бесплатно при наличии справки из отдела аспирантуры.

9. Сторонние авторы оплачивают публикацию статьи только после получения от редакции согласия на публикацию.

10. Представление оригинальной статьи к публикации в «Вестнике КемГУ» означает согласие авторов на передачу права автора на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

СТРУКТУРА СТАТЬИ

1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК).
2. Название статьи.
3. Инициалы и фамилия автора (авторов).
4. Аннотация/реферат.
5. Ключевые слова.
6. Текст статьи с таблицами, рисунками, формулами.
7. Список литературы.
8. Публикуемые сведения об авторе (авторах): фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; должность, место работы; служебные или домашние телефоны, адрес электронной почты (e-mail).

ПРАВИЛА К ОФОРМЛЕНИЮ

1. Текст набирается шрифтом Times New Roman, размер шрифта 10, межстрочный интервал – 1; поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 2,5 см, красная строка – 0,6 см; без колонтитулов и нумерации страниц; без сносок, ориентация – книжная (допустима, но нежелательна альбомная ориентация для отдельных страниц), перенос слов в документе – автоматический.

2. В верхнем левом углу указывается индекс УДК.

3. Заголовок статьи (не более 3 строк) необходимо предоставить на русском и английском языках, прописными буквами, размер шрифта – 10, жирный, по центру.

4. Инициалы и фамилия автора (авторов через запятую) – строчными буквами, размер шрифта 10, полужирный, курсив.

5. Статья должна быть снабжена аннотацией и ключевыми словами (рекомендуемое количество ключевых слов – 5 – 7) на русском и английском языках.

6. При вставке формул использовать только Microsoft Equation (встроенный редактор формул Microsoft

Office), расположение формул на странице – по центру. Нумеровать рекомендуется лишь формулы, на которые имеются ссылки. Например:

$$J_g^+ : g = \begin{cases} \text{Re}(z_1)i + \text{Im}(z_1/z_2)j + \\ + |z_1|^2 - |z_2|^2 k \mid z_2 \neq 0, \\ k \mid z_2 = 0. \end{cases} \quad (12)$$

7. Рисунки, вставленные в документ, должны допускать перемещение в тексте и возможность уменьшения размеров. Допустимо представление рисунков отдельными файлами формата *Jpg*. Рисунки необходимо представлять в черно-белой палитре. Рисунки и подписи к ним располагаются непосредственно в тексте; желательно при размещении таблиц и рисунков не делать разрыва страницы, так как это затрудняет компьютерную верстку сборника. Нумерация – подрисуночная по центру.

Например: *Рис. 5. Элементарная ячейка кубического перовскита*

8. Таблицы нумеруются, если их число более одной:

Таблица I

Динамика изменения объема продаж продавцов-консультантов

9. Ссылки на цитируемую литературу приводятся в квадратных скобках (ГОСТ 7.0.5.2008).

Например: ссылка на полный текст документа [6]; ссылка на фрагмент текста документа [6, с. 24 – 28].

10. Сокращения в тексте – по ГОСТ 7,12 – 93. Допускается использование аббревиатур.

11. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера) в алфавитном порядке, предваряется словом «Литература» и оформляется по ГОСТ 7.1-2003. Под одним номером допустимо указывать только один источник.

12. Примечания оформляются в виде сносок на каждой странице, а не в конце статьи.

13. В конце текста статьи указываются: **полное название учреждения, где выполнено исследование, фамилии, имена и отчества (полностью), ученая степень, звание, должность, место работы**, номера контактных телефонов, адрес электронной почты всех авторов (**на русском и английском языках**).

14. На последней странице статьи должны быть подписи всех авторов.

15. Рекомендуемый объем статьи, включая аннотацию и список литературы, 4 – 7 страниц компьютерного набора формата А4 (210х297 мм).

ОБРАЗЕЦ НАБОРА

УДК 14(470+571) «18/19»

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА ОТЕЧЕСТВЕННОГО ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ В XIX В.

В. И. Красиков

A PROBLEM OF SUBJECTS OF RUSSIAN PHILOSOPHIZING IN XIX CENTURY

V. I. Krasikov

В статье исследуются социальные и ментальные особенности отечественных философов XIX столетия. Автор выявляет их обусловленность со стороны материальных и культурных ресурсов, образа жизни, стремится продемонстрировать как эти черты сказывались на стиле, интенсивности и приоритетах в философских занятиях.

The article is investigated the social and mental peculiarities of Russian philosophers of XIX century. The author explains their source and strives to demonstrate their influence upon a style, intensity and priority of philosophizing.

Ключевые слова: русская философия XIX века, особенности аристократического и демократического образа жизни и мышления в их влиянии на интеллектуальные построения.

Keywords: Russian philosophy of XIX century, the peculiarities of noble and democratic style of life and thinking and their influence upon intellectual constructions.

Текст...

Литература...

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, профессор кафедры философии юридического факультета, КемГУ.

Krasikov Vladimir Ivanovich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophy at the Faculty of Law of Kemsu.

E-mail: krasikov1958@yahoo.com

РЕКВИЗИТЫ РЕДАКЦИИ

Почтовый адрес: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет» (КемГУ), 650043, Кемерово, ул. Красная, 6, Редакция журнала «Вестник КемГУ».

Электронный адрес: [gos\(@\)kemsu.ru](mailto:gos(@)kemsu.ru), vestnik@kemsu.ru **телефон:** 8(384-2) 58-80-24.

УСЛОВИЯ ОФОРМЛЕНИЯ ПОДПИСКИ

- Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год. Минимальный период подписки – 3 месяца (1 выпуск).
- Подписка проводится через отделения связи по объединенному каталогу «Пресса России» по индексу 42150, по каталогу российской прессы «Почта России» по индексу 51944.
- Стоимость подписки через подписные агентства указана в соответствующих каталогах.

Редакция журнала
приглашает авторов к сотрудничеству

Подробная информация на сайте издателя:

<http://www.kemsu.ru/science/bulletin.htm>

Подписано к печати 20.07.2012 г. Формат А 4.
Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Усл. печ. л. – 31,87. Уч.- изд. л. – 29,48.
Тираж 500 экз. Заказ № _____
Цена свободная.

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет»
650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, <http://kemsu.ru>

Отпечатано в ООО ПК «ОФСЕТ». 650001, Кемерово, ул. 40 лет Октября, 1б.